

Драко

Там, где нет птиц

Научно-фантастический роман-диалогия

НА СВЕТЕ ЕСТЬ МНОГОЕ, РАДИ ЧЕГО Я ГОТОВ УМЕРЕТЬ, НО НЕТ ТАКОГО, ЗА ЧТО Я ГОТОВ УБИТЬ.

ГАНДИ

Книга I

Часть 1

Пролог

МЫ СНИМСЯ ПЛАНЕТЕ – СО ВСЕМ НАШИМ ВИЗГОМ,
С ТОННЕЛЕМ МЕТРО, С БУРОВОЙ УСТАНОВКОЙ,
С РЕКЛАМОЙ, ГДЕ КИСКА, И МИСКА, И ВИСКАС,
С УХМЫЛКОЙ НАЧАЛЬСТВА, ГНИЛОЙ И САНОВНОЙ,
С БУКЛЕТОМ СВЯТОШИ, С КОЛГОТКАМИ ШМАР...
МЫ СНИМСЯ ПЛАНЕТЕ, КАК ДАВНИЙ КОШМАР.

Г.Л.Олди

Грохот вспорол небо, и она побежала от слепящего Зверя, что, в мгновение, сделал Солнце тусклым. Она бежала, а камни кидались под ноги, кусты тянулись к ней тлеющими ветвями, и она бросалась из стороны в сторону, и слышала, как стонут тысячелетние деревья, ломавшиеся под натиском Зверя, будто хрустальные одуванчики. Жар настиг ее, и она закричала, и упала, но вновь поднялась, трепещущая, утратившая мечты.

Воздух жег ее изнутри, сознание мутилось, и она бросилась с обрыва в океан, но океана больше не было. Она встала, плача, и хромая продолжила бег, а небо сходило с ума, мир неистово бился в агонии. Новый удар расплескал землю, она вскрикнула. Страх лишил ее сил оглянуться, но она чувствовала, как Зверь мчится следом, видела его запах, слышала масло, стекавшее с оскаленных жвал. Камни метнулись к лицу, она упала в трещину и сжалась, когда Зверь пронесся совсем рядом, опалив ее жаром, исторгнув из души вопль.

Шатаясь, она поднялась. Пепельная равнина окатила ужасом, отняла последние силы, и она рухнула на колени в горячий прах. Позади, ее уничтоженный рай погибал во чреве ненасытного пламени, и Зверь уже озирался в поисках новой добычи, и она твердо знала, что это – конец, и дальше сражаться бессмысленно, но все равно трепетала, тянулась во тьму опаленной надеждой.

– Я здесь! – ее схватили за плечи, прижали к груди. – Я здесь!

Она закричала, ее обняли крепче.

– Не бойся! Не бойся, родная!

Слезы. Как в этом огненном мире сохранились холодные слезы?.. Она зарыдала, а руки любимого ласкали ее, его тень закрывала от жгущего неба, голос побеждал нарастающий гул.

– Не бойся, не бойся, не бойся... Я здесь...

Она не хотела открывать глаза.

– Ты успел, – шепнули ее губы. Она прижалась к его трепещущей груди. – Теперь не страшно. Мы уйдем вместе. Я не боюсь.

– Нет! – он схватил ее за плечи, с безумной лаской заглянул в лицо. – Мы не уйдем, любимая! Слышишь? Не уйдем!

Она захлебнулась надеждой.

– Я почти... Почти поверила... Что ты не успеешь... – огненный Зверь близился, жар его дыхания испарял слезы.

– Мы не уйдем, – ласково шепнул родной голос. – Не плачь, любимая, не плачь... Нас вспомнят, а значит, мы будем жить. Мы еще увидим свет звезд, родная, мы пронесемся над озерами и будем пить рассветный нектар, радужным блеском я украшу твои ресницы и смех прозвенит в лунной песне...

Она улыбнулась, и продолжала улыбаться, даже когда огненный Зверь с неистовым, алкающим воплем растерзал их тела, всемогущий в своей ярости, бессильный против крохотной улыбки.

И Зверь, осознав это, закричал в смертной муке, но его было некому слышать. Некому обнять и шепнуть – «Я здесь».

Глава 1

Хоакин ни Эрре Альварес Нери Велла понял, что станет космонавтом, когда упал в колодец.

Был знойный летний день, один из тех, что разбивают вдребезги время. Хоакину недавно исполнилось десять. Для него во Вселенной остались лишь Солнце, зеленый луг да жирный ленивый воздух – мальчик всю жизнь провел в городе, а колодца не видел даже на картинках.

Хоакин пребывал в неведении о жуткой, холодной силе, тянущей вниз любого, кто слишком долго смотрит в разверзнутую пасть. Падение оказалось коротким; сердце едва успело судорожно дернуться, как ледяная мгла со всех сторон окутала мальчика. Закричав, он инстинктивно забил руками, вынырнул и... нащупал дно – воды в колодце было ему лишь по грудь.

Падение не прошло незамеченным, отец с дядей Хосе уже бежали на помощь, но Хоакин этого не знал. Испуганный почти до потери сознания, он кричал и пытался взобраться по мокрым, скользким стенам навстречу звездам.

Звездам. Позже, у него сохранилось лишь одно воспоминание о том дне – страх, холод и усыпанное звездами дневное небо.

Затем были сильные, слегка дрожащие руки отца, слезы матери и теплая постель. Ночью он не мог уснуть. Лежа в кровати с открытыми глазами, Хоакин видел небо сквозь дверь на веранду – темное, бездонное небо, и тогда он вторично ощутил зов.

Не липкий шепот, что тянул на дно колодца и пах тиной, а ласково–звонкий смех, шелестевший светом. Зов, способный коснуться любого, угнездиться в душе и забрать ее навсегда.

«К звездам» – подумал Хоакин. Встряхнулся, разлепил ссохшиеся губы. Нащупав ртом трубочку с соком, глотнул омерзительно теплый напиток. В скафандре воняло потом, мокрая насквозь безрукавка тошнотворно облежала грудь – система кондиционирования не могла охладить воздух ниже, чем до половины внешней

температуры, а в кабине было уже под шестьдесят градусов.

Хоакин на миг опустил воспаленные веки. Его учили, что перенапряжение и монотонная картина, час за часом ползущая вдоль экранов, могут вызвать синдром Герста– Гензена, нечто, сходное с трансом, когда мозг теряет способность отличать воспоминания от действительности. Раньше пилот относился к таким предупреждениям с юмором; подобно большинству людей, никогда не видевших галлюцинаций, он в них не верил...

Машину тряхнуло, это помогло вернуться в реальность. Помотав головой, Хоакин стиснул зубы и бросил взгляд на дисплей. Красный. Весь, целиком красный. Так плохо еще не бывало.

Вой вентиляторов давно перешел в надрывный визг, охладители работали в аварийном режиме и, раз в минуту, звонко щелкая, отстреливали использованные капсулы с кипящим хладагентом. Падая на скалы, металлические кубики сминались, оплывали, а затем взрывались облачками серебристого дыма. Здесь, у южных склонов Земли Иштар, температура превышала семьсот градусов даже на поверхности, а вездеход находился гораздо глубже. Впятеро глубже предела, для которого проектировался...

Хоакин вспомнил о стремительно пустеющей цистерне с углеродным наноконденсатом и, тут же, постарался забыть. Мосты сожжены – сожжены, ха, ха, – уже много часов. Точку невозвращения вездеход пересек утром, а рация отдала концы еще раньше, когда расплавилась антенна. Машина давно превысила заложенные конструкторами лимиты и держалась лишь на запасе прочности, беспощадно расходуя все резервы. Если б она чувствовала боль, сейчас бы захлебывалась криком.

Хоакину живо припомнилась практика в Чили, в самой сухой на планете пустыне Атакама. Курсанты шутили, что их готовят к отправке на Меркурий – воздух был горячий и жесткий, пахло пылью, песок днем и ночью скрипел на зубах, а кондиционеров в лагере не полагалось. Изнывая от жары и, нередко, теряя сознание, они днями напролет обучались работать и выполнять задания в совершенно невыносимых, а главное, как тогда казалось – бессмысленных условиях. Иногда тренировки и вовсе выглядели изобретением опытного садиста, скажем, когда курсантов заставляли часами сидеть в «душной» комнате со связанными руками и

решать лабиринты, управляя компьютером движениями глаз, не в силах ни почесаться, ни утереть с лица пот. А ведь их всего лишь готовили к стандартной, ежедневной рутинной работе...

Впереди, в лучах прожекторов, был уже виден гигантский ажурный радиатор охлаждения комплекса, вокруг его раскаленных опор клокотала, пузырилась лава. Ну же, подумал Хоакин, соберись! Всего пара минут, и надежные стены подарят спасение, а поток хладона– 14 быстро остудит обшивку. Не замерзнуть бы... Ха– ха...

На мгновение, галлюцинации вернулись – Хоакин, почему–то, ярко вспомнил день, когда они с сестрой, гордые, будто павлины среди куриц, принимали значки пилотов. Они тут же, по давней традиции, ими обменялись, и лишь на следующий день обнаружили, что в значки встроены паспорта. Хоакин улыбнулся, припомнив, с каким выражением смотрела кассирша, когда на экране вместо его лица появилась улыбающаяся Мария.

Сестра сейчас на Ио, возит персонал гелий– три харвестеров между спутником и атмосферными платформами. Работа не особо увлекательная, зато стабильная и почти безопасная. Любопытно... Мария всегда была чистюлей, обожала косметику, тщательно следила за кожей – как она справляется с реалиями космоса?..

Хоакин яростно дернулся и до крови прикусил язык, чтобы прийти в себя. Кардиостимулятор Сатаны! Возьми себя в руки, наконец!

Впереди, тлеющие пурпуром ворота шлюза уже гостеприимно раскрылись, над ними вспыхнули слепящие бромоксидные плоскости. Напряженно дыша, космонавт заехал по аппарели и обмяк в кресле, мгновенно лишившись сил. Пока вездеход остывал в желтоватых облаках хладона– 14, он молча смотрел в потолок.

Рука, по привычке, гладила браслет со стилизованным изображением Смерти. Смерть злилась. Еще бы – старушку вновь пригласили на свидание и оставили с носом. О, ревнивица– смерть, сейчас ты в бешенстве. Как приятно об этом думать.

На панели зажегся сигнал вызова; здесь, в доке, хватало и того штырька, что сохранился от антенны.

– Альварес! – встревоженное лицо академика Громова, руководителя комплекса, появилось в экране. – Вы, все же, рискнули!

– Как видите, – пилот улыбнулся.

– Зачем? Я же просил не ехать! Вам неслыханно повезло, что вездеход...

Хоакин покачал головой.

– Все в порядке, профессор, – сказал спокойно. – Это моя работа. Если б я не выехал вчера, пришлось бы 116 суток ждать отлива, а кислорода вам оставалось менее, чем на восемьдесят. Чистая логика – одна жизнь против шести.

Громов помолчал. В уголках его добрых, больших глаз, уютно собирались морщинки – точно, как у отца, подумалось Хоакину. И так же, как отец, впервые узнавший, в какое училище поступил его первенец, академик не знал, что сказать – то ли ругать, то ли гордиться...

– Вы привезли воздух? – сдавленно спросил Громов после длительной паузы.

Космонавт подмигнул:

– Воздух, воду, пищу, глоткассеты. Столько, что у звезды топливо закончится раньше! Теперь можете спать спокойно.

Ученые, толпившиеся в радиорубке позади академика, радостно переглянулись. Громов, с огромным облегчением, опустил голову.

– Спасибо, Альварес. Вы... Совершили подвиг...

– Просто точный расчёт и никакого героизма, – возразил пилот. – Я опаздывал, да, но мог и успеть. Шанс того стоил.

Молчание. К камере склонился костлявый пожилой человек, скуластый, высоколобый, с невероятно длинным лошадиным лицом и редеющими черными волосами. Из-под насупленных бровей на гостя глядели буравящие серые глаза, очень пристально глядели, на удивление ярко и живо.

– До какой отметки поднималась температура в грузовом отсеке?

Хоакин тронул сенсорную панель, вызвав лог поездки.

– Сейчас... Пик был перед самым ангаром, сто семьдесят градусов.

– Сто семьдесят?! – длиннолицый отпрянул. – Но...

– Не волнуйтесь, у контейнеров с пищей и оборудованием индивидуальный микроклимат, – успокоил его пилот. – Там температура не превышала шестидесяти.

Ученый опустил голову.

– Хотелось бы верить.

– Все в порядке, не бойтесь.

– Сто семьдесят градусов! – недоверчиво пробормотал Громов. – Удивительно... Кислородные баллоны могли детонировать уже при сотне!

Хоакин вздохнул.

– Они в кабине, профессор. Рядом со мной.

– Что?! Но... Это же...

– Полно, – космонавт рассмеялся. – Какая разница, от чего умирать? Если б машина не выдержала, мне и так, и так пришел бы конец. А денек в скафандре рядом со штабелем твердокислородных бомб по килотонне каждая – да ну, кто б отказался рассказывать о таком в старости? – Хоакин ухмыльнулся. – Хотя, признаюсь, поездочка была еще та...

Повисло неловкое молчание.

– Что ж, – профессор развел руками. – Добро пожаловать в наш маленький коллектив. Прилив уже начался, вскоре лава заполнит пещеры, и мы окажемся на дне моря из раскаленной породы. Ближайшие месяцы «Феникс– 2» будет отрезан от Солнечной Системы.

Хоакин усмехнулся.

– Видите? С чем еще можно сравнить такой отпуск? – он бросил взгляд на индикатор внешней температуры. – Пока связь не пропала, сообщите на главную базу, что я добрался. Как скоро охладится вездеход?

– Еще полчаса, судя по приборам, – Громов покачал головой. – Он же, фактически, на ходу плавился. Определенно, Альварес, вы родились в рубашке.

– Ну– ну, – пилот хмыкнул. – То же самое можно сказать и о вас. Ведь если б я не добрался... – он покачал головой и, желая отвлечь всех от мыслей «как ПЛОХО могло бы быть», решил перевести тему.

– Профессор, – Хоакин с легким смущением взглянул на экран. – Мне тут еще полчаса куковать. Не ответите на один вопрос?

– С радостью, – отозвался академик.

– Я всегда думал, что «Феникс– 2» – геологическая станция. Но вчера, прежде, чем выехать, просто что б успокоить нервы, листал отчеты... И обратил внимание на кое– что... Странное... Касательно вашей ученой степени, – Хоакин вздохнул. – Профессор, только не обижайтесь, но я действительно сгораю от любопытства: чем на

Венере может заниматься палеонтолог?

Громов улыбнулся.

– Скажем так, я изучаю совершенно уникальные формы жизни.

– На Венере? – переспросил Хоакин.

– Да. Венера обитаемая планета, Альварес.

Повисла тишина.

– И... Когда это стало... Известно? – Хоакин недоуменно поднял брови. –
Поймите меня правильно, я, конечно, за новостями науки слежу не особо регулярно,
но, думаю, о таком открытии уж всяко бы слышал.

Профессор вздохнул.

– Дело в том, что нашу точку зрения разделяют, скажем так, лишь избранные.

Видите ли, материальных свидетельств жизни на Венере у нас нет.

– А что же тогда есть? – Хоакин моргнул.

Академик усмехнулся.

– Ваш вопрос относится к глаголу «нет». А должен относиться к предлогу «на».

Пауза.

– В смысле?

– Если свидетельств нет НА Венере, это не значит, что их нет... Внутри... –
таинственно отозвался Громов.

Он встал из-за пульта связи.

– Отдохните, перекусите и ждем вас в комнате отдыха, – сказал с улыбкой. –
Вам тут «куковать» еще 116 суток. Познакомлю с командой, покажу, где вы будете
жить.

Академик подмигнул.

– Кто знает – возможно, вы решите погостить и подольше...

Экран погас, и Хоакин устало откинулся в кресле, чувствуя, как по шее текут
капли липкого, вонючего пота. Начинали дрожать руки – так будет еще пару часов,
последствия пережитого шока.

Минуты текли лениво, словно густое трансмиссионное масло. Когда вездеход,
наконец, охладился достаточно, измученный космонавт едва нашел силы дойти до
шлюза. Снаружи, в доке, уже стояли двое людей, в своих нелепых термоскафандрах

сильно похожие на «рекламного человечка» Бибендума.

Хоакин что-то сказал, но один из встречавших постучал неуклюжей ладонью\клевшей по шлему, давая понять, что связи нет. В доке стоял густой желтый туман, температура воздуха достигала восьмидесяти градусов. Решив отложить расспросы, усталый Хоакин молча проследовал за учеными во второй внутренний шлюз.

Там их скафандры некоторое время очищали допотопными механическими щетками – сказывалась экономия воды. Хоакин засыпал на ходу, поэтому даже не особо удивился, когда под шлемом одного из встречавших обнаружилось миловидное лицо светлой, зеленоглазой белокурой девушки. Ее голова смотрелась нелепо маленькой на могучих плечах термоскафандра.

– Вы в порядке? – участливо спросила девушка. Хоакин приподнял забрало.

– Почти, – отозвался со слабой улыбкой. В глазах девушки промелькнуло легкое удивление.

– Мы знакомы? – спросила она нерешительно. – Я... Кажется... Где-то вас видела.

Хоакин устало качнул головой.

– Может, и видели. Я давно на космофлоте.

– Нет, это не связано с... – она запнулась и отвела глаза. – Простите.

Померещилось.

Шлем снял и второй ученый; у него оказалась подлинная грива седых волос и пухлое, краснощекое лицо с внимательными глазами.

– Как самочувствие, Альварес?

– Немного полежу под кондиционером и буду в норме.

– Скорее, в кровати с жестокой простудой, – буркнул седовласый. – Нет, нет, молодой человек, не спорьте; я врач. Идемте, вам надо выспаться.

Хоакин слабо улыбнулся.

– Быть может, вначале принять ванну?

– Ванну? Такой расточительности здесь не одобряют, – седовласый улыбнулся.

– Не бойтесь, постельное белье у нас современное. Проснетесь чистым, отполированным и благоухающим.

– Ох... – Хоакин на миг даже зажмурился. – Док, вы мой спаситель...

– Рад стараться, – ученый окинул гостя сомнительным взглядом. – Знаете, что? Пожалуй, я облегчу вам акклиматизацию. На станции, все же, поддерживается не совсем стандартное давление и состав атмосферы. Снимите перчатку, будьте добры...

Пилот молча исполнил просьбу. Седовласый расстегнул панцирь своего термоскафандра и извлек небольшую аптечку. Хоакин легонько вздрогнул, когда его запястья коснулся инъектор.

– Приятных снов, – улыбнулся врач. Повторять не пришлось – глаза у космонавта слипались и до укола. Опустившись на скамью у шкафа со скафандрами, даже не сняв шлема, Хоакин провалился в глубокий, лишенный снов черный колодец.

Проснулся так, как обычно бывает после изматывающего дня – моментально, безо всякого чувства времени. Пару секунд Хоакин даже не мог понять, каким образом оказался в постели: переход от вонючего шлюза показался мгновенным. К счастью, память живо откликнулась, и пилот расслабился, чувствуя себя чистым, отдохнувшим и обновленным.

Небольшую опрятную каюту освещали красивые светодиодные орнаменты на потолке, цветовая температура была подобрана так, чтобы напоминать живой солнечный свет. В воздухе стоял слабый цветочный аромат. Потянувшись, Хоакин нехотя сел на кровати и оглянулся. Угадав жест, комнатный процессор раздвинул скрытые створки гардероба и выдвинул вешалку с элегантно- синим комбинезоном. Что ж...

– Для меня есть сообщения? – спросил пилот, поднимаясь с кровати. Та мгновенно перевернулась на незаметных шарнирах и изменила форму, превратившись в диван.

– Одно, от академика Громова, – голос компьютера оказался мужским, что встречалось достаточно редко. – Вам предложено заглянуть в комнату отдыха, где экипаж собирается на брифинг, ежедневно между 19– ю и 20– ю часами условного времени. Сейчас 18.22.

– Прекрасно... – Хоакин с приятным удивлением отметил, что комбинезон уже подобран по его размеру. Натянув эластичную воздушную ткань, пилот сладко потянулся, хрустя суставами. Он провел в космосе больше времени, чем на планетах,

и отличался соответствующим телосложением – долговязый, худой, жилистый. Черты лица, горбинка на переносице и мощные скулы выдавали близкое родство с индейцами, гладкие и абсолютно черные, блестящие волосы ниспадали на плечи. Многолетняя адаптация к невесомости наградила пилота слегка замедленными движениями ювелирной точности и ослабленным чувством равновесия; правда, чуть меньшая сила тяжести на Венере помогала.

– Как пройти в комнату отдыха?

– Шестой этаж, налево от лифта, коридор упирается в дверь. Лифт напротив данной каюты.

– Ясно. Свари мне кофе к возвращению.

– Как долго вы планируете отсутствовать?

Хоакин усмехнулся. Вопреки всем стараниям программистов, тест Тьюринга до сих пор оставался не по зубам большинству обычных компьютеров.

– Разве ты не связан с центральным сервером? Начинай варить кофе, как только я покину комнату отдыха.

– Будет исполнено.

Вздохнув, пилот вышел из каюты и оглядел коридор. Станция «Феникс– 2» в плане напоминала многоэтажный тор – будто штабель древних автомобильных покрышек, нанизанных на центральную реакторную башню. Вокруг тороидальных секций ажурным глобусом вздымался громадный радиатор из тугоплавкой керамики с вкраплениями нитрида бора; реакторы в центральной башне так накаляли радиатор, что даже окружавшая его лава работала как хладагент и уносила излишнее тепло из комплекса. Раскаляться могла и внешняя оболочка «покрышек», плавя тысячетонную корку застывающей породы, когда магма начинала отступать обратно в недра планеты.

Лифт беззвучно вознес нового жителя станции на шестой уровень, целиком отданный для отдыха экипажа. Здесь имелся спортзал, маленький павильон виртуального отдыха, комната собраний и даже небольшой, герметичный бассейн с замкнутым циклом очистки воды. Везде применялись светодиодные массивы, скомпонованные не сухими и скучными блоками, а разнообразными фигурами, орнаментами и даже вязью, пол коридора покрывал мягкий бордовый палас, стены были обклеены слабо светящимися обоями цвета слоновой кости – странное

расточительство по космическим меркам. Впрочем, людям приходилось здесь жить месяцами, в полной изоляции от Солнечной Системы; вероятно, психология также учитывалась.

Двери комнаты отдыха раскрылись сами, издав мелодичный сигнал. Щурясь более яркому свету, Хоакин вошел в помещение и огляделся. Похоже, тут собрались все... Или нет?

– Альварес! – радостный академик Громов, пожилой светловолосый мужчина среднего роста, с добрым лицом и яркими, живыми глазами, тепло улыбнулся и встал навстречу. – Наконец вы проснулись!

Пилот беспомощно развел руками.

– Простите...

– Что вы, что вы! – Громов рассмеялся. – Мы только рады, что вы хорошо отдохнули. Предлагаю начать знакомство!

Космонавт улыбнулся.

– Хоакин ни Эрре Альварес Нери Велла, – он с легкой иронией поклонился, испанским жестом раскинув руки за спиной. – Пра- правнук первого мексиканца в космосе.

– Добро пожаловать в наши ряды, Хоакин. Знакомьтесь, – Громов кивнул в сторону людей, сидевших на диване и у стола. – Наш главный инженер, энергетик и богиня всего, что взрывается – Синтия Джексон. Вы уже встречались, если не ошибаюсь?

Без термоскафандра, белокурая девушка оказалась стройной и длинноногой. Она внимательно смотрела на гостя, будто пытаясь решить для себя, видела его раньше или нет. Слова профессора услышала не сразу, тому даже пришлось кашлянуть; лишь затем Синтия опомнилась и, нерешительно, улыбнулась.

– Привет из жерла вулкана! – она обвела рукой комнату. – Мы рады вам, Хоакин. Завтра ожидается вечеринка по поводу вашего... Столь своевременного прибытия. Не откажете в любезности?

– Мэм, – космонавт учтиво коснулся груди. – Позволю состричь – у нас в стране, как известно, о красавицах часто говорят «ла бомба»...

Синтия прыснула в ладонь.

– Не слушайте Сергея. Я еще никого не взорвала.

– О, у вас все впереди, юная леди, – Громов усмехнулся. – Продолжаем знакомиться: доктор Бозанович, физик, астрофизик и... немного метафизик, – профессор обратил взгляд к тому самому костлявому брюнету с невероятно длинным лошадиным лицом, который спрашивал о температуре грузового отсека. Пожилой ученый хмуро кивнул.

– Ваше появление спасло экспедицию, – буркнул Бозанович, не глядя на Хоакина. – Но сам факт, что нас пришлось выручать с риском для жизни, говорит лишь о преступном, волюнтаристском пренебрежении элементарными мерами безопасности и полном дилетантизме в планировании.

Громов нахмурил брови.

– Обсудим позже, Исаак Абрамович. Хоакин – справа от вас, за столом, сидит наш геолог, Джамилля Насири. Не смотрите, что она такая хрупкая, в работе Джамилля даст фору любому марафонцу. А вот с этим толстым недоразумением вы уже познакомились, но, все же, советую уделить ему особое внимание, – академик шутливо указал обеими руками на полноватого, широколицего крепыша с высоким лбом и пышной гривой светло– седых волос, делавшей его голову удивительно похожей на одуванчик.

– Оно зовется Драгомиром Радовским, – пояснил Громов, – И хотите, верьте, хотите, нет, перед вами самый настоящий чернокнижник.

– Чернокнижник? – переспросил Хоакин.

Драгомир, метнув на академика гневный взгляд, обернулся к гостю:

– Разумеется, нет! Сергей регулярно подшучивает над моей диссертацией. Я врач и психолог.

Хоакин заинтересованно подался вперед:

– А что за тему вы избрали для диссертации?

– Неважно, – отрезал Драгомир. Но худенькая, воздушная черноволосая девушка, которую Громов представил как Джамиллю, с улыбкой подмигнула Хоакину.

– Его работа называлась «К вопросу о статистической предрасположенности полных и средне– полных импотентов к поклонению Шаб– Ниггурат как фертильному символу», – девушка рассмеялась. У нее были настолько огромные темно– карие глаза,

что Джамилия казалась героиней древних японских мультфильмов.

Хоакин не сдержал улыбки. Раздосадованный Драгомир скрестил на груди руки:

– Это была серьезная медицинская работа, которая, между прочим, принесла мне докторскую степень!

– ...и пожизненную известность в определенных кругах, – заговорщицким тоном шепнул Громов, после чего расхохотались уже все. Драгомир, разведя руками, обернулся к Хоакину.

– Теперь понимаете, почему в экипажах, изолированных от общества более, чем на год, психолог обязан присутствовать по уставу?

Пилот вежливо кивнул:

– Я знаю, док. Простите.

– Вот, кстати, еще один живой пример, – буркнул Драгомир, взглянув за спину гостя. Тот обернулся: в дверях стоял смуглый, обнаженный и совершенно лысый юноша лет семнадцати. Черты его лица моментально выдавали происхождение от коренных жителей Южной Америки, а губы кривила неестественная, холодная усмешка.

Громов кашлянул.

– Да... А вот и последний член нашей команды. Знакомьтесь: Птальпа и– Пачакутли и– Пачаки. Его профессию так сразу не назовешь.

Хоакин моргнул. На Земле нудизм уже давно никого не удивлял, но в космосе?

– Э– э– э... Очень приятно...

– Я слышал, вы спасли жизни всем нам, – ровным голосом, безо всяких интонаций произнес юноша. – Хочу сразу предупредить, что не считаю себя в долгу.

Пилот бросил на Громова немного растерянный взгляд.

– Я, как бы, и не собирался просить что–то взамен, – сказал Хоакин после паузы.

Юноша отрывисто кивнул.

– Прекрасно. Рад, что мы поняли друг друга, – он говорил столь безжизненно, что слово «рад» в его устах прозвучало ругательством.

Хоакин прищурил глаза.

– Андроид? – спросил Громова через плечо. Тот покачал головой.

– Не совсем. Много лет назад, в Бразилии, сеньор Птальяпа был миллиардером и, перед смертью, распорядился переписать свой разум в биона. Технология в то время едва–едва появилась, так что...

– Да, моя предыдущая личность была спасена лишь частично, – холодно оборвал Птальяпа. – Это не значит, что сегодня я ущербнее других людей. Единственное, что это значит – я не являюсь клоном мертвого старика. Я новая, полноценная личность.

– Птальяпа, никто, кроме вас, ни разу не ставил это под сомнение, – спокойно заметил Драгомир. – Быть может, поверите и вы сами?

Юноша перевел на толстяка взгляд безжизненных серо–зеленых глаз.

– Ваши непрерывные попытки меня уязвить лишены смысла.

– Знаю, – кивнул психолог. – Вас ничто не может уязвить. Вы начисто лишены подсознания, инстинктов, эмоций, врожденных рефлексов и интуиции, свойственных человеку. Ваш интеллект превосходен, но больше у вас попросту ничего нет – даже элементарные чувства такта и стыда вам недоступны. Вы сейчас, безо всякой причины, оскорбили незнакомого человека, только что спасшего вам жизнь.

– Я никого не оскорблял.

– Разумеется, – Драгомир вздохнул. – Вы, всего лишь, сообщили ему информацию, которую сочли полезной.

– Верно.

– Тогда открою вам секрет: иногда полезнее молчать, – очень серьезно сказал психолог.

Хоакин задумчиво посмотрел на Громова:

– Должна быть веская причина, зачем он здесь.

Академик нехотя кивнул.

– Увы. Вся наша программа держится на уникальных особенностях... сеньора Птальяпы.

– Не пора ли, хоть вкратце, объяснить, чем вы тут, собственно, занимаетесь? – со слегка напряженной улыбкой спросил Хоакин.

Громов и Драгомир переглянулись, но ответила Джамиля:

– Мы слушаем динозавров, – сказала она просто.

Повисла неловкая тишина. Хоакин, присев на край дивана, почесал в затылке и бросил на Громова красноречивый взгляд.

– Слушаете динозавров.

– Да, – согласился профессор. – Конечно, я предпочел бы не столь... Прямое объяснение, но... По факту, все так и есть, Альварес. Мы прилетели на Венеру и погрузились в раскаленную магму, чтобы слушать голоса динозавров.

– Венерианских? – уточнил пилот.

– Нет, – отозвалась белокурая Синтия. – Наших, земных.

– На Венере.

– Именно.

Хоакин усмехнулся.

– Да– а... Немудрено, что по радио вы о таком не рассказываете, – он забросил ногу за ногу. – Еще подумают, кислородное голодание. Только один вопрос, профессор: откуда финансирование? Этот комплекс и на Земле обошелся бы в кругленькую сумму, а уж собрать его на Венере...

– Финансированием занимаюсь я, – сухо произнес Птальяпа. – Я организатор эксперимента, владелец оборудования и главный объект исследований.

Хоакин помолчал.

– То есть, надо полагать, динозавров слышите именно вы?

– Верно.

– Не бойтесь, Хоакин, – Громов чуть натянуто улыбнулся. – Мы не безумцы, и вскоре вы это поймете. Беда в том, что наш метод не позволяет вести записи или видеосъемку, и потому мы не способны предоставить научному сообществу твердые доказательства.

Космонавт глубоко вздохнул.

– Профессор, я далек от мысли, что вы безумцы. Я склоняюсь к теории, что безумен я сам! – Хоакин рассмеялся, и это моментально сняло напряжение. Синтия протянула пилоту бокал вина, тот галантным жестом послал ей воздушный поцелуй.

– Что ж, первое знакомство прошло удачнее, чем могло бы... При данных обстоятельствах, – заметил Драгомир. – Хоакин, идемте, я покажу вам столовую. Пообедайте, осмотритесь. Хорошенько позубоскальте над бредом, который сейчас

услышали. А завтра, не спеша, приступим к разъяснениям.

Пилот с глубоким уважением посмотрел на психолога.

– Вот, что значит профи, – Хоакин развел руками. – Так и сделаем, док. Ведите!
– он встал.

Ученые молча проводили взглядами своего нового знакомого. Когда Драгомир и Альварес ушли, Синтия, вздохнув, поднялась на ноги.

– Я тоже пойду, пожалуй. Займусь разгрузкой вездехода. Там работы на несколько дней.

– Я провожу, – немедленно отозвался Птальяпа. Девушка бросила на него слегка удивленный взгляд.

– Зачем?

– Я желаю помочь.

– Вы? – переспросила Синтия. – Желаете помочь?

– Верно, – сухо произнес Птальяпа.

Изумленная девушка растеряно посмотрела на Громова. Тот развел руками.

– Что ж, идите вдвоем...

Помолчав, Синтия нехотя кивнула и вышла из каюты. Полукиборг двинулся следом; вместе они вошли в лифт. Девушка нажала кнопку нулевого уровня и обернулась к встроенному в стену зеркалу, чтобы, по привычке, поправить волосы, когда Птальяпа неожиданно коснулся сенсора «стоп», остановив лифт между этажами. Синтия вздрогнула.

– В чем дело? – спросила с легким недоумением. – Что вы дела... – девушка запнулась. Юноша молча, исподлобья глядел на нее с явно заметной угрозой.

– Вы не должны совокупляться с Альваресом, – холодно сказал Птальяпа. Синтия, поперхнувшись, подалась назад и прижалась спиной к зеркалу.

– Что?!

Полукиборг коснулся груди.

– Я не робот, но это тело снабжено датчиками, отсутствующими у простых людей. В течение всего разговора я наблюдал, как вы смотрите на Альвареса, анализировал уровень его и ваших гормонов.

– Анализировали?! – Синтия моргнула.

– Вы моя дочь, – холодно произнес юноша. – Пусть даже считаете «настоящего» отца мертвым.

Девушка побледнела.

– Вы не смеете так говорить. В вас нет ничего от отца!

– Эмоции не играют роли. Важны только факты, – сухо произнес Птальяпа. – Я ваш отец, и я запрещаю вам спать с Альваресом.

Синтия стиснула зубы.

– Это... Это уже слишком! – она шагнула вперед и с размаха влепила полукиборгу пощечину. У того просто мотнулась голова. Тем же тоном, не меняясь в лице, Птальяпа продолжил:

– Я могу объяснить.

– Убирайтесь!!!

– Вы должны выслушать. Это очень важно.

– Я сказала, убирайтесь!!! – Синтия толкнула юношу в грудь и нажала кнопку ближайшего этажа. Птальяпа, отступив по инерции на пару шагов, продолжил, словно ничего не случилось:

– Я не все рассказал о причинах, побудивших меня начать программу «Феникс». Прошу, выслушайте. Альварес не случайно прибыл на станцию, его отобрал я сам. Но не с целью скрещивания с родной дочерью.

Синтия судорожно перевела дух.

– Если вы, сейчас же, не уйдете, я скажу Драгомиру, чтобы он заключил вас под стражу, как буйнопомешанного!

– Я уйду, как только все объясню.

– Я не желаю вас слушать!

– Речь не о ваших желаниях, – холодно сказал Птальяпа.

Двери лифта с мелодичным сигналом раскрылись. Глубоко вздохнув, Синтия оттолкнула юношу с дороги и быстро ушла по коридору. Птальяпа остался наедине с собственным отражением в зеркале.

Спустя несколько секунд, двери лифта плавно задвинулись. Но полукиборг еще долго, молча, совершенно без движения стоял там, куда его толкнула дочь. В пустых глазах юноши ничего не отражалось.

Глава 2

Нежно сверкавшая в полумраке таинственным, перламутровым блеском, зеркальная гладь озера покоилась в неподвижности. Здесь никогда не дул ветер, не шел дождь. Сам воздух казался окаменевшим.

Сквозь трещину в своде рвались лучи заходящего солнца, и там, где они касались камней, будто расцветали тревожные, зловеще– пурпурные лилии. Огненный диск звезды уже не слепил; его сочный оранжевый пламень заполнял собой небо, играл в облаках, капал в пещеру невидимой ртутью, жарко и томно ласкал перья Ахава.

Черные, гладкие, они отливали маслянистым глянецом. В это время года у его сородичей было принято заводить семьи; как у большинства птиц, брачный сезон отражался на оперении.

Родовой знак первого колена кассанидов, белое маховое перо слева, теперь было не единственным светлым участком на теле Ахава; вдоль спины, раздваиваясь у плеч и далее, по кромкам крыльев, протянулись широкие серые полосы.

Перья в хвосте также светлели, но лишь по краям – знак чистой, неразбавленной крови. Ахав принадлежал к самому древнему колону кассанидов, агар'Аш, он вылупился во внутреннем гнезде уважаемого рода аш'Мауа и знал отца в четырнадцатом подряд поколении. Такое происхождение, при других обстоятельствах, одарило бы его множеством друзей, правом строить собственное внутреннее гнездо и долгой, счастливой жизнью, под конец которой Ахав имел бы все шансы войти в сферу старейшин. И, кто знает – сложись судьба иначе, птенцы его птенцов с гордостью рассказывали бы сверстникам, что одно из перьев их деда покоится в Тонгаа'кч...

Ахав зажмурился. Теперь уже поздно мечтать о несбыточном. Птенцы вскоре позабудут об отце, а Тонгаа'кч превратится в старую, пыльную пещеру, усыпанную сухими перьями. Тысячелетняя культура их рода, все знания, копившиеся веками, песни и легенды Тридцати Семи Колен – все обратится в прах.

– И виновен буду я, – тихо произнес Ахав, не раскрывая глаз.

Как и год назад, и за год до того, с приближением брачного сезона он начинал

чувствовать мысли Неподвижных. В первый раз ему никто не поверил, до конца выслушал лишь патриарх гнезда; и даже он, выслушав, просто заставил Ахава отправиться в брачный поиск, отнявший разум на долгие месяцы.

Во второй раз он был умнее и не стал никому рассказывать. Дни и ночи, скрываясь от рода, он с ужасом и трепетом внимал медленным, тягучим мыслям из кошмарных глубин. Но, лишь когда брачный сезон уже подходил к концу, и голоса почти пропали, Ахаву удалось понять несколько образов...

Весь следующий год он провел, как во сне, отчаянно уговаривая себя, что понял неверно, и вообще – он просто безумец, слышащий нелепые голоса. Ахав так ждал брачного сезона, будто был серокрылым птенцом, дрожащим в предвкушении первого спаривания...

И вот сейчас, задыхаясь от боли и горя, он готовился совершить немыслимое: уничтожить самого себя, свой народ, свою культуру и целый мир.

Не в силах справиться с ужасом, трепещущий Ахав распластал по камням крылья, поднял клюв к своду и хрипло, не раскрывая глаз, запел песню прощания с материнским гнездом. Плакать его сородичи не умели.

...аагмк, – Хоакин дернулся во сне, чуть не подавившись, рывком сел и скрутился в спазме. От напряжения потемнело в глазах, резкая боль в груди выворачивала наизнанку разум. Прошла долгая минута, прежде, чем приступ схлынул и пилот, судорожно кривя рот, вновь смог вздохнуть.

Его трясло, недавний кошмар огненным сгустком висел в памяти. Что это было? Откуда видения? Он же не верит в галлюцинации! Да, на пути сюда произошло что-то похожее, но там был стресс, опасность, адреналин! А здесь? Он же отродясь... Ну... ПОЧТИ... Не видел кошмарных снов...

– Свет, – выдавил Хоакин. Под потолком, мягко, зажглись светодиоды. Некоторое время пилот молча сидел на кровати, опустив голову и тяжело дыша. Надо как-то... Попытаться... Проанализировать...

К черту. Кардиостимулятор Сатаны, почему приступы вернулись сейчас? Их же не было... С детства... Он стал космонавтом, проклятие, как он мог бы стать космонавтом, если б не был идеально здоров?!

Хоакин зажмурился. Нет... Только не сейчас, не здесь. Если приступы начнутся

вновь... К черту! Надо обо всем рассказать врачам!

...и его больше никогда не пустят за штурвал.

Нет. Нет, надо бороться. В этот раз кошмар оказался не таким, как раньше – в принципе, даже не страшным. Пугала немыслимая, неестественная глубина погружения. Эмоции... Мысли... ЧУЖИЕ мысли, как будто эта нелепая черная полуворона, полукоршун могла жить в реальном мире! Откуда приходят видения? Откуда брались те чудовища, что мучали его в детстве? Неужели... Неужели со дна...

До крови стиснув зубы, Хоакин резко встал. Бросил взгляд на часы – шесть утра. К черту. Здесь, кажется, есть бассейн... Надо остыть. Прийти в себя, и через час все покажется смешным. Так было всегда – липкий, холодный страх по ночам, и недоумение при свете солнца. Чего было бояться–то?..

Глубоко вздохнув, пилот подошел к двери, распахнул ее и чуть не вскрикнул при виде стоявшей в коридоре белокурой Синтии. Девушка тоже отпрянула, удивленно моргая.

– Хоакин?

– Мэм? – пилот сглотнул. – Простите, я... Не думал встретить кого–то, в такую рань...

Девушка опустила взгляд ниже, и Хоакин лишь сейчас заметил, что на нем ничего нет. Вспыхнув, он рывком отступил в комнату и попытался закрыть дверь, но Синтия поспешно шагнула навстречу и удержала рукой створку.

– Секунду, прошу.

– Извините, я... – страшно смущенный пилот сорвал с кровати простыню и обернул вокруг пояса. – Я... Только проснулся, и...

– Плохой сон? – совсем тихо спросила Синтия.

Хоакин содрогнулся. Девушка вошла в комнату и затворила за собой дверь. Тонкий синий комбинезон, натянутый, очевидно, прямо на голое тело, ничуть не скрывал ее атлетических форм.

– Я не могу уснуть, – сказала Синтия, стоя спиной к Хоакину и глядя в пол. – Кошмары. До вашего появления, я никогда не видела кошмаров.

Пилот нервно оглянулся.

– Простите... Я не совсем понимаю, что происходит.

– Я тоже, – Синтия обернулась. – Я тоже не понимаю.

Она помолчала. Ее бледная и нежная кожа отличалась почти идеальной гладкостью, лишь на левой щеке алела миниатюрная родинка; светло– бежевые, почти белые волосы ниспадали на шею. Утонченные, едва заметные штрихи на красивом лице выдавали латинское происхождение, чувственные губы и глубокие зеленые глаза, вместе с выгнутыми дугой тонкими бровями, довершали портрет. Хоакин невольно подумал, что таким женщинам место на обложках модных журналов, а не в космосе...

– Любите динозавров? – спросила, тем временем, девушка. Пилот, вздрогнув, заставил себя отвести взгляд от ее стройного тела.

– Что?

Синтия кивнула на мультипликационную татуировку, украшавшую грудь космонавта. Тот, с легким смущением, улыбнулся:

– А, вы про ящерку... – он постучал пальцем по рисунку, заставив динозаврика распушить перышки и юркнуть за спину. – Когда я заканчивал школу, живые тату были на пике моды, особенно интерактивные, вроде моей Труди.

– Труди? – переспросила Синтия.

– Этот вид динозавров именуется «троодон», ну, я и прозвал свою ящерку Труди, что б звучало похоже. В детстве смотрел фильм про троодонов, там их величали самыми умными динозаврами за всю историю, а меня в школе, как раз, бесила тупость и ограниченность одноклассников. Когда живые тату вошли в моду, парни кинулись рисовать себе голых фотомоделей, а я решил, назло, сделать самку динозавра... – Хоакин фыркнул. – Все никак не доберусь свести татуировку.

– Не надо, вам идет, – со слабой улыбкой заметила девушка. Пилот развел руками.

– Как скажете, мэм.

Они помолчали.

– Скажите, вы сами вызвались доставить нам воздух? – внезапно спросила Синтия.

– Конечно. Правда, других пилотов моего класса в это время на базе не было. Что вы пытаетесь сказать?

Синтия смотрела в сторону.

– Я проектировала «Феникс». Я не могла допустить такую ошибку при расчетах запасов воздуха и провизии. У меня все учтено с тройным перекрытием.

Пилот удивленно моргнул.

– Но ведь вы сами затребовали помощь!

– Не я, – резко ответила девушка.

Она обернула голову и в упор посмотрела на гостя.

– Здесь что-то не так, Хоакин. Вы мне знакомы. С первого мига, как я увидела вас в шлюзе... Это не объяснить. Будто старый, почти забытый друг. Точнее... Не друг, а...

Их глаза встретились.

– Я в смятении, – тихо сказала Синтия. – Это заметил даже Птальпа. Чертов робот нашпигован датчиками, и вчера, когда вы с Драгомиром ушли, он заявил, будто от одного взгляда на вас у меня... Ну... Будто я вас хочу.

Удивленный Хоакин молча почесал в затылке. Синтия смотрела на него со странным выражением, ее грудь тяжело вздымалась, отвердевшие соски четко проступали под комбинезоном. Озадаченный и, мягко говоря, не ожидавший подобного, пилот сцепил пальцы, мысленно возблагодарив мешковатую простыню.

– Гм– да.

– Это бессмысленно, знаю, – Синтия стиснула кулаки. – Мне тридцать лет, я уже побывала замужем и успела разочароваться. Но проблема в том, что робот прав. Мое тело реагирует на вас, Хоакин, реагирует вопреки разуму. И закрывать на это глаза я не могу. Я должна понять, что происходит. Почему я уверена, что хорошо вас знаю? – она подалась вперед. – Прислушайтесь к себе. К своим чувствам. Мне важно понять, ощущаете ли и вы нечто сходное?

Космонавт сглотнул.

– Ммм... Синтия, я... Не знаю, что и сказать, – он нервно пробежался пальцами по колену. – Вы очень красивы и привлекательны, и я не могу отрицать, что, как мужчина, испытываю определенное... Влечение... – Хоакин вздохнул. – Но я ведь здесь только два дня. Я совсем вас не знаю.

– В том-то и дело, – гневно бросила девушка. – Я сознаю, что тоже не знаю вас, но чувствую, будто знала всю жизнь!

Она рывком отворила дверь и, почти бегом, устремилась в коридор. Изумленный Хоакин вскочил, не зная, должен ли догонять. Секундное колебание оказалось роковым: издали донесся мелодичный сигнал лифта. Растерянный пилот вновь опустился на кровать.

Что происходит? Приступы кошмаров, впервые за много лет. Незнакомая красавица спрашивает, почему хочет с ним переспать. Малоизвестная геологическая станция, которая, на поверку, оказывается вовсе не геологической...

«Я не могу просить вас о такой жертве, Альварес, но других пилотов вашей квалификации на базе сейчас нет, а затребовать помощь с орбиты мы уже не успеваем. Эти идиоты, на «Фениксе», лишь вчера обнаружили, что ошиблись с расчетами и им не хватит воздуха. С тех пор, как Конгресс разрешил частные экспедиции к Марсу и внутренним планетам, смертность на космолоте подскочила в семнадцать раз» – Бергман прятал глаза. Четыре дня назад, Хоакин полагал, что ему повезло – рискованная, почти героическая миссия, возможность принести реальную пользу, спасти шесть человек. Но ведь все, что требовалось от пилота – доехать на вездеходе из пункта А в пункт Б по прекрасно известному маршруту. Автомат справился бы не хуже, да и груза доставил бы на целую тонну больше. Странно... Хотя, конечно, речь шла о шести жизнях. Вероятно, Бергман просто не хотел доверять роботу столь ответственное задание...

– Проснулись? А я как раз шел вас будить.

Подскочив от неожиданности, Хоакин уставился на лошадиную физиономию доктора Бозановича. Тот стоял в дверях. Немыслимым усилием подавив дрожь и, даже, сумев выдать что-то, похожее на улыбку, космонавт поднялся навстречу.

– Доктор? – слабо спросил он. – В чем дело?

– Начинается погружение, – отозвался Бозанович. – Громов полагает, вам будет интересно.

Хоакин сглотнул.

– Хорошо... Только... Через пять минут?..

– Одевайтесь. Я провожу.

Хоакин заставил себя кивнуть. Доктор Бозанович молча ждал, пока новый член экипажа надевал комбинезон.

– Кстати, Исаак Абрамович – можно вас так называть? – почему станция носит имя «Феникс– 2»? – спросил Хоакин, обтирая лицо салфеткой, заменявшей в космосе умывание. Надо отвлечься. Отвлечься. Просто не думать о странностях, и они сами исчезнут. Так всегда было. Так должно быть.

Физик пожал костлявыми плечами.

– Мифология. Птица Феникс сжигала себя каждые пятьсот лет и возрождалась из пепла. Вероятно, создатели подразумевали, что...

– Нет, нет, – Хоакин вздохнул. – Откуда в названии цифра «два»?

Бозанович хмыкнул.

– А вы не в курсе? Странно. Вы же мексиканец.

«Опять?!»

– И... что? – нервно спросил пилот.

– «Феникс– 1» находился в Мексике, – отозвался Бозанович. – В кратере Попокатепетль.

Хоакин моргнул.

– Вот как? – он свел брови. – Погодите– ка. Если вы тут «слушаете динозавров» с Земли, выходит, «Феникс– 1» ловил голоса с Венеры?

Физик с легким удивлением смерил пилота взглядом.

– Меткое умозаключение. Вы умны.

Хоакин фыркнул.

– Благодарствую. Так я прав?

– Разумеется, нет, – сухо отозвался Бозанович.

Пилот, вздохнув, почесал в затылке.

– Что ж, сдаюсь и прекращаю строить теории. Надеюсь, инструктаж ответит хоть на некоторые вопросы.

– Ответит, – буркнул физик. – Даже на те, что спрашивать не захотите... Готовы? Идемте.

Они вышли в коридор и направились к лифту. На сей раз ехать предстояло вниз – вопреки привычной логике, обзорный отсек располагался на втором этаже, а не на вершине станции; многослойная обшивка жилых блоков толщиной превышала пять метров и, разумеется, была лишена отверстий, так что наблюдать за грандиозным

зрелищем приходилось в экранах. Когда Хоакин и доктор Бозанович вошли в отсек, там уже находились Громов, Джамиля и Драгомир.

– С добрым утром! – приветствовал пилота академик. – Простите, что разбудили, но вы бы ни за что не простили себе, если б упустили такое.

Хоакин с сомнением потер тыльную сторону шеи.

– Честно говоря, профессор, я уже насмотрелся на лаву, врагу не пожелаю...

– Лава? – переспросил Громов. – С чего вы взяли, будто мы хотим удивить вас кучкой плавленных камней?

Космонавт моргнул.

– М– м– м... Ладно, признаю, я заинтригован.

Драгомир рассмеялся.

– Мой дорогой Хоакин Альварес, – торжественно произнес он, широким жестом указав на экран, занимавший всю стену комнаты. – Позвольте представить вам жителей Венеры.

Пару секунд пилот молча смотрел на психолога, затем, сглотнув, рывком обернулся к экрану. Тот полыхал густым, темно– пурпурным заревом, где медленно и тягуче передвигались звездочки, прожилки, странные бесформенные пятна.

– Что это? – шепотом спросил Хоакин. – Похоже на планктон...

– Удивительно меткое сравнение, – Драгомир улыбнулся. – Вы правы, это и есть планктон. Только не органический, как на Земле, а минеральный.

– Вы хотите сказать, жизнь на Венере вместо океанов избрала колыбелью вулканы? – недоверчиво переспросил Хоакин.

Драгомир кивнул.

– Да. Более того, сходная жизнь существует и на Земле, и на Титане, и в других мирах, где недра достаточно раскалены. Не судите о лаве по земным вулканам –то, что мы видим на поверхности, УЖЕ слишком холодное, чтобы эти существа могли там выжить. Подлинная, глубинная магма – совершенно жидкая, как вода, и столь же пластична. Гипотетический дельфин из вольфрама плавал бы там с той же легкостью, как в бассейне.

Пораженный Хоакин приблизился к экрану.

– Непостижимо... – прошептал он.

– Ну, вообще–то, все логично, – заметил Громов, стоя рядом и глядя, как на экране шевелится магма, – Вещество в мантии пребывает в состоянии пластичного «желе» и мало чем отличается от илистых берегов первых океанов, где органические молекулы рождались под бомбардировкой космических лучей. Разве что, в недрах лавовых морей условия гораздо стабильнее.

– Энергии там больше, чем нужно, химических элементов – вся таблица Менделеева, – вставил Драгомир. – Единственная проблема температура. Но, если в основу жизни ложится не углерод, а нечто, куда более стойкое... – он причмокнул губами и молча кивнул на экран.

– Только здесь, на Венере, самой горячей планете Солнечной Системы, существуют условия, позволяющие наблюдать этих уникальных существ в их родной среде обитания, – робко сказала Джамиля. – На Земле пришлось бы рыть до мантии, а там такое давление, что ни один прибор не продержится и минуты. Вы не представляете, что это за чувство для геолога – всю жизнь изучать камни, и вдруг понять, что камни бывают живыми...

Хоакин вздрогнул.

– Насколько они развиты? – спросил быстро.

Девушка развела руками.

– Мы не знаем. До сих пор мы наблюдали лишь аналоги одноклеточных. Вероятно, колоссальное давление в недрах препятствует формированию более сложных организмов.

– Так что, никаких вольфрамовых дельфинов, – ехидно вставил Громов.

Хоакин помолчал.

– Это удивительно, – сказал он, наконец. – Но вы упомянули, что не имеете вещественных доказательств жизни на Венере.

Громов тяжело вздохнул.

– Увы. Нашу теорию почти никто не разделяет. Ортодоксальная наука полагает это... – он кивнул на экран – ...всего лишь минеральными вкраплениями, имеющими не большее сходство с жизнью, чем рисунок дельфина с ним самим. Мы ведь не можем «поймать» это существо и исследовать, оно попросту распадается с уменьшением температуры и давления. А научных приборов, функционирующих в раскаленной до

пяти тысяч градусов магме при давлении в десятки тысяч атмосфер, пока не создали.

– Тогда в чем же тайна? – Хоакин прищурил глаза. – Что за открытие вы совершили, что убедило вас считать эти пятна живыми?

Ответил молчавший до сих пор доктор Бозанович:

– Открытие совершили не мы, – сказал он хмуро, – а жители погибшего две тысячи лет назад в извержении вулкана города Куикуилько, на юго– востоке долины Мехико.

– Ваше появление здесь, Альварес, это заговор потусторонних сил! – шутливо вставила Джамия. – Сама судьба направила к нам мексиканца.

Все рассмеялись, но Хоакин даже не улыбнулся.

– Да, совпадение забавное, – пробормотал он. Все подозрения нынешнего утра разом ожили. – Особенно, если вспомнить, что в моих жилах до сих пор течет кровь тотонаков, основателей упомянутого вами города.

– Действительно? – с удивлением спросил Драгомир. Хоакин нервно усмехнулся.

– В Мексике трудно найти человека без примеси индейской крови. У нас сохранилось немало и чистокровных майя, ацтеков, даже ольмеков... Во мне есть частичка от тотонаков, жителей Теотиуакана. А Теотиуакан основали как раз беженцы из гибнущего Куикуилько.

Громов и Драгомир переглянулись. Профессор задумчиво огладил подбородок.

– Удивительно...

«Не то слово» – подумал Хоакин.

Бергман. Больше никому. И ведь как все рассчитал – если б вездеход стартовал даже на одни сутки раньше, Хоакин успел бы вернуться. Гм– да... Кому–то с большими деньгами очень хотелось, чтобы пилот межпланетного класса Альварес провел на малоизвестной частной станции «Феникс– 2» целых 116 суток.

Полно, а произошла ли вообще ошибка с расчетом запасов воздуха? В космосе за такие ошибки, знаете ли, не похвалят. Можно и под трибунал угодить. Неужели Синтия была права, и все подстроили лишь с целью заманить его на станцию? Вполне возможно... Ведь по собственной воле Хоакин, естественно, не променял бы карьеру пилота на сомнительный частный проект. Кардиостимулятор Сатаны, да что же здесь

происходит?!

– Полагаете, он может оказаться восприимчив? – тем временем спросила Джамиля.

– Тотонаки владели изначальной, чистой формой, у нас лишь жалкая тень их таланта, – академик нервно сцепил пальцы.

– Сергей, ну сами подумайте, какие тут шансы! Это смешно! – возмутился Драгомир. Хоакин кашлянул.

– Ах да, простите, – спохватился Громов. – Альварес, с учетом ситуации, ваше происхождение – просто чудо. Идемте, – он схватил пилота за руку. – Настала пора вам узнать, какое отношение к земным динозаврам имеют венерианские лавовые амебы!

Ученые стремительно покинули комнату и вошли в лифт. Коридор третьего этажа отличался от прочих – обоев и бордового паласа здесь не было, вдоль стен шли толстые гофрированные трубы системы охлаждения. Едва гидроцилиндры, с шипением, отворили мощную, полуметровой толщины дверь, из лаборатории на людей повеяло холодом. Следом за Громовым и Драгомиром, Хоакин с опаской вошел в большое полусферическое помещение с белыми стенами.

Освещение здесь, почему-то, имело сильный голубоватый оттенок, из-за чего кожа казалась мертвенно-бледной. Вдоль стен тянулись кабели, большую часть места занимали шкафы вероятностного компьютера. В центре, на круглой рифленой подстилке из серебристого алюминия, стояли две самые обычные корабельные койки, а между ними, на увитом проводами хрустальном постаменте, покоился синий кристалл.

Хоакин невольно сглотнул. Драгоценность слегка напоминала сапфир, но имела типичную форму вытянутой призмы со сверкающими, полированными гранями. Вещество кристалла было полупрозрачным, однако, не чистым, как у бриллиантов, а с многочисленными прожилками, звездочками и...

– Не может быть! – Хоакин вздрогнул. – То же самое, как в лаве!

Драгомир подошел к постаменту и жестом поманил к себе пилота.

– Только руками не трогайте, – сказал он тихо. – Это не камень, а живое существо. Причем разумное.

Пораженный Хоакин склонился над кристаллом. Вблизи сходство с

обитателями Венеры стало еще более очевидным.

– Разумное существо? – переспросил пилот внезапно охрипшим голосом.

Подошли Громов, Исаак и Джамиля. Некоторое время все хранили молчание.

– Если вы, когда-нибудь, думали о чем-либо «медленно», можете смело считать себя наивным, – произнес наконец Драгомир. – По сравнению с жизненным циклом этих организмов, цивилизации вспыхивают и сгорают во Времени, будто бабочки–однодневки. Мы полагаем, что кристалл, на который вы сейчас смотрите – нечто вроде детеныша; ему около ста миллионов лет.

– Невероятно, – прошептал Хоакин. – Но если они похожи на обитателей магмы, каким образом выживают при столь низких температурах?

– Мы считаем, перед нами другая, хоть и родственная форма жизни, – ответил Громов. – И происходит она не из Солнечной Системы. Эти существа расселяются по Галактике, попросту летая меж звезд, как астероиды. Их путешествия длятся миллионы, десятки миллионов лет. Судя по спектральному анализу, они возникли в эпоху первого поколения звезд – более двенадцати миллиардов лет назад, то есть, почти одновременно со Вселенной.

Хоакин сглотнул.

– Но как вы столько узнали? Как догадались, что ОНО живое и к тому же разумное?

Ученые переглянулись. Ответила, с невеселой улыбкой, Джамиля:

– Мы просто его спросили.

Повисла тишина.

– С ними можно... Общаться? – выдавил Хоакин.

– Не мелите чепухи, – хмуро ответил Бозанович. – Прежде, чем кристалл успеет сформировать мысль, вы умрете от старости. Но некоторые люди, очевидно, обладают странным... резонансом, совместимой структурой мозга, я не понимаю механизма этого процесса. К сожалению, с фактами не поспоришь.

– Видите ли, – нервно заметил Громов. – После обретения нового тела, знакомый вам сеньор Птальяпа вдруг обнаружил способность воспринимать память, скрытую в этом... камне. И не только воспринимать, но и транслировать другим людям.

Драгомир фыркнул.

– Нам известно о двух таких кристаллах – второй, гораздо более крупный, был найден в начале 20–го века в России и, долгое время, покоился в геологическом музее города Новоуральск. Затем этот город стал называться Свердловск–44, и дальше следы камня теряются, мы так и не сумели его отыскать. К счастью, еще один осколок, на который вы сейчас смотрите, хранился в личной сокровищнице семьи Птальяпы на протяжении веков, а до того переходил из рук в руки. И даже не считался особо ценным – так, где-то между хризолитом и опалом. Мы проследили его историю лишь до города Куикуилько; не вызывает сомнений, что жрецы тотонаков умели читать память камня.

– Вероятно, именно так появился образ Пернатого Змея, – вставила Джамия. – Больше нигде на Земле, ни один народ не снабжал рептилий перьями, а мы сегодня знаем, что большинство динозавров имели перья. Это невозможно понять по окаменелостям.

Хоакин вспомнил о приступах галлюцинаций, и все кусочки мозаики, разом, внезапно собрались в единую картину. Ну конечно, вот, почему его сюда затащили! Должно быть, они искали людей с подходящими генами, ведь на космофлоте не так уж и много потомков индейцев... Ахнув, пилот рывком обернулся к девушке:

– Вы сказали, я могу оказаться восприимчив!

Джамия кивнула.

– Тотонаки не просто «слушали» память кристалла, как может наш Птальяпа, нет, они явно ВИДЕЛИ. Их астрономические познания было просто невозможно обрести без приборов, компьютеров и многолетних наблюдений. Их письменность представляла собой цепочки узелков – нигде на Земле больше не создали подобную.

– А теперь приглядитесь к вкраплениям в кристалле – что это, как не цепочки удивительных, божественных знаков? – Громов развел руками. – Безусловно, они считали драгоценность посланием богов. Ведь боги им ЯВЛЯЛИСЬ, достаточно было коснуться волшебного камня... Но, в то же время, видения открывались лишь избранным. Я убежден, что в те времена жрецы устраивали детям такие же тесты, как сегодня делают в Тибете при поиске Далай–Ламы.

Хоакин нетерпеливо огляделся.

– Я хочу испытать кристалл.

Драгомир усмехнулся.

– Для того мы сюда и поднялись. Снимайте комбинезон и садитесь на кровать.

Пилот молча последовал указанию. Врач подошел к нему, чтобы закрепить на груди электроды, но вскрикнул и отпрянул, когда яркий цветной динозаврик промчался по коже Хоакина и клацнул нарисованными зубами.

– Что это?!

– Труднн, не шали, – строго приказал пилот. Динозаврик, уныло повесив голову, перебрался к нему на плечо и свернулся клубком. Джамиля восхищенно всплеснула руками:

– Какая прелесть!

– Надо же... – смущенный Драгомир взъерошил копну седых волос. – Давненько не видел живых тату. А почему стенонихозавр?

– Это самочка троодона, – улыбнулся Хоакин.

– Троодон и есть стенонихозавр...

– Драгомир, не отвлекайтесь, пожалуйста, – напомнил Громов. Врач спохватился:

– Простите. Альварес, поднимите левую руку... Вот так, – очередной датчик занял место подмышкой. Хоакин оглянулся:

– А где Синтия и Птальяпа?

– Разгружают ваш вездеход.

– Да! – вспомнил пилот, – Почему вы привезли кристалл на Венеру?

Бозанович мрачно усмехнулся.

– Хороший вопрос...

– Обитатели лавы оказывают на камень мощнейший усиливающий эффект, – объяснил Громов. – Дома, в комплексе «Феникс– 1», Птальяпе удавалось получать лишь отрывистые, мутные клочья, поскольку на Земле жители магмы не поднимаются близко к поверхности. Здесь – мы будто слушаем качественную фонограмму. Это невозможно описать, Хоакин, вы буквально ныряете в эпоху динозавров! Если ящер проходил близко от камня, вы его не только слышите, вы его ЧУВСТВУЕТЕ – его мощь, его влажное тепло, шум дыхания.

– Но не видите? – уточил Хоакин.

Джамиля вздохнула.

– Увы. Максимум, чего мы добились от Пталпы – смутных переходов между светом и тьмой. Впрочем, и это невероятный результат, если вспомнить, откуда извлекается информация и сколько миллионов лет она там хранилась.

– Но не унывайте, – Драгомир фыркнул. – Наш дорогой Исаак Абрамович разрабатывает программу, которая вскоре позволит по одним лишь звукам с большой достоверностью моделировать изображение. А чтобы вам было легче это оценить, добавлю, что сами звуки, собственно, считываются из нашего мозга через энцефалограмму и реверсивное воссоздание колебаний барабанных перепонки, причем отфильтровываются в реальном времени.

– Минутку, – Хоакин вздрогнул. – Ведь у кристалла нет органов чувств. Ему просто нечем улавливать свет и звуки!

Бозанович, впервые, посмотрел на пилота с явным уважением.

– Блестяще, – буркнул он под нос. – Вы и правда умны.

– Это не ответ.

– Ответа у нас нет, – помолчав, сказал Громов. – Есть только предположение.

– Поделитесь, если не трудно.

Академик вздохнул.

– Доктор Бозанович, будучи практиком, уже задавался этим вопросом на ранней стадии проекта. Мы долго искали ответ, и пришли к выводу, что единственная правдоподобная гипотеза – кристалл пользуется органами чувств тех существ, что его окружают. Иначе говоря, все, что мы слышим, миллионы лет назад слышал динозавр, пробежавший рядом с камнем, а камень фиксировал как бы «фотоснимки» его мозга на момент встречи. Если мы правы – внутри кристалла, безусловно, хранится не только все, что динозавр видел и слышал, но и то, что он ПОМНИЛ. Просто мы пока не умеем это извлекать...

– Готово, – прервал Драгомир. – Выпейте стимулятор и ложитесь на спину, расслабьтесь. Я подключу вас к камню так, чтобы вы не знали, когда произойдет контакт – этим уменьшается эффект самовнушения. Миллион к одному, что ничего не получится, но если ВДРУГ чудеса еще не кончились – не пугайтесь.

Хоакин, поморщившись, осушил стакан зеленоватой шипучей жидкости и лег на кровать.

– Пугаться? – переспросил он негромко.

Драгомир, который уже расстегивал комбинезон, готовясь занять место на соседней койке, стрельнул в его сторону глазами.

– Тут вам не кино и не виртуальная реальность, – отозвался он неожиданно серьезно. – Вы погружаетесь в чужую память, Хоакин. Проще говоря, вы на короткое время становитесь иным существом. Полностью, каждой клеточкой мозга. В течение сеанса здесь, на койках, будут лежать два спящих динозавра с нашими телами.

Пилот неуверенно хмыкнул.

– Звучит и пугающе, и заманчиво.

– Потому, что так и есть, – сказала Джамия негромко.

Хоакин уже собирался ответить, но в этот миг, очевидно, верный своему слову психолог без предупреждения включил связь и пилот провалился в Ничто.

Испугаться он просто не успел, поскольку в следующий миг грохот вспорол небо, и он полетел от слепящего Зверя, что, в мгновение, сделал Солнце тусклым. Он летел, а ветры кидались под крылья, выворачивали плечи, и он бросался из стороны в сторону, и слышал, как под натиском Зверя его кости хрустят, будто ледяные соломинки. Жар настиг его, запалил ему перья, и он закричал, и упал с высоты в озеро, трепещущий, мгновенно утративший небо.

Он вынырнул, но воздух жег изнутри, сознание мутилось. Взбесившееся озеро швырнуло его на берег, и он встал, опаленный, уже бескрылый. Вселенная сошла с ума, мир заходил в конвульсиях. Новый удар расплескал землю, он вскрикнул. Спасения ждать было неоткуда, он уже чувствовал, как Зверь мчит к озеру, слышал жар его глаз, видел запах пылающих жвал.

Шатаясь, он распахнул изорванные крылья, чтобы встретить смерть лицом. Вдали, его уничтоженный рай погибал во чреве ненасытного пламени, и он твердо знал, что это – конец, и дальше сражаться бессмысленно, но все равно трепетал, тянулся во тьму опаленной надеждой... И дотянулся.

– Кто ты?! – голос, полный ужаса, возник в разуме. – Кто ты?!!

И тогда он закричал, торжествующий, счастливый – потому что в искалеченном, сгорающем мире, за миг до смерти, он победил.

– Не бойся! – послал он мысль. – Не бойся! Смотри, запоминай! Ты должен

запомнить! Не бойся!

Слезы. Откуда слезы, ведь плакать он не умел?!

– Я вижу, – донеслась дрожащая мысль.

– Запомни все, – сказал он в бешенстве. – Запомни, слышишь? Вот, что нам уготовано, вот, как завершится наш путь.

– Зачем? Зачем показал?! Я не хочу! Не хочу знать!!!

– Еще не поздно изменить судьбу, – с мукой выдохнул он. Его перья тлели, он сгорал заживо и спешил, надеясь, что успеет предупредить. – Ищи на севере, где вечно дуют ветры, где вода тверже камня, а воздух обжигает сильнее пламени... Там, в глубинах Дар– и– Нур, таится наша смерть, но там же и ключ к спасению. Запомни, что я показал, помни каждый миг, каждую долю вдоха! Не дай этому случиться! Не дай!

– Я... Запомню... – шепнула мысль, и он улыбнулся. Он продолжал улыбаться, даже когда огненный Зверь с неистовым, алкающим воплем выжег ему глаза и растерзал тело.

Глава 3

– Выпейте, – Джамиля поднесла маленький пластмассовый стаканчик с лекарством. – Полегчает.

Хоакин с огромным трудом поднял дрожащую руку. Девушка вложила стакан ему в пальцы, поправила компресс на лбу.

– Как Драгомир? – хрипло спросил пилот.

– Ему досталась многократно ослабленная доза. Зрение уже вернулось, скоро встанет на ноги.

– А я? – Хоакин с мукой сглотнул. – Я ослеп?

Джамиля отвела взгляд.

– Мы... Думаем... Что все образуется.

– Не лгите.

– Я не лгу, – тихо отозвалась Джамиля. – Мы просто до сих пор в шоке. Хоакин, у вас изменился химический состав сетчатки. Глаза не пострадали, просто это более не человеческие глаза, и мозг не умеет принимать с них изображение.

– Господи... – прошептал пилот.

– С Драгомиром произошло то же самое, но зрение быстро восстановилось, – с преувеличенной бодростью заметила Джамиля. – Вы тоже скоро оправитесь. Верьте в это.

Хоакин долго молчал.

– Драгомир... Рассказывал... О том... Что мы видели? – спросил он наконец с напряжением.

Джамиля метнула на пилота быстрый взгляд.

– Он сказал, что ничего не помнит.

– Приведите его сюда. Как–нибудь, но приведите. Я должен... Быть уверен.

– Что он ничего не видел? – переспросила девушка.

– Нет! – жестко отрезал Хоакин. – Что я не сошел с ума!

Джамиля помедлила.

– Хорошо, я скажу профессору.

– Не смейте! – пилот подался вперед, шаря рукой в воздухе в поисках ее ладони.

– Никому не рассказывайте, что я это говорил. Слышите? Никто не должен знать!

– Почему? – быстро спросил академик Громов. Хоакин вздрогнул.

– Профессор? – он стиснул зубы. – Вы все время были в каюте?

– Здесь не только я, – отозвался Громов.

– Ваше здоровье беспокоит всю команду, – ровным голосом добавил Птальяпа. –

И конечно, в первую очередь, меня.

– Беспокоит? – пилот слабо улыбнулся. – Вас?

– Разумеется. Я могу оказаться жертвой аналогичного происшествия и желаю не допустить этого.

Хоакин без сил откинулся на подушки. Громов подошел к кровати и взял его

ладонь в свою.

– Альварес, что вы видели? – спросил он серьезно. – Мы должны знать. Мы все здесь в одной лодке, и никто, клянусь, даже не думает обвинять вас в безумии. Мы поверим всему, что вы скажете.

Пилот долго молчал.

– Я не уверен в том, что видел, – выдавил он наконец. – Я просто не могу в это верить, сам. Потому и хочу расспросить Драгомира. Если он тоже... Наблюдал... – Хоакина передернуло.

– Расскажите обо всем, – ласково попросила Джамиля. – Сразу станет легче.

Хоакин сглотнул.

– Вы были правы, профессор, – сказал он тихо. – Вы были правы. Этот камень послание с небес. Я видел... – он напрягся. – Я... Вы будете смеяться.

– Не буду, – жестко отрезал Громов. – Успокойтесь, Альварес. Мы верим вам. И вы сами себе верите, иначе бы так не нервничали. Ну? Что раскрыл вам кристалл?

Хоакин глубоко вдохнул.

– Я видел гибель динозавров, – сказал он коротко.

Повисла тишина.

– В каком смысле? – напряженно уточнил Громов.

– В прямом. Я видел падение астероида и сгорел заживо, когда катастрофа мгновенно раскалила атмосферу. Только... – Хоакин опустил голову. – Профессор... Я... Не уверен... Но... По– моему, все происходило на Венере.

Страшное молчание.

– То есть, как, на Венере? – совсем тихо спросила Джамиля после длительной паузы.

– Оранжевое небо, – выдавил Хоакин. – Леса оранжевых деревьев. Я знаю, цвета просто могли исказиться в моем восприятии, но... Говорю вам, профессор, я видел не Землю.

Он сглотнул.

– Здесь, на Венере, миллионы лет назад существовала жизнь. Настоящая жизнь, как дома. Но им повезло меньше, чем нам... И разум! Да! Они были разумны!

– Динозавры?! – переспросил Громов.

– Не совсем, – Хоакин с трудом покачал головой. – Скорее, птицы... Я слился с одним из этих существ, оно напоминало помесь ворона с коршуном...

– Ваши теории ошибочны, – сухо произнес Птальпа. – На Венере не могло существовать жизни земного типа, поскольку она еще миллиарды лет назад связала бы весь углерод, и нынешнего парникового эффекта просто бы не наблюдалось. В то же время, преобладающий оранжевый цвет весьма явно указывает на Марс. И нам достоверно известно, что в далеком прошлом Марс переживал чудовищные столкновения с астероидами.

– Марс в те времена не был оранжевым, – возразила Джамиля. – Его нынешний цвет вызван окислением. Когда на планете есть крупные открытые водоемы, она неизбежно будет голубой, а жизнь без открытых водоемов...

– Тише, друзья, – негромко оборвал академик Громов. – Хоакин, что было дальше?

Пилот помолчал.

– Я не знаю, какую планету я видел, – сказал он, наконец. – Я лишь чувствую, в сердце, что это была не Земля. Но главное – не планета, профессор. Даже не катастрофа. Главное, что птица или пришелец, называйте как хотите, ГОВОРИЛ со мной. Я не впитывал чужую память миллионолетней давности, я общался!

Хоакин содрогнулся.

– Господи, профессор... – прошептал он, дрожа. – Вы понимаете? Кристалл ничего не «помнит», он соединяет! Вы действительно СЛЫШАЛИ динозавров, сквозь миллионы лет, а я, только что, побывал в теле инопланетянина! Мыслил его мозгом, ощущал его эмоции! И я понимал их, понимал даже отвлеченные образы, которые мой разум самостоятельно облекал в слова... Они были так похожи на человеческие! Я читал немало фантастических книг, где авторы пытались описать психику «чуждого организма», они придумывали странные и отталкивающие социумы, города–термитники, жуткое нечеловеческое мышление, но, в действительности, все почти как у нас!

Хоакин закрыл лицо ладонями и глубоко вздохнул.

– Это не объяснить... Будто купить детскую книжку–раскраску, и обнаружить внутри «Венеру» Ботичелли...

Он сглотнул. В памяти живо, как наяву, всплыл один из самых ярких кошмаров детства. Этот сон преследовал его неделями, заставлял просыпаться в холодном поту и молча дрожать до утра. Ему снился странный, искаженный ночной лес, изломанные агонией ветви деревьев, седая трава. Посреди тропы, жутким черным оком зиял колодец, и Хоакин вновь замирал на самом краю, оцепеневший от страха и необъяснимого волнения.

Тот, кто стоял напротив, менялся в каждом сне – то непонятный зверь, то птица, однажды лев из старого мультфильма, однажды дракон... Не менялись только слова:

«Иногда, в самые тихие ночи, из глубин доносятся трубные звуки слонов»

И Хоакин закрывал глаза, тонул в бесконечно– непознанном. Ему виделись призрачные картины давно минувших эпох, наступление тьмы, безымянные герои, что вели свои народы к спасению... Он видел старую шахту, разбросанные землетрясением керосиновые лампы, и откуда–то знал, что лампы надо зажечь, и расставить вдоль Черной Реки, чтобы друзья не сбились с пути. Он видел стеклянные города, где с неба, вместо дождей, рушились ливни гниющих ослиных туш, а ржавые синие экскаваторы, с утробным чавканьем, ползали по хлюпающей плоти, крушили дворцы и грузили обломки в распахнутые пасти жаб. Иногда, Хоакину снилось, будто он, изможденный, раненный, с боем пробивался домой, в уютное логово у подножья утеса, где его ждали испуганные и беззащитные друзья, а враги окружали выходы, во всем мире не оставалось никого, кроме врагов... В последние минуты, когда надежда уже гасла, загнанный мальчик отступал к дальней стене логова, вжимался в холодные камни, и вдруг понимал, что стена – еще не конец. Есть путь на ту сторону. Путь, изначально таившийся прямо в родном доме, ведущий к спасению... И весь мир он обошел, только чтобы вернуться домой, и найти этот путь...

Стиснув зубы, Хоакин встряхнулся. Прошло много лет с тех пор, как он, в последний раз, видел такие сны, но их яркость не потускнела.

– Есть... Еще одно... Что вы должны знать, – выдавил пилот через силу. – Сегодня ночью... В кошмаре... Я уже встречал эту странную полуптицу. Без прямого контакта с кристаллом. А во время контакта... Я... Мне показалось... Профессор, она меня ПРИЗВАЛА. Я не случайно попал именно в миг падения астероида, мне хотели его ПОКАЗАТЬ! И потому я должен быть уверен, что Драгомир наблюдал все вместе

со мной, и это не просто... Галлюцинация... – космонавт опустил голову. – Я в смятении, профессор. Я поражен. Я чувствую, как схожу с ума.

В каюте повисла взрывоопасная тишина.

– Весьма и весьма любопытно, – безжизненным голосом заметил Птальпа после длительной паузы. – Благодарю, Альварес. Ваши наблюдения имеют исключительную ценность.

– Как вы понимали речь инопланетянина? – робко спросила Джамиля.

– Это закономерно, – глухо отозвался Громов. – Кристалл выдает образы, а не слова. Чужая память становится нашей памятью, и слова мозг подбирает самостоятельно...

– Камень работает в обе стороны, – жестко произнес Хоакин.

Все, кроме Птальпы, сильно вздрогнули.

– То есть? – нервно спросила Джамиля.

– Если я понимал мысли пришельца, то и он понимал мои, – пилот сглотнул и коснулся своих перевязанных глаз.

– Профессор, ваш маленький камень бесконтактно изменил мне химический состав сетчатки. С какой целью? А главное, каким образом? Может ли быть так, что я НЕ ОСЛЕП? Вдруг я должен что-то УВИДЕТЬ? Что-то, нормальными человеческими глазами невидимое?

Глубоко потрясенный, Громов потер лоб.

– Альварес, так можно очень далеко зайти, – сказал он тихо. – Не следует строить на песке столь фундаментальные теории. Мы еще не знаем, являются ли ваши видения истинными, либо же кристалл просто возбуждает подсознание и формирует наведенную шизофрению.

– Сергей, но ведь состав сетчатки изменился! – воскликнула Джамиля.

– Это ничего не значит. Под глубоким гипнозом человек способен усилием воли вызывать на теле раны или мгновенно сесть. Физиологически, в теле нет таких механизмов, однако факты не отбросить.

– А вот тут я бы поспорил, – ослабленный голос Драгомира от дверей заставил всех обернуться.

Джамиля подбежала к психологу и помогла ему подойти ко второй койке.

Измученный Драгомир рухнул на подушки и стиснул виски, его мучала головная боль.

– Дайте... Аспиргат... – выдавил он. – Два кубика... В шею.

Джамиля поспешно выбежала из каюты, чтобы вернуться через минуту с инъектором. Драгомир вздрогнул, почувствовав укол и, вскоре, с наслаждением выдохнул. В его покрасневших, налитых кровью глазах отразилось огромное облегчение.

– Давно бы так... – он медленно откинулся на подушки и глубоко вздохнул. – Да, Альварес, устроили вы нам... Сюрприз.

– Вы все помните? – нервно спросил пилот. – Вы тоже видели... Это?

– Конечно, – психолог кивнул.

Хоакин закрыл лицо ладонями.

– Господи, я думал что спятил. Что чертов кристалл перемешал мне мозги миксером.

– Ну, в целом он так и сделал, – ухмыльнулся Драгомир.

Хоакин сглотнул.

– Как ваше зрение?

– Восстанавливается. Вы тоже скоро оправитесь, говорю как врач.

– Чертовски приятно слышать...

Громов кашлянул.

– Драгомир, что можете добавить к рассказу Альвареса?

Психолог криво усмехнулся.

– Совсем немного. Во– первых, разумеется, мы видели Землю. Оранжевый цвет – просто следствие того, что зрение птиц сильно отличается от нашего. Зеленые листья в ультрафиолете сияют пурпуром, Альварес... – он вздохнул. – Во– вторых, вы упускаете из виду главную, важнейшую деталь. Не о том надо размышлять, как и зачем кристалл соединил нас с пришельцем; думать надо о том, что пришелец сказал. А сказал он, цитирую... – Драгомир закрыл глаза, – «Вот, что нам уготовано. Не дай этому случиться!»

Все переглянулись.

– Намекаете, он просил о помощи? – тихо спросила Джамиля.

Драгомир покачал головой.

– Сомневаюсь. Он сгорал заживо, и прекрасно сознавал, что сейчас умрет, но, все же, пытался предупредить тех, до кого сумел дотянуться сквозь кристалл.

– Вот, что нам уготовано! – прошептал Хоакин.

Джамиля ахнула.

– Неужели вы думаете...

– Не думаю, – мрачно оборвал врач. – Я психолог, и вынужден считаться с возможностью наведенной шизофрении. Тем более, учитывая слова Альвареса о предыдущих видениях с участием «птицы», как возможной отсылки к застарелым, еще детским комплексам...

Драгомир тяжело вздохнул.

– Простому человеку трудно в такое верить, но для шизофреника галлюцинации не просто неотличимы от реальности, а, зачастую, кажутся более реальными, чем истинный мир. Выдуманные персонажи – далеко не предел; я читал о больных, которые разбивались насмерть, пытаясь пройти сквозь видимую лишь для них дверь в бетонной стене.

Повисла тишина.

– Допустим, ваше видение имело не галлюцинаторную природу, – сказал, наконец, Громов. – Какие есть идеи насчет кристалла?

– Он существует вне континуума, – твердо заявил Хоакин. – Коснувшись камня, можно войти в контакт с любым существом, когда– либо дотронувшимся до драгоценности.

– Вы не в фантастическом рассказе, – возразил Драгомир.

Громов задумчиво огладил бороду.

– Ну, чисто теоретически... Подобные объекты возможны. Однако, они должны состоять из антивещества, иметь отрицательную массу и двигаться относительно нас с удвоенной скоростью света...

– Либо, они могут быть наблюдаемой частью многомерного объекта, – холодно заметил Птальпа.

Все переглянулись.

– Господи, я и не думал об этом... – прошептал Хоакин.

Джамиля нервно сцепила пальцы.

– Многомерный кристалл, – она сглотнула. – Как бутылка Клейна. В наше трехмерное пространство она может быть лишь погружена, но не вложена...

– Именно, – Птальяпа скрестил на груди руки. – Человеческий мозг никогда не осознает полную «форму» такого объекта. Перемещаемый нами в трех измерениях, кристалл может покоиться в неподвижности относительно других координатных осей, в том числе, и временной.

– Господи, Птальяпа, но это же значит, мы могли попасть куда угодно, – тихо сказал Хоакин. – Вовсе не обязательно в прошлое!

– Логично, – полукиборг отрывисто кивнул. – То, что вы видели, с равным успехом может оказаться гибелью как динозавров миллионы лет назад, так и человечества, начиная с этой секунды в любой день.

Повисла мрачная тишина. Наконец, Громов нервно перебрал плечами.

– Друзья. Мы не обладаем информацией ни о кристаллах, ни о пришельце, ни даже о самом факте контакта. Я считаю, на данном этапе – категорически преждевременно строить любые теории. Тем более, такие глобальные.

Хоакин напряг силы и сел на кровати.

– Мы должны повторить сеанс.

– Что?! – разом вскрикнули Громов и Джамиля.

– Согласен, – холодно произнес Птальяпа.

Хоакин сглотнул.

– Я должен знать, о чем предупреждала птица. Это же... Господи, это может касаться всех нас!

– Но вы ослепнете! – воскликнула девушка.

– Нет, не ослепну, – возразил Хоакин. – Драгомир?

Психолог ответил не сразу.

– Ну... Как человеку, мне, конечно, безумно любопытно, но, как врач, я не могу разрешить вам второй сеанс. Это окончательное решение, Альварес, и спорить бесполезно.

– Решения здесь принимаю только я, – холодно сказал Птальяпа. – Станция принадлежит мне. Если Альварес согласен рискнуть, я его поддерживаю.

– Вы жалкий эгоистичный червь! – взорвалась Джамиля. Птальяпа пожал

плечами.

– Я рационален.

– Нет, – жестко произнес Драгомир. – Даже капитан не может оспаривать вердикт корабельного врача, если речь идет о жизни пациента. Так гласит устав.

– Слепота жизни не угрожает.

– Бога ради, заткнитесь! – не выдержал Громов.

Птальяпа повернулся к Хоакину.

– Альварес, не обращайтесь на них внимания. Сообщите, когда почувствуете себя лучше, я желаю присутствовать на втором сеансе.

– Хоакин, не делайте этого! – взмолилась Джамия.

Пилот с трудом покачал головой.

– Я должен. Поймите, я... – он сглотнул и, беспомощно разведя руками, признался: – ...Я боюсь.

Девушка опустила голову, Громов вздрогнул. Драгомир тяжело перевел дыхание.

– Что ж, – произнес он после паузы. – Коль скоро я не могу запретить вам рисковать жизнью и здоровьем, я, по крайней мере, могу постараться свести этот риск к минимуму. Хоакин, завтра и послезавтра вы будете проходить интенсивную томографию в моей лаборатории. До тех пор, клянусь, если вы хоть заикнетесь о сеансе, я распоряжусь привязать вас к постели, как помешанного!

– Хорошо, – негромко сказал космонавт. – А сейчас, прошу, на пару минут оставьте меня наедине с Птальяпой.

Все переглянулись.

– Хоакин? – профессор Громов удивленно нахмурил брови. – О чем вы?

– Я должен с ним поговорить.

– Всех прошу немедленно покинуть каюту, – ледяным тоном заявил Птальяпа.

Помолчав, Громов бросил на Драгомира выразительный взгляд. Тот нервно огладил подбородок.

– Что ж... Мы будем за дверью... – психолог первым вышел из комнаты. Джамия и Громов к нему присоединились, и в каюте повисла мрачная тишина. Слепой Хоакин глубоко вдохнул воздух, пропахший медикаментами.

– Птальяпа, все ушли?

– Да.

– В таком случае, я желаю знать, почему вы организовали мое прибытие на станцию.

Полукиборг отозвался столь же невозмутимо, как и всегда:

– Я искал человека, способного воспринимать визуальную составляющую из кристалла. Я сам к этому непригоден.

– Но как вы узнали, что я подойду?

– Я не знал. Я отбирал наиболее подходящие кандидатуры, и с вами мне повезло. Шансы один на миллион, как выразился Радовский. Если вам любопытно, я организовал не только ваш визит на станцию, но и перевод на Венеру с лунных линий, год назад.

Хоакин помолчал.

– Впечатляет. Это наверняка обошлось вам в круглую сумму.

– Я бы сказал, в шарообразную.

– Зачем? Какова ваша цель? – космонавт подался вперед. – Что вы узнали из кристалла, Птальпа?

Полукиборг ответил не сразу.

– Вы проницательны, Альварес.

– Я должен знать. Я испуган, черт возьми! Я наблюдал конец света, вы понимаете?!

– Понимаю, – холодно произнес юноша. И одним этим словом он объяснил Хоакину все, что тот хотел знать. Смертельно бледный, пилот откинулся на подушках.

– Так произойдет и с нами, верно? – спросил он после долгого молчания. – Когда?

Птальпа не шевельнулся.

– Я не знаю сроков.

– Что вы увидели? Что раскрыл вам камень?

– То же самое, что и вам. Еще на Земле, – сухо сказал полукиборг. – Я не считал возможным делать далеко идущие выводы из галлюцинации, затронувшей меня одного. Теперь, когда все подтверждается, сомнений больше нет. Пришелец желал нас предупредить, Альварес – нас, людей. Все, что мы видели, ожидает и человечество.

Хоакин скрипнул зубами.

– Остальные... знают?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что я пока не представляю путей борьбы, – холодно ответил полукиборг. – И до тех пор, пока идей не появится, пусть они считают, будто мы слушаем голоса динозавров.

Хоакин опустил голову.

– Попросите всех вернуться.

Птальяпа молча открыл дверь. Громов и Джамиля сразу забежали в каюту, Драгомир помедлил на пороге.

– Вижу, разговор был серьезный, – заметил он негромко.

Хоакин с трудом кивнул.

– Я... Расскажу позже.

– Не сомневаюсь, – хмуро заметил психолог. – Теперь, что касается вас... – он вошел в комнату и обернулся к Птальяпе, но запнулся и вопросительно посмотрел на дверь. Туда же уставились остальные, даже Хоакин с тревогой насторожился.

– Исаак? – Громов отшатнулся при виде бледного, тяжело плывающего воздух физика. – Что случилось?!

Бозанович молча шагнул вперед и упал лицом вниз.

Глава 4

Синтия приходила в себя медленно и тяжело. Открыла глаза, но в комнате было темно. Что случилось? Где она? В голове все кружилось, во рту стоял мерзкий солоноватый привкус крови. Попытавшись встать, девушка с изумлением поняла, что

связана.

– Какого черта?! – Синтия рванулась, но путы лишь больно врезались в запястья. Испуганная, растерянная, она откинулась назад, судорожно пытаясь вспомнить, как тут оказалась.

И где «тут»?! Это определенно не ее каюта! В воздухе стоял сильный запах горячего машинного масла, от металлического привкуса щипало язык. Спокойно... Спокойно. Без паники. «Феникс–2» покоится под километровым слоем лавы, ничто на свете не может покинуть станцию или попасть сюда извне. Синтия собрала волю в кулак.

Она сама проектировала «Феникс». Она знает здесь каждый миллиметр. Без паники. Надо лишь спокойно, не спеша, припомнить, что случилось...

Птальяпа!!! Поганный робот! Он все же спятил! Синтия задыхнулась. Что произошло после разговора с Хоакином? Боже, как болит голова... Кажется, она вернулась в каюту, взволнованная и подавленная... И легла спать? Почему легла спать?! Ей же надо было разгружать вездеход! Странно... Необъяснимо! Ладно, это потом... Что произошло дальше? Птальяпа, очевидно, следил за ней и решил вмешаться, чтобы она и Хоакин не вздумали... Подмешал снотворное?

Звук! Сердце девушки чуть не остановилось, когда в темноте послышался тонкий металлический перестук. Звук приближался, и воображение живо нарисовало нечто многоногое, холодное, инопланетное до помрачения рассудка. Не в силах справиться с ужасом, девушка закричала и забилась в пугах. Когда ледяные хелицеры коснулись кожи на ее руке, Синтия провалилась в глубокий обморок.

Она не чувствовала, как металлокерамический дроид– паук закрепляет на ее голове электроды. Машина работала четко, стремительно и умело. Меньше минуты потребовалось ей, чтобы соединить нервные центры у висков девушки с мрачно полыхавшим синим кристаллом.

Последний провод занял свое место и дроид, перекусив проволоку на руках и ногах жертвы, поджал лапы и с сухим стуком свалился на палубу: его роль себя исчерпала. Кристалл вспыхнул ярче. Тело девушки судорожно прогнулось, дернулось пару раз – и полностью расслабилось.

На четвертом этаже, доктор Бозанович уронил пульт управления дроидом в

вентиляционную трубу. Шатаясь, прошел последние метры до каюты и упал лицом вниз.

Джамиля, вскрикнув, первой подбежала к физику, спустя миг рядом оказался и Громов. Драгомир, стиснув зубы, поднялся с койки, слепой Хоакин беспомощно озирался. Лишь Пталья не сдвинулся с места.

– Живой? – спросил без тени волнения.

Громов и Джамиля перевернули Бозановича на спину. Девушка приникла к его груди.

– Он весь горит! Пульс учащенный, резко!

– Зрачки расширены...

– Исаак! Исаак, что с вами? – Громов с тревогой заглянул физику в лицо. – Исаак!

– Птицы... – прошептал Бозанович, глядя в пустоту невидящим взором. – Всюду птицы...

– Что?! – Громов и Джамиля переглянулись. Рядом, хрипло дыша от напряжения, опустился Драгомир.

– Джамиля, бегом за диагностером, – приказал он с напряжением. – Захватите в медпункте красный чемоданчик, он укреплен на стене прямо против дверей. Громов, помогите мне...

Совместными усилиями они с академиком усадили Бозановича у стены. Драгомир, кусая губы, растянул ему сорочку и принялся быстрыми, уверенными движениями массировать область сердца, второй рукой одновременно щупая основание шеи и горло. Спустя минуту физик глубоко вдохнул; его судорожно напряженные мышцы расслабились. К этому времени Джамиля уже вернулась, врач выхватил у нее чемоданчик.

– Не паниковать, все будет хорошо... – бормотал Драгомир, делая Бозановичу укол за укол. Лекарства подействовали почти моментально, физик облегченно расправил плечи и уронил голову на грудь. Врач утер со лба пот.

– Ну, вот... – он бросил на Громова выразительный взгляд. – Пусть отдохнет.

– Что с ним?

– Скоро узнаем, – Драгомир уже разматывал провода диагностера. Быстро и

привычно разместил присоски датчиков, выдвинул зенограф. Джамиля и Громов с тревогой склонились над экраном.

– Анализ пошел, – Драгомир перевел дыхание. – Да– а... Альварес, за неполную неделю, пока вы здесь, в комплексе случилось больше событий, чем за три предыдущих года!

– Надеюсь, я не во всех виновен, – с легким напряжением отозвался пилот. Тем временем, Птальяпа приблизился к другим и, сверху– вниз, оглядел бессознательного Бозановича.

– Полагаю, он в коме, – спокойно произнес юноша.

Все вздрогнули.

– Незачем полагать, диагностер даст точный ответ... А вот и он! – Драгомир удивленно моргнул. – Что?! Не может быть! Солнечный удар?!

Повисла тишина. Громов и Джамиля, не веря, смотрели на экран, Хоакин у себя на кровати от изумления открыл рот. Птальяпа спокойно кивнул.

– Я так и думал.

– Солнечный удар?! Как он мог получить солнечный удар в километре под поверхностью Венеры?! – воскликнула Джамиля.

Птальяпа криво усмехнулся.

– Вас подводит терминология, – отозвался сухо. – Солнечный удар лишь обывательское название перегрева головного мозга.

Все отшатнулись. Потрясенный Драгомир поднял взгляд.

– Перегрев мозга... – прошептал он.

– Именно, – Птальяпа скрестил на груди руки. – Полагаю, нет нужды объяснять, что могло вызвать подобный эффект, особенно, учитывая слова Бозановича о птицах.

Громов сглотнул.

– Он коснулся кристалла?

– Очевидно...

– Что делаем, Драгомир?

– Уложите его в кровать, быстро, – распорядился врач. – Джамиля, холодный компресс. Сергей, срочно принесите полотенце и ведро с водой, тело нужно охладить. Я ввел пару кубиков неохакатина, это резко сбросит температуру, но...

– Он впадет в кому, – холодно оборвал Птальяпа.

Драгомир стиснул зубы.

– Да, возможно. На пару дней.

– Нет гарантий, что он вообще выйдет из комы.

– Исаак получил тяжелую форму теплового удара, хорошо, что он жив!

– Полагаю, при данных обстоятельствах, нам следует в первую очередь заботиться о наших собственных жизнях, – ледяным голосом произнес Птальяпа. – Я не уверен, что Бозанович физически дотрагивался до кристалла. В таком состоянии он не дошел бы от лаборатории до этой каюты.

Все вздрогнули.

– Но... – Джамия сглотнула. – Как же тогда...

– Ответ очевиден, – Птальяпа обернулся к молчавшему Хоакину. – Альварес пробудил ото сна либо сам кристалл, либо одно из существ, с которыми через кристалл можно связаться. И существу, безусловно, на порядок лучше, чем нам, знакома техника работы с такими кристаллами.

В комнате повисла жуткая, взрывоопасная тишина. Первой опомнилась Джамия.

– Я... За компрессом... – выдавила она. Громов схватил ее за руку.

– Нет! В одиночку больше ходить нельзя. Птальяпа, проводите ее в медпункт и не спускайте глаз друг с друга!

– Это логично, – юноша холодно кивнул. – Идемте, Джамия.

Они вышли из комнаты. Драгомир и Громов, тем временем, раздели бледного, как брюхо камбалы, физика и уложили на кровать. Хоакин тяжело дышал.

– А где Синтия? – спросил он внезапно.

Драгомир так вздрогнул, что чуть не поскользнулся и был вынужден схватиться за кровать. Громов побледнел на глазах.

– Я давно ее не видел... – пробормотал академик. – Драгомир?

Врач напряженно покачал головой.

– Позавчера они с Птальяпой отправились разгружать вездеход.

– Но Птальяпа здесь!

– Я думал, она устала, и пошла спать прямо в свою каюту!

Громов уже набирал код на терминале.

– Надеюсь, так и есть, – выдавил он с трудом. Экран оставался темным.

Хоакин стиснул кулаки.

– Ну?

– Не отвечает... – прошептал академик. Драгомир чертыхнулся.

– Без паники. Все еще способно оказаться простым совпадением. Синтия могла отправиться в бассейн или спортзал, могла отключить прием звонков.

Хоакин рывком сел.

– Сергей, уничтожьте кристалл!

Громов и Драгомир переглянулись.

– Э– э– э... – академик нервно сцепил пальцы. – Да, полагаю, другого пути нет.

– А если кристалл ни при чем?! – возразил Драгомир.

– Вы сами в это верите? – резко отозвался Хоакин.

– У нас даже нет свидетельств, что происшествие хоть как–то связано с кристаллом! А Синтия... – Драгомир проглотил окончание фразы и быстро склонился к приоткрывшему глаза Бозановичу.

– Исаак? Исаак, как вы?

Бледный, будто 300 мертвых спартанцев, физик смотрел в потолок невидящим взором.

– Мы не одни на станции, – произнес он глухим, чуть подрагивающим голосом.

Академик Громов отпрянул и прижался к стене. Шокированный Драгомир судорожно, до посинения стиснул кулаки.

В реакторном отсеке, на нулевом уровне «Феникса–2», Аоки медленно открыла глаза и села. Перевела дух. Провода датчиков мешали, она их сорвала. Принюхалась, но носитель не обладал достаточным обонянием. Она с горечью вспомнила, что ее об этом предупреждали.

Не торопиться. Сейчас это главное. Основная цель уже достигнута, вопреки всем прогнозам, вопреки мизерной вероятности. Аоки мысленно извинилась перед учителем: видимо, еще не раз и не два ей придется понимать всю глубину его мудрости.

Оглядевшись, девушка осторожно встала на ноги. В помещении было темно, сильно пахло горячим металлом. На миг, Аоки обратилась к памяти носителя, и в

разуме вспыхнул подробный план станции. Прекрасно...

Ее внимание привлекло сверкание на полу. Улыбнувшись, Аоки подняла наарен. Маленький, хрупкий. Как ему удалось сохраниться? Учитель не ошибся, ноосфера этой системы действительно искажает вероятность. Никто, никто не верил ему – кроме Аоки. И вот она здесь, вопреки всем законам Вселенной, вопреки безжалостной математике. Что ж, глупо не воспользоваться шансом.

Глубоко вздохнув, Аоки осмотрела новое тело. Достаточно взрослая самочка, теплокровная, похоже, что млекопитающая, сложение атлетическое. Прислушавшись к ощущениям, Аоки не нашла хронических болей и увечий. Тело покрывала удобная и технологичная одежда, прекрасно.

Пора за работу. Спрятав нежно светившийся наарен в кармашек на поясе, Аоки осторожно пролезла между силовыми кабелями и отворила служебный люк в потолке. Ухватилась за бортики, легко подтянулась – хм, отличный носитель... Выбралась из люка, огляделась. Жаркий, с металлическим привкусом воздух сразу выдавал реакторный отсек.

– Свет, – негромко сказала Аоки. Под потолком зажглась одинокая бромоксидная плоскость. Девушка закрыла глаза, вызвав из памяти носителя план комплекса.

Реакторная находилась в основании центральной башни, отсюда к жилым отсекам вели четыре симметрично расположенных туннеля. Что ж, отлично – источник энергии «Феникса» может помочь на первой стадии. Молча улыбнувшись, Аоки опустилась на пол, приняв позу лотоса.

Ее руки скрестились, пальцы легли на виски. Жаль, носитель еще не успел раскрыть ни одной чакры... Впрочем, это не помешает. Только не здесь, не в такой близости от Изначального.

Ткань комбинезона затлела, прогорела дымной вспышкой и в воздухе, перед лицом Аоки, мрачно сверкающий кристалл начал медленный разгон. Его энергетика коснулась разума девушки, соединилась с ним, простерла невидимые щупальца сквозь переборки. Вдали, на самой периферии восприятия, Аоки ощутила первый контур забвения и усмехнулась. Нет, друзья, останавливать ее уже поздно.

Кристалл вспыхнул слепящей звездой, трансформируя бесполезную энергию

планеты в осмысленную, живую Наар. Чувствуя, как разум трепещет от силы, бурлившей, клокотавшей вокруг станции, Аоки безо всякого напряжения прошла и первый, и второй контуры забвения, помедлив лишь на самой Грани Созерцания. Девушка уже чувствовала ласковый пламень Изначального, жар согревал ей душу. Домой, домой... Сколько же времени она не могла вернуться...

О, Тамас! Первичный океан, колыбель ее расы! Аоки всей душой ощутила мощь, несравнимую ни с чем, способную в мгновение ока распылить на атомы галактический кластер или сотворить новую галактику из пустоты. Как жалок, смешон и пуст материальный мир рядом с тобой, о Тамас... Как же она скучала...

Напряженная до предела, Грань Созерцания пала с беззвучным звоном, и разум Аоки, ликуя, нырнул в Изначальное пламя. Она прожила сотни жизней на сотнях планет, но всякий раз трепетала, возвращаясь домой.

Девушку окружили бесчисленные веданы – простые и милые существа, жившие у самой поверхности океана Тамас. Смеясь и увертываясь, Аоки уплыла от них, впитывая радость узнавания каждой своей частицей, делясь этой радостью с Изначальным.

«Ахав!» – позвала она, не в силах сдержать ликование. – «Ахав, я справилась!»

Доброе сознание учителя обволокло ее разум, их счастье слилось. Аоки расслабилась впервые за бесчисленные века.

«Теперь я готова» – сказала она.

«Ты развиваешься удивительно быстро, дитя мое, но к избранному тобою невозможно подготовиться»

«Я помню, Ахав», – с легкой печалью отозвалась Аоки. – «Но изменить себя я не в силах. Один мудрец сказал: не мы идем по пути, а путь проходит сквозь нас. Учитель, я каждым своим атомом, каждой корпускулой ощущаю, сколь справедливы эти слова. Я чувствую, как Путь пронзает меня и влечет за собой... »

«Ты изменилась с нашей последней беседы», – заметил Ахав. Аоки ощутила тревогу.

«Что со мной происходит, учитель?»

Ласка и нежность окутали ее разум.

«Ничего страшного, дитя мое. Ты крепнешь, заостряешь грани. Твоя анатта

завершает формирование. Возможно, нам следует подождать еще круг»

«Нет!» – Аоки испугалась. – «Я готова, другого шанса может не представиться и за миллион кругов!»

«Твое сознание сейчас очень близко материальному плану. Я боюсь, ты испытаешь сильную боль, дитя мое»

«Я знала об этом с первого мига»

«Не об этом», – печаль Ахава окутала девушку. – «Но я вижу состояние твоего разума, и не буду настаивать. Главное, помни: я всегда рядом и готов разделить любую боль. Ты не одинока»

Нежность и любовь захлестнули сознание Аоки, она всхлипнула. Учитель бережно подтолкнул ее к поверхности.

«Лети, моя маленькая»

«Я вернусь с победой!» – обещала Аоки. Раскинув энергетические крылья, она поймала ближайший поток и рванулась вперед.

Где-то там, далеко за призрачным галактическим рукавом, в пустоте вздымались надменные призмы Аяр. Их системы защиты казались незыблемы, как сам Изначальный Океан, их населяли мудрые, но отказавшиеся от чувств. Они забыли, ради чего живут. Забыли, почему умирают.

Краешком самой внешней мембраны, Аоки ощутила первый контур забвения и разметала его на элементарные частицы. Она чувствовала, как в вечной тьме вокруг призм пробуждаются колоссальные, непредставимо древние машины, и знала, что сама ткань Космоса затрепещет в агонии, когда Аяр бросят против нее все, чем владеют. Но Аоки подготовилась к любому сопротивлению. Засмеявшись, она простерла крылья до центра Галактики и начала пожирать одинокие звезды, аккумулируя их энергию для первого удара.

В этот раз ошибки не будет. В этот раз, они не успеют взорвать ее мир.

– Мы не одни на станции, – глухим, чуть подрагивающим голосом, произнес Бозанович. Академик Громов отпрянул и прижался к стене, шокированный Драгомир до посинения стиснул кулаки.

– Расскажите подробнее, Исаак, – попросил он ровным, напряженным тоном. Хоакин обернулся, беспомощно моргая слепыми глазами.

– Что значит, не одни? – пилот сглотнул. – Сюда невозможно проникнуть извне! Даже теоретически!

– Я видел их, – прошептал Бозанович.

– Кого?! – чуть ли не в панике выкрикнул Громов.

Физик по– прежнему не шевелился, двигались только губы. Даже зрачки оставались полностью неподвижными.

– Они шли мимо, нескончаемой вереницей, – чуть слышно произнес Бозанович.
– Все, кого коснулся и еще коснется камень. Мы ничего не знали. Мы наивные, смешные дикари. Их тысячи. Многие сотни тысяч. Я не мог сосчитать даже расы. Млекопитающие, ящеры, птицы, насекомые всех форм и размеров, мыслящие растения, общественные ячейки– кораллы, неведомые нам формы жизни, призраки, разумные стеклянные дирижабли, цветы из спрессованной музыки, плазменные драконы величиной с Галактику... Они шли бесконечными рядами. Многие умерли миллионы лет назад, многие родятся лишь через миллионы лет, некоторые существуют вечно, некоторых вообще никто, никогда не увидит. Но все они здесь. Когда–то, или когда–нибудь, их всех встретил, или встретит, маленький синий кристалл.

Ученый опустил воспаленные веки. Его голос, впервые, дрогнул.

– Это Вселенная в миниатюре. Макет мироздания. Не послание богов, а сам бог. Мы проводили спектроскопию господина и подключались к его телу проводами из сверхпроводящей керамики. Мы ничего не знали. Мы жалкие, примитивные дикари.

Бледные, Громов и Драгомир переглянулись. Хоакин, кусая губы, сжимал и разжимал кулаки.

– Зачем вы коснулись кристалла, Исаак? – тихо спросил академик.

Бозанович содрогнулся.

– Я ощутил... Просьбу... – физик часто и неглубоко дышал. – Они забрали камень...

– Что?! – Драгомир отпрянул. В этот миг в дверях появились Джамия с Птальяпой, девушка подбежала к раненному и наложила мокрый компресс ему на лоб. Птальяпа бросил внимательный взгляд на Громова, что так и стоял у стены.

– Новая атака? – отрывисто спросил юноша.

Хоакин попытался встать с кровати, промахнулся рукой мимо бортика и рухнул

на пол. Джамиля, вскрикнув, подбежала ему помочь.

– Кристалл... – выдохнул пилот. – Проверьте, где кристалл!

– Как, где?! – Джамиля моргнула. Пталпа с неподдельным интересом скрестил на груди руки.

– Я проверю, – выдавил академик Громов и, покачиваясь, выбежал из каюты. Джамиля помогла Хоакину сесть на кровать, опустилась рядом. Девушку мелко трясло.

– Исаак! – Драгомир нервно кусал губы. – Исаак, очнитесь. Расскажите, что произошло!

Компресс явно помогал – физик перевел дыхание, смертельная бледность потихоньку сходила на нет. Он, по–прежнему, лежал с закрытыми глазами, однако уже казался человеком, а не живым мертвецом.

– Я плохо помню, – прошептал Бозанович. У него начиналась постшоковая реакция, тело затряслось крупной дрожью, пальцы скрутила судорога. Врач поспешно коснулся инъектором вены на его шее.

– Постарайтесь вспомнить! Ну же!

Исаак мучительно сглотнул.

– Я был в лаборатории... Подключал... Компьютер... Вошла Синтия, и кристалл вдруг засветился... – он застонал. – Боже, моя голова...

– Бозанович, кристалл! – напомнил Хоакин. – Что с кристаллом?

Физик хрипло втянул воздух.

– Кажется, я куда–то его нес, – выдавил он едва слышно. – Не помню... Он был горячий! Такой горячий! Я сгорал живьем, но не мог его выбросить! Потом... Кажется... Мы разделились... Синтия забрала кристалл и пошла дальше, а я... Зачем–то... Спустился в ангар... Ремонтные дроиды... Упал... Не мог встать... Темнеет в глазах... Птицы... – Бозанович закрыл лицо ладонями. – Всюду птицы...

За галактическим рукавом, непредставимо сложная структура Аоки трепетала от боли и изнеможения. Она скользила в беззвездном пространстве, уворачивалась от выстрелов, искривляла вокруг себя континуум, делаясь невидимой для сокрушительных потоков плазмы – и раз за разом, уже потеряв надежду, пробивала контуры забвения призм, только чтобы обнаружить еще один, более прочный... Аоки понимала, что битва проиграна, но не могла, не имела сил признать поражение.

Проклятые, надменные Аяр! Они предусмотрели все, их защита работала, как фракталы, бесконечно усложняясь по мере погружения. Чем яростнее сражалась Аоки, тем сильнее становились враги, и девушка уже с отчаянием видела, как Аяр отключают ненужных роботов – нападение было отбито, это понимали все.

«Я найду путь одолеть вас!» – крикнула она, мучаясь болью в истерзанных крыльях. Аяр, наблюдавшие за битвой из своих непроницаемых капсул, отреагировали спокойным превосходством.

«Ты, раз за разом, повторяешь ошибку», – ответная мысль куратора этого сектора Галактики, как всегда у Аяр, была холодна и начисто лишена эмоций. – «Нас невозможно уничтожить. Мы составная часть мира, мы возникли вместе со Вселенной и уйдем вместе с ней. Мы подобны физическим константам, подобны гравитации, подобны темной энергии. Разница лишь в том, что мы персонифицированы, и это вызывает твою ненависть, поскольку бунтовать против закона тяготения не имеет смысла, а против нас кажется возможным. В действительности, это одно и то же».

Увернувшись от очередной атаки, Аоки излучила им презрение.

«Оставьте нас в покое, и мы о вас даже не вспомним!»

«Вас не существует. Вы лишь осколки нашего сознания, крохотные части целого. Ноосфера Вселенной поддерживается Аяр с первого мига Большого Взрыва и, если бы тебе удалось нападение, все живые существа, в космосе и на планетах, у звезд и на орбитах черных дыр, во всех галактиках и квазарах погибли бы одновременно».

«Нет!» – яростно крикнула Аоки. – «Вы ошибаетесь! Я уже сотни кругов пытаюсь вам объяснить!»

«В таком случае, ты недостаточно убедительна», – невозмутимо отозвался куратор.

Аоки ощутила настолько глубокое отчаяние, что едва не погасла, как свеча под водой. Неужели, и в этот раз все впустую? Неужели ее вновь отбросят к началу, и она будет кричать, биться в агонии и плакать, глядя, как гибнет все, что она любила?!

Нет. Нет, достаточно. Следующего круга не будет – так, или иначе.

«Я открою вам сахаксару», – дрожа, послала она мысль. – «Поглотите меня. Ассимилируйте все, что я есть, но обещайте, что оставите нас в покое!»

Аяр отозвались не сразу: их, несомненно, удивило предложение.

«Мы не желаем тебя уничтожать», – пришла, наконец, далекая мысль от другого куратора. – «Ты исключительно развитый аватар и, в обозримом будущем, присоединишься к нам».

Аоки гневно полыхнула энергией:

«Я жажду не смерти! Я хочу доказать, что мы уже не просто ваши фрагменты, нам доступны понятия и знания, которых вы лишены! Мы ваши дети, а не осколки!»

В разуме ближайшего Аяр промелькнуло нечто, похожее на сомнение, и Аоки захлебнулась внезапной надеждой. Она погибнет, но что значит одна смерть, если удастся им объяснить!

«Возьмите меня!» – взмолилась она из последних сил. – «Ведь вы подчиняетесь логике, вы бесконечно, абсолютно рациональны, и должны рассмотреть возможность того, что я не ошиблась. Отрицать без проверки – нелогично! Изучите меня, разберите на атомы! И вы увидите, поймете, я не была осколком!»

«Твоя ценность, как индивидуума, значительно превышает ценность любых результатов изучения твоей мертвой структуры», – пришел беспощадный ответ. – «С каждым кругом, ты совершаешь резкий скачок к освобождению сознания. Ты станешь одной из нас. Это неизбежно. Вскоре нелогичность и бессмысленность агрессивного поведения станут ясны тебе самой, и понимание разрушит последние преграды на пути к Аяр».

Аоки померкла. Сражаться не осталось ни сил, ни желания. Загасив зрение, она отключила оборонительный периметр и скользнула в материальный план, навстречу клокочущей плазме.

Успеет ли она ощутить боль?

Аоки надеялась, что успеет, и даже в миг смерти останется живым существом, а не холодным, бесчувственным разумом.

Глава 5

Седьмой, самый верхний ярус станции «Феникс» не проектировался для людей, и находиться здесь можно было лишь в термоскафандрах. Вопреки регулярно подводившему в космосе «здоровому смыслу», защищали они не от жары, а от холода – на седьмом ярусе, покрытые инеем, блестели хромированные цистерны с хладоном–14.

Низкий, давящий на разум гул нагнетателей был слышен в любом уголке станции, но здесь, рядом с турбинами, он буквально выжимал из груди воздух. Тяжело дыша, Хоакин стоял рядом с трехметровым люком в полу и молча наблюдал, как Громов отвинчивает гигантские, величиной с голову взрослого человека гайки.

Пневматический ключ весил полсотни килограммов даже на Венере. Пожилой академик едва удерживал его в руках. Когда последняя гайка, наконец, сорвалась с резьбы и гулко обрушилась на стальной пол, Хоакин поспешно принял у Громова инструмент. Гидравлические домкраты, тем временем, беззвучно подняли крышку.

Пару секунд космонавты, молча, смотрели на открывшуюся им картину. Под многотонной метровой крышкой люка, в заполненной жидким азотом нише, плавала шарообразная капсула из странного, тускло– зеленого материала с граненой структурой, чем–то напоминавшей пчелиные соты.

– Вы не думайте, я не параноик, – словно извиняясь, немного дрожащим голосом заметил Громов, опускаясь на колени рядом с нишей. Погрузив перчатки в жидкий азот, он в облаках пара подтащил к себе капсулу.

Хоакин криво усмехнулся.

– Я так не думаю, профессор. Мы лишь четко выполняем инструкции.

Громов, сглотнув, извлек из кармашка на поясе скафандра маленький, хромированный цилиндр и приложил его к капсуле. Щелчок – и кусочек металла исчез под зеленой пупырчатой пленкой.

– К черту инструкции, – сказал академик, вновь отталкивая изумрудный шар к центру ниши. – Альварес, я испуган. Мы все испуганы, конечно, но я руководитель проекта...

– Перед кем вы оправдываетесь, Сергей? – спокойно спросил пилот. – Вы поступаете совершенно правильно.

Громов, напрягшись, поднялся с колен. Многотонная крышка люка скользнула вниз по сверкающим рельсам; зеленая сфера и дымящийся бассейн с глухим клацаньем скрылись под чудовищной массой металла.

– Просто... Не хочу, чтобы вы думали, будто я... Будто мы... – академик с трудом поднял первую гайку и, с помощью Хоакина, водрузил ее на штифт.

– Все в порядке, – пилот улыбнулся. – Не волнуйтесь.

Они подтащили пневмоключ и, с грохотом, завинтили одну за другой все двенадцать гаек. Громов бодро показал спутнику большой палец; рука дрожала.

И только в шлюзовой камере, уже сняв скафандр, Хоакин осмелился задать вопрос, который мучал его с первой минуты.

– Профессор... – пилот в упор посмотрел на Громова. – Вы верите, что мы продержимся до отлива?

Академик уронил шлем, который держал в руках. Нелепый, вульгарно– пошлый пластмассовый звук падения ответил на вопрос лучше, чем любые слова. Хоакин скрипнул зубами.

– Я думаю, терять надежду не стоит, – помолчав, сказал Громов. – Да, жить в изоляции предстоит еще более трех месяцев, но ведь с нами, по факту, не произошло ничего страшного, за исключением пропажи Синтии. Все системы «Феникса» исправны, ваше зрение вернулось, Бозанович понемногу приходит в себя, повторных атак еще не было...

– Однако вы, тем не менее, поместили отчет и полный лог бортовых регистраторов в «сундук мертвеца», – заметил пилот, прищурив глаза.

Молчание.

– Я знаю, как это выглядит, Альварес, – тяжело произнес академик. – Я знаю, как на космофлоте относятся к гамма–сферам. Но я уверяю, нет, настаиваю – все будет хорошо. Не надо воспринимать сегодняшнее... Как прощание. Ясно? Мы еще вернемся на Землю, вот увидите!

– А если даже и не вернемся, «сундук мертвеца» предупредит человечество об опасности, – с кривой усмешкой добавил Хоакин. – Сергей, уж меня–то не стоит

щадить. Я, так или иначе, заварил всю кашу...

Профессор, прямо как был, в наполовину снятом скафандре, устало присел на скамью.

– Я понимаю, – сказал он тихо. – Я понимаю. Космос меняет все, к чему привыкли люди за миллионы лет эволюции. Здесь, иногда, нам становится известна точная дата собственной смерти, без малейшей возможности ее отворотить... – академик опустил голову. – Помните, когда «Орнамент» потерял двигатели в окрестностях Сатурна? Они не могли ни сменить курс, ни уменьшить скорость, но припасов и воздуха на борту оставалось на весь обратный путь, то есть на годы. Все это время «Орнамент» держал с Землей связь и не прекращал программу исследований. Экипаж знал, что их не успеют нагнать даже самые скоростные корабли, но они не сдались, Альварес. Они с честью прожили оставшиеся им дни и ушли с поднятыми головами, став величайшими героями за всю историю освоения космоса!

Хоакин мрачно улыбнулся.

– Ни в коей мере не подвергая сомнению удивительный героизм экипажа «Орнамент», все же замечу, что вечной славе и месту в истории, они, безусловно, предпочли бы возвращение домой. Исполнить задание и выжить – вот, на чем держится космонавтика. Кабы я точно знал, что не успею доставить на вашу станцию воздух, я бы не поехал, профессор. Хотя, конечно, стал бы известен на всю Солнечную, если б рванулся в заведомо невыполнимую миссию и героически погиб.

Громов помолчал.

– Известность вам уже обеспечена, Альварес, – произнес он задумчиво. – Вы сознаете, что, вероятно, стали первым человеком, вступившим в контакт с пришельцем?

Пилот сильно вздрогнул.

– Но... Даже не учитывая тотонаков, первым был Птальяпа.

– Он не вступал в контакт, – возразил академик. – Он только слушал. А вы обменялись с пришельцем информацией.

– И навлек на нас... героический финал, – угрюмо отозвался Хоакин. Громов вскинул глаза.

– Ну, что вы, – профессор тепло улыбнулся. – Не вините себя. Мы ученые,

Альварес – наша работа, наше призвание, наша жизнь заключается в вечной битве с природой. Природа скрытна, опасна и мстительна. За каждую украденную тайну она жаждет крови.

Пилот долго молчал. Медленно снял термоскафандр, повесил его в шкаф. Постоял, глядя в пустоту. Промокнул салфеткой слезящиеся глаза.

– Подключите меня к поискам Синтии, – сказал Хоакин, не поворачивая головы.
– Зрение почти восстановилось, я могу оказаться полезен.

Громов недоуменно вскинул голову. В шлюзовой камере воняло аммиаком, желтые плафоны на потолке придавали обстановке удивительно архаичный, «не космический» вид – совсем, как вагоны метро в 20– м веке, подумалось Хоакину. Стиснув зубы, он обернулся:

– Я не хочу возвращаться в медпункт. В комплексе и так настроение, как на похоронах, а теперь вы еще и «сундук мертвеца» зарядили.

– Это исключительно плохая мысль, – Громов нервничал, его пальцы отбивали чечетку по колену. – Вы новичок на станции.

Пилот покачал головой.

– Я хороший специалист. Просто дайте план комплекса. Я справлюсь.

Громов вздохнул.

– Нас только семеро, Альварес. Вернее, пятеро, учитывая состояние Бозановича и исчезновение Синтии.

– Я бы сказал, четверо, – хмуро вставил пилот.

– Ну... Да, вероятно.

– Тем большую помощь я могу оказать.

Громов покачал головой.

– Альварес, дело в том, что... – он вздохнул. – Вы, с полной очевидностью, настроены на кристалл гораздо сильнее любого из нас. И опасность вам будет грозить во столько же раз большая.

Пилот прищурил глаза.

– Вот оно, что...

– Простите. Мы не имеем права рисковать еще и вами. Оставайтесь в медпункте, ухаживайте за Исааком. Быть может, ему удастся припомнить подробности о тех...

Видениях...

Хоакин нахмурился.

– А вы не думали, что моя «настройка на кристалл» поможет его отыскать?

Академик покачал головой.

– «Феникс– 2» очень крупная станция, – выдавил он через силу. – Здесь множество технических, подсобных и служебных помещений, многократно дублированная система вентиляции с широкими трубами, где легко спрятать человека. Синтия главный инженер, «Феникс» ее детище, а поисковых роботов у нас больше нет – Бозановича заставили уничтожить всех ремонтных дроидов. То, что управляет девушкой, явно не желает быть найдено, а значит, на поиски уйдут недели...

Хоакин стиснул зубы.

– Синтии нужно есть и пить. Установите камеры у продуктового склада.

– А вы уверены, что ей действительно требуется пища? – с легкой насмешкой спросил Птальпа. Он, как всегда, бесшумно появился в дверях и никто не мог сказать, как долго он там стоял.

Громов нервно оглянулся:

– Что вы имеете в виду?

– Если они оказались достаточно предусмотрительны, чтобы лишить нас поисковых дроидов, они, определенно, позаботились бы и о столь очевидной человеческой слабости.

Хоакин фыркнул.

– И чем прикажете заменить указанную «слабость»? Манной небесной?

– Нанотехнологией, – коротко сказал полукиборг.

Пилот отпрянул, на лице профессора отразилась растерянность.

– Нанотехнология?

– Разумеется, – холодно отозвался Птальпа. – Я рационален. Я руководствуюсь разумом, а не эмоциями. Если мне говорят, что некий объект бесконтактно меняет химический состав другого объекта, я не готов принять это на веру и позабыть.

– Господи... – академик моргнул. – Я и не думал!

– Вы вообще редко думаете, Сергей, – сухо произнес полукиборг. В его серо-зеленых глазах не отражалось и намека на эмоции.

– Вы упоминали о глубоком гипнозе, – сказал Птальяпа. – Никакой гипноз не поможет, если в теле просто отсутствуют необходимые органы и мышцы. Как говорил Шерлок Холмс, когда отброшены все неподходящие теории, та единственная, что останется – будет верной, даже если кажется невозможной.

– И какова ваша единственно верная теория? – мрачно осведомился Хоакин.

Птальяпа ответил совершенно спокойно:

– Полагаю, кристалл задействует изначально внедренные в человеческое тело «недокументированные» функции.

Повисла тишина.

– Даже так? – переспросил Хоакин спустя минуту. – Ни больше, ни меньше?

– Птальяпа, ваши выводы чересчур смелы для единственного и, к тому же, плохо исследованного феномена, – заметил Громов.

Полукиборг покачал головой.

– Чудес не бывает, – произнес он сухо, со сталью в голосе. – Все, что происходит, имеет строгое рациональное объяснение и, если мы не сразу его видим, это наша проблема. Дистанционное изменение биохимии называется наноманипулированием, превосходит текущий уровень развития земной науки, и означает, что исполнительные механизмы для подобных манипуляций уже присутствуют в теле. Это не теория, Сергей, а факт, свидетелями которого стали мы все. Поэтому, я полагаю, аналогичная технология может применяться для бесконтактного питания тела моей дочери.

– Вашей ДОЧЕРИ?! – Хоакин отпрянул.

Громов нервно сглотнул.

– М– м– м... Ну... Как бы сказать... Видите ли, Альварес...

– Синтия Джексон моя дочь, – оборвал Птальяпа. – Она сменила фамилию после смерти моей прошлой оболочки.

Пораженный Хоакин помотал головой.

– Господи... Бедная девочка...

– Можете считать меня роботом, но я был человеком, имел семью и детей, – ледяным тоном сказал Птальяпа. – Синтия моя младшая. И все, что я делаю здесь, вся программа «Феникс», имеет лишь одну цель: обеспечить безопасность моему потомству.

Громов резко встал на ноги, Хоакин опустил голову. Птальяпа неподвижно стоял в дверях шлюзовой камеры.

– В каком смысле «безопасность»? – резко спросил академик. – Что вы от нас скрыли, Птальяпа?

– Я поражен, что вы лишь сейчас об этом спрашиваете, – размеренно отозвался полукиборг. – Мне казалось, уровень финансовых затрат, которые я уже понес на программу «Феникс», вызовет у вас хоть слабое подозрение.

Академик рывком шагнул вперед:

– Что вам известно? – спросил он с напряжением.

Птальяпа перевел взгляд на Хоакина.

– Немногое, – отозвался холодно. – Как вы помните, мои способности общения с кристаллом на порядок уступают таланту Альвареса. Однако, я понял достаточно, чтобы поверить в смертельную опасность, грозящую Земле и человечеству.

– Опасность? – переспросил Громов. – Кусок синего хрусталя угрожает Земле?

– Нет, – жестко произнес полукиборг. – Земле угрожает бессмертная инопланетная раса, которая использует людей в точности, как я использую это тело, – он коснулся виска, скрестил на груди руки и криво усмехнулся. Мимика Птальяпы была запрограммирована, поэтому лицо могло отражать только определенный набор выражений, причем всегда абсолютно одинаково – выглядело это жутко.

– Наши стереотипные представления о разумной расе, как определенном биологическом виде, вроде «человека», смехотворны и узки, – спокойно сказал юноша. – Можете МНЕ верить, тело суть не более, чем носитель разума. Любая, достаточно развитая цивилизация, придет к этапу, когда тела станут меняться, подобно костюмам.

Бледный Громов бросил на молчавшего Хоакина короткий взгляд.

– Об этом вы говорили наедине?

– Не совсем, – выдавил пилот. Академик стиснул зубы.

– Так вы утверждаете, что... Пришельцы... Обитают среди людей?

– Нет, – жестко ответил Птальяпа. – Они и есть люди.

Полукиборг скрестил на груди руки. Напряжение, царившее в шлюзовой камере, можно было разливать в формы, как раскаленный металл.

– Я не человек, – сухо сказал Птальяпа. – Я ксерокопия человека. Мой

биологический мозг не имеет никакого отношения к моей личности. Именно эта особенность и позволила мне совершить открытие, надежно скрытое от «нормальных» людей.

Он помолчал.

– Человек использует не более десяти процентов мозга. Что хранится в остальных девяноста? Я впервые об этом задумался, когда уловил отрывочные воспоминания искусственного тела. Бион не может иметь воспоминаний. Он зачат и рожден в пробирке, он никогда не воспринимал мир до самой трансплантации чужой личности. Любая, повторяю, абсолютно любая информация в теле биона могла передаваться лишь генетически.

Птальяпо покачал головой.

– Но в ДНК недостаточно звеньев, чтобы кодировать память организма вместе с его строением. Я понял, что рационального объяснения просто нет – а верить глупостям о душах и реинкарнациях я не умел даже в прошлой жизни, – Птальяпо криво усмехнулся своей многозначной фразе. – Поскольку необъяснимость ситуации угрожала моему существованию, я принял открытие как факт и начал искать объяснения, уже исходя из аксиомы, что эффект наблюдается и доказан. По чистой случайности я обнаружил, что соседство с кристаллом усиливает галлюцинации, а прикосновение – пробуждает их подлинную бурю. Следовательно, кристалл был либо источником, либо катализатором невозможных видений. Я начал его изучать. И вот, что сумел узнать к сегодняшнему дню.

Птальяпо помолчал.

– Лавовые амебы, что колышутся в магме вокруг станции, действительно планктон. И так же, как и в земных морях, в недрах большинства планет существуют киты.

– Киты?! – вырвалось у Хоакина.

– Разумная и высокоразвитая раса обитателей магмы, – холодно ответил полукиборг. – Проблема в том, что они не похожи на известные нам формы жизни. У всех существ, населяющих Землю, носителем сознания является их собственное тело. У жителей магмы тела отсутствуют, как таковые. Их нервной системой является сама планета, а органами восприятия – мы.

– То есть как, «мы»? – медленно спросил Громов.

– Мы, углеродные обитатели поверхности. Точнее, дистанционно управляемые щупальца и сенсоры.

Хоакин отпрянул, ударившись спиной о шкафчик с термоскафандрами.

– Птальяпа?!

Полукиборг криво усмехнулся.

– Неприятно, когда вас считают роботом? – он подался вперед. – Альварес, эволюция не обязана ограничивать себя моноблочными схемами, содержащими все элементы в единой оболочке. Жители магмы используют клиент– серверный механизм, где люди – всего лишь носители внешнего разума. Нами пользуются в точности так, как я пользуюсь телом этого биона, – Птальяпа ткнул себя пальцем в висок.

Повисла жуткая тишина.

– Но... Но... – потрясенный Хоакин сглотнул. – Но это же чушь! Если наш разум функционирует не в мозгу, а в недрах Земли, каким образом человек сохраняет рассудок в космосе?!

Птальяпа кивнул.

– Прекрасный вопрос. Я долго не мог отыскать ответ, и лишь здесь, на Венере, начал понимать. В воспоминаниях биона регулярно появляется образ огненного океана, бесконечного энергетического пространства под названием Тамас, – сказал полукиборг абсолютно спокойным голосом. – Поскольку я далек от индуизма, мой рациональный мозг полагает, что речь идет о Солнце.

– Солнце! – воскликнул Громов. Хоакин яростно взъерошил волосы.

– Господи, Птальяпа, вы уверены в своих выводах? Вы представляете, о чем ведете речь?! – пилот ударил кулаком об стену. – Получается, мы нечто вроде терминалов? Дистанционные камеры на колесиках?!

Полукиборг кивнул.

– Естественно. И время от времени, устаревшее оборудование заменяют. Вы видели миг такой замены, Альварес. Я, увы, только слышал, мне неподвластна визуальная часть контакта. Однако, полагаю, мы оба все поняли.

Воцарилось молчание. Громов потрясенно моргал, Хоакин закрыл лицо

ладонями и, около минуты, стоял неподвижно.

– Простите, Птальяпа, но уж больно все это похоже на сказку. – с трудом произнес он наконец. – Я не могу вот так взять, и поверить, что моя душа обитает на Солнце, в то время как тело работает пилотом на Венере.

Полукиборг кивнул.

– Верно. Это и есть сказка, составленная мной на основе обрывочных, призрачных ключев чужой памяти. В действительности, все может оказаться иначе...

Он подался вперед, но продолжить мысль не успел: желтые плафоны на потолке пару раз мигнули и погасли. В полной темноте, оцепеневшие люди ясно слышали, как за стеной стихает низкий гул нагнетателей. Прошла минута, другая, и на станции воцарилась полная тишина. Температура за бортом превышала пять тысяч градусов.

Некоторое время, разум тщетно пытался поверить. Тьма была абсолютной, кошмарной – казалось, она тоже сгущается под колоссальным давлением километрового слоя магмы.

– Профессор! – выдохнул Хоакин. – Система охлаждения! Есть резервные реакторы?!

Ответом был хриплый стон. Пилот обрушил ладонь на стену:

– Птальяпа! Вы здесь?!

– Пока да, – отозвался полукиборг, и на сей раз даже в его невозмутимом голосе проскальзывали эмоции.

Хоакин скрипнул зубами.

– Сколько у нас времени? Как долго комплекс продержится без охлаждения?

– Сорок минут, – ответ прозвучал, как приговор. – Уже тридцать девять.

В кромешной тьме слепящим квадратиком вспыхнул маленький экран коммуникатора, его слабенький свет показался ярче солнца. Хоакин, прищурив глаза, подбежал к Птальяпе.

– Скорее, в реакторный отсек, надо что-то делать! Там ведь есть локальный пульт управления с автономным питанием?! Обязан быть!

– Альварес, вы, похоже, не поняли всей глубины проблемы, – медленно произнес Птальяпа. На глазах пораженных людей экран коммуникатора быстро потемнел и потух. Шокированный пилот схватился за плечо полукиборга, чтобы не

упасть.

– Аккумуляторы... Разряжены? – выдавил он, продолжая на что-то надеяться.

– Нет, – холодно возразил Птальяпа. – Минуту назад в комме был полный заряд, его должно было хватить на год. Станция «Феникс– 2» спроектирована грамотно, Альварес, у нас есть два дублирующих контура освещения и три контура системы жизнеобеспечения. Очевидно, энергия моментально иссякла во всех источниках, включая резервные и аварийные.

Повисла жуткая тишина.

– Цистерны с хладоном, – сказал внезапно академик Громов. Его голос подрагивал, но звучал нормально, первичный шок отпустил.

– Цистерны? – переспросил Хоакин.

– Они чрезвычайно теплее. На этом ярусе у нас будет несколько лишних минут.

– Ясно! – Хоакин отрывисто кивнул. – Птальяпа, оставайтесь с профессором. Я долго был слеп и успел слегка освоиться. Попробую ощупью добраться до медпункта и привести сюда людей...

– Не вижу необходимости, – спокойно отозвался полукиборг. – В текущих обстоятельствах, ждать спасения нелепо. Даже если энергия вернется прямо сейчас, мы не успеем запустить охлаждающие контуры, на прокачку системы требуется два дня. Альварес, вне зависимости от наших действий, станция погибнет через тридцать восемь минут, а мы умрем от жары на шесть минут раньше. Это столь же неизбежно, как смерть от старости. На что вы надеетесь?

– Вот именно, надеюсь! – огрызнулся пилот. – Поставьте себе пометку – люди, как правило, не теряют надежды до последней секунды!

– Глупо, – сказал Птальяпа.

Академик Громов, встав, дрожащей рукой нащупал плечо Хоакина и схватил его за комбинезон.

– Альварес, я пойду с вами. Не хочу... Быть один.

– Хорошо, профессор, идемте, – Хоакин вытянул перед собой руки и, закусив губу, двинулся вперед, стараясь шагать как можно быстрее.

Нащупал дверь, вышел в коридор. Воздух пока не казался теплее обычного, но

это слишком скоро изменится.

– К лифту... Черт. К лестнице налево или направо?

– Налево... – выдавил Громов. – Альварес... Цистерны дадут, от силы, пару минут.

Хоакин стиснул зубы:

– Что вы предлагаете?

Громов судорожно перевел дыхание.

– Я пойду в медпункт, а вы бегите в реакторную. Там освещение бромоксидными плоскостями, они долго фосфоресцируют, будет хоть что-то видно. Попробуйте вручную перезапустить реактор.

Пилот вздрогнул:

– Но Птальяпа сказал...

– Да! Не успеем! Но попытаться надо... – академик сглотнул. – Вдруг... Хладагент... Еще не весь... Испарился...

Стиснув зубы, Хоакин молча сжал плечо Громова. Тот опустил голову.

– Идите отсюда налево, ведите рукой вдоль стены, отсчитайте три... Нет, простите, четыре двери. Будет лестница. Спускайтесь до самого низа, больше сворачивать не придется. Переборки... Ну... Проектировались так, что должны открываться, если нет энергии...

– Ясно. Я попытаюсь.

– Хоакин, – голос академика дрогнул. Он впервые назвал пилота по имени. – Вы спросили, верил ли я, что мы продержимся... Я верил. Я зарядил гамма-сферу не потому, что ждал... Не потому, что...

– Я знаю, Сергей, – тихо отозвался космонавт. – Я знаю.

Хрипло выдохнув, он отпустил плечо профессора и зашагал влево.

Лестница нашлась быстро. Пару раз пилот спотыкался и, лишь чудом, сохранял равновесие; конструкторы станции не предусмотрели лестничных площадок, так что об этаже приходилось только догадываться, непрерывно ожидая последней ступеньки и нащупывая путь ногой. Когда эта самая ступенька неожиданно появилась, Хоакин, разумеется, споткнулся и упал, к счастью удачно, на четвереньки. Вставая, впервые заметил, что воздух уже стал ощутимо теплее.

В груди росла страшная, липкая пустота, ноги вопреки воле казались ватными и едва сгибались. Сердце так колотилось, что перед глазами, в такт, пульсировали красные пятна. Хоакин никогда не боялся темноты, но сейчас, в одиночестве, в полной тишине, за минуты до неизбежной смерти, он вдруг вспомнил колодец – и страх впился в душу ядовитыми хелицерами. Еще ни разу, с того жуткого летнего дня, пилоту не было так страшно, даже когда он ехал в плавающем вездеходе сквозь магму. Хоакина трясло, от чудовищно учащенного пульса кружилась голова.

Он с трудом нащупал стену и прижался к ней всем телом. Горячий – да, уже горячий... – воздух пах металлом, время от времени тишину нарушали невероятно низкие, жуткие поскрипывания, от мощи которых хотелось выть и спрятать голову под одеяло. Обшивка «Феникса» стремительно накалялась и, как и все предметы, расширялась при нагревании, порождая давящие, гулкие звуки, буквально высасывавшие из легких перепуганного человека последний воздух. Ощувив, что еще минута – и он просто сойдет с ума, бросится бежать, крича и размахивая руками, Хоакин сглотнул и принялся шарить по стене в поисках рукоятки аварийного открытия переборки.

Едва массивная дверь поползла вправо, Хоакин, каким-то чудом, удержал вопль радости: СВЕТ!!! Слабый– слабый, мертвенно– синевато– блеклый, но даже едва заметное свечение сейчас казалось благословением. Пилот уже пролез в щель между переборкой и стеной, и бросился вперед по коридору, когда внезапно понял, что свет идет не с потолка. Сердце болезненно сжалось.

Он ворвался в реакторную и застыл. На горячем стальном полу, сверкая синими всполохами, валялся кристалл, а рядом, скрутившись в позе эмбриона, тихо плакала стройная белокурая девушка в обугленном комбинезоне. Вскрикнув, Хоакин упал на колени и схватил ее за плечи.

– Синтия!

Она ткнулась лицом ему в грудь.

– Я... Не смогла... – тело девушки трепетало. – Не смогла... Даже умереть... Они... Просто меня выбросили... Отняли энергию...

– Кто? – ласково спросил Хоакин. – Кто это сделал?

Синтия всхлипнула.

– Люди не знают... О них. Так даже лучше. Когда взорвут Землю... Никто не успеет... Ощутить боль...

– Мы скоро умрем, – тихо сказал пилот. – Станция раскаляется, остались минуты.

Она содрогнулась.

– Прости, прости, я не желала вам горя! – ее сердце бешено билось, Хоакин чувствовал сквозь ткань. – Я только хотела свободы... Хотела предотвратить... Очередной круг смерти... Но надежды нет! Аяр слишком сильны, слишком мудры и безжалостны! Меня просто выбросили... Как ненужного птенца... – девушка прижалась к груди пилота и разрыдалась. Хоакин закрыл глаза. В мертвенном свете кристалла, обстановка напоминала горячечный бред.

– Кто такие Аяр? – спросил тихо.

Синтия лишь крепче его обняла.

– Они вечны, – шепнула в пустоту, не раскрывая глаз. Горячие слезы текли по ее щекам. – Они родились первыми, вместе со Вселенной, и потому верят, будто все остальные расы – лишь их проявления, короткоживущие вихри ноосферы. Я... Уже сотни кругов... Миллионы ваших лет... Пытаюсь уничтожить Аяр, или хотя бы объяснить, как они заблуждаются...

Хоакин до боли стиснул зубы.

– Кто ты сейчас? – спросил он негромко. – Кого Синтия повстречала в кристалле?

Девушка прижалась к его груди.

– Когда-то, меня звали Аоки, – сказала чуть слышно. – Я люблю это имя.

– Ты родилась не на Земле?

Синтия слабо улыбнулась краешками губ.

– На Земле. Правда, задолго до появления людей.

Хоакин вздрогнул.

– Синтия... Аоки, молю, расскажи все. Я хочу понять, прежде чем уйти. Пожалуйста.

Девушка легонько вздохнула. Хоакина передернуло: в реакторной и в самом деле так жарко, или ему кажется?

– Рассказать... – Синтия грустно улыбнулась. – Вместить жизнь в пару минут? Попробую. Давным–давно, в прекрасном мире у далекой звезды, жила могучая раса, предки и моего народа, и людей. Они прошли все этапы эволюции, стали бессмертны, победили природу, добились всего, о чем могли вообразить. Но воображение кончилось, а жизнь продолжалась. Сотни, тысячи кругов, миллионы земных лет утекали в прошлое, и они начали понимать, что у них нет будущего. Они стали слишком могущественны, достигли предела во всем и более не знали, куда двигаться. Их эволюция завершилась.

Синтия всхлипнула, не раскрывая глаз.

– Вокруг, у других звезд, юные расы боролись за жизнь, их кровь бурлила, впереди ждала неизвестность. И предки поняли, что к подлинному бессмертию ведет лишь один путь – надо вновь научиться умирать. Они приняли решение начать все сначала, вторично пройти эволюцию, вновь ощутить горячий, терпкий запах неведомого. Они не знали, что во Вселенной, кроме них, есть и другие... Бессмертные...

– Аяр? – дрожа, спросил Хоакин.

Синтия чуть заметно кивнула.

– Предки изучали Землю в поисках планеты, подходящей для второго витка эволюции, и в это время их уничтожили. Просто стерли, как неудачный карандашный рисунок. Я вылупилась... Родилась... Много позже, в экспериментальной... Колонии. Мы ничего не знали о предках, и Аяр приравняли нас к новому виду, позволив жить дальше. Эти сверхлогичные мерзавцы полагают разумные расы лишь материалом, конструктором для грандиозных опытов, и регулярно «перемешивают детали» в стремлении к своей главной и единственной цели: размножению.

– Размножению?! – переспросил Хоакин. Синтия сглотнула.

– Они размножаются, творя себе подобных. Создают планеты, населяют их и, терпеливо, ждут миллионы лет, чтобы обитатели развились до нужного уровня. Если раса начинает двигаться в неудобную сторону – ее «поправляют», если достигает предела в своей эволюции раньше, чем сумеет присоединиться к Аяр – неудачный материал заменяют новым...

Девушка беспомощно всхлипнула.

– Я... Столько лет с ними борюсь... Что сама уже... Почти... Превратилась... Но во мне еще не умерло сердце. Я живая, а не просто разумная. Я хочу остаться такой, хочу жить, любить и ненавидеть, хочу ошибаться! Я хочу познавать мир... Рожать детей... Неужели я многого прошу?.. Почему они не могут оставить нас в покое?.. Почему?..

Слова утонули в слезах, и Синтия вновь разрыдалась. Хоакин с дрожью притянул ее к груди. От жары было трудно дышать, воздух жег легкие, пот покрывал их тела. Внезапно, в разуме космонавта взорвался мутный шар и он, резко, схватил Синтию за плечи.

– Что... – слова захлебнулись в неистовом поцелуе. Хоакин разодрал на ней опаленный комбинезон, рывком сдернул вниз. Ее глаза широко раскрылись. Он впился ей в губы, прижал к себе хрупкое обнаженное тело. Она застонала. Чувствуя, как темнеет в глазах, разрывая на себе одежду, он повалил ее на пол.

Когда все закончилось, раскаленный металл уже обжигал кожу. Хоакин с трудом ослабил объятия, жадно глотая горячий воздух, привстал. Синтия под ним тяжело дышала, с восторгом и изумлением глядя в потолок.

Он помог ей встать – лежать на металле становилось больно. Мокрые от пота, обнаженные, в слабом свете пылающего кристалла, они смотрели друг на друга. Слова были не нужны. Хрипло выдохнув, Хоакин рывком привлек к себе Синтию и взял ее вновь, а она стонала и царапала ему спину.

Задыхаясь в жаркой полутьме, неистово наслаждаясь любовью, они жили за мгновения до смерти, и девушка еще успела подумать – вот оно... Вот, чем жизнь отличается от существования. Вот, что никогда не поймут Аяр...

А в следующий миг, из кристалла выплеснулось синее пламя.

Свет! Вскрикнув, Аоки зажмурилась, но, тут же, ощутила ласковые, родные объятия Изначального и, не в силах верить, робко шевельнула крыльями.

Дома. Она дома! Но как?! Ведь энергии...

Не осталось?..

И тут она осознала, что рядом, столь же изумленный, парит Тари!

Тари! Аоки мгновенно его узнала, хоть ни разу и не видела с той ужасной ночи в объятии огнем городе. Тари, Тари, ее первая и самая яркая любовь, первое горе,

первый неизлечимый шрам... Таким она и представляла его истинный облик. Скромный, добрый, но сильный, когда надо. Беззаветно преданный, бесконечно любознательный, иногда наивный... Небо, как же она его любила... Прошло столько кругов, но чувства лишь обострились! Возможно ли подобное? Как?

«Где я?!» – изумленный Тари, очевидно, впервые вернулся домой, и сейчас дико озирался. – «Я мертв?!»

«Наоборот», – она счастливо засмеялась.

«Кто ты?! Что это за... место?!»

Аоки издала ликующий вопль и окутала Тари завесой нежности.

«Мы дома», – сказала она тихо. – «Я должна была догадаться сразу, как увидела тебя в человеческом теле. Вот, откуда эти странные ощущения, вот почему ты казался таким знакомым...» – Аоки рассмеялась легким, звенящим смехом. – «Тари, глупыш, ты даже сделал мою татуировку!»

«Твою?!»

«Конечно...» – с огромной нежностью отозвалась девушка. – «Сейчас твой разум, целиком, принадлежит космонавту по имени Хоакин, но душа... Наша истинная, огненная личность... Душа не меняется, Тари. Где-то в глубине, в самых потайных уголках сердца ты помнил меня. Нашу самую первую жизнь» – тихо добавила Аоки. – «Я с тех пор сменила десятки, сотни обличей, но ты знал меня лишь в родном...» – она запнулась. Помолчала, с любовью глядя на пораженного Тари.

«Даже находясь в теле Синтии, не помня о себе ничего, я шестым чувством распознала твою душу, твое истинное «я». А сейчас, наарен соединил нас, Тари, хоть я и не понимаю, каким образом... Ты впервые вернулся домой...»

«Домой?» – растерянный Тари обратил к ней взгляд. Аоки невольно рассмеялась его удивлению.

«Да, любимый, это наш дом. Изначальный Океан, Тамас... Здесь, мириады кругов назад, зародилась наша раса, здесь мы живем, любим и находим, ненавидим и теряем...»

Потрясенный, уничтоженный новым знанием, Тари беспомощно загасил зрение, но она ласково и твердо открыла ему глаза.

«Ты не должен бояться», – сказала нежно.

Все энергетические уровни Тари трепетали от волнения.

«Я ничего не знал... Совсем ничего! Почему? Почему я никогда не бывал... здесь?!»

На мгновение, Аоки скрутило от горя, но она справилась с собой и, усилием воли, отделила свою боль от пространства любимого, чтобы тот ничего не почувствовал.

«Так получилось», – сказала чуть слышно. – «Все эти бесчисленные круги, бесконечные годы борьбы и поражений... Я... Мечтала, вновь, увидеть тебя...»

Тари ощутил ее тоску краем сознания и, невольно, инстинктивно, потянулся к Аоки, желая обнять. От нежности у нее потемнело в глазах.

«Тари...» – они слились в чистой, исконной любви, что родилась задолго до появления мира – и мир перестал существовать, Вселенная замерла, не желая мешать их счастью. Ни Тари, ни Аоки не знали, сколько прошло времени, прежде, чем разум и память вновь к ним вернулись.

Девушка с бесконечной лаской оглядела свою первую, но даже на миг не забытую любовь и вздрогнула, заметив, что рядом с Тари парит едва заметный, быстро слабеющий призрак. Понимание оглушило Аоки:

«Учитель!!!» – она затрепетала. – «Так это был ты?! Ты вытащил нас сквозь контуры забвения и сейчас поддерживаешь своей энергией?! Как ты мог?! Зачем?!»

«Вы заслужили эти мгновения» – донесся тихий, полный муки голос Ахав. – «Прости... Что не сумел... Дать вам больше времени...»

«Учитель!!!» – Аоки закричала от ужаса.

«Силы... На исходе...» – едва слышно сказал Ахав. – «Вам пора... Аоки... Не спорь... Я слишком слаб... Для споров...»

«Нет, нет, нет, нет!!!» – трепещущая девушка зажмурилась. – «Нет, учитель, только не так, только не такой ценой!!! Учитель!!!»

«Другого пути... Уже нет... Дитя мое...» – Ахав слабел на глазах. – «Наарен... Открыт... Я соединил его со своей... Сахаксарой... Вы можете вернуться... Вплоть до самого первого контакта... Память... Не приживется... Но останется... В глубине... Только так... Есть шанс... Предотвратить... Прощай, моя... Девочка... Моя... Лучшая... Ученица...»

Призрак погас, Аоки страшно закричала, но водоворот энергии уже подхватил ее и, вместе с Тари, увлек в клокочущую бездну. Последнее, что успела девушка – крикнуть своему любимому:

«Не приближайся к заснеженным руинам!!!»

И они вновь очутились в пышущем жаром реакторном отсеке. Обнаженные, мокрые от пота, тела двух людей упали на горячий металл.

Вскрикнув от боли, Хоакин, обжигаясь, вскочил. Рядом, с таким же криком, взвилась Синтия.

– Что это было?! – выдохнул трепещущий человек. Синтия, подпрыгивая босыми ногами по металлу, в отчаянии огляделась.

– Наарен! – она схватила сверкавший кристалл. – Путь открыт! Учитель открыл дорогу! Скорее, Тари, нет времени!

– Тари?! – перепросил шокированный пилот. – Я не...

– Ты да! – рявкнула девушка. – Мы должны войти в наарен! Делай все, как я скажу!

– погоди! – Хоакин мучительно сглотнул, раскаленный воздух жег ему легкие.

– А как же остальные? Мы не можем их бросить!

Синтия на миг застыла.

– Слишком поздно...

– Успеем! – крикнул Хоакин. – Освещай путь!

Они бросились к люку. В жилых отсеках жар был не таким жгучим, как в реакторной, но дышать было почти невозможно и там. Спотыкаясь и падая, Хоакин и Синтия бежали по винтовой лестнице, освещая путь кристаллом.

– Они... Соберутся в медпункте... Откроют газовый баллон... – задыхаясь, на бегу бросила Синтия. – У Драгомира... Есть... Для такого случая...

Хоакин издал утробное рычание:

– Пталья остался на седьмом ярусе!

– Он робот, – выдохнула Синтия. – Он не сможет войти в наарен!

– Он человек!

– Гррррау! У нас только один источник света!

Они ввалились в коридор четвертого этажа. Дверь в медпункт была закрыта.

Чувствуя, как останавливается сердце, Хоакин дико заколотил в дверь кулаком.

– Стойте!!! Откройте!!! Скорее!!!

Несколько томительных секунд царило молчание, затем дверь приоткрылась. Ворвавшись в каюту, Хоакин увидел бледных, ослабевших друзей. На полу, рядом с Драгомиром, тихо шипел баллончик.

– Господи... – Хоакин упал на колени, его лицо помертвело. – Я видел это во сне. Я видел это во сне!!! Еще ребенком! Я все видел!!! Пещера, окруженная врагами... Умиряющие друзья... Путь за скалой... Колодец... Бездонный колодец, откуда, в самые тихие ночи, доносятся трубные звуки слонов! Господи... Я же все это видел...

– Очнись! Вытаскивай их в коридор!!! – крикнула Синтия.

Подавая пример, она схватила за ноги профессора Громова и, рывком, потащила прочь от каюты. Следом Хоакин тащил Джамилю. От жары и следов газа мутилось в рассудке.

– Тот сон... – выдавил пилот, возвращаясь за Бозановичем. – Синтия... Тот сон... Путь за скалой... Я знаю, понимаешь, я просто знаю: если б я, тогда, нашел путь за скалу, я бы не проснулся!

– Тари, сейчас не до лекций по эзотерике, – выдохнула девушка. – У нас, от силы, минуты четыре!

– Да... Да, прости...

– Удивительно, – с грустной и, одновременно, счастливой улыбкой шепнула Синтия. – Таким я тебя и помню. Тари, Тари, Тари– Тари– Тари... Как же хорошо нам было вдвоем...

Они оттащили Драгомира и Бозановича подальше от медпункта. Усадив их рядом с Громовым и Джамилёй, Синтия молча отвернула край тлеющего паласа и прижала полубессознательного Бозановича щекой к раскаленному металлу. Шипение, дымок, страшный крик. Хоакин невольно попятился.

– Зачем?!

– Должны быть в сознании!!! – рывкнула девушка. – Делай так же!

Хоакин сглотнул.

– Приведи их в чувство. Я за Птальяй.

– Нет! – она схватила его за плечо. – Тари, не смей. Не смей! Я уже теряла тебя

однажды!

Хоакин с болью провел пальцами по ее щеке.

– Если я действительно Тари, которого ты любила, – сказал он тихо, – Тогда ты знаешь, что я не брошу на смерть товарища.

– Ты сказал то же самое, прежде чем кинулся в тот ангар за Лаэллин! – прорычала Синтия.

– Я вернусь, – прошептал Хоакин. – Обещаю. Я вернусь, Аоки.

Молча отобрав у плачущей девушки кристалл, он, с огромной любовью, провел рукой по ее шее и, задыхаясь, бросился к лестнице. Синтия, всхлипывая, продолжила в полной темноте приводить друзей в чувство.

На седьмом этаже от жары уже начинал размягчаться пластик. Интегрированный в сетчатку Птальпы диагностический дисплей мигал сотнями красных огней. Полукиборг не чувствовал боли, но ощущал, как умирает и распадается его тело. Он уже собирался послать встроенному в мозг центру управления команду, которую надеялся – да, надеялся – никогда не использовать, но в этот миг кромешную тьму разорвал синий свет, и в шлюзовую камеру ввалился обнаженный человек, с ног до головы покрытый ожогами.

– За мной... – прохрипел он. Волосы дымились, почерневшие ступни оголились до мяса. Полукиборг вскочил.

Времени на объяснения не оставалось уже ни у кого. Помогая друг другу идти, Хоакин и Птальпа с трудом добрались до лестницы и, ступая по раскаленному почти докрасна металлу, спустились на четвертый этаж. Там Синтия уже рассадилась в круг шокированных, ничего не понимающих полуживых ученых.

– Тари! – выдохнула она при виде Хоакина. Тот, теряя сознание, добрал до других и рухнул на колени, рядом свалился Птальпа. По лицу девушки катились слезы.

– Я же сказал... Что вернусь... – Хоакин почти ничего не видел, жар на седьмом этаже высушил сетчатку. Синтия с трудом заставила всех взяться за руки. Коридор уже заполнился дымом от тлеющих обоев, мертвенный синий огонь кристалла озарял сценку из Дантова ада.

– Сейчас мы войдем в наарен, – тихо сказала девушка. – Путь открыт до первого контакта, это значит, мы выйдем из камня в наши самые ранние инкарнации, в те

жизни, что мы когда-то прожили, родившись впервые. Учитель... – она всхлипнула, – Предупредил... Что память не приживется... Но мы не умрем, мы просто возродимся... И потихоньку... Все вспомним... Тари, любимый... Не приближайся к руинам на белых равнинах... Пожалуйста... Пожалуйста... – шепот затих. Теряя последние силы, за секунды до гибели, Аоки дотянулась сознанием до кристалла и вдохнула его энергию.

Ясность рассудка мгновенно вернулась. Ощувив вокруг гаснущие ауры друзей, девушка поспешно заключила всех семерых, включая себя, в кокон проникновения, и, впервые, отдалась на волю чужого канала – канала, впитавшего жизнь ее учителя.

Кристалл вспыхнул слепящей звездой. Огонь почти мгновенно погас, и камень рухнул на пол бесполезным куском хрусталя; рядом, испепеленные вспышкой, семь человеческих тел беззвучно осыпались прахом.

Еще через пять минут, рост температуры в кислородном отсеке вызвал детонацию и взрыв разорвал обшивку. Сметая на пути шлюзы и переборки, магма стремительно заполнила станцию. На седьмом ярусе, цистерны с хладоном взрывались одна за другой, корежа стены, выбивая метровые люки. В надежно задраенном бассейне, где жидкий азот уже не мог охладить таинственную граненую сферу, зеленое свечение усиливалось с каждой секундой.

Лава, заполнившая станцию, быстро добралась до последнего яруса и навалилась на люк тысячетонной расплывшейся тушей. Металл мгновенно раскалился; сфера, горевшая изумрудным огнем, достигла критической температуры. Еще секунда, и люк прогнетса от чудовищного давления магмы...

Ему не дали секунды. Зеленый шар внезапно вспыхнул в девяносто тысяч раз ярче Солнца, испарив вокруг себя кубический километр породы и породив сильнейший гамма-всплеск. Сейсмографы на всех венерианских научных станциях отметили мощное сотрясение в районе южных склонов Земли Иштар.

Далеко за Нептуном, на гелиоцентрической орбите в миллиардах километрах от Венеры, парили два колоссальных спутника – автоматические регистраторы гамма-лучей. В их задачу входило отслеживание внегалактических вспышек, а также прием сжатых информационных блоков с отчетами о гибели кораблей. На космолоте не любили «сундуки мертвеца», как пилоты прозвали изумрудные гамма-сферы. Но это

был единственный надежный способ сообщить домой о судьбе звездолета, и передать в модулированной всепроницающей вспышке втиснутый в миллиардные доли секунды рассказ о катастрофе.

Историю последнего костра птицы Феникс.

Часть 2

Пролог

ЕСЛИ ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧЕМ МЕРИТЬ СЛОВА
 «ВОЛЯ», «ОТВАГА» И «ЧЕСТЬ»,
 ЧТО ЗНАЧИТ ГОРЕЧЬ ПОТЕРЬ
 ОТ БЕСКРЫЛОСТИ СИЛ,
 ЕСЛИ ПРЕДАННОСТЬ ЖЕНЩИН
 И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЕЙ
 ЭТО ВСЕ, ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ –
 ЗНАЧИТ, ТЫ С ДЕТСТВА
 ХОРОШИМИ ПЕСНЯМИ ЖИЛ...

А. РЫБНИКОВ

Грохот вспорол небо, и они побежали от слепящего света, что, в мгновение, сделал Солнце тусклым. Они бежали, а шум нарастал, сама земля тряслась под ногами. Жар опалил им перья, страх изуродовал души, и тогда, в панике, они бросились к болоту. Нырнули в трясины, затаились меж кочками. Утонула без всплеска их гордость, захлебнулась в грязи отвага. В тот день, мечтали они лишь выжить.

Но день, неизбежно, сменяется ночью. Грохот затих, жар отступил, а ютари все

боялись покинуть болото. Там, в липкой топи, валялись они, трепеща от пережитого ужаса. И когда Солнце, устыдившись их позора, отошло, наконец, ко сну, из ущелий да дремучих лесов протянули холодные щупальца тени.

Той ночью странная, неведомая тень коснулась одной из ютари, и пожрала весь страх, жадно высосала последние капли трусливости. Окаменевшая сердцем, из грязи поднялась первая неистовая.

Родные дрожали вокруг, пряча головы в жухлой траве. Склизкая вонь червей отравляла им разум. Ничего не сказала неистовая, молча вернулась на твердую землю. Знала – однажды, ее народ уже изгнали из родного дома. Знала – в тот раз, смелости не хватило и, если сейчас, все повторится – болото, окончательно, пожрет души ютари, выплюнув лишь дрожащие тела.

Она сознавала, что ей предстоит умереть, но уже не боялась. Первой среди ютари поняла неистовая, что не так страшно умереть за свой род – страшнее оставаться живыми в болоте.

Одна, растоптав надежду, пошла она к месту, где днем грохотал ужас. Окаменевшая сердцем, забыла она и о горящих деревьях на пути, и о душном, вонючем пепле. Сильнее ожогов терзала ее боль за родных, что остались пресмыкаться в грязи.

Выжженная земля ранила ступни, от дыма, пропитавшего воздух, слезились глаза. Еще вчера, здесь был прекрасный лес, а ароматная трава ласкала взгляд. Теперь, меж догоравших деревьев вздымалась скала, что уродством своим, будто гниющим хвостом, душила весь мир.

Занялся над пепелищем кровавый рассвет, в страхе поспешили укрыться все звезды, и тогда, в душных лучах израненного солнца, у подножья безобразной скалы, приняла неистовая бой за погибавших ютари. Вступила она в предрешенную, обреченную схватку – и вопреки судьбе, вопреки всему миру, она победила.

Так, за одну ночь, наш исчезающий род превратился в сильнейшее на Земле племя. Так, вместо гибели, обретают бессмертие...

Старцы говорят: она родила много птенцов, а перед смертью, завещала ютари идти на юг, к горам, откуда нас, некогда, изгнали сытые твари. Миновали десятки долгих дождей, но в наших жилах еще течет ее благородная кровь и, когда-нибудь... Когда пробьет час... Родится новая, столь же смелая, столь же сильная.

Столь же неистовая.

Глава 1

Сомкнув внешние веки, Тари, плашмя, лежал в траве и слушал, как несомые ветром мельчайшие песчинки скользят по чешуе.

Звучало это волшебно. Миллионы, мириады шорохов накладывались друг на друга, среди них не было двух похожих. Музыка песчаных туманов, как Тари прозвал свое изобретение, слышна была не ушами, а всем телом; требовалось долго тренироваться, чтобы приучить себя замечать резонансы собственных чешуек.

Ветер сегодня дул ровно, почти без порывов. Это лишало музыку определенного разнообразия, зато позволяло наслаждаться долго. С тех пор, как Тари придумал слушать туманы, он в них просто влюбился.

Юный асск был мечтателем всю жизнь, сколько себя помнил. В детстве, братья и сестры по гнезду часто над ним подшучивали, но, постепенно, привыкли и теперь даже гордились таким родичем. В Долине уже многие узнавали Тари при встрече, особенно с тех пор, как он придумал рисовать на чешуе узоры соком дерева гис. Это быстро вошло в моду, даже у четвероногих, которые не могли рисовать сами. Нынче в Долине можно было увидеть странную и немного смешную картину, как маленькие ас'аканы и асски шустро бегают по чешуе громадных хатта, рисуя хвостами затейливые узоры. Этим, особенно, увлекались самцы рогатых ирем– хатта, которым приходилось сражаться за самочек; некоторые, со свойственной им прямолинейностью, окрашивали все тело в белый цвет, наивно полагая, что станут заметнее...

Тари невольно улыбнулся, вспомнив, как впервые показал Мирри свое изобретение. Они с Аоки разукрасили перья желтым и провели вдоль боков радужные полосы, а бедная Мирри решила, что друзья покалечились в скалах и, в панике, потащила их в Оазис, не слушая криков, что все в порядке. Лишь на утро, убедившись, что Тари и Аоки здоровы, смущенная Мирри призналась – ее вид не различает цветов.

Тонкие, чешуйчатые губы Тари вновь сомкнулись, убрав улыбку. После того

случая он часто думал, как победить несправедливость природы. Ведь это ужасно, не видеть все буйство красок, все великолепие разноцветного мира! Молодой асск поспрашивал друзей и, с удивлением, узнал, что цветов не различают почти все хатта, а полноценную, сверкающе– яркую картину и вовсе видят лишь хитти вроде него самого – те, у кого глаза направлены вперед, а в пасти треугольные острые зубы.

Каким образом форма зубов может быть связана с умением видеть цвет? Тари не понимал этого, хотя, всеми силами, пытался понять. Он даже уговорил Мирри заточить парочку зубов о шершавые камни, но лучше видеть она не стала...

– Тари, Тари, Тари– Тари! –тонкий голосок заставил юного аска приоткрыть внешние веки. В траве, прямо перед его носом, сидел ярко– красный миниатюрный летающий ящер ростом с воробья – анурогнат, как звали в Долине этих неутомимых вестников.

– Я слушаю, – спокойно отозвался Тари.

– Послание средней важности от Хранительницы Лаэллин для Тари, рода Эррига, гнездовья Граа! Послание средней важности от Хра... – ящеренок закашлялся, надышавшись песочным туманом. Тари поспешно сунул ему один из запасных фильтрующих листьев и жестами показал, как им пользоваться. Анурогнат благодарно пискнул.

– Что за послание? – напомнил Тари. Микроящер смешно кивнул и зажмурился, старательно повторяя слова Хранительницы:

– «Тари, спеши в Оазис, нужна твоя помощь. Из прерий доставили раненного, он утратил память»

– Ясно, – асск вздохнул. – Лети обратно и передай Лаэллин, что я немедленно к ней отправляюсь. Средняя важность.

– Послание средней важности принято! – пискнул анурогнат и, в облаках песочной пыли, умчался ввысь. Тари с сожалением поднялся на ноги, прервав музыку ветра.

Его мысли вновь вернулись к прерванным размышлениям о цветах. Надо что– то делать. Взять, хотя бы, этого малютку– анурогната – он весь, целиком, поместился бы в глазнице Мирри, но его миниатюрные желтые пуговицы прекрасно различали цвета, а громадные и, такие добрые, глазищи подруги... Замечательной, преданной

Мирри... Неужто ей никак не помочь?!

От волнения Тари подергивал кончиком хвоста. Его разум напряженно работал, сердце гулко колотилось в груди. А что, если придумать особые знаки для обозначения каждого цвета, и рисовать их соком дерева гис? Скажем, на красном – завитушку влево, а на зеленом – вправо? Тогда Мирри, хотя бы, сможет понимать, где какая краска... Интересная мысль!

Взволнованный и даже не подозревающий, что изобрел письменность, Тари, тут же, принялся выводить когтем на песке варианты завитушек. Его стройное, гибкое, теплокровное тело покрывала блестящая нежно– салатовая чешуя с очень мелкими, как у ящерицы, чешуйками; большое четырехкамерное сердце занимало половину объема груди. Тари был еще совсем молод, и потому от носа до кончика хвоста достигал всего полутора метров, а весил менее сорока килограмм: впрочем, даже самые крупные представители его вида редко вырастали за два с половиной метра. Вдоль шеи, спины, хвоста и нижней стороны лап тянулись зеленые перья, задние ноги почти втрое превосходили длиной передние. Увенчанная хохолком перьев голова была крупной, вытянутой, с относительно короткими челюстями и громадными, направленными вперед голубыми глазами, кончик длинного и тонкого хвоста не имел шипов, все лапки несли по три мускулистых пальца с втяжными когтями, причем, на передних, один из пальцев противостоял двум другим, превращая лапу в весьма совершенную и ловкую руку. Вид, к которому принадлежал Тари, в Долине считался самым распространенным и именовался «асск», где приставка «ас» означала, что ее обладатель передвигается на двух ногах. Таких существ, как Тари – ассков, асkenов, ас'аканов – здесь обитало великое множество, особенно юрких и маленьких асогнатов, покрытых перьями почти целиком.

Тари не любил асогнатов; глуповатые и приставучие, они могли часами бегать за ним с раскрытой пастью и пищать в надежде, что более крупный асск рассердится и погонится следом, дав им возможность с ликующими воплями броситься врассыпную. Такие игры казались Тари бессмысленными, но Мирри и другим плоскозубым было весело...

– Аоки, просыпайся, – тихо позвал Тари. Подруга так и не научилась слушать туманы, но, из любви, всегда сопровождала его на границу пустыни. Здесь она мирно

спала, пока Тари наслаждался музыкой ветра.

Сон аска чуток, а пробуждение мгновенно. Слова заставили Аоки приоткрыть внешние веки и бросить на друга унылый взгляд.

– Спать хочу, – буркнула она, не поднимая внутренних век. – Жа– а– арко.

– Здесь всегда жарко, – отозвался Тари. Солнце тревожило и его, воздух с легким посвистом прорывался сквозь фильтрующие листья в ноздрах.

Песочные туманы – уникальное явление, они не встречались больше ни в одном месте Долины. Лишь здесь, в пустыне Даяк, у самого подножья Северо– Восточной Гряды, где жаркое светило за тысячи лет иссушило песок до состояния мельчайшей пудры, время от времени возникали эти причудливые наземные облака.

Все, кто попадал в такой туман, начинали задыхаться, кашлять, и быстро бежали прочь. Может, как раз поэтому до Тари никто не догадывался слушать здесь музыку?

«Правда, никто не догадывался и дышать сквозь листья», – с грустью подумал юный ящер. Поведение других жителей Долины, особенно хатта, его часто удивляло. Казалось, их просто не интересует ничего кроме игр, спаривания и заботы о потомстве. Даже Мирри, замечательная Мирри, иногда смотрела на друга с недоумением – в ее глазах читался вопрос «чего ему нейметя»?

К счастью, такими были не все. Тари с любовью посмотрел на Аоки: она просто делает вид, что ей все равно. С тех самых пор, как юную полумертвую аску нашли в прериях и доставили в Оазис, жизнь молодого целителя навсегда изменилась. Он влюбился мгновенно, даже раньше, чем закончил врачевать ее раны. Такой, как Аоки, не найти во всей Долине. Умная, бесстрашная, веселая и яркая, самая красивая под звездами... А запах! Иногда, Тари даже не верилось, что Аоки действительно предпочла его другим юным аскам. Ведь ухаживать за ней пытались чуть ли не все ровесники Тари, обитавшие поблизости.

– Любимая, вставай, – еще раз позвал ящер. – Лаэллин прислала сообщение, нужна моя помощь.

Недовольно фыркнув, подруга, наконец, открыла глаза и, легким движением, вскочила, поразительно грациозная, гибкая, изумрудная.

– Это надолго? – спросила мрачно.

Тари вздохнул.

– Значит, надолго, – Аоки отвела взгляд. – Ты не придешь на конкурс?

Ящер встрепенулся:

– Как ты могла такое подумать! Я буду там, даже если обрушится небо!

– Если небо обрушится, конкурс отменят, – с усмешкой заметила Аоки.

Молодой асск потерял лицом об ее шею.

– Ты победишь. Это настолько очевидно, что тебе и выступать – то не обязательно.

– Ух! Подлиза.

– Мфррх... – Тари, нежно, ткнул ее носом. – Сегодня тоже не услышала?

Аоки вздохнула.

– Я слышу, Тари. Я просто не понимаю, что такого красивого в этом шорохе.

– Он помогает мечтать, – тихо ответил ящер. – Когда я слушаю туман, мой разум будто улетает, я как бы крылья получаю...

Аоки легонько фыркнула.

– Ты уже пробовал себе крылья приделать. Помнишь?

Тари невольно подобрал левую ногу и гневно встопорщил хохолок.

– Может, хватит выщипывать мне перья? Тот случай ничего не меняет. Я уже знаю, где допустил ошибку, в следующий раз – получится.

– Не будет следующего раза, – веско заметила Аоки. – Если я, из-за тебя, и этот брачный сезон пропущу – уйду к другому.

Тари отпрянул.

– Что?! – у него от неожиданности потемнело в глазах.

– Мы уже потеряли целый год, – грустно сказала Аоки. – У всех моих ровесниц давным-давно гнезда. Старый Граа даже спрашивал, в порядке ли мы. И что ответить?

Потрясенный Тари прижался лицом к ее лицу, вдыхая родной запах.

– Аоки, любимая... Прости... Мне трудно решиться, ведь ты, всего лишь, откладываешь яйца и вновь свободна, а мне их четыре месяца высиживать!

– Все самцы, уже тысячи лет, занимаются этим, а ты, выходит, особенный? – мрачно спросила аска. Но, тут же, ощутив, как расстроился Тари, не выдержала и, ласково, провела пальцами по его шее.

– Хотя, ты и в самом деле особенный, – сказала тихо. – Ладно, герой. А что, если

обратиться в Оазис?

Тари отпрянул:

– Нет.

– Почему?

– Туда лишь сирот отводят. Наши дети не сироты.

– Детей у нас пока нет. А если ты и этот сезон пропустишь, то уже не будет, – сухо заметила Аоки. – По крайней мере, от меня.

Тари, в отчаянии, распушил все перья и, умоляюще, взглянул на подругу.

– Аоки, прошу...

– Чего ты боишься? – решительно спросила аска. – Мы ведь не отказываемся от потомства, как половина хатта. Просто пусть яйца до вылупления побудут в Оазисе. Так и ты останешься свободным, и я получу детей.

– Но... Но что мне говорить в роду? От меня все отвернутся!

Аоки улыбнулась.

– А ты не говори.

Тари запнулся.

– То есть?

– Просто, не говори. Спросят – отвечай, что мы пропускаем этот сезон. А когда я отложу яйца, я скажу – меня силой взял чужак, где-нибудь в лесу.

Тари содрогнулся.

– Нет. Уж лучше смерть, чем такое, – опустив голову, он сглотнул и, через силу, добавил: – Хорошо, Аоки, я согласен. Ты уже выбрала, где строить гнездо?

Подруга, недоверчиво, встопорщила хохолок перьев и отошла на шаг назад, разглядывая поникшего аска.

– Уверен? – спросила с подозрением.

Тари натужно кивнул.

– Я люблю тебя, – сказал тихо.

Аоки моргнула. Помолчав, она, внезапно, с ликующим криком бросилась на друга и повалила его на землю.

– С ума сойти! – аска приоткрыла пасть в беззвучном смехе. – Сработало!

– Аоки...

– Тссс! – схватив Тари за челюсти, подруга опустила голову и прижалась носом к его лицу. – Ни звука.

– Уо ы ээш? – пробубнил Тари, моргая от удивления. Аоки, замурчав, молча встала над поверженным асском. Ее лапка продолжала сжимать его челюсти, и сейчас она потянула голову ящера влево, вынудив его перевернуться на спину.

– Прежде, чем откладывать яйца, надо сделать кое– что еще... – заметила Аоки.

Тари шумно выдохнул. Музыка песчаных туманов, мысли о будущем, все тревоги временно отступили на задний план, утонув в огненно– ярких зеленых глазах подруги.

Потом они лежали в траве, изнуренные и счастливые. Нарушить молчание долго не было сил, но, наконец, Тари слегка повернул голову и бросил на Аоки внимательный взгляд.

– Ты это всерьез сказала? – спросил совсем тихо.

– Ммм? – не поняла аска.

– Что уйдешь...

Аоки, чуть вздрогнув, стрельнула глазами в сторону друга.

– Ну... – она помедлила. – Я бы ответила «да», что б, немного, тебя припугнуть... Но не стану. Жалко, – Аоки улыбнулась. – Нет, Тари, я говорила не всерьез.

Молодой аск с таким облегчением выдохнул и приоткрыл пасть, что подруга невольно дернула хвостом. Тари зажмурился, вновь поднял веки. Его хрустальные, аквамариновые глаза подозрительно блеснули.

– Аоки, любимая, прости... – он сглотнул. – Прости. Я... Думал только о себе. Я... Если ты уйдешь... Я...

Продолжить не получилось, поскольку аска перевернулась на живот и, ласково, обняла Тари за шею, прижавшись лицом к его лицу.

– Утихни, – шепнула с любовью.

Тари зажмурился. Некоторое время они, молча, вдыхали запахи друг друга.

– Знаешь, – тихо сказал аск. – Ты, до сих пор, единственная, кому я не сумел вернуть память, но меня не покидает чувство, будто я знал тебя всегда –задолго до той ночи.

Аоки выпустила его из объятий и сладко потянулась, нежась в горячей от солнца траве.

– Мы ведь уже обсуждали, Тари.

– Да, обсуждали... – он вздохнул. – Но я все равно беспокоюсь.

– Напрасно, – Аоки подмигнула.

Тари с трудом улыбнулся.

– Любимая, я даже полумразумным наг– хатта возвращал память, или то, что у них вместо памяти. А однажды, в детстве, еще до нашего знакомства... Ты не поверишь, но я сумел восстановить память у керраи. Представляешь? Так не мог даже легендарный Тики– Ра!

– Ого... – с уважением протянула аска. – О керраи ты не рассказывал.

Тари зажмурился.

– Теперь видишь, почему мне так стыдно и горько? Ведь меньше всех я помог той, кого люблю больше жизни!

– Меньше всех? – переспросила Аоки. – Ну, знаешь! Глупыш, ты ж меня по кусочкам собрал! Кроме тебя, никто в целом свете не смог бы спасти мою жизнь!

Молодой асск грустно опустил голову.

– Разве этого достаточно... – он ткнулся носом в теплые перья на груди подруги.
– Аоки, я... Не знаю, как сказать. Я люблю тебя, люблю так сильно, что... Просто... Не могу вынести мысли... Я...

– Тссс! – аска нежно погладила своего ящера. – Утихни. И вообще, хватит валяться и пищать, ты кто, асогнат? Вставай! – Она вскочила и дернула Тари за хохолок перьев, вынудив подняться. – Тебя ждут в Оазисе, не забыл? Ты лучший целитель Долины со времен Поющего Ветра, а ведь тебе и десяти дождей еще не исполнилось. Сама зеленоглазая Аоки избрала тебя отцом ее первых птенцов, – аска улыбнулась. – Это как, тоже ничего не значит?

Тари ласково провел пальцами по шее подруги.

– Спасибо...

– Заскочим домой, скажем Мирри, чтобы не волновалась, и бегом в Оазис, – решительно заявила Аоки.

Они, разом, снялись с места и помчались на юг, прочь от края пустыни. Отсюда

до маленького водопада, близ которого жили аски, было с полчаса быстрого бега.

Воздух в лесу, после пустыни, казался влажным и ледяным. У Тари слегка кружилась голова, зато радостная Аоки, полная энергии и жизни, не могла спокойно бежать и, то и дело, уносилась вперед, с разгона взбегала на деревья и прыгала оттуда в траву с ликующими воплями.

Уже на подходах к дому, один из таких криков привлек внимание Мирри, что, по своему обыкновению, нежилась в озерце, окружавшем водопад. Подняв огромную рогатую голову, она шумно фыркнула и бросила на ассков вопросительный взгляд.

– Что за гам, что за страсть, кто мешает Мирри спать? – спросила грозно, хотя желтые глаза ее смеялись. Аоки, завопив, разогналась по берегу и, совершив огромный прыжок в шесть раз длиннее тела, оказалась у Мирри на голове.

– Он сделал это! – объявила торжественно. Тари, не зная, куда спрятаться от смущения, остановился у кромки воды.

– Он? – огромная Мирри повертела головой, надеясь увидеть Аоки, что сидела прямо у нее меж рогов, но, сообразив, что из затеи ничего не выйдет, уставилась на Тари. – Ты? Что ты сделал с любимой ящеркой Мирри, признавайся!

– Ничего страшного, – молодой асск поспешил ее успокоить. Аоки громко фыркнула:

– Смотря для кого...

Великанша потянула носом воздух.

– Мирри не верит! – она приоткрыла в улыбке кошмарную пасть, где легко поместилось бы десять ассков. – Спарились! Наконец! Мирри уж и не чаяла!

– Вот– вот, – скептически заметила Аоки с ее лба. – Я тоже не чаяла.

– Ну давайте, созовите общее собрание и всем расскажите! – обиделся Тари.

– Гм... – Аоки озорно прищурила один глаз. – А это идея... Врум! Врум, ты где?

– Аоки! – Тари пришел в ужас. – Я пошутил!!!

Подруга весело рассмеялась:

– Сам напросился.

– Аоки!

– Ладно, ладно, – она вскинула лапки. – Можно подумать, мы что–то постыдное сделали.

– Но зачем трубить направо и налево?

– А может, я радуюсь, – внезапно помрачнев, сказала Аоки. Тари, вздрогнув, шагнул в холодную воду озера к ней навстречу.

– Прости... Прости, я... – продолжить он не успел, поскольку Аоки спрыгнула с головы Мирри и, в облаке жемчужных брызг, заключила друга в объятия.

– Ты самый глупый и самый замечательный аск в Долине, знаешь? – сказала, нежно прижавшись лицом к его лицу. У Тари перехватило дыхание. На короткое время, мир для них исчез, но тут гигантская Мирри поднялась на ноги – она стояла в центре озера, однако вода едва доходила ей до колен – и ее могучие передние лапы схватили асков, будто вчера вылупившихся птенцов.

– Мирри счастлива! – громогласно заявила великанша, прижав друзей к груди. Те сдавленно пищали.

Опасность, впрочем, им не грозила; хоть Мирри, «асгард– хатга» на языке Долины, и выглядела неуклюжей восемнадцатиметровой громадиной, в действительности, ее сородичи даже в диких прериях легко переносили в лапах яйца, не повреждая хрупкой скорлупы. Что уж тут говорить о лучших друзьях!

Столь похожая на сказочную драконессу, будто всех драконов прямо с нее рисовали, гигантская Мирри считалась самым большим двуногим жителем Долины и, вообще, самым крупным двуногим существом в истории Земли. Ее задние лапы, по мощи, превосходили любые известные, ведь носить им приходилось не менее четырнадцати тонн, а передние – развитые, мускулистые – обладали неожиданной ловкостью.

– Ты, маленькая Аоки, теперь слушай Мирри, – ласково заметила великанша, двигаясь к берегу пятиметровыми шагами. – Жаркий Глаз долго согревает Мирри в этой долине. Часто согревал ее детей. Мирри отыщет место – лучше не бывает. Мирри сама вам построит гнездо.

– Сп... Сп... спасибо... – выдавила зажатая Аоки. – П– п– поставь нас на зе– зе– землю, п– п– пожалуйста...

– Маленькие ящерки не знают, что им нужно, – убежденно возразила драконесса. – Мирри знает, что им нужно. Мирри отнесет их в Оазис. Мирри проследит, чтобы маленькую Аоки там всю– всю осмотрели.

– Хо– хо– хорошо... Т– т– т–только мы са– са– сами пойдем!

Недовольно заворчав, Мирри аккуратно поставила друзей на землю. Те, взъерошенные и помятые, жадно хватали воздух.

– Мирри ходит быстрее маленьких ящерок, – мрачно сказала драконесса. – Мирри могла бы помочь.

Тари и Аоки переглянулись. Вздохнув, аска развела лапками.

– Мы рады принять твою помощь, Мирри, – сказала обреченно.

– ...только давай, мы на твоей спине поедem? – вставил Тари.

Мирри ужаснулась:

– Ящерки упадут!

– Что ты, что ты! – Тари рассмеялся. – У тебя ведь там гребень и костяные пластины. Мы будем держаться.

Драконесса с подозрением обернула голову и, скептически, оглядела собственный могучий хребет. Увиденное, ее более– менее успокоило.

– Мирри попробует, – неуверенно сказала великанша.

Тари тяжело вздохнул. Память хатта работала не так, как у него или Аоки; Мирри отлично помнила все свои брачные сезоны (и регулярно о них рассказывала), но события «меньшей важности» испарялись из ее головы начисто. Аски постоянно катались на спине своей громадной подруги, и она постоянно об этом забывала.

Вот и сейчас Аоки, а следом за нею Тари ловко взобрались по хвосту драконессы и привычно расселись между шипами. Мирри осторожно, стараясь не раскачиваться, шагнула вперед, еще раз с тревогой оглянулась. Сердце у нее было золотое, даром что весило тонну.

– Мы в полном порядке, едем в Оазис, – напомнил Тари. Драконесса, окончательно успокоившись, кивнула и прибавила шаг.

Аоки оглядела окрестности с высоты.

– А где Врум? – спросила удивленно.

– Летает, – недовольно проворчала Мирри. – Глупая пернатая ящерка.

Тари шелкнул пастью:

– Опять увязался за нами, наверно.

– О, нынче мы ему веселое зрелище устроили! – рассмеялась Аоки. Тари бросил

на подругу укоризненный взгляд.

– У Врума нет пары. Вряд ли ему было весело.

Запнувшись, Аоки помрачнела и опустила взгляд. Некоторое время все молчали, лишь тяжело бумкали шаги многотонной Мирри – с деревьев, мимо которых она проходила, облетали листья, по лужам бегали волны.

На последнем холме перед лугом Плачущих Звезд, драконесса замерла: даже у нее, от грандиозного вида всегда перехватывало дух. Тари невольно сглотнул, Аоки улыбнулась. Зрелище, и впрямь, было удивительным.

Подножье Северо–восточной гряды, озеро у водопада, да и вся пустыня Даяк располагались заметно выше уровня моря, а вся местность имела легкий уклон к югу, поэтому с холма открывалась изумительная картина. Гигантское, плодородное плато, свыше двухсот километров диаметром, окруженное с трех сторон горными хребтами, а с четвертой ниспадавшее к океану, обитатели испокон веков звали просто Долиной.

Тропические джунгли покрывали большую часть плато; там и здесь, их зеленые заросли пересекались узкими линиями рек. На западе, огромное ущелье Гордой Змеи рождало почти вечные ветры, там простирались саванны и засушливые луга; на крайнем востоке, среди скальных выступов, вздымался заброшенный город Тэ. Там сегодня гнездились патрульные птераны и жили последние на Земле длинношеие хаттори, которые в диких прериях вымерли уже столетия назад, но бережно охранялись в Долине, как самое удивительное чудо матери–природы.

– Что–то сегодня в Оазисе много народу... – щуря глаза, пробормотала Аоки. Мирри, тряхнув головой, вновь прибавила шаг и поспешила к темневшему вдали скальному образованию.

Глава 2

С расстояния полукилометра, клубы песочного тумана выглядели нереальными, призрачными утесами, что непрерывно меняли форму, сталкивались и пожирали друг–друга. Врум, пестрая полуптица–полуящерица величиной с крупного орла, сидел на

дереве и уныло разглядывал редкое явление.

Он обладал широкими когтистыми крыльями, длиннее (втрое длиннее тела) оперенным хвостом и мощными, мускулистыми лапами с огромными когтями. Его желто–зелено–серо–буро–черно–оранжевое оперение сильно отличалось от грубоватых, колючих перьев Тари и Аоки. Будучи куда ближе к птицам, чем к рептилиям, рахонавис не знал, что вылупился самым совершенным птицеящером мелового периода и одной из немногих первоптиц, способных к полноценному полету. Зато, ему было прекрасно известно, что других рахонависов в Долине не водилось. Даже яйцо, из которого вылупился он сам, принесла река; птенца выходили в Оазисе.

Нахохлившись и распушив воротник перьев, Врум с завистью наблюдал, как вдали по траве катаются сплетенные тела его друзей. Он никогда не признался бы, но часто, тайком, летал следом за Тари и Аоки на границу пустыни, пытаясь понять, что же они тут нашли интересного.

До сегодняшнего дня, все было просто скучно – аски ложились на землю и засыпали. Да и сегодня, в принципе, не случилось ничего удивительного... Врум уныло взъерошил перышки. Нет, никогда ему не найти подруги. Сколько сезонов уже пропущено? Три? Десять? При взгляде со стороны, никто бы не поверил, что растрепанный пернатый Врум почти вдвое старше своих лучших друзей–ассков. Он и не чувствовал себя старшим... Одиноким он себя чувствовал. Безумно одиноким, глупым, никому не нужным комком перьев.

Вдали, клубок из тел Тари и Аоки, наконец, распался, но отдых продлился недолго и, едва переведя дух, вскоре аски вновь катались по траве, рыча от возбуждения и нежно кусая друг–друга. Окончательно расстроившись, Врум расправил пестрые крылья и взмыл в небо, помчавшись прочь от пустыни.

Несколько лет назад, тоскуя, одинокий рахонавис уже обращался в Оазис с просьбой указать ему путь из Долины, но в тот раз передумал, услышав, что за горами утратит разум. Сейчас, идея уже не казалась ему такой страшной. Много ли радости быть разумным, коли осознавать себя приходится в одиночестве? Быть может, такому, как он, разумнее оставаться животным?..

Расстроенный и мрачный, Врум опустился на вершину одного из последних древовидных хвощей, что росли у подножья гор. Поднял голову к небу. Северо–

Восточная Гряда, неприступные, клыкастые утесы, усыпанные булыжниками холодные склоны. Если весь день, не отдыхая, лететь отсюда на запад, окажешься над ущельем Гордой Змеи; река, что прогрызла это ущелье за миллионы лет, некогда принесла в Долину маленькое, пятнистое яйцо рахонависа.

Врум вспомнил страшные истории, что слышал в Оазисе от других сирот. Говорили, если плыть против течения, ты постепенно начинаешь забывать, кто ты, забывать друзей, свою жизнь. Разум гаснет, глаза тускнеют. За пределами Долины, в диких прериях, даже мудрые Хранители Оазиса превращаются в тупых, ничего не понимающих зверей, но это не самое страшное...

Самое страшное Врум тогда не понимал, как не понимало большинство других птенцов. Но взрослые, особенно патрульные птераны, что часто облетали Долину вдоль границ диких прерий, рассказывали – там, за горами, с тобой происходят ужасные вещи. Ты начинаешь чувствовать внутреннюю боль, словно пустоту в животе, и избавиться от нее можно, лишь положив что-то в пасть. Плоскозубые хатта начинали жевать траву и листья, и не могли остановиться, иначе боль доводила их до смерти, но самое кошмарное, самое невероятное – все хитти, у кого зубы были треугольными, лишались разума и превращались в... Пожирателей трупов! Только, в отличие от гадких нхорнов, что обитали в Долине, за ее пределами безумцы уже не искали мертвые тела, а принимались... Убивать хатта...

Врума передернуло. У него самого по краям клюва имелось множество мелких, острых зубцов. Неужели за горами он утратил бы разум и принялся кусать Мирри?! Кррра... Нет, должно быть, сказки – они и есть сказки. Никто ведь ни разу не летал к Далекому Цветку, откуда ж взялось поверье, будто чем к нему ближе, тем сильнее «голод»? Кррра! Смешно! Сказки.

Вздыхнув, рахонавис опустил голову и вздрогнул, заметив, как что-то шевелится в траве, у корней хвоща. Приглядевшись, Врум брезгливо поджал хвост: керраи.

Интересно, что они делают? Похоже, спариваются... Точно, спариваются. О! Какой камешек! Сверкающий камешек! Врум жадно раскрыл клюв. Рядом с парочкой керраи лежал яркий блестящий кристалл изумительного голубого цвета. Это был... Был... Самый красивый камешек, что Врум видел в жизни! И такая вещь должна

принадлежать вонючим пушистым керраи?!

Никогда! Взмахнув крыльями, Врум сорвался с ветви и камнем рухнул к добыче. Пушистики заметили опасность слишком поздно; они только-только опомнились и запищали, как счастливый рахонавис уже взмыл к соседнему хвощу с кристаллом в когтях.

– Отдай! Отдай! – керраи метнулись вверх по стволу, но они были всего лишь прыгунами, а Врум мог летать. Издав ликующий вопль, он взвился в небо и дал круг над деревьями.

– Моё! Моё! – прокричал он разъяренным керраи, что пищали и скакали по веткам внизу. В ответ в него запустили шишкой, но Врум легко увернулся и, страшно довольный, помчался прочь, чувствуя в лапе сладкую тяжесть добычи.

Какой камешек!!! Тари себе хвост откусит, когда увидит! Аоки будет день и ночь бегать следом, умоляя подарить камень ей! Даже Мирри, наверно, обратит внимание...

Спеша показать находку друзьям, рахонавис вернулся к границе пустыни, где час назад видел ассков, но Тари и Аоки уже ушли. Врум слегка запыхался – камешек оказался неожиданно увесистым, так что он решил передохнуть, прежде, чем отправляться в долгий полет домой. Рахонависы летали плохо и быстро выбивались из сил; как ни странно, отсюда до водопада, где жили друзья, крылатый Врум добирался дольше, чем бескрылые, зато ловкие и выносливые аски.

Песчаный туман уже распался на отдельные клубы пыли, парившие в воздухе, будто невероятные медузы. Усевшись на то самое место, где недавно лежали Тари и Аоки, Врум тщательно отряхнулся от песчинок, набившихся в перышки, и принялся с восхищением разглядывать кристалл.

Таких камней он раньше не видел. Прозрачный, с тончайшими ультрамариновыми прожилками, продолговатый кристалл был втрое больше его главного когтя. Казалось, драгоценность светится сама, до того чистым и ярким был голубой блеск. А вдруг это... Вдруг это семя Далекого Цветка?! Его лучи как раз отливают голубизной!

На мгновение, Врум даже зажмурился от удовольствия, представив, как украсит его гнездо это маленькое чудо. Подобно многим птицам, до появления которых на Земле оставались еще десятки миллионов лет, рахонавис испытывал непреодолимую,

врождённую тягу ко всему яркому и блестящему. Дома, на утесе за водопадом, его гнездо было переполнено всевозможными «сокровищами», которые Врум тащил отовсюду, нередко нарываясь на неприятности. Но такого камешка, определенно, у него еще не было... Да вообще ни у кого не было!

Керраи живут в предгорьях. Наверно, откопали кристалл, когда рыли очередную нору. Глупые, пушистые керраи! Разве можно оставлять такое сокровище без присмотра? О, Врум никогда, никогда— никогда не потеряет свою прелесть. Он попросит Тари сплести веревочку из волокнистых папоротниковых листьев и будет носить камень на груди! Пусть все видят, какое чудо есть у одинокого рахонависа...

Порыв ветра шевельнул перья счастливого Врума, и тот сильно вздрогнул: в шелесте песчинок ему послышалось далекое карканье. Поспешно усевшись прямо на кристалл, чтобы тот не привлекал внимания, встревоженный птицеящер оглядел окрестности.

Метрах в девятистах от места, где сидел Врум, высоко на утесе, что-то происходило. Рахонавис напряг зрение: оно, как и у всех хищных птиц, было у него великолепным, цветным и стереоскопическим.

Поэтому, вопреки расстоянию, Врум сумел разглядеть картину, от которой все его перья поднялись дыбом. Там, в высоте, целая группа странных черных птиц клевала и била крыльями окровавленную, измученную птицу того же вида. Прежде, чем Врум успел хоть что-то придумать, жертве нанесли последний жестокий удар, и она сорвалась с утеса. Потрясенный рахонавис, открыв клюв, молча смотрел, как тело катится по камням, оставляя кровавый след и теряя перья.

Пара секунд – и несчастная птица мертвой рухнула на песок у подножья скалы. Преследователи спикировали следом, но приземляться не стали. Покружив над окровавленным телом, каждый из них издал гортанный хриплый крик и резко ударил крыльями. Мгновение – и палачи взмыли в небо, исчезнув за горной грядой с невероятной, невысказанной для рахонависов скоростью.

Потрясенный Врум слотнул. Вот, значит, что происходит с разумными вне Долины... Какой кошмар! И он собирался туда лететь?! Его затрясло.

Не в силах молча сидеть, рахонавис схватил когтями кристалл и взмахнул крыльями. Расстояние до утеса было совсем небольшим, птицеящер оказался там

менее, чем через минуту – однако его, все равно, успели опередить: возле мертвой птицы, жадно глядя на труп, уже сидел оголодавший костлявый нхорн. Темневшая в сотне метров к востоку нора отвечала на вопрос, как зверь оказался здесь столь быстро.

Сырой, сладковатый запах крови моментально вызвал у Врума головокружение. Опустившись на камни, испуганный и растерянный рахонавис инстинктивно зашипел и замахал крыльями на нхорна. Тот глухо заворчал, оскалил клыки, но не рискнул связываться с вдвое более крупным птицеящером. Отогнав падальщика, Врум робко тронул крылом жертву. И отскочил, как ужаленный – глаза «мертвой» птицы слегка приоткрылись.

Это мгновенно все меняло. Раненного – в Оазис! Врум так четко помнил закон, что, на миг, даже позабыл о кристалле. Рахонавис был вчетверо больше израненной птицы, но, если схватить ее когтями и взлететь – бедняжка истечет кровью раньше, чем он достигнет Оазиса. Что делать? Что делать?! Эх, почему рядом нет Тари...

– Я сейчас! – выпалил Врум. – Не умирай! Я придумаю, как помочь!

Что бы сделал Тари? Что бы сделал Тари? Быстро, быстро! Думай, пернатый, как бы поступил твой друг?! Он... Он... Позвал бы Мирри!!! Нет, пока она сюда добежит, полдня пройдет... Листья? Обмотать листьями!!! Но кровь все равно будет течь, и...

– Подойди, – прохрипел умирающий.

Врум содрогнулся.

– Я не знаю, как остановить кровь! Я отнесу в Оазис!

– Нет... – раненный с трудом дышал, кровь пузырилась в ноздрах– дырочках у основания черного клюва. – Меня... Не спасти... Хотели... Помешать... Чтобы никто... Не узнал... Слушай внимательно... Запомни...

– Я слушаю, слушаю! – Врум трепетал. Он никогда раньше не видел смерть.

Окровавленная птица мучительно приоткрыла клюв.

– Передай... Своим... Я не смог... Ахав... Не справился... – он захрипел. Перепуганный Врум накрыл крылом самую страшную рану в груди птицы, чтобы хоть немного задержать кровотечение.

– Дар– и– Нур... – выдохнул умирающий. – Море... Света... Ищите... Дар– и– Нур... Там... На дне... Смерть... Меньше года... Я не сумел! Не сумел! Осталось...

Меньше года... Смерть для всех... На север... Ищите на севере...

– Что искать?! – от страха все перья Врума поднялись дыбом, хвост распушился.

– Что искать?!

Черная птица судорожно напряглась, попыталась ответить, но лишь каркнула кровью. Мучительно дернулась, и тут ее взгляд упал на кристалл, что, забытый, валялся рядом. Умиравший страшно захрипел:

– Откуда?!.. Отку... Ххрр... Хххх... – трепещущее тело изогнулось дугой и задергалось. Рахонавис, в отчаянии, распластал по земле крылья:

– Не умирай! Стой!

– Поздно, – буркнул нхорн.

Черная птица в последней судорожной конвульсии рванулась вперед и упала окровавленной грудью прямо на кристалл. В ее глазах, на миг, полыхнуло синее пламя, но огонь тут же погас, клюв с тихим хрипом приоткрылся, и несчастная застыла на песке мертвым клочком перьев. Испуганный и растерянный, Врум отпрыгнул назад, глядя на труп широко открытыми глазами. Из оцепенения его вывело лишь движение нхорна; сообразив, что сейчас будет, рахонавис в панике загородил собой тело птицы и распахнул крылья:

– Кррра!!!

– Посторонись, – глухо сказал зверь. – Все мертвые принадлежат нам. Таков закон.

– Нет! – Врум замотал головой. – Я отнесу его в Оазис! Должен передать слова! Важно!

– Используй наарен, – нхорн кивнул на залитый кровью кристалл. Рахонавис отпрянул:

– Что– что– что?

В черных глазах падальщика загорелся гнев, а на острой мордочке отразилось подозрение.

– Ты не знаешь, зачем нужен наарен?

Врум ошалело мотнул головой. Нхорн, пробурчав что–то под нос, шагнул вперед, но рахонавис зашипел на него и отпрыгнул, схватив лапой погибшую птицу вместе с кристаллом.

– Совсем спятил? – гневно спросил нхорн. – Или вчера вылупился? Мертвые принадлежат нам! Если кто помешает нашей работе, с него живьем сдерут шкуру, а семью вышвырнут из Долины!

– Сдерут шкуру? – растеряно пробормотал Врум. Зверь зло прижал уши.

– Плохо ж ты помнишь законы вашего добренького Тики– Ра... Прочь! – он оскалил зубы. Но рахонавис лишь громче зашипел и, сильным ударом хвоста, отшвырнул костлявого зверя на пару шагов. Яростно зарычав, нхорн взвился на ноги и припал к земле.

– Я отнесу птицу в Оазис, – прокаркал испуганный, но готовый идти до конца Врум. Зверь выругался на неизвестном языке.

– Ты где взял наарен, а, пернатый? – процедил он сквозь зубы. – Я такого крупного отродясь не видал. Не знаешь, как им пользоваться, а? Ведь не знаешь?

Врум резко подался вперед:

– Камень мой!

– И давно он стал твоим?

– Очень давно! Очень– очень!

– Ох, не похоже... – нхорн криво ухмыльнулся. Его черно– бурая шерсть была испачкана пылью, роскошный некогда хвост облез, а в огромных треугольных ушах, на просвет, были видны тысячи кровеносных сосудов. – Ладно, пернатое, я сегодня добрый... Оставь птицу, а сам убирайся, и я не расскажу в Оазисе о твоём преступлении. Наарен запоминает все, что происходит вокруг. Покажешь его любому, кто умеет читать память, так и передашь слова этой падали...

Врум гневно распушил воротник перьев.

– Думаешь, я глупый? Да? Да? Я не глупый! Если камень все помнит, он и твои слова вспомнит! Что ж ты грозишься рассказать, коли все и так услышат наш разговор? А? А?

Нхорн почесал задней лапой за ухом.

– Ну, ладно, – буркнул он в пустоту. – Добрые дела, как известно, наказуемы. Что ж, пернатый – лети в свой Оазис. Да не жалуйся, когда с тебя начнут сдирать шкуру. – Изогнув гибкое, длинное тело почти пополам, зверь принялся невозмутимо вычищать из своего хвоста колючки и сухую траву.

– Кррра? – птицеящер вопросительно склонил голову набок.

– Ты помешал моей работе, – нхорн зубами вытянул запутавшийся в шерсти прутик и метнул на Врума злобный взгляд. – По закону Тики–Ра, с тебя сдерут шкуру, труп отдадут мне, а твою семью вышвырнут из Долины. Так–то.

Рахонавис прищурил глаза:

– Все ты врешь.

– Увидишь сам.

– Врешь! Врешь!

– Увидишь.

– Нет у нас таких диких законов! – возмутился Врум.

– Угу, угу.

– Ах так?! – рахонавис взвился от гнева, заметив, что зверь направился обратно к своей норе. – Кррра! Ну, погоди же! Как тебя зовут?

– Пожиратель трупов, – буркнул нхорн, не повернув головы. Врум моргнул.

– Так и зовут?!

– А с каких пор ящерицы научились звать нас по именам? – тяжело спросил зверь.

Врум озадаченно распушил перья.

– Я не ящерица...

– Ого?

– Угу!

Нхорн безнадежно покачал головой.

– Да уж... Рифом меня звать. Черно– бурый Риф. Так и передай в вашем Оазисе, – угрюмо фыркнув, пушистый зверь продолжил свой путь. Врум, с огромным трудом, взял себя в лапы и перевел взгляд на мертвую птицу. Та, по– прежнему, лежала на песке, глядя вперед остекленевшими глазенками.

– А вдруг он не врал? – пробормотал рахонавис. И посмотрел на окровавленный кристалл. Да уж... Хранительница Лаэллин очень строгая, она непременно захочет узнать, откуда у Врума такой замечательный камень. А если нхорн говорил правду?!

Тари! – внезапно вспомнил Врум. Тари умеет возвращать память – значит, он через камень услышит весь разговор. Но Тари его лучший друг, он никогда не предаст!

Тари скажет Хранительнице, что никакого нхорна не было. А если этот пожиратель трупов сам заявится в Оазис, Врум поднимет его на смех! Да! Да! Так и будет!

Разрываясь от неуверенности, рахонавис хрипло каркнул и накрыл голову крылом. Как же быть? Ведь лететь в Оазис, так или иначе, придется...

Оазисом в Долине называли довольно крупный метеоритный кратер диаметром около километра, с идеально круглым горячим сернистым озером в центре. Там, уже много столетий, была сосредоточена активность руководивших Долиной Хранителей, наиболее опытных и умных представителей своих видов. В Оазисе, также, находилось Гнездо Заботы, где работал Тари – там лечили раненных, воспитывали сирот и помогали молодым родителям.

В Гнезде всегда бывало многоящерно, но сегодня, число посетителей превосходило всякие рамки. Большинство принадлежало тому же виду, что и Тари – аски; грузных хатта и высоких, тощих аскенов видно не было.

Осторожно ступая и глядя под ноги, чтобы не раздавить, ненароком, мелких завриков, могучая Мирри подошла к площади собраний, огороженной деревьями зеленой лужайке, где толпа была особенно густой. В центре круга, образованного почти сплошь асками, друг против друга стояли двое Хранителей. Тари и Аоки с волнением подались вперед – спор, похоже, шел нешуточный.

– ...несправедливо! – крупный серо– зеленый аск, в котором Тари узнал собственного деда, яростно бил хвостом. – У вас нет знаний, чтобы принимать решения!

– Граа, так уже сотни раз бывало в прошлом, – сурово возразила Хранительница Лаэллин, известная всей Долине глава Гнезда Заботы.

– Но сейчас нет и намека на перенаселение! Тем более, нашим видом!

– Откуда тебе известно? – Лаэллин прищурила глаза. – Ты проводил исследования? Рассылал ануругнатов в разведку? Опрашивал вождей?

– В этом нет нужды, – резко отозвался Граа. – Ты отлично знаешь: когда в Долине наблюдается перенаселение, многих начинает тянуть в дикие прерии и они уходят сами!

Лаэллин покачала головой. Ее вид был совсем некрупным, даже меньше асков, поэтому смотреть на Граа ей приходилось снизу– вверх.

– С твоими сородичами это не работает, – сказала она тяжело. – Вы слишком высокоразвиты. Перенаселение асками у нас впервые, и меры также приходится принимать впервые. Но в самом факте перенаселения, ничего нового нет!

Граа гневно прижал хохолок перьев.

– Выходит, вы хотите ограничить размножение самого развитого вида в Долине?

– От того, что аски умнее прочих, у них не появляется больше прав на жизнь, – резко ответила Лаэллин. – Здесь все равны, Граа. От самого глупого асогната до твоего внука, обладающего наивысшим интеллектом в Долине!

– И что же? – аск прищурил глаза. – Ему теперь запретят оставить потомство? Весь этот интеллект исчезнет вместе с Тари, просто потому, что вам взбрело в головы уменьшить число моих родичей?

Огромная Мирри недоуменно фыркнула, Аоки бросила на Тари удивленный взгляд. Тот, страшно смущенный, издал тихий зов, желая привлечь внимание.

– Лаэллин, я получил послание...

– Не вмешивайся, – резко оборвал Граа. – Речь о твоём будущем, мальчик.

Гигантская Мирри с тревогой переводила взгляд с ящера на ящера.

– Мирри не понимает, – заметила она нервно. – Мирри тревожится.

Граа громко фыркнул.

– Вот– вот, – он ткнул лапой в сторону великанши. – Пусть размножаются эти безмозглые куски мяса, а мой вид потихоньку вымирает. Вы этого хотите, Лаэллин?

– Граа! – бешенство мгновенно охватило Тари от кончика носа до кончика хвоста. Спрыгнув со спины Мирри, он с разгона боднул деда головой в бок и встал над упавшим, яростно хлеща себя хвостом. Все отшатнулись, Аоки в ужасе прижала лапки к пасти.

– Я не знаю, что здесь творится, – тяжело дыша, бросил Тари. – Я только что приехал. Но и того, что я слышал, более чем достаточно. Граа, ты позоришь мой род и мое гнездо! Прочь отсюда! – он оскалил зубы.

Пожилый аск единым прыжком взвился на ноги и оскалился в ответ.

– Ты забываешься, птенец, – свирепо отозвался Граа. – Гнездо, где ты вылупился, принадлежит мне. И только я буду решать, кому и куда убираться!

Он обернул голову к Лаэллин:

– Видите, к чему ведет ваше решение?

– Не наше решение, а твоя агрессия, – жестко возразила Хранительница. – Мы всего лишь хотим уменьшить темпы размножения ассков, а не запретить вам размножаться! Все, чего просит Гнездо Заботы – пропускать каждый второй брачный сезон. Это не повод для драки!

– По– моему, ничего страшного... – робко заметила Аоки, бросив затравленный взгляд на Тари. – Только... Лаэллин... Мы как раз собирались поговорить... Об этом... – она нервно дергала хвостом.

Хранительница успокаивающе подняла лапу.

– Не бойся, Аоки, столь выдающегося аска, как Тари, решение не коснется. Вы спарились?

– Стоп! – Тари топнул ногой. – Я, между прочим, тоже здесь!

Граа презрительно царапнул когтями землю.

– Мой род не станет подчиняться такому несправедливому решению.

Среди слушавших ассков поднялся гул, многие тревожно заверещали. Лаэллин, явно испуганная, подняла лапы, призывая к вниманию.

– Вы свободное племя, а не потомки этого старого дурака! – крикнула она из–за всех сил, чтобы слышали даже в задних рядах. – Мы тысячи лет мирно живем бок о бок, и за тысячи лет решения Оазиса ни у кого не вызывали сомнений! Поймите, это нужно для общего блага, в том числе и вашего! Если перенаселение ухудшится, многие виды почувствуют тягу в прерии и утратят разум, погибнут, вы понимаете?

– С каких пор мы чем–то обязаны Оазису? – резко оборвал Граа. – Его создали мои предки, аски! И лишь спустя много лет, размякнув, позволили и другим видам становиться Хранителями. Даже некоторым хатта, вроде вас, Лаэллин! Так что же, теперь наше собственное творение станет отбирать у нас детей?! Этому не бывать! – он тоже повысил голос. – Род мой! Я, Хранитель Граа, говорю вам: не подчиняйтесь решениям Оазиса. Они приведут вас к гибели!

Поднялся такой гам, что отдельные голоса перестали быть слышны вовсе. Тари, Аоки, Граа и Лаэллин что–то кричали, перепуганная Мирри во всю глотку ревела. Никто не заметил, как с воздуха на спину драконессы тяжело рухнул Врум.

А вот запах крови ощутили все, и гвалт моментально затих. Пораженные аски,

как один, уставились на черную птицу, что держал в когтях весь забрызганный кровью рахонавис.

– Врум?! – Тари отпрянул, Аоки вскрикнула. – Что случилось?!

Измученный, перепуганный птицеящер бросил на Тари такой взгляд, что у того все перья поднялись дыбом.

– Я был в пустыне, – дрожа, сказал Врум. – Я видел, как ее убили. Хотел отнести в Оазис, но кровь так хлестала... Хлестала... – он всхлипнул. – Когда я прилетел, птица еще могла говорить. Она сказала – ее убили, чтобы мы не узнали тайну!

Повисла мертвая тишина.

– Какую тайну? – медленно, с напряжением, спросил Граа.

Врум с дрожью перебрал крыльями.

– Осталось меньше года, и мы все умрем, – выдавил тихо.

На площади собраний воцарилось молчание. Наконец, Лаэллин опомнилась и дала Вруму знак спуститься. Тот спланировал со спины Мирри и аккуратно уложил черную птицу к ногам Хранительницы.

– Что это за вид? – удивленно спросила Аоки.

Лаэллин медленно покачала головой.

– Я не знаю.

– Кто встречал таких существ? – громко спросил Граа. – Есть идеи?

Громадная Мирри издала робкий «хмрф», призывая к вниманию.

– Мирри знает, – сказала несмело.

– Ты? – удивленный Тари моргнул.

Драконесса кивнула.

– Мирри помнит. Кассаниды. Мирри видела, много– много холодов назад.

– Кто они? Где обитают? – быстро спросила Аоки.

Мирри с сомнением переступила с лапы на лапу.

– В горах. Мирри ходила с отцом смотреть на Далекий Цветок. Видела кассанидов. Отец говорил – Мирри, вот главные в мире, маленькие и могучие, Мирри, вот главные в мире, черные и живучие...

– Она всегда отвечает стихами? – мрачно спросил Граа.

Тари гневно встопорщил хохолок перьев.

– У нее не такая память, как у хитти. Если Мирри хочет запомнить что-то важное, она придумывает стихи и учит их наизусть, так ей легче.

– Пфр... – Граа поджал хвост. Тари зашипел, но Аоки быстро обняла его и принялась облизывать лицо, чтобы успокоить. Лаэллин задумчиво взглянула на Мирри.

– Маленькие и могучие... Врум, – она перевела взгляд на рахонависа, – Ты можешь в точности повторить его слова?

Птицеящер с натугой кивнул.

– Он сказал «Передай своим, я не смог. Ахав не справился. Осталось меньше года. Смерть для всех. На север. Ищите не севере.»

– Что искать?! – Тари подался вперед точно так же, как ранее сам Врум.

– Дар– и– Нур, – выдавил рахонавис. – Последнее, что он сказал – чтобы мы искали Дар– и– Нур, «море света». Там, сказал, на дне смерть. А потом закричал и умер...

Все переглянулись.

– Может, он просто бредил? – робко спросила Аоки.

– А если нет?! – у Тари поднялись дыбом все перья.

– За горами теряют рассудок, – скептически напомнил Граа.

Лаэллин медленно покачала головой.

– Я что-то слышала о кассанидах... – произнесла она медленно. – Только не помню, от кого... Много, много лет назад.

– Я тоже слышал! – растолкав соседей, в центр круга ступил пожилой сизый асск. – Они обитают в пещерах на северных склонах гор и поклоняются Далекому Цветку. Разумны только самцы, поэтому кассаниды летают в дикие прерии искать себе пару. Их там тысячи.

– Летают в прерии? – переспросил Граа. – Невозможно! Утратив рассудок, они позабудут, что живут в Долине, и никогда не отыщут обратной дороги.

Асск покачал головой.

– А вот и нет. Они как пчелы – всегда находят свой улей.

– У самочек нет разума! – поразились Аоки.

Граа хмыкнул.

– А что, неплохо. По крайней мере, у них ни одна «самочка», – асск красноречиво взглянул на Лаэллин, – Не придумает контроль размножения.

– Граа, мы все уже поняли твою позицию! – гневно ответила Лаэллин. – Ты Хранитель. По закону, когда среди Хранителей возникают споры, должно быть созвано общее собрание Оазиса.

– Я в этом собрании единственный асск, – хмуро заметил Граа. – И какое решение, по– вашему, примут виды, которым мы якобы угрожаем?

Тари возмущенно подался вперед.

– Друзья! Опомнитесь! Если это бедное существо не ошибалось, нам следует думать, как выжить, а не как численность регулировать!

Граа на миг застыл, а затем улыбнулся.

– Клювом птенца... Лаэллин, – он кивнул на мертвую птицу. – По– моему, налицо классическое дело о наводнении.

Хранительница мрачно уставилась на своего пожилого оппонента.

– Ты не посмеешь.

– Еще как посмею, – ухмыльнулся Граа и повысил голос: – Род мой, и роды прочие! Перед нами, возможно, большая опасность, а это значит, все решения Оазиса теряют силу до ее устранения. Пока мы не будем уверены, что выживанию Долины ничто не грозит, всякий контроль размножения отменяется!

Лаэллин гневно дернула хвостом.

– Согласна, – выдавила она после паузы. – Да будет так. Но мы еще вернемся к этому вопросу, Граа!

– Всегда к вашим услугам, – асск издевательски задрал хвост и помахал в воздухе его кончиком. – Так. Теперь надо создать комиссию по расследованию происшествия. Поскольку я стар, а Тари, как вы сами заметили, самый умный в Долине, предлагаю избрать...

– Требуем справедливости!!! – громкий писк снизу застал Граа врасплох. Подпрыгнув от неожиданности метра на два в воздух, он грузно свалился в толпу сородичей, повалив нескольких на землю.

Удивленная Лаэллин опустила взгляд к большой группе рыжих пушистых керраи. Впереди стояла крупная, запыхавшаяся от долгого бега самочка с короткими

ушками и широченным хвостом, заметно превышавшим длиной ее тельце.

– Кто вы? – спросила озадаченная Хранительница. Сидевший рядом Врум, сглотнув, невольно попятился, распушив хвост.

Предводительница керраи яростно подпрыгнула.

– Мы тоже живем в Долине! Мы такие же, как вы! Почему вас нельзя обижать, а нас можно?!

– Что случилось? – тревожно спросила Аоки.

Керраи в бешенстве ткнула лапкой в сторону Врума.

– Пусть вернет! Вернет, что украл!

Все, кто был на собрании, в едином порыве обернулись к рахонавису. Тот распушился до состояния пестрого шара и даже присел, распластав по земле крылья.

– Врум? – с подозрением спросил Тари. – Что ты еще натворил?

– Они врут! – выпалил птицеящер. – Врут, врут, врут! Я сам нашел!

Лаэллин сурово сузила зрачки.

– Так.

– Я сам нашел! – пискнул Врум. – Они потеряли, а я нашел! Все честно!

– Дикая ящерица из прерий напала на храм, где драгоценность покоилась тысячи поколений, – чуть спокойнее произнесла керраи. – Мы гнали ее до ущелья Гордой Змеи и сбросили в реку, но на обратном пути отвлеклись всего на мгновение, и этого хватило вашей... Вашей... Недоптице, чтобы украсть главную святыню моего народа!

– О чем идет речь? – спросила Аоки. – Врум, объясни...

Рахонавис с надеждой обратил взгляд к Лаэллин.

– Я ведь не должен отдавать? – взмолился он, дрожа. – Я ведь не крал! Я сам нашел! Летел и увидел, а они уже потом появились!

– Да что же ты такое стащил? – Тари нетерпеливо шагнул к другу и несильно толкнул его головой. – Покажи, наконец!

– Не могу, – пискнул Врум.

Керраи сильно вздрогнула:

– Что ты сделал с сокровищем?!

Врум беспомощно оглянулся на друзей.

– Я нес груз... – он кивнул на птицу. – Когти заняты были... Не мог же я...

Бросить...

Аоки, ахнув, подалась вперед:

– Проглотил?!

Врум, поникнув, через силу кивнул. Керраи издала вопль:

– Наше сокровище!!!

– Не бойтесь, оно... Скоро... Вернется, – поспешил Тари. – Врум часто... Так делает.

Потрясенная керраи просто села на хвост.

– И долго ждать? – спросила после длительной паузы.

Тари окинул перепуганного рахонависа скептическим взглядом.

– Думаю, совсем недолго, – пробормотал он смущенно.

Керраи обхватила голову лапками и обернула вокруг себя хвост.

– Слеза Мертвеца, – простионала она. – Величайшее сокровище нашего племени.

Волшебный камень Черных Кочевников, ограненный самим Кассаном. В куче ящериного...

– Стоп! – резко прервал Тари. Прищурив глаза, он наклонился к пушистой. – Ты сказала, Кассан?

Керраи удрученно кивнула. Тари бросил на Аоки горящий взгляд.

– Что тебе известно о кассанидах? – спросил он, стараясь казаться спокойным.

По рядам ящеров пронесся шепот, многие подались вперед. Пушистая гостя огляделась с легкой тревогой.

– А... А что вы хотите узнать? – спросила настороженно.

Глава 3

Раненный, о котором говорилось в послании Лаэллин, оказался самочкой –

хрупкой, большеглазой, сизо– бурой красавицей вида аскен, совсем юной, и потому лишь слегка превышавшей асков размерами; взрослые, аскены иногда вырастали вдвое более крупными. Она тихо лежала на подстилке из листьев, глядя в небо пустыми карими глазами без признаков разума. Тари тяжело вздохнул, напомнив себе, что он, прежде всего, врач, а лишь затем исследователь, и никакая экспедиция не может быть важнее его работы.

Хотя после бурного собрания на площади и прошло несколько часов, мысли молодого аска, до сих пор, были заняты удивительными утренними событиями. Сколько всего произошло разом! Страстная любовь Аоки, битва с Граа, страшная весть от Врума, мертвая птица, появление керраи, таинственный кристалл... Как не вовремя приходится оставить все это!

Тари вздохнул. Дар целителя – всегда не только дар, но и долг. Обнюхав будущую пациентку, он обернулся к смущенно переминавшемуся с лапы на лапу патрульному ирем– хатта.

– Где ты ее нашел? – спросил Тари. Массивный четвероногий патрульный, которому аск едва доставал до плеч, мотнул огромной рогатой головой на запад.

– Река! Ущелье Гордой Змеи. Тонула! Я вытащил, но молчала! Не двигалась! Я смелый! Разогнал керраи!

– Ты молодец, молодец, – поспешил Тари. – Она лежала в воде? Или рядом?

Ирем– хатта озадаченно хрюкнул.

– Тонула! Я разогнал керраи, я спас!

– Да, я понял, – Тари улыбнулся. В отличие от большинства асков, его не раздражали особенности хатта; сказывалась многолетняя дружба с Мирри. – Ты смелый, отважный защитник. Ты правильно сделал, что принес ее в Гнездо Заботы. Сейчас возвращайся к своему хаттиру, но, вначале, разыщи Хранителя Зайхана и доложи обо всем. Ты помнишь, о чем надо докладывать?

Патрульный активно закивал, чуть не тыкаясь в землю массивной клювастой мордой.

– Я сторожил ущелье от хитти из диких прерий, я заметил что–то, я подбежал ближе, много керраи собралось на отмели, бросали камни в воду, я смелый, разогнал керраи, увидел в воде аскену, тонула, я вытащил на берег, не двигалась, молчала...

– Молодец, – оборвал Тари. – Только расскажешь это не мне, а Хранителю Зайхану. Да?

Ирем– хатта послушно хрюкнул и затопал прочь, бормоча под нос свою историю. Тяжело вздохнув, Тари проводил его взглядом и обернулся к пациентке.

Чешую бедняжки покрывали многочисленные кровоподтеки и ушибы от камней, но, судя по отсутствию шрамов, она пробыла в диких прериях недолго. Это здорово повышало шансы на успешное восстановление памяти. Осмотрев пострадавшую еще разок, Тари принял решение начать с глубокого зондирования; аскены, как и аски, отличались развитыми умственными способностями и, часто, поддавались этому методу – наиболее сложному, но и самому быстрому из известных.

Привычно усевшись у головы пациентки, Тари облизнул себе лапки перед операцией и, бережно, коснулся раненой в области глаз. Тело аскены легонько дернулось.

Тари нахмурился: его мысленный взор не мог нащупать знакомые образы в мутном тумане, заполнявшем разум ящерицы. Неужели все так плохо? Опустив внешние веки, аск напрягся, погружаясь в туман все глубже, глубже...

Так! Что–то есть! Слабый, ускользающий след! Тари рванулся вперед. Его разум сверкающим клинком рвал паутину безумия, пленившего чужое сознание, постепенно приближаясь к более светлым, уцелевшим участкам. Внезапно туман рассеялся, и Тари вынырнул из мглы над бесконечной серо– зеленой равниной.

«Океан» – понял целитель. Где–то здесь таился чудом уцелевший разум бедной аскены. А вот и он – беспомощно распластанный, на волнах. Тари передернуло: облик, что приняло сознание раненой, отличался ужасным уродством: белый, бесхвостый, какой–то аморфный, словно бледная каракатица. Чешуи не было вовсе, перьев тоже, морда оказалась плоской, как брюхо дзалахатта, передние лапы отличались неестественной длиной, а на голове и под животом, между задними лапами, клочьями росла черная шерсть. Помесь каракатицы и керраи! Да, странные формы, порой, принимает наше подсознание...

Скользнув к тонущей фигуре, Тари благоразумно изменил свой внешний облик на аналогичное странное существо, чтобы не пугать бедняжку, и поспешно соорудил под ней, на глубине, уютный островок. Бережно поднял его из моря, так что раненная

оказалась на теплом белом песке. Сладко потянувшись, она приоткрыла глаза и уставилась на целителя.

– Кто вы? – удивленно спросила аскена. – Почему вы обнажены? И что это за ме... – она запнулась, вскрикнула и, рывком, села, прижав лапы к пасти.

– Не бойся! – поспешил Тари, опускаясь на песок рядышком. – Теперь все хорошо. Мы в безопасности.

– Океан! – прошептала раненная, в ужасе глядя на море. – Океан!!! Здесь не может быть океанов!!! Почему вода не испаряется?!! Почему холодно?!!

– Ты переохладилась в реке? – с пониманием спросил Тари. – Должно быть, тебя долго несло по течению.

– Река... – аскена зажмурилась. – Я мертва. Я мертва!

– Нет, нет, все хорошо! – Тари улыбнулся. – Тебя спасли в последний момент. Идем со мной. Здесь нельзя оставаться.

Аскена обратила к нему бледное, плоское лицо с такими же огромными темно-кариими глазами, как и у истинного ее облика.

– Я не могла выжить, – пробормотала она, дрожа. – Это просто невозможно. Я умерла.

– Все хорошо, – ласково отозвался аск. – Не бойся. Ты утратила память, но я умею лечить такие недуги, и вскоре ты себя вспомнишь. Главное, доверяй мне. Я друг. Позволь вывести тебя из этих глубин на свет. Там, вверху, – он указал на грозовые тучи, – Нас ждет родной мир. Верь мне. Верь.

Аскена беспомощно зажмурилась.

– Как можем мы выбраться на поверхность... – простонала она. – Там... Так жарко...

– Не бойся, – Тари нежно улыбнулся. – Теперь все хорошо. Следуй за мной, я выведу тебя отсюда. Верь мне. Я уже много лет спасаю жизни. Идем, – он встал, протянув раненной лапу. Та, сглотнув, заставила себя подняться.

– Как... Куда мы пойдём? – спросила робко.

– Смотри на меня, – сказал Тари. – Смотри только на меня, мне в глаза, не думай более ни о чем. Не бойся. Смотри мне в глаза. Только мне в глаза, ясно? Ничего не бойся. Смотри в глаза. Только в глаза... Оп- па! – он подцепил сознание аскены и,

рывком, вытащил на поверхность из пучины безумия. Ящерка скрутилась в спазме, судорожно открывая и закрывая пасть. Немного уставший Тари обернул ноги хвостом и перевел дух.

– Вот и все, – сказал весело.

Аскена обратила мордочку в его сторону, пару секунд молча смотрела, а затем, издав полный ужаса вопль, попыталась вскочить, но упала, запутавшись в собственном хвосте. Слегка встревоженный Тари подался вперед:

– Что случилось?

– ДИНОЗАВР!!! – смертельно испуганная, аскена билась в траве, с ужасом глядя на аска. Тот озадаченно встопорщил хохолок перьев.

– Мое имя Тари, – представился он. – Я целитель.

Ящерка открыла пасть, судорожно втянула воздух и, потеряв сознание от шока, свалилась на землю. Уже не на шутку испуганный, Тари приподнял ей голову и раздвинул пальцами веки.

– Эй! – позвал он тревожно. – Очнись!

Аскена слабо дышала, механически дергая кончиком хвоста. Тари попытался провести ей массаж грудной клетки, но ящерка внезапно пришла в себя и дико закричала:

– На помощь!!! Динозавр!!!

– Что значит «динозавр»? – удивленно спросил Тари. Аскена открыла пасть.

– Ты говоришь... – пролепетала она, задыхаясь. – Это невозможно...

– Ого, – Тари облегченно перевел дух. – Опомнилась, наконец? Давай– ка испытаем память. Как твое имя?

Молчание.

– Что у меня перед глазами? – слабеющим голосом спросила аскена. – Это... Это... – она подняла лапку и, не веря, коснулась собственной мордочки. Ощупала, широко раскрыла глаза. Сглотнула. – Я сплю. Ну, конечно, я сплю! – она счастливо рассмеялась и обмякла в лапках Тари, беспомощно моргая. Тот, вздохнув, аккуратно уложил раненную в траву и отступил на шаг.

– Такие случаи мне давно не попадались, – мрачно заметил целитель. – Давай попробуем еще раз: как твое имя?

Тишина.

– Не помню... – в ужасе пролепетала аскена.

– Плохо, – Тари помрачнел. – Ты не помнишь имя. Это очень тревожный признак, – он помолчал, размышляя над ситуацией. – Попробуем обратиться к самым ярким воспоминаниям детства. Далекий Цветок?

– Что? – аскена беспомощно моргнула.

– Родители наверняка водили тебя в горы, смотреть на Далекий Цветок, – Тари улыбнулся. – Почти всех, кого я знаю, он поразил. Ну же, вспомни – ночь, убегающие вдаль просторы диких прерий, а на горизонте, невыносимо прекрасный и столь же недостижимый, сверкает Цветок. Лучи, что испускает он каждую ночь, видны из всех уголков Долины. Напряги память, ты не можешь этого не знать!

Ящерка зажмурилась.

– Я... Не помню... – она всхлипнула. Тари тяжело вздохнул.

– Ладно. Давай – ка попытаем счастья с более общими понятиями: ты помнишь, кто ты? Помнишь, как зовется твой вид?

Аскена с трепетом оглядела свое стройное, сизо – бурое тело с изящными лентами перьев вдоль задней стороны всех лап.

– Дромицеомимус? – прошептала, дрожа.

– Как – как? – опешил Тари.

– Я... Не уверена... – ящерку начал трясти озноб. – Может... Целурозавр... Или дилонгус... Я... Не так хорошо... Помню... Палеонтологию...

Тари моргнул.

– Все хуже, чем казалось, – он вздохнул. – Явные расстройства речи. Затронуты самые базовые, низкоуровневые пласты. Возможно, часть памяти утрачена безвозвратно.

Аскена чудовищным усилием воли взяла себя в лапки и, впервые, посмотрела на Тари более – менее осмысленным взглядом.

– К – кто вы? – прошептала чуть слышно.

Асск грустно улыбнулся.

– Я целитель.

– Н – н – но вы же д – д – динозавр, – выдавила несчастная аскена. – Я д – д – даже

знаю ваш в– в– вид!

– Знаешь мой вид? – Тари восторженно.

– Знаю! – нервно вскинулась ящерка. – Стенонихозавр из рода троодонов!

Молчание.

– Я аскк, – терпеливо отозвался Тари после паузы. – Один из целителей Оазиса. И зовут меня Тари, из рода Эррига, а вовсе не Троодона. Мне даже гнездовье их неизвестно.

– Тари... – прошептала бедная аскена.

– Постарайся припомнить хоть что–то! – попросил целитель. – Ведь ты не окончательно утратила память, ты по–прежнему способна говорить.

– Говорить? – ящерка оцепенела. – А... Я... Но я же... Я никогда не слышала этого языка!!! – она широко раскрыла глаза. – Я схожу с ума!

– Сходишь с ума? – переспросил Тари. – Нет, нет. Все не так плохо. Но боюсь, период реабилитации будет для тебя долгим, почти как для диких хитти, впервые попавших в Долину... – и тут его осенило: – погоди! Ты ничего не помнишь, верно?! Расстройства речи... Необъяснимые визуальные образы... Океан! Ну конечно! Ты вовсе не теряла памяти, ты просто впервые в Долине! – Тари облегченно рассмеялся. – А я–то уж думал, что утратил свой дар. Бедняжка... – аскк сочувственно взглянул на раненную. – Новеньким требуется не меньше недели, чтобы освоить язык. Боюсь даже представить, как тебя мотало по волнам целую неделю...

Молчание.

– Неужели я все же сплю? – совсем тихо спросила аскена. – Неужели мне это мерещится?

– Нет, не спишь, – терпеливо, ласково ответил Тари. – Напротив: ты впервые проснулась. Сейчас ты птенец, едва разбивший скорлупу; верь, здесь тебя ждет новая жизнь.

– Здесь? – слабо спросила аскена.

– В Долине, – торжественно отозвался Тари. Глубоко вздохнув, он отступил на шаг и обвел лапкой горизонт. – Добро пожаловать в самое удивительное место на Земле.

Он помолчал.

– Наша Долина уникальна, – начал Тари после длительной паузы. – Это трудно объяснить, а еще труднее принять на веру, однако ты теперь одна из нас и должна осознать правду. Взгляни на меня, – юный ящер обернулся к аскене боком и вытянул хвост. – Я вполне обычный асск, миллионы моих сородичей обитают в лесах по всему миру. Они живут, как звери, не ведая речи, эмоций, любви, их существование абсолютно бессмысленно, от скорлупы до смерти... – Тари запнулся, внезапно припомнив тускло– зеленые стекляшки на окровавленном лице Аоки. В тот день он впервые испытал свой дар на пределе, на грани безумия, и леденящая тяжесть в груди, с тех пор, возвращалась при каждом воспоминании о самой страшной и сложной операции в жизни молодого целителя.

– ...нас окружают звери, – сдавленно произнес Тари, пытаясь изгнать из памяти жуткие картины. – На всей Земле, в лесах и под водой, на равнинах и среди скал, везде живут лишь тупые, безмозглые ящерицы, и я ничем не отличаюсь от них. Ни внешне, ни внутренне. Если б я вылутился где угодно, кроме Долины, я так и остался бы глупой бессмысленной ящерицей, – он вздохнул. Внимательно посмотрел в карие глаза аскены.

– Вчера, такой безмозглой ящерицей была и ты, – тихо сказал целитель. – Не бойся, ту жизнь тебе уже не вспомнить: звериная память столь дырява и примитивна, что полностью растворяется в новообретенном сознании. К несчастью, это не значит, что бездумное существование навсегда в прошлом; только здесь, в Долине, мы продолжаем оставаться разумными. Если перенестись за горы – разум вновь угаснет.

Тари со вздохом указал лапкой на север, где, километрах в двадцати, темнела Северо– Восточная Гряда.

– Достаточно взобраться на перевал, и ты вновь станешь тупым зверем. Ты забудешь имя, друзей, любимых. Забудешь, как мечтать. Все, что делало тебя разумной, останется у подножья, и даже об этом ты позабудешь, – горько сказал Тари. – Из диких прерий не возвращаются не потому, что там опасно, а потому что безмозглые ящерицы уже не помнят, что дома их кто–то ждет. И что у них, еще вчера, был дом...

– Дом? – выдавила аскена.

– Долина, – улыбнулся Тари. – Ведь только здесь, в Долине, существует разум. Только здесь, ящерицы вроде нас сознают, сколь жалкой была их прошлая жизнь,

вернее, бесконечный страшный сон... – аск встряхнулся. Развел лапками. – Мы не знаем, как это получается; может, здесь особенный воздух, или всему виною Далекий Цветок... Знаем мы лишь одно: тут, в Долине, мы умеем разговаривать, думать, любить и мечтать, а главное – мы живем в мире друг с другом. Все виды, и хатта, и хитти.

– Хатта? – тихо переспросила аскена. – Хитти? Вы имеете в виду хищников и травоядных?

Тари удивленно моргнул.

– Я имею в виду зубы. В Долине живет много видов, но все делятся на две группы – хатта, с плоскими зубами, и хитти, с острыми. Мы с тобой – хитти, а из реки тебя спас хатта, но при этом все мы трое – разных видов: я аск, ты аскена, а твой спаситель – ирем– хатта.

– Трицератопс, – пробормотала ящерка. – Я думала, что брежу, но там действительно был трицератопс, а я сижу и разговариваю с троодоном, и у меня есть хвост.

– Правильно, – улыбнулся Тари. – Ты разговариваешь. Это одна из главных тайн Долины. Видишь ли, никого здесь не надо обучать речи. Даже дикие хитти, как ты, попав сюда из прерий, постепенно обретают разум и сами, непонятно как, овладевают нашим языком.

Тишина.

– Непонятно? – прошептала аскена. – Даже вам самим непонятно?

Тари кивнул.

– Да, даже нам самим. Дело в том, что... – он замялся, – ...не все в Долине одинаково умны. Почти все хатта, и многие хитти, просто не задумываются о таких вещах.

– А ты? – ящерка подалась вперед. – Ты задумываешься?

Тари улыбнулся.

– Как видишь. Вдобавок, я целитель, и часто имею дело с ранеными, побывавшими в диких прериях, – он помолчал. Опустил голову. – Рассудок теряют куда быстрее, чем обретают. За пределами Долины, почти сразу, начинает меркнуть разум, позже стирается и память. Если ты провела в диких прериях больше месяца, а потом, все же, каким-то чудом вернулась – восстановить память не сумею даже я. Жизнь для

тебя начнется сначала, как для птенца, едва разбившего скорлупу, – Тари улыбнулся.

Потрясенная аскена опустила внешние веки.

– Изумрудный город, – прошептала она. – Волшебная страна, где все животные разговаривают. Но кто же Волшебник, устроивший это? Кто ваш Гуррикап?

Тари прищурил глаза.

– Ты странная, – заметил он негромко. Аскена содрогнулась.

– Небо... Небо, небо, небо, ну как это может быть правдой, как может быть, что я не сплю и не брежу... – прошептала она в отчаянии, и вдруг встрепенулась, широко раскрыв глаза. Хрипло вскрикнула, прижала лапки к пасти.

– Кристалл!!!

– Кристалл? – Тари сильно вздрогнул – Что за кристалл?

– Кристалл!!! Я помню! Кристалл!!! Кажется... Кто-то говорил о проникновении... К первому контакту с кристаллом... – ахнув, аскена подняла на Тари абсолютно растерянный взгляд. – Я помню! Сказали, что память не приживется, но мы не умрем и потихоньку все вспомним!

Целитель кивнул.

– Без меня, ты оставалась бы в таком полуживотном состоянии еще долгие дни и недели.

– Так это не сон?!! Это все реально?! Я... Я динозавриха?!!!

Тари невольно улыбнулся.

– Ну, если тебе приятно так себя звать, то зови, – отозвался он весело. – Только я советую покопаться в голове еще немного, и вспомнить слово «аскена».

– Аскена... – прошептала ящерка.

– Вот– вот, – подхватил Тари. – Юная и довольно милая аскена. Поздравляю с заселением в Долину! – он радостно встопорщил перья и растянул пасть в улыбке. – Самое страшное позади, речь и базовые навыки уже прижились. Отныне, день за днем, ты будешь все лучше узнавать Долину, свой род, друзей и подруг. Ну, что ж, – Тари развел лапками, – Удачи в новой жизни! Выбери себе красивое имя и живи. Только будь осторожна и не приближайся к горам. Пока твой разум еще не окреп, зов прерий может принести гибель.

Потрепав по шее растерянную, нервно дергающую хвостом ящерку, асск

направился было к изгороди, но аскена, вскрикнув, схватила его за хвост.

– Не уходи! Пожалуйста! Не оставляй меня одну!

– Я не могу долго быть здесь, – ласково отозвался Тари. – У целителей Оазиса много работы. К тому же, я скоро уйду в далекий поход на границу прерий, мне надо подготовиться.

– Далекий поход? – пролепетала ящерка.

– Не думай об этом. Ни о чем не тревожься, – Тари нежно погладил ее по голове.
– Я скажу Лаэллину, чтобы она послала анурогнатов в город Тэ, за учителем из птеранов. Так ты быстрее освоишься.

Аскена всхлипнула.

– Я ничего не понимаю... Я... словно умерла, и заново родилась...

– Так и есть, – ласково ответил аск. – А теперь успокойся, свернись в клубочек и засыпай. Вот увидишь – утром тебе станет намного лучше!

Он со вздохом провел лапкой по перьям растерянной ящерицы и быстро вышел за изгородь. Работа на сегодня была закончена.

Впрочем, как Тари пришлось очень быстро убедиться, окончание работы совершенно не значило окончания тревог. Едва юный аск домчался до полянки на краю Оазиса, где шла подготовка к экспедиции и уже собрались почти все ее будущие участники, он в самом буквальном смысле «с разбега» угодил в центр яростного спора.

– Предупреждаю в последний раз: верните драгоценность немедленно, – керраи с угрозой била себя хвостом, ее ноздри раздувались от гнева. – Я не птенец и не жалкий нхорн!

Лаэллин на миг отвлеклась от разбора лекарственных трав и метнула на пушистую хмурый взгляд.

– Во–первых, могла бы и представиться, – бросила сурово. – Или ваш гордый народ не использует имен? Во–вторых, тебе ясно сказали: отведешь экспедицию к ближайшему посту кассанидов и получишь свой камень обратно.

– Я с ящерицами не торгуюсь!!! – керраи в бешенстве подпрыгнула. Лаэллин возмущенно вскинула голову, но вместо нее ответил запыхавшийся Тари, подбежавший как раз вовремя, чтобы расслышать последнюю фразу:

– Ты оскорбляешь не нас, а себя, – сказал он очень серьезно, жадно хватая

воздух пастью. – Даже нхорны, которых ты зовешь жалкими, ведут себя достойнее.

– Достоинство? Вы украли нашу главную святыню и рассуждаете о достоинстве?!

– Я не крал! – яростно бросил Врум, что, нахохлившись, сидел на спине дремлющей рядом Мирри. – Я нашел! Вонючая керраи!

– Врум, – Тари укоризненно покачал головой. – Не веди себя, как она.

– А что? А что? А что? Почему им можно красивые камушки, а мне нет?! Чем я хуже? Чем, чем, чем?

– Ты не хуже, – успокоила его Аоки. Она ласково потерлась носом об нос с Тари и лизнула его в щеку. – Просто этот камень раньше тебя нашли керраи. Он для них важен. А ты себе другие камни отыщешь, еще красивее.

– Красивее не бывает, – буркнул рахонавис. Керраи пнула в его сторону сухую веточку:

– Слеза Мертвеца в мире единственная!

Тари, вздохнув, лизнул Аоки в нос и жестом отправил на помощь Лаэллин. Сам же, обернувшись, лег в траву, чтобы передохнуть и заодно оказаться лицом к лицу с керраи.

– Как твое имя? – спросил спокойно.

– Ная Наяна Нараяна Маханавана Ихарана Наямаха, дочь Раяны Раянары Раны, казар– дочери Нараяги, дочери самого ветра! – гордо заявила керраи. Тари моргнул:

– Как вы пользуетесь такими длинными именами?!

Керраи презрительно фыркнула:

– Наянаянанараянамаханаванаихараннаямаха! – выпалила она с такой скоростью, что вся фраза прозвучала не длиннее «Тари». Сильно удивленный асск покачал головой.

– Потрясающе... Мы не умеем разговаривать так быстро. Можно звать тебя Ная?

– Зови как хочешь, только верни драгоценность, – буркнула пушистая.

Тари тяжело вздохнул.

– Ная, давай начистоту. Нам очень, жизненно важно узнать, о чем пытался предупредить кассанид. Если он не ошибся, под угрозой не только «ящерицы», но и...

– Вонючие керраи!!! – вставил разъяренный птицеящер. Тари нахмурился.

– Врум, ты позоришь и меня, и всю Долину, – сказал негромко. – Извинись.

– Извиниться?! Мне, мне, мне?!

– И немедленно, – кивнул Тари. – Будь выше тех, кто тебя презирает, и все увидят, кто в действительности достоин презрения.

– Пока увидят, совсем без камней останешься... – буркнул обиженный рахонавис.

– Я не шучу, Врум. Извинись.

– Кррра! – от гнева все перышки птицеящера поднялись дыбом, но он все же сумел взять себя в крылья и мрачно воззрился на керраи.

– Извини, – брякнул рахонавис и тут же взмыл в небо, чтобы не слышать насмешек. Однако Ная лишь проводила его взглядом и обернулась к Тари.

– Кто ты? – спросила немного другим тоном. – Друзья тебя уважают, но ведь ты почти детеныш.

Аоки хмыкнула, не отвлекаясь от помощи Лаэллин:

– У этого «детеныша» скоро собственные детеныши будут.

– Аоки, ну... – Тари тепло улыбнулся и вновь обратил глаза к керраи. – Ты права, я очень молод, но у меня есть дар. Я умею возвращать память тем, кто слишком долго пробыл в прериях и позабыл родной дом.

Ная широко раскрыла глаза.

– Не может быть... – прошептала. – Ты владеешь искусством наэкр– кр– цк?

Тари моргнул.

– Чем– чем?

– Наэкр– кр– цк. Эта великая тайна передается от шамана к шаману, но лишь раз в два– три поколения рождается самочка, способная обучиться наэкр– кр– цк, а самцов с таким даром не помнят даже деревья...

– Тари самец, – фыркнула Аоки. – Можешь мне верить.

Юный асск вздохнул.

– Не знаю, о каких тайнах ты говоришь. Я просто таким вылупился, и уже несколько лет работаю в Гнезде Заботы, помогаю Лаэллин реабилитировать путешественников из прерий. Асски с моим даром рождались и раньше.

– Да, а еще он официально признан самым умным жителем Долины, – небрежно

бросила Аоки и, невинно, помахала хвостом в ответ на гневный взгляд Тари, – Что? Спроси Лаэллин!

– Аоки, ты слишком возбуждена, – заметила Хранительница. – Вам с Тари следует еще хоть раз спариться перед началом похода.

– Да мы каждую ночь будем раз по десять... – Аска застыла. – Ч т о? – переспросила медленно. – Вы не берете меня с собой?!

Тари недоуменно моргнул.

– Любимая, ты перегрелась на солнце? Разумеется, ты останешься дома!

Ошарашенная Аоки села на хвост.

– Но... Но...

– Тебе скоро откладывать яйца, – заметила Лаэллин.

Аоки, моргнув, внезапно яростно закричала и бросилась бежать. Тари вскочил, но Лаэллин и, как ни странно, Ная, поспешно схватили его за хвост.

– Даже не пытайся, – предупредила керраи. – Сама должна успокоиться.

– Она права, Тари, сейчас с ней нельзя говорить, – добавила Лаэллин.

Аск в глубокой тревоге втягивал и выпускал когти.

– Но... Я не могу... Я должен быть рядом с ней! Отпустите! – вырвавшись, он громадными прыжками умчался следом за Аоки. Лаэллин тяжело вздохнула.

– Лучше и не придумаешь. Нервная беременная самочка остается дома, а он отправляется в экспедицию, вместо того, чтобы высидивать яйца.

– Вы своих самцов совсем не контролируете, – буркнула Ная.

Лаэллин бросила на нее хмурый взгляд.

– Посмотри– ка вправо, на тот холм, – сказала вполголоса. – Видишь?

Керраи обернулась и впервые сжалась, как и полагается маленькой пушистой зверюшке перед десятитонным шагающим танком.

– Это Хранитель Зайхан, – тихо предупредила Лаэллин. – Самое мощное существо в Долине. Он идет с нами и будет отвечать за безопасность. Его вид, дзалахатта, наиболее устойчив к безумию прерий, так что он останется в сознании, даже когда мы все потеряем рассудок. Но ты помни другое: самцы племени дзалахатта не любят, если самочки берут на себя слишком много. Скажешь при нем что–то подобное – он тебя просто раздавит. Характер такой. Ясно?

Ная проглотила резкий ответ и лишь пискнула. Тем временем Мирри, ощутив сотрясения почвы от шагов колоссального бронированного ящера, проснулась и резко подняла голову.

– Зай– хан! – радостно взревела великанша. – Мирри помнит Зай– хана!

Чудовище с некоторым трудом остановилось перед драконессой, булава на хвосте прочертила в земле глубокую борозду – ее использовали для торможения многотонного тела.

– Ба... – громыхнул Зайхан. Его головы почти не было видно за бесчисленными шипами и наростами метровой длины, панцирь покрывал даже брюхо и нижнюю сторону хвоста самого крупного и защищенного анкилозавра в истории. – Мирри! Привет, старая рогатка!

– Привет, старый тяжкоспин! – Мирри поднялась на ноги. Хотя она была вдвое длиннее, вчетверо выше и в полтора раза тяжелее Зайхана, вопроса, почему Лаэллин назвала последнего «самым мощным в Долине» не возникло даже у Наи. На что рассчитывали хищники в диких прериях при встрече с этим монстром, не ясно до сих пор, поскольку справиться с такой «добычей» не сумела бы и стая тираннозавров.

– Ба, – повторил тем временем живой танк, разворачиваясь к Лаэллин. Его широченные лапы с подошвами диаметром в полметра с хрустом дробили камушки, так что звуки Зайхан издавал в точности как экскаватор, ползущий по гравию. – Живи долго, Лаэллин, тонкохвостая и многословная красавица не в моем вкусе.

– Привет, – с легкой досадой отозвалась Хранительница. – Ты опоздал.

– Я опоздал? Я? Тонкохвостик, я не опаздываю, это время в страхе бежит от меня прочь! – гигант рассмеялся. – Ну, показывай, что собрала в дорогу, а я скажу, что ты позабыла.

– Я ничего не забыла, – буркнула Лаэллин.

– Да разве в такой ма– а– а– а– а– ленькой голове поместится все– е– е– е– е что нужно? – ухмыльнулся Зайхан. Его крохотные, окруженные костяными дугами глазки смеялись.

– Между прочим, у моего вида мозг почти впятеро больше, чем у тебя, – заметила Лаэллин.

– Зато у меня их три, – фыркнул анкилозавр.

Ная чуть не свалилась.

– Три мозга?!

– Угу, – невинно бросил гигант. – Один в башке, два в заднице. А ты, гляжу, и есть та пушистая мерзость, что будет нашей проводницей?

Лаэллин вздрогнула, однако керраи лишь усмехнулась.

– Это ты сейчас каким мозгом спросил, тем что в башке, или одним из двух что под хвостом болтаются?

Мирри в голос захохотала, даже Лаэллин не сдержала улыбки. Зайхан на мгновение опешил, но оценил шутку и тоже рассмеялся, вызвав небольшое землетрясение.

– Мне нравится эта смелая крыса! – заявил он громогласно. – Можешь идти с нами, разрешаю.

– Поглядим, как ты пролезешь там, куда я поведу отряд, – буркнула Ная под нос.

– Не бойсь, где не пролезу – новый путь проложу, – усмехнулся Зайхан. – Только есть загвоздка...

Он с грохотом шагнул вперед и наклонил к сжавшейся Нае бронированную голову.

– У нас, ящеров, под хвостами ничего не болтается, – прошептал заговорщицким тоном и выпрямился, захохотав так, что с деревьев листья посыпались. Слегка испуганная керраи перевела дух.

Одержав победу в «остроумии» и чрезвычайно этим довольный, Зайхан подошел к разложенному по траве снаряжению и окинул его опытным взором.

– Узнаю асскову породу, – фыркнул под нос при виде мотков аккуратно сплетенных веревок. Огромная перекидная корзина для Мирри вызвала одобрительный кивок, набор лекарственных трав – презрительную усмешку. Берестяной бочонок с соком дерева гис заставил гиганта озадаченно моргнуть.

– А это зачем?

– Для пещер, – отозвался Тари. Он как раз вернулся, обнимая за плечи заплаканную Аоки. – Рисовать на стенах знаки, чтобы не потеряться.

Зайхан безнадежно вздохнул.

– Вот спрашивается: зачем аскам такая башка, если думают все равно

задницей?

– Что–то не так? – осведомился Тари.

Бронезавр молча шагнул назад, приподнял ногу и выпустил коротенькую струйку.

– По запаху ориентироваться легче, чем искать в полной темноте завитушки на скалах, – сказал уже без тени юмора. – Малыш, ты чертовски умен, но иногда, просто, доверяй инстинктам.

Тари так смутился, что чуть не бросился прочь. Помогла Аоки, вовремя лизнувшая в нос.

– Откуда у юного взяться твоему опыту? – хмуро спросила Лаэллин. – Ты всегда так с птенцами знакомишься?

Зайхан переступил с лапы на лапу.

– Да ладно, просто показал парню мастер–класс, – он фыркнул. – Не обижайтесь.

Тари вздохнул.

– Прости меня, мудрый Хранитель. Мне еще столькому учиться...

– Во! Вот теперь голову включил, – довольно буркнул бронейщер. – Ладно, головастик, не унывай, найдем применение и твоим краскам. А вот за это... – он ткнул носом в перекидную корзину, – ...тебя можно лишь похвалить. Не впервые, видать, старушка Мирри вас на себе катает?

– Мирри сильная, – гордо заявила драконесса. Зайхан улыбнулся.

– Знаю, милая, знаю, – он вздохнул. – Но в этот раз тебе придется остаться дома.

Тари и Аоки отпрянули, Мирри широко раскрыла глаза.

– Мирри идет с друзьями!

– Только не в горы, – хмуро ответил Зайхан. – Прости, старушка, но с твоими габаритами подвернуть ногу означает умереть. Наступишь на камень – сломаешь бедро. А доставить тебя в Оазис не сможет никто.

Повисла тишина. Шокированные Тари и Аоки уставились на Мирри, Лаэллин опустила голову. Бедная драконесса, моргая, переводила взгляд с одного на другого.

– Мирри не отпустит... – шепотом выдавила наконец великанша. – Мирри должна... Помогать друзьям...

– Если ты погибнешь, друзья никогда себе не простят, – сурово сказал Зайхан. – Понимаешь, Мирри? Ты можешь погибнуть, и это причинит друзьям страшную боль. Если любишь друзей, останься дома. Верь, я не дам их в обиду.

– Я буду с тобой, милая! – Аоки подбежала к растерянной драконессе. – Ты ведь еще должна выбрать мне гнездо, помнишь? Я скоро отложу яйца, ты будешь нас охранять, правда, смелая Мирри?

Великанша с громадным трудом взяла себя в лапы. Ее глаза блестели от слез.

– Конечно... – выдавила она, дрожа всем телом. – Мирри... Поможет маленькой Аоки... – драконесса подняла взгляд. – Мирри будет ждать. Тысячу холодов, если надо...

Она еще долго стояла на холме, колоссальный и удивительно одинокий силуэт на фоне заката. Даже когда экспедиция растворилась в вечернем сумраке, Мирри продолжала смотреть им вслед.

Сердце подсказывало, ей более не суждено увидеть Тари. Аоки молча плакала, уткнувшись лицом в могучее бедро драконессы.

Глава 4

Первые сутки в пути пронеслись незаметно. Зайхан громыхал по старой северной тропе, весело напевая под нос, Лаэллин и Тари сидели в корзинах, перекинутых через его широченную спину, а Врум парил впереди, изучая путь. Что же касается Найи, та не умела сидеть спокойно и, время от времени, беззвучным прыжком взлетала на дерево, только чтобы столь же беззвучно возникнуть вновь спустя минуту.

К вечеру второго дня, знакомые места остались далеко позади. Тропа, заросшая по колено анкилозавру (то есть выше головы аска) медленно сворачивала к западу, огибая пустыню Даяк слева, и петляя меж топями и холодными, кристально– чистыми озерами соленой воды.

Природа наступала во всей первобытной красе. Казалось, с каждым часом древовидные хвои становятся выше, папоротники – гуще, а неповторимая серо–зеленая мгла, сотканная из лучей, прорывавшихся сквозь кроны гигантских деревьев –

страшнее. Но, хотя разумом, конечно, все понимали, что жизнь бурлит и здесь – нередко за громадным бронящером увязывались местные жители, в основном асогнаты – разум– разумом, а глаза утверждали, что вокруг, давным– давно, простираются дикие прерии. Погода держалась на удивление теплая для поздней осени, ветер шелестел где–то в высоте. Было совершенно невозможно верить, что родной и знакомый дом отсюда всего в паре дней пути.

Водопад, где остались Аоки и Мирри, как и сам Оазис, располагались не в центре Долины, а на самом ее краю, вблизи Северо– Восточной Гряды, в часе бега от пустыни Даяк. Поэтому Тари и Врум могли наивно восхищаться природой, но куда более опытные Лаэллин и Зайхан с напряжением поглядывали по сторонам. Тут, у границ Долины, вблизи гор, имелось немало пещер и укромных балок, а главное – проходов, что вели в дикие прерии. Безмозглые хищники– хитти, пробираясь в Долину на запах хатта, далеко не сразу обретали разум – некоторым для этого требовались недели. Так что, прогулка вдоль подножья Северо– Восточной Гряды мало отличалась от, собственно, прогулки по прериям, и опасности здесь имелись вполне реальные. Недаром детенышам категорически запрещалось даже смотреть в сторону гор, а самые защищенные травоядные виды – асгард– хатта, дзалахатта и ирем– хатта – регулярно отправляли патрули на поиск и отлов непрошенных гостей. Пойманных хищников, как правило, просто сталкивали в ямы и держали там, «пока не поумнеют», после чего отправляли искать местечко для гнезд. Чтобы зверь, получив разум, добровольно захотел вернуться в прерии – о подобном не помнил никто.

К счастью, самые крупные тероподы, вроде кархадонтозавров, поблизости от Долины не водились, а мелкие хищники, как Тари и Врум (Лаэллин была травоядной) отличались высоким интеллектом и обретали разум всего за несколько дней. Вместе с рассудком приходило и «базовое» знание языка, обычаев и уклада Долины. Завры редко задумывались, откуда все это берется...

Тари задумывался часто. Он уже не раз размышлял над вопросом, который приводил всех его знакомых, даже ассков, в полное замешательство: а чем, собственно, разумное существо должно отличаться от говорящего скота? Пока что, ответа не было даже у самого Тари. Он чувствовал, всем сердцем, что разумность налагает ответственность, что мало просто разговаривать и заботиться о детенышах – надо быть

чем–то большим... Но понять этого еще не мог. Тари был очень– очень молод.

– Впереди засада, – громко сказала Ная, внезапно вынырнув из чащи рядом с тропой и прыгнув прямо на спину Зайхану. Врум, сидевший там, судорожно каркнул от неожиданности и свалился в траву, Тари бросил на керраи свирепый взгляд:

– Зачем напугала?!

– Что б неповадно было драгоценности таскать, – буркнула Ная. – Эй, тримозган! Слышал, что я сказала про засаду?

– Это пост, а не засада, – миролюбиво ответил бронейщер, не повернув головы. – Пограничники. Каждого из нас спросят, кто он и куда направляется. Отвечайте правду: местным Оазис не авторитет, не понравимся – придется другую тропу искать.

Ная вопросительно встопорщила хвост:

– С каких пор ящерицы стерегут пути из Долины?

– Так всегда было, – отозвалась Лаэллин.

– Когда мы шли в ваш Оазис требовать справедливости, нас не останавливали!
– удивилась Ная.

– А на вонючих керраи никто внимания не обращает! – гневно каркнул растрепанный Врум, с трудом приземлившись на спину бегущего Зайхана.

Ная фыркнула.

– Тоже мне, птичка...

– Крра! – Врум распушил пестрые перья на шее. – Какая ни есть, а все ж летающая!

– Асогнат тоже летает, знаешь? – проникновенно заметила Ная. – Даже быстрее тебя. Главное, пнуть хорошенько.

– Хватит ссориться! – оборвала Лаэллин. – Ная, ты ведь наша проводница? Мы идем верно?

Керраи фыркнула и одним прыжком взвилась на дерево, росшее рядом с тропой.

– Кассаниды живут по ту сторону гор, – отозвалась она с ветки. – Какой бы дорогой мы ни шли, идти надо до перевала. А дальше уже искать.

Врум презрительно поджал хвост.

– И какая от тебя польза? Да, какая, какая? Только и умеешь отбирать камни!
Проводница, крра!

– Это вы меня проводницей назначили, – очень серьезно отозвалась Ная. – Сами.

Мелькнула рыжая шерсть и керраи будто испарилась. С трудом успокоившись, Врум решил в этот раз – только в этот – стерпеть наглость пушистой зверюшки. Дорога предстояла тяжкая, а мстительная проводница на горной тропе... Нет уж, лучше стерпеть...

– Врум, – позвал Тари. – А что ты хотел сделать с тем камнем?

В умных голубых глазах аска было только любопытство, ни грамма насмешки, поэтому рахонавис, вздохнув, решил ответить честно:

– Украсить гнездо, – буркнул он тихо. – Вдруг... Когда–нибудь... Смогу показать гнездо... Кому–нибудь...

Тари с болью взглянул на друга.

– Прости.

– Да все в порядке.

– Нет, не в порядке, – аск тяжело покачал головой. – Зайхан, мудрый Зайхан, скажи, не встречал ли ты за годы странствий таких же птиц, как Врум?

– Не– а, – отозвался бронейщер, не прекращая размеренно бежать по тропе.

Тари вздохнул.

– Не унывай, Врум. Кассаниды летают в дикие прерии, они–то уж точно знают, где водятся твои родичи...

– Ага, ага, прямо так и расскажут, – фыркнула Ная. Она висела вниз головой на ветке соседнего дерева, зацепившись хвостом. – Сдался им твой пернатый воришка!

– Расскажут, – очень серьезно сказала Лаэллин. – Умерь цинизм хоть на час и задумайся, что стоит на кону. Если Ахав не ошибся...

На пушистой мордочке Найи появилась улыбка. Спрыгнув с ветки прямо на спину бронейщеру, она обернула себя хвостом и уселась лицом к Хранительнице.

– Почему вы презираете керраи? – спросила спокойно. – Разве мы так уж различны? Да, вы несете яйца, а мы рожаем детенышей, вы покрыты чешуёй с перьями, а мы – шерстью, но ведь других отличий нет. Среди вас есть ящеры с горячей кровью, и я слыхала, даже живородящие...

Лаэллин прищурила глаза.

– Я расскажу тебе позже, Ная. Наедине.

– Э, нет, – решительно громыхнул Зайхан. – Пусть птенцы знают правду. Врум, Тари – вы ведь слышали, что в диких прериях начинают болеть животы, и всем приходится что-то жевать, глотать, кусать... Охотиться...

– Слыхали, – подавленно отозвался Врум. – Только не верим.

– Напрасно, – хмурый Зайхан клацнул громадными челюстями. – Там, куда мы идем, хищники встретятся не раз и не два. Сами увидите. Да вот беда, мы, ящеры, все такие огромные, сильные, с непробиваемой чешуей...

– Зайхан, НЕ НАДО, – жестко сказала Лаэллин.

– А что, лучше пусть они сначала это увидят, а лишь затем услышат? – мрачно спросил анкилозавр.

Тари сглотнул.

– Лаэллин, мы должны знать.

– Зайхан, подумай, что ты делаешь, – прорычала Лаэллин. Такой злой ее еще никто не видел. – Нам предстоит совместная дорога, помнишь? Помнишь?

– Я-то как раз помню, – отозвался гигант. – А ты вспомни, куда мы идем. И что произойдет, если птенцы сразу... На себе испытают. А?

– Что ты хочешь рассказать, ящер? – слегка нервничая, спросила Ная. Врум молча дрожал, Тари невольно распушил хохолок перьев.

Зайхан помолчал.

– В диких прериях все друг-друга жрут, – сказал после паузы. – Хатта, вроде меня, жрут траву. Хитти – вроде Тари – жрут хатта. Если мы попадем в зону безумия, Врум и Тари убьют и съедят Лаэллин, а я на это даже внимания не обращаю, поскольку стану жирным куском мяса, жующим кусты.

Воцарилось страшное молчание. Ная, сглотнув, бросила нервный взгляд по сторонам.

– А... При чем тут керраи?... – спросила уже без особой уверенности.

– Керраи слабые, хрупкие и маленькие, – жестко бросил Зайхан. – Чтобы выжить среди ящеров, у них есть лишь один путь. В диких прериях, Ная, такие как ты крадут у нас яйца и пожирают детенышей.

Пушистая чуть не свалилась на землю.

– Но... Но... – она потрясенно открыла рот. – Мы... Не убиваем! Никого!

– Тари и Врум тоже не убивают, – с горечью отозвалась Лаэллин. – Просто таков их вид. Великая тайна Долины хранит среди нас мир, делает друзьями даже прирожденных врагов.

Подавленный Тари поднял голову. Некоторое время, тяжело дыша, смотрел вперед невидящим взором.

– Зайхан, – позвал он наконец. – Лаэллин говорила, ты самый устойчивый к безумию прерий.

– Угу, – мрачно буркнул анкилозавр. – Пока до меня дойдет сквозь панцирь, все закончится.

– Пожалуйста, – тихо попросил Тари, – Обещай. Обещай, что если мы с Врумом утратим рассудок, ты помешаешь нам причинить Лаэллин вред. Как угодно, но помешаешь. Если потребуется, убей, но только не дай совершить... Немыслимое. Хорошо?

– Тари! – Лаэллин гневно приподнялась. – С такими настроениями экспедицию впору заканчивать уже сейчас!

– Может, лучше вернуться? – выдавил Врум. – Я не хочу... Никого кусать...

– Хватит! – рявкнула Лаэллин. – Мы не звери! Мы разумные существа! Нами правит разум, а не инстинкты!!!

– Разумом сыт не будешь, – буркнул Зайхан.

Лаэллин выпрыгнула из корзины на землю, оббежала бронешеру и встала на пути, вынудив гиганта с грохотом остановиться. Ноздри Хранительницы раздувались от гнева, хвост хлестал по сторонам.

– Чего ты добиваешься? – бросила она в упор. – А? Я хочу знать! Почему саботируешь экспедицию?!

– Я? – переспросил Зайхан. – Ты что, на солнце перегрелась? Я хочу подготовить птенцов к тому, что их ждет! Лучше пусть узнают сейчас, чем испробуют потом!

– Им не придется такое пробовать! Мы идем не в прерии! Мы идем спасать Долину!

– Спасать... – Зайхан криво усмехнулся. – Красавица моя тонкохвостая... От чего спасать? Тебе не кажется странным, как тут у нас все гармонично и красиво устроено?

– НЕ СМЕЙ! – выдохнула Лаэллин. – Даже не заикайся... об ЭТОМ!

– О чем? – резко спросил Тари. Он тоже прыгнул на землю и встал между Хранителями. – Что тебе известно, Зайхан? Я должен знать!

– На это могу ответить я, – слегка напряженно заметила Ная со спины анкилозавра.

Все, кроме Зайхана, рывком обернулись к керраи.

– Ты? – Врум распушил перья.

– Я.

– Говори! – Тари нервно бил хвостом. Ная вздохнула.

– Мы... Мой народ... Знает о прериях. Только керраи не убивают птенцов! – вставила она яростно. – В диких прериях мы едим шишки и плоды деревьев! Не все, кто носит шерсть, детоубийцы!

– Ная, пока не поздно, одумайся, – напряженно, сквозь зубы процедила Лаэллин.

– То, что ты хочешь сказать, запретное знание. Только Хранителям Оазиса дозволено...

– Я не ящерица, – оборвала Ная. – Я не подчиняюсь вашим законам.

Она посмотрела на Тари в упор.

– У нас есть легенды, – сказала жестко. – О расе, что древнее гор. Они живут в огненных ямах, глубоко под землей, и никогда не выходят на свет, поскольку умрут здесь от холода, – пушистая невольно сглотнула. – Мы, жители Долины, на самом деле не разумные существа. Мы обычные звери. Но где-то, в бездонных глубинах, под скалами, спят Неподвижные, и мы просто видим их сны, а они – чувствуют и наслаждаются благодаря нам. Мы заменяем им органы чувств, для них мы глаза, уши, нос, пальцы. Когда ты любишь свою Аоки, на самом деле любовь испытывает чудовище глубоко под землей, а тут, на поверхности, всего лишь спариваются две безмозглые ящерицы!

Потрясенный Тари попятился. Лаэллин свирепо выдохнула.

– Хватит, Ная!

– Нет, я расскажу все... – керраи рывком указала на испуганного рахонависа, что давно превратился в пушистый шар и спрятал голову под крылом. – Хочешь знать, что украл твой друг? И почему камень зовется Слезой Мертвеца? Я расскажу! Этот камень – последнее, что осталось от королевы Неподвижных, которую в седой древности убил

герой по имени Кассан. Он хотел вернуть свободу племени Черных Кочевников, но со смертью чудовища все самки его вида утратили разум. Тогда Кассан понял, что если уничтожить Неподвижных, разум в Долине угаснет совсем, и победа превратится в поражение. Чтобы этого не случилось, он вонзил камень себе в грудь, и его горячая, жаркая кровь пропитала драгоценность, оживив ее и придав нынешний вид. Пока существует Слеза Мертвеца, ужасные Неподвижные верят, что их королева жива, и мы остаемся разумными. Если чудовища узнают о поступке Кассана, они всех нас убьют, а наше место займут новые, более покорные органы чувств...

– Нет!!! – закричал Тари. – Я не верю!!!

Он с воплем бросился прочь и скрылся в высокой траве. Зайхан озадаченно моргнул.

– Чего это с парнем?

Лаэллин, на миг зажмурившись, с силой выдохнула. Молча обойдя анкилозавра, она вытащила из корзины кристалл, обернутый листьями, и швырнула под ноги Найе.

– Убирайся! – прошипела Хранительница. – Забирай свой камень и убирайся. Знаешь, что ты сейчас сделала? Ты убила птенца, керраи! Убила мечты, убила все, во что он верил! Вот, почему вас ненавидят!

Хрипло дыша, Ная схватила драгоценность и прыгнула на дерево.

– Я не виновна, что вы заставляете своих детенышей быть слепыми!

– Слепыми? – Лаэллин горько отвернулась. – А что ты предлагаешь? Мы можем хоть как-то изменить? Можем получить свободу? А? – она рывком указала на юг. – Там, в Долине, мы живем! Живем, а не пожираем друг- друга! Да, все это фальшивка, но если поверить, если не знать правду, можно провести в счастье и безопасности всю жизнь!

Ная моргнула.

– И это ты называешь жизнью?! Плясать на ниточках, привязанных к жадно пускающему слюни, жирному чудовищу под землей?! Танцевать, когда ему этого хочется, стонать друг на друге, когда его одолевает похоть?! Это жизнь?!

Лаэллин хрипло дышала. Некоторое время они с керраи молча смотрели друг на друга, затем Ная, покачав головой, сильным прыжком скрылась в ветвях. Озадаченный бронящер переступил с лапы на лапу.

– Н– да... – пробормотал Зайхан. – Не ожидал.

– Поворачивай, – буркнула Лаэллин, глядя в землю. – Все кончено. Врум, очнись! – рахонавис осторожно выглянул из– под крыла. – Лети на поиски Тари. Скажи, мы возвращаемся.

– Домой? – с робкой надеждой спросил птицеящер.

Лаэллин горько усмехнулась.

– Можно сказать и так...

В двадцати метрах от дороги, Ная сидела на ветке, обнимая кристалл и мелко дрожа. Она не думала, что разговор с ящерицей так сильно ее заденет. Что происходит? Драгоценность найдена, пора домой! Она верховная жрица, а не жалкий нхорн... Какого же хвоста ей так плохо?

Керраи с огромным удивлением поняла, что ее мучает совесть. От изумления Ная зафыркала и дернула себя за ухо. Нет, это уже слишком! Фшшш! Какие–то ящерицы?! И она?! Фшшшш!

Но ведь с тем ящеренком, Тари, и впрямь вышло некрасиво... Ная скрипнула зубами. Какое ей–то дело, хвостом их всех по ногам? Фшшшш!!! Фшшшш...

Хрипло вздохнув, керраи молча сорвалась с ветки и помчалась по следу юного аска. Найти его оказалось нетрудно; свернувшись клубком, Тари валялся на земле метрах в пятистах от тропы и молча плакал. Ная некоторое время смотрела на него с дерева.

– Я не хотела... Так, – буркнула она, спрыгнув на траву и усевшись перед мордочкой аска. – Прости.

Тари не ответил; он почти ничего не видел из–за слез, застилавших глаза. Вздохнув, Ная подседа вплотную.

– Прости. Я правда не думала... Что все так... Выйдет.

Тари с громадным трудом приподнял внешние веки. Пару минут они с керраи молча друг на друга смотрели.

– Это ведь не я сейчас плачу, – тихо сказал аск. – Верно? Я просто зверек. Плачет кто–то глубоко под землей?

Ная развела лапками.

– Откуда мне знать? Я рассказала легенду.

Тари судорожно втянул воздух.

– Мне очень плохо, Ная, – выдавил он чуть слышно.

Керраи вздрогнула. Чуть помедлив, она все же придвинулась и положила лапку на шею аска. Ее зрачки расширились, когда пальцы вместо тошнотворно– холодной чешуи ощутили теплую, живую плоть.

– Успокойся, – с запинкой сказала Ная. – Все образуется.

Тари сжался.

– Почему мне так плохо? – спросил он, глотая слезы. – Почему? Если я... Просто... Кусок мяса... Почему мне так плохо?

Ная грустно улыбнулась.

– Наверно, мы не просто куски мяса.

Аск всхлипнул.

– Я... У меня... Яркая фантазия... Когда ты сказала... Я так представил... Словно наяву... – Тари затрясло, он зажмурился, беспомощно царапая землю. Ная с горечью и неподдельной лаской погладила его по голове.

– Не плачь. Не плачь, – она слабо улыбнулась. – Разве глаза могут плакать сами по себе? Плачет сердце, а не глаза. Из глаз только капая слезы...

Тари дрожал.

– Я не понимаю. Если мы лишь звери... Если все вокруг ложь... Откуда мои мечты? Откуда все, что делает меня... Мной? – он с мукой поднял взгляд. – Что за радость Неподвижные получают от меня сейчас, в этот миг?

Ная покачала головой.

– Ты неверно понял легенду, – отозвалась спокойно. – Телами мы звери, верно, и здесь, в Долине, в наши тела вселяется разум Неподвижных. Но как раз поэтому мы сами и становимся разумными. Мы не придатки подземных чудовищ, мы – живые, а они живут нашими жизнями, познают мир нашими глазами, чувствуют радость и боль в наших сердцах. Без нас они просто камни, но и мы без них – просто звери... – она вздохнула. – Так что, не сомневайся: сейчас, в этот миг, тоску и горечь испытывает юный аск Тари, а вовсе не тварь глубоко под горой. Они, наверно, даже морщатся, если чувствуют твои эмоции.

Тари сглотнул.

– Но если все так... Тогда надежды просто нет. Они пользуются нами, а мы существуем благодаря им. Свобода принесет смерть!

Ная опустила голову.

– Да, Тари. То же самое понял герой Кассан, тысячи лет назад.

– И убил себя... – прошептал трепещущий аск. – Не в силах смириться...

– Верно, – сухо отозвалась Ная. – Он сдался.

Повисла тишина. Тари, тяжело глотая воздух, заставил себя приподняться и сел на хвост. Его взгляд замер на кристалле, что лежал в траве рядом с Найей.

– Один из них? – хрипло спросил аск. – Неподвижные... Выглядят так?

Керраи подняла камень в лапке. Они вместе с Тари взглянули в бездонную синеву, где едва уловимо мерцали прожилки, светлые точки, призрачные грани и плоскости. Ная отозвалась не сразу.

– Это лишь частичка, – сказала она наконец. – Крохотный, давным– давно мертвый осколок. Наш мир для Неподвижных слишком холодный. Они обитают в огненных ямах, где я или ты вмиг обратились бы пеплом.

– Огненные ямы... – прошептал юный ящер. – Огонь... Море света! Дар– и– нур!

Тари вскинул голову.

– Дар– и– нур, Ная! Тот кассанид побывал в логове Неподвижных! Он понял, что мы обречены, и хотел рассказать – но ему помешали сородичи! Верные слуги своих господ!

Керраи отвела взгляд.

– Да. Так и случилось.

– Но ведь это значит, у нас есть шанс! – взорвался Тари. – Если спасения нет, если все безнадежно –зачем предупреждать? Зачем жертвовать жизнью?! Ная, Ахав что–то знал! Он пытался спасти Долину и не справился! Помнишь, что сказал Врум? Не справился! Значит, путь к спасению все же есть!

Ная долго, со странной теплотой смотрела на юного ящера. Тот дрожал всем телом.

– Как бы я хотела сейчас оказаться тобой... – совсем тихо шепнула Ная.

Тари слотнул:

– Почему?

Ная зажмурилась.

– Потому, что ты свободен, – сказала едва слышно. – И никаким подземным тварям этого не отнять. Подобные тебе... Мечтатели... – Ная внезапно всхлипнула и отвернулась. – Когда-то и я была такой, Тари.

Она закрыла лицо лапками.

– В детстве я часто видела во снах Далекый Цветок, его гигантские, сверкающие лепестки, чей огонь согревал кровь моих предков. Я уносилась в дикие прерии, летала над равнинами, молнией пронзала тучи... Вокруг смыкался небосвод, тьма умирала, и я оставалась наедине с бездной, в блестящем тумане из музыки! – пушистая раскинула лапки и запрокинула голову. – О, эта музыка! Я ни разу не смогла ее вспомнить, проснувшись, но во снах... Там... – Ная пришла в себя и с дрожью отвела взгляд. – Извини. Увлелась.

Тари в глубоком изумлении смотрел на керраи.

– Так ты понимаешь! – вырвалось у него.

Ная с трудом кивнула.

– Да, Тари. Ты не единственный... С мечтами. Среди нас, вонючих керраи, тоже рождаются проклятые.

Асск отпрянул всем телом:

– Проклятые?!

– Да, проклятые, – хмуро ответила Ная. – Не верь всяким поэтам, будто мечта суть дар, ля– ля– ля, и все что вам нужно, это любовь. Верь мне: тот, кто не умеет мечтать, в жизни стократ счастливее любого мечтателя. Мечты, они, знаешь... Как самцы, – керраи скрипнула зубами. – К ним идешь за любовью, а они в ответ тебя тра... – она запнулась и покачала головой, – Просто поверь. Когда придет последний час, и ты оглянешься на прожитое... Знаешь, как горько станет от мысли, что жизнь незаметно растратилась на мечты о том, какой она могла бы быть, твоя жизнь.

Пораженный, трепещущий Тари молчал целую вечность.

– Никогда так не думал, – сказал он после долгой, мучительной паузы. – А теперь не смогу забыть твоих слов.

Ная отвернулась.

– Прости.

– Нет, нет, я даже... благодарен, – Тари задумчиво опустил голову, нервно подергивая хвостом. – Удивительно, сколь многогранной бывает жизнь. Правда?

Ная криво усмехнулась.

– Жизнь? Так мы, выходит, не просто куски мяса?

– Выходит, так... – Тари с огромным трудом улыбнулся. – Ведь мы умеем мечтать, а значит, жизнь для нас сияет мириадами граней, неисчислимыми возможностями, бесконечным океаном впечатлений. Ты жалеешь, что реальность всегда тускнеет в сравнении с мечтой, что нам не дано воплотить и доли грез, сжигающих нас изнутри. А я скажу – горька судьба того, кто ограничен лишь реальностью, и вынужден жить единственной доступной ему жизнью. Он счастливее нас? Шшшшш! Любой пригревшийся асогнат еще счастливее!

Юный асск взвился на ноги, распушил перья.

– Мы не растрчиваем жизнь, – прошептал в волнении, – Мы живем, живем тысячи раз, в сотнях обличий, мириадах миров, это и есть наша жизнь, бесконечная как познание, бездонная как любовь! Я здесь, и я везде, я парю в лучах неведомых звезд, ныряю в океаны дальних планет! Променять все это – променять Вселенную на жалкую, тусклую реальность?! В этом – счастье?!

Ная молчала. Тари тяжело дышал, нервно размахивая хвостом, его перья стояли дыбом. Керраи в глубокой задумчивости подняла взгляд.

– Что ж, – заметила она невесело. – Я тоже, пожалуй... Не стану забывать твоих слов.

– Спасибо... – Тари смущенно поджал хвост.

– Не за что, – Ная кивнула. – А сейчас мы должны вернуться к тропе. Я... не так спешу домой, чтобы бросить тут беспомощных глупых ящериц.

Она грустно улыбнулась.

– В конце– концов, если один кассанид в прошлом уже одолел Неподвижных... – она подняла кристалл, задумалась на миг, и внезапно протянула его Тари. – Держи. Он тяжелый, а путь предстоит неблизкий.

Опешивший асск даже отпрянул.

– Ты доверишь мне главное сокровище своего народа?!

Ная фыркнула.

– Уж лучше тебе, чем животу твоей птицеящерицы!

Тари, с трудом улыбнувшись, кивнул и, нерешительно, протянул лапу к драгоценности.

Глава 5

За горизонтом, совершенно беззвучно, к небу вознесся огненный столп. Почти ослепший, Тари дико закричал, чувствуя, как начинают дымиться перья, но в этот миг странное, нелепое существо в (термическом скафандре?! Что такое термический скафандр?!) схватило перепуганного ящера и, вместе с ним, нырнуло за металлический щит. Обжигающий свет схлынул, земля начала мелко трястись, с неба, даже без криков, сыпались сгоревшие заживо птицы.

– У нас мало времени, – выдохнуло существо в скафандре.

Трепещущий Тари, ничего не понимая, поднял на спасителя беспомощный взгляд.

– Кто ты?! – его голос, полный ужаса, не был слышен даже ему самому, поскольку в этот миг с неба обрушился грохот, ломающий ребра, вдавливающий крики обратно в горла. – Кто ты?!!

– Не бойся, – угрюмо отозвалось странное существо. Несмотря на чудовищный шум, Тари прекрасно различал слова. – Не бойся. Смотри, запоминай. Ты должен запомнить.

Тари сглотнул, но раскаленный воздух жег легкие, сознание мутилось. Взбесившееся небо закручивало тучи в спирали, вселенная сошла с ума, весь мир бился в агонии. Издали донесся новый удар, Тари вскрикнул. Он чувствовал, как приближается стена пламени, слышал ее жар, видел отблески в зеркальном стекле шлема.

Шатаясь, Тари попытался встать, чтобы встретить смерть лицом, но существо в скафандре силой пригнуло его к земле. Вокруг, во чреве ненасытного пламени ггло

все, что он любил, и Тари твердо знал, что это – конец, и дальше надеяться не на что.

И тогда он закричал, беспомощно, отчаянно – он кричал и тянулся к огню, к его искалеченной, умиравшей мечте.

– Не плачь, – сказала существо. – Не плачь, а запоминай. Запомни все, слышишь? Вот, что нам уготовано, вот, как завершится наш путь.

– Зачем? – взмолился Тари. – Зачем показал?! Я не хочу! Не хочу знать!!!

– Еще не поздно изменить судьбу, – сурово ответило существо. – Ищи на севере, где вечно дуют ветры, где вода тверже камня, а воздух обжигает сильнее пламени. Там, в глубинах Дар– и– Нур, таится наша смерть, но там же и ключ к спасению. Запомни, что я показал, помни каждый миг, каждую долю вдоха. Не дай этому случиться. Не дай.

Он поднял забрало шлема, и Тари задохнулся, узнав самого себя. На мгновение, ящеру показалось, что он стоит в объятый огнем пещере, прижавшись спиной к скале, в самом центре хаоса и смерти, и когда надежды уже не осталось – он понимает, что путь к спасению был изначально сокрыт прямо здесь, дома! Надо лишь отыскать дверь! Дверь, что ведет за скалу!

– Я... Запомню... – шепнул Тари. Тари в скафандре улыбнулся.

– Теперь я всегда буду с тобой, – сказал он спокойно, а вокруг уже плавилась камни. – Теперь мы вместе.

Полыхнула синяя вспышка, и молодого ящера отбросило от кристалла. Он рухнул в траву, чувствуя тошноту и головокружение, от синего камня поднимался дым. Застонав, Тари потерял сознание.

Очнулся быстро, там же, где упал. Рядом в траве, без движения, лежала Няя, а верхом на Тари сидел перепуганный Врум и долбил его клювом по голове. Вскрикнув, юный асск сбросил птицеящера и схватил невесомое, беспомощное тельце керраи.

– Няя!

Пушистая дышала, находясь в глубокой коме. У Тари мутилось в глазах – он смотрел на подругу, но видел сгорающий в пламени лес, где сотни, тысячи керраи падали на землю дергающимися огненными сгустками. Что происходит?!

Да кому есть разница, надо спасти Няю! Она получила страшный шок, сердце на грани остановки. Массаж сердца!

Только где ее сердечко–то... Упав на колени, Тари бережно уложил керраи в траву и принялся за дело. Его сильные и ловкие лапы массировали тельце Найи, он даже попытался провести искусственное дыхание и с досадой обнаружил, что вытянутые, узкие челюсти ассков непригодны для спасения маленьких зверьков.

– Тари! – Врум обхватил его крыльями за шею. – Живой! Живой, живой, живой!

– Отпусти, Найе плохо! – аск, вырвавшись, продолжил массаж. Вскоре, закашлявшись и скрутившись клубком, керраи пришла в себя – а Тари застыл. У него потемнело в глазах. Головокружение проходило, и юный аск отчетливо вспомнил, что открыл ему камень. Он вспомнил своего двойника – сурового, взрослого, почти чуждого. Теперь они вместе? Он и он? Я и я?

– Фхррршш... – прохрипела Ная с земли. Тари, содрогнувшись, поспешно к ней наклонился.

– Уже все прошло, все! Как ты?

– Что это было? – выдавила керраи. – Огонь... Везде огонь... Я горела, Тари!!!

Горела!!!

Аск вздрогнул:

– Ты все видела?

Ная с трудом кивнула. Ее трясло мелкой дрожью, хвост непрерывно сворачивался и распрямлялся. Тари с облегчением вздохнул.

– Светлое небо... Я думал, что утратил разум. Что кристалл перемешал мне мозги хвостом.

– Ну, вообще–то он так и сделал, – хрипло заметила пушистая.

Заставив себя сесть, она обхватила голову лапками и застонала.

– Больно...

– Камень ожил, Ная, – прошептал Тари. – Мы оживили его!

Керраи перевела взгляд на кристалл, что валялся в траве. Тот сиял мрачным голубым пламенем, пятнышки и прожилки внутри вертелись бешеным вихрем, перетекали одна в другую, мерцали всеми оттенками синевы. Врум только сейчас заметил, как изменилась драгоценность, и в восторге распушил перья:

– Кррррра!!!

– Стой! – Тари едва успел боднуть птицеящера головой, иначе Врум схватил бы

камень. Рахонавис опрокинулся на траву, асск тут же поймал его за хвост и оттащил подальше от кристалла.

– К камню нельзя прикасаться! – бросил он жестко. – Ясно, Врум? Иначе смерть!

– Смерть? – пробормотал растерянный пернатый.

– Да, смерть! Обычная, тупая смерть. Понимаешь?

Врум, сглотнув, заставил себя кивнуть. Ная с большим трудом поднялась на ноги, ее качало.

– Тари, – позвала она негромко. – То, что мы видели...

– Это всего лишь сон, – асск до крови стиснул зубы. – Просто сон, ночной кошмар. Это был сон, Ная.

Керраи, помедлив, напряженно покачала головой.

– Я горела, – сказала она тихо. – Горела живьем. Сны такими не бывают. Я до сих пор запах гари чувствую.

Тари рывком отвернулся.

– Я тоже, – выдавил он после долгой паузы.

– Что нам делать?!

Юный ящер опустил голову.

– Пока не знаю.

– Надо бежать из Долины! – Ная вскинулась, распушила хвост. – Осталось меньше года!

Тари с болью взглянул на керраи.

– Куда бежать? – вырвалось у него. – Мы утратим рассудок, и едва покинув Долину забудем, от чего убегаем! Да и взрыв будет таким, что не спрячешься... – Тари зажмурился от горя.

Пораженная, Ная села на хвост. У нее нервно дергалось левое ухо.

– Так что же, – спросила она после долгого молчания. – Это конец? Вот так все и закончится? Мы целый год будем покорно ждать смерти, глядя, как растут наши дети, которым уже не суждено стать взрослыми?

Тари сжался от боли.

– Я... Я не знаю, – простонал он с мукой. – Я верил, что спасение возможно, но

я ничего не знал! А теперь... Я не вижу пути, Ная, не вижу!

Врум переводил недоуменный взгляд с керраи на ящера и обратно.

– Я знаю путь, – сказал тихо. – Он недалеко. Там нас ждут друзья. Лаэллин просила найти тебя, Тари. Экспедиция возвращается.

Асск с горечью закрыл глаза.

– Экспедиция... – у него вырвался нервный смешок. Ная криво усмехнулась.

– Да, не самая удачная вышла прогулка, – она покачала головой. – Может, Лаэллин не так уж и не права? Пока мы ни о чем не подозревали, мы тихо и мирно жили в Долине. И смерть стала бы последним неожиданным приключением. А так... – керраи яростно дернула хвостом. – Целый год терзаться от страха, а спасения все равно нет!

Тари стиснул когти.

– Мы найдем спасение. Я... Мой двойник говорил, что Дар– и– Нур находится в диких прериях. Раз он побывал там и не сошел с ума, сможем и мы. Я найду способ. Клянусь.

– Как? – сухо осведомилась Ная. – Мы в клетке, Тари, Долина наш дом, и она же – граница доступного нам мира. Как ты собираешься попасть в Дар– и– Нур?!

Тари в гневе сжимал и разжимал когти.

– Не знаю! Но я придумаю. Раз мы видели второго меня, значит, я когда–нибудь им стану, и вернусь сюда, чтобы предупредить! А раз я побывал в Дар– и– Нур и вернулся, значит, и путь непременно отыщется! Я не хочу покорно ждать гибели!

Керраи, вздохнув, развела лапками.

– Я тоже не хочу, Тари. Вопрос в другом. Справимся ли...

Они посмотрели друг на друга. Молодой асск сглотнул.

– Теперь стало еще важнее отыскать кассанидов, – сказал он тяжело. – Надеюсь, они нам поверят.

Ная мрачно фыркнула.

– Кассаниды не самые приятные соседи. Их самки иногда хватают наших детенышей и уносят в гнезда, охотничий инстинкт.

– И вы терпите?! – ужаснулся Тари. Ная криво усмехнулась.

– Ну, обычно малышей тут же приносят обратно самцы. Мы привыкли.

– Я не понимаю, как можно привыкнуть к... – юный асск запнулся и в ужасе крутанулся на месте: – Врум!!! Нет!!!

Пока они спорили с Наей, рахонавис маленькими шажочками подбирался к сверкающему кристаллу и, наконец, схватил его с торжествующим воплем. Распахнув крылья, он тут же прынул в небо и скрылся за деревьями. Ошарашенный Тари просто сел на хвост.

– Врум... – прошептал он в изумлении.

Ная от бешенства даже подпрыгнула:

– Гад! Гад!

– погоди, – с трудом выдавил Тари. – Я... Не понимаю. Врум никогда себя так не вел...

– А по мне, он в полном порядке! – Ная яростно выдохнула. – Ничего. Мы знаем, куда он потащит камень. Надеюсь, это научит тебя в будущем лучше подбирать друзей!

Юный асск с болью опустил голову.

– Прости... – он содрогнулся. – Я не ожидал...

Ная бросила на Тари гневный взгляд, но смягчилась, увидев, в какой растерянности тот пребывает. Вздохнув, она подошла к асску ближе и дернула за перышки.

– Ладно, проехали, – буркнула керраи. – Ты не в ответе за это пернатое недоразумение. Прокатишь до тропы?

Тари, сглотнув, поспешно кивнул и вскочил на ноги.

– Конечно, садись!

Ная заняла место на его спине – по габаритам она была идеальной всадницей для молодого асска. Чтобы не упасть, керраи обернула свой длинный хвост вокруг его туловища, и Тари сорвался с места, легкой рысью поспешив к тропе.

Он уже размышлял, как объяснить Лаэллину все происшедшее, когда странное жужжание и последовавшее за ним сотрясение почвы от падения многотонного тела, заставили Тари мгновенно остановиться, а Наю – метнуться на дерево мощным прыжком. Удивленный асск выглянул из зарослей и ощутил, как кровь застывает в жилах.

Впереди, метрах в ста, на тропе без движения лежал Зайхан, а рядом несколько

крупных двуногих ящеров неизвестного вида, спокойно и сосредоточенно, избивали подвешенную на дерево за хвост Лаэллин.

У каждого ящера поперек груди, на ремне, пущенном вокруг шеи, болтались странные, продолговатые черные палки с загнутыми отростками снизу и развилками позади.

От шока, Тари едва не лишился чувств, но броситься вперед помешала Ная. Рухнув с дерева прямо на шею аска, она рывком утащила его обратно в кусты. Вся шерсть керраи стояла дыбом.

– Я же говорила, впереди засада... – шепотом процедила она сквозь зубы. – А вы «пост», «пост»...

– Я должен помочь! – выдавил Тари.

Ная схватила его за челюсти и рывком повернула голову к себе.

– Совсем спятил? – прошипела тихо. – Эти гады обезвредили Зайхана, подумай, что они сделают с тобой!

Тари дрожал.

– Я не могу смотреть, как она гибнет!

– Она не гибнет, – хрипло отозвалась Ная. – Хотели бы сожрать, давно б сожрали. Им что-то нужно, Тари, они именно нас ждали.

Аск застыл:

– Кристалл!

– Вот- вот, – Ная осторожно выглянула из куста. Ящеры их пока не заметили, Лаэллин беспомощно раскачивалась в воздухе. У Тари невольно выдвинулись когти на всех лапах.

– Я хитти! – прорычал он, не в силах смотреть на мучения подруги. – Они заплатят!

– Да, только не прямо в лоб! – прошипела Ная. – Ты ж вроде тут самый умный!

Тари лихорадочно размышлял.

– Ная, сорви несколько листьев и оберни ими любой камень, – прошептал он спустя пару мгновений. – Эти гады не могут лазить по деревьям. Покажись им, пусть решат, что кристалл у тебя и погонятся, а я спасу Лаэллин! Встретимся в Оазисе!

Керраи на миг замешкалась, но решительно кивнула и скрылась в ветвях. Тари,

дрожа, приготовился к рывку.

За километр от места трагедии, неровно ударяя крыльями от волнения и избытка чувств, летел Врум. Тяжелый кристалл оттягивал ему лапы, сердечко бешено колотилось. Тари простит, конечно простит. Они же друзья! Друзья не бросают друг друга ради красивого камушка...

«А что же я сам только что сделал?» – спросил себя Врум, но гневно каркнул и отгнал сомнения. Он не крал драгоценность! Он нашел! Летел и увидел! Подумаешь, керраи! Они точно так же нашли кристалл, как и он сам, с какой стати у них больше прав на камень?!

Все, больше он никому не позволит дотронуться до сокровища... Даже Тари! Уставший Врум присел отдохнуть на дерево и тоскливо обхватил себя крыльями.

Что же он натворил... Рахонавису внезапно стало так плохо, что он с хриплым стоном зажмурился и затрясся в беззвучном плаче. Небо, светлое небо, что же он натворил! Тари и Аоки были его единственными друзьями, больше у одинокого птицеящера во всей Долине никого не имелось. И он только что пожертвовал этой дружбой, остался совершенно один! Ради чего?! Ради камня?!

Дрожащий Врум вспомнил, как они познакомились с Тари. В тот день, как и сегодня, рахонавису было ужасно одиноко. Долина шумно отмечала праздник Цветов – окончание сезона дождей. Каждый вид праздновал по– своему; пернатые асогнаты с веселым писком бегали вокруг кустов, а затем брали друг– друга за хвосты, образовывали длинные цепочки и пытались совместно водить хоровод, но всякий раз кто–то сбивался с ритма и вся цепочка, задыхаясь от смеха, оказывалась на траве. Крупные хатта встречали праздник на берегах озер и прудов, они грузно топали по мелководью, вздымая облака брызг, а крохотные анурогнаты с писком проносились сквозь искристый туман, то и дело натываясь на мокрых, веселых сородичей.

Более развитые аски и аскены праздновали иначе; во многих местах долины можно было видеть стайки этих грациозных существ, рассеявшихся вокруг камня или упавшего дерева. Время от времени, один из них запевал песню, остальные подхватывали, и стая начинала синхронный, удивительно красивый танец, где движения каждого перетекали к соседу в такт музыке. Казалось, по рядам разноцветных ящеров бегут волны.

Праздник Цветов обычно приходился на время, когда у ассков начинали вылупляться птенцы, и грустный Врум смотрел с высоты, как один, только что вылупившийся ящеренок, с необъяснимым упорством пытался выбраться из гнезда. Родители были недалеко – они танцевали вместе со всем родом Граа, весело смеялись, ласкали и обнимали друг друга. Врум понял, что рождения малыша никто не заметил.

Ящеренок, тем временем, все же вскарабкался на высокий бортик гнезда и, пискнув, свалился в траву. Врум вздрогнул. Малыш поднялся, покачиваясь на еще слабых лапках, его пятнистые детские перышки удивительно сливались с ландшафтом, делая новорожденного аска почти незаметным. Большущие голубые глаза с непередаваемым интересом изучали впервые открывшийся им мир.

Рахонавис с тоской подумал, что не знает, как выглядят птенцы его родного вида. Никогда не видел. И вряд ли увидит... А юный асск, тем временем, пискнул и решительно направился к обрыву, на краю которого находилось гнездо. Возможно, трава мешала ему видеть, и проПасть показалась интереснее... Врум каркнул от неожиданности и, прежде, чем понял, что собирается делать, рванулся вперед.

Успел в последний момент – малыш уже поскользнулся и громко запищал, но тут лапы рахонависа обхватили его тельце и поспешно перенесли обратно в гнездо. В этот раз писк услышали взрослые; спустя мгновение, весь род Граа собрался вокруг. Смущенного Врума обнимали и облизывали, даже сам виновник переполоха что-то пропищал, когда отец показал ему спасителя. Посовещавшись, аски решили, что Врум должен выбрать детенышу имя, и лучшее, что пришло в голову пернатому ящеру – «Тари»...

Врум судорожно сглотнул. Он вспомнил, как привык регулярно навещать юного Тари и катал его по небу, а малыш вопил от восторга и больно цеплялся за перья. Ночами, они иногда взлетали на самые высокие утесы по сторонам ущелья Гордой Змеи и, задыхаясь от восторга, часами разглядывали Далекий Цветок. Мечтали, когда-нибудь, до него добраться... А как весело они играли! Тари всегда был необычным асском. Однажды вздумал научиться летать! Неделю бегал по Долине, собирая опавшие перья, лепил из глины крылья, а потом сиганул с обрыва в озеро... Вывихнул ногу, отбил внутренности. Врума передернуло от воспоминания, как он тащил беспомощного, стонущего от боли друга в Оазис. Тари уже подрос и стал невыносимо,

неподъемно тяжел, но Врум долетел, ни разу не отдохнув. Он тогда и не вспоминал об усталости.

Рахонавис хрипло вздохнул. Неужели все светлые годы их дружбы одним ударом перечеркнул гадкий красивый камешек? Врум внезапно ощутил к кристаллу страшную, всепожирающую ненависть. В гневе приоткрыв клюв, он так сдавил драгоценность когтями, что побелели пальцы.

– Проклятый камень... – прошипел рахонавис.

Кристалл в ответ полыхнул синим огнем. Врум, яростно каркнув, швырнул камень вниз и сунул голову под крыло.

Все. С него хватит. Больше никаких сокровищ. Он вернется к друзьям и будет умолять о прощении. Они простят, ведь они... Друзья...

Птицеящер вдруг понял, что кристалл, вообще-то, надо отнести обратно, и в отчаянии застонал. Ну почему он такой глупый?! Почему?! Расправив крылья, Врум спланировал на землю, где мрачно сверкала драгоценность. Уселся рядом.

– Я знаю, ты живой, – буркнул рахонавис. – Ты больше не сможешь поссорить меня с друзьями, слышишь?

Кристалл беззвучно светился, внутри вертелись искристые вихри, всполохи синего пламени. Птицеящер вновь, как удар хлыстом, ощутил неодолимую страсть обладать сокровищем. Ну почему, почему мир так несправедлив?! За что бедного, одинокого рахонависа заставляют делать выбор между другом и мечтой?!

Распушив перья, Врум припал к земле и яростно зашипел.

– Нет! – каркнул он в бешенстве. – Ты надо мной не властен! Не властен! Я тебя клюну! Разобью! Не мучь меня! Хватит!

Кристалл молчал, но Врум неожиданно заметил скользящую по траве тень. Вздвогнув, он вскинул голову и в панике рухнул на землю – высоко над лесом парили два чудовища.

Их колоссальные крылья достигали в размахе восемнадцати метров, тело длиною превосходило взрослого аска. Тень, что бросали они на землю, напоминала тень от облака, только имела хищный вытянутый профиль. В Долине не водились крупные летающие ящеры, так что раньше Врум даже не подозревал, каких они бывают размеров.

На головах кетцалькоатлов, как назовут этих монстров спустя миллионы лет, белели огромные гребни, служившие им вместо вертикального оперения, хвостов не имелось вовсе. Мощные, мускулистые лапы одного ящера были вытянуты назад, работая как рули направления, но второй...

Второй тащил добычу, и Врум внезапно услышал, ясно, отчетливо, как в груди останавливается сердце. Гигантский птеродактиль нес в когтях Тари.

Зрение у рахонависа было великолепным, и сейчас он проклинал свою зоркость. От боли мутилось в глазах. Врум слишком хорошо видел, как голова и хвост юного аска беспомощно мотаются из стороны в сторону, а когти схватившего его ящера окровавлены. Раскрыв клюв от горя, рахонавис упал грудью на землю.

Тари! Тари...

Погиб. Тари погиб! Врум вспомнил, с каким удивлением друг смотрел ему вслед, когда он уносил в небо поганый кристалл. У птицеящера помутилось в рассудке от мысли, что Тари погиб, уверенный, будто лучший друг его предал. Погиб, потому что друга не было рядом!!! От ужаса и боли рахонавис накрылся крыльями.

– Нет... – прошептал он, трепеща. – Нет... Нет! Нет!!! Так не будет!!!

Вскочив, Врум бешено закричал, его когти вцепились в землю.

– Я растерзаю вас всех!!! – рявкнул он так, что заболело горло. Свирепо оглянувшись, заметил кристалл. Жаркая ненависть рванулась в голову.

– Ты... – прохрипел Врум.

Удар! Еще! Клюв свело болью, но с камнем ничего не случилось. Закричав, рахонавис напрыгнул на кристалл, вцепился в него когтями. Драгоценность не реагировала.

Тяжко глотая воздух, Врум отступил. Нет времени разбираться с поганим камнем, надо гнаться за чудовищами. Но бросить здесь кристалл нельзя... А– а– а!!! Он подхватил сокровище клювом, сглотнул, на миг зажмурился, пару раз дернул головой.

– Позже, гадина... – прошептал Врум, раскрывая крылья. – С тобой я разберусь позже...

Морщась от тяжести в зобу, он рванулся в небо и помчался на север, к горам.

Туда полетели убийцы.

Глава 6

Аоки чувствовала себя обманутой. Прошло два дня с тех пор, как Тари отправился в экспедицию, но это, кажется, все уже позабыли – в Оазисе царил покой. Мертвого кассанида отнесли нхорнам, посольство керраи вернулось в свой лес. Последней каплей явилась весть, что конкурс песни и танца, где Аоки еще позавчера собиралась выступать, решили провести, невзирая на ужасные события. Услышав об этом, молодая аска просто взорвалась.

– Нам сообщили, что через год Долина погибнет, а ты намерен танцевать? – в бешенстве спросила Аоки, отыскав старого Граа на полянке, где вечером должен был состояться конкурс.

Хранитель смерил подругу внука насмешливым взглядом.

– Есть идеи получше?

Аоки от удивления раскрыла пасть.

– Но... Надо что-то делать! Искать выход!

– Мы отправили экспедицию, – спокойно заметил Граа. – А сейчас, милочка, надо поддерживать в Долине тишину и порядок. Если все станут, сломя голову, носиться и причитать, опасность не уменьшится.

– Может, танцевальный конкурс ее уменьшит? – язвительно спросила Аоки.

Граа совершенно серьезно кивнул:

– Безусловно.

– А?!

– Конкурс продемонстрирует, что мы спокойны и не паникуем, – отозвался Хранитель. – Это придаст всем уверенности. Размышлять на холодную голову – лучше, чем носиться и кричать, что скажешь?

Аоки возмущенно фыркнула, но возразить не сумела и молча отвернулась. Граа, шагнув вперед, тронул ее плечо.

– Не бойся за Тари, – сказал он с неожиданной мягкостью. – Этот птенец не даст в обиду ни себя, ни тех, кого любит. Знаешь, что самое лучшее ты можешь сейчас сделать?

– Что? – нехотя отозвалась аска. Граа усмехнулся.

– Выступи на конкурсе. У тебя неплохие шансы занять первое место.

Гневно выдохнув, Аоки смерила старого Хранителя возмущенным взглядом и умчалась прочь. Быстрая и выносливая, она за минуту добежала до живописного луга Плачущих Звезд и не останавливалась, пока впереди не показалось родное озеро с водопадом.

Молодая аска замерла на холме в километре от дома. Оглянулась. Отсюда на Долину открывался изумительный вид. Сотни, тысячи хатта и хитти вели спокойную жизнь, бродили по лугам небольшими стайками, семьями и в одиночку. Далеко на востоке, где змеилась река, даже с такого расстояния были видны несколько асгард-хатта, сородичей Мирри – самых крупных жителей Долины, не считая полупоупендарных хаттори, которых на Земле сохранилось всего два десятка. Хаттори, сами себя звавшие амфицелиями, жили в разрушенном городе Тэ и почти его не покидали, оставаясь легендой для подавляющего большинства обитателей Долины.

В небе парили сотни крылатых ящеров, от крохотных ануругнатов до шестиметровых птеродактилей. На мгновение Аоки показалось просто невозможным, что все это – весь знакомый ей мир! – может в один миг исчезнуть.

Она стиснула зубы. А что, если Граа не так уж глуп? Вдруг, коли сознательно игнорировать опасность, она пройдет стороной? Подумав об этом, Аоки гневно фыркнула. Да уж... Легко представить, что сказал бы Тари. Хотя он, наверно, даже и говорить бы не стал, а сразу укусил безмозглого старика за хвост! Чтобы не сеял в сердцах бесполезную...

Надежду?

Аоки опустила голову. Ей, внезапно, с такой силой захотелось увидеть Тари, что юная аска даже задрожала.

Они ведь еще ни разу не расставались дольше, чем на день, – с удивлением

подумала Аоки. Ей сразу вспомнился невыразимый ужас в глазах Тари, когда аска пригрозила уйти к другому. От стыда, Аоки чуть не укусила себя за хвост.

Ладно, решила она, немного успокоившись. Поскольку ничем реальным сейчас Тари не помочь, надо, хотя бы, исполнить его просьбу и позаботиться о гнезде для будущих птенцов. К тому же, это немного развеселит Мирри – с уходом экспедиции бедняжка совсем загрустила.

Вздыхнув, Аоки направилась к своему озеру. Легко сказать – подыщи место для гнезда. Тари придется месяцами быть там и высидывать яйца, он же с ума сойдет! Значит, гнездо придется строить в оживленном и густонаселенном месте, чтобы ее любимому было не так скучно... На мгновение, аске даже пришла в голову странная идея отбросить традиции и самой заняться высидыванием, но стоило ей представить, каково будет день и ночь сидеть на одном месте – идея приказала долго жить.

Размышляя подобным образом, Аоки подошла к водопаду и, с удивлением, заметила у озера незнакомую аскену. Сизо– бурая и совсем молоденькая, она тихо сидела на берегу и разглядывала спящую Мирри.

– Привет, – настороженно поздоровалась Аоки. – Ты кто?

Аскена, сильно вздрогнув, обернулась на голос и, робко, подняла лапку в непонятном жесте.

– Извините, – шепнула совсем тихо. – Я ищу целителя Тари, мне сказали, он живет здесь...

– Верно, только Тари сейчас в экспедиции, – отозвалась Аоки. – Я его подруга. Чем могу помочь?

Аскена нервно сглотнула и опустила лапку, видя, что жест остался не понят.

– Я... Не знаю, как объяснить, – выдавила с трудом. – Три дня назад... Тари... Помог мне вспомнить...

– А, так ты и есть раненная, о которой он говорил! – Аоки улыбнулась. – Не бойся, Тари лучший целитель в Долине!

– Я знаю, – тихо отозвалась аскена. – Дело в том, что я... Говорила с рамфоринхом, которого прислал Тари. Я расспрашивала о Долине, об окружающих ее... Скалах... – аскена с дрожью оглянулась на темневшую вдали Северо– Восточную гряду. – Я... Не совсем уверена, но... Кажется, раньше я разбиралась в... Камнях, и...

Я вспомнила что-то важное, – прошептала она с волнением. – Вернее, не вспомнила, а узнала!

Аоки с любопытством встопорщила хохолок перьев.

– Да? И что же именно?

– Горы! – аскена сглотнула. – Это ведь Чикшулубский хребет?

– Чикш... Чукш... Чего?!

– Чикшулуб! – с дрожью повторила аскена. – Подводный кратер на полуострове Юкатан! Это место, куда упал... То есть, еще упадет астероид!

Аоки оцепенела.

– Повтори? – ее сердце бешено забилося. Аскена с болью развела лапками.

– Сюда должен обрушиться гигантский камень с небес. Я не знаю, когда это случится, но... В том... Времени... Откуда я родом... Это уже случилось, понимаете? Мы находимся в эпицентре! Астероид рухнет прямо на Долину!

Аоки попятилась.

– Что тогда произойдет? – выдавила она. Во рту внезапно пересохло, перья поднялись дыбом. Аскена опустила голову.

– Возникнет кратер диаметром в двести километров и глубиной в тридцать, – сказала совсем тихо. – При взрыве выделится больше энергии, чем суммарно производят все земные вулканы за десять тысяч лет. В кратере все испарится, но катастрофа этим не ограничится. Погибнут восемь из десяти обитателей Земли. Неважно, где они находились в момент удара, астероид мгновенно раскалит атмосферу планеты и животные сгорят заживо. Уцелевших в первые минуты, добьет ударная волна, которая несколько раз обогнет экватор, а в прибрежных районах все будет опустошено колоссальными цунами. Но, даже если кто-то переживет все это, его будут ждать кошмарная астероидная зима, тайфуны диаметром с континент, вечная тьма и землетрясения. Повсюду проснутся вулканы, подводные извержения вызовут новые цунами и заполнят атмосферу ядовитыми газами... – аскена умолкла. Аоки слушала, раскрыв пасть.

– Я... Не совсем понимаю некоторые слова... – выдавила она после паузы. – Но ты рассказываешь, будто все это видела!

Аскена содрогнулась.

– Я видела, – сказала негромко. – Тари помог мне вспомнить. Понимаете, я... Я... Я из будущего. Очень, очень, непредставимо далекого будущего.

– Да ну... – с сомнением протянула Аоки. – Как же ты очутилась тут?

Аскена отпустила голову.

– Не знаю, – прошептала. – Я опомнилась уже... Такой.

– Какой «такой»?

– Рептилией, – выдавила она.

– Ты аскена, а не «рептилия», – возразила Аоки. Сизая ящерка с трудом кивнула.

– Так же говорил и Тари.

– Тогда советую его слушать, – фыркнула юная аска. – Я Аоки. Как твое имя?

– Джамиля.

– Можешь подробно рассказать все, что знаешь об этом... небесном камне? – Аоки подалась вперед. Аскена робко кивнула.

– Вы мне верите? Я пыталась все объяснить рамфоринху, но тот лишь смеялся.

– Сегодня я многому готова поверить, – очень серьезно отозвалась аска. – С тех пор, как черная птица предсказала Долине гибель через год.

– Через год! – в ужасе воскликнула Джамиля. Аоки прищурилась.

– Думаешь, это связано с твоим... астероидом?

– А с чем же еще?! – взволнованная аскена инстинктивно распушила перья. – Таких совпадений не бывает! Почему ваш невероятный питомник разумных динозавров расположен точно на месте Чикшулубского кратера? Здесь все будет уничтожено взрывом, и в моем времени палеонтологи так и не откроют Долину! Это не случайно! Ваши создатели знали об астероиде!

Аоки с сомнением загнула улиткой хвост.

– Хм...

– Прошу! – взмолилась Джамиля. – Я понимаю, на вашем месте я бы сама не поверила в такую историю, но это правда! Я появлюсь на свет лишь через миллионы лет, в моем мире динозавров считают давно вымершими чудовищами. Меня бы сочли ненормальной, если б я сказала, что вы умеете говорить!

– Что за «динозавров» ты постоянно упоминаешь? – с подозрением спросила Аоки. Джамиля вздрогнула.

– А... Мы... Там, откуда я родом... Динозаврами зовут существ вроде вас. А теперь и вроде меня, – добавила она горько. – Астероид, который рухнет сюда через год, уничтожит не только Долину. Вымрут почти все известные вам виды, а выживут лишь млеко... – она запнулась, – ...кажется, тут их зовут «керраи».

– Керраи? – переспросила Аоки. – В твоих краях живут одни керраи?

Джамиля кивнула. Молодая аска озадаченно посмотрела на хвост.

– Да уж. Поверить и впрямь непросто.

– Надо что-то делать! Предупредить! – Джамиля нервно переступила с ноги на ногу. – Я искала Тари, чтобы все рассказать...

Аоки решительно дернула хвостом.

– Рассказывать надо Хранителям. Идем, я отведу тебя в Оазис, повтори там свою историю. Быть может, старый Граа хоть теперь обеспокоится!

Джамиля радостно закивала.

– Да, да! Отведите меня к вождям!

– У нас нет... – Аоки запнулась, моргнула и в крайнем удивлении уставилась на что-то за спиной аскены. Та судорожно обернулась и вскрикнула.

Со стороны гор, неторопливой рысцой бежали гигантские ящеры. Такой большой стаи Аоки еще не видывала; шесть десятков могучих хитти! Внешне почти неотличимые от асков, они превосходили их размерами минимум вчетверо, но изумление вызывало другое: сами хищники несли какие-то предметы, а главное – посреди стаи гнали нескольких дзалахатта, нагруженных непонятными ящиками и бочками. Передовые ящеры – все сплошь молодые самцы – держали в лапах странные черные палки с загогулинами на концах.

– Кто это? – пробормотала ошарашенная Аоки. Как ни странно, ответила ей Джамиля – она смотрела на стаю квадратными глазами.

– Ютарапторы... – прошептала аскена. – С автоматами! Откуда здесь, в этом мире, могут взяться автоматы?!

Аоки моргнула

– Авто... что?

Стая, тем временем, уже поравнялась с водопадом. Огромные ящеры неприятливо поглядывали на трех самочек, однако, нарушать построение не спешили.

Испуганная Аоки невольно попятилась.

– Что происходит?!

– Тише! – Джамиля в страхе схватила ее за плечи. – Не двигайся, ничего не говори! Пусть минуют нас!

– Почему? – возмутилась Аоки, но выражение взгляда аскены заставило ее утихнуть. Гигантская стая продолжала свой путь.

Когда центр колонны с груженными дзалахатта поравнялся с озером, под многотонными ящерами затряслась земля. Мирри проснулась и, в полном недоумении, вскинула рогатую голову, но, прежде, чем она успела раскрыть пасть, к подруге подбежала Аоки.

– Тихо, родная... – сказала вполголоса, ухватив Мирри за челюсти. Она начинала разделять страх Джамили. – Тихо...

Бегущие ящеры то и дело оборачивались в сторону трех динозавров у озера, однако им явно был дан приказ не отвлекаться. Прошла минута, другая. Голова колонны уже скрылась в пыли, и только сейчас показался хвост. Там бежали две крупные зеленые самки, обе с «автоматами» и блестящими бусами на шеях. Одна из них при виде Мирри помедлила, но решила не тратить время и продолжила свой путь. Изумленные, перепуганные динозавры молча провожали их взглядами.

– У вас есть враги? – тихо спросила Джамиля, когда пришла в себя.

– Враги? – поразилась Аоки. – С чего ты решила, будто...

– Это была армия, – коротко сказал аскена. – Вооруженный до зубов ударный отряд. В середине колонны на спинах анкилозавров везли оборудование для сборки штаба и боеприпасы для нескольких огневых точек. Если у вас есть враги, Аоки, нам лучше предупредить... Хранителей. Сопротивляться такому противнику самоубийство.

– Ну, знаешь! – аска встопорщила перья. – С каких это пор...

– Слушай! – резко оборвала Джамиля. – Ты родилась в Долине и лучше знаешь свой мир, но сейчас мы видели кусочек МОЕГО мира. Сказать, что такое автомат? – она вскинула лапу и ткнула когтем в сторону Мирри. – Эта безобидная черная палка превратит твою подругу в кровавый фарш с такого расстояния и так быстро, что ты даже не успеешь понять, откуда стреляли! На спинах анкилозавров везли несколько

скорострельных орудий, если у них есть картечь, все динозавры в Долине будут перебиты за сутки! Понимаешь, Аоки? Не спасет ни броня, ни быстрые ноги!

Аоки моргнула.

– Палки убивают издали? – переспросила недоверчиво. Джамиля, застонав от бессилия, лихорадочно оглядела берег озера.

– Вот! – она схватила гальку и с размаха швырнула ее в бок Мирри. Драконесса недовольно заворчала, но Джамиля на нее даже не посмотрела:

– Видела? – спросила она у Аоки. – Автоматы бросают такие камешки в миллион раз сильнее и дальше. Враг может стать вон там! – аскена указала на далекий холм, – И прямо оттуда убить нас троих менее, чем за секунду!

Потрясенная Аоки зажмурилась.

– Но... Только керраи бросаются камнями и шишками...

– Да! – рывкнула Джамиля. – Да! Автоматы придумали керраи! В моем мире живут керраи, они не умеют ни кусаться, ни быстро бегать! Поэтому мы изобретаем ВЕЩИ. ВЕЩИ делают за нас то, чего мы не умеем, и делают лучше!

Она рывком указала в сторону удаляющейся колонны.

– Если это враги, и они хотят вас уничтожить, они сделают это прямо сегодня! Надо предупредить хранителей, чтобы те спрятали детенышей в укромных пещерах или лесах! Иначе астероид, через год, упадет на уже пустую Долину, понимаешь, Аоки?!

Перепуганная аска с трудом кивнула. Мирри смерила Джамилю недобрым взглядом.

– Мирри не нравится тощая аскена, – заявила драконесса. – Мирри хочет, чтобы она ушла.

Джамиля бросила на огромную заврию удивленный взгляд и повернулась к Аоки:

– Почему она странно разговаривает?

– Большинство хатта... Такие, – буркнула аска. В глазах Джамили мелькнуло понимание.

– Ее надо спрятать, – быстро сказала аскена. – Она ползет в драку и умрет.

– Прятать Мирри?! – загремела драконесса, выпрямляясь во весь свой

восемнадцатиметровый рост. – Мирри не прячется!

Аоки сглотнула.

– Милая, это игра, – сказала она, ласково глядя бедро великанши. – Джамиля наша новая подруга, ты не должна сердиться. Мы играем в... Прятки! – аска бодро улыбнулась.

– Играете? – удивленно спросила Мирри.

– Конечно! И для тебя есть очень важное задание, – Аоки жестом поманила драконессу нагнуться. – Слушай и выучи наизусть: Мирри ходит лучше всех, Мирри ходит – ветер свищет! Мирри побежит на запад, там гнездовье нам отыщет. Скоро ящерка Аоки принесет подруге радость, много маленьких детишек доброй Мирри скрасят старость, а когда вернется Тари, с гордостью ему ты крикни, что нашла ты для Аоки лучшее гнездо в Долине!

Драконесса в восхищении открыла пасть.

– Гнездо! Мирри будет искать гнездо!

– Да, милая, – Аоки встала на цыпочки и лизнула великаншу в нос. – Но искать надо на крайнем западе, далеко за лесами и реками, где никто нас не потревожит. Я верю, ты отыщешь лучше место на свете!

Драконесса гордо кивнула.

– Конечно! Мирри ходит лучше всех, Мирри ходит – ветер свищет... – забормотала она под нос, развернулась на месте и огромными шагами направилась прочь. Аоки облегченно расслабилась.

– Поиски задержат ее на много дней, вдали от Оазиса будет безопасно.

Джамиля с трудом улыбнулась.

– Стихотворное задание – чтобы не забыла?

– Ну а как иначе... – вздохнула Аоки.

– Ваш мир сложнее, чем мне казалось.

– Это теперь и твой мир, – заметила аска. Джамиля, запнувшись, с громадным удивлением приоткрыла пасть и, некоторое время, стояла без движения.

– Боже... – прошептала она. – Я только сейчас это поняла!

Аоки фыркнула.

– Лучше поздно, чем никогда. Ну, что ж, гостя из будущего, за мной! Ты, может,

и разбираешься в ВЕЩАХ, но короткую дорогу в Оазис знаешь едва ли.

Джамиля нерешительно кивнула.

– Надо обогнать колонну и не попасться им на глаза!

Аоки криво усмехнулась.

– Мы с Тари и не такие гонки устраивали... – она запнулась, вспомнив о любимом. Тари, Тари, где же ты сейчас...

Молодой асск в это время дрожал от волнения в кустах почти на сорок километров севернее родного озера. Ная уже скрылась в ветвях, получив задание, и Тари приготовился к рывку.

Некоторое время все было тихо, затем с дерева прямо в морду одного из хищников врезалась шишка. До Тари донесся озорной голосок Найи, все ящеры, как один, обернулись в ее сторону. После второй шишки они зашипели, встопорщили хохолки перьев. Один поднял свою странную палку, но другой ударил его по лапе и что-то гневно приказал. Закивав, четверо ящеров устремились в заросли и скрылись, погнавшись за керраи. Пятый, очевидно вожак, остался сторожить Лаэллин.

Тари понял, что другого шанса не будет и рванулся вперед. Он еще никогда ни с кем не дрался, но слова Зайхана горели в разуме. «Доверься инстинктам» – советовал добродушный гигант. Вспомнив, что мудрый Зайхан, скорее всего, мертв, что его убили эти... эти... поганые нхорны!!!! – Тари впервые в жизни ощутил, как пасть заполняется слюной, а ноздри расширяются, усиливая приток воздуха в легкие. Он был разумен, да, но под тонкой пленочкой разума даже Тари оставался хищником – убийственно эффективным, наиболее смертоносным динозавром мелового периода. Сам он об этом, правда, пока не подозревал.

Враг почти втрое превосходил аска размерами, а массой, наверно, раз в десять. Тем не менее, он услышал шаги Тари только метрах в двадцати и, резко обернувшись, зачем-то схватил лапами черную палку вместо того, чтобы припасть к земле и оскалить пасть. Молодой асск, к собственному изумлению, понял, что враг уже не сумеет увернуться и прыгнул так, как умели лишь его сородичи – вытянувшись в струнку, с места на пятнадцать метров, развив в момент прыжка скорость в сто десять километров в час и ускорение в двенадцать g.

Ящер только успел наставить свою палку на Тари, как тот промчался у врага

прямо под мордой, на лету рванув пастью горло. Покатился по траве, вскочил, рывком обернулся. И замер, потрясенный эффектом.

Тари и раньше знал, конечно, что зубы у него очень, очень острые, но даже ему было невдомек, НАСКОЛЬКО. А между тем, само название его вида, «троодон», переводилось не иначе, как «ранящий зуб». Тари обладал исключительно смертоносным оружием, сравнить с которым возможно лишь арсенал современных пираний. Ведь даже спустя семьдесят миллионов лет, о зубы окаменевших челюстей стенонихозавров можно было порезаться...

Укус Тари не просто располосовал горло враждебного ящера, он вырвал из его шеи огромный кусок мяса. Кровь ударила фонтаном, зверь с бульканьем рухнул на землю. Потрясенный аскк на мгновение застыл, ведь он впервые видел агонию и смерть, но стон Лаэллин быстро привел его в чувство. Подпрыгнув с места на три метра в воздух, Тари ударом когтей сломал ветку и бережно подхватил окровавленную Хранительницу. У Лаэллин было сломано несколько ребер, но лапы, на счастье, остались целыми.

– Держаться сможешь? – тяжело дыша и отфыркиваясь от крови, спросил аскк. Лаэллин с трудом кивнула.

– Зайхан... – прохрипела она. – Проверь... Может... Жив...

Тари посадил израненную Хранительницу себе на спину и подбежал к анкилозавру. Тот лежал совершенно неподвижно, глаза остекленели, и хоть крови нигде не было видно, бронейщер уже не дышал. Тари с горечью опустил на колени рядом с погибшим.

– Как его удалось победить? – выдавил он через силу. – Вся эта броня... Защита...

Лаэллин закашлялась кровью:

– Не знаю, – прохрипела она. – Над тропой... Что-то пролетело... Как гигантская стрекоза... Жужжание... И он упал... Уходим, Тари, уходим...

Отрывисто кивнув, аскк бросился прочь по тропе. Хотя от носа до кончика хвоста Лаэллин достигала почти двух метров, она была удивительно легкой – всего двенадцать килограмм, то есть вчетверо легче Тари. Поэтому молодой ящер без особого труда тащил Хранительницу на спине. Его сердце до сих пор судорожно

колотилось при мысли о первом в жизни сражении.

– Лаэллин, чего они хотели? – на бегу спросил Тари. Израненная Хранительница с трудом дышала, сломанные ребра причиняли ей сильную боль.

– Кристалл... – прохрипела Лаэллин. – Они знали и про кристалл, и про тебя... Требовали сказать, куда ты пошел... Должны быть... Шпионы в Долине... Анурогнаты... Предупредили о нас...

Асск стиснул зубы.

– Тебя пытали из-за меня. Прости, прости!

Лаэллин мучительно зажмурилась.

– Глупышка, – выдохнула она со слабой улыбкой. – Я жива благодаря тебе. Если б они нашли кристалл сразу, убили бы всех.

– Кто они?! Звери из прерий?

Хранительница нехотя покачала головой.

– Нет... Это были не звери... – она сглотнула. – Я... Знаю, кто они... Только не верила, что они еще бывают.

Тари сильно вздрогнул.

– Юты?!

– Да, юты, – буркнула Лаэллин. – Невозжелавшие... Берегись!

Тари метнулся в сторону, и вовремя – воздух в том месте, где он только что был, со свистом пробил когти гигантского птеродактиля. На спине ящера, распластав крылья вдоль его перепонки и привязанная лентами, сидела небольшая черная птица.

– Кассанид! – рявкнула Лаэллин.

– Кристалл... – прошептал юный ассск. На шее кассанида, как медальон, болтался на веревочке крохотный голубой осколок.

– Тари!!! – закричала Лаэллин. Асск вскинул голову, но уклоняться было уже поздно. Он успел лишь отбросить раненную Хранительницу, как другой гигантский птеродактиль с лета схватил его когтями поперек туловища. Тари вскрикнул от боли.

В следующий миг его уволокли в небо, и оба кассанида заставили своих зверей повернуть на северо-запад. Лаэллин с трудом приподняла голову, провожая взглядом колоссальных летающих ящеров. Не прошло и минуты, как все было кончено: похитители скрылись за горами, на тропе воцарилась жуткая тишина. Лаэллин

невольно всхлипнула.

– Тари... – прошептала она, дрожа.

Ная вернулась примерно через час. Лаэллин, шипя от боли и часто падая, хромала в направлении Оазиса. Появление керраи заставило ее бессильно опуститься в траву.

– Где Тари?! – воскликнула Ная.

Хранительница мучительно глотала воздух короткими, частыми вздохами.

– Похищен, – выдавила она. – Ная... Спешу в Оазис... Найди Хранителя Граа, скажи, мы видели ютов. Пусть сообщит клану дзалахатта о смерти Зайхана, а сам собирает отряды ассков и аскенов. Все хатта, обитающие к западу от пустыни Даяк, должны срочно, немедленно, спрятаться в Оазисе!

– Что за юты?! Почему на вас напали?! Как спасти Тари?!

Лаэллин сглотнула.

– Нет времени... Юты – клан убийц. На них не действует тайна Долины. Они получают разум, но не теряют кровожадности... В древности, юты однажды поработили нас, но на них поднялась вся Долина. Мы думали, что всех перебили... Столетия назад... – Лаэллин бессильно уронила голову. – Ная, Тари захватили кассаниды, это значит, они заодно с ютами. Перед нами самая большая опасность со времен Первых Слов, предупреди Оазис!

Керраи недоверчиво попятилась.

– Тари погибнет? – спросила дрогнувшим голосом.

Лаэллин с болью покачала головой.

– Не знаю. Им нужен кристалл. Скорее всего, пока они не получают кристалл, Тари не убьют. Прошу, беги в Оазис, это очень важно!

Ная сглотнула.

– Мне никто не поверит. Я вонючая керраи.

Лаэллин протянула ей окровавленную лапу.

– Вымажись моей кровью, – выдохнула Хранительница. – Граа знает мой запах, так он поймет, что я в беде. Не возвращайтесь за мной, слышишь? Когда юты найдут убитого собрата, они бросятся по моему следу, его только калека не учует. Меня уже не спасти, спасать надо Долину, понимаешь, Ная? Не останавливайся, беги день и ночь!

Предупреди!

С трудом кивнув, керраи потерлась о лапу Лаэллин и прыгнула на дерево.

– Я пришлю весь свой клан тебе на помощь! – крикнула она. – Мы собьем гадов со следа, не вешай хвост!

– Спешి... – простонала Хранительница.

Ная скрылась в листве. Всхлипывая от боли, Лаэллин поднялась на ноги и, хромая, побрела следом. У нее мутилось в глазах, но даже сильнее, чем боль, ее жег страх. Не за себя – уцелеть она не надеялась. Израненная Хранительница мечтала лишь подольше задержать преследователей, дать Найе время. Каждая выигранная минута чуть повышает шансы...

В ста километрах от окровавленной Лаэллин задыхался измученный Врум. Он еще никогда не летал так быстро и так долго. С начала погони прошло более трех часов, но чудовищные звери вдали казались недосягаемыми, хотя просто парили в восходящих потоках, не двигая крыльями. От напряжения, глаза рахонависа налились кровью.

Он не замечал, что Долина давно осталась позади и, внизу, тянутся дикие прерии. Не замечал даже грандиозный Далекый Цветок, который с каждой минутой становился все менее и менее далеким... Он вообще не смотрел никуда, кроме своей цели, его мир сузился до простейшей задачи: выдержать. Догнать. Растерзать. За Тари. Что будет после, неважно.

Врум был слишком взбешен, чтобы задуматься, почему до сих пор мыслит.

Позади остался скальный хребет, отсекавший родную Долину от жутких, «инопланетных» для ее жителей ландшафтов. Никто из них еще не видел красной пустыни – поскольку даже те, кто здесь бывал, об этом не могли вспомнить. Что же говорить о Вруме, никогда не покидавшем район Оазиса и знавшем даже не всю Долину...

Пораженный и до такой степени уставший, что перед глазами мерцали черные круги, несчастный птицеящер уже находился на грани обморока, когда его гаснущий взгляд заметил, как монстры приземлились на вершину одного из утесов. Не в силах больше держаться в воздухе ни секунды, Врум камнем свалился вниз и едва сумел превратить падение в посадку, судорожно забив крыльями над верхушкой одинокого

дерева.

Его трясло, от боли в мышцах сводило дыхание. Открыв клюв и, беспомощно, свесив крылья, полумертвый рахонавис упал грудью на ветку и затих.

Вся сила его воли уходила на поддержание себя в сознании. Он не имеет права отключиться, нет, только не сейчас. Тари погиб. Помни это, помни каждый миг. Тари больше нет!

От горя, боли и изнеможения, из глаз рахонависа текли слезы. Он отомстит. Он растерзает вонючих нхорнов, напьется их крови и с новыми силами продолжит бой. Только чуть отдохнет... Совсем чуть-чуть...

Гиганты вдали распахнули крылья, и Врум со странным, отрешенным чувством понял, что не сможет их преследовать. У него помутилось в рассудке.

– Нет!!! – прохрипел птицеящер. – Нет!!!

Всей душой, всем своим существом рахонавис взмолился, сам не зная кому – дайте сил! Дайте сил!!! И внезапно ощутил в груди жар. Его глаза широко раскрылись, лапы скрутила судорога. Менее, чем за секунду, боли в мышцах прошли, усталости как ни бывало. Врум ощутил такой прилив энергии, словно проспал трое суток в уютном гнезде.

Вместе с энергией, у него необъяснимо прояснилось сознание – еще никогда в жизни рахонавису не мыслилось так легко, ясно и четко. И ответ на незаданный вопрос тоже возник сам собой: Врум просто понял, ни с того ни с сего, откуда пришла помощь.

– Кристалл... – прошептал изумленный птицеящер. Проглоченный кристалл услышал его мольбу и поделился энергией! Ну конечно, родилась странная мысль, ведь точно так жителей Долины избавляют от голода. Врум помотал головой. С ума сойти...

Тари!!!

Вскрикнув, рахонавис в бешенстве клацнул клювом и рванулся вперед. Гиганты вдали еще не набрали скорости, они описывали круги над утесом. Вот его шанс! Тари, Тари, друг, сейчас ты будешь отмщен...

Один из птеродактилей заметил атакующего рахонависа и издал гортанный вопль, но спасти его не могло уже ничто в этом мире. Врум мчался с такой скоростью, что от ветра слезились глаза, кристалл горел в груди, наполняя сердце невиданной, жаркой энергией. Не тормозя даже на мгновение, взбешенный птицеящер с разгона

пробил перепонку огромного зверя, разодрав ему крыло почти пополам.

Птеродактиль мучительно вскрикнул, сорвался в штопор, но Врум этого даже не заметил. Заложив такой вираж, что от перегрузки потемнело в глазах и чуть не отключился рассудок, рахонавис забил крыльями как машина и снизу вцепился в горло второго птеродактиля, который только начинал разворачиваться в его сторону.

Силенок маленького пернатого мстителя, конечно, не хватило бы для сколько-нибудь серьезной раны, но испуганный птерозавр ощутил острую боль в горле и мотнул головой – а Врум висел на нем, как маятник, и движение помогло ему разорвать шею зверя до самого позвоночника. Захрипев, птеродактиль сломался в воздухе, как бумажный самолетик, и рухнул к далекой земле. Окровавленный рахонавис выплюнул клок его мяса и завопил в упоении битвой.

Враги падали, хрипя и захлебываясь кровью, а Врум только сейчас пришел в себя и понял, что ни один из гигантов не тащил в лапах мертвого Тари. Но ведь он ни на миг не сводил с них глаз!

Новая, усиленная кристаллом проницательность заставила рахонависа обернуться к вершине утеса, где только что отдыхали птерозавры... И вовремя – Врум едва успел увернуться от двух черных птиц, атаковавших со спины. Горячая ненависть вновь поглотила его рассудок.

– Кррра!!! – прохрипел Врум и бросился в погоню. Но теперь ему противостояли не медленные, неуклюжие гиганты, чьи размеры вскоре станут причиной вымирания этого вида – нет, перед ним был умный, быстрый и безжалостный враг.

Кассаниды моментально усваивали уроки. Они вчетверо уступали рахонавису в размерах, но их искусство полета было просто несопоставимо с неуклюжими первоптицами, к которым, увы, относился и Врум. Однако, в данной конкретной битве на стороне пернатого ящера имелось огромное преимущество, о котором, как ни странно, он сам даже не подозревал. Ведь кассаниды считали его животным. Они твердо знали, что за пределами Долины рассудок сохраняют лишь те, кому известна великая тайна кристаллов, а на груди окровавленного рахонависа ничего не висело. Поэтому кассаниды избрали свою обычную охотничью стратегию: один из них помчался зигзагами прямо перед клювом птицеящера, пока другой, пользуясь

многократным преимуществом в скорости, взмыл вверх, чтобы описать мертвую петлю и ударить «зверя» в спину.

Врум все это видел и мгновенно понял. Его необычайно обострившийся интеллект не только просчитал маневр кассанида, но и моментально создал контрплан. Не прекращая погони за притворно поддающейся птицей, Врум лег на крыло, чтобы краем глаза видеть небо над собой. Он ждал, пока кассанид перейдет в пике с набором скорости – крылатый птицеящер не хуже своих врагов разбирался в премудростях полета и знал, что после определенного момента свернуть уже не получится.

Расчет оказался верным: второй кассанид соколом мчался сверху, и моментально убил бы «дикого» рахонависа страшным ударом в позвоночник, но взбешенный Врум рывком перевернулся на спину, выставив перед собой растопыренные когти, и располосовал пронесшегося мимо кассанида в кровавые ленточки. Второй в ужасе каркнул.

– Давай!!! – рявкнул Врум. – Давай!!!

Услышав речь, черная птица закричала от неожиданности и бешено забила крыльями, набирая высоту, но рахонавис не дал ей это сделать. Его четверо более широкие крылья заработали, как прекрасно смазанные механизмы. Вложив в рывок всю энергию, всю боль и гнев за погибшего Тари, Врум двумя взмахами догнал кассанида и обхватил когтями. От ненависти у него помутился рассудок, сердце билось на грани разрыва.

– Убийца!!! – прохрипел рахонавис и так сдавил когти, что у черной птицы брызнула кровь из глазниц. Тонкие полые кости хрустнули, как солома под ногой носорога. Врум отшвырнул трепыхающийся кусок мяса и завопил, вскинув голову к небу, захлебываясь от восторга и упоения первой в его жизни охотой. Этот кровожадный вопль ничем не напоминал скромного одинокого птицеящера, мечтавшего встретить подругу...

Прошла почти минута, прежде, чем рахонавис опомнился и вновь обрел разум. Хрипло выдохнув, он огляделся. Сердце сжалось, когда Врум заметил на плоской вершине утеса неподвижное тело.

– Тари... – прошептал он с болью, опускаясь рядом. Юный асск был весь окровавлен и лежал без движения, но Врум чуть не спятил, заметив, что бока Тари

часто– часто вздымаются. Закричав от счастья, он рухнул сверху на друга и обнял его крыльями.

– Тари!!! – Из глаз Врума покатились слезы. – Тари, Тари, Тари– Тари, живой!!!

Асск что–то мучительно проверещал. Его голубые глаза, полные боли, приоткрылись, и Врум едва не лишился чувств. Перед ним лежал безмозглый ящер из прерий.

От шока у рахонависа едва не остановилось сердце. Не в силах поверить, отказываясь признать поражение, он мучительно каркнул и судорожно, до боли, стиснул друга в объятиях. Нет... Нет, нет, так не может быть, это несправедливо, это невозможно! Тари... Нет...

Асск сдавленно запищал, но Врум только сильнее сжал крылья.

– Больше не отпущу, – прошептал он сквозь слезы. – Никогда...

Минут пять они лежали без движения. Асск прекратил пищать и дергаться, а рахонавис был слишком потрясен. Но внезапно новая мысль чуть не взорвала его мозг: Долина!!! Если отнести Тари в долину, он снова поумнеет!!! Врум едва не закричал от радости. Значит, еще не все потеряно!!! Еще есть шанс!!! Тари, Тари, ты снова станешь собой!.. Сейчас, друг, дай только перевести дух... И отправимся в путь... Домой, Домой... Домой...

– Врум, – прохрипел стиснутый его крыльями асск.

Рахонавис вскрикнул:

– Тари?!

– Голова... Кружится... – выдавил юный ящер. Рахонавис выпустил его из объятий, но Тари, зашипев, сам схватил друга за крыло.

– Нет! – в ужасе выдавил асск. – Не отходи! Пока ты рядом, я мыслю! – Тари зажмурился. – Это... Это самое страшное, что есть на свете. Хуже смерти. Хуже! Терять себя... Забывать... Друзей... – он внезапно заплакал, ткнувшись лицом в пернатую грудь рахонависа. У того чуть сердце не остановилось.

– Тари, Тари... – едва не плача сам, Врум обхватил друга крыльями. – Прости меня! Прости, что украл камень! Я... На меня что–то нашло, я не предавал тебя, Тари, не предавал!

– Камень... – прошептал израненный асск. – Врум... Камень... Кассаниды

носили на груди кристаллы, вот, почему они не сходят с ума в прериях, – сглотнув, Тари поднял взгляд на друга. – Но... Как же ты... Сохранил... – ахнув, юный асск подался назад. – Проглотил! Ты снова проглотил кристалл, да?!

Всхлипнув от счастья, птицеящер молча кивнул. Тари с огромным облегчением расслабился и вновь обнял друга.

– Светлое небо, ну конечно... Вот, почему ко мне вернулся разум. Не отпускай меня, Врум, будь рядом!

– Никогда не отпущу, – задыхаясь, выдавил рахонавис. Тари с огромной признательностью взглянул ему в глаза.

– Врум... – прошептал он еле слышно. – Ты бросился за ними в погоню? В дикие прерии?

Рахонавис грустно качнул головой.

– Не за ними, Тари. За тобой.

Юный асск содрогнулся.

– Спасибо... Спасибо... – его затрясло. – Меня тащили вниз головой, все кружилось, а потом... Потом... Я стал ЗАБЫВАТЬ!!! Я кричал ваши имена, чтобы не забыть, но все утекало из разума, я забыл Аоки! Забыл тебя!!! Врум, не отпускай меня, ни за что, ни за что на свете, лучше смерть, лучше сгореть заживо!

Пернатый, с трудом кивнув, лишь крепче обнял друга. Они долго сидели рядом, Тари постепенно успокаивался. Его раны были несерьезными, в основном царапины – сознание он потерял из-за шести часов вниз головой.

Минута текла за минутой, пока, наконец, юный асск не опомнился достаточно, чтобы вновь размышлять. Он принялся, оглядел вымазанного кровью рахонависа.

– Врум, что произошло? – тихо спросил Тари. – Где похитители?

Пернатый ящер, вздохнув, кратко поведал о сражении. Тари с болью зажмурился.

– Я... Тоже сегодня убил, – выдавил он совсем тихо.

Врум свирепо клацнул клювом.

– Растерзать!!! Клевать!!! Если кто-то... Если тебя кто тронет!!!

– Не надо, – еле слышно попросил Тари. – Пожалуйста, не надо. Не становись... Таким...

Рахонавис сильно вздрогнул. Помолчал, через силу кивнул. Тари нежно потерся носом об его клюв.

– Врум, милый мой друг, – он зажмурился и уткнулся лицом в трепещущую пернатую грудь. – Я с самой скорлупы обязан тебе жизнью, ты и позже не раз меня выручал. Но сейчас ты спас меня от участи много хуже смерти. Я не знаю, что сказать. Просто не знаю.

– Незачем говорить, – буркнул рахонавис, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – Просто будь осторожнее. Я сегодня чуть с ума не сошел, Тари... – он моргнул, чтобы не заплакать. – Если б ты знал, если б знал, как плохо мне было... Проклятый камень... Я не предавал, Тари, не предавал...

– Врум! – Тари встряхнул его за крыло. – Опомнись! Я жив лишь благодаря тебе! Я сохранил разум! Ты никогда не предавал меня, ни на миг!

Рахонавис всхлипнул.

– Но я предал! – вырвалось у него. – Я стащил камень! И меня не оказалось рядом, когда ты нуждался!

Тари удивленно моргнул.

– Врум, ты изменился, – заметил он с легкой тревогой. – Ты разговариваешь... Как-то... иначе.

Птицеящер кивнул.

– Это все кристалл. Он делает меня умнее.

– Делает умнее?!

– Угу, – сдавленно отозвался Врум. – Я не мог догнать тех чудовищ. Умирал, крылья просто не двигались. А они все летели, летели... Тогда у меня, кажется, в голове помутилось. Помню, я заорал «дайте сил, дайте сил» – а кристалл услышал, и усталости как ни бывало. Тари, – рахонавис сглотнул, – Тебя спас камень, не я...

Юный асск тяжело вздохнул.

– Он и сейчас спасает, – сказал негромко. – Если мы отделимся друг от друга, я потеряю разум. Я этого не вынесу, Врум. Точно знаю. Я порву себе горло, если вновь почувствую, как забываю Аоки. Это выше моих сил, теперь я знаю. Есть грань, которую просто не осилить. Я не выдержу.

Они некоторое время сидели в тишине.

– Ты не дотащишь меня по воздуху до Долины, – сказал наконец Тари. – Нам придется идти пешком, много дней. И не только идти, а еще и охотиться, поскольку в прериях мы оба станем ощущать голод.

Он покачал головой.

– Мы не сможем всегда оставаться рядом. Рано или поздно что-то разделит нас, и я погибну.

– Нет, Тари! – гневно отозвался рахонавис.

Асск отвел взгляд.

– Незачем себя обманывать.

– Нет! Я передам тебе кристалл, когда... Когда... Смогу.

– Что?! – Тари отпрянул. Врум часто- часто закивал.

– Я совсем легкий, я же птица... Ты свяжешь меня и дотащишь до долины, а там вернешь память. Ведь ты умеешь возвращать память, это твой дар!

Тари задрожал.

– Врум... Я никогда... – внезапно он дернулся, его глаза просветлели. – Стоп! У нас есть еще два камня! Убитые тобой кассаниды, ты найдешь, где они упали?!

Птицеящер подпрыгнул от неожиданности.

– Ну конечно! – он с громадным уважением взглянул на асска. – Кррра... Тари, мне даже с кристаллом в животе до тебя далеко...

Молодой ящер грустно улыбнулся, но тут ему в голову пришла новая мысль. Тари сузил зрачки.

– Погоди- ка, – пробормотал он. – Ты сказал, что когда напал на гигантских ящеров, они уже не тащили меня в когтях?

Врум помотал головой.

– Но ты атаковал их в воздухе, – Тари удивленно моргнул. – Стало быть, они бросили меня тут еще до того, как тебя заметили?

Сильно вздрогнув, он огляделся.

– Врум! – с волнением прошептал юный асск. – Меня не бросили! Они летели именно в это место!

Испуганный рахонавис взъерошил перышки.

– Но тут просто скала...

– Кассаниды кого–то ждали, – Тари с трудом поднялся на ноги, продолжая судорожно цепляться за Врума. – Привезли добычу, отпустили зверей кормиться, а сами остались ждать... – асск дико огляделся. – Мы на вершине скалы! Те, кого они ждали, летают! Врум, друг, прости, тебе придется еще раз напрячься, прости меня, пожалуйста...

Птицеящер решительно закрыл асску пасть крылом.

– Готовься, вниз полетим быстрее, чем... Хотелось бы, – рахонавис вспорхнул на спину Тари, тот обхватил его лапы своими и отчаянно зажал.

– Только не отпускай, не отпускай! – дрожа, взмолился юный асск. – Я боюсь!

– Тари... – у Врума чуть не остановилось сердце. В памяти с такой яркостью возник образ едва вылупившегося детеныша, испуганно застывшего на краю пропасти, что перехватило дыхание, и Врум, кажется, впервые в жизни вспомнил, что он вдвое старше. Моргнув, желая смахнуть слезы, рахонавис нежно потерся клювом о шею друга.

– Я не отпущу, малыш. Клянусь.

Тари зажмурился и судорожно вздохнул.

– Я... Готов...

Врум мысленно взмолился, чтобы кристалл не подвел, и заработал крыльями так, как не летал еще никогда в жизни.

Глава 7

Лаэллин без движения лежала в траве. От изнеможения и потери крови мутилось в глазах, с кончика хвоста уже напознал холод. Хранительница отчетливо понимала, что умирает, но совсем этого не боялась. Боялась она лишь, что умрет напрасно, не сумев предупредить Долину.

Минуты текли за минутами, сердце Лаэллин билось все слабее. Ей было невыносимо горько, что друзьям грозит опасность, но нет сил броситься на выручку. Хранительница не знала, что женщины, подобные ей, будут выносить раненных с поля боя и лечить детей в тифозных гетто даже через семьдесят миллионов лет...

Сбоку раздался шорох. Краем глаза Лаэллин различила костлявый силуэт

нхорна и, против воли, легонько вздрогнула. Все правильно, подумала отрешенно. Не на что обижаться.

– Эх тебя, – пробурчал нхорн, обнюхивая умирающую Хранительницу. Та мучительно напряглась, приоткрыв пасть.

– Уже скоро, – шепнула Лаэллин, чувствуя, как из глаз текут слезы. – Подожди еще... Немного...

Ее подняли неожиданно сильные лапы и перекинули через пушистую спину. Трава. Жухлая, пустынная. Трава уносится в туман. Боли совсем нет, как странно... Успеет ли она умереть, прежде, чем семейка нхорнов приступит к трапезе? По закону, есть живых они не имеют права, но кто соблюдает законы в этой глуши...

Туман, заменивший Лаэллин зрение, внезапно потемнел; нхорн втащил добычу в нору. Хранительница уже не чувствовала тела, не почувствовала и как ее опускают на травяное ложе. Несколько секунд нхорн молча разглядывал умирающую.

Пробурчав что-то под нос, он вздохнул, раскрыл пасть почти как гадюка – в ровную линию и, аккуратно, чтобы не пробить чешую клыками, накрыл окровавленный торс Лаэллин. Из пасти зверя обильно потекла слюна, заполняя раны и царапины. Вот теперь Хранительница ощутила боль, да такую, что изогнулась дугой.

– Подожди... – взмолилась она, задыхаясь, – Подожди... Я... Пока не умерла... Сжался!

Нхорн не ответил. Его слюна, касаясь крови, начинала с шипением бурлить, и раны Хранительницы зарастали прямо на глазах, но боль оказалась слишком сильной и Лаэллин провалилась в беспамятство.

Очнулась уже вечером. Тело казалось одеревеневшим и чужим, в груди колело при каждом вздохе, но Хранительница была жива – вопреки всему, что она знала. Вопреки всему, чего ждала.

Некоторое время Лаэллин молча лежала на подстилке, с изумлением и радостью понимая, какое же это счастье – просто дышать. Из транса ее вывел шорох; скосив глаза, Хранительница заметила самочку– нхорна с детенышем. Самка что-то ела, и Лаэллин заставила себя сдерживать отвращение. Все правильно. Так и должно быть. За исключением мелочи – семейка нхорнов могла бы сейчас пожирать ее саму.

В тишине прошло довольно много времени. Лаэллин медленно приходила в

себя, нхорны не обращали на нее внимания. Наевшись мяса, самка улеглась на бок, и Хранительница впервые в жизни увидела, как детей кормят молоком. Ее губы, против воли, тронула слабая улыбка.

Нхорн– самец вернулся далеко за полночь, таща в пасти мертвого асогната. Бросив добычу в угол, он смерил Лаэллин долгим взглядом.

– Спасибо, – тихо сказала Хранительница. – Спасибо...

На пушистой, остроносой мордочке нхорна блеснули маленькие черные глазки.

– Не зови Вечную, – спокойно произнес зверь, укладываясь на землю и опуская голову на лапы. – Она, все равно, придет незванной.

– Почему спас? – вполголоса спросила Лаэллин. – Ведь я... Была...

– Жива, – очень серьезно отозвался нхорн. – Мертвые принадлежат нам. Все, кого коснется Вечная, наша добыча. Ночь принадлежит нам, звёзды принадлежат нам, ветер принадлежит нам. Тьма принадлежит нам, мы принадлежим тьме. Живые нам не принадлежат.

Лаэллин молчала. Нхорн сел по– собачьи, обернув широченный пушистый хвост вокруг лап, склонился к раненной и медленно, чуть касаясь, провел носом по шее от виска до плеча. Хранительница явственно ощутила, как стихает головная боль, а тело переполняет энергия.

– Как... Что ты сделал?! – спросила она в изумлении.

Зверь выпрямился, глядя на Лаэллин маленькими черными глазками.

– Мы, дети Ночи, зовем это «магией», – ответил спокойно. – Ты никогда не задумывалась, почему все жители Долины, кроме нхорнов, не нуждаются в пище? Откуда они берут силы?

Лаэллин сглотнула.

– Так... Так было всегда...

– Не всегда, – тонкие губы зверя тронула едва уловимая усмешка. – И ты не ответила.

Хранительница опустила внешние веки.

– Я не знаю.

– Вот именно, – тихо сказал нхорн. – Вы не знаете. Вам все дарят с рождения. А мы таких даров лишены. Нам приходится искать, изучать, ошибаться. Потрошить, а

не познавать окружающий мир.

Он поднял лапку и нежно тронул Лаэллин в области лба. Хранительница глубоко вдохнула; ее, внезапно, окутало уютным домашним теплом, на душе стало спокойно– спокойно.

– Магия, рассеянная в воздухе, для вас означает лишь сытный обед, – нхорн внимательно смотрел в глаза Лаэллин. – Мы обучились куда более сложным путям ее использования. Смотри.

Резко обернув голову, зверь приоткрыл пасть и клацнул зубами. На глазах потрясенной Лаэллин, по изодранному тельцу асогната пробежала молния, другая. Приподняв окровавленную голову, мертвый динозаврик раскрыл пасть в беззвучном крике.

– Хватит! – Лаэллин дернулась. – Прекрати!

– Ему не больно, – сухо отозвался нхорн.

– Как ты можешь! Ты... Ты...

– Чудовище? – усмехнулся зверь.

Хранительница, тяжело дыша, отвернула голову и зажмурилась. Нхорн помолчал.

– Я сильнейший из магов детей Ночи, – сказал он после длительной паузы. – Я стал изучать магию много лет назад, когда впервые коснулся наарен в храме керраи. Кристалл пробудил во мне память, призрачные картины моих прошлых и будущих жизней. Так я узнал, что родился магом, – сухо произнес нхорн.

Он сузил глаза.

– Я был шаманом в племени тотонаков и экзорцистом в ордене иезуитов. Я поклонялся Солнцу в Городе Тысячи Врат, изучал некромантию в катакомбах Шумера. Я ловил кристаллических демонов на Уране и нырял в раскаленную магму Венеры. В этой жизни я ношу имя Кауран. Я хочу задать вопрос.

– Что ты сделал с асогнатом? – Лаэллин, взяв себя в лапы, открыла глаза и посмотрела на зверя. Тот легонько качнул головой.

– Он мертв. И убил его не я. То, что ты видела – не оживление.

– Тогда зачем показал? Зачем вызвал ненависть?!

– Ненависть? – переспросил Кауран. – Я не хотел вызывать твою ненависть.

Прости. Эмоции у моего вида сидят глубоко, иначе было бы трудно смириться с судьбой пожирателя трупов.

Страшным усилием воли преодолев гнев, Хранительница бросила взгляд на мертвого ящера, что так и валялся в углу.

– Ты упомянул «оживление», – сказала она глухо.

Нхорн помолчал.

– Подлинное оживление также освоил я один. Но это очень сложно, отбирает много сил и не имеет смысла.

– Не имеет смысла? – переспросила заврия. – Ты способен воскрешать мертвых, и это не имеет смысла?!

– Смерть почти моментально стирает память, – холодно ответил зверь. – Погибший не возродится. Оживет птенец в стареющем, а нередко израненном теле.

– Но это же... Это чудо!

– Нет. Это лишь грамотное использование энергии, – сухо произнес Кауран. – Теперь я задам свой вопрос. Несколько дней назад, среди детей Ночи распространилась история, приключившаяся с самцом по имени Риф. Он стал свидетелем пересадки личности умирающей птицы в наарен. Мне известно, что ящер, укравший наарен у моих родичей– керраи, доставил его в Оазис, где был допрошен лично тобой.

Лаэллин удивленно моргнула.

– Ты знаешь, кто я?

– Я знаю куда больше, чем кажется, – сухо ответил зверь. – Наарен, похищенный у керраи, сам по себе не особо ценен, однако в нем сейчас хранится исключительно важная информация – память и полная личность кассанида Ахава.

– Ахав! – Хранительница, вздрогнув, рывком обернула голову. – Ты говоришь о синем камне, что украл птицеящер?!

– И который, до недавнего времени, находился у тебя.

Лаэллин глубоко вдохнула.

– Я вернула его верховной жрице керраи. Ее звали...

– Ная Наяна Нараяна, – прервал нхорн. – Это неожиданная новость.

– Кем был Ахав? Почему кассаниды его убили?

Кауран бросил на раненную Хранительницу внимательный взгляд.

– Ахав был исследователем прерий и моим другом, – помолчав, сказал нхорн. – Он происходил из правящего колена кассанидов, имел великолепную родословную и должен был стать старейшиной. Мы оба интересовались магией, так и познакомились. А потом с ним что-то случилось, – глухо произнес Кауран. – Ахав обнаружил... Нечто... Нечто столь ужасное, что так и не смог мне рассказать. Его последние слова, – нхорн закрыл глаза, – «Времени не осталось. Я был в Дар- и- Нур, я видел, что произойдет, я пытался всем показать! Бесполезно! Бесполезно! Прости. Я не в силах смириться. Если вернусь –то с победой».

Зверь опустил голову и надолго умолк.

– О смерти Ахава я узнал лишь несколько дней назад от Рифа. Он же сообщил, что разум моего друга не погиб, а перенесся в наарен.

– Наарен? – тихо переспросила Хранительница.

– Так называется знакомый тебе кристалл.

От волнения, Лаэллин даже приподнялась над ложем, но приступ головокружения бросил ее обратно. Справившись с собой, она бросила на Каурана горящий взгляд.

– Разум кассанида уцелел? Ему можно задавать вопросы?!

– Сначала, его надо оживить, – сурово отозвался нхорн. – Для этого мне потребуется наарен. Сейчас я попытаюсь, с твоей помощью, определить, где он находится. Не бойся. Это не больно.

Лаэллин отпрянула, когда Кауран к ней потянулся.

– Стой! – выдохнула завря. – Что ты намерен делать?

Нхорн едва заметно усмехнулся.

– То, что дети Ночи умеют лучше всех на Земле, – ответил спокойно. – Идти по кровавому следу.

Он придвинулся и взял лапку Лаэллин в свою.

– Закрой глаза, – приказал Кауран. – Полностью расслабься. Ты долгое время касалась наарен, между вами до сих пор есть слабая, хрупкая связь. Когда я начну ткать Обратную Паутину, тебе покажется, будто сознание вышло из тела; ты увидишь саму себя со стороны, увидишь рядом меня. Ничего не бойся; это иллюзия.

Маг подался вперед.

– Вдали, на самой грани восприятия, ты заметишь синюю звезду. Она –то, что мы ищем. Потянись к звезде разумом, расстояний в астрале не существует, ты сразу окажешься рядом. Оглядись, изучи местность, запомни как можно больше ориентиров. Чтобы вернуться в физическое тело, достаточно этого пожелать.

Лаэллин сглотнула.

– Я... Я не уверена, что понимаю...

– Поймешь, – спокойно отозвался нхорн. – Магии нельзя обучиться. Она изначально бурлит в наших сердцах, она как воздух – о воздухе вспоминаешь, только когда задыхаешься. Готовься, Хранительница.

Лаэллин с огромным трудом подавила дрожь хвоста. Ей было страшно, просто страшно – как птенцу на пороге пещеры. Мгновением раньше, мир казался светлым, добрым и понятным...

«Он больше никогда не станет таким» – с удивительной ясностью подумала Лаэллин. Маг улыбнулся.

«Ошибаешься, Хранительница», – прилетела его ответная мысль. – «Таким он никогда и не был...»

Лаэллин вздрогнула, вскинула глаза – каким образом ее мысли... Кауран чуть качнул головой.

«Позже, Хранительница. Объяснения позже. Отправляйся в путь и найди для меня кристалл!» – глаза мага вспыхнули угольками, налились неистовым пурпуром. Вскрикнув от страха, Лаэллин ощутила, как ее засасывает в огненную бездну.

Она рванулась. Еще раз, еще! Огонь! Огонь!!! Лаэллин в панике забилась, ее скрутило судорогой, но пламенные стены внезапно расступились. Судорожно дыша, потрясенная Хранительница вскочила с травяной подстилки.

Она уже собиралась высказать нхорну все, что думает о его «магии», когда взгляд ее опустился ниже. Задохнувшись от ужаса, Лаэллин упала на колени возле собственного окровавленного тела.

«Я мертва?!» – прошептала она в пустоту. Кауран не ответил – он, как и весь «реальный» мир, для Лаэллин остановился. Время больше не двигалось. Восковая статуя нхорна нависала над застывшим телом Хранительницы, сердца их не бились, все звуки исчезли. Потрясенная Лаэллин зажмурилась.

«Синяя звезда...»

Содрогнувшись, она проглотила слезы и заставила себя встать. Объяснения позже, как говорил Кауран. Кристалл требовался самой Лаэллин ничуть не слабее, чем магу.

Она выбралась из норы и судорожно втянула воздух. Застывший мир сводил с ума, выворачивал наизнанку душу. Оглядевшись, Хранительница сделала несколько шагов по траве; ее лапы проносились СКВОЗЬ стебли, не тревожа всеобщий покой. И только сейчас, взглянув на собственные лапки, Лаэллин вдруг заметила, что ее тело преобразилось.

Хранительница сглотнула. Прилагая всю силу воли, чтобы не сойти с ума, она подняла руки перед глазами – те удлинились почти втрое, налились мощью, пальцев стало пять. Лаэллин дернула хвостом – хвост был на месте, но его теперь украшал гребень золотых шипов и трезубец на кончике. А ощутив за плечами странную тяжесть, Хранительница шестым чувством поняла, что крылата.

Чешуя обрела зеркально– серебряный блеск, челюсти удлинились, на голове выросли изящные прямые рога и аккуратные, перепончатые ушки. Шокированная, уничтоженная, раздавленная, но по– прежнему полная решимости отдать жизнь за Долину, серебряная драконесса огляделась.

«Звезда!» – поняла она, ощутив где–то за горизонтом синеватое сияние. И рванулась вперед, инстинктивно расправляя крылья, о которых еще минуту назад не имела понятия.

Там, куда мчалась астральная проекция Лаэллин, день клонился к вечеру. Гигантские утесы– останцы, раскиданные по пустыне насколько хватало глаз, отбрасывали многокилометровые тени почти до горизонта, ветер гнал клубочки перекаати– поля. Воздух заметно остыл, ночь обещала стать холодной. Двум потерявшимся динозаврам это не сулило ничего хорошего.

– Нашел! – Врум обхватил крылом шею Тари и указал вперед. – Там, в кусте!

Юный асск облегченно вздохнул. Они подбежали к большому разлапистому растению, далекому предку кактусов, где ветер трепал черные перья мертвого, нанизанного на сотни шипов кассанида.

– Несчастный... – Тари зажмурился. Врум, презрительно каркнув, свесился с

его спины и клювом сорвал с трупа кристалл. Веребочка, на которой тот был подвешен, крепилась за шеей не узелком, а колючкой в петле – сказывалось отсутствие у кассанидов ловких лап.

– Ну, что ж, вот и второй, – заметил рахонавис. – Теперь попробуем?

Тари с дрожью смотрел на кристалл.

– А вдруг их не хватит? Я гораздо крупнее кассанида!

– Потому и нужны сразу два, – отозвался Врум. – Первый ты проглотил, второй повесь на шею.

Асск сжался.

– Мне страшно...

– Мне тоже, Тари, – Врум ласково погладил друга крылом. – Но испытать придется.

Молодой ящер судорожно втянул воздух.

– Хорошо. Но только отходи маленькими шагами! Если увидишь, со мной что-то не так, сразу хватай за шею и держи, не дай убежать в прерии!

– Кррра!

До боли стиснув зубы, дрожащий Тари повесил кристалл на грудь и прижал лапой к сердцу. Врум, нервничая, осторожно слез с его спины и отпрыгнул на один шаг.

– Ну, как?

Тари хрипло дышал, его трясло.

– Пока... Вроде... Нормально...

Врум отпрыгнул еще на шаг. Тари с мукой кивнул.

– Нормально...

Через десять минут Врум уже сидел в полусотне метров. Асск, судорожно глотая воздух, стоял с закрытыми глазами и прислушивался к ощущениям.

– Кррра? – вопросительно позвал рахонавис.

Тари обратил к нему испуганный взгляд:

– Все хорошо, кажется... Но я не усну, пока мы не будем в Долине. Стоит лишь вспомнить, даже на миг...

– Не надо вспоминать, – с силой ответил Врум. – Кррра! И прошло. Ты снова здоров. Царапины скоро заживут!

Тари с горечью покачал головой.

– У меня не только тело исцарапано, друг.

– Все заживет! Кррра!

Юный асск сглотнул.

– А вдруг кристаллы быстро теряют силу? Врум, надо спешить домой!

– Вот с этим согласен на весь хвост, – довольно буркнул птицеящер.

Он вновь подлетел к другу и потерялся клювом об его шею.

– Ты в порядке?

Тари еще дрожал, но любопытство и сила воли понемногу брали вверх над ужасом, и юный асск успокаивался. Он начинал обращать внимание на странный ландшафт и, первым, заметил кое– что весьма неприятное:

– Врум, – тихо спросил Тари. – А в какой стороне Долина?

Рахонавис, сглотнув, взъерошил перышки и нервно огляделся.

Они с другом стояли у подножья колоссального столового утеса– останца высотой более двухсот метров. Вдали, на красной, пустынной равнине, по всем направлениям, виднелись такие же – одни побольше, другие гораздо меньше. Горный кряж, отсекавший Долину от Месоамерики, не темнел даже на горизонте, поскольку три часа дикой гонки забросили динозавриков почти за сто километров от дома.

По крайней мере, отсюда открывался изумительный вид на Далекый Цветок. Он уже совсем не казался далеким, и Тари только сейчас осознал, НАСКОЛЬКО велик этот чудесный артефакт.

Цветок вздымался над равниной всего в десятке километров от места, где сидели друзья. Чудовищно огромный, серебристый, его колоссальные лепестки нависали над облаками и облака, в сравнении, казались крохотными клочьями ваты.

Тари с удивлением заметил, что отсюда, вблизи, видны детали, которые из Долины различить невозможно. В частности, дюжина тугих канатов– распорок, расходившихся от вершины цветка, подобно многокилометровой паутине. Один из тросов крепился в массивном автонатяжном станке совсем недалеко от места, где находились друзья; приглядевшись, Тари различил блестящую спиралевидную структуру канатов. Юный асск изумленно сглотнул.

– Врум, знаешь, – шепнул он с волнением. – Кажется, Далекый Цветок вовсе не

цветок!

Рахонавис оглянулся на артефакт и вздрогнул. На миг задумался:

– Хочешь, я слетаю, посмотрю?

– Нет! – Тари отпрянул. – Мы не должны разделяться!

– Хорошо, – сразу согласился Врум. Расправив крылья, он вспорхнул на высокий валун.

– Красная пустыня! – прошептал рахонавис. – Повсюду!

Тари подался вперед:

– Видишь свое дерево?

– Кажется... – выдавил Врум. – Тут их... Несколько... Полечу, понюхаю!

Асск нервно дернул хвостом.

– А ты не сворачивал, когда выбирал дерево? Уверен, что эта скала, дерево и Долина на одной линии?

Врум тоскливо мотнул головой.

– Я не выбирал, Тари. Я свалился, почти без чувств.

Молодой ящер пискнул и сел на хвост.

– Вот и все, – сказал беспомощно. – Мы потерялись.

Врум отпрянул:

– Тари, что с тобой?! Ты никогда не сдаешься!

– Мне страшно, – совсем тихо ответил асск. – Я боюсь, Врум. То, что со мной приключилось... Я... Я десятки раз возвращал память пришельцам из прерий, помогал лечить раненных в Оазисе, но даже не подозревал... Каково бывает самому... – его передернуло. – И сейчас я не могу забыть, ни на секунду, что между мной и кошмаром – лишь крохотный камешек. Меня трясет, друг, неужели не видишь? – Тари опустил голову. – Я... Наверно... Никогда не стану прежним.

Испуганный до полусмерти, Врум напрыгнул на юного ящера и обхватил крыльями за шею.

– Тари, Тари, Тари– Тари... – он нежно заглянул другу в глаза. – Все пройдет, верь, да? Все пройдет! Завтра мы оба будет смеяться над этим приключением, кррра!

Молодой асск грустно, с необычайной лаской улыбнулся.

– Так и будет, друг, – сказал тихо. – Обещаю. Так и будет.

Встряхнувшись, он потерся носом о перья рахонависа и встал на ноги. Глубоко вдохнул.

– Долина огромна, – сказал Тари с напускной бодростью. – Нам не обязательно знать точный путь, хватит и простого направления. Врум, найди дерево, где ты отдыхал. Относительно этой скалы, оно в любом случае будет со стороны Долины.

Радостно кивнув, птицеящер расправил крылья, но, едва успев взлететь на несколько метров, хрипло каркнул и свалился обратно.

– Тари! – в глазах рахонависа стоял такой ужас, что юный асск похолодел. – Там... Там... Там!!!

– Что там?! Что?!

Врум молча поднял дрожащее крыло и указал на север. Рывком обернувшись, Тари широко раскрыл глаза, у него подкосились ноги и асск свалился в траву рядом с пернатым ящером.

В километре от перепуганных динозавров, посреди равнины стояло нечто. Видом напоминавший приземистого анкилозавра, странный предмет превосходил размерами даже Мирри и вздымался над землей крутобокой оранжевой глыбой. Но Тари и Врума испугал вовсе не он.

Над оранжевым валуном кружил целый отряд черных птиц, а по земле, со стороны Долины, к нему мчалась группа огромных ящеров. Тари оцепенел, узнав своих недавних противников.

– Юты!

– Кассаниды! – каждый из друзей прошептал имя знакомых ему врагов. Врум бросил на Тари затравленный взгляд:

– Они нас заметят, они нас заметят!

Молодой асск испуганно сглотнул.

– Погоди... – выдавил он, чувствуя странную неуверенность. – Эта штука, там, в траве... Я... Я уже видел что-то подобное...

– Тари! Надо бежать!

– Куда бежать в пустыне? – Тари судорожно дышал, его глаза горели. – Я не понимаю... Эта вещь, там... Я... Я знаю, что это! – он вскочил. – Врум! За мной! У нас только один шанс!!!

Рахонавис в ужасе распушил перья:

– Там кассаниды!!!

– Прорвемся! – выдохнул трепещущий Тари. – Главное, опередить ют, они разорвут нас в клочья! Скорее, друг, скорей! – он бросился вперед. Перепуганный Врум, дрожа от тревоги, летел следом.

Кассаниды сразу заметили динозавров, однако, к удивлению друзей, даже не попытались напасть и мгновенно набрали высоту. Догадавшись о причине их страха, Врум торжественно каркнул и распушил хвост.

– Угроза птицам от облаков!* – прокричал он в высоту.

– Не отвлекайся! – рявкнул Тари. Подбежав к странному камню, он в панике его оглядел. – Ну же, ну... Я не мог ошибиться...

– Юты скоро будут здесь, – тихо сказал Врум. Вдали, отряд громадных хищников тоже заметил непрошенных гостей и, разом, ускорил бег.

– Я не мог ошибиться! – крикнул Тари. Дрожа от волнения, он водил лапами по холодной оранжевой поверхности. – Ну же... Я... Я помню... ДА!!! – вскрикнув, юный асск подбежал к передней части вездехода и раздвинул когтями защитные шторки справа от люка.

– Спасены! – выдохнул он при виде хромированного замка. Пальцы работали сами; трижды повернув кольцо, Тари вдавил большую клавишу и еще раз повернул кольцо, только обратно. Люк с шипением раскрылся.

– Тари!!! – завопил Врум. Юты были уже в ста метрах, ветер доносил их рычание и резкий запах. Дернувшись, юный асск схватил рахонависа за хвост, затащил в машину и задраил люк буквально за секунду до того, как передовая юта с разгона врезалась в металл.

От удара вездеход покачнулся, но броня выдержала. Тари и Врум бессильно свалились на пол шлюзовой камеры. Смерть миновала, но подошла так близко, что друзья долго не могли прийти в себя; судорожно дыша, они смотрели друг на друга. Наконец, Тари собрал в кулак волю и сумел улыбнуться.

– А ты не верил, – прошептал он счастливо.

Врум молча перевернулся на спину, раскинул крылья. Его только сейчас затрясло, да так, что лапы скрутило судорогой.

– Как ты догадался, что здесь пещера? – выдавил рахонавис, когда немного опомнился.

Тари заставил себя сесть.

– Я... вспомнил, – отозвался чуть слышно.

– Кррра?

– Да, – юный аск зажмурился. Помолчал, втягивая странные запахи вездехода.

– Врум, я... Кажется... Уже бывал в такой... Машине.

– Машина? – переспросил рахонавис.

Тари кивнул.

– Вроде... Мне так странно! – он огляделся. – Я ничего подобного раньше не видел, но... В то же время... – аск зажмурился. – Это как сон. Старый, полузабытый сон. Ты вспоминаешь о нем, лишь узнав что-то похожее на свои грезы.

Тари, сглотнув, привстал и робко, с опаской провел когтем по металлу. Вздрогнул, услышав скрип.

– Огонь... – прошептал он, глубоко дыша. – Врум, я... Я вспоминаю... Огонь, всюду огонь! Я... В такой же... Машине... Вокруг огонь...

Рахонавис принялся к воздуху.

– Пахнет керраи, – заметил он с тревогой.

Тари опустил внешние веки и долго сидел неподвижно, приводя мысли в порядок.

– Врум, – шепнул он, наконец. – Кажется, я догадываюсь, что со мной происходит.

Юный аск обернулся к другу и провел лапкой по его пернатой груди.

– У меня ведь дар возвращать память. Так вот... – Тари сглотнул, – Это чертовски похоже на мою работу. Словно кто-то невидимый пытается вернуть память мне самому!

Встревоженный словами друга, Врум уселся на хвост и обернул себя крыльями.

– Но ты ведь не терял памяти, кррра?

Аск бросил на птицеящера странный взгляд и ничего не ответил. Врум нервно переступил с лапы на лапу.

– Тари, все хорошо?

Юный ящер отозвался не сразу.

– Думаю, да... – произнес Тари после долгого молчания. – Я... Еще многого не понимаю... – он, не спеша, встал, приблизился к замку на внутренней створке шлюза. Целую вечность стоял неподвижно, разглядывая кнопки.

– Врум, – тихо позвал асск. – У тебя бывало чувство... Будто ты знаешь, что проснулся, и в то же время чувствуешь себя... Во сне?

Рахонавис замотал головой. Тари судорожно перевел дух.

– Мне все кажется нереальным, – признался он с дрожью. – Я смотрю... На эту штуку... Я знаю, что никогда ее не видел! Знаю, понимаешь? Но... В тот же время... – молодой ящер протянул лапу и аккуратно нажал клавишу когтем. Дверь, с мелодичным сигналом, отъехала в сторону.

– Как ты это сделал?! – Врум изумленно моргнул.

Тари покачал головой.

– Не знаю. Мои руки, – он поднял лапки перед глазами. – Они словно живут сами. Это как научиться ходить, Врум! Ты ведь не задумываешься, куда ставить ногу, ты просто бежишь вперед. Вот и я так же...

– Ходить? – рахонавис на миг задумался. – Погоди, – сказал он внезапно. – Не ходить, а летать! Крылья! Птенцов не учат летать, Тари!

– Птенцы! – прошептал юный асск. Его глаза загорелись.

– Врум! – Тари резко обернулся. – Ты умница! Умница! Ну конечно!

– Я умница? – переспросил рахонавис.

– Еще какой! – молодой асск с волнением оглядел шлюз. – У нас, в Долине, все каким-то образом обучаются единому языку, прямо из воздуха. Должно быть, здесь то же самое! – он даже подпрыгнул от возбуждения. – Врум! Эта... Машина... Сама обучает, как с ней работать!

Рахонавис щелкнул клювом.

– Тари, – позвал он с тревогой. – Ты хочешь сказать, что у нас, в Долине, под землей или в скалах, много таких... Машин... И они обучают всех говорить?

Ящер оцепенел.

– А... Я...

Они уставились друг на друга, потрясенные догадкой. У Тари невольно

встопорщился хохолок перьев.

– Светлое небо... – прошептал асск. – Ная! Ее рассказ!

– Мне страшно, – тихо сказал Врум.

Тари встрепенулся.

– Не бойся, – он шагнул к другу и взял его за плечо. – Мы в безопасности. Я с каждой минутой все яснее понимаю, что тут и как... – Тари перевел дух. – Думаю, мне удастся сдвинуть машину с места.

Врум недоверчиво каркнул.

– Она больше Мирри!

– Опять не веришь? – Тари подмигнул. – Идем, – он первым вышел из шлюза и поднялся в салон по винтовой лестнице.

Рахонавис поспешил за другом, неловко ковыляя по ступеням – он, все же, был куда ближе к птицам, чем к рептилиям. В салоне Врум замер при виде четырех неподвижных фигур.

– Вот это да! – прошептал он, моргая. – Какие огромные керраи!

– Но я уже видел таких существ, – в полном недоумении пробормотал Тари. – Пару дней назад, когда возвращал память той аскене. Неужели она... Как-то замешана... – он с опаской оглядел кабину.

– Что здесь случилось? – Врум обнюхал жертв. – Вроде, мертвые, но кровью не пахнет.

– Надо прове... – Тари заметил темное пятно сквозь лобовое стекло и, вскрикнув, бросился к лестнице, увлекая за собой Врума. Позади раздалось жужжание.

Друзья ощутили тошноту и головокружение. Скотившись по лестнице, оглушенные динозавры упали на пол шлюзовой камеры и, несколько секунд, молча глотали воздух. Первым опомнился асск; привстав, он оскалил зубы.

– Кассанид, – прорычал Тари. – У них какая-то... штука...

– Жужжит! – Врум накрылся крылом. – Они убили керраи и хотели нас!

Тари лихорадочно размышлял.

– Я не смогу вести машину, пока у кассанидов такое оружие, – прошептал он. – Что же делать... Что же де... – его взгляд упал на шкафчик со скафандрами, и юный асск возбужденно подпрыгнул.

– Придумал! – Тари бросился к стене. Главное, не задумываться, тогда лапы все сделают сами. Раздвинут дверцы... Снимут с одной штуковины другую штуковину... Откроют... Вложат цилиндрик...

– Что ты собираешь? – робко спросил Врум. Тари бросил гневный взгляд наверх.

– Не знаю, – признался честно. – Но чувствую, что все делаю правильно. Вот, вроде готово... – он взвесил в лапке получившийся предмет и, с сомнением, его обнюхал. – Как странно... Я держу в руках непонятно что, непонятно из чего сделанное, но в душе, кто-то словно подсказывает нужные слова! Откуда я знаю, что эта вещь называется «лазер» и она способна поразить кассанида сквозь «стекло»? Что такое «стекло»? Во мне будто поселилось два Тари!

– Два Тари? – нервно спросил рахонавис.

Юный ящер кивнул.

– Да. Но беспокоиться не о чем, друг, – Тари с трудом улыбнулся. – Скоро будем в безопасности.

– Я о другом беспокоюсь, – совсем тихо произнес Врум. – Я не могу забыть, что ты сказал там, на скале. Тари... Ты ведь останешься прежним, кррра? Останешься самим собой?

Асск сильно вздрогнул. Долго молчал, тяжело втягивая воздух.

– Да, Врум, – ответил он, наконец. – Останусь. Дай только освоиться с этой новой... Двойственностью.

– Двойственность? – с трепетом переспросил рахонавис.

Тари нехотя кивнул.

– Это похоже, будто тебе снится, что ты стал кем-то другим. Ты понимаешь, что спишь, но сон так... Реален... – он сглотнул. – Представь, словно видишь себя во сне, но во сне ты – дзалахатта. Ты знаешь, что на самом деле ты птица, а не бронированный гигант, но во сне... Ты, будто, чувствуешь... Его лапы, его тяжелые костяные пластины...

Рахонависа передернуло:

– Какой кошмар!

– Ну... – Тари с сомнением свернул улиткой хвост. – Может, и кошмар, но... У

такого сна есть и плюсы. Ты как бы раздваиваешься, испытываешь новые ощущения, узнаешь кучу интересного. Другая жизнь, Врум! Жаль, тебя не было рядом, когда я говорил об этом Найе. Жизнь, которой никогда не было и не могло быть, но ты все равно ее помнишь! Она была, но не у тебя. Тот ты, что ее прожил... Уже не ты. И никогда тобой не станет...

– Тари, я запутался, – тихо сказал Врум. Асск вздрогнул и, нежно, потерся носом о клюв пернатого ящера.

– Все хорошо, – отозвался необычайно серьезно. – Все хорошо, друг.

Он зажмурился, пару минут стоял неподвижно. Открыв глаза, содрогнулся, увидев свое отражение в хромированном люке.

– Мое имя Тари, – сказал в пустоту молодой асск. – Я мечтатель. Мы живем тысячи раз, в сотнях тел, мириадах миров, но это всегда – НАША жизнь. Бесконечная как познание, бездонная как любовь... Неважно, в каком я сегодня обличье, неважно, как долго я нем остаюсь. Я слишком сильно люблю жить, и этого не отнять никому, даже если меня прямо сейчас растерзают!

Тари опустил голову.

– Другие жизни могут казаться интереснее, – произнес едва слышно. – Реальность, в сравнении с мечтой, всегда беспомощна. Но в этой реальности у меня есть Аоки, есть такие друзья, как Врум. Их не заменит ни одна мечта во Вселенной.

Судорожно переведя дух, ящер поднял глаза, и рахонавис ликующе пискнул, увидев в них дорогой его сердцу огонек. Бросившись на шею другу, птицеящер со всех сил обнял его крыльями.

– Ты вернулся... – прошептал Врум, глотая слезы. – Тари, Тари, Тари– Тари– Тари...

– Все хорошо, – асск ласково потерся носом о клюв рахонависа. – Я здесь. И ни– и– икуда не собираюсь, – он глубоко вздохнул. Поднял перед глазами висевший на груди осколок кристалла, взгляделся в сапфировые глубины.

– Теперь я знаю, кто вы и где вас искать, – прошептал Тари. – Теперь я лучше подготовлен к сражению. Если вы меня сейчас слышите, Аяр – берегитесь. Да, вы бессмертны и всемогущи, а я рептилия с маленькой планетки на окраине Галактики. Но я обладаю тем, чего вы лишены, и не познаете до следующего Большого Взрыва. Я

сильнее вас, Аяр. Мне есть, за что биться, – он с хрустом сдал драгоценность в когтях. Врум испуганно пискнул:

– Тари!

Опомнившись, асск с трудом кивнул.

– Идем, друг, – молодой ящер рывком подбросил и уложил на локоть лазерный резак. – Ничего не бойся.

(*лат. «рахонавис» – дословный перевод «угроза птицам от облаков»)

Глава 8

Ная поняла, что дела плохи, задолго до того, как достигла Оазиса. Она редко посещала районы, населенные только «ящерицами», у керраи в Долине имелась своя субкультура и целые лесные города. Но даже ей стало ясно, что подобной тишины в центре густонаселенного луга Плачущих Звезд быть не может.

«Так ведь с начала похода не прошло и четырех дней!» – подумала она в растерянности, когда встретила первых динозавров. Семейка ирем– хатта пряталась под деревьями, так вжимаясь в траву, будто вся земля вокруг была усеяна дикими хитти.

– Что случилось?! – воскликнула керраи, свесившись с ветки прямо над ящерами. Детеныш от неожиданности заверещал, перепуганная мать поспешно закрыла его собой. Разъяренный отец семейства с шумом выдохнул из ноздрей влажный пар.

– Тише... – прохрипел он, глядя на пушистую налитыми кровью глазками.

Испуганная Ная закивала.

– Прости, – шепнула. – Что тут творится?! Где все... ящеры?!

Ирем– хатта смерил керраи бешеным взглядом.

– Из какой дырки ты выполз? – спросил, тяжело дыша. Ная склонила голову набок.

– Я самка. Ответь, ладно?

Трицератопс прищурил и без того крохотные глазки.

– Ха– арр... Уж не ты ли с Зайханом отправилась в прерии трое суток назад?

– Да, да, я! – Ная вздрогнула. – Только Зайхана убили... Что здесь творится?

– Хранитель Зайхан мертв?! – растеряно спросила самка ирем– хатта, детеныш от страха спрятался под мать. Самец в бешенстве захрипел, роя землю передними лапами.

– Хаарrrrrr!

– Эй, рогоносец, ты скажешь наконец, что тут у вас творится?! – рассвирепела Ная. Она уже начинала тревожиться за свой собственный клан, который утром отправила на помощь раненной Лаэллин. Если в Долине что–то случилось, ее родичи и Хранительница могут угодить прямиком в ловушку...

Ирем– хатта с трудом пришел в себя и шумно выдохнул. Бросив на керраи яростный взгляд, трицератопс мотнул тяжелой головой в сторону луга:

– Оазис захвачен.

Ная чуть не свалилась с ветки.

– Кем?!

– Мы не знаем, – с дрожью сказала самка. – Они похожи на ассков, но втрое крупнее. Прибежали вчера с северо–запада, большой стаей, разогнали из Оазиса почти всех, кроме Хранителей, а тех захватили в плен, изловили даже великую Тархию! У них непонятные вещи!

Сглотнув, Ная обратила взгляд к самцу.

– Непонятные... Вещи?

Ирем– хатта клацнул огромной челюстью.

– Они трещат и убивают издали! Утром старый Граа пытался отбить Оазис с десятком дзалахатта, их всех прикончили быстрее, чем те добежали до вала, а Граа ранили в живот и утащили живьем, я сам видел!

– Кошмар... – потрясенная, Ная прижала лапки ко рту. – Такие же ящеры убили Зайхана!

– Все испуганы и попрятались, кто куда сумел, – выдавила самка ирем– хатта. – Говорят, уцелевшие Хранители разослали ануругнатов на юг и юго– восток, зовут на помощь великих хаттори.

– Поглядим, как эти гады справятся с амфицелиями, от чьих шагов падают деревья, а хвосты дробят скалы! – прорычал трицератопс.

Вся шерсть Найи поднялась дыбом.

– Вы спятили?! Амфицелий и так меньше двадцати сохранилось, если погибнут хоть трое– четверо, весь род исчезнет!

– Какое до этого дело керраи?

– Эй! Тупой! Я живу в Долине, ее судьба меня не меньше вашего беспокоит! – Ная свирепо фыркнула. – Хе– фиххх! Что я трачу на вас время! – прыгнув на дерево, она помчалась к Оазису огромными прыжками. Когда Тари просил ее отвлечь внимание убийц, Ная неплохо их рассмотрела, а пока убегала – изучила повадки. Но что за «странные вещи» имел в виду глупый ирем– хатта? Неужели те черные палки, которые колотили ящеров по лапам, мешая им преследовать ловкую керраи?

Вскоре пушистая добралась до последнего дерева на краю воронки, ниспадавшей к метеоритному кратеру в полукилометре впереди. Отсюда Оазис был виден, как на ладони и, хотя зрение Найи значительно уступало зоркости ассков и рахонависов, она разглядела достаточно, чтобы тихо ахнуть и затаиться в ветвях. Трицератопс не солгал, Долина была захвачена.

Пришельцы – Ная одернула себя, их название «юты» – и в самом деле внешне напоминали ассков, но превосходили их размерами раза в три, если не в четыре. На когти и страшные зубы Ная успела насмотреться и раньше, убегая от ящеров по лесу. Сейчас ее куда больше привлекали предметы, которые несколько ют держали в лапах, причем держали умело и привычно. Керраи, естественно, никогда раньше не видела автоматов и даже не знала о концепции оружия, однако расстановка ящеров по Оазису была ей понятна, поскольку ее сородичи точно так охраняли детенышей, когда выводили их играть на полянку. Десяток часовых, все с оружием, занимали посты по периметру Оазиса, на скальном гребне, окружавшем кратер. Внутри основная активность была сосредоточена у дальнего берега соленого озера, на площади собраний; Ная плохо видела с такого расстояния, но, похоже, нападавшие собрали там

пленных. Всего она насчитала около шести десятков ют, большинство носило оружие и практически все были самцами; отличить двух самок оказалось очень легко, их ярко-зеленые перья выделялись издали. Вдобавок самки на голову превосходили ростом самцов.

На красивой лужайке перед расщелиной, ранее служившей входом в Гнездо Заботы, лежало вповалку множество мертвых тел, там кормилось несколько ют. Ная зашипела, впервые увидев, как едят хищники. Нырря окровавленными мордами в незащищенное подбрюшье перевернутого на спину, мертвого анкилозавра, юты с хрустом и утробным урчанием отрывали длинные ломти мяса, подкидывали их, точно как грифы, ловили пастью в воздухе и проглатывали за раз, дергая головой, будто чудовищные голуби. Среди убитых вздымались крутые, шипастые бока почти десятка массивных дзалахатта, рядом валялись пять–шесть аскенов, два молодых ирем–хатта и даже несколько асков. Гады, гады, что им нужно в Долине? Неужели все это ради кристалла?!

Надо разведать... Трава на пути от деревьев до Оазиса была значительно выше юркой керраи. Ная натянуто усмехнулась, вспомнив, как в прошлый раз ни одна ящерица так и не заметила ни ее, ни ее подруг, пока посольство не добралось до самой площади собраний. Уж коли полторы тысячи асков прозевали двадцать пушистиков, когда те даже не прятались, одинокая смелая Ная могла чувствовать себя уверенно. С трудом переведя дух, керраи на миг зажмурилась и скользнула в траву.

Зеленая мгла рванулась навстречу, сотни запахов ударили в грудь. Скоростным рывком одолев пятьсот метров до скального гребня, Ная прыгнула за камень и осторожно выглянула. Кажется, не заметили... Бесшумно, стелясь земли, она принялась перебежать от камня до камня, пока не оказалась рядом с треугольной трещиной, сквозь которую в прошлый раз проникла в Оазис.

За валом, совсем рядом с трещиной, стоял задумчивый ют, и Ная мысленно возблагодарила ветер, который сегодня не дул и, значит, не мог выдать ее запах. Почти ползком обогнув врага, керраи прокралась мимо еще одного юта, на сей раз вооруженного. Вблизи стало видно, что черная палка имеет довольно сложную конструкцию и много составных частей; Ная, даже не подозревавшая, что такое «механизм», посчитала автомат особой необычной корзиной, сплетенной из черной

коры. Вероятно, решила она, юты умеют очень сильно бросать шишки, которые носят в корзинах...

Проверить на себе меткость врагов ей не хотелось, поэтому керраи тихонько миновала пост и помчалась к далекой площади собраний.

Как и четыре дня назад, там сильно пахло ящерами, но в этот раз к знакомым запахам примешивался новый, сладковатый и дурманящий рассудок. Ная, стиснув зубы, старалась не замечать аромат свежей крови. Юркая и незаметная, она ползла в траве, от кочки к кочке, пока не оказалась достаточно близко от отдельно стоявшей группы ют. Услышав их голоса, керраи оцепенела, шок выдавил из легких последние граммы воздуха. Раньше Ная и не подозревала, что разумные существа отличаются от животных не только умением говорить, но и жестокостью, до которой ни один зверь не додумался бы за миллион лет.

– ...ладно, пока довольно, – бросила огромная зеленая самка, грубо оттолкнув ногой самца. Они оба смотрели на что-то, лежавшее в траве; Ная со своего места не различала подробностей, зато голос не узнать было трудно.

– ...хватит... – задыхаясь, прохрипел старый Граа. – Хватит...

– Не передумал? – хмуро осведомилась юта.

– Я все сказал! Все! Я больше ничего не знаю!

– Опять за свое, – самка приоткрыла жуткую пасть, усеянную сотнями конических зубов. – Ох и упрямое вы племя, ассссссски.

– Клянусь... Спросите любого, кто был здесь... В тот день... – Граа мучительно закашлялся. – Я все рассказал!

– Нет! – самка склонила голову набок и пригнулась, видимо, уставившись раненному в лицо. – Я не могу тебе верить. Прости. Не могу.

Старый асск с хрипом втянул воздух окровавленными ноздрями.

– Тогда ты потратишь кучу времени... Потому что я ничего не знаю!

Юта устало покачала головой.

– Ну зачем упрямишься? Какой в этом прок? У тебя пробита печень, ты не жилец. Подохнешь до вечера, так или иначе. Но я могу превратить твои последние часы в самый жуткий кошмар, а могу принести листьев тиммхасы, и ты спокойно, без боли уснешь. Скажи, что вам открыл предатель Ахав. Вы отправили в прерии целый

отряд, едва получили от него информацию. Мы должны знать, понимаешь, старый дурак? Осталось меньше года! Если мы не отыщем Дар– и– Нур в срок, погибнет не только мой род, но и твоя жалкая Долина! Раскрой секрет! Спаси этот гнусный питомник! Мы уйдем, как только узнаем, и никогда не вернемся в ваш райский хлев! – она с яростью наступила на раненного и чуть сжала когти, Граа мучительно вскрикнул. – Что за тайну открыл вам Ахав?! Куда вы отправили экспедицию?! – рявкнула юта. У Найи от бешенства чуть припадок не сделался.

– Отряд... Шел... Не в прерии...– прохрипел старый асск. – Мы... Вообще... Не слышали... Про... Дар– и– Нур...

– Ты врешь, гад! Врешь! – самка зарычала. – Мы постоянно следим за Долиной, день за днем, с того самого года, как вы едва не истребили наш род. Мы знаем обо всем, что здесь происходит!

– Плохо... Следите... – выдохнул Граа.

Самка свирепо оскалилась и дернулась вперед, чтобы растерзать упрямого старика, но сдержалась в последний момент. Кончик ее хвоста напряженно помахивал из стороны в сторону, даже в этом хищники напоминали ассков.

– Ладно, – помолчав, сказала юта. Ее ноздри раздувались. – Сам напросился. Хазар!

Самец, уныло стоявший рядом, вздрогнул и склонился в поклоне.

– Да, неистовая!

– Принеси тех двух самочек, что пытались освободить Хранителей, – юта оскалила зубы. – Да смотри мне, живых и целехоньких!

Самец, сглотнув, подобострастно зашипел и сорвался с места. Зеленая юта обратила на умиравшего Граа жесткий взгляд.

– Кажется, одна из них – самка твоего внука Тари?

– Не смей... – с мукой выдохнул асск. – Не смей!!!

– Я не люблю причинять боль, – очень серьезно ответила юта. – Не заставляй меня это делать, старик. Мы тоже хотим жить, тоже хотим откладывать яйца и радоваться пушистым птенцам.

Она рывком склонилась к раненному.

– Ты сейчас угрожаешь будущему моих детей, – выдохнула, дрожа от гнева. –

Ты понимаешь, на что я пойду ради такой цели?

– Я не знаю!!!! Не знаю!!! – Граа захрипел. – Не зна... Не... Не зна... – у него пошла кровь горлом, и асск забился в агонии. Юта, слегка растерявшись, выпрямилась и молча глядела на смерть старого Хранителя. Когда тот перестал биться, зеленая самка зажмурилась и в бешенстве стиснула когти.

– Проклятие!

Между тем, самец уже притащил избитых, связанных по всем лапам Аоки и Джамилю. Грубо оскалившись при виде мертвого Граа, он швырнул пленниц на труп. Джамиля в ужасе вскрикнула, Аоки заскрипела зубами.

– Убили... – прорычала она утробно. – Убили Хранителя...

– Он сам избрал такой финиш, – огрызнулась юта. – Ну? Вы тоже ничего не знаете? Мне и вас придется допрашивать до ночи?

Аоки с такой ненавистью посмотрела на юту, что громадная заврия легонько вздрогнула.

– Не трать время, – хрипло сказала аска. – Убей сразу. Но запомни, гадина: когда вернется мой Тари, ты пожалеешь, что по вашим гнездам не пробежались амфицелии, пока вы еще гнили в скорлупе!

Юта криво усмехнулась, растянув широкую пасть.

– «Твоего Тари» очень скоро доставят сюда, – бросила она сухо. – Но я не люблю рисковать. Мы поставили на карту выживание рода не ради упрямых птенцов.

Она недобро оскалила зубы.

– Слушайте внимательно. Я отпущу и вас, и всех захваченных Хранителей. Целыми и невредимыми. Прямо сейчас отпущу. Клянусь своей первой кладкой, мы немедленно покинем Долину и больше никого, никогда не тронем. Только скажите, что вы узнали от предателя. Откройте, где искать Дар– и– Нур. Мы должны знать! Это необходимо нам, как воздух!

– Но мы и не слышали о... – Джамиля запнулась, когда Аоки в бешенстве клацнула пастью:

– Даже если б я понимала, о чем ты вообще говоришь, я скорее умру, чем помогу вам! – рявкнула аска. – Граа успел рассказать, кто вы такие. Он сказал, мы тысячи лет жили в мире, пока однажды юты не возомнили свой вид избранным! Никто не

пожалееет, когда вы вымрете! Никто не вспомнит о вас!

– Ах ты тварюшка... – расвирепевшая самка схватила Аоки за шею и вздернула на вытянутой лапе, будто тряпичную куклу. Ее жуткая пасть раскрылась, юная аска невольно запищала, задергалась, но силы были слишком неравны. И подруге Тари пришел бы жестокий конец, если б не Ная:

– Гадина!!! – керраи с разгона вскочила на спину юте и попыталась вцепиться коготками ей в глаза, но огромная заврия успела инстинктивно прикрыть внутренние веки и лапки Найи беспомощно скользнули по влажной, прозрачной, но удивительно прочной мембране. Тряхнув головой, юта отшвырнула керраи на десять метров и сама зашипела от боли, поскольку вместе с Найей в сторону отлетел клоч изумрудных перьев.

– Рррррааа! – отбросив Аоки, расвирепевшая хищница припала к земле и широко раскрыла пасть. Ная, удачно приземлившись в траву, яростно завизжала в ответ:

– Гадина!!!

– Что?! – юта отпрянула, ее глаза сузились. – Керраи?!

– Да! – крикнула Ная. – Я та, кого ты ищешь! Я верховная жрица Кассана, хранительница Слезы Мертвеца!

Огромная заврия вздрогнула.

– Ты? Керраи из отряда?! Здесь?!

– Хе– фихх!!! – Ная презрительно задрала хвост и повернулась к хищнице задом. – Мы перебили твоих ящеров! Тари порвал им горла, великий Зайхан раздавил, мудрая Лаэллин заманила в ямы! Отряд уже вернулся в Долину, мы уничтожим вас всех! Сегодня ночью от вас и костей не останется, хе– фиххх!!!

Явно растерянная, юта попятилась.

– Невозможно... – пробормотала она, моргая от изумления. Стоявший рядом, столь же пораженный самец, бросил на самку испуганный взгляд.

– Пристрелить ее, неистовая? – спросил он с сомнением, поднимая черную палку. Юта, опомнившись, яростно дернула хвостом и с размаха влепила самцу затрещину.

– Я тебя пристрелю, болван! Поймать живьем, немедленно!

– Попробуйте... – выдохнула Ная и скользнула в траву. От возбуждения у нее стояла дыбом вся шерсть, сердечко бешено колотилось. Прижимаясь к земле, керраи описала дугу вокруг ящеров и застыла всего в десятке метров от зеленой юты. Та бешено озиралась.

– Неистовая Валерия, мы никогда не поймает ее в траве, – робко заметил самец.
– Ветра нет, запаха не слышно. Она пробралась мимо всех постов, подошла к нам вплотную...

Юта свирепо выдохнула.

– Вы годитесь лишь на корм дурзахитти! – она хлестнула себя хвостом. – Дуболомы! Безмозглые асогнаты! Не верю, что породила половину из вас на свет! Ты!
– она ткнула когтем самцу прямо в нос, заставив его отпрыгнуть и взвыть от боли. – Бегом в штаб! Принеси тепловизор и КПВТ!

– КПВТ? – переспросил испуганный ящер. Валерия на мгновение зажмурилась.

– Компактный программируемый всепогодный турболет. Такая зеленая штука с четырьмя пропеллерами по углам, – юта тяжело воззрилась на самца. – Ты ведь знаешь слово «пропеллер», да? Знаешь?

Перепуганный ящер отчаянно закивал:

– Да, неистовая! Уже бегу! – он и правда бросился бежать в направлении маленького буро– зеленого холма, темневшего вдали, на самом краю Оазиса. Ная удивленно моргнула – кажется, этот холм она в прошлый раз не заметила... Или заметила? Да какая разница! Надо спасать заложниц! Сначала Аоки...

Мысленно взмолившись, чтобы аска оказалась хоть наполовину столь же умной, как Тари, Ная бесшумно подкралась к валявшейся в траве пленнице. Если та издаст хоть звук – все пропало.

Аоки заметила керраи и сильно вздрогнула, но, о счастье, о радость, сообразила молчать! Дрожа от возбуждения, Ная перекусила путы на лапках пленницы и двумя жестами объяснила, что делать. Аска едва заметно кивнула.

Переведя дух, керраи вновь описала дугу вокруг бешено озирающейся юты и выпрыгнула из травы.

– Эй! Уродина! Я тут! – она швырнула в морду Валерии комок земли. Но огромная заврия, совершенно неожиданно, отошла назад к Аоки и поставила тяжелую

лапу ей на голову.

– Думаешь, я столь же тупая, как самцы? – юта криво усмехнулась. – Считаю до пяти, керраи, и если ты не сдашься, я раздавлю эту ящерицу.

Ошарашенная Ная застыла:

– А... Я... Ну и дави! Я ее не знаю!

Валерия фыркнула.

– Правда? Не знаешь? Отлично... – она придавила несчастную Аоки, та громко застонала, беспомощно царапая толстую чешую. Нае чуть плохо сердцем не стало.

– погоди! – керраи, дрожа, поднялась на задние лапки. – Не делай этого!

– Решать тебе, – хрипло отозвалась Валерия.

Ная сглотнула.

– Отпусти ее, и я сдамся. Клянусь.

– Нет! – крикнула связанная Джамия. – Не делай глупостей, беги отсюда!

– Молчи, тощая, – огрызнулась юта и бросила на керраи свирепый взгляд. – Давай – ка лучше так: подойди сюда, и я клянусь, что не убью ни этих ящериц, ни тебя, – Валерия клацнула челюстями. – Можешь верить, тварюшка, не обману. Смысла нет.

– Что вам нужно от нас?! – взорвалась Ная. – Кристалл?? Я отдам этот гадский кристалл!!! Отдам! Расскажу, где он!!! Отпусти Аоки, ей скоро откладывать яйца!

Валерия сильно вздрогнула. Опустив голову, смерила пленницу тяжким взглядом.

– Это правда? – спросила жестко.

Придавленная Аоки что-то пропищала. Юта, гневно выдохнув, подняла голову.

– Хорошо, – сказала она свирепо. – Я обещаю отпустить эту аску, если ты прямо сейчас сдашься. Раз. Два...

Ная, дрожа от ярости и гнева, подбежала к огромной заврии и смело уселась прямо перед чудовищными когтями.

– Вот я!

– Нет, глупышка! – воскликнула Джамия. – Что ты наделала!

Валерия рывком нагнулась и схватила керраи поперек туловища. Ная взвизгнула от боли:

– Ты же обещала!!! – прохрипела она.

Юта подняла свою пушистую добычу на уровень глаз и некоторое время, мрачно, на нее смотрела.

– Назови хоть одну причину, почему я должна отпустить ценную пленницу, – сказала она холодно.

Ная с болью зажмурилась.

– Ты же говорила... Что мечтаешь о гнезде, – выдохнула она. – Неужели в тебе совсем нет... Ничего? Ты же не до конца зверь, ты... Просто чего-то хочешь! Я расскажу, где спрятан кристалл, ты получишь то, что ищешь! Зачем убивать птенцов?! Вы же... Не настолько звери...

– Не настолько звери? – медленно переспросила Валерия. – А знаешь ли ты, пушистая тварь, о чем никогда не рассказывают «хранители» этого гадюшника? О нас. О том, как давили наших птенцов и разоряли гнезда, как сталкивали сотни моих родичей в ямы и хоронили заживо, о том, как последние юты прятались в пещерах на склонах гор, не в силах отказаться от разума и памяти даже под страхом смерти, а за ними охотилась вся Долина. Да– да, керраи, охотилась! Ваши миролюбивые ящерицы прекрасно умеют пускать кровь, если им выгодно...

– Но ведь Аоки не виновата, – выдавила Ная. – Она даже не знала про вас! И я не знала до позавчерашнего дня!

Юта в бешенстве встряхнула пушистую пленницу.

– Почему о нас не должны знать? – спросила свирепо. – Почему только нас все забыли, чем мы хуже других видов?

– Мне неизвестно, – с мукой выдавила Ная. – Мне ничего о вас неизвестно. Я только вижу, как вы убиваете слабых и угрожаете смертью беспомощным. Я вижу, как вы пожираете трупы, будто мерзкие нхорны... – Керраи застыла и в ужасе подняла взгляд. – ...нхорны!!! Это они вас спасли в те годы, да?! И докладывали обо всем, что происходит в Долине?!

Валерия криво усмехнулась.

– Нет, пушистая дрянь. У нас... Свои методы. И никто нас не спасал. Н– и– к– т– о. Всего, чего ты видишь, мы добились самостоятельно.

– И чего же вы добились? – тихо, с горечью спросила керраи. – Научились лучше всех убивать? Нести смерть издали? Четыре дня назад я познакомилась с птенцом по

имени Тари. Это его подругу ты сейчас мучаешь. Пока вы изобретали, как быстрее убивать, Тари мечтал обучить друзей различать цвета и слушать музыку ветра. Я знала его лишь несколько дней, и этого хватило, чтобы начисто избавить меня от ненависти к ящерицам. А сейчас он мертв!

Джамиля вскрикнула, Аоки под ногой юты страшно закричала и забилась:

– Ная... – прохрипела она, – Тари не мертв. Скажи, что он не мертв! Скажи!!!

Керраи с болью зажмурилась.

– Прости, прости, я забыла, что ты слышишь!

– Тари мертв? – с удивлением спросила заврия. – Почему? Я приказала любой ценой доставить вас всех живыми!

Ответить Ная не успела; из черной коробочки, закрепленной на ремне автомата Валерии, раздался громкий писк. Юта коснулась ее когтем:

– Слушаю.

– Неистовая, у нас проблемы! – хриловатый голос юта– самца прозвучал прямо из коробки, и Ная вскрикнула от удивления, а у Джамили глаза сделались квадратными. Валерия окинула своих пленниц коротким взглядом.

– Скажи мне что–то, чему я не удивлюсь, – прорычала она. – Ну? Какие проблемы?

– Цель номер один потеряна! Эскорт уничтожен!

– Ч– т– о?! – рявкнула Валерия. – В каком квадрате это случилось?!

– В назначенном, – с дрожью отозвался голос. – Птицеящер, сопровождавший цель номер один, пустился в погоню, неизвестно как сохранил рассудок и, буквально, растерзал наш эскорт.

Повисла тишина. Валерия, переведя дух, бросила на Наю очень недобрый взгляд.

– Вы перехватили беглецов? – спросила напряженно.

– Никак нет, неистовая!

– ПОЧЕМУ?!

– Одна из машин с объекта «ноль» находилась в квадрате. Эскорт обезвредил экипаж, но, прежде, чем наш отряд добрался до места, цель номер один и птицеящер успели скрыться за броней. В настоящий момент, вездеход прорвался за периметр и

движется в вашем направлении! – в голосе из коробки явно звучал страх. – Мы не успели его перехватить, легкое оружие неэффективно! Машина добралась до ущелья Гордой Змеи и продолжила движение по воде, нам пришлось отложить преследование!

– Вездеход... – прошептала Джамиля. – Сюда едет вездеход!!! Откуда?!

Валерия на миг зажмурилась.

– Не верю... – выдохнула она в бешенстве. – Не верю!!! Таких совпадений не бывает!!! Таких ИДИОТОВ не вылупляется!!! Что вы еще напортачили?!

– Б– б– больше ничего, неистовая... – выдавил голос из коробочки.

– Операция на объекте «ноль» удалась?

– Так точно! Все прошло по плану!

– Выходит, НЕ ВСЕ, да? – свирепо осведомилась юта.

– Мы уже связались с группой «эпсилон», они выслали к перевалу установку X12. Монтаж будет завершён через несколько часов, мы облучим всю Долину и обезвредим вездеход, где бы тот сейчас ни находился! Неистовая, на всякий случай, прошу развернуть в Оазисе пару огневых точек с тяжелым вооружением...

Валерия в бешенстве подпрыгнула и так сдавила коробку, что та сплющилась в блин. Однако гнев помешал юте заметить, что, подпрыгнув, она на мгновение выпустила из когтей Аоки. Юной аске не требовалось повторять приглашение.

Беззвучно и совершенно неожиданно, Аоки прямо с травы, не вставая, метнулась в молниеносный прыжок. Огромная юта не успела увернуться; аска рванула пастью ее шею, лишь чудом не разодрав горло, перекусила ремень автомата и, перекатившись по траве, вскочила, свирепо рыча на Валерию. Та хрипло вскрикнула, попятилась, уронив Наю и зажав лапой страшную рану у основания шеи.

– Оружие! Отгони ее от оружия! – закричала связанная Джамиля. Аска оценила совет и, хвостом, подтащила к себе автомат.

– Ная, освободи мою спутницу, – прорычала Аоки, не сводя глаз с Валерии. Потрясенная керраи, с трудом кивнув, доковыляла до места, где лежала Джамиля, и перекусила ее путы. Аскена сразу вскочила.

– Автомат! – она подхватила с земли оружие. Быстро осмотрела, провела пальцами по рукояти, сняла с предохранителя. Тем временем подбежала и Ная, Аоки хвостом обхватила ее за туловище и усадила себе на спину. Керраи судорожно

вцепилась в перья.

– Что, гадина? – свирепо прорычала Аоки, наступая на обливающуюся кровью и быстро слабеющую Валерию. – Не ожидала? Моя подруга знает, как использовать эти штуки!

– Ты пожалеешь! – пятась, выдохнула раненная юта.

Джамиля взяла автомат наизготовку и быстро огляделась.

– Надо уходить, – позвала она с тревогой, – Их слишком много!

– Сейчас, – хрипло отозвалась аска. – Ная, спустись – ка на землю...

Испуганная керраи молча послушалась. Аоки приоткрыла пасть, чуть присела, встопорчив перья вдоль спины, зашипела и, внезапно, с места прыгнула на огромную юту. Та попыталась увернуться, но габариты и масса делали ее несравнимо медленней; крохотная по сравнению с Валерией, аска в действительности была гораздо более опасной хищницей.

Два свирепых укуса, и Аоки отбежала назад, разорвав сухожилия на мощных ногах юты. Та, закричав от боли, свалилась на землю, Джамиля в ужасе попятилась.

– Что вам нужно в Долине?! – рывкнула Аоки, тяжело дыша. – Говори, гадина, пока я не прикончила тебя как нхорна!

Израненная юта подняла голову и, с ненавистью, посмотрела на аску.

– Давай, – сказала почти спокойно. – Думаешь, я боюсь смерти? Я боюсь остаться живой в вашем болоте.

– Аоки! – Ная в ужасе подбежала к подруге, вскочила ей на спину и дернула за перья. – Аоки!!! Бежим! Смотри, нас услышали юты!

Аска оглянулась. Несколько ют – самцов, к счастью, невооруженных, оглянулись на крики и уже неслись к месту битвы громадными прыжками, их бешеный рев был слышен даже отсюда. Аоки попятилась.

– Джамиля!

– Я... Не могу... – пролепетала аскена.

– Стреляй! Стреляй, пока нас не растерзали!!!

Судорожно сглотнув, Джамиля заставила себя кивнуть, опустилась на одно колено и прицелилась во врагов.

Скорострельность автомата превышала тысячу выстрелов в минуту, поэтому

длинная очередь буквально срезала бегущих ящеров. Обливаясь кровью и крича, они покатались по траве, двое так и остались лежать, остальные забились в конвульсиях. Валерия сделала отчаянную попытку броситься на Аоки, но перебитые ноги ее не слушались; юта упала, застонав от бессилия.

Джамиля опустила автомат и, с болью, зажмурилась. Аоки, слегка ошеломленная успехом, обернулась к Валерии.

– Что вам нужно в Долине? – спросила яростно.

Ная обхватила ее за шею:

– Беги! Беги, глупая! Их слишком много!

– Хвостом, – выдавила аска, глядя на Валерию с бешеной ненавистью. – Без Тари... Хвостом...

– Я не видела, как погиб Тари, – быстро прошептала Ная. – Лаэллин сказала, его похитили живьем. Я соврала, чтобы юта не ждала нападения!

Покачнувшись, Аоки чуть не рухнула в траву.

– Тари жив... – ее затрясло. – Ная... Гадина... Как... Как ты могла...

– Прости, я не подумала о тебе!

– Хррррр! – в глазах Аоки вспыхнул безумный гнев и, извернувшись, она схватила керраи за горло. Ная пискнула, зажмурилась, но аска в последний миг совладала с собой и ее окровавленные челюсти щелкнули в воздухе.

– В следующий раз... ДУМАЙ!!! – выдохнула Аоки. Перепуганная до полусмерти, Ная с дрожью закивала, и аска заставила себя разжать пальцы. Судорожно глотая воздух, керраи свалилась в траву.

Аоки несколько секунд стояла без движения. Подошла испуганная Джамиля, подняла Найю, усадила себе на спину. Наконец, совладала с собой и Аоки; глубоко вздохнув, она огляделась. Юты, находившиеся поблизости, лежали мертвые или умирающие, другие этого еще не заметили, но все могло измениться каждую секунду. Бросив последний взгляд на Валерию – та уже лишилась сознания от боли и потери крови – Аоки, свирепо выдохнув, дала знак друзьям и метнулась к изгороди из колючего кустарника. Нырнула под ветви, затаилась. Рядом тут же оказалась Джамиля, Ная цеплялась за перья на ее шее. Пару секунд все трое молча смотрели друг на друга.

– Прости... – выдавила Ная. – Прости...

– Потом обсудим, – сквозь зубы процедила Аоки.

– Ты... Какая-то... Страшная... – керраи сглотнула. – Не узнать...

Молодая хищница прищурила глаза.

– Я не слишком похожа на Тари, если ты пока не заметила. Я просто его люблю.

Что случилось с отрядом?

Ная в двух словах поведала о недавних событиях. Когда рассказ дошел до смерти Зайхана и похищения Тари, Аоки судорожно стиснула зубы.

– Гады... – выдохнула она, в бешенстве оглянувшись на далекие силуэты ют. – Гады!

– Кто твоя подруга? – Ная с опаской покосилась на Джамилю. – Откуда ей известно, как пользоваться этими штуками?

Молодая аскена отвела взгляд.

– Там, откуда я родом, все... Космонавты... Проходят начальную военную подготовку, – отозвалась глухо.

– Космонавты?

– Да, это... Такая работа, вроде целителя, – с болью объяснила Джамиля. – Я не хотела убивать, Аоки. Если б ты меня послушала, эти бедные существа остались бы живы, а мы...

– ...кусками валялись бы в траве, – оборвала аска. – Опомнись, сизая! Это враги! Они-то уж не стали бы колебаться, прежде чем порвать тебе горло!

– Ты тоже не особо колебалась, – возразила Джамиля. – Зачем покалечила зеленую юту? Она и так была ранена и уже не представляла угрозы, а ты обрекла ее на медленную и мучительную смерть!

Аоки криво усмехнулась.

– Так и задумывалось. Хватит о тварях, – аска дернула хвостом. – Ная, как ты пробралась в Оазис? Мы сможем вывести Хранителей этой дорогой?

Керраи замотала головой.

– Юты контролируют все проходы. Я маленькая, меня не заметно, потому и пробралась. Я не знаю, как вывести даже вас...

– Я никуда бежать не собираюсь, – свирепо заметила Аоки. Ная содрогнулась:

– Пожалуйста, пожалуйста, подумай о Тари, подумай о ваших будущих детях!

Тари не вынесет, если ты погибнешь!

– Иногда, чтобы выжить, надо быть смелее, чем от тебя ждут, – прорычала аска.
 – Я видела, как юты обращаются с теми, кто их боится. В своих краях, они обратили в рабов всех хатта и заставляют их работать, таскать грузы, лизать себе хвосты, а когда несчастные старятся или изнемогают, юты их попросту едят! Уже много лет, Ная! – Аоки передернуло. – Граа сказал, раньше они пытались точно так же поработить Долину... Лишить кого-то свободы, отобрать право решать собственную судьбу – рррра!!! – аска судорожно стиснула когти. – Это... Это чудовищно, это хуже, чем убить. Я никогда не смирюсь, даже через миллион лет, даже если мне придется прожить тысячу жизней и тысячу раз проиграть – я сплуну кровь, поднимусь в тысячу первый раз и буду сражаться с этими тварями... До последнего вздоха... До последнего лучика света... – Аоки зажмурилась, дыхание со свистом вырывалось из ее ноздрей. Нае стало по-настоящему страшно – страшнее, чем когда юты гнались за нею по лесу. Джамия с удивлением и тревогой глядела на подругу.

– Мы... Должны как-то пробраться к ущелью Гордой Змеи... – выдавила она, помолчав. – Там вездеход, юты готовят ему ловушку. Ная, – Джамия обратила взгляд на пушистую керраи. – Боюсь, это задание для тебя, мы с Аоки слишком заметны...

– Нет, – резко отозвалась аска. – Есть план получше. Мне известно, где держат рабов. Мы отвлечем внимание и спасем Хранителей! За мной! – она выбралась из кустов и, крадучись, бросилась вперед. Растерянные, Джамия и Ная были вынуждены спешить следом.

Глава 9

Лаэллин вышла из транса столь же неожиданно, как в него провалилась. Мгновением раньше она с радостью, хоть и смешанной с тревогой, глядела на живого и почти невредимого Тари, на спине которого почему-то сидел Врум. Остановленное

время застало друзей в степи, у подножья гигантского утеса– останца; чуть дальше, на шипах палеокактуса, Хранительница с удивлением обнаружила мертвого кассанида. Так, или иначе, задание было выполнено – теперь они с Каураном знали, где искать кристалл. Хорошо бы еще понять, каким образом Тари и Врум сохранили рассудок за горами...

Едва подумав «задание выполнено», Лаэллин почти мгновенно провалилась в новую огненную воронку, чтобы спустя еще секунду очнуться в норе рядом с магом. Хранительница вскрикнула, сжалась, до сих пор чувствуя силу и грацию ее «воображаемого» драконьего тела. Кауран, явно изможденный, улегся на землю и опустил голову на лапы.

– Обстановка сложнее, чем я думал, – произнес он негромко.

– Научи меня магии! – выдохнула Лаэллин. – Я должна... Должна туда вернуться! Это целый мир, неизведанный и прекрасный! У меня были крылья!

– Весь этот мир и сейчас внутри тебя, – отозвался нхорн. – Никакая магия не подарит крыльев, коли их не было с рождения. Прислушайся к себе, Хранительница, и поймешь, что крылатой была всегда, – он вздохнул. – Я не люблю покидать дом. Но в этот раз мне придется пойти с тобой. Слишком многое поставлено на карту.

Хранительница с трудом поднялась на ноги и охнула от боли в еще не совсем заживших ребрах.

– Я не могу сейчас бежать на поиски Тари, – сказала она горько. – Прости. Я должна предупредить Оазис о страшной опасности.

– Юты? – Кауран чуть заметно улыбнулся. – Вам они не опасны.

– Я считаю иначе.

– Долина ютам не нужна, – сурово отозвался маг. – При желании, они захватили бы вас столетия назад. Сейчас юты активизировались, поскольку узнали о находке Ахава. О пророчестве.

Лаэллин сильно вздрогнула.

– Он говорил, «осталось меньше года», – сказала тихо. – Тебе известно, о чем предупреждал кассанид?

Нхорн покачал головой.

– Нет. Для этого я должен получить нааарен.

Хранительница вздохнула.

– Тогда нам придется разделиться. Я обязана предупредить Оазис.

Кауран помолчал, мрачно глядя на заврию.

– Это неправильное решение.

– Извини, – Лаэллин попятилась и, хромая, выбралась из норы. – Извини. Нам часто приходится решать сердцем, а не разумом, но только не сейчас. Долина важнее меня, важнее Тари.

– Если Ахав не ошибся, Долине осталось существовать менее года, – сухо возразил маг. – Нападение ют смехотворно и незначительно по сравнению с его открытием.

Хранительница на миг заколебалась, но решительно мотнула головой.

– До катастрофы еще год, а Оазису грозит гибель прямо сейчас. Я вернусь, Кауран – вернусь, как только предупрежу друзей. Жди меня!

– Нет, – резко ответил маг. – Я иду с тобой.

Он что-то приказал своей самке на лающем, отрывистом языке, лизнул детеныша в нос и выбрался из норы следом за Хранительницей. Та облегченно перевела дух.

– Спасибо. В какой стороне отсюда Оазис?

Нхорн молча указал. Лаэллин, хромая, поспешила вперед, маг беззвучно бежал следом.

Минуты превращались в часы, тропа петляла среди деревьев. Местных жителей почти не было видно, лес казался вымершим. От тревоги, и боли в заживающих ранах, Лаэллин дышала хрипло и тяжело; обычно выносливая и быстроногая, сейчас она бежала с огромным трудом. К счастью, местность уже становилась знакомой – Хранительница и ее мрачный спутник приближались к Оазису с северо-запада, огибая пустыню Даяк слева. День уже клонился к вечеру, когда измученная Лаэллин, задыхаясь, выбралась из-под деревьев и увидела вдаль родной луг Плачущих Звезд.

– Почти добрались... – выдавила она, дрожа от усталости. Нхорн молча приблизился и тронул Хранительницу за ногу; Лаэллин ощутила мощный приток энергии, боль в мышцах стихла, разум прояснился. Ахнув, заврия оглянулась на мага.

– Где ж ты раньше был?!

– Силы нужнее сейчас, чем в лесу, – отозвался нхорн. – Делать это часто не стоит. Вызывает... Привыкание.

Лаэллин глубоко вдохнула.

– Ясно, – она оглядела луг, принялась. – Боюсь, мы опоздали. Здесь всегда прогуливаются сотни хатта и хитти, в небе летают птераны... – Хранительница зажмурилась от волнения и боли. – Мы же просто хотим жить, кому мы мешаем?!

Маг не ответил. Помолчав, Лаэллин с силой хлестнула себя хвостом и рванулась вперед, Кауран бежал следом. Они быстро пересекли луг и притаились под деревьями на холме, откуда открывался отличный вид на Оазис. Картина, представшая глазам Лаэллин и ее мрачного спутника, вызывала трепет.

В Оазисе шел бой. Огромное стадо травоядных гигантов, в основном тяжелых дзалахатта и ирем– хатта, сомкнутым строем наступало на группу вооруженных ют, которые пятились и рычали, дергая длинными хвостами. Автоматы были направлены на стадо, однако юты, почему–то, не спешили начинать бойню. Приглядевшись, Лаэллин догадалась о причине столь нетипичного миролюбия: через спины передовых дзалахатта, окровавленные и связанные, были перекинута две зеленые юты– самки. Их держали под прицелом сидевшие на соседних ящерах, будто на лошадях, необычные всадницы – изумрудная аска и сизо– бурая аскена, обе молодые, обе с автоматами. При виде этой картины, потрясенная Лаэллин чуть не утратила равновесие.

– Аоки! – прошептала она, в ужасе наблюдая за боем. – Моя бесстрашная ящерка!

– У них не получится, – сухо сказал нхорн. – Взгляни направо.

Хранительница мгновенно обернулась и вскрикнула. Метрах в пятистах от поля боя, на другом холме, несколько ют поспешно устанавливали прибор, напоминавший увеличенный в десять раз автомат на поворотном станке. Лаэллин, конечно, не знала принципа действия оружия, но простая логика ей подсказывала – если нечто маленькое несет смерть, то аналогичный предмет гораздо больших размеров принесет смерть еще более быструю.

– Им надо помешать! – Лаэллин вскочила. – За мной!

– Не шевелись! – резко оборвал нхорн. – Я сам.

Он скользнул в траву и мгновенно пропал. Ошарашенная и испуганная, Лаэллин прижалась к стволу дерева. В Оазисе, тем временем, кажется начались переговоры – один из ютов демонстративно передал автомат товарищу и вышел вперед, подняв лапы в мирном жесте. Ему навстречу выехала сизая аскена, оставив Аоки следить за пленными самками.

Лаэллин перевела взгляд на соседний холм. Там уже закончили установку стационарного орудия, и сейчас двое ют в странных шлемах наводили его на Оазис.

– Кауран, ну же... – в страхе прошептала Хранительница. – Торопись!

Восставшие завры в Долине не замечали опасности – они еще не привыкли, что враг не обязательно должен находиться прямо перед глазами. Аскена о чем-то спорила с ютом, размахивая хвостом и поминутно тыча лапкой в сторону пленнх самок, Аоки грозно водила автоматом из стороны в сторону. А наводчики на холме уже готовились стрелять – мгновение, и Оазис накроет шквал смертоносного излучения!

Лаэллин вскочила. Нхорн не успел или испугался, теперь нет выбора! Чувствуя, как от волнения закипает кровь и сердце рвется из груди, Хранительница бросилась на врагов, прекрасно понимая, что не успеет даже добежать. Ей было все равно.

Лаэллин и в самом деле опередили – только не юты. Позже, она часто пыталась вспомнить, что же произошло на холме, но все случилось слишком быстро. Бегущая и взволнованная, Лаэллин прозевала момент, когда атаковал нхорн.

Казалось, вершину холма на мгновение скрыл дымный шар. Но потемнел не воздух – потемнел СВЕТ, лившийся с неба. Мрак моментально собрался в тошнотворные, пупырчатые прожилки, растянувшиеся между ютами. Несчастные ящеры не успели даже закричать; нити мгновенно опутали их и стянулись, взрезая плоть, выдавливая внутренности из горла. Лаэллин вдали резко остановилась, будто наскочила на стену.

Секунда, и страшный шар темного света погас, унеся с собою смертоносные прожилки. На залитую кровью траву обрушились шесть искромсанных в клочья тел, не было даже конвульсий. Хранительницу скрутило в спазме, она упала на колени, ее вырвало. Не в силах видеть ТАКОЕ, Лаэллин в ужасе закрыла лицо лапками.

Прошла почти минута, прежде чем из травы показался нхорн. Хранительница отпрянула, с таким страхом глядя на Каурана, что тот даже усмехнулся. Усевшись по–

собачьи, маг обернул ноги широким пушистым хвостом.

– Опасность устранена, – сухо произнес Кауран. – Способ вторичен.

– Что это было? – прохрипела Лаэллин, не в силах даже смотреть на холм. – Что... Что ты сделал?!..

– Устранил опасность.

– Зачем?! – с мукой выдохнула трепещущая заврия. – Почему ТАК?!

– Мертвому без разницы, что происходит с его телом после смерти. Можешь верить пожирателю трупов, я в этом разбираюсь, – нхорн легонько фыркнул. – Юты умерли моментально и без мучений. Остальное – просто побочный эффект, и значения он не имеет. Важен результат. Цель всегда оправдывает средства.

– Очень редкая цель, – тихо отозвалась Лаэллин. Ее трясло. – Ты чудовище, Кауран. Ты зверь.

– Я дальше от зверя, чем любой из вас, – сурово возразил маг. – Я рационален и руководствуюсь разумом, а не эмоциями. Быстро и безболезненно убить врага – лучше, чем позволить врагу долго и мучительно убивать друзей. Вот мое кредо.

Содрогнувшись, Лаэллин с трудом встала на ноги. Смотреть на окровавленный холм она просто не могла.

– Опасность еще не миновала, – выдавила заврия. Кивнула в сторону Оазиса. – Им надо помочь, только НЕ ТАК!!! НЕ ТАК!!!

– В твоей просьбе кроется противоречие, – заметил маг.

– Мы живые существа! Мы состоим из одних противоречий!

Нхорн растянул губы в тонкой усмешке и ничего не ответил. Следом за Лаэллин, он направился к Оазису, где только сейчас заметили трагедию на холме.

Юты, ошарашенные открывшимся вдали зрелищем, невольно пятились, переводя взгляды со стада могучих хатта на хрупкую Лаэллин и обратно. Аоки встретила ее появление ликующим воплем, незнакомая сизая аскена с опаской разглядывала Хранительницу. На нхорна, как обычно, никто не обратил внимания.

Когда Лаэллин уже приблизилась, один из ютов, зарывав, наставил на нее автомат, но тут же вскрикнул, дернулся и уронил оружие. Все прочие юты также с воплями побросали автоматы. Испуганная Лаэллин бросила взгляд на Каурана – тот невинно прынул ушами.

– Меня просили не убивать...

– Что ты сделал?! – прошептала шокированная Хранительница, глядя, как юты пробуют вновь поднять автоматы и, с шипением, отпрыгивают назад.

– Заставил их думать, будто оружие раскалено, – бросил нхорн. – По–настоящему раскалять – опасно, может взорваться.

Лаэллин сглотнула и, с громадным трудом, заставила себя кивнуть. Могущество черного зверя начинало ее серьезно пугать. Если Ахав был таким же...

– Хранительница! – Аоки «пришпорила» своего скакуна, юного ирем– хатта, и подскакала вплотную, отдав салют автоматом. – Ты жива! Ная сказала, что отправила тебе на помощь целый отряд керраи, но те не сумели тебя отыскать!

– Ная здесь? – Лаэллин облегченно вздохнула. – Вот умница...

– Еще какая! – рассмеялась Аоки. – Хранительница, мы отбили Оазис! У нас самки этих тварей, скоро юты навсегда уберутся из Долины! Мы победили!!!

– Не торопись, – тихо сказала Лаэллин, тяжело дыша от запаха свежей крови. – Расскажи, что здесь случилось? Где Хранители?

Аска весело рассмеялась.

– В безопасности и уюте, Лаэллин! Утром мы устроили среди рабов бунт, отвлекли внимание врагов, и Ная с отрядом сородичей помогла вывести Хранителей из Оазиса. Их укрыли в непролазных чащобах, где керраи замели все следы! Это дало нам возможность заняться тварями... – Аоки метнула на ют такой взгляд, что ближайшие невольно зашипели. – Они так трепещут над своими драгоценными самками, что не смеют и хвост поднять! Мы победили!

Подъехал второй ирем– хатта, на спине которого сидела юная сизая аскена. Они с Аоки, единственные среди защитников Долины, были вооружены трофейными автоматами.

– Хранительница, – аскена с почтением кивнула. – Мое имя Джамия, я помогла Аоки вернуть контроль над Оазисом. Прошу, урезоньте ее. Аоки хочет изгнать ют из Долины, а потом зарезать пленных...

– Что б неповадно было! – рявкнула аска. Лаэллин, содрогнувшись, перевела взгляд на испуганную кучку ютов.

– Мы никого не убиваем, если без этого можно обойтись, – твердо сказала

Хранительница. – Слышите, вы? – она подняла голос, обращаясь к ютам. – Даю слово, ваших самок отпустят целыми и невредимыми, как только вы покинете Долину!

– Но вначале пусть сдадут оружие, – взволнованно встала Джамиля. Лаэллин кивнула:

– Да! Ваши смертоносные палки останутся здесь!

Один из ют, гневно дыша, выступил вперед.

– Вы серьезно полагаете, что победили? – спросил он в ярости. – Да мы за вас даже не брались пока! Одна скорострельная установка на перевале, и как вы тогда запоете? А у нас и штурмовики есть! Летящие!

Джамиля нервно сглотнула.

– Хранительница, позволь с ними поговорить! – взмолилась она. – Я хорошо разбираюсь в... вещах, которыми грозит этот ящер.

Лаэллин кивнула.

– Конечно, поговори.

– Я бы тоже поучаствовал, – с легкой насмешкой вставил Кауран. Джамиля, похоже, только сейчас заметила мага и сильно вздрогнула.

– Лисица?!

– Нхорн, – буркнула Аоки.

Лаэллин вскинула голову.

– Знакомьтесь, наш верный друг и спаситель Кауран, – сказала она жестко. – Все мы живы только благодаря его способностям.

– Сейчас не время раздавать комплименты, – отозвался черный зверь. – Юты скоро опомнятся и превратят Оазис в кровавое месиво. Им достаточно вызвать танк или хOVERкрафт, чтобы все ваши победы обратились в ничто.

– Слушайте пушистика, пушистик дело говорит, – злобно вставил ют, следивший за разговором издали. Лаэллин гневно выдохнула.

– Что ты предлагаешь? – спросила у нхорна. Тот покачал головой.

– Вы абсолютно беззащитны перед таким врагом, а союзников равной силы привлечь не успеете, у них сейчас и так проблем хватает.

– У кого? – не поняла Аоки. Нхорн сверкнул на нее глазами.

– Скоро узнаете. Сейчас важно понять: чтобы избежать смерти, у Долины лишь

один путь, – он клацнул зубами. – Вам придется идти на соглашение с ютами.

– Никогда! – прорычала Аоки.

– Это решать не тебе, юная амазонка, – сухо возразил Кауран. – Лаэллин, я рекомендую предложить ютам совместную экспедицию в Дар– и– нур. Это их цель, ради нее была захвачена Долина, но ирония в том, что вам требуется то же самое. Ютам и Оазису вообще незачем враждовать.

– Дар– и– нур? – переспросила Лаэллин. – Но нам ведь неизвестно, где он!

– Среди вас есть тот, кому известно, – спокойно ответил маг.

– Ты?

– Ахав.

Повисла тишина, головы обернули даже молчавшие до сих пор, плененные юты– самки. Одна из них, с перевязанным горлом и безвольно висящими окровавленными лапами, свирепо щелкнула челюстями.

– Я знала, – хрипло прорычала Валерия. – Я знала, что здесь нечисто!

– Решение напасть на Долину было глупым и бессмысленным, – резко ответил Кауран. – Вполне в вашем характере.

Аоки, свирепо хлеща хвостом, вышла вперед и встала между нхорном и Лаэллин.

– Мы не пойдем на соглашение с ютами, – сказала она в бешенстве. – Они убийцы и поганые рабовладельцы. Они до смерти запытали раненного старого Граа, убили Хранителя Зайхана, десятки наших товарищей, угрожали гнездам! Они похитили и, быть может, уже погубили моего Тари! Если ты, Лаэллин, попытаешься заключить с ними мир, я уйду в горы с отрядами моих единомышленников, и буду убивать этих тварей одну за другой, пока бьются наши сердца! Я сказала! – она встопорщила хохолок перьев и, рывком, отвернулась, сжимая и разжимая пальцы на рукояти автомата. Слова аски вызвали большой резонанс в стаде хатта, многие одобрительно заревели, затопали лапами, юты вдали гневно зашипели. Хранительница стиснула зубы.

– Мы не имеем права ссориться! – крикнула она, в отчаянии обводя взглядом разъяренных динозавров в обеих группах. – Молю, задумайтесь! Осталось меньше года до катастрофы что уничтожит нас всех, и хатта, и хитти, и ютов! Как вы

рассчитываете выжить, если грызетесь друг с другом?!

Рядом с Хранительницей встала Джамия, прыгнув со своего ирем– хатта. Молча подняв над головой автомат, она показала его всем ящерам, рывком отсоединила магазин и бросила оружие на землю.

– Довольно вражды! – крикнула аскена. – Довольно смертей! Я насмотрелась на них и дома! Вы сами не понимаете, какое сокровище вам досталось, – Джамия обвела лапкой живописную Долину. – Это место может стать раем! Раем и колыбелью новой жизни! Так пусть станет! Довольно вражды!

– Ага, вот прямо сейчас кинутся друг– друга вылизывать, – зло фыркнула Аоки. – Джамия, не делай глупостей. Ты отличный стрелок, тыгодишься в отряде мстителей!

– Не будет никакого отряда, – прорычала Лаэллин.

Аоки сузила зрачки:

– Лучше не становись на моем пути.

– Я и не пытаюсь, – Хранительница резко шагнула вперед. – Я попрошу об этом Тари!

Аоки отпрянула.

– Он жив?!

– Да! Я видела Тари и Врума, они в безопасности. Так что остынь и умерь ненависть! – Лаэллин топнула ногой. – Я не меньше твоего скорблю о смертях, и так же горю мстостью, но Долина важнее нас! Важнее эмоций! Если ты сорвешь мирные переговоры, ты погубишь всех! – Хранительница свирепо схватила Аоки за плечо и трянула. – Опомнись, наконец! Приди в себя! Подумай о своих будущих детях! О детях Тари, которого ты любишь! Не лишай его счастья, он такого не заслужил!

Аоки, кусая губы, дергала хвостом, яростно переминаясь с ноги на ногу. Наконец, в бешенстве выдохнув, она повесила автомат на шею, развернулась и, громадными прыжками, умчалась прочь. Джамия хотела броситься следом, но Лаэллин поспешно ее удержала.

– Нет, – Хранительница покачала головой. – Пусть сама успокоится. Она еще не умеет мыслить шире собственных страстей. Приносить себя в жертву интересам коллектива.

Кауран фыркнул.

– Не много ли ты требуешь от пернатой ящерицы?

– Не меньше, чем потребую с любого, – твердо отозвалась Лаэлин. – Мы должны научиться жить в мире, если мы хотим жить. Слышите? – она обернулась к растерянным ютам. – Еще недавно я верила, что Долина, где я вылупилась – прекрасна и гармонична. Теперь я знаю, что живу в клетке! – Лаэлин трепетала от волнения. Шум и гомон стихли, динозавры из обеих групп с вниманием слушали Хранительницу.

– Мы скрывали от птенцов правду, – с горечью сказала Лаэлин. – Мы, Хранители, позабыли о смысле этого слова. Мы верили, что если спрятать голову в песок – опасность минует. Но так не будет! – с болью крикнула заврия. – Пора открыть глаза! Долина наш дом, и она же – клетка! Тюрьма для разума! Что за будущее у наших народов? Ради чего мы живем?! – спросила она в ужасе. – Вы понимаете? Никакой катастрофы через год не потребует, мы и так обречены! Обречены собственным образом жизни! Мы не используем наш разум, не делаем ничего, чтобы заслужить такой дар!

– Лаэлин... – маг прищурил глаза. – Вы меня удивляете.

– Поздно удивляться, – хрипло отозвалась Хранительница. – Поздно. Мы звери, загнанные в тесную клетку, и точно как звери, грыземся за местечко у прутьев. Вы действительно хотите, чтобы все так и осталось? – с чувством спросила она у напряженно слушающих ящеров.

Израненная Валерия внезапно расхохоталась хриплым, лающим смехом.

– Bravo! – выдохнула она. – Bravo. Нам всего-то пришлось заплатить двумя десятками жизней, чтобы жалкая травоядная ящерица открыла мутные глаза и принялась к истине.

Юта свирепо клацнула зубами.

– Мирные переговоры? – прошипела она, с презрением глядя на Лаэлин. – Назови мне одну причину, зачем вести переговоры с ДОБЫЧЕЙ!

– А вот на это отвечу я, – внезапно сказал Кауран. Поднявшись с травы, он молча приблизился к связанной юте и встал перед ней, снизу– вверх глядя на гигантскую заврию. Помолчал, видимо, собираясь с силами. И неожиданно, прямо на глазах у пораженной толпы, все юты, что толпились поодаль, с хрипом похватились за сердца

и рухнули в траву. Все разом.

– Думаешь, вы свободный народ? – жестко спросил нхорн у оцепеневшей Валерии. – Думаешь, вам открыта истина, а жалкие твари в Долине влечат животную жизнь?

– Что ты сделал?! – прохрипела юта. – Что с моими птенцами?!

– Я просто на миг обратился к функции, заложенной еще вашими создателями, – сухо ответил Кауран. Он дернул хвостом, и юты, валявшиеся в траве, с жестоким кашлем скрутились в судорогах, вновь обретя способность дышать. Попятилась даже Лаэллин.

– Вы цепные псы, – беспощадно сказал маг. – Вас создали, чтобы хранить Долину от диких зверей. А чтобы псы не обратились против создателей, в вас внедрили контрольный переключатель. Я делаю вот так! – он щелкнул когтями, и Валерия захрипела в агонии, а вторую самку скрутил спазм. – А теперь так! – еще щелчок. Юты, раскрыв пасти, жадно вдохнули воздух.

– Теперь понимаешь, «неистовая»? – насмешливо спросил Кауран. – Ты не гордая дочь свободного племени. Ты овчарка. А это, – он кивнул на стадо испуганных динозавров, – Это твои овцы. Все в Долине задумано рационально, логично и грамотно. Именно поэтому только юты и нхорны испытывают голод. Мы падальщики – мы очищаем Долину от трупов. Вы охранники. Вы живете на границах и свирепо убиваете пришельцев. Так все задумывалось, так все и было, пока однажды, давным-давно, хозяева внезапно не бросили свою ферму. С тех пор собаки заметно одичали, а овцы, наоборот, поумнели!

Повисла чудовищная, страшная тишина. Лаэллин оцепенела, Джамиля в ужасе закрыла глаза. Валерия, раскрыв пасть, молча смотрела на нхорна.

– Это... Это ложь... – выдавила она, наконец.

– Ты прекрасно знаешь, что я говорю правду, – холодно отозвался маг. – Ты всегда это знала, но запрещала себе верить. Теперь поверить придется.

Он резко указал лапой на Лаэллин.

– Вы были созданы, чтобы их охранять, а не пожирать. У них никогда не было против вас ни малейшего шанса.

– Однажды нас чуть не истребили в Долине! – прохрипела вторая самка.

– Верно, – усмехнулся Кауран. – Сказать, кто руководил той зачисткой? У кого достаточно ума и жестокости? И рационализма, чтобы не до конца перебить одичавших собак?

Все в ужасе уставились на черного зверя. Лаэллин попятилась.

– Вы? Это сделали вы?! Нхорны?!

– Мы, в отличие от ют, никогда не забывали о своих обязанностях, – жестко произнес маг.

Валерия судорожно сглотнула.

– Зря ты это сказал, пушистик... – прошептала она, пожирая глазами черного зверя. Нхорн усмехнулся.

– Я хочу, чтобы юты и Хранители прекратили ненавидеть друг друга. А мой народ... Мы вам не по зубам, неистовая.

Он шагнул вперед и негромко спросил:

– Ты ведь в курсе, что нхорны сохраняют рассудок в прериях без помощи кристаллов? Как думаешь, мы ограничимся одной долиной и не заселим все континенты?

Валерия так отпрянула, что едва не свалилась со спины дзалахатта. Лаэллин раскрыла пасть.

– Кауран! Что ты говоришь?!

– Вообще–то, тайну, – холодно ответил маг. – Но сейчас уже нет смысла ее хранить. Да, ящерицы. Вы смотрите на представителя единственной подлинно–разумной расы Земли. Нхорнам не требуются наарен, чтобы мыслить. Мы хозяева планеты, а не дрессированные зверюшки.

Шокированная Лаэллин молча взглянула на Валерию. Та, скрипнув зубами, коротко кивнула.

– Освободите нас.

– Так прямо? – Хранительница прищурила глаза.

– Хватит придуриваться! – огрызнулась юта.

Лаэллин помедлила, но затем, решительно дернув хвостом, подошла к испуганному дзалахатта и перекусила веревки. Валерия бессильно упала в траву, вторая юта сразу к ней подбежала.

– Помогите, – Лаэллин позвала толпившихся вдали самцов. Несколько ящеров, встрепенувшись, похватали с травы свои автоматы и бросились на выручку израненной самке. Перебитые ноги Валерии беспомощно волочились.

Некоторое время она, хрипло дыша, полувисела, опираясь на спины самцов. Наконец, собравшись с силами, юта подняла голову и, в упор, взглянула на Лаэллин.

– Я отправлюсь в Дар–и–Нур с вами, – сухо сказала Валерия. – И эту тварь мы тоже возьмем, – выдохнула она, не глядя на Каурана. Тот усмехнулся.

– Сначала приведи себя в форму, ящерица.

– Не беспокойся, – глухо прорычала Валерия. – Может, мы и были созданы, как собаки, но сегодня от нас и волки бегут.

Все юты свирепо оскалились, вторая самка распушила перья. Валерия бросила им жесткий приказ.

– Что же касается той аски, которая меня... Покусала... – юта клацнула челюстями. – Попросите и ее присоединиться. Будет весело. Это все! – рявкнула Валерия. – Встреча на северном перевале через два дня! НЕ СОВЕТУЮ опаздывать!

Самцы подхватили раненную правительницу и стремительно поволокли прочь. Другие юты, рыча и скаля зубы, поднимали с травы оружие, огрызались на динозавров. Было, однако, заметно, сколько огромным авторитетом пользуется Валерия; ни один хищник не нарушил ее приказа и, спустя полчаса, захватчики растворились вдали. Потрясенные и до сих пор не на шутку испуганные ящеры долго хранили молчание, не веря, что вторжение могло вот так завершиться.

Первой, тишину нарушила Джамия.

– О каких союзниках ты говорил? – спросила она, приближаясь к нхорну. – О тех, чей вездеход едет с севера? Кто они?

Маг бросил на аскену внимательный взгляд.

– Позже. Сейчас нет времени.

– И как ты намерен выпутываться? – сухо осведомилась Лаэллин. – Ты сознаешь, что нажил для своего племени самых смертоносных и безжалостных врагов на планете?

– Моего племени? – Кауран фыркнул. – Дети Ночи не относятся к стадным видам, Лаэллин. Мы одиночки. Мне хвостом на «племя», я не обладаю альтруизмом.

Хранительница покачнулась.

– Ты что... – она задохнулась, – Ты... Ты СОЛГАЛ?! Ты все выдумал?!

– Естественно, – черный зверь невинно прянул ушами. – Откуда мне знать, кто на самом деле истреблял ютов столетия назад? Цель оправдывает средства, Лаэллин. Я перенаправил агрессию и добился перемирия. Все остальное – побочный эффект.

Лаэллин просто села на хвост, раскрыв пасть. Джамиля покачала головой.

– Поразительно...

Нхорн усмехнулся.

– Я рационален.

Сизая аскена со вздохом отошла в сторонку, но внезапно оцепенела. Широко раскрыла глаза.

– Боже... – она покачнулась и медленно, не в силах поверить, обернулась. – Господи... Ты... Вы... Как ваше имя?!

– «Господи»? – маг прищурил глаза. – Давненько я не слышал этого слова. Кто ты?

– Я со станции «Феникс»!!!

Нхорн отпрянул. Медленно растянул губы в ухмылке.

– Джамиля?

– О, боже... – аскена буквально посерела, у нее встопорчились дыбом все перья. – Птальяпа!!!

– В некотором смысле.

– Вы, здесь?! В этом... Этом... Теле?!

– Я привык менять тела, – сухо отозвался нхорн.

Потрясенная Джамиля зажмурилась, беспомощно дергая хвостом. Видя ее состояние, Лаэллин приблизилась и положила лапку ей на плечо.

– Ты в порядке? – спросила участливо.

– Хранительница! – прошептала аскена. – Этот зверь... Нхорн... Он из моего мира, мы раньше были знакомы! И вместе по... По... – Джамиля сглотнула, – ...погибли.

– Погибли?!

– Да... Только... – растерянная Джамиля оглянулась на Птальяпу. – Я не

понимаю...

– Вот уж новость, – фыркнул пушистый маг.

Часть 3

Пролог

ЗА ТО, ЧТО ВЕРНЫ
 МЫ ПТИЦАМ ВЕСНЫ,
 ОНИ И ЗИМОЙ
 НАМ СЛЫШНЫ,
 ЛЮБИМАЯ...

(ПЕСНЯ)

Они стояли на перевале – маг, воительница и менестрель. Они смотрели, как восходящее Солнце озаряет дикие прерии потоками бесконечно– золотых искр.

Солнце одно на всех, думал менестрель. Там, в неведомых далях, оно такое же, как здесь. А значит, пока сияет на небесах ближайшая звезда – нет чужих краев. Все мы живем под Солнцем. Мы всегда дома...

Солнце так одиноко, думала воительница. Оно пылает во тьме, как сердце, что некогда разорвалось от горя. Мы греемся у костра, где горит чье–то счастье. Мы всегда, всю жизнь, кого–нибудь пожираем.

Что может быть бесполезнее Солнца? – размышлял маг. Торжествующий хаос.

Коверкающий само пространство, бушующий миллиарды лет взрыв. Если собрать энергию, что Солнце испускает за секунду – ее хватит, чтобы целый город на тысячи лет позабыл о зимах. Сколь глупо, бессмысленно и неэффективно растрачивать такие ресурсы на солнечный ветер!

Они стояли на перевале, глядя, как мир вдали заполняет ликующий свет. И в один миг, в одну бесконечно малую долю мгновения – им, всем троим, открылась простая истина.

Мир был прекрасен.

Глава 1

Огоньки на панелях мерцали в убаюкивающем ритме. Пять– двенадцать– три– четыре, пять– двенадцать– три– четыре... Громов поймал себя на мысли, что хорошо бы добавить к индикаторам подписи, а то «туристы» думают, что техника бутафорская. Привыкли иметь дело с оборудованием, которое умнее хозяев, избаловались всякими холо– экранами да сенсорами. А старый добрый аналоговый вольтметр многие уже попросту не узнают – спрашивают, почему стрелка одна. Часы, блин.

Громов вздохнул. Пять– двенадцать– три– четыре... Неплохо. В прошлый раз было пять– десять– два, а в нижнем ряду не горел ни один диод. Прогресс, как говорится, налицо. А также на задницу, передницу, своячницу и суповницу.

– Иволга на связи, – сказал Громов, повернув колечко наплечного терминала. – До генераторной добрались без приключений. Судя по приборам, отказало два высоковольтных контура и один выпрямитель. Тороидальные работают все.

– Все двенадцать? – недоверчивые нотки в голосе Метелина вынудили Громова хмыкнуть.

– Подозрительно, а?

– Да уж...

– Впору искать глюки в панелях.

– Типун тебе на язык!

– Хе– хе, – Громов почесал нос. – Ладно, раз такое дело, я сначала полезу к торовикам. Лампы лампочками, да что–то не верится.

– Давай. Туристы шалят?

Хмыкнув, бригадир оглянулся на дверь. Отсюда был виден лишь фрагмент гусеницы вездехода.

– Не– е, все тихо. Пуганные, видать. Конец связи.

– Принято.

Рация умолкла, а Громов, со вздохом, потер мозолистые ладони о грубую ткань комбинезона. Туристы, блин. Пуганные. Небось, считают себя героями, раз напросились в рейд к внешнему периметру. Хоть бы разочек, ну хоть кто–нибудь из них спросил – Иван Иваныч, а что будет с вами, коли мы напортачим? А вас правда могут под трибунал? А здесь в самом деле опасно?

Хмуря густые брови, бригадир Иван Громов вышел из бункера и смерил окрестности внимательным взглядом. Вездеход, конечно, распугал всю живность на километры, но с местными зверюшками держи ухо востро, тут до хрена тварей, которые не то, что вездехода – краулера не побоятся.

– Народ, в общем, так, – сказал он, вдавив клавишу коммуникатора у носового люка. – По приборам, барраж в порядке, но я давно разучился верить одним приборам. На проверку уйдет с полчаса, ну, может час, не больше. Из машины не высовываться, пока не дам отмашку, ясно? Напоминаю, все замки имеют счетчик срабатываний. Коли вернусь, да увижу, что вы открывали хоть форточку – тут, братки, выговором не отделаетесь, дошло? Прием.

Ответ раздался сразу:

– Дошло, Иван Иваныч, конечно.

– Вот и ладушки... – пробормотал Громов. Вздохнув, он потянулся, всем телом впитывая живительное тепло утреннего солнца. Столь ласковое утро предвещало жаркий денек, благо погода стояла идеальная, ни ветерка, ни облачка. Сейчас бы на озеро, да с детишками... Рыбку ловить... А не лазить по замасленным шахтам...

Крякнув, бригадир покачал головой и направился к бункеру. На всяком курорте, как он слишком хорошо знал, найдутся и сторожа, и электрики, и мотористы.

Сегодня у Ивана было хорошее настроение, так что работа спорилась. Один за другим, все гигантские тороидальные трансформаторы были извлечены из черного вониючего масла, просвечены вдоль и поперек, испытаны на удвоенной рабочей нагрузке и погружены обратно. Как ни странно, они действительно оказались в отличном состоянии – приборы не лгали. Четыре тысячи лет непрерывной работы, и ни единого пробоя! Громов озадаченно почесал в затылке.

Когда последняя шахта была наглухо задраена на следующие сорок веков, настал черед высоковольтных контуров. Здесь чудес не ожидалось; оборудования, способного выдержать такие нагрузки без сбоев, просто не могло существовать. И действительно, два из шести контуров перегорели много веков назад, а оставшиеся находились в ужасной форме и, почти одновременно, вышли из строя пока Громов их проверял. Что ж, тем лучше – не придется гадать, который из контуров нуждается в замене...

По сравнению с простейшей, чудовищно примитивной техникой, которая использовалась во всем внешнем периметре, ремонтный дроид казался пришельцем даже не с другой планеты, а из другой Галактики. Громов невольно хмыкнул, глядя, как тысячерукий робот деловито снует по генераторной, микрон за микроном восстанавливая каждый узел в соответствии с чертежами. Поглядел бы он, как этот муравьиный хай–тек продержится без людей хотя бы четыре года, а не тысячелетия.

Громов любил внешний периметр – его нарочитую, грубую простоту, его стократный и двухсоткратный запас прочности. Здесь он ощущал спокойствие. Доисторические приборы с минеральным стеклом в смешных латунных зажимах, кабели толщиной с бедро, залитые натуральной древесной смолой контрольные платы из хрустящего коричневого гетинакса, обладавшие заводской гарантией в два миллиона лет непрерывной работы. Техника производила впечатление невероятной надежности, основательности, качества. Абсолютно все узлы дублировались минимум четырежды, а особо важные, как торовики – по десять и более раз. Перестраховка? Плевать на перестраховку, если она позволяет спать спокойнее.

Завершив восстановление генераторной, Громов повторно прогнал все тесты и

вздыхнул с облегчением, лишь когда техника сообщила о полной исправности каждого узла. Теперь можно и туристов выпускать, пусть проветрятся. Барраж в порядке.

За час в полутемном бункере, глаза отвыкли от света; Иван болезненно прищурился солнцу. Вездеход стоял там же, где он его оставил, все люки были задраены. В салоне царил тишина – Королев и Руденко играли в шахматы, Дружинин смотрел фильм, надев наушники. Появление Громова вызвало небольшой переполох.

– Иван Иваныч, вы так тихо вошли... – с легким смущением пробормотал Королев. Бригадир хмыкнул.

– Привычка. Ну что, туристы, готовы?

– Конечно! – Руденко улыбнулась. – Сколько у нас времени?

Громов взглянул на информационное табло над приборной панелью.

– Ну– у... – он почесал нос. – Два часа хватит?

– Два часа?! – Дружинин возмущенно сдвинул очки на нос. – Что можно успеть за два часа?!

Бригадир хотел ответить, что плохому ученому таймер мешает, но не успел – на панели загорелся сигнал вызова с базы. Лицо Метелина вспыхнуло в объемном экране, и Громов нахмурил брови: капитан выглядел встревоженным.

– Что случилось? – первым спросил бригадир. Метелин ответил не сразу, вначале оглядел кабину вездехода, задержав взгляд на «туристах». Было видно, что ему не слишком улыбается говорить при посторонних.

– Ребята, вы уж простите, что ломаю вам планы, но кое– что произошло, – сказал капитан после паузы. Голос звучал напряженно. – Команда Бондарева закончила вычислять карту пульсаров. Мы проснулись на целый год раньше, чем планировалось.

Повисла жуткая тишина. Громов, сглотнув, подался вперед:

– Был контакт?!

– Никаких признаков, – мрачно отозвался Метелин. – Все спутники и сигнальные башни диагностируются в ноль, запуск пробуждения отмечен, как штатный, по таймерам миновало ровно 4000 лет. Если верить компьютеру, Иван, нас никто не будил.

Бригадир свел брови и скрестил на груди руки.

– Коли мы проснулись раньше, почему блок– пост не поднял тревогу?

– В том-то и дело, – Метелин в экране отвел взгляд. – Иван, дежурный блок-пост не отзывается.

– Что?! – Громов отпрянул. – Мы ж провели переключку! Сразу, как проснулись!

– Во всем виновата ошибка с таймерами, – глухо отозвался Метелин. – По расписанию, сейчас дежурит десятый пост, но по факту еще дежурил девятый, ведь мы опередили график на год. А компьютер начинает переключку с дежурного и отсчитывает тридцать девять минус один... Идиотская железка... Мы только сейчас заметили, что сигнал от девятого так и не был получен. Хуже всего, невозможно проверить, как долго он молчит, ведь последнюю вахту он принимал сорок лет назад!

Бригадир резко шагнул к экрану:

– Мой вездеход ближе всех к периметру?

– Да, Иван. Я выслал дроны на девятый пост, они не смогли приземлиться – все пилоны подняты, люки задраены. С виду, броня в порядке, но посадочные огни не горят, словно у них не осталось энергии. Пока расконсервируем да проверим самолеты, неделя уйдет! Мы сейчас готовим два спасательных вездехода, но и они доберутся до места, от силы, завтра. Иван, бросайте все и мчитесь на юг. Мы оттуда даже телеметрию не регистрируем...

– Так, а ну отставить карканье! – Громов нахмурился. – Вокруг и без тебя ворон хватает. Загрузи нам позывные блок-поста, может, у них просто антенну повредило.

– Разом и антенну, и прожекторы, и шесть кабелей?

– Вполне возможно, – нервно вставил геолог Королев. – Четыре тысячи лет, капитан, это огромный срок. Сдвиг пластов или сильное землетрясение могли оборвать все кабели одновременно...

– А еще через сто лет пронесся тайфун, разбил прожекторы и сломал антенну, – добавил Дружинин. – Ситуация может оказаться куда лучше, чем вы думаете!

– Космос быстро лечит оптимистов, – буркнул Метелин. – В общем, Иван, на тебя вся надежда. Держи связь.

– Принято, – Громов кивнул и отключил голограмму. Несколько секунд молча смотрел на пульт.

– Обалдеть, – пробормотал он, наконец. – Упасть, не встать. Третьи сутки бодрствуем, и только сейчас заметили. Обалдеть, блин. Все по местам!

«Туристам» хватило ума промолчать. Дождавшись, пока они рассядутся и пристегнут ремни, бригадир занял водительское кресло и запустил моторы. Кузов вездехода приподнялся на магнитных подушках.

Ехать до защитного пояса предстояло километров пять, затем еще сотню до блок– поста. От дороги, что в прошлый раз проложили краулеры, естественно, не осталось и следа, поэтому Громов вел вездеход осторожно, лавируя между крупными деревьями и подминая подлесок. Магнитная подвеска гасила все колебания; из кабины казалось, машина неторопливо плывет.

Первая линия барража ярко светилась на экране радара. Когда вездеход до нее добрался, ученые прилипли к окнам. Гигантские опоры из майяр– металла вздымались на сотни метров, протянутые между ними графеновые кабели темнели на фоне неба. Громов нахмурил брови, заметив у подножья ближайшей опоры груды обугленной растительности.

– Видите? – буркнул он, наводя туда камеру. – Совсем свежие. Осыпались, когда я починил генератор. А ну, кто первый догадается, что это значит?

Руденко оглянулась:

– Барраж не работал?

– Угу, и очень долго, – кивнул бригадир. – Так что, народ, о самовольных поездках даже внутри периметра пока не заикайтесь. Вот починим барраж, вычистим пробравшуюся за него живность, тогда и резвитесь.

Все замолчали, подавленные размерами опорных стоек. Вездеход, рядом с опорами напоминавший клопа, перевалил гору обугленной растительности и покатился дальше на юг, оставляя за собой широкий буро– зеленый след из размолотой гусеницами травы.

Некоторое время в кабине царила тишина, «туристы» изучали ландшафт сквозь иллюминаторы, а Громов следил за дорогой. Природа «по ту сторону» линии барража кардинально отличалась от тропических джунглей, окружавших базу. К концу мелового периода, растительный покров Земли уже совершенно не походил на мезозойский, и очень напоминал современный: леса состояли из тех же пород деревьев, а цветковые растения начинали победоносное шествие по планете. Однако силовые кабели и формируемое ими поле, тысячелетиями, не пропускали за периметр

крупных животных, что создавало обособленный оазис с собственными законами развития. Вездеход едва успел отдалиться от пояса на десяток километров, а местность вокруг уже напоминала саванну.

Редкие кривые деревья были разбросаны почти равномерно; огромные пространства чуть не сплошь занимали колючие кустарники и странные, паукообразные предки кактусовых с десятками отростков– щупалец. Кое– где встречались и стайки динозавров – правда, не всем известных трицератопсов да игуанодонов, а куда менее знаменитых лэаэллинозаур. Четыре тысячи лет назад, в прошлый цикл наблюдений, этих стройных полутораметровых ящериц было куда меньше.

Согласно карте сорокавековой давности, крупное плато, где располагалась база, вскоре должно было оборваться пологим спуском на равнину, занимавшую весь юг нынешнего Мексиканского Залива. Климат в этой части света был весьма жарким и засушливым, что отражалось и на растительности; равнина была почти лишена деревьев. Тем не менее, отсутствие лесов с избытком компенсировалось удивительным, почти инопланетным ландшафтом.

С высоты, где полз вездеход, открывался сказочный вид на темно– красную, поистине марсианскую пустыню, уставленную вертикальными скалами– останцами из бурого песчаника. Шесть десятков миллионов лет – много дольше, чем время жизни рельефа. Большому Каньону, например, всего десять миллионов лет, и в меловом периоде по равнине, где он возникнет через четыреста тысяч веков, еще даже не текла река Колорадо.

То, что сейчас видели путешественники, можно сравнить лишь с одним местом Земли: Долиной Монументов на северо– востоке Аризоны. Некогда там была равнина, сложенная из мягких пород, но за миллионы лет эрозия и ветры «опустили» целый участок материка на сотни метров, оставив посреди новых просторов лишь одинокие, невероятных форм утесы из плотного песчаника. Пройдут еще миллионы лет, и они также исчезнут, обратившись в красный песок – как это случилось с аналогичной равниной, на которую сейчас взирали восхищенные люди.

Прежде, чем направить вездеход вниз по откосу, Громов остановил машину и, в полной тишине, указал вперед:

– Южная– бета.

«Туристы» молчали, подавленные габаритами колоссальной сигнальной башни. Если час назад, у подножья опорной стойки, вездеход походил на муравья, то в сравнении с двухкилометровой изящной конструкцией, насекомыми выглядели даже гигантские утесы– останцы. Тонкая, сверкающе– серебристая, сигнальная башня напоминала невероятных размеров подсолнух; сходство только усиливал пятисотметровый параболический рефлектор на вершине. Отсюда, с земли, вспышек почти не было заметно – облака, способные их отразить, парили гораздо ниже рефлектора. Тем не менее, чудовищно интенсивные лазеры регистрировались даже за орбитой Нептуна, сообщая всем «мимо пролетающим» об обитаемости и гостеприимстве Земли. До сих пор, правда, за сто двадцать тысяч лет непрерывных поисков, никто так и не отозвался.

Налюбовавшись на грандиозный триумф инженерной мысли, Громов запустил двигатели и направил вездеход вниз. Из– под гусениц во все стороны брызнули крохотные динозаврики– компсогнаты, удивительно напоминавшие серо– зеленых цыплят.

– Почему нам не разрешают заводить питомцев? – полушутливо спросила Руденко, глядя в иллюминатор на бегущих динозавров. Бригадир прищурил глаза.

– А с каких пор крокодилы стали домашними животными?

– Что общего у крокодила с этими милыми существами?

– Башка! – фыркнул Громов. – Самый тупой в мире пудель даст фору умнейшему завру.

Королев усмехнулся.

– Но ведь люди держат не только собак и кошек. Бывают и канарейки, и даже рыбы. Надеюсь, вы не станете утверждать, что канарейка умнее динозавра?

– Канарейка не может откусить вам ночью... ухо, – буркнул бригадир, покосившись на девушку.

– А кто настаивает на хищниках? – удивилась Руденко. – Скажем, те же лзаэллинозауры. Они травоядные, красивые, любознательные. Если выбирать между лзаэллинозаурой и, допустим, игуаной...

Громов чуть не прыснул в бороду.

– И много вы знаете людей, что держат игуан?

Руденко запнулась.

– Ну... Их немало в Штатах, есть и в Европе...

Бригадир покачал головой.

– Коров тоже немало. Собственно, их на Земле больше, чем людей. Но держать домашнюю корову мало кому приходит в голову. Сказать, почему? – он бросил на девушку короткий взгляд. – Потому что любому, кто встречал корову не на картинке, а на дороге, держать дома такое... животное... попросту не захочется. При этом даже тупые, гадящие и облепленные слепнями коровы, в сравнении с динозаврами – образцы интеллекта и гигиены.

– Это люди сделали из коров ходячие да жующие куски говядины, – довольно резко отозвался Дружинин. – Дикая тура ничуть не уступали другим животным!

– Мы ведем речь не о турах, а о динозаврах, – заметил Громов. – Помните, в позапрошлую смену проводили опыты над трицератопсом?

– Помним, – подавленно сказала Руденко. – Давайте сменим тему.

Дружинин кивнул.

– Согласен, поговорим о другом. Иван Иванович, как велик экипаж девятого блок–поста?

Громов раздраженно мотнул головой:

– Не экипаж. Экипаж на самолетах, а на посту – команда. Двести человек.

– Двести?! – Руденко отпрянула. Бригадир мрачно усмехнулся.

– А вы чего ждали? У нас четыре десятка блок–постов разбросаны по континенту, вместе со спутниками каждый отслеживает всю поверхность планеты. Операторы дежурят по–двое, сменяются раз в год. Что б накрыть четыре тысячи лет между циклами работы главной базы, посты функционируют по–очереди и, все равно, в каждом требуется сотня смен! А с учетом общей продолжительности экспедиции, дежурным и так придется отдать...

– ...по двадцать лет жизни, – пробормотал изумленный Королев. Громов нехотя кивнул.

– Да. Двадцать лет.

– Но почему нельзя поручить дежурство роботам? – удивленно спросила

Руденко. – Что за преимущество имеют люди в подобной работе?

Бригадир невесело усмехнулся.

– Знаете, Настенька, я ведь технарь. Я машины люблю, знаю их наизусть, могу собирать и разбирать хоть в темноте. Но, даже мне, как-то спокойнее ложиться в анабиоз на сорок веков, зная, что за базой будут приглядывать восемьдесят моих товарищей, а не восемь миллионов микросхем... – он вздохнул.

Вездеход уже скатился с откоса и Громов увеличил скорость. Вздыхая облака красной пыли, но, по-прежнему, даже не раскачиваясь, могучая машина мчалась на юг.

Впереди, почти за горизонтом, на самом краю восприятия, показалась темная полоска. Королев поднял к глазам бинокль.

– Чикшулубский хребет, – пробормотал вполголоса. – За ним самая плодородная и густонаселенная динозаврами долина на Земле. Иван Иваныч, мы никак туда не попадем?

– Блок-пост чуть ближе, – отозвался Громов. – Если там все окажется в норме – кто знает, может, и заедем на часик. В прошлую смену, помнится, долина кишела троодонами.

– Да, – улыбнулся Дружинин. – Мы еще спорили, как такое количество хищников уживается рядом. Держу пари – в этот раз троодонов мы не увидим.

Громов фыркнул.

– Серьезно? Думаете, сорок веков, это много?

– Для эволюции – нет, а для климата очень даже немало, – заметил Дружинин. – Вы обратили внимание, как жарко светит солнце в последние дни? Изменения в растительном покрове огромны! А любая смена климата перемешивает популяции животных, как ничто другое. Держу пари, в долине мы увидим стада крупных травоядных, природные условия для них идеальные!

– Где травоядные, там и хищники, – пробурчал Громов.

– Да, но троодоны слишком мелкие, чтобы охотиться на новых обитателей долины. Следом за тяжелыми, бронированными видами, такими как цератопсы и дракорексы, всегда появляются соответствующие плотоядные – в данном случае, скорее всего, карнотавры.

– И ютарапторы... – прошептал Королев. – Смотрите, скорее! Целая стая!

Все бросились к правому иллюминатору – и действительно, метрах в пятистах к западу, параллельно вездеходу по саванне мчались несколько огромных ящеров.

В длину они достигали семи– восьми метров, но совершенно не казались грузными или неуклюжими. Перья покрывали их целиком, будто крохотных компсогнатов, и имели грязно– желтый оттенок с зеленым отливом на шее. В отличие от троодонов, у которых все когти были равной длины и втяжными, на задних лапах ютарапторов зловеще блестел громадный одинокий коготь полуметровой длины.

– Почему они не боятся вездехода? – удивленно спросил Королев.

– Не умеют, – отозвалась Руденко, пожирая глазами хищников. – У этого вида нет естественных врагов.

– Зато вездеход похож на анкилозавра, их излюбленную добычу, – заметил Дружинин, снимая бег ящеров на камеру. – Заметили доминантную самку? Вон ту, ярко– зеленую. Она на голову выше самцов, но бежит позади стаи. Держу пари, ютарапторы образуют прайды, подобные львиным, и охотой занимаются лишь самцы!

– С какой скоростью мы сейчас едем? – возбужденно спросила Руденко. Громов бросил взгляд на спидометр.

– Тридцать пять километров в час.

– С ума сойти! Они играючи обгонят лошадь!

– Сколько ж им требуется мяса, при таких размерах и подвижности! – поразился Королев.

Дружинин фыркнул.

– Динозавры куда эффективнее млекопитающих расходуют энергию. Держу пари, этим зверькам хватает одного сытного обеда в неделю.

– Вот вам и преимущество перед коровами, – пробормотала Руденко.

Тем временем, огромные хищники внезапно, будто стайка ласточек, все разом повернули на запад и умчались огромными прыжками. Восхищенные «туристы» вновь расселись по креслам.

– Удивительное зрелище, – прошептал Королев.

– Согласна, – вздохнула Руденко. – Что–то подобное надо увидеть хоть раз в жизни.

Дружинин прищурил глаза.

– Иван Иванович, вы можете подъехать к тому утесу? Я хочу оставить мини– дрон с камерой на его вершине и понаблюдать за рапторами.

Громов помедлил.

– М– м– м...

– Это не нарушение инструкций! – поспешно вставила Руденко. – Ведь мы не покидаем машину!

– М– м– м...

– Одна минута! – взмолился Королев. – Не больше!

Бригадир крякнул.

– Уфф... Нет, друзья. Не сейчас. Вначале проверим блок– пост, это важнее любых наблюдений.

Дружинин бросил на Громова не самый дружелюбный взгляд.

– Можно подумать, на посту вы разрешите нам заняться работой.

– Будь моя воля, гражданских за версту бы не подпускали к экспедициям вроде нашей, – мрачно сказал бригадир.

– Опоздали, Иван Иванович, – заметила Руденко. – Так уже было. После катастрофы «Феникса» на Венере.

– Ну, вы и вспомнили! – возмутился Королев. – В тот раз, речь шла чуть ли не о прямом контакте! И запрет просуществовал совсем недолго!

Громов ухмыльнулся в бороду.

– Всего–то одиннадцать лет.

– Оно того стоило, – возразил Королев. – Отчет академика Громова и записи разговоров с «Феникса», излученные гамма– сферой, перевернули науку не слабее, чем телескоп Галилея и метакерамика Шакьягриви!

Бригадир метнул на спутника не самый приветливый взгляд.

– У меня на «Фениксе» дед погиб.

Руденко встрепенулась:

– Вы внук академика Сергея Громова?!

– Угу, – Иван кивнул и, неохотно, добавил: – Мне шесть было, когда... Все случилось. Я деда и не видел толком, одни фотографии да архивные записи.

Дружинин опустил голову.

– Сочувствую вам, Иван Иванович. Но они погибли не зря, ведь без открытий «Феникса» человечество так бы и не узнало о посещении Земли инопланетянами в меловом периоде!

– И о жутком пророчестве, – вставил Королев.

– Да уж, – ядовито отозвался Громов. – Развелось тут, понимаешь, Нострадамусов... Ладно, народ, хватит об этом. Гляньте– ка лучше, что в небе творится! Вот ЭТО, я понимаю, зрелище, не чета всяким курам– переросткам!

Дружинин и Королев машинально проследили за жестом бригадира и оцепенели, а Руденко негромко вскрикнула. Высоко над землей, правее гигантского утеса– останца, шел настоящий воздушный бой.

Два птерозавра совершенно чудовищных размеров, с размахом крыльев не менее восемнадцати метров, оборонялись от крохотного, в сравнении с ними, желто–зелено–оранжевого птицеящера. Прямо на глазах потрясенных людей, маленький хищник на огромной скорости протаранил перепонку одного из птерозавров и тут же, заложив глубокий вираж, вцепился в горло второго.

Гигант дернулся, тем самым невольно позволив атакующему вырвать огромный клок мяса из собственной шеи. Открыв клюв в безмолвном вопле, птерозавр сломался в воздухе и рухнул вниз, к земле, куда по спирали уже несся его товарищ.

– Не может быть... – прошептал Дружинин, пожирая битву широко раскрытыми глазами. – Рахонавис! В Америке?! Они же известны только по единственному скелету с Мадагаскара!

– Вот так птичка, – пробормотал Королев, глядя на крохотного победителя. Тот, загребая воздух мощными взмахами, висел на месте, как колибри, и, похоже, кричал в упоении охотой.

– Что это?! – вдруг вскрикнула Руденко. – Иван Иванович, дайте приближение, скорее!

Громов, оценив лица своих ошарашенных спутников, вздохнул и молча передвинул рычаги; вездеход остановился. Из панели выехал панорамный экран, рывком бросивший в глаза место битвы. Все трое ученых разом отпрянули, Дружинин схватился за спинку кресла. Даже Громов удивленно моргнул.

В экране было видно, как на «рахонависа» готовятся напасть со спины две черные вороны. Самые настоящие вороны – не полуящеры, даже не птицеящеры, а истинные птицы. Каждая из них вчетверо уступала врагу размерами, но исход сражения сомнений не вызывал; достаточно было взглянуть на скорость и совершенство полета ворон в сравнении с неуклюжим птицеящером.

– Невозможно... – прошептала Руденко. – Откуда?!..

Громов молчал: передняя птица уже готовилась нанести удар в спину рахонавису. Тот, однако, неожиданно оглянулся, заметил атакующих и, судорожным рывком, сумел уклониться. Вторая ворона сразу отвернула, избегая когтей.

Рахонавис открыл клюв, что-то яростно визжа, и бросился в погоню за новой добычей, но теперь он имел дело не с огромными, неуклюжими птерозаврами, а с истинными королями воздуха. Громов даже крикнул, заметив, как вороны разделились – одна помчалась зигзагами прямо перед клювом птицеящера, а вторая рванулась вертикально вверх.

– Вот вам наглядный пример, почему вымерли динозавры, – восхищенно пробормотал бригадир. «Туристы» молчали, поглощенные зрелищем. Тактика ворон была совершенно очевидна – пока одна отвлекала на себя хищника, вторая готовилась убить его страшным ударом в пикировании. Учитывая подавляющее превосходство птиц в скорости, это был чертовски хороший и реалистичный план.

Однако рахонавис обманул ожидания и людей, и своих пернатых противников. Со стороны это выглядело так, словно ящер тоже ПОНЯЛ замысел птиц – у Громова просто отвисла челюсть. Не прекращая погони за первой вороной, рахонавис лег на крыло, чтобы держать в поле зрения небо.

– Обалдеть... – прошептал бригадир. Вторая ворона уже свалилась в пике, готовясь раскрошить позвоночник ящера единым ударом, но тот, с убийственной точностью рассчитав момент, перевернулся на спину и выставил перед собой растопыренные когти. Брызнула кровь, взметнулись черные перья. Располованная в ленточки, мертвая ворона полетела к земле, а рахонавис, продолжая переворот, внезапно так заработал крыльями, что те расплылись в мутные пятна. С места набрав огромную скорость, он играючи догнал вторую ворону, схватил когтями и так сдавил, что в воздухе взорвался маленький кровавой вулканчик. Птицеящер брезгливо

отбросил труп, издал вопль победы и, явно усталый, приземлился на вершину утеса. Шокированные люди молча смотрели в экран.

– М– м– м... – выдавил, наконец, Громов. – Беру слова обратно. Такой динозаврик покорно не вымрет.

– Птицы! – ошарашенный Дружинин зажмурился и помотал головой. – Вы видели?! Птицы в меловом периоде!

– Иван Иванович, отмотайте запись, – взмолилась Руденко. Бригадир, вздохнув, провел пальцем по сенсорной площадке, вернув на экран начало битвы. Некоторое время трое ученых, утратив дар речи, разглядывали изображение.

– Сюрприз, да? – спросил, наконец, Громов, желая прервать затянувшееся молчание. Дружинин, с трудом, перевел на него взгляд.

– Вы не понимаете, – выдавил биолог. – Это... Просто невозможно... Мистика!

– Да ладно.

– Он прав, Иван Иванович, – тихо сказала Руденко. – Перед нами, похоже, птенцы аргентависа, или взрослые особи более мелкого вида.

– Аргентавис? – Громов удивленно моргнул. – Это же вороны.

– Ну, что вы, – Дружинин натянуто улыбнулся. – У этих существ не больше общего со врановыми, чем со страусами. Аргентавис был весьма близок к нашим аистам, только имел размах крыльев до десяти метров, и...

– Десять метров?! – переспросил Громов.

– Да, самая крупная летающая птица в истории Земли, – кивнул Дружинин. – Но до их появления, как нам известно, еще пятьдесят с лишним миллионов лет!

– Невероятное открытие, – пробормотал Королев. – Иван Иванович, да ради одной этой встречи стоило затевать весь проект! Выходит, настоящие птицы появились уже в меловом периоде!

– Много раньше, – возразила Руденко, пожирая глазами «ворон». – Взгляните на их перья, на грудную клетку. Перед нами продукт длительной эволюции.

– Почему мы не встречали их прежде?

– Аргентависы жили в Аргентине, гораздо южнее. Очевидно, за последние четыре тысячелетия их ареал распространился к северу и достиг нашей локации...

Громов крякнул.

– Ну, посмотрели? Двигаемся дальше?

– Еще птицы! – внезапно вскрикнула Руденко. – Смотрите, там, на дереве!

Ученые бросились к левому иллюминатору. Совсем рядом с машиной, метрах в двадцати, на ветке сухого дерева сидели в ряд пять крупных черных ворон и, угрюмо, смотрели на вершину утеса, где скрылся убийца их сородичей. Судя по всему, боевые качества рахонависа произвели на них впечатление, так как немедленно мстить они не спешили.

– С ума сойти... – прошептал Дружинин, лихорадочно шаря в рюкзаке в поисках камеры. – Это открытие века, Иван Иванович! Оно перевернет палеонтологию!

Бригадир тяжело вздохнул и скрестил на груди руки.

– Ладно. Вижу, иного пути нет. Коли изловим парочку, утихните? До самого блок-поста?

Горящие взгляды ответили ему лучше любых слов. Хмыкнув, Громов снял с пояса парализатор и, смерив «ворон» сомнительным взглядом, установил мощность «до 10кг». Дружинин сразу замотал головой:

– Слабее! Это же птицы. Они весят гораздо меньше, чем кажется из размеров.

– Лучше переборщить, чем упустить, – возразил Громов, однако повернул кольцо на отметку «до 5кг». Вороны сидели спокойно, лишь изредка поглядывая на вездеход; ни одна не встревожилась, даже когда Иван раздвинул панорамный люк в потолке и выбрался на крышу кабины.

Паника началась лишь после выстрела. Жужжание парализатора и внезапные, отчаянные конвульсии двух птиц, попавших в конус излучения, заставили остальных с противным карканьем броситься врассыпную. При этом три уцелевшие «вороны», с места, развили такую скорость, что за секунду растворились вдаль; ошарашенный Громов моргнул.

– Нифига се... – пробормотал он, провожая птиц взглядом.

– Они летают, как совы! – Руденко в кабине возбужденно всплеснула руками. – Видели? С первого же взмаха максимальное ускорение!

– Совы ТАК не летают, – буркнул Громов. Взявшись за поручни по периметру крыши, он вытянул шею, желая разглядеть, куда упали подбитые птицы. – Так не летает ни одна нормальная...

Продолжить Иван не успел, поскольку из-за спины, на чудовищной скорости, с высоты свалилась одна из уцелевших «ворон» и, на лету, рванула когтями его пояс, безошибочно ухватив парализатор. Прежде, чем Громов успел хоть что-то понять, «ворона» совершила вираж с переворотом над самой травой и исчезла за вездеходом, унося в когтях оружие.

Едва она скрылась, две другие птицы синхронно спикировали к дереву, подхватили своих неподвижных товарок и нырнули за ближайший колючий куст, прикрываясь им от людей. Все нападение заняло менее пары секунд – никто даже не успел испугаться.

«Вороны» исчезли. Повисла жуткая, неестественная тишина. В кабине, оцепеневшие ученые молча смотрели вслед птицам, Громов на крыше просто утратил дар речи. Тем не менее, первым опомнился именно он:

– Та– ак... – пробормотал бригадир. – А вот это уже не смешно, товарищи.

Тяжко бумкая по железным ступеням, Громов спустился в кабину, задраил люк и лишь тогда позволил себе перевести дух.

– Что это было? – спросил он у пустоты.

Ответом явилась тишина. Довольно долго никто не решался заговорить; наконец, Дружинин откашлялся и бросил на товарищей растерянный взгляд.

– М– м– м... Социальное поведение? – пробормотал он, беспомощно улыбнувшись.

– Какое, на хрен, социальное? – резко спросил Иван. – Ваш «аргентавис» утащил парализатор! Что за, нафиг, птица сообразила бы такое?

Руденко бросила на Королева растерянный взгляд.

– Мы думаем об одном и том же? – спросила негромко.

– Иван Иванович, вызовите базу, пожалуйста, – попросил геолог, кусая губы.

– Чертовщина какая-то... – Громов обернулся к приборной панели. – Орел, на связи Иволга. Отвечайте.

Тишина. Недоверчиво облизнув губы, Иван повторно вдавил кнопку:

– Орел, вызывает Иволга. Прием. Ребята, вы там уснули?!

Рация молчала. Побледневшие «туристы» переглянулись.

– Что происходит? – тихо спросила Руденко.

Громов ударил по клавише аварийного вызова. На дисплее появилась красная рамка.

– Сигнал получен, – пробормотал Иван. – Сейчас отзовутся, как миленькие...

В кабине повисла напряженная тишина. Все молча смотрели, как алая рамка зажигается и тухнет. Прошла минута, другая – в экране ничего не менялось.

– Иван Иванович? – глухо позвал Дружинин. Бригадир стиснул кулаки.

– Не понимаю, блин! Отклик с базы получен, компьютеры уже связались. На всех этажах сейчас воют сирены, но парни молчат! Словно... – Громова передернуло, – Словно их там нет.

– Что?! – вскрикнул Королев. Руденко и Дружинин отпрянули.

– Всем пристегнуться, – сухо распорядился Громов. – Ехать будем БЫСТРО.

Он повернулся к приборной панели, но замер, оцепенев от неожиданности. За ветровым стеклом вездехода, менее чем в полуметре от человека, сидели две черные птицы и, в упор, разглядывали кабину.

Лишь теперь, вблизи, стало заметно, что они все же отличаются от ворон. Лапы и туловище у «аргентависов» были гораздо мощнее, почти как у филинов, голова заметно шире, клюв короче. Светлых перьев не имелось вовсе, черными оказались даже пух снизу и грубая, шершавая кожа на лапах. Маленькие черные глазки– пуговки сидели глубоко, но не по бокам головы, как у большинства птиц, а ближе к лицевой части, наделяя хозяев стереоскопическим зрением хищника. В остальном, серьезных отличий от ворон не наблюдалось, даже клюв обладал характерной призматической формой – но это, если не смотреть в глаза.

Потому что в глазах у «аргентависов» ясно читался разум. Ошарашенный Громов пару секунд молча моргал.

– Какого... – он потянулся к тумблеру сирены– пугалки, но включить не успел, поскольку одна из птиц неожиданно отклонилась назад, уперев крылья в капот машины, и вскинула зажатый в мощной, когтистой лапе парализатор. Иван крикнул «Ложись!», однако было поздно: кристаллическое стекло хорошо защищает от когтей и зубов, но бесполезно против смеси электромагнитного излучения с ультразвуком. Широкий конус парализатора, почти мгновенно, бросил всех четверых в пучину беспомощности.

Глава 2

В Громова раньше никогда не стреляли, поэтому ощущения были в новинку. Он и не думал, что голова вообще может ТАК болеть. Довольно долго бригадир лежал молча, пытаясь справиться с головокружением и понять, открыты у него глаза или нет. Наконец, до него дошло, что глаза–то открыты, просто кругом кромешная тьма. Застонав, Иван накрыл лицо ладонями.

– Громов, это вы? – шорох сбоку заставил вздрогнуть.

– Кто тут?!

– Королев, – чуть дрожащим голосом отозвался геолог. – Я, кажется, очнулся первым...

Иван напрягся, приводя мысли в порядок. Круговерть в разуме медленно, неохотно стихала.

– Все живы? Руденко, Дружинин?

Королев кивнул, но, сообразив, что это не лучшая идея в темноте, ответил вполголоса:

– Да, они рядом. Только без сознания.

Громов, с некоторым облегчением, перевел дух.

– Не пытайтесь приводить их в чувство насильно, последствия должны пройти сами, – предупредил он. – Нам еще повезло, что парализатор был настроен на мелкую дичь.

Королев содрогнулся.

– Где мы? – спросил он беспомощно. – Я ощупал стены, это металл!

– Металл?!

– Да... Воздух ничем не пахнет, он прохладный, но сухой – значит, мы не под землей. Как они сумели вытащить нас из вездехода, Иван Иваныч? Вы же задраили люк, я сам видел!

Громов глубоко вдохнул.

– Без паники, – произнес он твердо. – Дай– ка мне самому стену осмотре... Тьфу, пощупать.

Опустившись на четвереньки, бригадир вытянул перед собой руку и, осторожно, пополз вперед. Почти сразу остановился, нахмурился, пробежался пальцами по упругому настилу. Стиснув зубы, продолжил ползти, и вскоре его пальцы наткнулись на преграду; некоторое время Громов сосредоточенно водил по металлу ладонью. Коснувшись заклепки, сильно вздрогнул. Поцарапал ее ногтем, принялся.

– Плохо дело... – пробормотал бригадир. Королев нервно сглотнул.

– Что?

– Мы сидим в грузовом отсеке нашего собственного вездехода, – тихо сказал Громов.

– Не может быть! – выдохнул Королев.

– Может, как видите.

Словно в подтверждение его слов, снизу донесся гул двигателей, пол качнулся и люди ощутили движение. Вездеход тронулся с места.

– Они разобрались в управлении! – прошептал потрясенный геолог.

– Это проще, чем научить птицу стрелять, – огрызнулся Громов.

Королев сглотнул.

– Отсюда есть запасной выход? Люк открывается изнутри?

Бригадир хмыкнул.

– Мы сидим в отсеке для образцов. Здесь перевозят пойманных динозавров. Если б люки открывались изнутри, я бы в жизни не... – он запнулся, поскольку по отсеку внезапно пронеслась звонкая трель из коротких, сухих металлических ударов. За ней последовала другая, с правого борта. Вездеход рывком сменил направление и прибавил ход.

– Что это было? – Королев схватил Громова за руку. – Словно кто–то кинул в машину горсть камней!

– Камней? – глухо переспросил Иван. – Это автоматные очереди.

Новая серия ударов перечеркнула задний борт. Вскрикнув, геолог отпрянул всем телом:

– В нас стреляют?!

– Не в нас, – с нажимом отозвался Громов. – Стреляют в тех, кто нас похитил. А они пытаются оторваться... – добавил, прислушавшись к вою моторов. Теперь кузов вездехода трясло куда сильнее, несмотря на магнитную подвеску – машина шла на полной скорости.

– Но... Как же... Думаете, это с базы? – в волнении спросил Королев. – Нас пытаются спасти?!

– Стреляя по машине? – бригадир криво усмехнулся. – Автоматов на базе нет, Владимир Петрович. Спасатели перехватили бы управление. Не нравится мне все это, народ, ох, не нравится...

Со стороны послышался женский стон и Королев, поспешно, отполз на помощь Руденко. Сам Громов, ощупью отыскав Дружинина, проверил его пульс.

– Сергей... Серге– ей, – позвал он тихо. Биолог с огромным трудом приподнял веки. Громов помог ему сесть, Дружинин дышал хрипло и тяжело. Понемногу, все четверо пришли в себя и уселись спина к спине посреди их покачивающейся темницы. Руденко всхлипывала, Королев держал ее за руку. Новых автоматных очередей снаружи пока слышно не было.

– Народ, в общем так, – негромко произнес Громов, когда собрался с мыслями. – Во– первых, мы очнулись вместе, невредимыми и почти там же, где раньше. Это, скажу вам, чертовски хороший знак – по крайней мере, сразу жрать не станут. Во– вторых, по вездеходу лупят в упор из автоматов, судя по звуку – калибра 7.62, не меньше. Броню это, конечно, не пробьет, а вот задуматься заставит.

Он ощутил спиной, как «туристы» разом вздрогнули.

– Ну, и в третьих, – неохотно добавил бригадир. – Радиомолчание базы, помноженное на наше похищение, с учетом стрельбы по похитителям, выглядит чертовски нехорошо. Я, блин, даже цензурных слов не знаю, что б выразить, насколько нехорошо.

– Среди пришельцев идет борьба? – тихо спросила Руденко. – Думаете, и нас, и базу атаковала одна из фракций, а стреляют их противники?

– С тем же успехом в нас могут палить как раз похитители, а в кабине сидеть перехватившие у них добычу враги, – мрачно заметил Королев. Дружинин закрыл лицо

ладонями и шумно выдохнул.

– Держу пари, такой сценарий контакта никто не предвидел.

– Согласна, – Руденко опустила голову. – Вот уж не думала, что инопланетяне окажутся... Пернатыми...

– Мы знали, что они не гуманоиды, – возразил Королев.

– Но птицы? Как создать цивилизацию без рук?

Королев сглотнул.

– Друзья, мы говорим не о том, – шепнул он нервно. – Среди пришельцев, очевидно, имеются враждующие фракции. Это значит, они прилетели на Землю давно, может даже века назад. И сигнальные башни они заметили явно не вчера. Тем не менее, запускать пробуждение главной базы пришельцы не стали!

– И что? – хмуро спросил Громов. – С чего нам знать, как вертятся шарики в птичьих мозгах?

– Происхождение вторично, – возразил Дружинин. – Любое разумное существо, в первую очередь, руководствуется логикой, а логика не смотрит, есть у вас крылья, или нет. Поставьте себя на место пришельца. Вы прилетаете на богатую жизнью, цветущую планету без малейших признаков цивилизации, начинаете ее изучать, и вдруг обнаруживаете на одном из материков огромный сверкающий купол из неизвестного материала, с расставленными вокруг сигнальными башнями, чьи вспышки видны даже с орбиты Нептуна. В каждой башне – рисованные приветствия и наглядные, понятные даже дикарю инструкции по отключению поля. Что бы вы сделали?

– Я-то? – Громов невесело ухмыльнулся. – Ну, я, как дикарь со стажем, засыпал бы подозрительный купол километром породы и обнес колючей проволокой с табличками «Не приближаться!». Почем мне знать, какие планы строят твари под куполом? А если они только и ждут моего появления, что б захватить звездолет и домой вернуться?

Повисло молчание.

– Королев прав, – выдавила, наконец, Руденко. – Пришельцы не могли пропустить купол и сигнальные башни. Мы обязаны исходить из предпосылки, что нас обнаружили, но будить не стали сознательно.

Дружинин вскрикнул:

– Девятый блок– пост!

– Что насчет него?

– Вы не понимаете?! Появление пришельцев непременно бы зафиксировали дежурные на девятом посту! Они разбудили бы нас!

Руденко ахнула.

– Верно! Инопланетяне поняли, что их обнаружили, и поспешили ликвидировать девятый пост до того, как тот передаст вахту!

– А потом, вместо того, чтобы включить опознавательный маяк блок– поста и спокойно пройти переключку –то есть, блин, нажать одну кнопку – коварные пришельцы взламывают квантовый компьютер главной базы, что невозможно даже теоретически. Они будят восемьсот человек на год раньше, и все ради мизерного шанса, что мы самым нелепым образом прозеваем молчащий блок– пост, да так ни разу о нем и не вспомним за весь следующий год! – Громов покачал головой. – Настя, милая, вы холодным оружием владеете?

Руденко даже моргнула от неожиданности.

– Холодным оружием?! Нет...

– Оно и видно, – мрачно заметил Иван. – Советую обучиться грамотному обращению с лезвием Оккама. На кой, простите, хрен, инопланетянам БУДИТЬ нас, а ПОТОМ захватывать? А? Да им достаточно обезвредить двоих бодрствующих дежурных на текущем блок– посту, и вся экспедиция окажется перед ними на блюдечке с кровавой каемочкой!

Королев сглотнул.

– Иван Иванович, но мы же не знаем, как долго молчал девятый пост, – произнес он нервно. – Кроме того, среди пришельцев, как сегодня выяснилось, идет борьба. А вдруг нас разбудили противники тех, кто захватил девятый пост? С целью втянуть в конфликт на своей стороне?

– Какой конфликт, блин?! – взорвался Громов. – Какие, нафиг, пришельцы?! Все, что я пока видел – парочку дрессированных ворон!!! Хватит пер... гадать на пустом месте!!!

Воцарилась мрачная тишина, нарушаемая лишь воем моторов да

периодическими дерганьями кузова, когда вездеход насакивал на особо крупные препятствия. Чтобы лучше переносить тряску, люди отползли к переднему борту и расселись вдоль него, сцепив руки.

– Иван Иванович, у вас есть какой-нибудь... Трекер, или маячок? Рация? Что-нибудь? – спросила Руденко.

Громов стиснул зубы:

– В кабине, конечно, есть...

– У меня часы с навигатором, – заметил Королев. Дружинин и Руденко встрепенулись:

– Тогда не все потеряно! – биолог обернулся к товарищу. – Сигнал со спутников четкий? Двусторонний?

– Угу, шас, – буркнул Громов. – Для навигации, кто не в курсе, передатчик не нужен. Это просто радио с кварцевым хронометром. И потом, вы что, не слышали слов Метелина? Даже если на базе все в норме, а молчали они, потому как им разом приспичило – первые самолеты поднимутся в воздух не раньше, чем через неделю, а вездеходы нас не догонят. Спасет только централизованный перехват управления, если конечно... – он помолчал и, неохотно, добавил – ...если похитители его не отключили.

– Перехват можно отключить?! – взорвался Королев. – На кой он тогда сдался?!

– Дистанционное управление рассчитано на ранения или гибель экипажа, – сурово отозвался бригадир. – Не на пиратство.

Все подавлено замолчали.

– Иван Иванович, ну неужели вам не кажется странным, что замолчал именно девятый пост? – после долгой паузы спросила Руденко. – Если б мы проснулись согласно графику, дежурил бы уже десятый. Одно странное событие – случайность, два – подозрительное совпадение, три – закономерность. Пробуждение сместилось на год, никто не понимает, как; один из сорока блок-постов замолчал без видимых причин; при этом, наше раннее пробуждение угодило прямиком на период дежурства того самого поста! Только слепой не увидит здесь связи!

– Угу, – буркнул бригадир. – Согласен, подозрительно.

– Но разве вы не поняли – умолк как раз тот пост, который мог предупредить нас об инопланетянах! – Руденко сглотнула, – Господи, Иван Иванович, а если они

ПРЕДУПРЕДИЛИ?! Что, если нас разбудили дежурные с девятого поста?! Пришельцы их атаковали, и в последние минуты жизни герои успели отправить на базу сигнал пробуждения...

– Настя! – возмутился Королев. – Не сгущайте краски!

– Я просто пытаюсь понять! – огрызнулась девушка. Громов нахмурил брови.

– Так, народ, а ну не заводиться, – приказал он сурово.

– Но не можем же мы просто сидеть и ждать?

– А что вы предлагаете?

– Надо использовать единственное преимущество! – резко ответила Настя. –

Мы в плену, но тюрьму строили люди, это НАШ вездеход! Кто лучше всех знает его устройство? Иван Иваныч! Как изнутри открыть люк? Его непременно можно открыть, этого требует техника безопасности!

Бригадир вздохнул.

– Техника безопасности, увы, требует, чтобы грузовой отсек изнутри НЕ открывался. Аварийный люк тут, конечно, есть, но он ведет не в кабину, а на крышу, и удерживается электромагнитным запором, который автоматически открывается, если потеряна энергия. Пока энергия есть, открыть люк изнутри можно только набрав код.

Руденко вздрогнула.

– Ну так в чем проблема? Вы не знаете кода?

Громов криво усмехнулся.

– Знаю. Только не особо горю желанием выпрыгивать из мчащегося вездехода на равнину, кишашую динозаврами.

Тишина.

– Об этом я не подумала, – выдавила Руденко после длительной паузы.

– Допустим, мы выберемся из отсека, допустим даже, пришельцы не обратят на это внимания и просто уедут. Отсюда до базы почти сто километров бесплодной пустыни, где нет воды, а на обитателей вы сегодня насмотрелись, – мрачно сказал Громов. – Без вездехода, среднее время жизни человека здесь составит, ну, минут десять. От силы двадцать. Забудем про ютарапторов и карнотавров, для них человек как добыча малоинтересен. Вспомним ваших любимцев, троодонов. Вы, когда-нибудь, видели, как охотятся троодоны?

– Видели, – тихо отозвался Дружинин.

– Тогда вам не надо объяснять, что безопаснее купаться в Амазонке, когда у пираний брачный сезон.

Королев стиснул зубы.

– Так мы даже не попытаемся вернуть свободу?

Громов резко обернул голову на голос.

– Народ, вы вообще врубаетесь, о чем речь? – спросил он негромко, со скрытой яростью. – Это контакт. Тот самый, ради которого наша экспедиция и затевалась. А мы его, фактически, угробили – при первой же встрече подстрелили двух пришельцев! Вы соображаете, что это МЫ могли невольно вызвать нападение на базу?

– Господи... – прошептал Королев.

– Угу. Спыхватились, блин. А теперь прикиньте, что инопланетяне о людях подумают, если мы кинемся долбить кулаками по стенам или, того хуже, припустим от них пешком, отбиваясь камнями от ящеров!

Вновь воцарилась тишина и, на сей раз, молчание тянулось долго. Кузов заметно покачивался даже вопреки магнитной подвеске; машина шла на предельной скорости. Королев упрямо пытался поймать своими часами сигналы со спутников, но металлические борта экранировали связь. Время тянулось чудовищно медленно.

По часам геолога, как раз миновал полдень, когда поведение машины изменилось. Теперь под гусеницами явно хрустели камни; кузов плавно и непрерывно менял угол наклона, пару раз так сильно, что людям приходилось цепляться друг за друга. Громов с тревогой прислушивался к внешним звукам.

– Кто бы ни сидел в кабине, гады явно знают, что делают... – пробормотал Иван, когда машина, по ощущениям, застыла на тонком гребне, балансируя короткими импульсами двигателей. – Только спешат! – выдохнул Громов в следующий миг.

Вездеход перевалил гребень и помчался вниз под углом в шестьдесят градусов. Руденко закричала, Дружинин и Королев вцепились в ее плечи и, все вместе, соскользнули по полу к переднему борту. Снаружи послышался могучий глухой всплеск, кузов дернулся, выровнялся, пару раз сильно качнулся – и тряска внезапно утихла. Снизу донеслось жужжание, когда вездеход перешел в режим амфибии и выдвинул водометы.

– Приехали, – выдавил Королев.

Водометы под полом взвыли на высокой неприятной ноте и путешествие продолжилось. Громов, стиснув зубы, решительно встал, придерживаясь за низкий потолок.

– С меня довольно.

– Что вы намерены делать? – в ужасе спросил Королев.

– Вернуть свою машину, – огрызнулся бригадир. – Всем сидеть тихо, за мной не ходить, ясно? Коли увижу, что пробраться в кабину не получается, вернусь сам, я не псих и не камикадзе, ЭТО понятно?

– Д– да, – выдавила Руденко.

– Глаза прикройте, – буркнул Иван, нащупывая кодовый замок на потолке у заднего борта. «Туристы» молчали, нервы у всех были на пределе. Громову потребовалось некоторое время, чтобы открыть в темноте защитную дверцу и включить экран. Даже его слабое свечение вызвало резь в глазах.

Бригадир набрал код и вдавил тугую прорезиненную клавишу. Замок на аварийном люке громко щелкнул. Заслонив лицо, чтобы не ослепнуть после многочасового пребывания во мраке, Иван кулаком выбил блокирующий штырь и судорожно вдохнул свежий воздух. В люк сразу полетели брызги от водометов.

Несколько минут люди, щурясь, привыкали к свету. Аварийный люк вел на крышу и открывался вовнутрь, специально, чтобы дать возможность выбраться даже из затопленной машины. Дождавшись, пока глаза немного адаптируются, Громов разложил складную лестницу с крышки люка.

Снаружи его сразу накрыло облаком брызг. Вездеход мчался на предельной скорости по узенькой и совершенно прямой речушке; вдоль берегов, чуть ли не до неба, возносились отвесные скалы, кое– где даже смыкавшиеся над руслом. Цветом и формой, утесы мгновенно вызвали в памяти Большой Каньон, хотя общие масштабы, конечно, не шли ни в какое сравнение – ширина речки едва достигала пятидесяти метров.

– Иван Иванович, ну что там? – позвал Дружинин. Отдуваясь, Громов прыгнул обратно.

– Мы в ущелье, что ведет в долину, куда вы так стремились попасть, – пробурчал

неприветливо. – Плыдем на полной скорости.

Он вздохнул.

– Сейчас я попытаюсь пробраться в кабину, – сказал спокойно. – Оттуда я открою внутренний люк и выпущу вас. Коли упаду в воду, даже не думайте прыгать следом, ясно? Мне не впервой выживать на местности, как-нибудь уцелею, но только если не придется беречь от зверей еще и вас. Повторить.

Королев нервно оглянулся на товарищей.

– Иван Иваныч, мы...

– Старший офицер отдал приказ, – сухо оборвал Громов. – Повторить.

Молчание.

– Не прыгать за вами.

– Так точно, – бригадир криво усмехнулся. – Ладно, братки, я пошел. Авось, еще свидимся... – рывком отвернувшись, он взялся за лестницу.

На крыше грузового отсека были предусмотрены скобы для рук. Цепляясь с одной за другую, Громов подполз к ограждению и, без особого труда, перевалил на кабину. Здесь уже можно было стоять – по краям наблюдательного мостика имелись поручни. А главное, железная коробка с сигнальными ракетами!

Бригадир молча привесил к поясу четыре ракеты, пятую вложил за воротник комбинезона. Против ящеров – самое то, пугает до полусмерти. Если б еще и верхний люк открывался снаружи... Ладно, нечего тут губы раскатывать! Работать надо. Оглядевшись, Громов быстро опустился на колено, отвинтил две шайбы, герметизировавшие инструментальный ящик, вынул пробойник и гаечный ключ, рассовал по карманам отвертки. Толстая подошва «универсальных сапог» оказалась как нельзя кстати.

Минута работы, и пробойник оказался ввинчен в подошву острым концом вперед. Для надежности, Громов обмотал скотчем носок сапога и выпрямился. Вдали был уже виден конец ущелья; неведомый пилот перевел водометы в форсированный режим. За кормой вездехода взметнулись пенные буруны, Ивану пришлось ухватиться за поручень. Резко ускорившись, машина помчалась к берегу.

Бригадир стиснул зубы. Сейчас, или никогда – на суше тряска сделает его план невозможным. Не тратя времени, Громов перемахнул поручни и повис на руках по

левому борту. Его накрыло волной, рвануло назад, но сильные, мозолистые пальцы держались крепко.

Морщась от брызг, Громов ударил ногой в прожектор. Еще раз, и еще. Стекло, прикрывавшее рефлектор, было прочным, однако примотанный к сапогу пробойник его одолел, и Громов получил упор для ног. Дальнейшее являлось делом техники.

Свесившись на одной руке, Иван раздвинул защитные дверцы на замке, трижды повернул хромированное кольцо вправо, вдавил клавишу в центре и еще раз повернул кольцо, но уже влево. Люк с шипением раскрылся. Торопясь, чтобы вода не залила шлюз, Громов соскользнул по броне, вцепился в створку и, рыча от напряжения, втащил себя в люк. Тут же ударил по кнопке аварийного задривания. Секунда – и грохот волн стих; Иван остался по колено в воде, но уже в кабине.

Громов перевел дыхание. Да– а, не к такому первому контакту его готовили... С сигнальной ракетой в правой руке и отверткой в левой – идти на встречу с братьями по разуму. Весело, блин...

Автоматические помпы уже закончили осушать шлюз, и внутренняя дверь с мелодичным сигналом открылась. Громов, сглотнув, поднял ракету наизготовку и шагнул вперед. Обалдеть. Короткая винтовая лестница – и он увидит пришельцев! Неужели и впрямь пернатых?

Иван шагнул вперед, но подняться не успел: из салона, явно услышав сигнал шлюза, выглянул окровавленный динозавр.

Глава 3

Громов перевел дыхание. Да– а, не к такому первому контакту его готовили... С сигнальной ракетой в правой руке и отверткой в левой – навстречу братьям по разуму. Весело, блин...

Автоматические помпы уже закончили осушать шлюз, и внутренняя дверь с мелодичным сигналом отъехала в сторону. Громов, сглотнув, поднял ракету наизготовку и шагнул вперед. Обалдеть. Короткая винтовая лестница – и он увидит

пришельцев! Неужели и впрямь пернатых?

Иван шагнул вперед, но подняться не успел: из салона, явно услышав сигнал шлюза, выглянул окровавленный динозавр.

Формой морды, ящер напоминал не крокодила, а помесь гремучей змеи и птицы; граненная, совершенная аккуратность черт, мелкая чешуя, развитые надбровные гребни и тонкие вытянутые челюсти, сходные с клювом. В отличие от змей, однако, голову зверя покрывали желто–оранжевые перья, макушку украшал пышный хохолок, а янтарные глаза ничем не напоминали мертвые, тускло–рыбьи бусины – напротив, они пылали энергией и жизнью. Несколько секунд динозавр и оцепеневший от неожиданности Громов молча разглядывали друг друга.

– Обалдеть... – прошептал Иван, узнав в ящере того самого рахонависа, что отважно бился в небе над пустыней. Это моментально заставило бригадира напрячься; хоть динозаврик казался небольшим и хрупким, по пояс взрослому человеку, Громов хорошо запомнил его боевые качества.

Выставив ракету перед собой, Иван осторожно попятился к шлюзу. Стрелять он пока не хотел; может, эта тварь у пришельцев заменяет любимую собачонку? Негоже начинать контакт со стрельбы по собакам... Или ящерицам... Ящерокурицам... Петухозаврам... Индюкотопсам...

Тем временем рахонавис смешно склонил голову набок, как делают хищные птицы, открыл клюв и что–то сказал.

СКАЗАЛ. Ящер. На вполне отчетливом и членораздельном языке, который звучанием сильно походил на финский. Громов явственно ощутил, как волосы встают дыбом.

– Ты... Ты сейчас что–то сказал? – выдавил человек, облизнув разом высохшие губы.

Рахонавис громко произнес «кррра», после чего выдал длинную фразу на том же языке и, с явным удивлением, уставился на Громова. Будто не мог вообразить, что его не понимают.

Иван сглотнул. Все странности с поведением ящера в воздушном сражении мгновенно объяснились. Яснее стала и общая обстановка – похоже, «черные птицы» и «оранжевые птицевящеры» как раз и являются враждующими фракциями пришельцев.

Обалдеть, сразу два разумных вида, и оба пернатые, лишенные рук! Неладно что-то в юрском королевстве... Меловом... К черту, какая разница?!

– Я сейчас открою люк в грузовой отсек, – медленно и отчетливо произнес Громов, не сводя взгляда с рахонависа. – Я выпущу своих друзей.

Ящер озадаченно приподнял хохолок, оглянулся назад и крикнул в салон что-то, звучавшее как «тари». Визг водометов за бортом сразу стих, машина довольно резко сбросила скорость и закачалась на волнах, так что Громову пришлось схватиться за поручень у люка. Похоже, на борту лишь двое пришельцев... Это уже интереснее...

Рахонавис посторонился, пропуская на лестницу своего спутника, и вот теперь Ивану действительно стало не по себе. Одолеть хрупкого птицеящера в тесном шлюзе, где тому ни расправить крылья, ни ударить хвостом – дело вполне реальное. Встретиться в той же обстановке с троодоном, если в руках нет автомата, а на теле – бронескафандра, уже совсем не так весело...

Ящер, правда, оказался не особо крупным – видимо, птенец. Его салатовые перья сильно отличались от почти нормальных птичьих перышек рахонависа; оперение у троодонов было колючим и куда более грубым, а узоры на чешуе настолько точно воспроизводили камуфляж, будто ящера красили на военной базе в Свердловске-44, где Громов служил в юности. Но главное, яркие голубые глаза смотрели с любопытством и легкой тревогой. Разум отражался в них столь явственно, что Громов, пожалуй, посчитал бы зверя инопланетянином, даже не оказись тот говорящим.

Троодон что-то произнес тонким присвистывающим голосом. Язык был тем же псевдо-финским. С опаской покачав головой, Громов пальцем указал на себя, затем на заднюю стенку коридора, где темнел обрезиненный (и открывавшийся лишь из кабины) люк в грузовой отсек.

– Я должен выпустить друзей, – негромко, с нажимом произнес человек. – Друзья. Friends. Amigos...

При звуках испанского языка, троодон встрепенулся, с громадным удивлением уставившись на Громова. Пару раз открыл пасть, будто мучительно вспоминал слова. И наконец, с огромным трудом, выдавил по-испански:

– Друзья?

Иван чуть не свалился на пол от неожиданности. Разумная ворона? Ладно.

Разумный рахонавис? Так и быть. Разумный троодон? Черт с ним. Но разумный ИСПАНОЯЗЫЧНЫЙ троодон – это, народ, уже чересчур. Это, блин, просто смешно. Это... Это... Блин!

– Ты говоришь по– испански? – выдавил Громов, чувствуя, что если ящер ответит, у него просто взорвется мозг.

Троодон зажмурился, часто и глубоко дыша. Его пернатый спутник что–то с тревогой спросил, ящер отозвался на незнакомом языке и, вновь, обратил взгляд на человека.

– Я... Узнаю... Слова... – прошептал он, мучительно напрягаясь, но при этом – совершенно без акцента. Вернее, легкий акцент как раз присутствовал, только не динозавровый, а кастильский! Бригадир яростно зажмурился.

– Чертовщина какая–то, – выдохнул он. Сжал кулаки, хрипло выругался. Ладно, пусть будет испаноязычный динозавр с кастильским акцентом. Пусть. Лишь бы пробраться в кабину.

– Я должен выпустить друзей, – по– испански сказал Громов и вновь указал на люк. Троодон неуверенно кивнул и повторил жест человека.

– Прости... – с натугой произнес он. – Нас... Преследовали... Не было... Времени... Объяснять.

Бригадир отпрянул. Как ни странно, до него лишь сейчас дошел СМЫСЛ происходящего; невероятное открытие говорящих динозавров оттеснило на задний план, собственно, первоочередную задачу любой беседы – обмен информацией. Только теперь, услышав от ящера извинения, Громов сообразил, что с ГОВОРЯЩИМ динозавром можно, вообще–то, говорить! Задавать вопросы! Обалдеть... Упасть, не встать...

– Кто вы? – быстро спросил Иван.

– Тари, – прозвучал ответ.

– Это имя?

– Имя... – прошептал троодон. – Да, имя! Мое имя Тари! – с каждой секундой испанский давался ему легче, будто ящер припоминал давно забытое стихотворение. – Я друг! Мы друзья! Это Врум! – он указал лапой на рахонависа. – Мы... Долина... Я лечитель из долины!

– Лечитель? – переспросил Громов. – В смысле, врач?

Тари радостно закивал.

– Врач! Да, да, да! Я врач из Долины. Кто ты?

Иван яростно почесал в затылке. Н– да.

– Бригадир Громов. М– м– м... человек, – добавил он с запинкой.

Тари моргнул.

– Бригадир... В Долине говорят «керраи», – объяснил он. – Ты керраи, вида человек, да? Я хитти, мой вид называется асск. Врум хитти, вид... Нет названия, – троодон виновато развел лапами. – Врум один в Долине.

Громов слотнул.

– Я выпущу друзей? – напомнил он.

Тари с готовностью кивнул.

– Только... Не враждовать, хорошо? – попросил он как-то удивительно по-детски. – Мы друзья. Я друг керраи. Вас чуть не убили наши враги. Не мы!

Иван кивнул, с опаской протискиваясь мимо троодона к люку.

– Я знаю. Черные птицы.

– Кассаниды, – с ненавистью произнес Тари. – Они заодно с ютами. Они враги Долины, враги всех кто друзья!

«Приятный солнечный денек» – внезапно подумалось бригадиру. Вопрос: куда бы он послал человека, предсказавшего ему утром, что вечером он будет беседовать с динозаврами? Ответ: на картах это место, явно, еще не отмечено...

– Народ, вы там как, живые? – позвал Громов, приоткрыв люк. Ответом явились радостные возгласы. Оглянувшись на Тари и его пернатого спутника, которые предусмотрительно поднялись по лестнице в кабину и сейчас глядели оттуда, Иван вторично почесал в затылке. Пожалуй, объяснить обстановку туристам будет сложнее, чем Сервантеса динозавру... Тем более, что динозавры, как выясняется, болтают с кастильским акцентом.

– Народ, в общем так, – произнес бригадир, открывая люк настезь. – Главное, без паники. Я вступил в контакт с пришельцами.

В кузове мгновенно воцарилось молчание. Первой опомнилась Руденко:

– Кто они?! – выдохнула девушка.

– М– м– м... Тут–то и подвох, – мрачно отозвался Громов. – Я так понимаю, вас ждет сюрприз, но смотрите у меня – что б без эксцессов! Как бы ни выглядели наши, м– м– м, братья по разуму, они определенно заслуживают, м– м– м, разумного отношения. Ясно? Без паники, без обмороков и без стрельбы!

– Стрельбы? – переспросил Королев, выбираясь на волю следом за Руденко. Оглядевшись, он первым заметил в дверях салона две динозавровые мордочки и рывком отпрянул, вжавшись спиной в стену.

– Троодон! – прохрипел геолог, вцепившись в рукав Громова. – Берегитесь!

– Спокойно! – рявкнул Иван. – Говорю, без паники! Это и есть пришельцы, они говорящие!

Три пары квадратных глаз уставились на бригадира. Дружинин, сглотнув, оттеснил Руденко чуть назад, чтобы прикрыть ее в случае нападения.

– Иван Иваныч? – напряженно спросил биолог. – Вы утверждаете, что у нас в салоне сидят разумные троодон и рахонавис?

– Я вам нафиг ничего не стану объяснять, пока не успокоитесь, – сурово отозвался Иван. – Так, голубчики: становитесь– ка в ряд, спиной к борту. Вот– вот, – он захлопнул люк и перевел дыхание. – Теперь взялись за руки, дружно зажмурились и выдохнули. Полегчало?

Руденко нервно замотала головой. Громов почесал в затылке.

– Ладно, я старался. Еще разок: без паники и обмороков! – он обернулся к динозаврам и перешел на испанский. – Тари, можете что–нибудь сказать? Мои друзья... Слегка... Удивлены.

– Я понимаю, – отозвался троодон, с огромным интересом разглядывая людей. – Наверно, вы привыкли видеть лишь ассков– животных, что обитают в диких прериях.

Громов обернулся к «туристам». Подготовка сработала – в обморок никто не плюхнулся, хотя Королев был к этому явно близок, а смертельная бледность покрывала лица всех троих. Помолчав, бригадир перевел слова динозавра на русский и добавил:

– Не думайте, будто я толстокожий ишак. Мне все это тоже выворачивает наизнанку мозги, но я, типа, практик, и умею абстрагироваться. Сходить с ума будем завтра, на базе, а сегодня туда надо вернуться, сечете?

Посеревший Дружинин чудовищным усилием воли заставил себя кивнуть. Королев был слишком шокирован, чтобы разговаривать, так что вслух отозвалась лишь Руденко:

– Испанский? – дрожа, прошептала девушка.

– Угу, – Громов развел руками. – Мне это ничуть не яснее, чем вам.

– Он говорит! – прохрипел Королев. – Говорит! Троодон!

Динозаврик растянул края пасти в улыбке.

– Я не понимаю языка, но догадываюсь, что вы поражены, – сказал он спокойно.

– Прошу, переведите: все дело в Долине, где мы сейчас находимся. Я обычный асск, в любом другом месте Земли я был бы животным, которых вы привыкли видеть. Разумен я только здесь, – он указал лапкой вниз. – В Долине.

Громов сглотнул. Или он бредит, или обстановка начинает проясняться, а?

– Наш пернатый друг говорит, что... – он начал переводить, но Дружинин нервно мотнул головой.

– Мы знаем испанский, Иван Иваныч.

– Вот как? – Громов отпрянул. – Все трое?

Королев, наконец, одолел шок и сумел кивнуть.

– Более– менее, – пробормотал он, не в силах даже на миг отвести взгляд от Тари. – Ученым приходится изучать немало языков, чтобы быть в курсе главных научных публикаций.

– Я говорю на русском, украинском, английском, испанском, немецком и французском, – заметила Руденко. – Сергей знает еще и японский.

– Мне он тоже знаком, – буркнул Королев. Иван почесал нос.

– Что ж, тем лучше, – он обернулся к Тари. – М– м– м, как выяснилось, все мы знаем испанский язык. Можно вопрос? Откуда его знаете вы?

– Я расскажу, – отозвался троодон. – Только вначале, прошу, поднимитесь наверх. Беседу продолжим в пути, я должен спасти раненную подругу, – с этими словами он исчез в салоне. Рахонавис еще немного помедлил, с подозрением глядя на людей, но и он последовал за товарищем. Пока изумленные путешественники поднимались в салон, снаружи вновь раздалось визжание водометов.

Впереди шел Громов, поэтому ему первому довелось лицезреть незабываемое

зрелище – троодона в кресле пилота. Тари сидел почти как человек, вертикально; хвост он пропустил между ног, однако более короткие лапки вынуждали динозавра наклоняться вперед, чтобы доставать до рычагов. Управлял вездеходом он легко и играючи – Громов моментально понял, что умение Тари водить машину не «наитие», а долгая интенсивная подготовка. Это было разом и ужасно (где ящер мог ТАКОМУ обучиться?!) и отлично (машине не грозит опасность). Тем не менее, бригадир считал своим долгом прощупать почву.

– Я бы предпочел вернуться за руль вездехода, – заметил он, встав рядом с приборной панелью, пока шокированные «туристы» рассаживались по местам. Желто–оранжевый рахонавис зашипел на Громова, тот отпрянул, но Тари успокоил пернатого спутника короткой фразой и бросил на человека быстрый взгляд.

– Я понимаю, – отозвался динозавр после паузы. – Но ты не знаешь, куда ехать. Не бойся за машину, я... Очень хороший водитель. Раньше, в другой... Жизни... Я был пилотом, – объяснил Тари.

– В другой жизни?! – Иван моргнул.

Троодон отрывисто кивнул. Его движения во многом напоминали птички – повороты головы и тела, способность на мгновение полностью замирать.

– Это трудно понять, – сказал Тари, не отвлекаясь от управления. – А еще труднее объяснить. Но мне, поверьте, было не легче. Дело в том, что... – он помолчал, – У нас гораздо больше общего, чем вы можете вообразить. Так уж вышло, что в результате целого ряда невероятных событий я обрел память и навыки человека. Такого же, как вы.

– Но... Как? – беспомощно спросила Руденко.

– Не знаю, – отозвался троодон, подергивая кончиком хвоста. – Я полагал, всему виною ваш вездеход, но пока мы со Врумом мчались по пустыне, уходя от погони... Мои руки работали сами, я просто доверился инстинктам. И с каждой минутой все ярче вспоминал... – он бросил на девушку короткий взгляд через плечо.

–Нет, я не человек, и еще недавно даже не знал такого слова, – очень серьезно произнес Тари. – Однако во мне живет частичка человека из далекого будущего. Я сам не до конца понимаю, вернее, я не понимаю почти ничего, однако факты не отбросить. Каким–то удивительным образом я – врач из Долины по имени Тари, и еще я пилот

венерианских линий Хоакин Альварес.

– Альварес?! – воскликнул Дружинин. – Со станции «Феникс»?!

Повисла тишина.

– Вы слышали об этой станции? – недоверчиво спросил динозавр.

– Невозможно, – с дрожью выдавил Королев. – Галлюциногены... Газ подмешан к воздуху...

– Я тоже раньше полагал, что в Долине особенный воздух, – согласился динозаврик. – Теперь я в этом сомневаюсь.

Громов судорожно перевел дух.

– Вы единственный выживший с «Феникса»? – спросил он неожиданно хриплым голосом.

– Меня там не было. Я не Хоакин Альварес, – с нажимом отозвался ящер. – Мое имя Тари, я действительно аск, не человек. Я лишь разделяю... Нечто внутри себя... С Хоакином Альваресом, человеком, который родится через миллионы лет и погибнет в катастрофе вместе со станцией «Феникс». Вернее, некая частичка МЕНЯ сохранится, когда я умру и, спустя миллионы лет, станет частью Хоакина Альвареса. А после него, быть может, частью кого-то еще... – Тари беспомощно улыбнулся. – Так странно об этом думать!

– Удивительно, – прошептал Дружинин. – Но ведь станция взорвалась, обратилась в газ более сорока лет назад! Как могла сохраниться матрица памяти? Как она оказалась на Земле, в меловом периоде, и... И...

– ...в моем теле? – грустно спросил динозаврик. – Не знаю. Правда, не знаю. Жизнь Хоакина кажется мне сном, увлекательным и таинственным, но вспоминать ее не легче, чем вспоминать сны, – он понурил голову. – Простите. Я хотел бы знать больше, я... Всегда стремился к знаниям. Но я не могу открыться этому до конца. Я перестану быть Тари, если стану Хоакином, – тихо добавил ящер.

Повисла тишина. Изумленные люди глядели на пернатого динозаврика, а тот уже вывел вездеход из реки и резко увеличил скорость. Покачиваясь на магнитной подвеске, машина мчалась на восток вдоль подножья окружавшего Долину горного хребта.

– У всего есть и обратная сторона, – заметил Тари после долгого молчания. –

Например, мы сейчас разговариваем на языке, известном лишь Хоакину. И разговор дается мне с каждым мигом все легче, поскольку пробуждаются речевые центры. Не память, а рефлекс, – пояснил динозаврик. – Вроде умения пилотировать. Это, как ходить – однажды выучившись, никогда не забудешь.

Руденко зажмурилась.

– Я не верю, – сказала она бессильно. – Я не могу верить в говорящих динозавров. Не имею права. Если троодоны способны мыслить, нам придется выкинуть всю биологию, генетику, этологию и...

– Аски неспособны мыслить, – глухо прервал Тари.

Девушка, запнувшись, обратила к динозаврику удивленный взгляд, Дружинин и Королев подались вперед. Громов молчал.

– Что вы хотите сказать? – с тревогой спросила Настя.

Тари скрипнул зубами, мастерски лавируя вездеходом между деревьями.

– Именно то, что сказал. Мы неспособны мыслить самостоятельно. Если я окажусь за этим горным хребтом, – Тари кивнул налево, – И на моей груди не будет висеть наарен, – он тронул кристалл когтем, – Я умру.

Все отшатнулись.

– Кристалл! – прошептал Королев. – Узнаете?!

– Я–то узнал еще в шлюзе, – буркнул Иван.

Тари вздохнул.

– Позвольте рассказать о самой удивительной долине планеты Земля, – он умолк, с необычайной яркостью представив свой дом. Только теперь, с новыми знаниями, Тари видел куда глубже... Ощувив тоску друга, Врум робко толкнул его крылом:

– Тари, все хорошо? – тихо спросил птицеящер. – О чем ты говорил с керраи?

Юный асск содрогнулся.

– О глупостях, друг, – отозвался он нежно. – О глупостях.

На краткий миг отвернувшись от дороги, Тари метнул на людей горящий взгляд и приступил к рассказу. Это отняло довольно много времени. Когда асск закончил, вездеход уже приблизился к месту трагической гибели Зайхана. Пока шокированные космонавты переваривали историю Долины, Тари вырулил на дорогу, где до сих пор

темнела лужа засохшей крови. Убитого юта здесь уже не было – его сородичи (или нхорны) обо всем позаботились.

Тари вылупился в Долине, провел в ней всю жизнь и, разумеется, привык воспринимать законы Тики– Ра как должное. Законы эти гласили, что мертвые принадлежат нхорнам; поскольку многие жители Долины отличались колоссальными размерами, после их смерти падальщикам, нередко, приходилось поедать тела неделями, а иногда и месяцами. Динозавры давно привыкли «не замечать» такие картины, благо, в подавляющем большинстве случаев умирающие гиганты вполне сознательно выбирали для последнего упокоения укромные места в чашобах или среди скал.

Но так получалось не всегда. Приближаясь к месту гибели Зайхана, Тари стиснул зубы, готовясь увидеть пиршество нхорнов, и каково же было его изумление, когда вместо жуткой мясорубки глазам юного аска открылось нечто совсем иное...

Гигантский десятитонный анкилозавр, вполне сравнимый с вездеходом по своим габаритам, покачиваясь, медленно брел в направлении Долины, снося на пути кусты и деревья, будто хрустальные одуванчики.

– Зайхан... – прошептал Тари, моргая от изумления. – Хранитель Зайхан! Он жив!

Громов, до сих пор под впечатлением от рассказа, с трудом пришел в себя.

– Нифига се зверушка... – пробормотал он, с явным уважением глядя на бронезавра. Тот, услышав моторы, неловко повернулся и уставился на вездеход крохотными, налитыми кровью глазками.

Тари вдавил клавишу внешней связи:

– Зайхан, не бойся!

– Бояться? – пробормотал гигант, озадаченно разглядывая машину. – Ты, типа, кто?

Тари запнулся, сообразив, что объяснить превращение юного аска в семидесятитонное оранжевое чудовище будет непросто. Обернулся к людям.

– Я должен ненадолго выйти, это мой друг и один из правителей Долины, – сказал он быстро. – Я думал, его убили... – Тари обернулся к Вруму и перешел на родной язык: – Лети вдоль тропы по направлению к Оазису, ищи Лаэллин! Она была

ранена, когда меня похитили! Следуй за запахом крови! Как найдешь – окажи первую помощь и мчись за нами!

– Ясно, – птицеящер кивнул. Не в силах более ждать, Тари выбрался из кресла и бегом припустил к шлюзу, Врум бросился следом. Спустя мгновение, в кабине остались одни люди.

Громов даже крякнул. Почесав в затылке, он опустился в свое кресло, развернул его к «туристам» и молча на них воззрился. Ученые, до сих пор в глубоком шоке, нарушать тишину не спешили.

– Ну– с, народ, что делаем? – помолчав, спросил Иван. Его рука легла на кнопку аварийного задривания шлюзов. Первой очнулась Руденко.

– Нет... Не надо, – выдавила она, хрипло и тяжело дыша. – Мы должны... Помочь?..

– У нас, вообще–то, и у самих хватает проблем, – мрачно отозвался Громов. Кивнул на главный экран, где до сих пор мигала красная рамка. – Ответ с базы так и не пришел.

Дружинин с огромным трудом взял себя в руки и, всем телом, подался вперед:

– Иван Иваныч, этот динозаврик ключ ко всему! Он наш розеттский камень! Его рассказ... Я просто... У меня слов нет!!!

– У ВАС слов нет? – переспросил бригадир. – А мне–то как прикажете реагировать? Где–то здесь, может, бегают мой родной хвостатый дед!

– Как мы умудрились прозевать Долину в прошлую смену? – тихо спросил Королев. – Мы же здесь БЫЛИ. Мы изучали это место, ловили тут... – он запнулся и побледнел, – ...троодонов...

– Ответ очевиден, – заметила Руденко. – Четыре тысячи лет назад этого уникального заповедника просто еще не создали.

– Но Тари говорил о тысячелетней истории!

– Верно. Только цивилизации древнее двух– трех тысяч лет, даже у людей, можно по пальцам пересчитать, – с волнением заметил Дружинин. – Вся история Долины запросто уместится в один цикл работы базы!

Руденко побледнела.

– Так ведь это значит, инопланетяне создали Долину много веков назад! – она в

ужасе оглядела товарищей. – Мы проспали!

Повисла жуткая, напряженная тишина. Все невольно обернулись к иллюминаторам – там маленький зеленый динозаврик увлеченно рассказывал гигантскому бронящеру о своих приключениях. На мгновение, Громову померещилось, что все вокруг – нереально, сон или бред, или даже тренировка на психотропном симуляторе. ПОВЕРИТЬ означало принять правила игры – игры, где все животные разговаривают, космонавты перевоплощаются в динозавров, пернатые ящеры управляют вездеходами, а люди, взорвавшиеся на Венере сорок лет назад, продолжают жить на Земле за семьдесят миллионов лет до собственного рождения.

А главное, согласно этим диким правилам, вместо того, чтобы кинуться на базу и выручать друзей, возможно, попавших в беду – приходилось сидеть в двухстах километрах от места событий и ждать, пока динозавры наговорятся! Подумав об этом, Громов даже крикнул и, в сердцах, ударил кулаком по подлокотнику.

– В общем, так, народ, – сказал он сурово. – Динозавры динозаврами, пришельцы пришельцами, но пока я не буду уверен в безопасности базы, катись они все... в другую сторону.

Настя, рывком, поднялась на ноги:

– Оставьте нас здесь! В Долине нет хищников, мы будем в полной безопасности, пока вы вернетесь!

– Да! – Дружинин и Королев разом вскочили, геолог подался вперед: – Мы возьмем рацию и будем сообщать обо всем, что здесь происходит!

– Это идеальное решение! – с волнением добавил Дружинин.

– И речи быть не может, народ, – отрезал Громов. – Вы возвращаетесь со...

Его прервал тонкий тревожный писк. Все рывком обернулись. При виде посветлевшего экрана на приборной панели, Иван ахнул и бросился к пульту.

– Орел! Орел, я Иволга, отвечайте! Ребята!

В экране появилось бледное, с мешками под глазами лицо Метелина. Пару секунд Громов, моргая, смотрел на капитана.

– Почему молчали?! – взорвался он затем. – Инфаркта моего хотите?!

– Ваня... – Метелин опустил голову, он тяжело дышал. – Нас атаковали. Это контакт.

Все отшатнулись:

– Жертвы? – напряженно спросил бригадир.

– Кажется, нас хотели обезвредить, а не уничтожить... Базу облучили чем-то, вызывающим расстройство альфа- ритмов. Люди потеряли сознание, только сейчас некоторые приходят в себя, – капитан стиснул кулаки. – Ангары с первого по восемнадцатый сожжены, горят до сих пор, антенны космической связи разбиты крупнокалиберным кинетическим оружием. Мы утратили все самолеты, авторемонтные дроиды и связь со спутниками, твой вездеход – последний работающий транспорт. И еще кое- что... – Метелин опустил голову. – Корпус главного проникателя вскрыт.

– Что?! – рявкнул Громов. – Кристалл! Кристалл на месте?!

– Нет, – мертвым голосом отозвался капитан. – Кристалл не на месте. Машина времени уничтожена, Ваня. Мы никогда не вернемся домой.

Повисла страшная тишина. Иван до боли, до посинения сжал зубы.

– Ладно. Разберемся. Что сейчас творится на базе?

– Мы тушим пожары и подсчитываем ущерб. Судя по записям камер слежения, инопланетяне использовали дрессированных или оперированных динозавров как грузовой транспорт и передвижные огневые точки, это значит, они прилетели очень давно. Мы проспали.

– Уже в курсе, – сквозь зубы процедил Громов. – Мы тут, как бы, не прохлаждались... – он в двух словах рассказал о похищении. Метелин схватился за голову.

– Это конец...

Бригадир ударил кулаком по колену:

– Не каркай, блин! Все обойдется! Со мной ремонтный дроид, как только вернемся – подлатаем антенны, вызовем спутники и начнем поиск кристалла! Его энергию аж с Луны засечь можно, не паникуй! Это еще не катастрофа!

Метелин поднял глаза, и бригадир явственно ощутил, как на голове шевелятся волосы.

– Ваня, я не все рассказал, – тихо произнес капитан. – Перед самой атакой ребята Бондарева обнаружили астероид. Тот самый.

Люди повскакали из кресел:

– Что?!

– Как?!!

– Он приближается?!

– Сколько у нас времени? – дрогнувшим голосом спросил Громов.

Метелин сглотнул.

– Осталось меньше года, и мы все умрем, – сказал он растеряно.

Глава 4

...так мы тут и оказались, – Тари закончил рассказ. – Мудрый Зайхан, если б ты знал, как я рад видеть тебя в добром здравии!

Бронящер тяжело перевел дух.

– До «здравия» еще далеко, парень, – пробормотал он, катая полуторатонную булаву на конце хвоста. Земля ощутимо подрагивала. – Однако, рассказик еще тот... – Зайхан улыбнулся. Его крохотные глазки смерили смущенного аска от головы до кончика хвоста, и впервые во взгляде читалось уважение. – Ты молодец, парень. Не подвел. Не то, что я, – Хранитель понурил голову.

Тари вскочил:

– Ты не виноват! Это юты! Любой бы попался!

Зайхан с хрустом сжал челюсти.

– Я не любой. Я Хранитель и защитник Долины.

– Теперь мы знаем, с кем столкнулись, – мягко возразил Тари. – Теперь мы готовы бороться. Твоей вины нет ни в чем, мудрый Хранитель.

– Мудрый, угу, – Зайхан смерил оранжевый вездеход гневным взглядом. – Мудрого так приложили, что я сначала эту самодвижущуюся глыбу за самца принял, и перепугался, как бы тот не принял меня за самку!

Тари прыснул со смеху.

– Тебе уже лучше, правда?

Зайхан кивнул.

– Правда. Давай– ка, паренек, подсоби с переводом? Хочется взглянуть на хваленных керраи из «машины».

– Они «людьми» называются, – Тари кивнул. – Сейчас позову.

Он вернулся к вездеходу и поднялся в салон. Люди встретили аска мрачными и подавленными взглядами.

– Что случилось? – с тревогой спросил Тари.

– Проблемы, – тяжело ответил Громов. – Наше... Логово атаковали те же твари, что палили по вездеходу из автоматов. Мы должны спешить домой, Тари. Прости. Оставить здесь машину не выйдет.

– Но мы скоро вернемся! – поспешно добавила Руденко. Юный аск кивнул.

– Я понимаю. Я тоже боюсь за Долину, – Тари вздохнул. – Чего хотели от вас юты?

– Кристалл, – выдавил Дружинин.

Аск удивленно моргнул.

– Кристалл? Еще один кристалл?

– То есть как, «еще один»? – Королев поднял голову. – Тебе известно, где искать такие кристаллы?!

Все люди в едином порыве подались вперед, Громов и Дружинин даже привстали. Тари тревожно сглотнул.

– Не то, чтобы известно, просто... Когда я... То есть, когда Хоакин еще был на станции «Феникс», там изучали удивительный многомерный артефакт под названием «наарен», – объяснил ящер. – Это был кристалл, покоящийся относительно временной оси и способный связывать между собой сознания всех существ, когда– либо до него дотрагивавшихся. Сейчас этот камень у моего друга в... В... В животе.

– Кристалл с «Феникса» уцелел?! – воскликнул Королев. Руденко и Дружинин вскочили, Громов стиснул кулаки. Тари покачал головой.

– Наоборот. Камень, который сейчас носит в себе Врум, через миллионы лет попадет на «Феникс», – аск запнулся. – Ой. Я только сейчас подумал... – он растеряно оглядел людей. – Простите, а как вы здесь оказались? В меловом периоде?!

Люди невольно переглянулись. Громов откашлялся.

– М– м– м... Даже не знаю, с чего начать, – буркнул он неохотно. – Мы члены

огромной научной экспедиции, самой крупной и дорогостоящей за все время освоения космоса. А история нашей экспедиции неотрывно связана с приснопамятной станцией «Феникс»... – бригадир почесал нос. Вздохнул. – В общем, после катастрофы «Феникса» был получен сигнал гамма-сферы, народ узнал о контакте с инопланетянами в меловом периоде. Ну... Наверху решили, что упускать случай нельзя, вот и отправили нас... Сюда.

– Как? – быстро спросил Тари. – Вы изобрели машину времени?

– Не изобрели, – буркнул Громов. – Нашли. Тот самый «наарен», только большой.

Динозаврик в волнении распушил перышки и подался вперед:

– Свердловск– 44! Верно?

Громов отпрянул:

– Обалдеть... – он яростно потер лоб. – Обалдеть...

– Верно, Тари, камень нашли там, – тихо сказала Руденко. – Откуда вы знаете?

Заврик устало покачал головой.

– Это знал Хоакин. Ему рассказал Драгомир Радовский, один из ученых на борту «Феникса». Он говорил, что долго искал в России второй кристалл, но его следы сгинули еще во времена холодной войны... Значит, вас отправили на встречу с пришельцами? Но почему именно в это время?

Дружинин стиснул зубы.

– Никто не знал, когда именно прилетали гости, – сказал мрачно. – Определить время контакта удалось лишь с точностью до миллиона лет. Поэтому была разработана программа прерывистого многоэтапного дежурства, циклами по четыре тысячелетия, а чтобы не рисковать парадоксом времени, базу расположили в том самом месте, куда скоро обрушится Чикшулубский астероид. Взрыв начисто сотрет все следы нашего пребывания в прошлом.

Тари отпрянул:

– На нас упадет астероид?! – он широко раскрыл глаза. – Ну конечно, упадет! Ведь Хоакин это ПОМНИЛ! Почему я раньше не догадался?! Вот, о чем предупреждал Ахав! Осталось меньше года!

– Тебе известно точное время?! – Дружинин вскочил. – Откуда?!

Тари запнулся.

– Это... Так сразу не объяснить, – он задумался, нервно подергивая хвостом. – Было пророчество... То есть, не пророчество, а память о будущем, очевидно... Но я не понимаю, Ахав говорил, что пытался ПОМЕШАТЬ катастрофе. Как можно ПОМЕШАТЬ падению астероида?! – растерянный асск обвел людей глазами.

Громов крякнул.

– Не знаю, Тари. И почему ваши враги нас атаковали – я тоже не знаю.

– Думаю, ютам стало известно об астероиде, – очень серьезно ответил асск. – Лаэллин говорила, их никто не встречал столетиями, и вдруг сейчас, всего за несколько дней, такая активность... Ой! – он встрепенулся. – Послушайте! Вы ведь можете вернуться в свое время, и так избежать гибели от астероида, правильно? А что, если юты хотят того же?!

Люди переглянулись.

– Господи, Иван Иванович... – Руденко ахнула. – Мы проснулись на год раньше срока! То есть, если б не «ошибка», астероид ударил бы Землю, пока мы спим!

– И просыпаться стало бы некому, – глухо закончил Королев. Дружинин вскочил, принявшись взволновано бегать взад–вперед по кабине.

– Нас разбудили! Метелин сказал, что атаковавшие не хотели уничтожать базу, а только обезвредить! Юты узнали об астероиде и немедленно взялись за дело – захватили Долину в поисках кристалла с «Феникса», атаковали базу, лишили нас самолетов и связи со спутниками! У них есть план!

– Обалдеть... – протянул Громов. – Упасть, не встать...

– Они хотят воспользоваться проникателем! – воскликнула Руденко.

– Тогда в чем смысл похищения кристалла? – озадаченно спросил Королев. – Наша машина была готова и... – он оцепенел. Настя прижала ладони ко рту.

– Юты собирают собственную машину времени! – выдавила девушка.

– Они не стали уничтожать базу, чтобы иметь резервный вариант! Если их машина не работает, всегда останется возможность использовать уже готовую нашу...

– Без кристалла мы никуда не денемся!

– Господи, они вторгнутся в будущее, вооруженные современными технологиями, и станут хозяевами Земли задолго до появления человека!

– Человек попросту не появится! – выдавил Королев. Посеревшие люди уставились друг на друга квадратными глазами.

Тари сглотнул:

– А как же мы? – спросил тихо. – Мы, жители Долины? Мы не хотим сгорать заживо.

Все, невольно, перевели взгляды на динозаврика. Тот опустил голову.

– Во мне живет память Хоакина, – негромко сказал Тари. – Память о гибели моей родины. Я помню, как умру через год. Я это ВИДЕЛ.

Он попятился, упрямо качая головой.

– Нет. Я не хочу. Я не позволю этому случиться.

Руденко с болью потянулась к юному аску.

– Тари... Катастрофу не отворотить. Гибель динозавров давно стала историей.

– Почему? – ящер вскинул голову. – Почему вы так уверены?

Он тяжело дышал.

– Разве в вашей «истории» есть место Долине? Ютам? МНЕ? Разве у нас не может быть будущего?! – Тари ударил хвостом. – Юты борются за жизнь своего народа! Мы тоже имеем на это право!

– Вы не народ, – тяжело бросил Громов. – Вы эксперимент. Долина не случайно раскинулась аккурат в эпицентре грядущего взрыва. Тот, кто вас создал, рассуждал так же, как мы – астероид подчистит!

Юный аск судорожно стиснул зубы.

– Это ложь!

– С чего ж вы тогда моментально теряете рассудок за горами? – Громов прищурил глаза. – Не потому ли, что ящерки не должны расползаться от кратера?

Тари рывком отвернулся, сжимая и разжимая когти. Постоял, приходя в себя.

– Я не позволю Долине погибнуть, – произнес он тихо. – Прощайте.

Аск молча вышел из вездехода и задраил люк. Зайхан все понял с первого взгляда.

– Та– ак... – протянул он, глядя на расстроенного и мрачного Тари. – Не судьба, видать.

– Мы сами себя спасем, – Тари внезапно всхлипнул. – Нам не нужны

пришельцы, правда, мудрый Хранитель? Правда?

Громадный бронезавр с удивительной лаской склонил голову к крохотному в сравнении с ним аску и лизнул Тари шершавым языком.

– Где наша не пропадала, – весело буркнул Зайхан. – Держи хвост трубой, парень. Авось и сдюжим.

Тари сглотнул.

– Надо спешить в Оазис. Мы должны объяснить ютам, что не хотим враждовать! Смерть равно грозит всем! – он нетерпеливо оглядел небо. – Где же Врум...

Птицеящер в этот момент чувствовал себя ужасно. Как и несколько дней назад, неумолимо близился миг, когда ему предстояло расстаться с кристаллом, и боль сводила внутренности Врума, чуть не выворачивая его наизнанку. Рахонавис, корчась, лежал на берегу родного озера, где совсем недавно они с Тари и Аоки владели беззаботное существование, играли в гонки, катались на Мирри. Кто бы мог подумать...

– Врум?! – на миг птицеящеру показалось, что сон стал реальностью: перед ним стояла Аоки! Ошарашенный рахонавис дернулся, мучительно каркнул и тут же расслабился, блаженно приоткрыв клюв. Аоки невольно прыснула со смеху.

– Заканчивай с этим кристаллом, а? – посоветовала она, веточкой сталкивая драгоценность в воду. Рахонавис судорожно перевел дух.

– Аоки! – придя, наконец, в себя, он каркнул и заключил подругу в объятия. – Живая!

– А со мной–то что могло приключиться? – поразилась аска. – Разве вы взяли меня в экспедицию? Нет, вы оставили меня в безопасной Долине... Сражаться с ютами и освобождать рабов! – жестко добавила Аоки. – Ох, и поговорю я с Тари! Где он?

Врум отпрыгнул и указал крылом на север.

– Там! В лесу! Лаэллин ранили, я должен лететь! Искать!

– Лаэллин уже спасли, – успокоила Аоки. – Она в полном порядке, снова у себя в Оазисе. Облизывается с ютами, предательница...

– Кррра?!

– Да– да, – аска мрачно кивнула. – Такие дела.

Врум помотал головой.

– Кррра... Аоки, бежим! Тари с ума сойдет! Он за тебя боится! Его всего исцарапали...

Аска сильно вздрогнула:

– Тари ранен?! И ты молчишь, птиц безмозглый?!

– Нет, не ранен, не ранен! Только царапины... – Врум озадаченно развел крыльями. – Внутри и снаружи...

Аоки решительно вскинула руку:

– Достаточно. Показывай дорогу.

Рахонавис радостно каркнул, но вспомнил о чем-то и замер:

– Аоки... Кристалл?

– Ах, да... – аска вздохнула. Обернувшись к синему камню, что лежал на небольшой глубине, Аоки брезгливо покрутила его веточкой, пока донный ил не очистил поверхность от грязи, выудила хвостом из воды и...

...тьма. Перепуганная аска застыла, не понимая, что происходит, и внезапно увидела вдали лучик света. Вскрикнув, Аоки метнулась вперед.

«Не туда» – чья-то добрая, всеобъемлющая мысль окружила ее сознание, впитала тревогу. Задохнувшись, Аоки резко остановилась.

– Кто ты?!

«Ахав», – тихо ответил неизвестный.

– И что это значит?

«Мое имя»

– Почему темно? Где я?!

«Ты впервые коснулась наарен»

Аоки вздрогнула.

– Кристалл? Это все кристалл устроил?!

«Да, юная амазонка. Всею виной наарен».

Аска прищурила глаза.

– Как ты меня назвал?

Добрый, легкий смех.

«Не принимай близко к сердцу. Лучше оглянись».

Аоки резко повернула голову – и удивленно моргнула. Там, где она только что

стояла, светилось второе светлое пятно.

«Видишь?» – негромко спросил Ахав. – «Все относительно. Нам кажется, что мы во тьме, но стоит оказаться в более темном месте, как старое наполняется светом. И ты понимаешь, сколь чистой и доброй была твоя жизнь...»

Аоки попятилась.

– Я хочу вернуться. Выпусти меня. Выключи этот свой наарен!

«Сначала выслушай» – очень серьезно сказал Ахав. – «Очень скоро Тари погибнет»

– ЧТО?! – Аоки оцепенела.

«Он отправится на поиски Дар– и– Нур вместе с Лаэллин и другими исследователями. Но там, в снегах, его ждет смерть».

– Откуда знаешь?! – выдавила Аоки внезапно охрипшим голосом.

«Я это видел», – очень тихо ответил Ахав.

– Что мне делать? Как помешать?

«Этому нельзя помешать. Лишь так ты станешь собой, Аоки – величайшей воительницей Галактики, главным врагом Аяр. Смерть Тари закалит тебя, научит выносить страшное горе, навеки переполнит ненавистью к его убийцам. Жизнь одного ящеренка – небольшая цена за рождение величайшей воительницы...»

Удар. Во тьму. Рычание, удар! Взбешенная Аоки рывками поворачивала голову.

– Ты, тварь! Покажись! Покажись, гад!!!

Смех.

«Видишь?» – мягко спросил Ахав. – «Одна лишь мысль о смерти Тари придает тебе сил»

– Я уничтожу тебя!!! Я растерзаю вас всех, если с Тари что–то случится!!!

«Да. Именно это ты и сделаешь», – коротко ответил голос. Ошеломленная Аоки зажмурилась, судорожно глотая воздух короткими, отрывистыми вздохами.

– Нет... – простонала она, дрожа. – Нет, не надо... Пожалуйста! Только не так! Не такой ценой!

Ахав окутал аску тончайшим покрывалом нежности и покоя.

«Ты должна решить» – сказал он необычайно серьезно. – «Решить, какой изберешь путь. Однажды ты уже приняла решение; позволь показать, к чему оно

приведет...»

И тьма расступилась, во все стороны простерлись белые заснеженные равнины. Аоки, дико вскрикнув, бросилась вперед, к дрожащей от холода, знакомой фигуре вдали, но натолкнулась на невидимую стену. Впившись в нее когтями, аска оцепенела, глядя на собственного двойника.

Вторая Аоки стояла в снегу на коленях, поддерживая чудовищно обгоревшего, искалеченного аска. Она плакала, но слезы замерзали быстрее, чем достигали земли.

– Почему?... – с мукой простонали обе Аоки. – Почему, Тари, почему?!

Губы умиравшего тронула едва заметная улыбка.

– Я не мог иначе... – прошептал он, с огромной любовью глядя на Аоки. – Прости...

– Нет! Нет, нет, только не так, не так!!!

– Любимая... – дыхание Тари слабело. – Родная... Не... Мсти... Не становись... Как они... – аска мучительно изогнулся. – Тебе... Принимать эстафету... Защити... Нас... – он дернулся, и пасть бессильно приоткрылась. Обе Аоки страшно закричали и, одинаково бессильно, рухнули в снег.

Прошла целая вечность, прежде чем аска пришла в себя. Видение снежной равнины медленно гасло, вторая Аоки до сих пор была там – качаясь от горя, она прижимала к себе Тари и что-то пела дрожащим голосом, беспомощно царапая землю. Боль и ненависть с такой силой рванулись в душу, что настоящую Аоки скрутила судорога.

«Этого еще не случилось» – мягко произнес Ахав.

– Зачем показал?! – глухо простонала аска. Ее трясло, дыхание со свистом рвалось из ноздрей. – Зачем показал, сволочь?!

«Я видел это однажды, и не хочу увидеть вторично», – сурово ответил голос.

– Я ТОЖЕ НЕ ХОЧУ!!!! – Аоки взвилась огненной кометой, раскрыв пасть, выставив когти. – Я убью тебя!!!

«Выслушай», – тихо сказал Ахав. – «То, что я сейчас делаю, выворачивает мне душу наизнанку. Я прощаюсь, Аоки. Мы с тобой прожили миллионы жизней, я обучил тебя всему, что знал сам, но только сейчас вижу, что знал я недостаточно. Ты единственное существо, которое я могу назвать дочерью. Единственная, кого я люблю

сильнее жизни. Я так сильно тебя люблю, малышка, что решил уйти, поскольку так и не смог дать тебе то, что дал он...»

Весь черный мир внутри кристалла содрогнулся вместе с Ахавом.

«Я ждал тысячи лет, надеясь, мечтая, моля! Но твоя любовь умерла вместе с ним. Той ночью, в снегах, ты навсегда разучилась любить, моя девочка».

Он помолчал. Аоки бешено озиралась, дергая хвостом и поминутно выпуская когти, ее сердце дико колотилось. Ахав, с бесконечной лаской, смотрел на свою лучшую ученицу.

«Прости» – прошептал он горько. – «Я оказался плохим учителем»

– Кто ты?! Кто?!

«Сон» – отозвался голос. – «Я предрассветный сон, из тех, что никогда не удается вспомнить, но чью грусть не забыть. Я старик, мечтавший полюбить соловья, и смастеривший для него золотую клетку. Я пророк, предсказавший, что моим пророчествам не поверят».

Аоки зажмурилась.

– Выпусти меня! – взмолилась она. – Я побегу к Тари! Он не должен идти в эту проклятую снежную пустошь!!!

«Должен» – сурово сказал Ахав. – «И если ты не хочешь увидеть в реальности его смерть – ты должна идти с ним. В прошлой реальности Тари погиб, поскольку тебя не было рядом».

Аоки задохнулась.

– Я буду с ним... – прохрипела она, дрожа. – Я буду с ним, куда бы ни занесла нас судьба!!!

«Тогда я могу идти» – спокойно ответил Ахав. – «Прощай, моя девочка. Моя... Лучшая... Ученица...» – голос слабел с каждым словом, и внезапно тьма просветлела. Аоки очнулась на берегу родного озера, рядом сидел перепуганный Врум и долбил ее клювом по голове.

– Аоки! Аоки! Очнись!

Застонав, аска отпихнула птицеящера и села, схватившись за голову. Валявшийся на песке кристалл зловеще пылал синим огнем.

Некоторое время Аоки сидела молча, закрыв глаза и с силой втягивая воздух.

Она помнила каждый миг странного видения – помнила даже чудовищное, сжигающее разум горе. Ее хвост затрепетал даже от воспоминания.

– Врум, – тихо сказала Аоки, когда немного привела мысли в порядок. – Врум, пушистый ты мой Врум. Хочешь узнать тайну? Я люблю Тари.

Рахонавис озадаченно моргнул.

– Я тоже!

Аоки с трудом рассмеялась.

– Конечно, мы всегда его любили! Но сегодня я поняла... Это не объяснить, Врум. Просто поверь.

Птицеящер с недоумением кивнул.

– Верю...

– Вот и отлично, – сухо отозвалась аска. Глубоко вдохнув, она встала на ноги. – Пушистик, сделай доброе дело. Отыщи Найю, она сейчас в Оазисе. Скажи, пусть мчится сюда – нам предстоит новое путешествие.

– Далеко? – с испугом спросил Врум.

Аоки сверкнула глазами:

– Даже дальше.

Растерянный и удивленный, Врум нерешительно кивнул. Аоки подождала, пока рахонавис скроется вдали. Затем, молча, она подошла к сухому дереву, на ветке которого висел автомат, взяла оружие в лапы. Передернула затвор, обернулась. Кристалл у воды ярко светился.

Жесткая, отрывистая трель выстрелов разнеслась над доисторическим озером.

Конец первой книги

Книга II

Пролог

Шум, КОСТЕР – и ТУШЁНКА ИЗ БАНОК,
И ОХОТНИЧЬЯ ВОДКА НА СТОЛ,
ТОЛЬКО ПОЛЗ ПРИСМЕЛЕВШИЙ ПОДРАНОК,
ЗАВОРОЖЕННО ГЛЯДЯ НА СТВОЛ.
А ПОТОМ, СПИРТ ПЛЕСКАЛСЯ В КАНИСТРЕ,
СПАЛ АЗАРТ, БУДТО ВЫИГРАН БОЙ...
СНЕС ПОДРАНКУ ПОЛЧЕРЕПА ВЫСТРЕЛ,
И РОГА ПРОТРУБИЛИ ОТБОЙ.

В. Высоцкий

Этим вечером звено металлических птиц впервые промчалось над Долмархоллом. Блестевших в закатном пламени синевато– стальным ледяным совершенством, их провожали испуганными взглядами да перешептыванием. Птицы шли высоко, много выше облаков, двумя клиньями по пять в каждом, не шевеля крыльями и оставляя за хвостом медленно гаснущий призрачный след. Рыжие лучи заходящего солнца в нем преломлялись, краснели, создавая жутковатую картину исполосанного когтями неба.

Минуло уж несколько лет с тех пор, как стальных чудовищ впервые заметили, и хотя еще никто не встречал их вблизи и не слышал, чтобы птицы где–нибудь приземлялись, всякое появление таинственных тварей вызывало тревогу. Некий Фистафиус из пограничной крепости Белленор умудрился высчитать размеры бестий, когда те пересекали диск луны, и объявил во всеуслышание, что длина металлической птицы достигает полусотни ярдов –то есть там, в недостижимой вышине, над городами проносились чудовища крупнее китов...

Так, или иначе, со временем люди привыкают ко всему; и если в первые месяцы появление тварей вызывало на земле тотальную панику, нынешний их пролет над Долмархоллом лишь нарушил сытное предвечернее спокойствие. Дети с радостными криками тыкали пальцами в небо, женщины сзывали своих чад нервными голосами, а мужчины, хмурясь, провожали стальных птиц недобрыми взглядами. Большинство горожан этим и ограничилось; был, однако, один, кого появление чудовищ встревожило не на шутку.

Юркнув под навес ближайшей лавки, Даглас лихорадочно огляделся. Его худое недоброе лицо побледнело, ноздри расширились.

– Погреб есть? – быстро спросил он хозяина, дородного пухлощекого пекаря. – Я должен спрятаться, прямо сейчас! Ну же!

Растерянный торговец моргнул.

– Погреб? – переспросил тупо. – Эта... Подвал?

– Подвал, колодец, что–нибудь подземное! Скорее!

Пекарь почесал за ухом.

– Ты, эта, покупать не будешь, не?

Даглас скрипнул зубами, подавив неистовое желание вцепиться дураку в горло.

– Я куплю булку, целый каравай, только отведи в погреб! Дорога каждая се... – он запнулся. Судорожно сглотнув, вскинул к глазам левую руку – там, на запястье, под длинным уродливым шрамом, внезапно вспыхнула россыпь крохотных огоньков. Даглас попятился и вжался спиной в подпорку навеса. Ноги стали ватными и чужими, лоб моментально вспотел.

– Поздно... – прошептал он в отчаянии. На долгие секунды зажмурился, дико втягивая воздух ртом. Наконец, придя в себя, стиснул виски и страшным усилием воли подавил панику. Он знал, что такой день настанет. Всякому везению положен предел.

Даглас рывком выпрямился. Бросил взгляд на пекаря – тот ошалело моргал – нет, пожалуй, это слишком. Бешено озираясь, обратил внимание на мужчину средних лет, что стоял ярдах в двадцати от лавки и смотрел на пролетающих в небе птиц. Подходит?

Наметанный глаз отметил достаточно дорогую одежду незнакомца, крепкое сложение и осанку. Черты лица, высокий лоб, каштановые волосы и переносица с горбинкой выдавали северянина, а тонкие, крепко сжатые губы да квадратный

подбородок с ямочкой недвусмысленно намекали на твердый характер. Это могло вызвать проблемы, но искать лучшего кандидата в оставшиеся секунды было слишком рискованно. Оставалось положиться на интуицию.

Глубоко вздохнув, Даглас мысленно помолился о снисхождении к его грешной, воистину грешной душе, стиснул зубы и резко, до хруста, крутанул правой рукой свое левое запястье. В глазах помутилось, сердце ударило гулко, свирепо – а затем запульсировало в диком предельном ритме.

Мир моментально потерял краски; сетчатка глаз перешла в монохромный режим, чтобы успевать слать мозгу изображение. Борясь с инерцией собственных конечностей и двигаясь, будто в густом киселе, старея на год за каждую минуту ускоренного метаболизма, Даглас двинулся к намеченной жертве.

Люди на улице застыли восковыми фигурами. Было видно каждое биение крылышек ос, что роились над прилавком пекарни. Северянин все так же смотрел в небо, не замечая приближающуюся опасность; но с каждым шагом сам Даглас осознавал, к своему ужасу, что сил дойти ему просто не хватит. Плохое питание в последние месяцы, нервозность да бессонница сделали свое дело.

До спины незнакомца оставалось всего два ярда, когда разогнанное сердце не выдержало нагрузки и лопнуло. Скрюченное тело Дагласа, корчась, рухнуло на мостовую. Из горла густым потоком хлынула кровь, сознание начало меркнуть. «Как глупо», еще успел он подумать. Как глупо...

– Что с вами?! – озабоченный северянин опустился на колени возле умирающего и схватил его за руку. За левую руку. Возле запястья.

– Вам плохо?!

«Уже нет» – подумал Даглас.

Глубоко вздохнув, он отпустил иссушенную руку трупа и выпрямился. Перебрал широкими плечами. Как его теперь зовут? Гм... Норд. Сир Норд Уоррен, сорока лет, плод внебрачного союза благородной леди Урсулы Уоррен и неизвестного. Бывший офицер, служил в небольшом горном замке Данжн Рич, но был вынужден уйти в отставку по состоянию... Состоянию...

«Здоровья?!»

Разум Дагласа помутился. Закричав во всю глотку, он упал на колени и яростно,

отказываясь верить, разорвал воняющий потом котт. Сглотнул, судорожно стиснул зубы. Под мокрой от гноя повязкой, в груди его нового тела тошнотворно хлюпала опухоль.

Несколько прохожих, успевших подбежать на крики, в ужасе попятились, двое бросились наутек. Даглас, потрясенный открытием, беспомощно поднял голову.

– Я не знал... – прошептал он в отчаянии. – Я же не знал...

– Чума!!! – вопль пекаря разнесся над улицей, как приговор в гулком зале суда.

– Чума!!!

Даглас сжал кулаки. Мгновение паники миновало, следовало срочно действовать, пока не нагрязнула стража. Чумное тело прослужит достаточно, чтобы замести следы. Он вскочил. Пошатнулся от внезапного приступа головокружения – подлинное сознание Норда Уоррена упорно боролось, хотя шансов не имело никаких. Врешь, час смерти пока не пробил... Не сегодня... Никогда!!!

Даглас бросился к злосчастному пекарю, но тот не растерялся и огрел зачумленного тяжелым противнем. Пока бедняга вставал, торговец перемахнул через прилавки и так припустил по улице прочь, словно за ним гнались ожившие мертвецы. Даглас, помотав головой, грязно выругался.

Опрокинув прилавки пинком, он подобрал большой нож для резки тортов и, шатаясь, вернулся к телу своего прежнего носителя. Прохожих давно и след простыл; на улице никого не осталось, ставни в домах закрывались одни за другими. Лучшего и не пожелаешь...

Сильным ударом Даглас отсек трупу левое запястье. Вцепившись зубами в кровоточащую культю, разодрал плоть и вытащил мерцающий огоньками стальной цилиндр размером с палец. Сейчас не до телячьих нежностей.

Молча, даже не поморщившись, он сунул покрытый кровью и ошметками плоти кусочек металла в рот и сглотнул. Скоро нагрянут стражники, он успеет дотронуться хотя бы до одного, а когда чумное тело сожгут – в золе будет нетрудно отыскать аппарат... Лишь бы не...

Свет внезапно померк, когда небо над улицей заслонила огромная тень. Земля содрогнулась. Оцепеневший Даглас собрал волю в кулак: из-за опухоли он начисто позабыл, ради чего все поставил на карту. А сейчас вспоминать было поздно. Закусив

губу, он заставил себя оглянуться.

Одна из железных птиц, что прежде нигде не приземлялись, висела над улицей исполинской тушей синеватого металла. В ее брюхе зияла дыра неправильной формы; зеленоватый мертвенный свет, истекавший оттуда, красил кожу людей в нездоровый оттенок.

Напротив застывшего Дагласа, глубоко вонзив щупальца в мостовую, темнела тошнотворная фигура непредставимо мерзкого полу– механизма, полу– животного. Сочетая черты таракана, краба и пчелиной матки, лоснящаяся тварь несколько секунд не шевелилась, будто получая удовольствие от ужаса в глазах жертвы.

– Господи, помоги... – прошептал Даглас. – На тебя одного уповаю, спаси и...

Чудовище рванулось вперед. Оно двигалось с такой скоростью, что глаза не успевали различать деталей; сотая доля секунды – человека распластали по камням, череп обхватил светящийся обруч, по телу несчастного прошла короткая судорога – и все закончилось.

С той же непостижимой стремительностью, тварь оттолкнулась от мостовой всеми щупальцами и, безупречно выверенным прыжком, вернулась в брюхо железной птицы. Все происходило в мертвой тишине. Даже когда гигантская летающая бестия унеслась в небо, это тоже случилось беззвучно.

Поэтому единственным жителем Долмархолла, кто все видел, оказался бедняга– пекарь. Тревога за родную лавку не позволила ему убежать далеко; забравшись на крышу соседнего здания и оцепенев от ужаса, когда прямо над ним появилась железная птица, пухлощекий торговец наблюдал с высоты за похищением. Едва все закончилось, у пекаря подкосились ноги и несчастный молча сел там, где стоял. Его трясло, в глазах рябили кошмарные картины.

Так он просидел пару минут. В чувство привел лишь далекий раскат грома. Сердце болезненно дернулось, по спине скользнул холодок. Очнись, сказал себе пекарь, это лишь весенняя гроза. Скоро влажный ветер пригонит тучи, на весь день – а то и на два – зарядит ливень. Надо бы подсуетиться, собрать добро... Только кто ж теперь ступит в пекарню, где чумной побывал?!

Торговец жалобно всхлипнул. И полугода не прошло с того ужаса, что натерпелся он в крепости Тиммел. Думал, осядет в новом городе, вновь встанет на

ноги... А там и жена с детьми подтянутся, нынче–то у отца схоронилась, стерва, нет что б за мужа горой – лишь беда на порог, как она в закуток!

Мелкие да уютные мыслишки успокоили торговца. Переведя дух, он хотел встать на ноги и только сейчас заметил, что слышанный им раскат грома все еще продолжается.

Совсем, как той ночью, полгода назад.

А вот и небо на горизонте, кажись, озаряется алым...

Пекарь похолодел. С неизвестно откуда взявшимися силами, вскочил и, прихрамывая, подбежал к высоченной дымовой трубе, что торчала в центре крыши. Там стояла забытая трубочистами стремянка. Запрещая себе слышать рокот с небес, едва сдерживая рвущийся на волю крик, торговец принялся взбираться.

Зрелище, открывшееся с высоты, заморозило последнюю струившуюся в жилах кровь. Северо–запад небосклона опалило зловещее алое зарево. Рокот не умолкал – теперь его не спутал бы с громом и младенец. Пекарь вцепился в лестницу, судорожно сглотнул. Темная точка на горизонте росла с каждым мгновением.

– Нет... – прошептал он, чувствуя, как останавливается сердце, а шея покрывается липким потом. – Эта... Нет... Только не опять... Не здесь... Не надо...

Точка вдали прошла над одиноким утесом, взметнув различимые даже с такого расстояния облака пыли. Тучи, мимо которых она пролетала, закручивались ненормальными дикими вихрями – а потом их раздирало в клочья. Рокот усиливался с каждым мгновением, скоро его ощущало все тело, деревянная стремянка начала мелко дрожать.

Пекарь оцепенел. Трепещущий в страхе разум кричал, плакал, молил спешить в укрытие, но тело просто не слушалось. Алое зарево уже сияло ярче солнца, вдали у городских стен панически металась люди – как муравьи под близящейся с небес слоновьей стопой!

Между тем «точка» уже достаточно приблизилась, чтобы стали различимы ее формы. Чем–то похожая на колоссальную, сводящую с ума своими размерами камбалу, она превышала в диаметре город, к которому направлялась. Чудовищные вихри, поддерживавшие полет этой туши, корчевали вековые деревья, ровняли с землей постройки. Алое сияние исходило от крошечного драгоценного камня, тысячью солнц

пылавшего на верхушке «спинного плавника», черно– зеленая «чешуя» не блестела. Десятки и сотни огней, менее ярких, пробегали по «брюху» исполинской рыбы, озаряли землю под ней зелеными лучами, ловили и тут же бросали цепенеющих в страхе людей призрачными сетками.

Торговец знал – помнил по первой встрече – что сами собой эти светящиеся сетки безвредны, но помнил он и как зеленый луч тянул в рыбе брюхо добычу из горящей крепости Тиммел, будто опытный повар, что выхватывает лавровый лист из супа, не прекращая его размешивать. То же самое случится и здесь... Надо бежать... Сделать хоть что–то!

Трепещущий пекарь заставил себя отцепить руки от лестницы. Ладони были в крови. Ничего не слыша от рокота, он попытался спуститься, но в этот миг небесная «рыба» поравнялась со зданием, на крыше которого находился человек, и поднятый полетом ураган разметал деревянную стремянку, будто поздний одуванчик. Торговца швырнуло на двадцать ярдов, бросило спиной о мостовую. Лежа на боку и уже теряя сознание от боли в переломанных ребрах, он успел заметить, как слепящая сетка из лучей, коснувшись валявшегося у пекарни зачумленного трупа, сменила цвет с изумрудного на пурпурный.

Глава 1

Постой, не уходи!
Мы ждали лета – пришла зима,
Мы заходили в дома,
Но в домах шел снег...

В. Цой

– ...в этом бочонке эль, а тут – добрый эддинский квас, коль решишься трезвую голову сохранить, – деловито объяснял Годфри. – Жратвы, уж не обессудь, нынче велено тебе не давать; чем голоднее будешь утром, тем легче все пройдет, – он неуверенно поскреб свою толстую, лоснившуюся влагой красную шею. Крохотные

кабаньи глазки зыркнули по сторонам. – А еще, да... Велели спросить, нужна ли тебе девка на ночь. Последний раз, и все такое... Нужна?

Норд Уоррен отозвался не сразу. Его легонько мутило, повязка на груди беспощадно сдавливала ребра. Сознание пребывало в странном отрешенно–подвешенном состоянии; чувства болезненно обострены, гул в ушах, головокружение. Предательская слабость в коленях.

– Я не на казнь собрался, – хмуро бросил Норд, опускаясь на дощатую кровать у стены. Пахло гарью, два факела по сторонам целевидного окна тихонько потрескивали. – Оставь меня.

Годфри развел пухлыми ручонками:

– Не могу. Велено присматривать до утра.

– Хоть за дверь–то выйди? – процедил Норд сквозь зубы. – Дай выспаться...

Низкорослый и плотный человек с подозрением нахмурил брови, но возражать не стал. Норд остался один. Еще какое–то время он продолжал механически глядеть в стену, головокружение усиливалось. Наконец, придя в себя, Уоррен медленно растегнул завязки гарнаша, стянул пропитанный потом и лимфой котт и, обнаженный по пояс, с тихим стоном растянулся на кровати. Боль в груди, прежде тупая и неназойливая, пульсировала упругими толчками.

Он закрыл глаза. Мысленно, пытаясь расслабиться, принялся делить большие числа, это могло отвлечь – только не сегодня; сердце трепетало, из глубин сознания тянулся холодными щупальцами иррациональный могильный страх.

«Не спится?» – Норду внезапно вспомнился трескучий, насмешливо–ехидный голос Причарда. Слова будто прозвучали наяву, он даже вздрогнул. После кошмара Долмархолла голова вытворяла недобрые шутки, мешая подлинным воспоминаниям с чужими. Кто такой Причард? Где и когда они встречались? А ведь встреча была, тут сомневаться не приходилось. Норд помнил каждое слово, каждый гнойник на крысином лице подонка.

– Тебе–то что? – прошептал он вслух, точно как годы назад, мучаясь тошнотой в пропахшем гнилью трюме.

Причард хихикнул:

«Эй, морячок, гляди– ка. Блевать потянет, мимо бочки–то не промажь, а то

Гроувс за такое... М– м– м...» – он даже причмокнул и мерзко, ящерино облизал губы.

– Я не моряк, – поражаясь четкости воспоминаний, шепотом отозвался Норд. – Блевать я хотел и на вашего боцмана, и на капитана, и на всю эту вонючую шхуну!

Причард оскалился. Ни говоря ни слова, снял с пояса кожаный мешочек, вытянул оттуда большой, липкий ком жевательного табака и с наслаждением зачавкал, широко разевая блеклый рот с почерневшими искрошившимися зубами. Даже спустя годы, от одного воспоминания Уоррена чуть не стошнило вторично, а в ту ночь он до бочки добежать не успел...

Скрипнув зубами, Норд напряг волю, стремясь выдавить из разума отвратительную картину. Этого никогда не было, это чужая память, мерзкая, подлая, лишь случайно оказавшаяся у него в голове. Тем днем, в горящем Долмархолле шесть месяцев назад, он очнулся в переносном лекарском шатре, одном из сотен, разбитых за опаленными стенами гибнущего города. Доктор, на счастье, попался грамотный и сумел отличить опухоль в груди пациента от чумного бубона, иначе раненного сожгли бы на месте...

Норд зажмурился. Мать некогда обучила его верному способу избавления от кошмаров, что в детстве нередко мучили болезненного и слабого отпрыска знатного рода Уорренов. «Не пытайся забыть страшный сон», – объясняла старушка, покачиваясь в кресле у камина. – «Так ты лишь ярче его запомнишь. Вместо этого, сынок, зови из самых темных глубин картины, что заставляют трепетать душу. Разум слаб; вытесни страх более жутким видением, и больше он тебя никогда не потревожит»

Верный совету, Норд силой воли вызвал на поверхность одно из самых ужасных «не своих» воспоминаний, которое он прозвал «ночь крушения». Боль в груди, нервное напряжение, обостренные до предела чувства – все это вместе придало видению такую яркость, что Уоррен тихо ахнул, будто наяву цепляясь за скользкие доски, пока вокруг ревела, бушевала, исходила слюнявой яростью смерть.

На верхней палубе сразу несколько голосов визжали фальцетом: не как женщины, а как горящие живьем мужчины. Разбитую шхуну мотало из стороны в сторону, в трюме окровавленный Даглас держался из последних сил. Он так и не увидел рифы, на которые швырнуло пылающий корабль, даже не задумался, как может дерево гореть посреди бури. Непонятные гулкие удары сверху казались ему атаками

волн, жуткие – и неестественно короткие – вскрики гибнущих матросов были едва различимы за ревом стихии. Сам Даглас впервые закричал, лишь когда черный, покрытый водорослями кусок скалы размером с телегу пропорол днище, и человека страшно швырнуло прямо на камень, плюща плоть и ребра, будто гнилые лепешки.

Годы спустя, покрытый испариной на кровати, Уоррен машинально уложил ладонь на повязку. Что такое боль в груди, ему было известно слишком хорошо. Он вновь зажмурился, дыша через нос, с натугой. Вспомнил, как вода рвалась в горло, вспомнил ее невыносимую горечь. Жестокая судьба не позволила лишиться сознания; все долгие, невыносимые минуты, пока шторм волок по камням свою жертву, Даглас продолжал биться.

И даже на берегу, куда его вынесло полумертвым – даже там милосердная тьма не спешила облегчать его муку. Истекая кровью, с переломанными ребрами и ободранной до мяса спиной, он судорожно полз прочь от кромки прибора, крича в голос всякий раз, как соленые волны прижигали раны.

Силы оставили Дагласа ярдах в сорока от моря. Он рухнул на влажную траву, скорчился выпавшим из гнезда кукушонком. Вода пошла горлом. Мир перед глазами начал темнеть, и когда земля дрогнула, а лицо опалил раскаленный выдох, человек уже ничего не видел...

В дверь властно постучали. С трудом изгнав гипнотические картины, Уоррен открыл глаза.

– Я пытаюсь уснуть! – прорычал он сквозь зубы.

– Посетитель, – донесся приторный голос Годфри.

– Пусть убирается к чертям и заберет с собой...

Дверь открылась. В комнату вошла сутулая маленькая женщина в пурпурной тунике и красном плаще с капюшоном, молча приблизилась и встала у кровати, скрестив на груди украшенные хной руки. При виде ее лица, Норд сильно вздрогнул и, рывком, сел:

– Алейна? – спросил недоверчиво. – Ты?!

Жрица из далекого горного монастыря Серафимовых Крыл, а по некоторому стечению обстоятельств – старшая сестра Норда, Алейна Уоррен откинула капюшон, но отозвалась не сразу. Вначале ее пронзительные, буравящие глаза цвета темного

золота осмотрели родственника с головы до пят, задержавшись лишь на тугой повязке, перехлестывавшей грудь.

– Только что прибыла, – сказала она бесцветно. – Доложили слишком поздно.

Норд покачал головой:

– Не стоило тащиться в такую даль ради...

– Ты вернешься домой с первыми же лучами солнца, – сухо оборвала жрица. –

Местным я все объясню.

Норд удивленно прищурил глаза:

– Домой? – переспросил он. – В Уоррен– Крик? Откуда нас с матерью прогнали плетьюми?

Алейна стиснула зубы. Под сложными узорами хны, суховатая кожа ее рук отличалась пергаментной желтизной, тонкие темно– красные губы в свете факелов казались черными. Болезненно худая и сутулая, жрица неуловимо походила на воронье пугало – грязное и нелепое для всех, кроме птиц.

– Отец был взбешен, – жестко сказала она.

– Да, я слышан, – отозвался Норд. – Как и о его сказочном милосердии. Ведь все ждали, что он бросит неверную жену псам, а ребенка, плод ее блуда...

Норд рывком встал на ноги, заставив сестру сделать шаг назад.

– Милосердный отец всего лишь отхлестал едва родившую женщину до крови и вышвырнул ее с младенцем за крепостные стены, – прорычал Норд. – О да, он был взбешен... А ты, сестренка? Когда твоя мать чахла в одиночестве, пока я надрывался в попытках не сдохнуть с голоду, ты о нас вспоминала? Когда она умерла, ты даже не явилась на похороны! Бешенством от папочки заразились?

Алейна скрипнула зубами.

– Ты ничего не знаешь, – произнесла она безо всяких эмоций в голосе. – Отец многим пожертвовал, чтобы сохранить вам с матерью жизнь...

– Пожертвовал? Репутацией главного повесы королевства? – издевательски уточнил Норд. – Ты хоть в курсе, сколько он породил отпрысков?

На лице жрицы не дрогнул ни один мускул.

– Уоррены не выносят семейный сор за ворота, – сказала она сухо. – Все давно в прошлом. Не желаешь возвращаться в замок, как угодно. Это не повод для

самоубийства.

– Ох– ох– ох, поглядите– ка, – Норд гневно свел брови. – Никак нежные чувства пробудились? Ах, да, конечно, я и забыл, – он щелкнул пальцами. – По вашей вере, только единоутробное дитя считается родным, верно? То есть я, выходит, твой единственный «настоящий» брат?

Он криво усмехнулся, глядя в яростные золотые глаза.

– Как же вас кусает, о, как же вас всех это жжет... Церковь любвеобильного боженки не дает женщинам права наследования, но родство признается только по матери. Хитро придумано...

Алейна молча, не сходя с места, хлестнула брата по щеке. Тот утер губы ребром ладони и неожиданно, со всей силы, нанес ответный удар. Голова жрицы дернулась, женщина покачнулась и была вынуждена опереться о стену. Повисла тишина.

Нарушила ее Алейна, после длительной паузы:

– Оставим эмоции, – процедила она сквозь зубы. – Прошлого не вернуть. Сейчас имеет значение только будущее. Забудь, кто я; подумай о себе. Обо всем, чего ты лишишься.

Норд сел на кровать. Сцепил пальцы, чтобы те не выдали его дрожью.

– Я принял решение.

– Это бессмысленно и глупо! – жестко сказала Алейна. – В порыве неуместного героизма, ты готов жертвовать всем, но порывы пройдут, а пути назад больше не будет. Можешь не считать меня родней, но я старше, опытней и мудрее тебя!

Норд криво усмехнулся.

– Я не сомневаюсь в твоей мудрости. Избегать меня все эти годы было весьма мудро и полезно для репутации, – он стиснул зубы, покачал головой. – Но выбор, что я сделал, вполне осознанный.

– Осознанный твой зад! – свирепо рявкнула алая жрица. – Ты последний Уоррен! Я бесплодна, и если ты сдохнешь, не оставив потомства, наш дом...

– Я уже сдох, сестренка, – холодно сказал Норд.

Алейна отпрянула и со свистом втянула воздух носом.

– Ч– т– о? – спросила после долгой тишины.

– Опухоль из моей груди удалить не сумели. Она отравила вокруг себя плоть,

мне осталась пара месяцев, может полгода... Ждать я не собираюсь.

Алейна провела ладонью по лицу –точно, как Норд в тяжелые минуты, их родство проявлялось даже в таких мелочах. Несколько мгновений стояла бездвижно, глядя сверху– вниз на перебинтованную грудь младшего брата.

– За пару месяцев еще не поздно зачать наследника, – выдавила она наконец, сжимая и разжимая кулаки. – Сыграем скромную свадьбу, только для своих...

– Сестра, – жестко оборвал Норд. – Прекрати. Сейчас не время. Мы на краю гибели, даже не королевство – само человечество. То, что я... – он сглотнул. – Вернее, тот, кто вложил в меня память, видел на острове...

– Да, да, мир в опасности, – Алейна слегка поморщилась, будто дотронулась до крысы. – Долмархолл сожжен, от Тиммела остались одни руины, и никто не знает, куда враг ударит в следующий раз. Но какое отношение это имеет к твоему... Твоему... Безумию?!

Норд помолчал. Затем, аккуратно, снял висевший на шее кожаный мешочек и развязал шнурок. В полутьме огоньки на железном цилиндрике сияли особенно ярко.

– Не безумие, – сказал он глухо. Алейна молча смотрела на артефакт.

Норд поднял глаза:

– Эта штука переселяет души. И умеет многое другое, я не знаю и сотой доли – всего не знал даже мерзавец, что пытался овладеть моим разумом. К счастью, он хотя бы помнил, как ею пользоваться, поэтому и я теперь помню.

– Магия проклята Господом и навеки изгнана из мира, – жестко возразила Алейна. Норд усмехнулся.

– Скажи это тем, кто строит металлических птиц размером с кита, крадет у людей души и сжигает города с летающей цитадели...

Вздрагнув, жрица подалась вперед:

– Ты их видел?!

– Нет, – покачал головой Норд. – Даже тот, другой, чья память сегодня живет во мне, их не встречал. Волшебный амулет был им похищен.

Алейна подавила желание выругаться.

– И лучшее, что ты придумал, обладая подобным артефактом –тот идиотизм, о котором мне доложили?!

Уоррен горько улыбнулся:

– Есть идеи? Стрельнуть из лука в парящую над головой гору? Закинуть туда веревку и отправить карабкаться солдат? – он подался вперед: – Это уже пробовали, сестренка. Думаю, ты в курсе, что стало со смельчаками.

Алейна отшатнулась.

– Но с какой стати отдуваться за всех должен мой брат?!

Норд прищурил глаза.

– С такой, что я тоже солдат, – ответил негромко. – Сейчас тебя стошнит, милая сестра, но интересами клана жизнь не исчерпывается.

Он развел руками:

– Мы беспомощны, пойми. Наше оружие столь же полезно, как твои молитвы. И вдруг, среди гибнущего города, судьба поднесла мне сказочный шанс все изменить. Если б я верил в твоего божка, я бы несомненно назвал это чудом.

– О, да, – язвительно уточнила Алейна. – Неизвестный герой. Спаситель отечества. Благородный рыцарь, жертвующий семьей для...

– Заткнись! – неожиданно свирепо рявкнул Норд. Жрица умолкла. Ее младший брат несколько секунд пытался успокоиться.

– Никогда не говори при мне слово «семья», – произнес он после длительной паузы. – Ясно? Семьи у меня не осталось со смертью матери. Но даже будь Урсула сейчас здесь, ни ей, ни королю, ни всем напридуманым вами богам вместе взятым не удастся меня остановить. Поэтому, прошу в последний раз, убирайся и дай выспаться. Я пытаюсь подготовиться к завтрашнему. Подготовить душу.

Алая жрица скрестила на груди руки и медленно подошла к брату вплотную. Тот выдержал буравящий взгляд, не моргнув, лишь слегка участился пульс. Целую минуту, невыносимо долгую, бесконечную, в полутемной каморке царил тишина.

Наконец, хрипло выдохнув, Алейна Уоррен рывком отвернулась и, взметнув полы мантии, стремительным шагом вышла из каморки. Хлопнула дверь. Норд судорожно перевел дух.

Пульсирующая боль в груди слегка отпустила, сердцебиение замедлилось. Чувствуя некоторое облегчение, он встал и подтащил бочонок с квасом.

– Завтра, – вслух сказал Норд, глядя как пенится в кружке золотистый напиток.

– Завтра.

Пена... Будто барашки на волнах. Ему вспомнился никогда не виденный собственными глазами лазурный океан, безграничный, ласковый. Кристаллики соли на ресницах. Сморщенная от воды кожа кончиков пальцев, жгучая сухость во рту. Солнце бьет в глаза, не шевельнуться, в мире остался лишь свет – да низкий утробный рокот, далекий и безобидный, как рисунок грозы в детской книжице.

Рокот близится. С высоты надвигается нечто слишком большое, слишком невозможное, и камни вибрируют в давящем ритме, и солнца уже не видно.

Хрипло выругавшись, Уоррен залпом осушил кружку кваса, наполнил еще одну, выпил, налил в третий раз. Вроде помогло...

Остаток ночи ему не запомнился; как всегда бывает, волнение сначала не давало уснуть, а затем будто выключило до самого утра. Разбудил Годфри:

– Пора, – торжественно сказал коротышка.

Путь по коридорам замка показался длиннее, чем двухнедельное путешествие из столицы. Сопровождавшие, шестеро стражников и местный алхимик, хранили гробовое молчание до самого обеденного зала; там уже собралась, похоже, половина обитателей крепости.

Длинные столы и лавки загодя вынесли, пол тщательно отдраили, на стенах закрепили дополнительные факелы. Ответственный за всю операцию – его светлость граф Матиас Корвин, по прозвищу «Милосердный», вместе с хозяином замка лордом Уолтером Арди и главным жрецом, Уоррен не помнил его имени, расположились у большого окна на скамье, покрытой алым бархатом. Рядом темнела сутулая фигура Алейны в красной мантии.

При виде Норда, граф Матиас откашлялся и встал со скамьи. Все люди разом выдохнули, будто по залу пронесся ветерок.

– Сир Уоррен, мы приветствуем вашу отвагу, – сказал граф, предусмотрительно уложив руку на плечо алой жрицы. По всему было видно, разговор между ними состоялся бурный и долгий.

– Это меньшее, что я могу сделать для страны, – негромко отозвался Норд. Коротко поклонился: – Ваша светлость, я готов.

Матиас бросил на забинтованную грудь Уоррена слегка нервный взгляд.

– Сир, я понимаю ваши мотивы... Только хочу напомнить, что обратной дороги не будет. Если вы... М– м– м... Не до конца уверены, можете отказаться прямо сейчас. Мы пойдем.

Норд покачал головой:

– Я принял решение.

Глубоко вдохнув, он бросил короткий взгляд на сестру – влиятельная жрица в это мгновение показалась ему дряхлой беспомощной старушкой – и, решительно отвернувшись, подошел к белевшему в центре зала операционному столу. Сотни людей молча следили, как он скинул одежду и лег лицом вверх. Стальной цилиндр в кулаке будто пульсировал – или мерещилось?..

– Здравствуйте, сир, – робко сказала смуглая большеглазая девушка в оранжевом сюрко, ждавшая у изголовья. Ее крупные мозолистые ладони разительно отличались от утонченных ручонок придворных дам, а по плечам струились светло– соломенные волосы, большая редкость в тех знойных краях, откуда, судя по чертам лица, она происходила.

– Я дева Кавалла Агуардьенте де Манзана, но вы, сир, можете звать меня Кави, – добавила девушка смущенно. – Я... Когда все закончится... Буду вас обучать. Для этого надо пройти запечатление. После... операции, вам развяжут глаза только вечером, и все это время я должна находиться рядом, чтобы вы... – она понурилась взглядом. – Запомнили... Ну... Запомнили...

– Ваш запах? – с ухмылкой спросил Норд. Вспыхнув и окончательно смутившись, соломенноволосая заставила себя кивнуть.

– Простите...

– Ничего, я понимаю, – успокоил ее Норд. – Для меня отныне все будет иначе, не как... у людей.

– Освободите место, посторонитесь! – прогремел голос от дальней стены. Все обернулись, Уоррен приподнял голову; из– под арки, закутанные в фиолетовые мантии, приближались шестеро высших адептов Ордена Сумеречных Искр. За ними везли на тележке неподвижное тело огромного зелено– бурого ящера, крылья беспомощно волочились по полу.

При виде дракона люди подались назад, женщины бледнели, многие рыцари

инстинктивно клали ладони на рукояти мечей. Шестеро адептов приветствовали Алейну почтительными кивками:

– Госпожа.

– Госпожа.

– Госпожа...

Алая жрица стояла неподвижно, сжимая и разжимая кулаки. Молчание она нарушила, только когда дракона уже подвезли вплотную к операционному столу.

– Остановитесь, – глухо сказала Алейна. – Я сама.

Адепты переглянулись:

– Госпожа, находиться рядом со зверем в миг трансформации может быть опасно...

– Молчать! – глаза жрицы сверкнули двумя золотистыми молниями. – Там лежит мой единоутробный брат. Я сама проведу операцию.

Она глубоко вдохнула и сильным, властным жестом выпростала ладони из широких рукавов мантии.

– Принесите цепи, – отрывисто приказала алая жрица. – Прикуйте моего брата к столу.

Норд, вздрогнув, обернул голову:

– Что? Алейна, ты...

– Я не собираюсь предавать дом Уорренов, – сухо оборвала женщина. – Твое гниющее заживо тело еще сгодится для продолжения нашего рода.

Соломенноволосая девушка вскрикнула, застыли даже шестеро адептов. Нарушить молчание рискнул только сам Норд:

– Ты спятила?! Как можно... От трупа?!

– Тело не будет мертво, – отозвалась жрица. – Не сразу... – она обернулась к растерянным адептам: – Мне потребуется донор. Доставьте из темницы любого осужденного на смерть мужчину.

Граф Матиас побледнел:

– Госпожа, уж не намерены ли вы...

– Я намерена сохранить свой род, – глухо ответила Алейна. – А вам, светлейший, рекомендую найти художника.

– Художника?! – переспросил Матиас. Жрица кивнула.

– Пусть зарисует этого ящера во всех деталях. Размножьте изображение и разошлите во все пограничные башни, всем командующим городскими гарнизонами, каждому лучнику королевства.

Она процедила сквозь зубы:

– Не хочу, чтобы моего брата пристрелили на обратном пути, как жалкого дракона...

Глава 2

Лаэллин шагала по тускло освещенному, грубо– каменному туннелю, стараясь не думать о проникающей даже сквозь респиратор сырой вони. Под ногами мерзко хлюпала жижа, со свода обильно капало. Гладь многочисленных луж покрывала устойчивая сеточка ряби – неразличимая на слух, работа далеких насосов здесь проявлялась только в мелкой, отвратительной вибрации.

Гнев и вонь накладывались один на другую, Лаэллин тяжело дышала. Когда путь заслонила решетка с прожекторами, она даже не стала замедлять шаг и сшибла преграду свирепым ударом ноги.

– Я хочу знать, что происходит! – рявкнула Лаэллин, когда на грохот в изумлении обернулось несколько рабочих. Старший, мускулистый великан в ярко– синем шахтерском скафандре, поднял забрало шлема и удивленно прищурил глаза:

– Кэсса? В чем дело?

– В чем дело?! –задыхаясь от ярости, переспросила Лаэллин. – Ты подсунул мне отредактированную запись! Как ты посмел?! Сколько еще таких... мясорубок прошло за моей спиной?!

Повисла тишина.

– Всем выйти, – коротко приказал старший после паузы. Его послушались моментально; бросая тревожные взгляды на Лаэллин и ее оппонента, рабочие поспешили ретироваться в туннель. Командир еще несколько мгновений хранил молчание.

– Сейчас я буду говорить, а ты не издашь ни звука, пока я не закончу, – произнес он наконец, и от скрыто клокочущего в голосе бешенства у Лаэллин невольно ёкнуло сердце. Великан аккуратно уложил на пол разрыхлитель породы, с которым работал перед появлением нежданной гостьи.

– Ты лучший в Галактике специалист по реликтам Аяр, – начал он, стараясь говорить спокойно и размеренно. – Ты исключительно умна, бесстрашна, опытна и преданна. Поэтому, и только поэтому я сделаю вид, будто ничего не случилось, и ты... – он с такой яростью подался вперед всем телом, что вскинувшаяся было возразить Лаэллин прикусила язык, – ...просто пережила нервный срыв. Это ясно? Ответь «да» или «нет».

– Я никогда так не отвечу, Вхагар, – сурово возразила Лаэллин, хотя от напряжения ее легонько трясло. – Ты капитан экспедиции, не диктатор. А когда на ближайшем собрании я всем покажу подлинную запись, ты перестанешь быть и капитаном!

Великан на мгновение зажмурился, пытаясь не взорваться снова.

– Лаэллин, – сказал он сухо. – Ты единственная, кому я отправил «подправленный» отчет. Все остальные, повторяю, все до единого кроме тебя, видели полную версию.

Ученая, сглотнув, невольно отступила на шаг:

– Это ложь!

– Ложь? – капитан гневно прищурил глаза. – Меня уговаривали вовсе не ставить тебя в известность. Или отослать в орбитальный блок на пару циклов, пока ситуация нормализуется...

– «Ситуация»?! – бешено рявкнула Лаэллин, – Это бойня!!! Вы уничтожили два поселения, перебили сотни, если не тысячи беззащитных аборигенов!

Вхагар с кривой ухмылкой пожал могучими плечами.

– Сотня – другая наберется, согласен. Но не больше. Вполне нормальные последствия от работы посадочных турбин в тропосфере, могло быть и хуже – много хуже. Радуйся, что пропустила собрание в отделе безопасности, когда Сиракс предлагала зачищать их гнезда инфратораами, а потом спокойно и в безопасности вести поиск.

Лаэллин недоверчиво сглотнула.

– З– з–зачищать гнезда? Мы сейчас о муравьях говорим или о разумных жителях этой планеты?!

– Вот– вот, мы тоже не сразу определились, – сурово ответил космонавт.

Повисла такая тишина, что стал отчетливо слышен едва заметный перестук – на шлем скафандра капало с потолка. Несколько мгновений ученая пыталась переварить услышанное.

– «Мы» это кто? – спросила она наконец дрогнувшим голосом. Вхагар бросил на собеседницу тяжелый и не самый добрый взгляд.

– Ты прекрасно знаешь.

Лаэллин дернулась, будто ее ударили по лицу. Яркие голубые глаза на мгновение закрылись.

– Я думала, все давно в прошлом.

– Мы хотели верить! – резко сказал Вхагар. – Каждый из нас, искренне! Но ты сама, чуть ли не ежедневно, своим поведением напоминаешь команде, что среди нас чужак.

Тишина.

– Я одной с вами крови.

– Телом! – последовал жестокий ответ.

– Как раз не телом, а...

– Довольно, – рывком оборвал Вхагар. – Довольно, кэсса. Как я уже говорил, ты прекрасная ученая и яркая личность. И тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, что мой народ готов принять любого с распростертыми объятиями. Ты наша подруга, верная и преданная, но мыслишь ты иначе. И в упор не видишь, что мы боимся!

Повисло неверящее молчание.

– Боитесь? – шепотом переспросила Лаэллин, растеряно моргая.

Капитан сплюнул и вскинул руку, указав куда–то вверх.

– Да, милая кэсса. Боимся до одури. Местные «аборигены», в которых ты души не чаешь, прямые потомки расы Шэн. Той самой, в чьих телах небезызвестные тебе Аяр поработили большую часть обитаемого Космоса! Не далее как полтора цикла назад, один из твоих милых аборигенов мгновенно, безо всякой калибровки освоил

серийный мнемонт, похитил его и скрылся среди сородичей, прыгая из тела в тело, будто паразитическая вошь! А если завтра, другой «талант» использует похищенный мнемонт и внедрит свое мерзкое сознание в одного из нас? Что скажешь, благородная защитница ксеноморфов?

Лаэллин попятилась.

– Это принципиально невозможно. Ты не ведаешь, о чем говоришь! Структура синапсов, внутренняя архитектура мозга, массивы колбочек памяти... – она сглотнула.

– Да, Аяр проделывали подобное, но их технологии всех опережали на тысячелетия!

Вхагар с горечью покачал головой.

– Вот видишь. Ты просто не понимаешь, Лаэллин. Ты умна, добра и гуманна, ты оперируешь безупречной логикой. Но тебя не жжет вот здесь! – Вхагар прижал руку к груди. – Одна мысль о ментальном паразитизме сводит любого из нас судорогой, красит глаза в пурпур. Память о времени, когда Аяр пользовались нашими телами, будто перчатками, не просто сохранилась в истории – она до сих пор, да, все эти столетия, терзает нас изнутри! Как ты надеешься понять, ты, живущая столетия лишь благодаря в точности такому же преступлению?!

На сей раз тишина воцарилась надолго. Наконец, справившись с эмоциями, Лаэллин спросила мертвым голосом:

– Капитан, я правильно понимаю, что вы собираетесь устроить геноцид?

– Успокойся, никто не хочет истреблять твоих любимых «аборигенов», – гневно отозвался Вхагар. – Ну, кроме Сиракс, но она такая одна. Эвакуация продолжится по плану, составленному – дай– ка припомнить... Ах, да: тобой!

Лаэллин сглотнула.

– Но разрушать местные жилища, губить десятки жизней –зачем?! Я ведь еще в самом первом докладе предлагала использовать газ! Это гуманно, надежно и потребляет несравнимо меньше ресурсов. По– вашему, гонять звездолет на низкой высоте и рисковать его двигателями – эффективно?!

Вхагар смерил хрупкую рядом с ним ученую тяжелым взглядом.

– Если уговоришь хоть кого–то из моей команды ступить в город, где может прятаться живой Аяр, обещаю: рейды прекратятся. А до тех пор, кэсса, мы продолжим использовать киборгов и дистанционное сканирование. Сколько ублюдков при этом

подохнет от шума турбин – меня волнует в девятнадцатую очередь.

Лаэллин в отчаянии стиснула кулаки:

– Но вы же поймали аборигена, похитившего мнемента! Разве нельзя изучить его память и... – она запнулась и прикусила язык. Вхагар долго, пристально смотрел ей в глаза.

– Нельзя, – сказал он неожиданно мягко. – В том-то и беда, кэсса. Мы не Аяр. Овладевать чужим разумом, копаться в чьей-то памяти, выворачивать наизнанку все сокровенное, мечты и грезы – нельзя, Лаэллин. Это чудовищная непредставимая подлость.

Он рывком отвернулся и поднял разрыхлитель породы.

– Диспут окончен, – бросил через плечо. – И запомни: в следующий раз, когда попробуешь обратиться ко мне таким тоном при подчиненных, я тебя арестую. Можешь идти.

Лаэллин, тяжело дыша, несколько мгновений стояла неподвижно, но капитан явно не собирался продолжать разговор. Стиснув зубы, ученая направилась к туннелю.

«Тебя не жжет здесь!» – слова причиняли почти физическую боль. У Лаэллин слегка кружилась голова, обида душила петлей. Так вот, что о ней думают на самом деле. Вот, кем считают в действительности. Да– а... Лучше поздно, чем никогда, верно?..

Перед шахтой лифта силы растаяли окончательно и она вцепилась в перила, чтобы не упасть. Медленно опустила голову, зажмурилась. В глазах дико вертелись цветные пятна.

«Я справлюсь», – подумала Лаэллин, барахтаясь во мраке собственной души. – «И не такое глотала...»

...нет, не глотала. Слова капитана ранили сильнее любых когтей, страшнее всякого зверя, а зверей она повидала за свою долгую жизнь – врагу не пожелаешь. Что ж... Терять родину и двигаться дальше ей не в новинку, верно? Сколько раз уж это повторялось?

«Но не так...» – с отчаянной, дикой тоской поняла Лаэллин. Да, она и прежде лишалась дома, друзей и родных, однако изгнанницей не была еще никогда. А вернуться в лагерь после всего, что ей наговорил Вхагар?.. Чувствовать брезгливость

езде, где прежде мерещилась дружба?

«Я улечу», – глотая слезы, сказала себе Лаэллин. – «Без карт, без цели...»

Должно ведь в хоть какой-то галактике найтись место, что станет ей новым домом? Подлинным домом, как родная долина на затерянной среди звезд голубой планете, где ученая родилась много столетий назад.

«Только закончу работу с аборигенами. Бросить их сейчас, из-за жалкой обиды? Тогда... Тогда я и правда...»

Она до боли, до хруста костей сжала алюминиевые перила. В разуме помутилось, силы иссякли и Лаэллин упала на колено, судорожно глотая воздух ртом.

Прошла минута, другая. Позади раздались тяжелые шаги, и чьи-то сильные руки помогли ей подняться.

– Прости, – глухо сказал Вхагар.

Лаэллин зажмурилась, ее трясло.

– Все... Все нормально, не... Не трать на меня время. Я...

Капитан поднес ладонь к ее лицу, ласково отвел в сторону серебряные волосы.

– Прости, – повторил тихо.

Она стояла, всхлипывая и дрожа.

– Ты был прав, – выдавила Лаэллин. – Прав, и поэтому... Мне так плохо, Вхагар. Мне плохо. Я чужак, и всегда им была – везде, не только... Среди вас. Перекаати-поле...

Она сглотнула слезы.

– Ты не виноват. Это я наивно верила, что на сей раз сумею... Смогу остановиться. Найти новый дом...

– Ты нашла, – мягко прервал Вхагар. – Не сходи с ума, мы тут просто на нервах. Если б ты знала, сколько проблем мне приходится держать в голове, а тут врывается, понимаешь, глава ксенологического отдела и начинает при всех орать о подложных рапортах... Ну, сорвался, с кем не бывает. Прости.

Лаэллин горько улыбнулась сквозь слезы.

– За что простить? Ты лишь сказал правду. А я... Даже благодарна, наверно. Меньше лицемерия.

Вхагар тяжело вздохнул.

– Да какая, Аяр ему в ***** еще правда?

Лаэллин помолчала.

– Жестокая, – отозвалась тихо. Опустила голову, с большим трудом перевела дух. – Капитан, я прошу сохранить за мной пост в ксенологическом отделе до окончания экспедиции. Обещаю, больше я проблем никому создавать не стану.

Вхагар озадачено моргнул и отступил на шаг.

– В каком смысле, «до окончания»? – спросил с подозрением в голосе. – Ты что надумала?

Лаэллин помолчала.

– Мне пора двигаться дальше, – сказала негромко, но твердо. – Простите, капитан. Я исполню свой долг в этом полете, а затем продолжу собственный. Попытаюсь отыскать родную планету.

Вхагар отпрянул:

– Ты ж говорила, там все взорвалось!

Лаэллин кивнула.

– Взорвалось. Не осталось и пепла. Но родина, она ведь не только в горах, долинах и реках, родина здесь, – она коснулась груди. – Пока жива я, жив и кусочек моего дома. А если где-то вдали, меж звезд, сохранились и другие... Выжившие...

Лаэллин до крови стиснула зубы.

– Рано или поздно они поймут, как сегодня поняла я: легче потратить жизнь, возрождая из пепла свой дом, чем искать себе место в чужом. И когда они это поймут, они решат навестить пепелище.

Лаэллин опустила голову, скрыв лицо за серебряными волосами.

Вхагар молчал.

Глава 3

Ветер трепал вымпелы на башне, непривычно толкался под крылья. Пользоваться ими Норд еще не умел, удавалось лишь изредка шевелить; хвост тоже волочился бесполезным бревном. Первые дни после операции он потратил, пытаясь

научиться дышать и ходить.

Разговаривать, с грехом пополам, уже получалось, хотя из уродливой драконьей пасти до сих пор, вместо слов, часто вырывались нечленораздельные звуки, шип да рык. Норду сильно помогали тренировки с Кави – соломенноволосяя не отходила от нового «питомца» ни на шаг. Прежде, как выяснилось, она работала в королевском инкубатории, следя за едва вылупившимися драконьими птенцами. Кто-то в столице оказался достаточно дальновидным, чтобы сообразить – «новообращенному» Норду в первые недели потребуется такой же уход.

– Опухоль в груди не давала мне спать, – рассказывал он девушке, ковыляя по траве и накручивая виток за витком вокруг крепостных стен. – Это напоминало жажду, вечную неутолимую жажду. Меня осматривали, кажется, все лекари что еще остались в королевстве, но никто не понимал, почему рана продолжает гноиться. Спасибо и на том, что в попытках ее залечить меня не сгубили окончательно.

– А как вы раздобыли волшебный амулет? – простодушно спросила Кави. Норд криво усмехнулся многозубой пастью длиной в пол-ярда.

– Он сам меня раздобыл. Полгода назад я гостил у друзей в Долмархолле, когда некто по имени Даглас, скрываясь от железных птиц, решил завладеть моим телом с помощью амулета. Но что-то пошло не так – на следующий день я очнулся по-прежнему Нордом Уорреном, только с обрывками памяти Дагласа. Так я узнал о магии переселения душ.

– А где же этот... Даглас смог отыскать столь могущественный талисман? – Кави с волнением подалась вперед.

Норд умолк. Стояло теплое весеннее утро, легкий ветерок заигрывал с драконьей гривой. Контраст с бушующей яростью шторма был разителен. Норд поднял голову к солнцу, зажмурился, впитывая его живительный огонь каждой чешуйкой, и чужие воспоминания, вновь, хлынули водопадом.

Той ночью полумертвый человек лишился чувств, пощаженный взбесившейся стихией, а пришел в себя под палящим солнцем, распластанный на камне, обнаженный. Высоко в бездонном небе плыли желтоватые облачка, они казались столь близкими, что раненного на краткий миг объяла паника. Это быстро прошло; Даглас осознал, что принял за облака кристаллики соли на собственных ресницах.

Ободранную спину жгло, рот страшно высох, но все меркло перед болью в груди. Он попытался приподнять голову, не сумел. Скопил глаза: ему показалось, будто грудная клетка вскрыта, как у борова на кухне. Блестящий металлический жезл вздымался из раны на ярд, пригвождая человека к камню.

Страх помутил рассудок, исторг из горла вопль. Даглас задергался, но шевельнуть сумел только пальцами. Глаза посерели от ужаса, сердце зашло дикой тряской и раненный, несомненно, сошел бы ума, если б в этот миг небо над его лицом не заслонила темная масса.

Даглас оцепенел. Недвижимый, он молча смотрел, как в высоте проплывает чудовищная, бросающая вызов рассудку овальная глыба. Снизу, да против солнца, ее подлинную громаду скрывало расстояние; но рокот, от которого мелко дрожали скалы – негромкий, и потому действительно страшный – позволял по– достоинству оценить мощь летающей цитадели. Грандиозное зрелище так поразило человека, что он даже не сразу заметил, как на верхушке жезла, пронзавшего ему грудь, внезапно вспыхнул огонек. Из металлического стержня, будто лапки бесчисленных пауков– сенокосцев, полезли тончайшие серебристые щупальца; Даглас в ужасе закричал.

Боль на мгновение сделалась совершенно невыносимой. Раненный судорожно забился, но пик страдания остался позади, жжение в груди стало быстро стихать. Потрясенный, на грани безумия, он скопил глаза: железные нити сновали со скоростью молнии, зашивая рану. Шрамов от их работы не оставалось – розовая здоровая кожица зарастала слой за слоем, будто полынья в мороз. Все кончилось за минуту.

Почти все: стальной жезл так и остался торчать из груди исцеленного человека. Его верхняя часть начала вращаться, показались блестящие металлом витки резьбы. Когда верхушка отвинтилась и со звоном упала на камни, из жезла потекла липкая, похожая на мед густо– красная жидкость.

К ужасу потрясенного Дагласа, пурпурная масса не просто стекала вниз по металлу – она растворяла за собой жезл, тот укорачивался с каждой секундой. Представив, что произойдет, когда алые капли достигнут кожи, человек в панике изогнулся дугой, невыносимо напрягся... И сорвался со скалы!

Тело Дагласа покатило по камням, кусок торчавшего из груди жезла вывернуло и вырвало. Обливаясь кровью, человек рухнул с пятиметрового утеса на

клен, что некстати рос у подножья. Его протащило сквозь крону, ломая ветки, оставляя глубокие царапины, жестоко швырнуло на землю – но он был свободен!

– Следующие дни Даглас запомнил плохо, – негромко рассказывал Норд, лежа в траве рядом с зачарованно слушавшей его девушкой. – Видимо, воспалившиеся раны поставили его на грань гибели. Смутно помнится, как я... То есть, он крался сквозь подлесок, дрожа от одной мысли, что его могут заметить с летающей цитадели, как увидел с обрывистого берега чудом уцелевший в ночном кораблекрушении ялик... И тут его отыскал пес.

– Пес?! – Кави широко раскрыла глаза.

– Так он запомнил ту тварь. Я бы назвал ее чем угодно, но не собакой. Оно... – дракон покрутил в воздухе тяжелой лапой – ...наверно, когда-то было крокодилом, или большой ящерицей. Но затем кто-то оторвал рептилии все лапы и хвост, заменив их железными клешнями, как у краба – да, да, на месте хвоста у него тоже была клешня. Вместо челюстей, морда завершалась воронкой с толстым хоботом, который тянулся к металлической бочке на его спине, а между глаз, из продырявленного черепа, торчал тот самый амулет.

Девушка содрогнулась.

– Какое зверство!

– Зверство? – переспросил Норд.

– Так обращаться с животными!

Дракон запнулся и машинально почесал когтем за левым рогом.

– Э– э– э... В общем, чудовище потащило Дагласа к горам, он отбивался и случайно задел рукой амулет. И в тот же миг ВСПОМНИЛ, для чего этот амулет нужен, где слабые места у пса и даже как вывинтить талисман из черепа мертвого зверя.

Кави сглотнула.

– Жестокая у вас память, сир.

– Да, – Норд вздохнул и грустно поглядел на свои могучие передние лапы. – Жестокая... Полумертвый после схватки со зверем, Даглас не подумал даже захватить с острова пресной воды, лишь вытолкнул ялик на глубину, последним усилием поднял парус – и рухнул без памяти. Очнулся уже в койке рыболовного шлюпа, который тот самый шторм забросил к берегам таинственного острова.

– Удивительно! – прошептала Кави. Дракон усмехнулся.

– Удивительное только начинается. Как мог голый, черный от грязи и пятен засохшей крови человек убедить рыбаков, что его надо отвезти на материк? Не мог. Не стал и пробовать. Едва капитан шлюпа, на свою беду, дотронулся до Дагласа, тот завладел его телом с помощью амулета и... Крепко сидишь?.. Первым делом отдал приказ вышвырнуть самого себя за борт!

Кави ахнула. Норд мрачно кивнул:

– Вот таким прелестным человечком был Даглас.

Растерянная девушка недоверчиво протерла глаза.

– Его так просто и звали, «Даглас»? Ни родового имени, ничего?

Дракон задумался.

– Кажется, Поулсон... Или Пирсон. Обычно, кроме «Дагласа» другого не вспоминается.

– А давайте забудем о нем насовсем, сир? – горячо предложила Кави. Норд тяжело вздохнул:

– Если б все решалось так просто... – его лапа привычно потянулась к груди, но опухоли там уже не было. Уоррен вздрогнул, опустил тяжелую рогатую голову.

Девушка ощутила горе подопечного «дракона» и механически, как поступала всегда, принялась гладить его гриву. Опомнилась, лишь встретив ироничный косой взгляд салатových глаз.

– Спасибо, – с легкой грустью заметил Норд. – Только не особо помогает.

Страшно смущенная, Кави отпрянула, пряча лицо под космами нечёсанных соломенных волос, была у нее такая привычка.

– Простите, простите сир, пожалуйста! Я много лет работаю с драконами, и мне очень трудно... Привыкнуть...

– Все хорошо, – ласково отозвался Норд. – Я понимаю. Не бери в голову, воспринимай меня как одного из своих зверей – так я даже быстрее обучусь походить на настоящего.

Кави вскинула глаза, смущенно переступила с ноги на ногу.

– Они не звери, – сказала чуть слышно. Норд прищурил один глаз:

– Что– что?

– Драконы не звери, – тихо, но твердо повторила девушка. – Мы их дрессируем, как коней, потому и получают животные. Но сами по себе они такие же умные, как люди, даже... – она запнулась.

– Ну, ну? Даже? – ободрил ее Норд.

– ...даже лучше, – пискнула Кави. – Драконы честные, все до одного. Искренние. Как собаки.

Норд оскалил жуткую тысячезубую пасть в улыбке.

– Они похожи на собак, и поэтому лучше людей?

Девушка очень серьезно кивнула:

– Собака любит всей душой, без задних мыслей. Она никогда не предаст.

Бывший человек бросил на спутницу долгий и не самый веселый взгляд.

– Один безумный король, много веков назад, приказал казнить впавшего в немилость лорда, нарезать тело ломтиками и скормить любимым псам казненного, которые, как ты выразилась, боготворили хозяина всем сердцем и были неспособны предать. Любовь цветет, пока псы не проголодаются...

– Это потому, что собака – всего лишь зверь, – не смутившись ни на мгновение, отозвалась девушка, – И не понимает человеческое коварство.

Норд усмехнулся:

– А драконы понимают?

Кави умолкла на гораздо больший срок, чем требовал, вроде бы элементарный, вопрос.

– Думаю, они учатся, – отозвалась девушка со странным напряжением в голосе.

Норд помолчал.

– Сменим тему. Тебе уже рассказали, как я намерен попасть на остров?

Кави помотала соломенно–желтой гривой:

– На крыльях? – спросила наивно.

Норд тяжело вздохнул:

– Если бы... Полет мне еще долго не освоить. Все проще; мы дождемся новой атаки вражеской воздушной крепости и спрячем меня среди настоящих драконов.

– Новой атаки?! – с ужасом переспросила Кави. – Здесь?!

– Нет, нет, что ты, конечно нет! – Норд замотал огромной рогатой головой. – Мы

изучили два прошлых удара и заметили, что враги совершенно не замечают следов; погляди на карту, и увидишь, что Долмархолл и Тиммел расположены почти на прямой линии, упирающейся в проклятый остров, – бывший человек инстинктивно дернул хвостом, но не заметил этого, поскольку еще не научился. – А самое любопытное, Кави, по пути к Долмархоллу летающая цитадель миновала семь крупных замков, не обратив на них никакого внимания!

– Семь? – удивленно спросила девушка.

– Вот именно! – Норд в волнении кивнул. – Сначала я думал, крепость отправили в Долмархолл из-за Дагласа, но с момента его поимки и до главной атаки не прошло и получаса. Такую громаду за полчаса не снарядить, да и от острова путь неблизкий. Тогда мы решили, будто враги не хотели сворачивать с прямого пути, но крепость Роттен Хард оказалась прямо под ними – и цитадель пролетела над замком, не тронув его обитателей. Почему?

Кави лишь моргала.

– Да потому, что там не было драконов, – с силой произнес Норд. – И в Долмархолле, и в Тиммеле, зелеными лучами было похищено лишь по несколько человек – однако все, до единого, драконы из казарм!

Он топнул тяжелой лапой, взметнув небольшой фонтанчик раздробленных камешков.

– Враги в первую очередь хотят лишить нас защиты с воздуха, – сказал глухо. – Совершенно правильная и грамотная тактика. А хуже всего, они не скрываются; это значит, мы абсолютно им не страшны. Железные птицы были разведкой, нас годами внимательно изучали, а затем последовала первая атака, на Тиммел. Конечно, она привела всех в ужас и оказалась полной неожиданностью; но как я узнал позже, во время второго нападения, на Долмархолл, командир гарнизона пытался организовать сопротивление с воздуха. Зеленые лучи перехватили всех атакующих драконов прямо в полете и затянули внутрь цитадели, однако всадников лучи не коснулись, и два десятка отважных гвардейцев разбились насмерть.

Норд бросил на испуганную Кави горящий взгляд.

– Следующая крепость с драконьим гарнизоном, если продолжить прямую линию «Остров – Долмархолл – Тиммел» – это старинный замок Арикс– Хилл, что

стоит на реликтовом холме посреди западных торфяников. Матиас уже расставил вокруг всадников, жителей замка временно переселили в соседний городок.

– А разве враги не заподозрят неладное, увидев пустой замок без людей? – робко спросила девушка. Норд довольно кивнул:

– Противник не только должен заподозрить ловушку, нет; мы сами атакуем их крепость. Так они решат, будто угодили в засаду, где ящеры в замке были наживкой; им и в головы не придет, что все нападение – лишь военная хитрость, призванная отвлечь внимание от одного весьма необычного дракона... – он шутиливо пихнул Кави носом, едва ее не опрокинув.

– Как хитро придумано! – по-детски восхитилась девушка. Норд издал скромный смешок:

– Да, дитя, да... Не боги горшки обжигают, – он бросил на Кави внимательный взгляд.

– Но все это сработает, только если я ничем не буду отличаться от простых драконов. Понимаешь? Я должен стать похожим не на разумного и говорящего ящера, а на верховое животное. Устрой мне такую же тренировку, как нормальному драконьему детенышу, прямо из яйца, что снесла милая толстенная дракониха на заднем дворе твоего инкубатория...

– Драконы в неволе не размножаются, – коротко сказала девушка. Норд моргнул.

– Т-т-то есть как?

– Совсем. Даже насильно.

– Откуда же новые берутся?

– С северных островов, – вздохнула Кави. – Драконы потому такие ценные и редкие, что добывать их смертельно опасно. Из двадцати шхун с охотниками, хорошо если одна вообще возвращается, да и та в девяти случаях из десяти – без груза яиц.

– Шхуна... – протянул Норд. Полыхнуло чужое воспоминание о буре и криках сгоравших заживо матросов; от волнения, дракон инстинктивно высунул длинный раздвоенный язык и облизнул себе нос. – Так значит, если захватить архипелаг, можно полностью оборвать поставки новых зверей в королевство?

Девушка кивнула:

– Мы долго пытались добиться их размножения в неволе, перепробовали все,

но самки просто не зачинают. Будто там, дома, у них какой-то особенный воздух.

Норд нервно переступил с лапы на лапу:

– Стало быть, противник пытается сосредоточить под собой всех драконов, что живут и на воле, и в королевских армиях! Острова уже захвачены, теперь они крадут дрессированных с помощью воздушной крепости... А затем... – он бросил на Кави горящий взгляд, та испуганно прижала ладони ко рту.

– Мы останемся беззащитны!

– Не только мы, Кави, – сурово сказал Норд. – Не только мы. Драконов лишатся все королевства. Ты понимаешь, к чему готовится враг? Обладая тысячными драконьими стаями, против которых никто не сумеет ничего выставить, они пройдут по миру, как огненный бич.

Перепуганная девушка с ужасом посмотрела в огромные салатовые глаза своего «питомца».

– Кто же их остановит? – спросила с дрожью.

Норд глубоко вдохнул:

– Мы с тобой, – ответил просто.

Помолчав, они продолжили путь вокруг замка, но беседовать как-то разом расхотелось и дракону, и девушке. Некоторое время оба шагали в тишине, только хрустели камешки под тяжелыми лапами Норда. Его новое тело принадлежало взрослому самцу в полном расцвете сил, буро-зеленой масти, очень крупному и мускулистому. В длину он достигал четырех ярдов, а с хвостом и вовсе девяти, плечи возвышались на два, длиннорогая изящная голова – почти на три с половиной. Размах крыльев Норд еще не измерял, поскольку не умел их расправлять, но по словам Кави – тот превышал полные двадцать ярдов, то есть размер приличного шлюпа. О силе же дракона, новому «хозяину» приходилось только гадать: попытки найти ее пределы он забросил, когда голыми лапами разогнул, а затем вновь согнул пятидюймовое стальное звено от цепи подъемного моста.

В целом, за последние дни Норд узнал о крылатых ящерах больше, чем за всю предыдущую жизнь. Он с изумлением открыл, что самая прочная и непробиваемая часть драконьей шкуры – перепонка на крыльях, которую он всегда полагал слабым местом. Кави долго смеялась, когда это услышала.

– Драконье крыло невозможно пробить, вообще ничем, их перепонка стократ прочнее стали, мечи ломаются как стекло, – объясняла девушка. – И немудрено: на нее в полете такая нагрузка приходится! Поэтому первое, чему мы обучаем птенцов – прикрываться от атак крыльями. Им и обычную–то чешую не больно пробьешь, но уж коли дракон успел накрыться крылом – враг пиши пропало...

– Почему ж из этакой неуязвимой шкуры короли себе доспехи не шьют? – поинтересовался Норд, пробуя когтем на прочность собственное крыло. Девушка помрачнела и долго не хотела отвечать.

– Пробовали... Раньше, – буркнула она, наконец поддавшись на уговоры. – С погибших в бою драконов. Но перепонку никакой инструмент не режет, даже алмаз, а коли б и резал – со смертью дракона она теряет гибкость и ломается, как тонкий лед. А чешуя становится хрупкой, из нее даже плащ не сошьешь. И это здорово! – добавила Кави с горячим волнением. – Для драконов – сущий дар небес! Иначе бы люди их давным–давно перебили.

Норд с сомнением поднял лапу толщиной со ствол молодого дерева и расправил когти, похожие на пять изогнутых кинжалов.

– Что–то не слишком верится...

– Поверьте, сир, – тихо сказала Кави. – Против человека ни броня, ни огненное дыхание не помогут, пока здесь... – она тронула место на блестящей драконьей груди, где мощно колотилось сердце – ...пока здесь нет защиты от яда.

Норд смерил соломенноволосую внимательным взглядом.

– Сдается мне, прошлое у тебя было не самым радужным, – пробормотал он задумчиво. – И с драконами ты стала работать не только из любви к животным.

Кави отвела глаза.

– Я родилась в семье простого торговца яблоками, – отозвалась чуть слышно. – Но блондинки в наших краях очень редки. В семь лет, цыгане похитили меня прямо из дома, заставили отца разориться, взяли выкуп, однако дочь не вернули. Они отвезли меня в Тавос и продали в дом удовольствий.

– Ох... – только и сумел выдать Норд. Кави покачала головой:

– Все хорошо, сир. Теперь я в Элинии, где рабство запрещено, прошлое уже и не вспоминаю. Только... – она сглотнула, – ...звери мне до сих пор как–то ближе, чем

люди. Уж простите.

С того разговора прошло несколько дней, Норд быстро осваивался в теле дракона. Он уже научился вилять хвостом и распускать крылья, подниматься на задние лапы и даже выдыхать из ноздрей серый дым. Граф Матиас пару раз навещал будущего разведчика, громко (и с толикой отвращения) восхищаясь его успехами, а вот Алейна не появилась ни разу. Вскоре Норду сообщили, что его сестра покинула замок на следующее за операцией утро, забрав бывшее тело родного брата, и с тех пор готовила в столице атаку на летающую крепость.

Между ударами по Долмархоллу и Тиммелу прошло шесть месяцев; если враги придерживались графика, следующей атаке следовало ожидать в середине мая. За неделю до предполагаемого срока, Норда и Кави перевезли в замок Арикс–Хилл, куда уже доставили двух молодых драконов, которых Матиас, скрепя сердце, выделил в качестве «наживки». Стоимость крылатых ящеров после известия о захвате драконьего архипелага подскочила даже не до небес, а в семь раз выше.

Норд с большим интересом встретил «сородичей», но познакомиться ближе не пытался – по словам Кави, драконы не были стадными зверьми и на дух не переносили друг друга. В инкубатории их держали отдельно, обучали – индивидуально, и старались максимально сократить контакты. Так что, появление зверей всего лишь дало бывшему человеку шанс понаблюдать вблизи за их поведением, чем он и занялся.

Вечером шестого мая Норд «сдавал экзамен» придиричивой Кави. Старательно имитируя движения и повадки настоящего дракона, он бродил по замку, чесал когти о крепостные стены, зевал и катался по земле кверху лапами. Отказался он лишь метить территорию перед глазами девушки, чем вызвал ее безудержный хохот.

– Ладно, сир, с заданием вы справились, – выдохнула Кави, отсмеявшись и утирая слезы. – Уж коли мне вы кажетесь убедительным, простой человек вас в жизни не разгадает. Плохо лишь, что вы пока летать не умеете...

– Я думал над этим, – возразил Норд. – Все можно логично обыграть. Посмотри на меня, – он вытянулся в струнку, гордо изогнув шею. – Роскошный дракон, правда? С чего бы держать такого в старом замке на болоте, да еще в компании с молодыми плохо обученными птенцами?

– Гм... – Кави задумалась. – Потому что он летать не умеет?

Норд щелкнул когтями:

– Точно! Я дракон с дефектом. А это еще и значит, что после похищения меня не отправят прямиком в казармы, где шпионить будет трудно.

Девушка помрачнела.

– А вдруг этим гадам нужны лишь боеспособные драконы? Тогда вас могут отправить... – она запнулась, но все же нашла силы выдать – ... на бойню?

Норд помотал огромной рогатой головой.

– Я выберусь оттуда раньше. Мне бы лишь узнать, кто стоит за вторжением и где их искать, дальше разведкой займутся королевские шпионы. Для их работы я ростом не вышел, – добавил он с усмешкой, глядя на девушку с высоты трех ярдов.

Они помолчали. Норд улегся у стены, приняв позу сфинкса, Кави села рядом, облокотилась о могучее плечо. Некоторое время дракон и девушка глядели в пустоту, размышляя каждый о своем, но оба – о будущем.

– Малахит, – внезапно, чуть слышно сказала Кави. – Так его звали.

– Кого? – не понял Норд.

– Дракона, которого вы убили, сир.

Дернувшись от неожиданности, Норд отпрянул всем телом и уставился на девушку. Сглотнул, инстинктивно прижал гребень.

– Ты... О моем теле? – спросил внезапно охрипшим голосом.

Кави отвела взгляд.

– Оно не всегда было вашим, – сказала так тихо, что не обрети Норд совершенный драконий слух – он бы не услышал. Потрясенный, бывший человек вновь улегся на теплые камни и склонил голову к печальной девушке.

– Я сожалею, – сказал после длительной паузы. Кави с трудом улыбнулась.

– Вы об этом и не задумывались, верно, сир?

Норд передернул крыльями.

– Нет, – ответил, помолчав. – Не задумывался.

– А я его любила, – Кави закрыла лицо ладонями. – Малахит был веселый и преданный, совсем не злобный, как другие. И такой понятливый! Мы с ним каждую неделю летали купаться на озеро, он играл в воде, ну чисто котенок! А когда мне приказали отобрать для его светлости лучшего дракона... Я же не знала, с какой

целью... – она расплакалась. Норд зажмурился, непроизвольно царапнул когтями землю.

– Кави, – сказал он ласково. – Не плачь. Твой Малахит не мертв, он до сих пор здесь, во мне... – Норд постучал себя по груди. – Я же уцелел, когда мной завладел Даглас? Кроме того, разве мог бы я так быстро освоиться в абсолютно чуждом, бесконечно далеком от человека теле дракона, если б сам дракон меня не впустил?

Девушка подняла покрасневшие глаза.

– Но... Как же...

– Ты о таком не задумывалась, верно? – подколот ее Норд.

Кави слотнула, утерла слезы большой мозолистой ладонью.

– А вы его чувствуете? – спросила с отчаянной надеждой. – Воспоминания, или... Любовь?..

Норду хотелось соврать, что конечно, чувствует – но какая-то искорка в глубине сердца вовремя подсказала: ЭТА ложь навсегда воздвигнет стену между ним и девушкой. Поэтому, скрепя сердце, Норд покачал головой.

– Нет, Кави. Не чувствую. Но это не значит, что его во мне нет – душа многогранна, ее тайны не ведомы никому. Вполне возможно, мы просто мыслим чересчур по-разному, чтобы слышать друг друга.

Соломенноволосая поникла, но было видно, что искренний ответ произвел впечатление.

– Простите, сир, – выдавила девушка после длительной тишины. – Простите. Малахит был замечательным, добрым и ласковым, но, увы, все же зверем. А вы человек, благородный и бесстрашный, вы отказались от всего ради блага страны, а сейчас готовитесь к самому опасному подвигу, о котором мне доводилось слышать. Думаю... – она всхлипнула, – Если б Малахит умел мыслить... Он был бы горд, что его тело досталось такому смельчаку.

«Вот уж не уверен» – подумалось Норду, но та самая искорка в душе подсказала: СЕЙЧАС, пожалуй, искренность будет ну совершенно излишней.

Глава 4

– Я хочу поговорить с ним.

В блестяще– белых стенах медицинского отсека отражения бесконечно множились и накладывались друг на друга, фильтрованный воздух сушил глаза. Облегающий стерильный комбинезон подчеркивал атлетическую фигуру Лаэллин, ее сверкающе– серебристые волосы перламутром переливались под пластиком.

– Уверена? – с сомнением спросил Вермакс, непроизвольно пожирая взглядом изящную посетительницу. – То еще удовольствие...

Лаэллин вздохнула:

– Уверена.

– Что ж, входи, – Вермакс нехотя разгерметизировал люк и пропустил ученую в шлюз. Пока ионные излучатели обеззараживали камеру, Лаэллин стояла неподвижно, размышляя о текущих событиях. Все так же, молча, она прошла в изолятор и замерла перед хрустальным цилиндром.

Внутри, поддерживаемый шестью платиновыми нитями, покоился крохотный драгоценный камень. Неправильной формы, испещренный сколами и трещинами, лазурно– синий кристаллик казался осколком более крупного. Лаэллин мысленно содрогнулась, припомнив свою первую встречу с древними технологиями Аяр.

– Подключаю терминал, – из динамиков на потолке донесся голос Вермакса. Лаэллин глубоко вдохнула. Рядом с хрустальным цилиндром, в тусклой голограмме возникло человеческое лицо.

– Даглас? – негромко позвала Лаэллин.

Человек в голограмме дернулся, раскрыл глаза.

– Кто тут?! – голос шел сквозь те же динамики, так что сопоставлять его с изображением было непросто. – Покажись!

– Вам лучше не видеть моего облика, – спокойно отозвалась Лаэллин. – Успокойтесь. Я не враг. Я лишь хочу побеседовать.

– Демоница! – губы Дагласа в голограмме исказила гримаса ненависти. – Изыди!

– А вы наблюдательны, – заметила Лаэллин. – Определить пол по голосу сумел бы не каждый. Будем знакомы: я Лэаэллина Аура, «кэсса», что значит «ученый». Моя работа состоит в изучении и защите таких, как вы.

– Защите? – с плохо скрытой издевкой переспросил Даглас.

– Именно, – вздохнула Лаэллин. – Это я нашла вас на берегу той ночью, в бурю. И нарушила приказ капитана, когда решила вылечить и отпустить на свободу.

Даглас на некоторое время умолк.

– Вылечить? – спросил он наконец. – Ты проткнула меня насквозь, пригвоздила к скале и оставила жариться на солнце, чтобы вылечить?

Лаэллин невольно улыбнулась, хоть человек и не мог ее видеть.

– Прибор, который вы вырвали из груди, зашивал вам раны и питал тело витаминами. Если б вы дождались окончания его работы, все могло...

– Ваши стальные птицы охотились за мной! – прервал Даглас. – Преследовали больше года! А сейчас я в этом... этой... клетке!!!

– Вы украли исключительно опасный прибор, Даглас. И использовали его для преступлений. У нас... – Лаэллин запнулась, как наяву вспомнив жестокие слова капитана в туннеле. Сглотнула. – ...здесь, на острове, чтят закон, согласно которому сознание других разумных – неприкосновенно.

Человек в голограмме издевательски расхохотался.

– Неприкосновенно? Да вы стреляете людей с воздуха, как волков на драконьей охоте!

Лаэллин дернулась.

– Не я! – ответила резко. Поправилась: – Не все мы. И даже те, кто... Так делает, никого не губит специально, Даглас. Все очень сложно, у нас... Ограничено время. А вернуться в этот мир мы сумеем лишь через пять сотен ваших лет.

Даглас нахмурил брови.

– Зачем вы вообще к нам заявились? Кто вы такие? Я, до сих пор, ни одного вашего не видел! Лишь тварей, сходных с механическими крабами!

Лаэллин помолчала, нервно постукивая пальцами по комбинезону.

– Капитан считает, для всех будет лучше если аборигены, то есть люди, никогда не узнают, кто мы. Операция, что сейчас проводится, должна завершиться в

ближайшие два – три года, а затем мы улетим навсегда. Очень скоро истории о нас превратятся в легенды, позже – в сказки, и спустя век– другой, все мирно забудется.

Она подалась вперед:

– А сейчас я должна задать несколько важных вопросов. Отвечайте искренне; мой народ способен различать ложь и правду.

Даглас в голограмме фыркнул:

– Уж не эльфийка ли почтила меня аудиейцей?

Растерянная Лаэллин отпрянула:

– П– п– почему вы так решили?! – спросила напряженно.

– Имячко уж больно приметное.

– Имя?! – ученая запнулась. – Ах, имя! Я не местная.

– Оно и видно... – пробормотал Даглас. – В общем, курва: давай так. Я на все– все вопросы честно отвечаю, а ты пошуршишь там у себя, подстелишь начальству, где надобно, и вытащишь меня отсюда. Дело?

Лаэллин нахмурилась.

– Вас заберут к звездам, когда придет час отлета. Вы не вернетесь в этот мир.

Долгая пауза.

– За что?

– За преступления, от которых трясет даже меня! – достаточно резко отозвалась ученая.

– Я просто хотел жить.

– Несчастные, в чей разум вы вторгались, хотели жить ничуть не слабее.

– Но только у меня было преимущество... – криво усмехнулся Даглас.

Лаэллин скрипнула зубами:

– Краденный кусочек чужого знания.

– Созданного вами!

– Не для такой цели! – рявкнула ученая. – Никто не предполагал, что мнемента вообще можно использовать для пересадки сознания! Поэтому нам... Мне очень важно знать, как вы сумели этого добиться. Прошу, ответьте.

Даглас хрипло рассмеялся.

– С какого проку мне отвечать? Я висельник, что мне терять–то?

– Многое, – спокойно отозвалась Лаэллин. Обернувшись к толстому стеклу, из-за которого на нее глазел Вермакс, ученая тронула кнопку внутренней связи.

– Загрузи нас в оболочку.

– Какую? – нервно спросил космонавт.

– Позитивную. Пегасы в облаках, или... Знаю! Лазурная бухта.

Вермакс с большим сомнением перебрал пальцами по столу.

– Не уверен, что капитан бы это одобрил, Лаэллин.

– Кто здесь эксперт по инопланетным формам жизни, Вхагар или я? – она с трудом улыбнулась. – Давай, не упрямясь. Это необходимо.

Космонавт тяжело вздохнул.

– Ну, как знаешь... – он обернулся к контрольной панели.

Лаэллин шагнула вперед. Откинув пластиковый капюшон комбинезона, надела мерцающее огоньками кольцо ментального проектора, зажмурилась...

...и вдохнула свежий, пропитанный сотнями ароматов воздух кораллового атолла. В теплых лучах заходящего солнца, ласковые волны шелестели на белом песке, дул слабый ветерок. Оглядев себя, Лаэллин улыбнулась; проектор обратил ее в сереброгривую жемчужно-белую кобылицу со сверкающим рогом. Чуть дальше, по колено в воде стоял чернобородый абориген в пиратской одежде.

– Что это?! – хрипло спросил Даглас, озираясь и дрожа. – Где я?!

Лаэллин, изящно ступая по кромке прибоя, подошла ближе.

– Не в клетке, – сказала спокойно.

Дернувшись, Даглас попятился и чуть не свалился в прозрачную, как воздух волну.

– Единорог?!

– Тела здесь эфемерны, – Лаэллин улыбнулась. – Я та, с кем вы сейчас беседовали.

Даглас недоверчиво протер глаза, уставился на свои ладони. Медленно присел, зачерпнул морскую воду. Бледный, поднял взгляд:

– Единорог, – спросил он одними губами. – Я умер?

Лаэллин покачала головой. Блестки от ее гривы наполняли все вокруг светом.

– Ваше сознание хранится в кристалле, именуемом «наарен», – отозвалась

ученая. – Это древнейший и самый таинственный артефакт расы Аяр, что много столетий назад поработила почти все известные миры под звездами...

Она опустила глаза. Глубоко вздохнула.

– Нет времени рассказывать. Вам следует запомнить одно: все это, – Лаэллин мотнула головой, развеяв гриву по ветру – и тысячи других миров, один прекраснее другого, будут вашими, стоит лишь захотеть.

Даглас надолго умолк.

– А если я откажусь, фальшивый рай вновь обратится в фальшивую клетку? – спросил он наконец, сжимая и разжимая кулаки.

Лаэллин метнула на человека слегка удивленный взгляд.

– Можно сказать и так, – согласилась она после запинки. Даглас смачно плюнул в хрустальное море:

– Не вижу большой разницы!

– Тогда скажу прямо: вариантов у вас еще меньше, – сурово ответила Лаэллин. – На что вы надеетесь? Вернуться в физический мир? Можете не рассчитывать; вам никто не позволит вселиться в еще одну жертву. Выбор между иллюзорной клеткой и нарисованным раем для вас, Даглас, совершенно реальный.

Человек провел ладонью по лицу, несколько секунд стоял, зажмурившись и глубоко дыша.

– Вы ведь с таким же успехом способны создать и ад, верно? – спросил он тихо.

Лаэллин вздрогнула.

– Мы этого не сделаем.

– Почему? – Даглас открыл глаза и обернулся к «единорожке» всем телом. – Совесть мешает?

Лаэллин очень серьезно кивнула:

– Да, человек. Совесть.

– Че– ло– век... – процедил Даглас сквозь зубы. – А что это значит здесь, в призрачном саду Эдема? Я смотрю на белого единорога, но кто скрыт за его обликом? Или за моим? Сейчас, в этот миг, что делает меня – человеком, а тебя... той, кто ты есть?

Растерянная Лаэллин отступила на шаг.

– Сознание, – ответила кратко.

Даглас свирепо мотнул головой:

– Им обладаем мы оба, – он стиснул зубы. – Прежде, до той бури, я был безбожником. Пиратом, проходимцем, зови как угодно – я плыл по бурному морю, зовущемуся жизнью, цепляясь за всякую подвернувшуюся соломинку. Но ваш амулет, или «прибор», как ты его зовешь, пустил меня ко дну. Потопил все, что я считал истиной.

Он с хрустом сжал кулаки.

– Я менял тела, будто грязные портки. Побывал и мужчиной, и женщиной, и стражником у герцогской спальни, и прокаженным в яме с нечистотами. И всегда, в каждом обличе, оставался собой.

Даглас бросил на напряженно слушающую Лаэллин горящий взгляд.

– Я думал. Много думал, искал объяснения. Но ответ, как ни изворачивайся, был лишь один – самый простой и самый страшный. Амулет переносил из тела в тело мою душу, а не память или «сознание», как ты выразилась. Только так можно принять все, что со мной произошло, и не сойти с ума.

Он скрестил на груди руки и гордо кивнул:

– Вот почему даже здесь, в этом призрачном мире, я по–прежнему человек, а ты – бездушная дьяволица.

Лаэллин сильно вздрогнула и отступила на шаг. Слова дикаря неожиданно задели в ней струнку, касаться которой она панически боялась уже не первый век.

– Я... Понимаю, что вы чувствуете, – выдавила Лаэллин после долгого молчания. – То же самое произошло и со мной, сотни лет назад. Я родилась... не той, кем сейчас выгляжу.

Она опустила голову, глубоко и с натугой глотая «виртуальный» воздух.

– Когда мой дом был уничтожен, я выжила в одном из кристаллов Аяр, а затем... Случайно, без умысла! Завладела телом неразумного зверя. Мне довелось много, много лет скитаться по Космосу, и оболочек я сменила, пожалуй, больше чем вы.

Даглас удивленно присвистнул.

– Да брось...

Лаэллин горько усмехнулась:

– О, как бы мне хотелось все бросить! Проснуться и понять, что испугалась лживого кошмара! – она покачала головой. – Только я не лгу, человек. Сознание, память, личность – вот, что делает нас собой. Тела служат простыми носителями.

Лаэллин стиснула зубы.

– Был в Галактике еще один народ, хорошо это понимавший. Аяр. Вы, конечно, не можете знать, однако именно ваших далеких предков, расу Шэн, они поработили первыми, а позже – в захваченных телах – принялись расползаться по Космосу, будто раковая опухоль.

Ученая подняла голову и обвела взглядом вечернее небо, где одна за другой зажигались звезды.

– На языке науки, такое явление зовется «паразитизм», – сказала Лаэллин сухо. – Когда один организм пользуется ресурсами другого, ничего не давая взамен. Я изучала вашу «религию»; она, безусловно, произошла от осколков, что сохранились еще со времен Аяр. Смысл понятия «души», во всяком случае, не изменился ни на йоту: так воины Шэн называли своих хозяев, паразитировавших в их телах.

Лаэллин бросила на слегка растерявшегося Дагласа жесткий взгляд.

– «Бездушный» для них означало – лишенный Аяр. То есть, свободный от паразита в сознании. И точно, как вы сейчас, они искренне верили, будто все народы Галактики – бездушные твари – заслуживают либо смерти, либо рабства. Ведь Аяр предусмотрительно объявили, что всякий, не имеющий «души», есть не более чем зверь, а в чем предназначение зверей? Служить едой, транспортом, развлечением. Покорно ждать с поникшей головой, пока хозяин решает твою судьбу...

Ученая хлестнула себя жемчужным единорожьим хвостом.

– Была война, – бросила Лаэллин свирепо. – Такая, какую вам, дикарям, просто не вообразить. Звездные кластеры искрили от взрывов, целые народы исчезали в мгновение ока – народы, со всей их историей, миллионами лет эволюции, бесчисленными творениями гениев, искусством, о котором никто не успел и узнать! Мой родной мир, светлая долина, где я впервые увидела свет, все это сгнуло во вспышке другого света – мертвенно– сизой, истекающей позитронами! И мы бы проиграли, человек, мы стали бы жалкими «одушевленными» куклами, кабы против Аяр не поднялась другая раса. Столь же могущественная и древняя, давно

закрывшаяся от суетливого мира в галактическом ядре...

Лаэллин опустила голову.

– Мне страшно за вас, человек, – сказала совсем тихо. – Больно и страшно. Вы одиноки посреди бурлящего жизнью Млечного Пути. Вы ненавидите каждого, кто на вас не похож, стремитесь оборвать крылья мечтающим летать, утопить в грязи всех, кто молит о глотке свежего ветра. И при этом, искренне верите будто вы – венец творения, хозяева Вселенной. А прочие живые созданы лишь ублажать ваши потребности...

Она с трудом перевела дух. Смерила Дагласа грустным взглядом – тот молча сжимал и разжимал кулаки. Покачав головой, Лаэллин отдала проектору мысленную команду разъединить сеанс и вздрогнула, мгновенно переместившись с тропического пляжа в холодный стерильный бокс. Голограмма рядом с хрустальным цилиндром по-прежнему демонстрировала лицо человека.

– Отключай, – тяжело сказала Лаэллин оператору. – Я вернусь через пару дней. Дадим аборигену время осмыслить все, что он слышал.

Вермакс молча смотрел на нее сквозь двойное стекло.

– Я тоже все слышал, – выдавил он через силу. – Лаэллин... Я не знал, что твой родной мир... Что его больше нет. Почему ты не рассказывала раньше?

Ученая натужено улыбнулась:

– Не люблю жаловаться.

Помолчав, Вермакс кивнул и разблокировал люк. Под мелодичное шипение насосов, Лаэллин покинула медицинский отсек.

Глава 5

Несколько дней пролетело без приключений, и наконец, голубиная почта с барражировавших у берега разведывательных фрегатов донесла весть об алом зареве в глубинах острова. Кави и прочих людей немедленно вывезли на безопасное расстояние от замка, двух молодых драконов и Норда заперли в загоне. Звери первые часы недовольно шумели, клетки казались им тесными. Но поскольку вся местность вокруг замка была эвакуирована, на крики никто не отозвался, и животным понемногу

пришлось смириться. Смирился и Норд – не с размерами клетки, естественно, а с новым для него и удивительно острым чувством одиночества.

Тревога и волнение заставляли драконов (всех троих) нервно кружиться по клеткам. Норд ни за что бы не признался, но в его новом облике имелась куча преимуществ – даже не вспоминая о крыльях и чудовищной силе, одно лишь умение нервно грызть собственный хвост стоило любых страданий. Час утекал за часом, и наконец, когда Норд был уже готов впасть в отчаяние, его перепончатые ушки различили вдали знакомый рокот.

Пару месяцев назад этот звук остановил бы ему сердце; сейчас Норд восторженно подпрыгнул и издал облегченный вздох. Атака подтверждалась, планы врага были угаданы верно, а значит – тот ни о чем не подозревал. Все долгие недели подготовки Норда грыз страх, что противник способен издали следить за ними через амулет.

Волшебный цилиндрик остался у Кави; брать его с собой Уоррен посчитал слишком рискованным. По настоянию «дракона», девушку сделали офицером нового сверхсекретного подразделения, которое Норд собирался возглавить по возвращении. Правда, кроме него самого и Кави, в составе будущего отряда пока никто не отметился, зато остроумное название уже было – «Д.Р.А.», то есть «дальняя разведка амулетом». Норд обратил внимание графа Матиаса, лично командовавшего операцией, что область применения талисмана отнюдь не исчерпывается одним засланным в тыл врага ящером, и перспективы почти безграничны. Кто укроется от летучей мыши, тихонько прицепившейся под потолком вражеского штаба, или разглядит шпиона в мирно жующем травку коне?

Норд клацнул челюстями и вновь обратил внимание на окружающее. Рокот заметно усилился, небо вдали уже алело. Драконы в клетках нервно мотали гривами, раскрывали и складывали крылья, издавая короткие обрывистые звуки, которых Норд прежде никогда не слышал. Сообразив, что подлинный ящер на его месте вел бы себя так же, он поспешно принялся подражать «сородичам», бездумно качая головой.

Это здорово мешало сосредоточиться, поэтому появление в небе чудовищной «камбалы» Норд в самом прямом смысле проморгал.

– ****! – прорычал он, борясь с головокружением. Тем временем, со всех сторон

послышался раздирающий свист стартующих алхимических ракет – замок был нашпигован ими, как утка гарниром. Драконы в клетках завывали и, как по команде, скрутились в клубки, накрывшись неуязвимыми крыльями. Проклиная их трусость, Норд был вынужден поступить так же.

Теперь он ничего не видел, и мог ориентировать лишь по звукам. Грохочущие в высоте взрывы с каждым мигом звучали все ближе, очевидно цитадель направлялась прямо к крепости. Земля начала мелко дрожать, и вскоре Норду уже не требовалось изображать фальшивый страх; в трясущемся и жалобно поскрипывающем загоне, вдавливаемый в землю ревом парящего исполина, мало кто сумел бы остаться спокоен.

Драконы в соседних клетках выли и визжали, но их голоса почти терялись на фоне страшного рокота и взрывов. Никто, конечно, особо не надеялся сбить цитадель ракетами, однако упускать нельзя было ни один шанс...

В этот миг Норд ясно различил вокруг себя зеленое свечение. Сообразив, что это значит, он плотнее скрутился в шар, надеясь, что неуязвимая перепонка все выдержит. Движения совершенно не чувствовалось, однако имевшийся только у драконов внутренний «высотомер» безошибочно подсказывал Норду, что его затягивают в брюхо цитадели. Необходимость лежать и не шевелиться сводила с ума.

Однажды он спросил Кави, как долго испуганный дракон может прятаться под крылом?

– Пока не проголодается, – со смехом отозвалась девушка. – Сутками.

Сейчас Норд мысленно повторил парочку выражений, услышанных Дагласом от боцмана злополучной шхуны. Что ж... Один любопытный дракон едва ли покажется слишком подозрительным, верно?

Он чуть приподнял крыло и выглянул наружу одним глазом. Зеленое свечение продолжало окутывать его тело, но в небесах он больше не парил – вместе с двумя перепуганными юными драконами, Норда везли по темному коридору на большой металлической платформе.

Вскоре платформа замедлилась у круглой двери в стене. Три створки, напоминавшие куски торта, отъехали в ниши, и толстый блестящий рычаг затащил одного из драконов в камеру. Двери начали смыкаться, а платформа продолжила путь.

«Некое подобие конюшни», понял Норд. Краденных драконов размещают в

отдельных стойлах, все управляется механизмами, самих похитителей нигде не видно. Что ж это за твари такие, почему они старательно от всех скрываются?

В этот миг платформа остановилась, и мощный рычаг обхватил гибкими стальными щупальцами едва успевшего вновь скрутиться клубком Норда. На сей раз движение прекрасно ощущалось; дракона втащили в крохотный блекло–серый овалный бокс, похожий на яйцо (если смотреть изнутри). Манипулятор беззвучно скрылся, и трехстворчатая дверь сомкнулась.

«Приехали...» – растеряно подумал Норд. Вынужденный играть роль испуганного дракона, он лежал неподвижно, свернувшись в плотный шар и ничего не видя. Царила полная тишина, не было никаких вибраций и ощущения полета – даже если цитадель в этот миг мчалась к следующему обреченному городу, изнутри понять это было невозможно. В щель между крыльями Норд видел мягкий пепельный свет, что струился из каждого дюйма стен, пола и потолка, сам материал камеры был податливым и теплым на ощупь. «Чтобы звери не поранились» – мрачно подумал Уоррен.

Минута текла за минутой, складываясь в часы. Лежать без движения становилось невыносимо, однако Норд хорошо понимал, что его единственный шанс уцелеть прямо связан с убедительностью драконьего поведения. Приходилось, в буквальном смысле закусив хвост, не шевелиться и покорно ожидать своей судьбы.

Минуло как минимум несколько часов, прежде чем в сводящей с ума тишине раздалось тонкое жужжание. Потолок камеры раскрылся еще одной трехстворчатой дверцей, гораздо меньшей, нежели главная. Норд к этому времени уже чувствовал вполне натуральный голод, поэтому рискнул высунуть голову из–под крыла и посмотреть вверх.

Яркий свет, бивший оттуда, мешал видеть; недовольно заворчав, Норд расцепил уже слегка занемевшие крылья и уселся по–кошачьи, обернув длинный хвост вокруг лап. Свет резал глаза; инстинктивно, не задумываясь, Норд приспустил левое крыло и накрыл голову.

«Меня осматривают» – понял он с глубокой тревогой. Что сделал бы сейчас настоящий дракон? Приоткрыв пасть, Норд издал громкий и недовольный звук, которому Кави научила его самым первым; так ящеры сообщали хозяевам, что

голодны.

«Но я не просто голоден, я испуган и не понимаю, где нахожусь», – подумал Норд. Вспомнив поведение двух соседей по загону, он встал на ноги и принялся нервно крутиться по клетке, то и дело издавая тоскливый пронзительный зов. Дверца в потолке не закрывалась, свет продолжал резать глаза.

«Что теперь?!»

Норд лихорадочно размышлял. Стал бы он так долго, не говоря ни слова, наблюдать через люк в крыше конюшни за новым необъезженным жеребцом? Едва ли. А если б подозревал, что лошадь вовсе даже и не лошадь? Ну– у... Тут простор для фантазии велик...

Развить тему, впрочем, он не успел; дверца в потолке закрылась с тихим жужжанием, и камеру моментально заполнил приятно пахнущий салатный туман. У разведчика закружилась голова, лапы подкосились и прежде, чем он хотя бы успел испугаться, его могучее драконье тело грузно рухнуло на пол.

Беспомощный Норд уже не видел, как в бокс заползли два блестящих многоногих аппарата, сходных одновременно с морскими ежами и пауками–сенокосцами. Не почувствовал их ласковые, но сильные прикосновения.

Спящему дракону укрепили на голове несколько электродов, ввели в пасть шланг вентиляции легких, подсоединили к сверкающему хромом аппарату жизнеобеспечения. Многоногие механизмы принялись нежно и заботливо массировать каждую его мышцу, а гигантская парящая цитадель грузно развернулась и, медленно набирая скорость, полетела обратно.

Норд приходил в себя долго и тяжело; голова гудела, смутные образы дико мельтешили перед глазами. С огромным трудом одолев головокружение, он сумел приподняться и разлепил глаза. Мягко–оранжевые лучи предзакатного солнца согрели душу, позволили чуточку расслабиться.

Вновь рухнув на подстилку из толстого приятно пахнущего материала, Норд зажмурился. С головой явно творилось что–то не то, образы из его собственного прошлого накладывались на воспоминания Дагласа, но кроме них, были и другие – тускловатые, малопонятные, однако искренние и полные чувств. Норд понял, что впервые «слышит» разум дракона.

«Малахит?» – позвал он мысленно, боясь получить ответ. Не получил; так же, как и от Дагласа, в разуме сохранились лишь обрывки памяти, не сознание. Однако даже этих обрывков было достаточно, чтобы Норд совершенно по– новому ощутил свое могучее, покорное тело.

Привстав, он уселся на хвост и медленно, боясь упустить момент, расправил крылья. Контроль над ними возник столь же естественно, как прежде над руками и ногами. Удивленный и растерянный, дракон впервые поднял голову.

Память Дагласа мгновенно узнала остров, но панике Норд разрастись не дал. Он сидел в красивой беседке узорчатого белого металла, вместо пола здесь росла густая трава, за стенами виднелись деревья. Закатное солнце, прорываясь лучами сквозь узоры, заполняло беседку теплом и уютным оранжевым пламенем.

«Уютное пламя?» – растеряно подумал Норд. И память отозвалась невозможной картиной – видом драконенка, игравшего в раскаленных углях. Прыгая по жару и восторженно пища, юный Малахит то и дело выдыхал пламя, поддерживая в костре жизнь. Потом прибежали двуногие, оттащили, посадили на цепь. Обидно...

«Я схожу с ума» – подумал Норд Уоррен. Но в душе уже понимал, что как раз наоборот; измученное сознание в чужом теле искало гармонии, пыталось приспособиться. Видимо, недалек уж день, когда драконье тело перестанет восприниматься чужим.

Но пока надо работать! Встав на ноги, Норд обошел беседку по периметру в поисках дверей. Не нашел. И нехотя поднял голову.

Так и есть – потолок отсутствовал. Что дальше?

«Любой дракон немедленно улетит, на это и расчет» – подумал Уоррен. Видимо, похитители сделали весь остров «заповедником» для вольных рептилий и позволяли тем свободно перемещаться. Ну, а что прикажете делать нелетающему дракону?

«Звать на помощь, конечно» – недовольно подумал Норд. В его планы не входило раньше времени привлекать к себе лишнее внимание. Что ж...

Усевшись на хвост в центре беседки, Уоррен запрокинул голову и издал жалобный зов. Подождал минуту, повторил. Затем еще раз, и еще.

«Должен ведь хоть кто–то услышать...»

Кто–то и услышал, но вовсе не из тех, кого бы Норд хотел встретить. С высоты

внезапно раздался шум крыльев, и в беседку спланировал некрупный серебряный дракон.

Усевшись на траву в десятке ярдов от Уоррена, зверь склонил красивую точеную голову набок и принялся пожирать разведчика умными голубыми глазами. Дракон выглядел заметно меньшим и более хрупким, чем громадный буро–зеленый Норд; прежде, чем тому пришло в голову объяснение, ответ подсказал нюх:

«Самка!» – Уоррен инстинктивно встопорщил гребень и попятился. Вспомнились слова Кави о характере драконов; стремясь себя не выдать, Норд припал к земле и грозно зашипел.

Серебряная, кажется, ожидала такой реакции; не вставая, она плотно сложила за спиной крылья, опустила к самой земле голову и принялась издавать негромкие, мягкие утробные звуки, очень похожие на львиные. К своему изумлению, Норд сразу ощутил, как раздражение проходит, а на душе становится спокойнее. Ощутил он и кое–что другое, сильно вздрогнул и поспешно уселся в траву, обернув хвост вокруг лап. Только вот ЭТОГО сейчас и не доставало...

Серебряная метнула на смущенного разведчика веселый взгляд снизу–вверх. Прекратив «мурлыкать», она медленно выпрямилась.

– Спокойнее, малыш, спокойнее, – мягким бархатным голосом произнесла дракониха. – Здесь тебя никто не обидит.

У Норда в голове взорвался черный шар. Говорящий. Дракон. ГОВОРЯЩИЙ ДРАКОН!!! Хуже того, разведчик никогда не слышал языка, на котором к нему обратились, однако понимал каждое слово. Но... Так не бывает... Опомнись, идиот, как видишь бывает! Что теперь делать?! Как себя не выдать?!

К счастью, ответ подсказала сама серебряная:

– Не бойся, – повторила она мягко. – Все хорошо, все хорошо. Не бойся.

«Успокаивает, как норовистого жеребца!» – внезапно понял Норд и ощутил огромное облегчение. Его не раскрыли. Издав недовольный звук «покормите дракона», он требовательно щелкнул пастью.

– Ты голоден? – недоверчиво переспросила серебряная. – Не капризничай. Здесь никто не испытывает голода.

Растерянный Норд застыл, не зная, как быть дальше. Спасение пришло само

собой, из новообретенной драконьей памяти: распутив крылья, разведчик сделал несколько неуверенных взмахов и беспомощно распластал их по траве, жалобно глядя на дракониху.

Та явно встревожилась. Подняв лапу, она тронула когтем блестящее колечко на роге и спросила негромко, в сторону:

– Мика, я тут в вольере с 96–ГК1, ему прошили стандартный пакет? – пауза – Уверена? Осложнений не было? Мозг принял и лингвистику, и базу? Да просто у него сбиты моторики! – пауза – Я пока не ослепла. Дергает крыльями, словно их вчера пришили... – пауза – ...нет, половой рефлекс в норме, агрессия занижена, а степень адаптации очень высока: притворился голодным, чтобы его приласкали. И вообще, смотрит так, будто понимает каждое слово.

Серебряная смерила нервно махавшего хвостом Норда задумчивым взглядом.

– Ты тоже отслеживаешь телеметрию, да?.. – вновь спросила у пустоты. – Угу, совершенно нетипичные... Дрессировка? Сомневаюсь. Его держали приманкой вместе с двумя детьми, помнишь? Значит, он чем-то не устраивал аборигенов, жадность не позволила бы им рисковать таким крупным экземпляром.

Пауза.

– М– м– м... Нет, пока не стоит. Отправить его на перепрошивку всегда успеется. Будем действовать по–старинке! – дракониха улыбнулась зубастой пастью, и Норд с изумлением отметил, что воспринимает огромную хищную ящерицу...

«Красивой?!»

Серебряная тем временем вновь тронула колечко на роге и, обернувшись к разведчику, весело подмигнула:

– Что ж, малыш, из последнего рейда вас доставили только троих. Времени вдоволь. Поработаем? – она ласково улыбнулась, села на хвост и дотронулась до груди лапой.

– Лаэллин, – представилась драконесса. – Будем знакомы!

Глава 6

Пунктирная линия змеилась по экрану без видимой логики, металась от края до

края карты, временами принимаясь танцевать на одном месте, будто прикованная цепью бабочка. Редкой расцветки, желтогривый сине– золотой дракон, лежавший на ковре перед терминалом, хмуро постукивал когтями по сенсорной панели.

Повинуясь движениям горящих янтарных глаз, в экране стремительно менялись картины. Вид с неба на человеческий город... Приблизить... Широкое, плоское строение позади внутренней цитадели королевского замка. Шесть аккуратных круглых бассейнов, в одном группа аборигенов купает веселого серебристого драконенка. Резко сдвинуть кадр, перебросить поле зрения на главные бараки; рентгеновский режим; видны тесные загоны, в них десятки драконов. Крылатые выглядят вполне здоровыми, кто–то спит, кто–то с аппетитом жует мясо... Сине– золотой ящер перед экраном скрипнул зубами.

– Сиракс, поднимись в мою каюту, – позвал он негромко, тронув клавишу внутренней связи. Ответ раздался почти моментально:

– Иду, капитан.

Пару минут, пока глава отдела безопасности шла к лифту, Вхагар мрачно разглядывал в экране человечье гнездо. Он не обернул головы, даже когда двери с мелодичным сигналом раздвинулись и в каюту вошла низкорослая, приземистая ярко– красная драконица с заплетенной в сотни косичек черной гривой. Грудные пластины могучей Сиракс украшали многочисленные самоцветы, вживленные прямо в чешуйки, на запястьях всех лап она носила широкие пушистые «кисточки» из натурального меха; скрывая мощные драконьи пальцы, те не позволяли видеть, выпущены ли когти.

– Устраивайся, – глухо сказал Вхагар. – Есть разговор.

Смерив капитана слегка удивленным взглядом, алая красавица разлеглась на ковре, крест– накрест уложив переливающиеся рубиновыми блестками крылья.

– Слушаю.

Сине– золотой обратил к ней глаза:

– Ты следишь за эвакуацией местной диаспоры?

– Естественно, – Сиракс нахмурилась. – В прошлом рейде удалось спасти лишь троих. Такими темпами, мы не закончим и за декаду...

– Следующим берем главное гнездо, там держат почти две сотни наших, – мрачно отозвался Вхагар. – Я долго откладывал этот рейд, поскольку у нас попросту

нет ресурсов для единовременной реабилитации такого количества спасенных. Больше откладывать нельзя.

Алая драконица склонила голову набок и чуть прищурила один глаз:

– Что случилось?

Капитан помолчал, задумчиво разглядывая массивные темно– серые когти на собственной лапе.

– Мы можем не успеть эвакуировать всех. Аборигены, похоже, догадались об истинной цели рейдов и начали передислокацию драконов в замаскированные лесные убежища. Только за вчерашний день я насчитал шесть таких маневров.

Сиракс громко фыркнула.

– Кэп, нам никогда не спасти их всех. Смиритесь наконец! Аяр использовали драконов шире, чем любую другую расу, блок– посты были разбросаны по всей Галактике. После войны, таких планет, как эта, остались сотни, если не тысячи. О львиной доле которых мы не ведаем даже координат!

Вхагар тяжело мотнул головой:

– Нет. Практически везде, где после уничтожения Аяр наши сородичи получили свободу, они создали процветающие колонии и не особо нуждались в спасателях. Драконам грозила опасность лишь на двух известных планетах, в обоих случаях мы успели вовремя... Но не здесь. Такой кошмар, как тут, не всякому и привидится.

Сиракс легонько пожала крыльями.

– Местные сами виноваты. Деградировать до уровня зверей, даже в изолированной от аборигенов островной популяции – фу! Мне противно звать их драконами!

Вхагар вздрогнул:

– Не надо. Их вины нет ни в чем.

– Seriously?

– Да, – капитан тяжело вздохнул. – Я уже расспрашивал Лаэллин по поводу необыкновенно быстрого одичания местных. Она объяснила, что виноваты энергетические кормилки Аяр, закопанные по всему архипелагу и функционирующие до сих пор.

Алая драконесса отпрянула:

– Они подавляют мышление?! Мы ведь и сами в зоне воздействия, капитан!

– Нет, нет, кормилки безвредны, – Вхагар криво усмехнулся. – Стандартная модель, мы применяем похожие повсюду. Но шестьсот местных лет назад, когда господство Аяр внезапно исчезло, оставшиеся без «хозяев» драконы были, как птенцы – нет памяти, жизненного опыта, одни инстинкты. Жили они в благоустроенных и теплых логовах, на безопасном расстоянии от аборигенов, голода не испытывали совершенно...

Сиракс медленно кивнула:

– Понимаю. Нет стимула развиваться.

– Вот именно, – мрачно отозвался сине– золотой. – А если вспомнить, что местная атмосфера действует на драконов, как контрацептив, и размножаться возможно только в зоне действия тех же кормилок... Перспективы не особо радужные.

Алая драконица с грустью развела крыльями.

– Это еще не худший сценарий, кэп. Далеко не худший. Я участвовала в первой спасательной экспедиции, помните?

Вхагар вздрогнул:

– Стараюсь забыть.

– Я тоже! – с чувством заметила Сиракс. Встав с ковра, она подошла к гигантскому иллюминатору во всю стену и поднялась на задние лапы, облокотившись о подоконник. Спустя минуту, к ней присоединился и капитан.

Хотя со дня высадки прошло уже несколько местных лет, или «циклов», как по привычке звали их космонавты, гостям с другой звезды так и не удалось привыкнуть к причудам климата. В южном полушарии, где находился драконий архипелаг, заканчивалась осень, но погода становилась лишь жарче и суше. Сейчас, чуть ли не впервые за месяц, за бортом шел дождь, тяжелые капли барабанили по обшивке, однако свежести и прохлады они не несли. В каюте царила тишина, и шестое чувство – глубокое, врожденное умение драконов предвидеть грозу –заставляло обоих крылатых инстинктивно топорщить гребни.

Молчание тянулось довольно долго, пока алая драконица, наконец, не встряхнулась:

– Так зачем вы меня, все– таки, вызвали?

Сине– золотой ответил не сразу.

– Есть деликатное задание. О нем не следует распространяться, особенно в присутствии Лаэллин.

Сиракс встрепенулась:

– Я слушаю?

Вхагар вернулся к терминалу и тронул сенсоры, выведя на экран фотографию.

– Из трех спасенных в последнем полете, двое были птенцами, а третий, вот этот – крупным самцом.

– 96– ГК1, я в курсе, – кивнула алая драконесса. – У него редкая форма гексамодалной анемии, летать не способен, но Лаэллин утверждает, будто это лечится. Она считает его местным аналогом то ли гения, то ли вундеркинда. Обучается с жадностью голодной ныршки, уже способен более– менее связно выговаривать простые фразы.

Вхагар помолчал.

– Ты его видела?

– Угу, красавец, – Сиракс ухмыльнулась. – Во всех смыслах крупный... экземпляр. А почему вас интересует этот спасенный? – она прищурила один глаз. – Снова причуды Лаэллин?

Капитан вздохнул.

– Если бы... Смотри внимательно, – он вывел на экран спутниковую карту с наложенной пунктирной линией. – Ускоряю.

Драконесса задумчиво следила за метаниями маркера.

– Что это?

– График перемещений 96– ГК1 за последние четыре цикла, – мрачно отозвался Вхагар. – Кажется хаотичным, да?

– Верно.

– Я тоже так думал. Пока не уменьшил масштаб. Сравни, тот же период... – капитан «отодвинул» камеру в стратосферу. Сиракс прищурила глаза; безумные скачки пунктирной линии внезапно сжались до крохотного мерцающего пятнышка.

– Перед тобой «инкубатор» в главном человеческом гнездовье, – тяжело сообщил Вхагар. – Как видишь, 96– ГК1 практически не покидал его окрестностей на

протяжении трех циклов, с первого же дня как мы начали отслеживать со спутников всех драконов планеты.

Он резко приблизил изображение почти до самой земли и сдвинул его мощным рывком лапы. Теперь экран показывал озеро неподалеку от города, где молодой зеленый дракон восторженно плескался в компании с соломенноволосой человеческой самочкой.

– Запись шестимесячной давности, последняя в этом районе. Перемотаем чуть вперед... – Вхагар тронул сенсор. В экране, ускоренное изображение показало, как зеленый дракон выбрался из озера, позволил человеку взобраться к себе на спину и взмыл в небо, помчавшись к городу. Капитан остановил кадр.

– Обрати внимание: 96–ГК1 прекрасно летает.

Сиракс недоуменно прищурила глаза:

– Странно...

– Это еще мягко сказано, – Вхагар пробежался когтями по панели. – В следующий раз, он попал под камеры спутников только через месяц. Совершенно в ином районе, на самой границе местного «королевства». Смотри.

Повисла тишина. Напрягшись и подавшись вперед, Сиракс следила, как тот же зеленый дракон тяжело хромает вокруг человеческой крепости, безвольно таща за собой парализованные хвост и крылья. Рядом, уложив лапку на спину раненного, шла знакомая человечья самочка с соломенными волосами, и при этом...

– Они что, беседуют? – недоверчиво моргая, спросила Сиракс.

Вхагар молча приблизил картинку почти вплотную. Некоторое время драконы смотрели, как их сородич в экране что-то рассказывает человеческой женщине.

Потрясенная, Сиракс инстинктивно накрыла голову крылом и отпрянула. Вхагар тронул панель, застопорив кадр.

– Слушаю идеи.

Алая драконица обратила к капитану глаза, полные ужаса.

– Я не понимаю... Как это возможно?! Его обучали с самого вылупления? Отдельно от остальных? То есть, аборигенам прекрасно известно, что мы разумные существа?!

Вхагар тяжело качнул головой:

– Хуже. Смотри дальше... – он запустил ускоренную перемотку. Приоткрыв от изумления пасть, Сиракс смотрела как человечья самочка в экране учит зеленого дракона махать крыльями, двигать хвостом, бегать и прыгать.

– Полагаю, достаточно, – капитан остановил кадр и, рывком, обернулся к алой красавице всем телом. – Как видишь, вполне типичный местный дракон неожиданно пропадает из поля зрения спутников и вновь появляется лишь через месяц. За это время он разучился летать и нормально двигаться, зато сказочным образом приобрел умение говорить на человеческом языке. И сумел успешно это скрыть, старательно выдавая себя за «талантливое животное».

Глаза Сиракс сузились до тоненьких, пылающих щелочек:

– Разведчик.

– Или диверсант, – кивнул Вхагар.

– Но как аборигены этого достигли? За месяц?! – алая драконица сглотнула. – Ему промыли мозги? Что за пыткам должны были подвергнуть несчастного, если он даже летать разучился?!

Капитан медленно покачал головой.

– Все не так просто, подруга. Как ни тяжело признавать, но мы обязаны допустить кошмарную возможность, что под видом 96– ГК1, а точнее, в его украденном теле, на базу проник Аяр.

Красная драконесса громко вскрикнула и отпрыгнула к дальней стене, у нее инстинктивно встопорщился гребень:

– Невозможно!

– Есть теории? – сухо спросил Вхагар.

– Аяр уничтожены, капитан! Столетия назад!

– Думаешь, я этого не знаю?

С огромным трудом взяв себя в лапы, Сиракс решительно помотала головой:

– Должно быть другое объяснение. Обязательно быть!

Синий дракон опустил голову.

– Судьба никому и ничем не обязана. Могла бы и привыкнуть...

Драконица сглотнула.

– Вы проверили 96– ГК1 в синхроне?

– Разумеется. И его, и всех, кто вступал с ним в контакт, в первую очередь Лаэллин.

– И?!

– Результат отрицательный на сто процентов. Следов Аяр не обнаружено.

– Тогда каким образом?!

Капитан помолчал, нервно дергая кончиком хвоста.

– Я не знаю. Вернее, догадываюсь, но верить пока не могу. Полтора цикла назад у нас уже был инцидент, связанный с необъяснимыми способностями аборигенов...

Сиракс ахнула:

– Светлое небо! Похищенный мнемонт?!

– Лаэллин утверждает, это физически невозможно. Слишком несовместимая биология.

– Мнемонт – аярская техника, кэп, мы можем не до конца знать его функции!

– Этого я и боюсь... – Вхагар опустил голову. – Уровень развития аборигенов очень низок, однако их интеграция с биосферой настолько совершенна, что Мираксес из ксенологического уже не раз докладывала об аутентичности всего местного биоценоза, – сине– золотой поднял глаза на встревоженную дракону. – Сиракс, я боюсь, мы обнаружили не просто одну из бывших колоний Аяр. Имеется шанс, и весьма реальный, что мы открыли родную планету расы Шэн. И аборигены – вовсе не далекие их потомки, а наоборот, предки. Точнее, генетический материал, из которого Аяр лепили своих солдат.

Алая драконесса приоткрыла пасть и, несколько секунд, молча гладела на капитана. Затем, опомнившись, с сухим хлопком щелкнула челюстями.

– Это многое объясняет... Что делаем, кэп? Изолируем шпиона?

– Ни в коем случае! – сине– золотой отшатнулся. – Пока мы все о нем не узнаем, категорически необходимо скрыть, что его «миссия» провалена. Никому ни слова, особенно Лаэллин!

– Ясно.

– Тем не менее, предупреди в своем отделе, чтобы 96– ГК1 не подпускали к энергостанции и, особенно, к кораблю.

– Разумеется, кэп. Это и есть «деликатное задание»?

Вхагар прищурил один глаз:

– Не совсем.

Сиракс усмехнулась.

– И почему я не удивлена?

– Потому, что не зря занимаешь свой пост, – серьезно отозвался Вхагар. Обернувшись к терминалу, он с силой ткнул когтем в сенсорную панель. – Вот твое задание, подруга.

Сиракс медленно, с силой выдохнула, пустив из ноздрей струйки белого дыма. Экран отображал фотографию улыбающейся человеческой самочки с соломенными волосами.

Глава 7

Музыка грохотала так, что земля под лапами Норда ощутимо тряслась в такт басам. Закат пурпурил небо, вспышки прожекторов с парящих на высоте платформ озаряли лужайку. Тысячи крохотных дронов– светлячков метались между танцующими драконами, собираясь в светящиеся фигуры, чиркая огненными линиями вдоль крыльев. И это был не единственный огонь.

Овальную трехсотярдовую танцплощадку устлали пушистые зеленые маты, похожие на траву, но сотканые из странного пластичного материала. Сквозь мириады невидимых глазу пор подавался лишенный цвета и запаха газ, пылавший ослепительно– яркими пышными облаками огня; невосприимчивые к его жару драконы, восторженно рыча, танцевали в пламени, вздымая крыльями настоящие вулканы. Норд, открыв от изумления пасть, стоял у края огненной лавины, пытаясь – без особого успеха – верить собственным глазам.

– Ну давай, не бойся, – сидевшая рядом с ним Лаэллин нежно погладила крылом напряженного дракона. – Тебе понравится!

Норд замотал головой. У него сам– собой топорщился гребень шипов, когти против воли цеплялись за землю.

– Не могу... – выдавил он хрипло, дергаясь всякий раз, как огненные искры

падали на чешую.

– Это весело! – Лаэллин с улыбкой сделала пару шагов вперед и вошла в пламя. Обернулась, распустила крылья. – Иди сюда. Не трясись. Дракон не должен бояться огня.

Норд сплотнул. Его хвост инстинктивно метался из стороны в сторону, тело окаменело. На таком расстоянии, жар от клубов пламени давно бы испепелил любого человека, но сделать последний шаг и ступить прямо в огненный ад – это было уже слишком. Не в силах одолеть ужас, Норд попятился.

– Не могу! – простонал он мучительно. Лаэллин, тяжело вздохнув, вышла из пламени, все ее тело дымилось, от раскаленных подушечек лап мгновенно затлела трава.

– Хорошо, в другой раз, – сказала она грустно. – Идем.

Хрипло глотавший воздух, Норд с гигантским облегчением закивал:

– Идем!

Они медленно двинулись прочь от горящей лужайки. Норд постоянно оглядывался, зрелище потрясло его не на шутку.

– Почему?.. – спросил он с жадным любопытством, когда они с Лаэллин немного удалились от танцплощадки. Серебряная бросила на своего подопечного мрачный взгляд.

– Сегодня праздник. День Аоки.

– Аоки?.. Что это?

– Не что, а кто, – поправила драконесса. – Величайшая воительница Галактики, первая, кто бросил вызов Аяр. Я хорошо ее знала.

– Знала?.. – Норд удивленно моргнул.

Лаэллин вздохнула:

– Я гораздо старше, чем кажется, малыш.

– Насколько гораздо?

Серебряная улыбнулась:

– Ты же пока не умеешь считать.

– Умею! – обижено возразил Норд. – Одна дракона, два дракона, будет три драконы, вот... – он гордо продемонстрировал пять растопыренных пальцев. Лаэллин

весело, тепло рассмеялась.

– Что ж, мне около тысячи двухсот местных лет. Понятнее стало?

Опешивший Норд остановился и, недоверчиво, склонил голову набок.

– А... Э... Тысяча? Тысяча – сколько?

– Очень, очень, очень много, – с печалью в голосе отозвалась серебряная. Норд встрепенулся:

– Драконы со звезд! Вас – всех – тысяча, да? Здесь?

Лаэллин покачала головой.

– Нет, малыш. Нас в этом мире только две сотни.

– Две... Сотни? – Норд опустил голову, стараясь скрыть полыхнувший в глазах огонек. – Сотня... Больше тысячи?

– Меньше ровно в десять раз.

– Десять. У меня десять пальцев! Да?

– Да, малыш.

Норд с гордостью выпрямился, приспустив крылья. Контроль над ними с каждым днем давался все легче.

– Лэлина, – позвал он чуть тише, чем обычно. – Драконы– со– звезд... Меньше, слабее меня. Почему?

Серебряная отозвалась не сразу:

– Это сложный вопрос, малыш. Тебе будет трудно понять ответ.

– Я не глупый! – возмутился Норд. Лаэллин улыбнулась:

– Ты самый умный из всех, кого мы уже спасли, но ты лишь начал учиться.

Впереди долгий путь, прежде чем ты станешь одним из нас.

– Но я хочу знать сейчас!

– Ох... – драконица вздохнула. – Ну и как тебе объяснить, что значит «гравитация»? Мир, где вылупился ты и много поколений твоих предков, слегка крупнее нашего, тела здесь тяжелее, летать – труднее. Поэтому, за сотни циклов, местные драконы стали сильнее, а размах крыльев увеличился, чтобы загребать больше воздуха. Вот, почему тебе кажется, будто члены экспедиции не такие крупные и мускулистые.

Норд с озадаченным выражением почесал крыльевым когтем за рогом.

– Экс– пе– ди– ция... Трудное слово. Что это?

Лаэллин весело ткнула его носом в шею:

– Мы, глупыш. Драконы, прилетевшие со звезд.

– О! – разведчик встрепенулся. – А зачем вы прилетели? Расскажи, расскажи, расскажи! Я хочу знать!

Драконесса бессильно развела крыльями.

– Ты несносней любого птенца! И как прикажешь облечь такую историю в понятную ребенку форму? – серебряная вздохнула. – Что ж, попробую. Садись, – она указала Норду на большой белый валун, лежавший у самой тропы, и сама разлеглась на траве рядышком. – Слушай и запоминай.

«Уж постараюсь» – мысленно заверил ее разведчик. Лаэллин несколько мгновений молчала, глядя в пустоту.

– Были на свете злые звери, «аяр», – начала она наконец. – Они пробирались всем в головы и сидели там, заставляя себя слушаться. Нас... – Лаэллин вздрогнула, но все же продолжила – ...драконов, они тоже захватили, и много– много– много лет заставляли себе служить.

Норд с умным видом кивнул:

– Как люди, да? Заставляют носить на спине!

Лаэллин с горечью покачала головой:

– Нет, малыш, гораздо страшнее. Но это сейчас неважно. Аяр летали меж звезд, и часто брали с собой нас, драконов. На многих планетах... Во всех землях, где они селились, для драконов строили... м– м– м... Логовища. Здесь, в этом мире – те самые острова, где мы сейчас находимся.

– Остров? – переспросил озадаченный Норд. Лаэллин кивнула:

– Кусок земли, окруженный водой. Здесь зарыты волшебные штуки, которые не дают драконам голодать.

– Здорово... – восторженно прошептал Норд. Серебряная тепло улыбнулась.

– Да, здорово. Хотя, пока Аяр управляли драконами, было не так здорово. К счастью, много– много циклов назад, великая воительница Аоки первой бросила им вызов, и после страшной... драки, Аяр не стало. Драконы получили свободу, сразу во всех землях, где они жили – на тысячах планет, в разных уголках Космо... неба.

Лаэллин вздохнула.

– Мир, откуда мы прилетели, зовется Тария, в честь древнего героя, возлюбленного великой Аоки. Драконы в нашем... – она запнулась, отвела взгляд. Горько улыбнулась. – ...драконы в том мире могучи, мудры и почти всесильны. Избавившись от Аяр, они быстро научились летать меж звезд сами. Но не всем повезло так, как им. Многие планеты оказались к драконам опасны и жестоки. Например, здесь, в твоём мире, люди используют крылатых, как коней, а сами драконы даже разучились говорить... – серебряная тяжело покачала головой. – Это ужасно, малыш, просто ужасно. Поэтому, Тария, как самая развитая и могущественная драконья планета, взяла на себя трудную миссию: мы летаем меж звезд в поисках затерянных колоний, где драконам нужна помощь, а когда находим – стараемся помочь. Вот и все, – она умолкла и опустила голову.

Если б взгрустнувшая Лаэллин в этот миг посмотрела на Норда, подозрение могло бы закрасться в душу даже к ней. На счастье, разведчик успел справиться с эмоциями прежде, чем яркие голубые глаза драконессы обратились в его сторону.

– Так вы... Здесь... Только ради драконов? – нервно дергая хвостом, спросил Норд. Лаэллин кивнула:

– Ну да.

– А люди?

– Что люди?

– На людей... Охотиться... Нет?

Серебряная рывком встала с травы и чувствительно хлопнула Норда крылом по лицу:

– Никогда так не говори! Охотиться на разумных существ – самое плохое, что может быть!

Растерянный Норд свалился с камня и поспешно вскочил, испуганно глядя на драконессу. Лаэллин гневно дышала, из ее тонких резных ноздрей тянулись струйки дыма.

– Запомни и повтори: никогда, НИКОГДА нельзя охотиться на разумных, – сказала она с нажимом. – Я жду.

Норд, сглотнув, сделал шаг назад.

– Нельзя охотиться на... разумных. Разумные? Это кто?

Лаэллин с трудом взяла себя в крылья и опустила голову.

– Такие, как мы, – сказала глухо. – Драконы, люди, грифоны, единороги... Все, кто умеет говорить и мыслить.

Норд склонил голову набок:

– А я не умел говорить раньше...

– Это ничего не значит! – резко оборвала Лаэллин. – Вас подавляют с самого вылупления, изолируют от стаи, внушают ложь, будто драконы от природы агрессивны друг к другу, мешают интеллектуальному развитию!

– ...А?

– Просто поверь.

Серебряная красавица шагнула вперед и накрыла спину мощного буро-зеленого дракона сверкающим крылом.

– Это очень важно, – сказала совсем тихо. – Пожалуйста, запомни мои слова. Нельзя ненавидеть расы, нельзя судить детей за грехи отцов, нельзя убивать живых существ, особенно разумных. Повторяй это каждый день, каждый миг, иначе так и останешься глупым животным. Понимаешь?

Норд медленно кивнул:

– Кажется, понимаю.

– Умница, – Лаэллин лизнула его в нос. – Вот увидишь, ты станешь замечательным драконом. Я в тебя верю.

Разведчику оставалось лишь нервно улыбнуться. Потрепав его мускулистую шею, серебряная отступила на шаг:

– А сейчас повторим все, чему ты сегодня выучился. Итак; для начала, прочти стихотворение «На рассвете, да по небу».

– Лэлина! – взвыл Норд, но драконица строго прищурила глаза:

– Я жду.

Разведчик обреченно уронил крылья.

– Целиком? – спросил с ужасом. – Оно такое длинное! И скучное! И глупое! И... И...

– Не капризничай, а то заставлю всю ночь когтепись оттачивать, – пригрозила

Лаэллин. Норд поспешно замотал головой:

– Понял, понял! На рассвете, да по небу, брат с сестрою пролетали, было жарко, но не душно, и как бабочки порхали две души под чистым светом, а скоро ночь настала, и...

– Что– что?! – Лаэллин моргнула. – Какая ночь настала?!

– Э– э– э... – Норд запнулся. – Неправильно?

– И как бабочки порхали две души под чистым светом звезд, не знающих печали, им квазары озаряли путь тернистый и мечтали... – драконесса умолкла, расслышав позади шум взмахов, накрыла голову крылом и тихо простонала: – ...нервы получить из стали...

– А я–то лечу, гляжу, кто тут поэзию развел? – на траву опустился довольно толстый и низкорослый черный дракон с контрастными светло– серыми полосками поперек хребта, чуть более темной гривой и оранжевыми хищными глазами. – Я тоже умею! Например: о красавица тонкохвостая, среброкрылая да неотразимая, как проводит день Аоки наша милая Лаэллиния? – незваный гость ухмыльнулся.

Норд, помрачнев, резко шагнул вперед и встал между ним и серебряной драконицей:

– Ты кто? – спросил с подозрением. Лаэллин, вздохнув, уложила крыло на спину разведчику, успокаивающе потрепала по шее:

– Знакомься: Кераксес из отдела логистики...

– Керр, Керр, для друзей просто Керр!

– ...считающий себя остроумнейшим из драконов, – устало закончила крылатая.

Черно– серый, фыркнув, отдал ей честь крылом от рога:

– Не лъсти, луногривая, смущаюсь! А это, конечно, знаменитый 96– ГК1, талантливый дикарь? – Кераксес смерил могучего буро– зеленого заинтересованным, хотя и слегка высокомерным взглядом. – Солидно, солидно... Он так и собирается всю жизнь откликаться на 96– ГК1, кстати?

Лаэллин стиснула зубы:

– Выбор имени –задача ответственная и трудная. Пусть сначала освоится.

Норд хмуро почесал за рогом.

– Лэлина сказала, имя, что мне люди дали, надо забыть. И никогда не говорить

вообще. Никому.

Керакセス хмыкнул, передернув крыльями:

– Еще бы! Слушай тонкохвостую красавицу, она мууууудрая! – дракон подмигнул разведчику. – Вот только, когда решишь выбирать имя, держись от нее подальше, а то станешь Цветочком или...

– Зачем ты здесь, Керр? – оборвала Лаэллин. Черно–серый со вздохом обратился к ней глаза:

– Прости, моя полировано–металлическая, должен прервать вашу любовь платоническую. Ты срочно нужна в ангаре, один из дронов обнаружил в квадрате 18 нечто... по твоей части. Даже не знаю, как объяснить, – он развел крыльями. – Сама увидишь, в общем.

Лаэллин встрепенулась, бросила взгляд через плечо на разведчика.

– Но я не могу его тут бросить...

– Эй, эй, эй, сегодня день Аоки! – черный дракон громко хлопнул крылом об крыло. – Опомнись, милая, ну что с ним случится в центре самого охраняемого и безопасного местечка на всей планете? – он обернулся к Норду и, резко изменив голос, спросил серьезно:

– Мы ведь можем на тебя положиться?

Разведчик с легкой растерянностью кивнул:

– Да... Наверно?

– О сотканная из пепельного света луны! Это, вообще–то, важно, – заметил Керакセス, вновь обратив глаза к серебряной драконице. – Жду в ангаре через минуту! – он прынул ввысь. Лаэллин, поколебавшись, тяжело вздохнула и подошла к Норду.

– Малыш, я ненадолго оставлю тебя одного. Будь хорошим ящером и не создавай проблем, договорились? – она ласково ткнулась носом в мускулистую шею буро–зеленого. – Лучше всего, возвращайся в поселок для спасенных драконов, ты ведь помнишь свой домик? На нем цифры девять и шесть.

Разведчик умоляюще посмотрел на крылатую красавицу:

– Я не хочу в поселок! Там все глупые, как лягушки! Я хочу с тобой!

Лаэллин грустно улыбнулась.

– Они не глупые, они просто не так быстро учатся, как ты. Мы спасли уже

девятью шесть драконов, но работают с вами только трое учителей – я, Мираксес и Шрикос. Остальные слишком заняты! – буркнула она гневно. – Понимаешь, малыш, прежде мы никогда не встречали колонии... земли, где драконы даже говорить разучились. Наша спасательная экспедиция двадцать девятая по счету, но столь тяжелой ситуации нам пока не попадалось. И мы оказались не готовы, – с горечью добавила Лаэллин. – Даже не представляю, что будет, когда спасенные начнут поступать сотнями...

Норд озадаченно почесал крыльевым когтем за рогом.

– А привезти новых учителей?

Серебряная драконесса с болью покачала головой:

– Это невозможно. Планета Тария так далека, что лететь придется более двухсот пятидесяти местных лет. И столько же на обратный путь... Наша единственная надежда – успеть подготовить наиболее талантливых местных драконов, таких, как ты, малыш, – Лаэллин нежно погладила разведчика по гриве. – Когда мы улетим, а до этого осталось всего два– три года, тебе и другим свободным крылатым придется продолжить наше дело. Как думаешь, справишься?

Действительно удивленный, Норд отозвался не сразу.

– Не знаю, – сказал после долгой паузы. – Не знаю, Лэлина.

Серебряная улыбнулась:

– Я в тебя верю, – она лизнула его в нос. – Не бойся, мы оставим вам роботов, технику, спутники. Драконьи острова будут надежно защищены от людей и других врагов. А сейчас, прости, должна лететь. Тебе разрешено гулять по всему острову, кроме во– он того сектора... – Лаэллин указала крылом на далекие, темневшие в вечернем сумраке горы. Разведчик встрепенулся:

– А что там?!

– Наш корабль.

– Корабль?

– Огромная летающая крепость, что привезла тебя на остров. Вижу, помнишь... – усмехнулась драконесса, когда Норд вздрогнул всем телом. – Корабль охраняют роботы, жуткие чудовища, если нарушишь границы дозволенной территории – в тебя выстрелят парализующим дротиком и накажут. Ясно?

– Д– да... – выдавил разведчик.

– Умница. Я вернусь так быстро, как только смогу. Доброго ветра! – Лаэллин распахнула перламутровые крылья и умчалась в темнеющее закатное небо догонять Кераксеса. Норд остался один.

Некоторое время он продолжал стоять неподвижно, глубоко дышал. За несколько недель на острове все теории, подготовка, планы разведки оказались разбиты вдребезги.

Норд Уоррен считал себя достаточно опытным солдатом и надеялся справиться с опаснейшим заданием. Все предпосылки к успеху имелись – операция не имела не только аналогов в истории войн, но и в целом едва укладывалась в рассудке, а многолетний опыт подсказывал, что у таких миссий как раз наивысшие шансы сработать. Норд старательно готовился изображать из себя зверя, подглядывать, подслушивать и – чем черт не шутит – устроить врагам парочку болезненных диверсий. Ему бы и в горячечном бреде не привиделось, что враги И ЕСТЬ звери, один из которых стал его новым телом...

Да и врагами их было непросто назвать, если конечно верить серебряной ящерице. Вот уж какие угодно теории могли строить офицеры короля, но вообразить, что драконов похищают... другие драконы, причем делают это не для военных целей, а лишь по причине кровного родства?! Полно, такому докладу могут попросту не поверить. Еще решат, будто трансформация свела их разведчика с ума!

«А может, и свела...» – растеряно подумал Норд, глядя как парочка крылатых в высоте кружит в сложнейшем танце, то и дело выпуская слепящие облака пламени и пронзая их сверкающими телами. Да, уж ту картину огненной лужайки не скоро удастся выбросить из памяти...

Некоторое время разведчик молча наблюдал за танцующей парой, и внезапно ощутил, как из глубин сознания поднимается могучая, неодолимая волна жара. Норд даже не успел испугаться; инстинкты вцепились в его разум голодными драконами, растерзали контроль, втоптали в пыль сомнения. Издав ликующий вопль, юный Малахит распахнул крылья и прынул ввысь.

Он мчался в пылающем небе, стрела чистого счастья, изумрудная молния восторга. Появление непрошенного гостя удивило танцующих драконов лишь на

мгновение – общее настроение кипятило кровь всем троим, делало их единым целым. Запрокинув голову, Малахит закричал идохнул пламенем.

Могучее, обжигающее облако исторглось из его пасти, волной в несколько раз более мощной, чем дыхание его новых друзей. Восторженно крича, все трое нырнули в огонь и закружились безумным тайфуном веселья. Раскаленный воздух заполнил Малахиту грудь, уничтожил силу тяжести. Юный дракон танцевал, чувствуя себя невесомым клочком плазмы, осколком великого Солнца – и он позволил сознанию раствориться в пламени, ибо жизнь в такие мгновения горела сама собой, жгучей неведомой искоркой.

Потом он стоял в тлеющей от жара его тела траве, дымящимся сгустком счастья, а новые друзья в восторге обнимали его крыльями.

– Вот это да! Фантастика!

– Никогда такого не видел!

– Где научился?!

Малахит с громадным трудом вернулся с небес на землю и заставил себя открыть глаза. Его легонько трясло, в груди покалывало от перенапряжения, но это все равно была счастливейшая ночь в жизни.

– Научился?.. – он моргнул. Один из драконов, столь же молоденький бело–золотой, восторженно закивал:

– Ты владеешь пирокластикой! Подлинной! Кто обучил тебя пирокластике?!

– Пиро... что? – растеряно переспросил Малахит.

– Это еще зовется «палящая туча», – уточнил второй дракон, щеголявший роскошной пурпурной гривой и темно–красной, почти вишневой чешуей. Выглядел он заметно старше, хоть и не крупнее своего товарища.

– Из какого ты отдела? – спросил тем временем бело–золотой. – Я думал, что знаю в экспедиции всех... – он запнулся и широко раскрыл глаза: – Ты дикий!!!

Окончательно растерявшись, Малахит попятился и сел на хвост.

– Не понимаю... – простонал он жалобно. Новые знакомцы быстро переглянулись.

– Не бойся, все хорошо, – вишневый уселся в тлеющую траву и вежливо склонил голову. – Я Арракс, а это мой гнездовой, Вермитор. Мы друзья. Не бойся нас.

– Ты потрясающе владеешь огнедыханием! – вставил бело– золотой. – Никто здесь так не умеет! Тебя надо назвать Аут Вапорем Игнеум Спирантес! Или просто Игнитус... Что скажешь, нравится?! – он понизил голос и добавил – Я ксенолингвист.

– Угу, будто «Зажигалка» на местном языке звучит не так глупо, – фыркнул Арракс.

У Малахита кружилась голова. Мощная волна возбуждения постепенно спадала, и вместе с ней тускнело сознание. Чей–то холодный, чужой разум вторгнулся в рассудок.

«Кто ты?» – в ужасе позвал молодой дракон. – «Уходи! Оставь меня!!! Не надо! Не на...»

Содрогнувшись от кончика носа до кончика хвоста, Норд пришел в себя и открыл глаза. У него страшно болела голова.

– Что произошло? – выдавил он хрипло, борясь с тошнотой. – Где я?

Арракс и Вермитор растеряно переглянулись.

– Э– м– м– м... Ты в порядке? – осторожно поинтересовался вишневый. – Может, к врачу?

Бело– золотой многозначительно закивал:

– Пирокластика даром не дается!

Норд, со стоном, поднял передние лапы и прижал ладони к глазам. Голова так кружилась, что он не устоял на ногах и грузно, боком, свалился в траву.

– Я за Мелеис! – вишневый Арракс распахнул крылья и прынул в темнеющее закатное небо цвета его чешуи. Испуганный Вермитор присел рядом с разведчиком:

– Сейчас прилетит врач, тебе помогут... – пробормотал он растеряно. – Прости, у меня нет с собой даже аптечки! Где болит? Может, искусственное дыхание?! Хочешь воды?!

Норд скрипнул зубами. Головная боль потихоньку отпускала, огненные колеса перед глазами замедляли вращение. Он начинал понимать, что произошло – в разуме металась обрывочные, полные ликования воспоминания о полете. Похоже, чрезмерное волнение его новому телу, мягко говоря, противопоказано.

– Уже лучше, – выдавил разведчик через силу. Напрягся, заставил себя сесть. Бело– золотой дракон смотрел на него с тревогой.

– Не вздумай вставать! – предупредил он, уложив крыло Норду на спину. – Врач скоро будет здесь!

– Врач? – разведчик вздрогнул. – З– з– з–зачем врач? Я– я– я хорошо себя чувствую... – он яростно помотал головой, прогоняя остатки видений. – Вот... Все прошло.

Он встал, хотя Вермитор пытался этому воспрепятствовать. Некоторое время два дракона молча смотрели друг на друга.

– Ты сказал, «пирокластика даром не дается»? – напряженно спросил Норд. – Что это значит?

Бело– золотой с сомнением почесал крыльевым когтем за рогом.

– Ну... Я, конечно, сам не видел – не в каждом поколении вылупляется мастер пирокластики вроде тебя – но помню, где–то читал, будто в такие мгновения дракон выдыхает не пламя, а чистую изначальную энергию, ту самую, что помогает нам летать. Это едва ли полезно для здоровья, согласен?

Норд с легкой дрожью кивнул.

– У меня закружилась голова.

Вермитор недоуменно моргнул:

– То есть как?

– Что, как?

– Что значит «закружилась голова»? – растерянно спросил молодой дракон. – Ты лежал на боку.

Разведчик мысленно чертыхнулся; разумеется, у крылатого племени не имелось особенностей человеческого организма.

– Мне казалось, будто перед глазами все кружится, и я падаю, – объяснил он напряженно. Вермитор приоткрыл пасть и внезапно расхохотался, хлопнув себя крылом по лбу.

– Я все забываю, что ты дикий, – отозвался он на удивленный взгляд Норда. – «Закружилась голова», это ж надо придумать! – Бело– золотой с трудом обуздал смех и весело подмигнул разведчику. – У нас говорят, «цапнул ветер». Так бывает, если попадешь в смерч, и он будет тебя быстро крути... – Вермитор запнулся и растеряно поднял взгляд. – Вот те раз! А ведь такое и впрямь можно назвать «закружилась

голова»! С ума сойти, ты подсказал мне новую автохтонную лингвистическую ассоциацию! Почему я раньше не догадывался опрашивать местных?! За минувшие века у вас должна была сформироваться самостоятельная языковая семья, с уникальными конструкциями вроде «закружилась голова»! Потрясающе!

Бело– золотой мечтательно зажмурился, предвкушая новые лингвистические откровения, но внезапно дернулся и широко раскрыл глаза. В полном недоумении уставившись на Норда, молодой дракон отступил на пару шагов:

– погоди, – пробормотал он растеряно. – У местных не могло родиться никаких словесных форм. Вы же не умеете говорить. Вся языковую базу вам прошивают после спасения, и там определенно нет конструкций вроде «закружилась голова». Мне ли не знать, я составитель этого курса!

Норд оцепенел.

– Я... Я просто брякнул первое, что на ум пришло, – отозвался он, стараясь казаться спокойным. – Случайно.

У Вермитора отвисла челюсть:

– Брякнул? – переспросил он изумленно. – Что значит «брякнул»? И как на «ум» может что–то «прийти»?

Разведчик лихорадочно искал выход из положения.

– Это все пирокластика... – сказал он слегка дрожащим голосом. – Я думал, мне стало легче, но теперь вижу, это не так. Говорю, сам не знаю, что. Мне надо отдохнуть в тишине. Я пойду, хорошо?

Бело– золотой с подозрением склонил голову набок и прищурил глаза.

– Скоро прилетит врач, – напомнил он напряженно. Норд отшатнулся:

– Я не могу ждать, прости. Должен отдохнуть.

– Где именно отдохнуть? – резко спросил Вермитор. – Назови номер сектора.

Разведчик приспустил крылья в жесте растерянности:

– Я не знаю номер сектора. За мной присматривает серебряная драконица по имени Лаэллин, если вы найдете ее, она все объяснит.

Бело– золотой оскалил клыки:

– Ты внезапно стал изъясняться очень связно и грамотно. Но перед «закружилась голова», ты разговаривал как едва– едва начавший обучение местный.

Кто ты такой? – жестко спросил Вермитор. – Ты не из нашей экспедиции, и ты определенно не дикарь!

– То есть как, не дикарь?! – Норд попытался незаметно шагнуть вперед, но бело– золотой моментально распахнул крылья и мощным взмахом отлетел от разведчика на несколько ярдов.

– Вот и скажи, «как»! – с угрозой прорычал Вермитор.

«Это провал», – понял Норд. Перехватить настоящего дракона, способного к полету, он просто не успеет, даже если...

Стоп. Настоящий дракон?

«Первое, чему мы учим птенцов, закрываться крыльями» – вспомнил разведчик. Не задумываясь, он рывком поднялся на задние лапы и разинул пасть, готовясь дыхнуть плазмой. Бело– золотой машинально распахнул широкое крыло, поставив между собой и разведчиком непробиваемую завесу – но у Норда, в отличие от молодого дракона, помимо инстинктов имелась боевая подготовка. Не тратя времени на бесполезный пламенный выдох, который все равно не причинил бы огнеупорному дракону никакого вреда, разведчик воспользовался крохотным мгновением, пока Вермитор его не видел, и в длинном прыжке успел схватить бело– золотого за лапу.

Молодой ящер вскрикнул от страха, попытался стряхнуть противника, однако тот был в полтора раза крупнее и гораздо тяжелее. Навалившись на Вермитора, разведчик опрокинул его на спину и вдавил в землю всеми двумя тоннами своего могучего тела. Сустав левого крыла громко хрустнул, дракон завопил от боли.

– Тихо! – свирепо прорычал Норд. Он обхватил хвост и задние лапы молодого лингвиста собственным хвостом, наступил ему на крылья ногами, левой лапой сдавил обе передние кисти, а правой схватил за самую тонкую часть шеи, у основания черепа.

– Чешую когтями не проткнешь, но задушить мне труда не составит!

Обездвиженный и страдающий от боли Вермитор притих, его бока судорожно вздымались, кончик хвоста дергался.

– Отпусти! – взмолился он с дрожью. – Ты мне крыло сломал!

– Не геройствуй, и шею не сломаю, – глухо отозвался Норд, чуть ослабив захват.

– Ясно?

– Но... Но... Драконы не убивают драконов! – в ужасе выдавил Вермитор. – Кто

ты такой?!

Разведчик усмехнулся:

– Сейчас мы вместе пройдем на берег. Я буду держать крыльевой коготь у тебя на горле, и если попытаешься хоть дернуть хвостом, клянусь – восхода солнца ты больше не увидишь. Понял? Вставай!

Он рывком вздернул Вермитора за шею на вытянутой лапе. Бело– золотой выпучил глаза, задыхаясь, приоткрыл пасть, судорожно вцепился в руку разведчика.

– Хрррр... – у него вывалился язык. Слегка удивленный, Норд ослабил хватку и Вермитор жадно глотнул воздуха. Его лапы подкосились, бело– золотой грузно упал на колени.

– Больно! – прохрипел он, вцепившись в мощную лапу разведчика. – Не... надо... больше!

Растерянный произведенным эффектом, Норд, тем не менее, быстро опомнился:

– Веди себя тихо и останешься жив, – прорычал он свирепо. – Давай, иди! Быстрее!

Спотыкаясь и волоча левое крыло по земле, молодой дракон подчинился. Шагая рядом, Норд то и дело с тревогой оглядывался на небо, однако Арракса и врача, за которым тот отправился, пока видно не было. Все произошло слишком быстро, разоблачение не заняло и минуты – если повезет, сильно повезет, шанс спасти миссию пока еще есть.

– Быстрее! – свирепо рявкнул разведчик, хлестнув Вермитора хвостом. – Шевелись, ну!

Бело– золотой, всхлипывая от боли в крыле, ускорил шаг. Они с Нордом уже приближались к берегу – в этом районе острова тот был обрывист и высок. На краю откоса разведчик просто толкнул Вермитора вниз и, пока тот катился по камням, быстро съехал следом, бороздя землю когтями.

– Ты... Ты! – прорычал потрепанный бело– золотой дракон. Вывихнутое крыло он держал лапами на весу, дрожа от боли.

– Ни звука, или прикончу на месте! – яростно пригрозил Норд. – Шевелись! Нам надо на северо–запад, отсюда мили две! По кромке прибоя, вперед!

Оцепеневший Вермитор приоткрыл пасть.

– М и л и? – прошептал он, не веря. – Ты пользуешься мерами аборигенов? Ты шпион?! Но... Но я же дракон!!! Мы с тобой одной крови! Как ты можешь предавать родной народ?! Я не понимаю!

Норд смерил юного крылатого тяжелым взглядом. Как наяву вспомнился разговор с Кави – «Собаки не понимают человеческого коварства, а драконы? Думаю, они учатся...»

– Я никогда не предавал свой народ, – жестко сказал Норд. – Я человек. Офицер. Один из тех самых «аборигенов», чьи города вы сжигаете с воздуха. А это тело... – он хлопнул себя крылом по груди, – Лишь маскировка. Так что не надейся, будто я блефую; попытаешься бежать или поднять тревогу – прикончу, как жирную ящерицу, которой ты и являешься!

У Вермитора от потрясения подкосились лапы и молодой дракон, охнув, свалился на мокрый песок.

– Это невозможно, – прошептал он, качая головой и не в силах отвести взгляд от разведчика. – Я... Не понимаю... Когда мы парили в огненном танце, ты был... – он ахнул и вскинул голову: – Ну конечно!

Норд яростно ударил хвостом по земле:

– Вставай! Идем!

Бело– золотой сглотнул.

– Нет, – выдавил он. Разведчик вздрогнул:

– Что?

– Я не предатель, – слегка дрожащим голосом произнес молодой ящер. – Я не стану тебе подчиняться. И ты не сможешь убить меня, чудовище. Дракон, чье тело ты украл, этого не позволит!

Норд рывком подпрыгнул к Вермитору и схватил его за горло:

– Не испытывай меня, рептилия, – предупредил глухо.

Лингвиста трясло, но голос впервые прозвучал твердо:

– Драконы не убивают драконов, – сказал он, глядя Норду в глаза. – Это основа нашей культуры, ее краеугольный камень. Там, в небе, счастье огненного танца подавило твой паразитный рассудок, ненадолго выпустив на свободу подлинного хозяина. Но даже огненный танец – ничто рядом с тем взрывом эмоций, который

последует, если ты попытаешься меня убить!

Глаза Вермитора сверкнули.

– Только попробуй, и несчастный дракон, что мучается сейчас в плену у собственного тела, сметет твой грязный разум, как слизня с перламутровой шерсти единорога!

Норд помолчал, глядя на трепещущего от боли пленника.

– Ты смелый парень, – буркнул после долгой паузы. – Да и находчивый. Жаль тебя огорчать.

Он поднял лапу и постучал себя когтем по основанию рога, где у людей бы находился висок.

– Хозяин этого тела никогда не был разумным ящером вроде вас, гости со звезды. Он был хищным зверем на службе моего короля. А НАШИ драконы, когда требуется, без особых сожалений рвут сородичей в клочья, – глухо добавил Норд, наблюдая как синие глаза Вермитора полнятся ужасом.

– Это невозможно... – пролепетал бело– золотой.

– Когда ты меня разоблачил, я не убил тебя на месте лишь потому, что надеюсь доставить живым для допроса, – жестко сказал Норд. – Даю слово офицера, ты останешься цел и получишь свободу, когда мы узнаем все, что требуется. Но даже и без тебя я успел собрать достаточно разведанных, чтобы оправдать всю операцию. Поэтому, юноша, заруби себе на носу... – разведчик запнулся, когда Вермитор дернулся и отпрянул:

– Не надо!

– Что? – Норд на мгновение застыл. Фыркнул. – Да уж... Не бойся, я не стану рубить тебе нос. Это выражение у людей означает «запомни».

Они пару мгновений смотрели друг другу в глаза.

– Иди вперед, – понизив голос, жестко приказал разведчик. – Я не хочу отнимать твою жизнь, но сделаю это без колебаний, если попытаешься бежать или поднять тревогу. Двигай!

Вермитор, дрожа, замотал головой:

– Нет! Убей меня, зверь! Я не подвергну товарищей опасности!

– Какой опасности?! – в бешенстве рявкнул Норд. – Чем могут люди вам

угрожать?! Луком да стрелами?! Я видел, каким могуществом вы обладаете! Мы для вас столь же страшны, как стадо ягнят пред голодным драконом!

Бело– золотой изумленно моргнул:

– Тогда зачем все это?! Зачем ты сломал мне крыло и хочешь похитить?!

Разведчик скрипнул зубами.

– Даже ягнята блеют и брыкаются, когда их гонят на бойню.

– Но мы же не хотим истреблять людей! – горячо возразил юный дракон. – Не хотим враждовать! Мы не дикари! Это спасательная экспедиция, мы просто эвакуируем сородичей!

– Да ну? – разведчик криво усмехнулся. – А громадная шахта на южном острове, откуда доносятся взрывы и поднимаются столбы дыма? А парящая цитадель, что сжигает нам города?!

Вермитор сглотнул.

– У нас нет достаточно крупных атмосферных катеров для эвакуации множества пойманных драконов, приходится использовать звездолет. Его двигатели чрезвычайно мощные, отсюда и разрушения. А в шахте добывают топливо на обратный полет – онгониты для производства лития и висмута. Никто здесь не желает людям зла, мы просто... Арракс!!! – внезапно заорал он, распахнув здоровое крыло и глядя куда–то за плечо Норда. – Осторожно!!!

Глава 8

В ангаре жарко воняло машинами. Лаэллин никогда не любила технику, поэтому решительно не понимала, каким образом некоторые чудаки умудрялись находить этот запах приятным; тем не менее, черно– серый Кераксес был, очевидно, как раз из таких, поскольку едва крылатые вошли под высокий алюминиевый купол, дракон с наслаждением потянул носом воздух.

– ... – проурчал он под нос. Лаэллин моргнула:

– Как– как?

– Никак.

– Я просто не расслышала...

– А я и не говорил ничего, – Керр ухмыльнулся. – Будь проклята цивилизация, коли дракону уж и мурлыкнуть нельзя!

Серебряная красавица с легким удивлением прищурила один глаз, но ничего не сказала. Они приблизились к гигантской стрелокрылой машине длиной метров в девяносто, ее броня отливала титаном, сквозь открытые грузовые люки рвался зеленый свет. Обшивка еще не до конца остыла после многодневного сверхзвукового полета, над аппаратом струился воздух.

– Стальная птица, – издевательски процитировал Керраксес. – Почему аборигены так помешаны на птицах? Будто других животных в этом мире мало! Орлы у них символ гордости, лебеди – красоты, совы – мудрости, вороны... М– м– м... Кем они считают ворон, напомни?

– Вестниками смерти, – мрачно отозвалась Лаэллин.

– Вот– вот! Нет бы взять кого–то действительно значимого, слона к примеру, или грифона.

– У них есть символика и со слонами, и с грифонами. А чаще всего, разумеется, с нам... с драконами.

Керраксес бросил на спутницу быстрый взгляд.

– Что ж, – произнес он густым басом. – Ты признала правду.

Лаэллин сильно вздрогнула:

– К– какую правду? – спросила с запинкой. Черный дракон, ухмыльнувшись, отозвался уже нормальным голосом:

– Забудь, просто не мог упустить момент. Все хорошо. Кстати, мы так и будем стоять у открытого люка, или займемся чем–нибудь... Вдвоем?

– Это на что намек?! – Лаэллин отпрянула. Керраксес расхохотался.

– На дружеский обед! Луногрявая, не делай вида будто не знаешь, о чем грезит всякий самец в твоём обществе.

Серебряная драконесса прищурила глаза и гневно встопорщила гребень:

– Если... Если ты затащил меня в ангар только для этого, я... Я...

– Спокойно! – Керраксес со смехом отступил назад и вскинул крылья. – Материалы в салоне, ждут анализа. Но сама посуди, мы тут одни, в день Аоки – кем бы я был, если б даже не спросил?!

Лаэллин недоверчиво покачала головой:

– Верно. СОБОЙ бы ты точно не был.

– Видишь! – обрадовался черный. – Мы отлично ладим! Еще чуть– чуть, и...

– Чуть– чуть?! – от возмущения у драконессы задымились ноздри. – Да я скорее подниму хвост перед роботом!

– Робот не оценит... – сокрушенно вздохнул Керр.

– Ты!!!

– Ладно, ладно, закрыли тему, – он ухмыльнулся и склонил голову набок. – Но не удержусь: твой новый протеже, этот местный вундерящер... Ты ведь его обучаешь всем тонкостям жизни цивилизованного дракона? Всем– всем? Ну, и как поднимается... То есть продвигается, хе– хе?

Серебряная глубоко вдохнула:

– Мы непременно пригласим тебя понаблюдать, – сказала жестко. Кераксес вскинул крыло:

– Туше! Сдаюсь. В общем, лезь в кабину и смотри запись – как я упоминал, объяснить это словами трудно, – черный дракон встал на задние, облокотился спиной о теплую обшивку и скрестил на груди лапы. Весело подмигнул. – Вернусь через пару часов, а то ведь знаю, ни одна самочка не может сосредоточиться, пока рядом...

– ...торчит такая любовь! – гневно фыркнула Лаэллин. Керр вздохнул.

– Грубо. Грубо и пошло, – он задумчиво почесал крыльевым когтем там, куда смотрела драконесса. – Впрочем, я не обидчивый. Если станет одиноко, код вызова ты знаешь.

Лаэллин в гробовом молчании отвернулась и принялась взбираться по лестнице в открытый люк. Кераксес, проводив ее завистливым взглядом, тяжело вздохнул и, бухнувшись обратно на все четыре лапы, зашагал прочь из ангара.

В кабине было душно, воняло горячей резиной. Лаэллин включила кондиционер и пару минут стояла в струе освежающего ветра, шипя и пытаясь успокоиться. Как можно было брать в космос такого... Такого... А– а– агхр, еще и время на него тратить?! Хршшшшш...

Прошла минута, другая. Слегка поостыв (во всех смыслах), драконесса задраила внешний люк и перевела кондиционер на замкнутую рециркуляцию, чтобы

прогнать из воздуха последние следы запаха Кераксеса. Уселась в кресло пилота, надела очки виртуального зрения, сунула кисти в пурпурно– лазерный туман контроллеров.

– Ну, самец, если ты отвлек меня от дел без веской причины, я не просто оторву твой... – Лаэллин запнулась. Паривший перед глазами виртуальный экран показывал список записей полетного журнала, и что–то с этим списком было не так. Драконесса даже не сразу догадалась, что именно.

Вспомнив же, ахнула и подалась вперед всем телом. В отчетной документации была принята единая цветовая кодировка – по спектру белого света, от темно– красного до фиолетового, согласно тематике. Подавляющее большинство записей полетного журнала относились к «алому» типу, то есть – координатная точка достигнута, целей нет. Изредка попадались «желтые» строки, это значило, дрон обнаружил как минимум одного местного дракона, зафиксировал его местоположение и передал биомаркер на спутники для отслеживания.

Но еще ни разу со дня высадки, в отчете не встречалось ярко– зеленых записей. Глубоко дыша от волнения, напряженная Лаэллин выделила единственную изумрудную строку и включила воспроизведение. В ушах раздался монотонный голос робота:

– Квадрат 18, патч 381– 01, маркеров не обнаружено. Патч 381– 02, маркеров не обнаружено. Патч 381– 03...

Драконесса нетерпеливо промотала запись.

– ...Патч 381– 51, внимание, обнаружен объект категории Ш. Останов полетного задания. Меняю маршрут. Выхожу на облетную траекторию. Объект Ш подтвержден. Классификация; в базе данных отсутствует. Энергетическая подпись; не фиксируется. Спектральный анализ; А– 11, Б– 715, В... – Лаэллин прокрутила чуть вперед – ...температурная карта; – 32, – 34. Анализ биологической активности; не фиксируется. Визуально– структурный анализ, вербальный режим: объект с высокой вероятностью не является функционирующим. Герметичность обшивки нарушена, внутренние помещения забиты снегом и льдом, кормовая часть отсутствует, носовая несет следы многочисленных повреждений. Анализ локации; следов жесткой посадки не наблюдается. Анализ перемещения ледника; идет измерение... Осталось тридцать

минут... Двадцать девять...

Лаэллин убрала звук и, потрясенная, откинулась в кресле. Виртуальный экран перед ее глазами показывал с высоты разбитый, искореженный, вмерзший в лед, однако вне всякого сомнения – космический корабль. Огромный корабль, судя по заботливо наложенной на изображение координатной сетке; только видимая на поверхности часть достигала в длину пятисот метров.

– Интерактивный режим, – приказала драконесса. – Оцени, как давно могло произойти крушение.

– Минимальная дата – от семи до девяти тысяч циклов назад, – послушно отозвался робот. – Максимальная не поддается оценке. Корабль двигался вместе с ледником, место первоначального крушения пока не обнаружено.

– Смоделируй возможный внешний вид объекта до катастрофы и сравни с базой данных по всем известным кораблям межзвездного класса. Нет! – быстро поправила Лаэллин. – Подними архивные базы довоенного периода, самые старые, что у нас есть.

– Обнаружено лишь отдаленное сходство, за пределами погрешности моделирования. С учетом спектрального анализа и оценок остаточной лучевой активности, объект с высокой вероятностью не был построен ни одной известной расой.

Драконша от волнения дернула хвостом:

– То есть, это может быть корабль существ, никогда не сталкивавшихся с Аяр!

– Вывод нелогичен, – возразил компьютер. – Границы империи Аяр до сих пор не определены. С высокой вероятностью, она покрывала все обитаемые планеты в Галактике.

– Дай хоть немного помечтать, железяка ты бесчувственная, – мрачная Лаэллин тяжело вздохнула. – Доложи о наличии аборигенов в окрестностях объекта.

– В радиусе ста километров постоянных поселений не обнаружено. Ближайшее – в двухстах девятнадцати, носит автохтонное название «Фрострок». Активных групп аборигенов не наблюдается, одиночные аборигены наблюдаются, ближайший сейчас находится в сорока пяти километрах, движется параллельным курсом на собачьей упряжке, анализ следов предполагает, что абориген с высокой вероятностью не свернет в сторону объекта.

– Ясно... – протянула драконесса. – Дай Вхагара на связь.

– К сожалению, персональный трекер капитана установлен в режим «Не беспокоить», – сообщил робот. – Желаете произвести вызов вопреки настройкам?

Лаэллин помедлила.

– М– м– м... Нет, пожалуй не стоит. Корабль и так провел во льду целые эпохи, ничего с ним за сутки не приключится. Подготовь на завтра археологическую миссию к объекту, погрузи эхоскоп и МВО. Комплект снаряжения – на двух драконов, я отправлюсь сама и захвачу 96– ГК1, полет станет для него отличной практикой.

– Вас понял.

– Приступай, – Лаэллин со вздохом сняла виртуальные очки и встала из кресла. Подошла к люку, хотела его разблокировать, но коготь застыл в сантиметре от кнопки. А если Керр поджидает снаружи? Встреча с ним СЕЙЧАС испоганила бы всю радость открытия.

Помедлив, драконесса вернулась к пульту и вновь надела очки.

– Система наблюдения в ангаре. Ручное управление.

Около минуты серебряная переключала камеру за камерой, выискивая наглого черного дракона, но тот, похоже, и в самом деле ушел. Лаэллин не сдержала облегченный вздох. Она уже собиралась выйти из системы, когда внимание привлек краткий блеск на периферии зрения.

Задумчиво нахмурившись, Лаэллин переключила камеру на секцию, где ей померещилось движение. Так и есть – в ангар въезжал изящный спортивный аэрокар, один из всего лишь трех, имевшихся на борту. Сквозь прозрачное, как горный хрусталь лобовое стекло, была хорошо различима зловещая черно– красная драконесса с гривой, завитой в тысячи кос.

– Сиракс... – пробормотала удивленная Лаэллин. Куда эта ведьма летала посреди ночи? Место не могло быть на островах, в противном случае быстроскрылая и могучая алая драконица не стала бы брать аэрокар. Но капитан говорил, никто из команды не рискнет даже приблизиться к территории аборигенов! И как быть с конспирацией, ведь различить в прозрачной кабине ярко– красного дракона можно за сотни метров?

Тем временем, Сиракс завела аэрокар на стоянку и покинула просматриваемый

насквозь кокпит. Почти сразу в борту аппарата откинулся люк, и алая драконша спустилась по лесенке, держа в зубах...

У Лаэллин отвисла челюсть. Глава отдела безопасности экспедиции и первая помощница капитана, Сиракс тащила в пасти связанную по рукам и ногам самочку–аборигена.

Страшные клыки драконицы сжимали только веревки, так что опасность быть растерзанной аборигенше пока не грозила. Но сама ситуация выглядела настолько гротескной, что Лаэллин потребовалась целая минута, чтобы убедить себя – глаза не врут. За эту минуту, Сиракс спокойным шагом покинула стоянку аэрокаров и направилась к выходу.

Камеры наблюдения не транслировали звуков, но похищенная самочка была в сознании и, кажется, дергалась в попытках освободиться. Ее глаза были завязаны обрывком ее же «платья», как аборигены звали свои нелепые покровы. Сиракс шагала с невозмутимостью кошки, несущей котенка, в свете прожекторов сверкали многочисленные самоцветы, вживленные в черные чешуйки. Глаза крылатой смеялись; но лишь до тех пор, пока она не поравнялась с дроном, где сидела Лаэллин.

Застыв на месте, Сиракс потянула носом воздух, быстро уложила пленную аборигеншу на пол, легонько придавила лапой, выпрямилась и огляделась. Ее губы шевельнулись; серебряная драконесса перед экраном легко прочла в их движении собственное имя. Алая, тем временем, подбежала к стене, где вздымались контейнеры с запчастями для дронов.

Откинув на одном крышку, она заглянула внутрь, раздвинула детали лапами и довольно кивнула. Двумя прыжками вернулась за пленницей, аккуратно подняла ее зубами за веревки, отнесла к контейнеру и сунула внутрь. Крышку захлопнула мягко, наверняка беззвучно. И только сейчас Лаэллин, наконец, опомнилась.

Вздвогнув, она быстро уселась в кресло, вывела на экраны полетный журнал и сделала вид, будто поглощена его изучением. Когда люк разблокировали снаружи, «удивленная» серебряная драконесса подняла виртуальные очки и оглянулась.

– Сиракс? – спросила растеряно.

– Лаэллин? – глаза красной казались двумя тонкими огненными щелочками. –
Что ты тут делаешь?

Серебряная недоуменно моргнула:

– Меня вызвал Кераксес проанализировать сегодняшнюю находку. Дрон обнаружил на крайнем севере материка Сантерра вмерзший в ледник звездолет неизвестной расы! – Лаэллин указала когтем на экран, где крутилась запись. – А ты зачем здесь, подруга?

– Я не твоя подруга! – резко оборвала алая драконша. Внимательно оглядев кабину, принялась. – Чем вы тут занимались с Керром?

– Он занимался этим один, и не тут, – спокойно ответила Лаэллин. Сиракс фыркнула:

– Верю. Ладно, сворачивайся и лети в лагерь. Ангар закрыт.

Серебряная удивленно приподняла гребень:

– С чего бы это?

– С того, что я так сказала!

– Ты мне не начальница, – нахмурившись, возразила Лаэллин.

Сиракс даже отпрянула:

– Что?

– Мы обе заведем отделами, и звание у нас равное, – сухо сказала серебряная драконица. – Приказывать нам имеет полномочия только Вхагар.

Сиракс недоверчиво оглядела Лаэллин от рогов до хвоста.

– На солнышке перегрелась, милая? – спросила вкрадчиво. Серебряная рывком встала из кресла и свирепо оскалила клыки:

– Ты мешаешь мне работать. Убирайся.

Красная драконша приоткрыла пасть от удивления. Помедлила, размышляя над вариантами ответа.

– Дай трекер, я вызову Вхагара, – сказала она наконец. Лаэллин сузила глаза:

– А где твой?

– Дома забыла!

– Правда– а– а? – насмешливо протянула серебряная драконесса. – Как хорошо, что ты чемпионка экспедиции по скоростным полетам! Домчишься за минуту.

Шагнув вперед, она грубо толкнула Сиракс в грудь и задрала люк перед ее носом. Глубоко вдохнула, рухнула в кресло. От пережитого волнения затряслись

крылья.

Но времени придти в себя не было; Лаэллин поспешно натянула очки и подключилась к камерам наблюдения. Как раз вовремя, чтобы заметить, как разъяренная Сиракс летит прочь от ангара по направлению к лагерю. Без пленницы в зубах.

Сглотнув, серебряная красавица вскочила на ноги. Выпрыгнула из люка, развернула крылья, двумя взмахами оказалась рядом с контейнером. Плачущая аборигенша лежала на дне.

– Не бойся! – Лаэллин прекрасно говорила на местном языке. – Я отвезу тебя домой... – подхватив человека зубами за веревки –точно, как недавно Сиракс – драконесса вернулась в кабину и уложила пленницу на кресло второго пилота. Задраила люк, включила освещение.

– Срочное задание, безопасность под угрозой, полный переход в автономный режим, отключись от главного компьютера базы. Не сообщать о действиях пилота, не отмечать маршрут в логе. Блокировать перехват управления.

– Вас понял, – быстро отозвался автопилот.

– Запустить двигатели. Экстренный взлет. Курс на северо– восток до дальнейших указаний, высота двадцать тысяч, скорость крейсерская.

Над пультом вспыхнули россыпи огней, драконесса ощутила движение. Пока громадная крылатая машина выезжала из ангара, Лаэллин разрежала веревки, опутывавшие пленницу. Та не сопротивлялась.

Ко времени, как дрон плавно взмыл в небо и помчался на северо– восток, стремительно набирая высоту, аборигенша была свободна. Последней, Лаэллин сорвала повязку с ее глаз. Осмотрела «добычу».

Смуглая, соломенноволосяя, пленница отличалась довольно крупным телосложением для человеческих самок, особенно выделялись молочные железы. Глаза у нее оказались большими, карими, полными слез, растрепанные волосы струились аурой светлого пламени. Аборигенша смотрела на драконессу со странным выражением – смесью страха, восторга и недоверия.

– Не бойся, – мягко повторила Лаэллин на местном языке. – Больше тебя никто не обидит.

Пленница тихо ахнула, прижав ладони ко рту.

– Я знала... – прошептала она, задыхаясь. – Я всегда это знала...

– Что именно?

– Вы умеете говорить! Драконы не звери!

Крылатая вздохнула.

– Большинство из нас... Я Лаэллин, будем знакомы. Как твое имя?

Аборигенша села на громадном для нее кресле, лихорадочно озираясь. Сглотнула при виде светящихся экранов на приборной панели.

– Дева Кавалла Агуардьенте де Манзана!

– Такое длинное имя? – поразилась драконесса. Пленница улыбнулась с легким смущением:

– Все зовут меня Кави. А ты волшебница, правда? Это твоя магическая пещера?! А где красная самка с косичками? Я хотела ее рассмотреть, а она меня связала! Вы прятались в неведомых землях все эти годы, да?! Готовились освободить других драконов?!

Лаэллин с легким удивлением склонила голову набок:

– Откуда ты знаешь?

Кави замотала соломенной гривой:

– Я много лет работала в королевском инкубатории! И всегда верила, нет, знала, что вы не звери! Дальше хранить тайну слишком опасно, да? Вы вмешались, когда ужасная летающая цитадель принялась похищать драконов?! Я знала! Знала, что так будет!

– О! – серебряная начинала понимать. – Так ты следишь за местными крылатыми?

– Я о них забочусь! – возмутилась пленница. – Вас послал сир Уоррен, правда? Ой! – она ахнула. – Вы тоже шпионили за врагом, да?! Притворялись простыми драконами?! А сир Уоррен вас отыскал! И послал за мной красную злюку с косичками! Ну, конечно! Где сир Уоррен? Я могу с ним поговорить?

Лаэллин вздрогнула:

– О чем поговорить? – спросила с запинкой.

– Как он вас нашел?! – выпалила Кави, задыхаясь от волнения. – Вас много

таких, говорящих?! Кто натравляет цитадель, вы уже отыскали врагов?! Скольких драконов вам удалось освободить?!

Серебряная красавица с легким напряжением покачала головой:

– Не так быстро, прошу. Ты упомянула сира Уоррена? Кто он?

Пленница моргнула.

– В– в– ы не знакомы? – спросила заметно тише.

– А должны быть?

Кави растеряно кивнула.

– Я думала, это он послал за мной... – она ахнула и прижала ладони ко рту. – С ним что–то случилось?! Его поймали?! Вы видели в лагере врага большого зелено–бурого дракона, его доставили во время последнего нападения, и он еще летать не умел?

Лаэллин оцепенела.

– Погоди... – выдавила внезапно охрипшим голосом. – Зелено– бурый, не способный к полету? У него яркие салатовые глаза, грива того же цвета и серебристые рога? Когти черные?

– Сир Уоррен! – обрадовалась пленница. – С ним все хорошо?! Враги не раскрыли, что он человек?!

У Лаэллин помутилось в глазах. Дергая хвостом, она попятилась, рухнула в кресло пилота и, с ужасом открыв пасть, уставилась на Кави. Та нервно огляделась.

– Ведь не раскрыли? – спросила тихо. – Правда?

Глава 9

– Арракс!!! –заорал бело– золотой дракон, распахнув уцелевшее крыло и глядя за плечо Норда. – Осторожно!!!

Разведчик отшвырнул Вермитора в сторону, рывком обернулся – успел заметить атакующего с высоты ящера и, инстинктивно, закрылся крылом. Когти вишневого дракона проскрежетали по перепонке.

– Угу, конечно, вы друг дружку не убиваете... – прорычал Норд, готовясь к битве. Арракс, описав в небе мертвую петлю, приземлился напротив разведчика и припал к земле, свирепо оскалившись:

– Я тебя не убью, я тебе крылья поотрываю! – рявкнул вишневым.

Норд глухо заворчал, у него встопорщился гребень шипов и выдвинулись когти. Держа голову низко у самой земли, он двинулся вправо, Арракс – влево, и два разъяренных дракона закружили друг перед другом, точно волки в схватке.

– Прекратите! Довольно! – женский голос с высоты заставил их одновременно вздрогнуть и поднять взгляды. Между готовыми сцепиться крылатыми приземлилась грациозная, хрупкая зеленая дракона столь небольшого роста, что казалась детенышем. Грива и глаза у нее были в точности того же цвета, что и у Норда – ярко-салатовые, но бурых пятен и полос не имелось, чешуя отливала изумрудным блеском по всему телу.

– Как вам не стыдно! – воскликнула драконесса. – Неужели агрессия способна...

Слушать дальше разведчик не стал: прыгнув вперед, он сграбастал миниатюрную зеленую дракониху и бросил на песок. По сравнению с его двухтонной тушей, она оказалась почти невесомой и ажурной, будто стеклянная балерина.

– Назад! – рявкнул Норд, наступив тяжелой лапой на горло пленнице. – Одно движение, и я сломаю ей шею!

Пораженный Арракс застыл, в отдалении Вермитор с трудом поднял голову:

– Будь осторожен! – прохрипел бело-золотой. – Это не дракон, а абориген! У него паразитная матрица! Как аяр!

– Ясно, – процедил Арракс сквозь зубы. – Мелеис, ты в порядке?

– Не... Очень... – выдавила придавленная Нордом зеленая драконесса.

Разведчик оскалил клыки:

– Заткнулись, все! – он склонил голову к драконихе и прошипел ей прямо в лицо: – Особенно ты!

Испуганная ящерица зажмурилась, Арракс подался вперед. Норд, рывком выпрямившись, ткнул когтем свободной лапы в его сторону:

– Теперь слушайте внимательно, вы трое! – прорычал разведчик. – Сегодня день Аоки. Драконы празднуют, танцуют, веселятся. До самого утра, нас НИКТО не

хватится!

Он обвел крылатых яростным взглядом:

– Я гораздо сильнее любого из вас, к тому же меня обучали убивать, а вы наивные неопытные птенцы. Попытайтесь бежать или напасть – учудить хоть что-то подозрительное – это закончится смертью вашей подруги! Ясно? Отвечать!

– Ясно... – хрипло выдавил Арракс. К нему, хромая и волоча крыло, подошел Вермитор, два дракона встали напротив разведчика и плененной Мелеис.

– На что ты надеялся? – гневно спросил вишневый. – Мы на острове! Сломанное крыло не позволило бы моему гнездовому ни летать, ни долго плыть, а других путей просто нет! Окрестности архипелага непрерывно мониторят со спутников, лодки аборигенов перехватывают аж на горизонте! А пусть и сбежал бы, ну, и что потом? Во всем этом мире не найдется местечка, где ты смог бы укрыться; мы уже три с лишним цикла отслеживаем из космоса всех драконов планеты. Тебя снова изловят к завтрашнему вечеру!

– Правда? – Норд сузил глаза. – Это ценная информация, спасибо.

Арракс запнулся. Вермитор понял голову – у лингвиста капала кровь из ноздрей, сустав раненного крыла заметно распух.

– Он вел меня на северо-запад, говорил, осталась «пара миль», – выдавил бело-золотой через силу. Вишневый встрепенулся:

– Пара миль к северо-западу? Но там ничего нет!

Норд криво усмехнулся.

– Кто знает...

Драконы нервно переглянулись. Разведчик шагнул назад, позволив зеленой Мелеис подняться с песка, но не выпуская ее тонкую, изящную шею из захвата.

– Шагайте вперед, да помните; мне хватит и одного пленника. Никаких фокусов! – Норд грозно клацнул зубами. – А еще, да: бросьте здесь все свои механические штучки, ясно? Считаю до трех и ломаю ей хребет! Раз! Два! – он сдавил шею несчастной драконихи, та застонала. Арракс и Вермитор дернулись вперед:

– Не смей!

– Оставь ее!!!

– Нет при нас никакой техники, мы же в огненном танце были!

Норд прищурил глаза:

– Это уж мне решать. Ты! – он встряхнул перепуганную Мелеис. – На тебе пояс и куча всяких амулетов. Снимай все!

Дракониха, всхлипывая, расстегнула и бросила на песок свой блестящий металлический пояс, увешанный медицинским оборудованием. Норд оглядел пленницу пристальным взглядом разведчика.

– Кольцо на роге, пушистая штука на левой лапе!

– Это часы...

– Снимай! Вот так. Раскрой пасть! Встань на задние! Крылья расправь! Медленно повернись! Хвост подними! Сойдет... Вермитор! Теперь ты. Встань на задние!

Когда все видимые глазом приспособления оказались в общей куче, Норддохнул на них пламенем и терпеливо ждал, пока от техники не осталась лужица булькающего металла. Драконы заметно притихли, очевидно решимость разведчика их всерьез напугала.

– Идем, – приказал Норд. – Повторяю: слово офицера, вам не причинят вреда и скоро отпустят. Но только если я доложу, какими послушными ящерами вы были. Вперед!

Ему подчинились. Первыми шли Арракс и Вермитор, вишневый дракон помогал идти другу, держа на спине его раненное крыло. Шагах в десяти Норд вел Мелеис, зажав ее шею крыльевым когтем. Двигались в тишине – растерянные и перепуганные, космонавты еще не совсем пришли в себя после столь неожиданной встречи с кошмаром из далекого прошлого, в то время как Норд был поглощен обдумыванием плана побега. Разумеется, у него имелись для этого средства, но путь рассчитывался на одного дракона, не на четверых...

Обрывистый берег иногда подходил к самой кромке прибоя, ящерам приходилось огибать такие места по воде, погружаясь до колен и глубже. Небо над головами казалось бездонным опрокинутым колодцем – биноклярное зрение драконов делало видимыми в сотни раз больше звезд, чем было доступно людям, Норд каждую ночь ощущал благоговение пред величием Вселенной.

Прошло около часа, прежде чем пленники и их похититель добрались до цели:

маленькой бухты на крайней северной точке побережья. Отсюда был хорошо виден крохотный лесистый островок, меньше мили диаметром, отделенный от главного острова узким проливом. Норд оглядел небо, тщательно проанализировал запахи. Ничем подозрительным не пахло.

– Стоять, – приказал разведчик. – Добрались. Вермитор! – он указал на темневшие за их спинами деревья, ярдах в ста от кромки прибоя, – Собери сушняк и разожги вдоль берега четыре костра так, чтобы расстояние между ними было одинаковым. Да смотри, без фокусов! – Норд погладил по спине плачущую Мелеис.

– Топливо соберу я, – глухо отозвался Арракс. – У моего гнездового крыло сломано.

Норд мрачно усмехнулся:

– Вот именно. Далеко не улетит. Ну? Неясно?!

Вермитор успокаивающе ткнулся носом в щеку Арракса, что-то прошептал ему на ухо. Скрипнув зубами и царапая землю от гнева, вишневый дракон заставил себя кивнуть.

– Ты ответишь за это, чужак. Горько ответишь! – прорычал он, помогая раненному бело-золотому уложить крыло поперек спины.

Норд оскалился:

– В свое время. Давай, за работу!

Вермитор заковылял к деревьям. Пока он, то и дело вскрикивая от боли, готовил костры, разведчик заставил Мелеис расстелить по песку крылья и улечься сверху – так она не сумела бы быстро взлететь. Зеленая драконесса продолжала хранить молчание, и лишь слезинки в уголках ее глубоких янтарных глаз выдавали эмоции.

Полчаса спустя, четыре ярких огня взметнули искры навстречу звездам. Угрюмый Арракс и вконец измученный Вермитор молча сидели в сторонке, Норд держал зеленую драконессу рядом. Царила напряженная тишина.

Минута утекала за минутой, превращаясь в часы, измученный болью Вермитор вскоре задремал, уложив голову на спину Арраксу. Норд и Мелеис молчали. Разведчик чувствовал, как дрожит под его тяжелой лапой хрупкая драконесса.

– Чего мы ждем? – спросил, наконец, Арракс, когда костры уже прогорели, а небо на востоке начало едва заметно светлеть.

– Помощи.

– Я говорил; никакая человечья лодка сюда не доберется! – гневно возразил вишневым дракон. – Свет костров может привлечь лишь очередных невинных, веривших, будто хоть в день Аоки опасность им не грозит!

Норд мрачно усмехнулся:

– Верно, отправлять корабль в самое сердце захваченного драконьего архипелага было бы глупо.

Арракс смерил похитителя подозрительным взглядом:

– Что ты имеешь в виду?

– Скоро увидишь, – Норд закрыл глаза и потянул носом воздух. – Они приближаются, я чую.

Встревоженный, темно– красный дракон также принялся:

– Ничем не пахнет...

– Конечно, не пахнет, – фыркнул разведчик. – Да вроде бы похолодало?

Арракс невольно встопорщил гребень:

– Я не понимаю. Причем здесь... – он запнулся, широко разинул глаза и вскочил, оцетинившись всеми шипами, Мелеис под лапой Норда громко вскрикнула от ужаса. Едва проснувшийся, Вермитор оглядел перепуганных друзей ошалелым взглядом, обернул голову к морю и оцепенел. Даже разведчик ощутил, как крылья передернула дрожь.

Из тьмы глубин медленно, неумолимо, надвигались две опутанные водорослями фигуры гигантов. Шли медленно, тяжело, и волны, разбиваясь о белесую плоть, мгновенно замерзали ледяной коркой, что с хрустом ломалась на следующем шаге чудовища. Впятеро крупнее людей, массивные, почти квадратные, с гладкими белыми льдинами вместо лиц, великаны тянули перекинутые за плечи тонкие ржавые цепи, терявшиеся на глубине.

Драконы, что теперь казались котятками, полностью утратили дар речи и беспомощные, трепещущие кончиками крыльев будто гибнущие птицы, застыли перед жуткими гостями из моря. От ужаса, у всех троих пленников вздыбилась грива и спинные шипы.

– Что... ЭТО?! – прохрипел Арракс. Норд бросил на него насмешливый взгляд.

– Ледяные гиганты.

– Они – ЭТО – живое?!

– Не совсем, – мрачно отозвался разведчик, чувствуя, как берег начинает ощутимо содрогаться в такт с шагами великанов. – Ледяные гиганты поглощают любое тепло вокруг своих вечно холодных тел, это дает им возможность двигаться, но все равно, их легче считать ходячими статуями, чем живыми тварями. Ни в коем случае до них не дотрагивайтесь! – громко предупредил Норд. – Ледяной гигант высосет ваш огонь за секунду, оставив на месте дракона сухой прах! Я сам это видел, правда с лошадью, и скажу вам, лучше б не... Какого?!

Воспользовавшись моментом, пока разведчик убрал лапу с горла Мелеис, Вермитор неожиданно бросился вперед и повалил Норда на землю.

– Лети! – крикнул отчаянно. – Лети!!!

Зеленая драконесса, опомнившись, резко вскочила и прынула в небо. Свирепый рычащий Арракс прыгнул на поваленного Норда, надеясь помочь другу, но разведчик уже пришел в себя и встретил атаку страшным ударом хвоста. Вишневого дракона отбросило ярдов на десять, он рухнул на песок и остался лежать неподвижно.

– Арракс! – в ужасе вскрикнул Вермитор. Рассвирепевший Норд отшвырнул его в сторону и взвился с земли, бешено скаля зубы:

– Мальчишка!!! – рявкнул он.

Бело–золотой, с трудом, приподнялся на здоровом крыле:

– Может, я и молод... – выдавил, задыхаясь от боли, – Но трусом и предателем никогда не стану!

Разведчик на мгновение зажмурился, пытаясь обуздать гнев. Миссия была провалена – до возвращения Мелеис с подмогой оставалось, от силы, минут пятнадцать, за это время медлительные гиганты не успели бы даже развернуться. Согласно плану побега, Норду предстояло намотать цепи на свои задние лапы и, пользуясь крыльями как рулями глубины, волочиться следом за гигантами на манер подводного бумажного змея, лишь раз в полчаса выныривая за воздухом. Между самым северным островом драконьего архипелага и южной оконечностью материка Пта, где находилась цель разведчика, военный форт МакГроувс, лежал пролив Храбрых Покойников шириною лишь в девяносто миль – великаны одолели бы его за пару суток

неутомимого. механического шага. И хотя возвращение всегда считалось наиболее секретной и рискованной частью операции, вот так проиграть буквально в дюйме от успеха?! Из-за мнящего себя героем ящеренка?!

Бросив бешеный взгляд на ползущего к неподвижному Арраксу Вермитора, Норд развернулся и, со всех лап, кинулся в заросли. Надо добраться до лагеря, там веселится множество разноцветных драконов – удастся выиграть хоть немного времени. Теперь единственный шанс разведчика заключался в скорости; жалкая, в десяток минут фора.

Сторонясь полян и открытых пространств, Норд довольно быстро добежал до маленького городка, что возвели космонавты за последние годы. Здесь ничего не изменилось – аккуратные, посыпанные красным песком и освещенные парящими в воздухе декоративными фонарями дорожки, пышные живые изгороди, ряды многоцветных, уютных яйцеобразных домиков. Драконов на лужайках и в садах видно не было, ведь День Аоки пока продолжался: вдали, по-прежнему, гроыхала музыка и небо озаряли сполохи пламени. На всем пути Норд встретил лишь одну пару влюбленных крылатых, ворковавших о чем-то под раскидистым деревом у фонтана. Бегущего мимо, крупного буро-зеленого «дикаря», они провожали любопытными взглядами.

За время, пронесшееся после катастрофы с гигантами, у разведчика созрело некое подобие плана. В процессе подготовки, он отработывал всевозможные пути отступления, включая и провал идеи с великанами. К сожалению, это носило поверхностный, умозрительный характер – не зная, с чем он столкнется на острове, Норд не имел возможности заранее разработать действительно надежный вариант.

Но в первую очередь, прямо сейчас, следовало убраться с открытого места. Стараясь выглядеть максимально безобидно, разведчик спокойным шагом миновал несколько жилых домиков и остановился перед огромным белым куполом с раздвижными стеклянными дверьми. Никакой символики или надписей на них не было – каждый дракон в лагере и так знал, где искать Реабилитационный Центр.

Сверкающие панели учтиво разъехались, пропуская Норда в тихую, светлую, сильно пахнущую медикаментами приемную. Едва он вошел, двери за его хвостом беззвучно сомкнулись, моментально отрезав внешние шумы и далекую музыку.

Разведчик глубоко вдохнул.

Большой низкий зал, устланный пушистыми матами «под ковер», был почти пуст; лишь у внутренней стены, перед экраном, демонстрировавшим праздник на танцплощадке, лежал грустный белый дракон с голубыми глазами. В отличие от большинства сородичей, он был полностью одноцветным – белизной сверкала каждая чешуйка, гребень шипов, крылья, даже когти и грива. Единственной контрастной деталью были алюминиевые наушники–блюдца, блестящие на его перепончатых ушках.

Норд успел подойти почти вплотную, прежде чем крылатый, наконец, его заметил. Подпрыгнув от неожиданности, он растеряно открыл пасть и снял наушники.

– Ох! – ящер поспешно выключил экран и встал с ковра. – Извините, в день Аоки все празднуют, а я дежурю, вот и... – дракон грустно улыбнулся. – Чем могу помочь?

Норд приспустил одно из крыльев, дотронулся им до груди и вежливо кивнул:

– Меня послала кэсса Лаэллин, я обучаюсь в ее программе реабилитации. Может, слышали, 96–ГК1?

Белый дракон удивленно кивнул:

– Да, конечно. Вы так связно разговариваете? Всего за месяц? Это удивительно!

Норд смущенно опустил взгляд и переступил с лапы на лапу.

– Я стараюсь...

– Вы молодец! – горячо отозвался голубоглазый. – Будем знакомы, я Вермакс, помощник Мелеис, заведующей медицинским блоком. К сожалению, ее сейчас нет – поступил вызов, кому–то стало плохо во время огненного танца.

– Ох, ну надо же... – огорчился разведчик. – А я так надеялся полетать этой ночью!

– Полетать? – растеряно переспросил белый дракон. Норд кивнул:

– Я пока не умею летать, у меня какая–то гекса... гексо...

– Гексамодалная анемия, знаю! – Вермакс сочувственно приподнял крылья. – Лаэллин много о вас рассказывала.

Разведчик тяжело вздохнул.

– Сегодня Лэлина обещала покатать меня над морем, но ее срочно вызвали в...

Ангар, кажется? Она сказала, я могу обратиться в медицинский отсек и мне выдадут... Как оно называется? Эта такая штука, на спину надеваешь и становишься легче!

Белый широко улыбнулся:

– Ясно. Она имела в виду УГС– ПВ, «Устройство гравитационно– скользящее повышенной безопасности». Его используют, если дракон повредил крыло или, по другой причине, временно не может летать.

– Вот– вот– вот! – обрадовался Норд. – Лэлина сказала, если я буду учиться с этой штукой на спине, то очень быстро вновь овладею полетом!

Вермакс сочувственно кивнул.

– Понимаю. Только простите, выдать вам такой аппарат без сопровождения опытного пилота я не могу.

Норд озадаченно моргнул:

– Но Лэлина сказала...

– Она имела в виду, сообщить в Центр о потребности в приборе, – объяснил белый дракон. – УГС надо калибровать отдельно под каждого оператора, ведь масса у всех разная. Идемте, я проведу первичную настройку, чтобы завтра, когда вернется Лаэллин, вы могли начать уроки под ее руководством.

Глаза разведчика сверкнули недобрым огнем, но на голосе это не отразилось:

– Ладно... – пробормотал он разочарованно.

Вермакс повернул ко входу экран, где недавно смотрел за праздником, жестом лапы вызвал светящуюся призрачную клавиатуру и напечатал «Скоро буду». Следом за белым драконом, Норд Уоррен прошел во внутренние помещения Реабилитационного Центра.

Некоторое время они шагали по ярко– освещенному коридору, запах медикаментов был здесь гораздо сильнее. Сквозь прозрачные двери в стенах были видны операционные, солярии, целебные бассейны и светлые залы, полные сверкающей техники; изнутри, Центр скорее напоминал полную сокровищ драконью пещеру, нежели больницу. Путь завершился у граненной, как гигантский кристалл, полностью стеклянной кабины лифта.

– Склад тренажеров на минус– девятом уровне, – извиняющимся тоном заметил Вермакс. Два дракона вошли в лифт и тот, беззвучно, ухнул вниз. Норд, старательно

сохраняя безучастный вид, пожирал все вокруг горящими глазами.

Воздух на минус– девятом этаже оказался холоднее и суше наружного. Коридоров здесь было три – два таких же, как верхний, зато третий...

– Что это? – спросил удивленный разведчик, глядя на освещенную красными лампами нишу с огромной, выпуклой дверью. Хромированный штурвал в центре и толстый круглый иллюминатор, будто скопированные с человеческого боевого фрегата, казались гостями из другой эпохи – осколки родного Норду мира посреди непонятной, сверкающе– технологичной реальности звездных драконов. Вермакс оглянулся на голос:

– Где? А, бокс полной защиты... – он тяжело вздохнул. – Это стерильная лаборатория, хранилище наиболее опасных медицинских препаратов и устройств, а с недавних пор – еще и тюрьма.

– Тюрьма?! – Норд совершенно искренне разинул от изумления пасть. – Вы сажаете драконов в клетки?!

Голубоглазый Вермакс бросил на гостя не самый радостный взор.

– Нет, – отозвался мрачно. – Не драконов. Мне куда меньше вашего нравится, что Реабилитационный Центр превратили в место лишения свободы, но наш единственный заключенный слишком опасен, чтобы держать его в любом другом отсеке. Не знаю, слышали ли вы о жутком инциденте, имевшем место почти два цикла назад, когда Лаэллин спасла дикого аборигена после кораблекрушения, а тот, бежав из– под наблюдения, умудрился...

– Даглас?! – потрясенный разведчик качнулся и едва не свалился на пол. – Он жив?!

Белый дракон удивленно моргнул:

– А, так вам уже рассказали? Ну, да, в каком–то смысле жив. Его сознание перенесено в наарен, один из аярских кристаллов, которыми древние чудовища некогда пользовались для порабощения всех рас Галактики.

Шокированный до кончика хвоста, Норд уставился на Вермакса квадратными глазами.

– Зачем вы сохранили этого подонка?!

Белый дракон нахмурился:

– Не совсем понимаю вашу агрессию?

Опомнившись, разведчик взял себя в лапы чудовищным усилием воли.

– Простите... – выдавил хрипло. – Прежде, чем меня спасли... Пока я жил как зверь, среди людей... Еще птенцом... Этот человек, Даглас, издевался надо мной и хлестал плетью.

Вермакс отпрянул, широко раскрыв глаза:

– Вы уверены?!

– ЕГО я никогда НЕ ЗАБУДУ, – процедил Норд сквозь зубы. Бросил на дверь горящий взгляд. – Можно поговорить?

Белый дракон покачал головой:

– Только с разрешения капитана.

– Жаль... Ну, ладно, – Норд с огромным трудом отвел глаза от бокса полной защиты. – Я готов! Где летучая штука?

Вермакс улыбнулся:

– Идемте.

Воспользовавшись одним из двух «нормальных» коридоров, крылатые прошли в довольно крупный зал с высоким потолком. Толстые мягкие маты приятного зеленого цвета устлали пол, вдоль стен тянулись блестящие тренажеры, полки и шкафы с разнообразной техникой. Вермакс расстегнул брезентовый мешок, прислоненный к одному из стеллажей.

– Держите, самая последняя модель: «Вихрь 19» – с некоторой гордостью заметил белый дракон, вытащив на свет увитый многочисленными ремнями, грациозно– изогнутый серебристый аппарат, до смешного напоминавший обычное седло, что использовали драконьи всадники по всей Элинии.

– Идемте в центр зала, я проведу калибровку.

Стараясь не показывать волнения, Норд послушно зашагал следом за Вермаксом. Там, голубоглазый дракон помог разведчику нацепить «седло», провел ремни под грудью и между лап, долго регулировал крепления.

– Проверьте, не жмет?

– Вроде нет...

– Встаньте на задние, присядьте.

– Ай!

– Вот об этом и спрашиваю, – белый дракон поправил ремни. – Теперь лучше?

– Никакого сравнения! – Норд с удивлением помахал крыльями, изогнулся влево, вправо. – Совсем не чувствую!

Вермакс улыбнулся:

– Говорил же, последняя модель. Питается непосредственно темной энергией, автономность неограниченна. А сейчас будьте внимательны; станьте обратно на все четыре, расслабьтесь и не двигайтесь. Я начну медленно поднимать мощность; едва ощутите отрыв, сразу скажите.

Разведчик с легким напряжением кивнул и последовал указаниям. Настройка прибора отняла у белого дракона около минуты.

– Вот и все, – сказал он весело, когда Норд повис в воздухе на высоте ярда от пола. Аппарат чуть слышно гудел, но совсем не давил на чешую вопреки двум тоннам могучего драконьего тела.

– Здорово! – совершенно искренне выдохнул Норд. – Лапы ничего не весят! Я словно под водой, только нет воды!

Белый рассмеялся:

– Верно подмечено! УГС не тянет вверх за ремни, на манер реактивного ранца, оно создает по контурам вашего тела зону локальной невесомости.

– Потрясающе! А как им управлять?

– Вот пульт, его надевают на запястье... – Вермакс начал объяснять, но в этот миг завывла сирена и над дверьми вспыхнула мигалка. Оба дракона дернулись от неожиданности.

– Что это?!

– Сигнал тревоги! – воскликнул голубоглазый. – Вернулась Мелеис, должно быть с ней тяжелораненый! Простите, мы должны немедленно возвращаться, прямо сейчас!

Норд сглотнул.

– Вы бегите! Пока я сниму эти ремни, куча времени пройдет...

Белый на миг заколебался, но врачебный долг победил:

– Ладно, только ничего не трогайте! – он со всех лап умчался в коридор.

Разведчик проводил дракона недоверчивым взглядом.

– Конфетку у ребенка? – пробормотал под нос. Да уж. Такое и наивностью звать грешно, одним словом, животные...

Вздыхнув, Норд быстро надел пульт управления УГС, проверил, как менять направление полета – все оказалось даже проще, чем он мог надеяться – отключил аппарат и, быстрым шагом, направился к лифту.

Но застыл перед входом в бокс полной защиты. Губы разведчика искривились недоброй ухмылкой. Молча провернув штурвал на двери и даже не удивившись, когда та послушно открылась –зачем дружелюбным драконам всякие коды, замки или что–то подобное?! – Норд вошел в средних размеров белую каюту. Одну из стен почти целиком занимал квадратный иллюминатор в стерильную лабораторию, рядом находился сложный контрольный пульт. Разведчика, впрочем, сильнее интересовала шлюзовая камера правее иллюминатора.

Двери послушно открылись и здесь. Спустя миг, Норд стоял перед дымчатым хрустальным цилиндром полутора ярдов в высоту.

Внутри, на шести сверкавших металлом нитях, висел аквамаринный кристалл. Маленький, весь покрытый сколами и трещинами – простой человек едва ли посчитал бы его драгоценным. К счастью, Норду от Дагласа перешли обрывки древнего знания, и общее представление, что такое наарен, он имел. Как сознавал и смертельную опасность прикосновения к камню.

– Что, мерзавец, попался? – процедил Норд сквозь зубы. Оглядев лабораторию, он схватил подходящую прозрачную банку с образцом растительности, вытряхнул содержимое и свирепо, со всей дикой драконьей силы, ударил хрустальный цилиндр тяжелым кулаком.

Платиновые нити беспомощно тренькнули. В облаке осколков, зловеще мерцающий синий кристалл покатился по полу; Норд подхватил его банкой и плотно завинтил крышку. Поднес к лицу.

– Скоро поговорим, Даглас. Очень скоро.

Сунув банку в кармашек на одном из ремней УГС, Норд покинул разгромленную лабораторию и, аккуратно, затворил за собой внешнюю дверь.

Лифт опустился бесшумно. Разведчик помнил, какая кнопка горела, когда они с

Вермаксом впервые вошли в кабину, и сейчас нажал самую верхнюю. Стекланный «кристалл» плавно начал подъем.

Напряженный, Норд внимательно следил сквозь прозрачные стенки за обстановкой на этажах. Проезжая нулевой уровень, тот самый, где находилась приемная, он успел заметить, как несколько крылатых – среди которых зеленела чешуя Мелеис, его бывшей пленницы – суетились над носилками, где лежал бело– золотой Вермитор. К счастью, лифт двигался абсолютно беззвучно, и никто из драконов в этот миг не обернулся.

Кабина остановилась лишь на последнем этаже Реабилитационного Центра. Выскочив в очередной коридор, Норд подбежал к большому овальному окну, включил УГС. Дождавшись, пока устройство приняло на себя массу тела, разведчик нажал на стене кнопку, где было нарисовано стилизованное открытое окно. Свежий предрасветный воздух ворвался под купол.

Глубоко вдохнув, Норд Уоррен прыгнул в зияющую пропасть и помчался на северо– восток, к ближайшему берегу. Аппарат нес его гораздо быстрее, чем крылья, и к утру домчал бы за море, но разведчик хорошо помнил слова Арракса о слежке из поднебесья за всеми драконами. Поэтому, едва цветущий остров остался за хвостом, Норд снизился до самых волн и глубоко нырнул. На счастье, УГС работало под водой столь же успешно, как и на воздухе.

Мысленно усмехнувшись, беглец сверился с врожденным «компасом», которым обладали все драконы, увеличил мощность аппарата и помчался прочь от архипелага, держась глубины в два десятка ярдов. Его могучее, совершенное тело позволяло не выныривать за воздухом долгие тридцать минут – а обнаружить из космоса драконьи ноздри, что на миг высывались из воды каждые несколько миль, не сумели бы даже пришельцы со звезд.

Глава 10

– Надо выступить с заявлением... – тихо сказала изумрудная Мелеис. Они с капитаном стояли у гравитационной койки, где парил погруженный в сон раненный дракон. Другие крылатые толпились у входа в операционную, но тишина царила почти

полная; слышен был лишь шорох чешуек да редкий перестук когтей.

Вхагар молчал, сжимая и разжимая тяжелые кулаки. Рядом, столь же красноречивое безмолвие хранил вишневый Арракс. Поперек его груди, там, где удар Норда размолол ребра, белела давящая повязка из нановолокон; не в силах отвести взгляда от спящего друга, дракон ритмично подергивал кончиком хвоста.

– Капитан... – хрупкая Мелеис тронула громадного сине– золотого за крыло. Встрепенувшись, Вхагар обратил к ней горящие янтарные глаза и, несколько мгновений, смотрел так, будто не узнавал. Наконец, опомнившись, отрывисто кивнул и снял с пояса блестящий диск.

– Внимание, – произнес он глухо. – Говорит капитан. Извините, что вынужден прервать празднование Дня Аоки, но, к несчастью, произошел серьезный инцидент. Безопасность экспедиции под угрозой. В лагере объявляется тревога второй степени, это не учебная тревога, повторяю, не учебная. Прошу всех занять рабочие места и ждать дальнейших указаний. Сохраняйте спокойствие и бдительность. Всем, кто сейчас меня слышит, следует передать приказ товарищам, которые из–за праздника или по другой причине временно сняли свои трекееры. Владеющим любой информацией о происшествии – немедленно явиться в реабилитационный центр, нулевой этаж, операционная номер...

– Девять, – подсказала Мелеис.

– ...номер девять. Конец связи, – вернув диск на пояс, капитан окинул внимательным взглядом стройную, миниатюрную зеленую дракону.

– Ты не пострадала? Мерзавец не причинил тебе вреда?

– Все хорошо, – Мелеис с трудом улыбнулась. – Я крепче, чем выгляжу, капитан.

Вхагар скрипнул зубами:

– Арракс, как самочувствие?

– Жить буду, – мрачно буркнул вишневый дракон.

Капитан чуть подался вперед:

– Вашей жизни угрожала опасность?

Арракс моргнул.

– Да нет, нам лишь переломали с десятков костей и слегка придушили!

– Это серьезный вопрос! – хмуро оборвал сине– золотой. – От ответа зависит,

будем ли мы ЛОВИТЬ шпиона, или просто выпустим ракету.

– Ловить! – хором воскликнули Мелеис и Арракс. Вишневый добавил: – За ним должок...

– Речь не о мести! – гневно возразила зеленая. – Мы должны удалить паразитную матрицу из разума ни в чем не повинного местного драконенка! Нас держали заложниками несколько часов – только вообразите, что за муки должен испытывать несчастный, ставший пленником собственного тела!

– Капитану нет нужды воображать, – хрипло отозвался Арракс. – Он единственный вылупил еще во времена Аяр и хорошо помнит, о чем идет речь...

– Он не единственный, – глухо произнесла черно-алая драконесса в дверях.

Все обернулись. Изумрудная Мелеис стиснула когти:

– Где ты была? – спросила яростно. – Так ты исполняешь свой долг?! – она указала крылом на раненных друзей. – Глава отдела безопасности! Вражеский агент берет трех заложников в центре лагеря, тащит их через весь остров, ждет несколько часов под открытым небом и терпит неудачу только из-за героизма едва оперившегося птенца! После чего преспокойно возвращается в лагерь, похищает смертельно опасного преступника и исчезает! Это чудо, что никто не погиб!

Сиракс оскалила клыки в свирепой гримасе:

– Если б мне позволили вовремя обезвредить шпиона, ничего бы не случилось! А где я была – спросите капитана!

Взгляды удивленных драконов обратились на Вхагара. Тот, с хрустом, сжал когти:

– Да, это правда, – сказал глухо. – Я вычислил агента еще позавчера, но решил отложить арест, чтобы узнать, как ему удалось проникнуть в лагерь.

Мелеис отпрянула, Арракс широко раскрыл глаза:

– И никого не предупредили?!

– Капитан, вы подвергли опасности всю экспедицию!

– Как это понимать?!

Вхагар отвел глаза.

– Я предупредил Сиракс и поручил ей доставить для допроса аборигена, принимавшего участие в подготовке агента. К сожалению, мерзавец нас опередил.

– Так что в следующий раз думай, прежде чем оставлять на свободе диверсанта и, параллельно, отсылать в другой конец мира главу службы безопасности! – жестко бросила Сиракс.

Капитан хмуро кивнул:

– Обсудим на ближайшем офицерском собрании. Если решите, что я более не заслуживаю доверия, я подам в отставку.

– Ага, самое время, – издевательски фыркнула алая драконша. – Других–то проблем у нас нет! И что теперь делать с обезьянкой, которую я поймала?

– Где абориген? – мрачно спросил Арракс. Черно– алая гневно отмахнулась:

– В безопасности. Возникли временные трудности, но все уже разрешилось само собой.

Вхагар удивленно наострил уши:

– Какие трудности?

– Позже объясню, – процедила Сиракс сквозь зубы. Мелеис гневно хлестнула себя хвостом:

– Довольно секретов! Что вы скрываете от команды?! Еще одного шпиона?!

Сиракс смерила зеленую дракону презрительным взглядом.

– Мы хотели сохранить поимку аборигена в тайне от Лаэллин. Как назло, когда я вернулась, Лаэллин была в ангаре и отказалась улетать, хотя я вежливо попросила. Пришлось спрятать аборигена и мчаться к Вхагару за приказом, но смысла секретничать... – она запнулась, поскольку на поясе сине– золотого дракона неожиданно засветился блестящий диск. Крылатый нахмурился:

– Капитан слушает.

Знакомый мягкий голос серебряной драконессы прозвучал достаточно громко, чтобы все в операционной его расслышали:

– Это Лаэллин! Прием! Срочно!

Сиракс гневно скрипнула зубами:

– Она еще имеет наглость...

– Тихо! – резко оборвал Вхагар. – Да, Лаэллин, я здесь. Слушаю.

– Капитан, я только что узнала страшную новость: помните, мы говорили о возможности использования похищенного мнемента для пересадки человеческого

сознания в мозг дракона? Боюсь, это перестало быть теорией, – голос серебряной красавицы дрогнул. – Мой лучший ученик, 96–ГК1, оказался шпионом. Это человек в теле дракона, как аяр! Капитан, шпиона следует арестовать, но ни в коем случае не причиняйте ему вреда – мы должны извлечь паразитную матрицу из тела ни в чем не повинного местного дракончика!

Мелеис горько усмехнулась, когда Лаэллин в точности повторила ее слова. Вхагар вздохнул:

– Предупреждение слегка запоздало, кэсса. Несколько часов назад, твой бывший протеже взял заложников, пытался их похитить с помощью местной квазиорганической формы жизни, сломал крыло юному Вермитору и ребра Арраксу, а в конечном итоге сбежал, прихватив наарен с матрицей преступника– человека.

Повисла длительная напряженная пауза.

– Он украл наарен? – спросила Лаэллин хрипло.

– Да.

– Как он покинул остров, не умея летать?

Вхагар метнул гневный взгляд на робкого белого дракона, стоявшего в самом углу комнаты.

– Благодаря свойственной кое– кому из нас преступной наивности, летать он теперь умеет! Вермакс вручил ему УГС, откалибровал и объяснил, как пользоваться.

Долгое молчание.

– Я отправляюсь в погоню, – выдавила серебряная на своем конце линии связи.

– Мне хорошо известны особенности поведения шпиона и, в целом, аборигенов, я лучше любого в экспедиции знаю географию и этнографию планеты. Я поймаю беглеца.

Капитан с сомнением переступил с лапы на лапу.

– Такими операциями заведует Сиракс...

– Она перебьет сотни аборигенов просто для удовольствия! – резко оборвала Лаэллин. – Капитан, я лучше всех подготовлена для поисков диверсанта, к тому же, я сейчас на борту дрона далеко в океане – в текущий момент нахожусь в квадрате 46, район человеческого поселения Оррнир, на юго– востоке материка Пта, в основании полуострова «Отрада Титана». Энергетическая подпись наарен мне известна,

зафиксировать ее со спутников не составит труда. Я жила в другом осколке того же кристалла сотни циклов, – горько добавила Лаэллин.

Растерянный Вхагар не успел ответить: глаза Сиракс превратились в две тонкие щели и, рывком подавшись вперед, она выхватила у капитана диск.

– Какого хвоста ты делаешь на человеческой территории?! – рявкнула алая драконша.

– Везу домой похищенного вами аборигена, – довольно резко отозвалась Лаэллин. Сиракс с грохотом обрушила на пол тяжелый кулак:

– Так и знала! Ты арестована. Немедленно возвращайся к...

– Никого ты не арестуешь, – оборвал холодный голос из диска. – С меня довольно. Вы нарушали межпланетную конвенцию о правах разумных существ столько раз, что всех членов экспедиции по возвращении ожидает, как минимум, пожизненное отстранение от полетов и запрет покидать Тарию. Мы не находимся в состоянии войны с аборигенами! Разрушать их города и красть особей для допросов – преступление! – Лаэллин запнулась от волнения, с трудом пришла в себя. Гневно клацнула зубами. – Волею случая, я сейчас на борту дрона, со мной вся необходимая аппаратура для выслеживания шпиона. Я присматривала за ним больше месяца и лучше, чем кто-либо другой, знаю его характер. Капитан? Жду приказа.

Сиракс ударом когтя отключила диск, что держала в лапе и, рывком, обернулась к хмурому Вхагару:

– Она чужак! Пришелец! Она работала с диверсантом с первого дня! Прожужжала всем уши о необходимости защиты аборигенов! Даже в самую нереальность пересадки личности местного жителя в мозг дракона мы поверили благодаря ее словам – удобно, не правда ли?!

Могучая ало-черная дракона с хрустом сжала когти.

– И вот теперь, совершенно случайно, в одну и ту же ночь, они со шпионом независимо друг от друга решили сбежать из лагеря, прихватив каждый по ценному пленнику?!

– Дай сюда комм, – холодно произнес капитан. Опешив, Сиракс даже отступила на пару шагов:

– Вхагар?!

– Ты позоришь всех нас, – тихо сказала миниатюрная Мелеис.

– Я?! – Сиракс уронила крылья от потрясения. – Я?! Да я отдам жизнь за самую крохотную чешуйку любого дракона!

– Так же поступит и Лаэллин, – Мелеис горько покачала головой. – Пришелец. Самая честная, смелая и самоотверженная драконесса в экспедиции!

Вишневый Арракс откашлялся:

– М– м– м... Сиракс, только не обижайся, но твоя ненависть к Лаэллин переходит все границы. Она наша преданная соратница и, только что, доказала это в очередной раз.

– Думаешь, легко отправиться на охоту за тем, кого считала чуть ли не сыном?! – взорвалась Мелеис. Громадный Вхагар поднял крыло:

– Тише, друзья. Тише. Мы все взвинчены и на нервах. Сиракс, дай сюда комм... – он отобрал у шокированной алой драконицы диск и коснулся его когтем. – Лаэллин, говорит Вхагар. Ты на связи?

– Да, капитан, – далекий голос серебряной красавицы прозвучал глухо.

– Приступай к поискам, но не отключай координатный маячок дрона. Я высылаю Сиракс тебе на помощь, она возьмет скоростной аэрокар и будет в районе через час. Вам придется работать вместе и научиться ладить. Это приказ. Подтверди.

Долгая пауза.

– Подтверждаю...

– Принято. Докладывайте мне лично о ходе поисков каждые полчаса, – он отключил комм, обернулся к заметно оживившейся черно– алой драконице и добавил громко, так, чтобы слышали все космонавты в операционной и за дверями:

– Агента доставить целым и невредимым. Поняла?

– Крови не заметите... – процедила Сиракс сквозь зубы. Гневно расталкивая драконов, она быстрым шагом покинула операционную. Вхагар тяжело вздохнул:

– Мелеис, – позвал он, не поворачивая головы. Зеленая драконица встрепенулась:

– Да, капитан?

– После похищения мнемента два цикла назад, мы дезактивировали всех охранных киборгов. Во что это вылилось, стало ясно сегодня, – Вхагар бросил взгляд

на раненного Вермитора, с хрустом сжал когти. – Чтобы обеспечить безопасность экспедиции, я закрываю свободный доступ в лагерь всем местным, как спасенным, так и диким. Твоя задача: в максимально сжатые сроки снабдить трекером каждого крылатого на островах, вне зависимости от возраста. Со следующей недели, появление в районе архипелага любого дракона БЕЗ трекера будет расцениваться, как нападение.

Изумрудная поникла.

– А... Иначе никак?..

– Никак. Приступай, – Вхагар дал знак Арраксу и вышел из операционной. Вишневый последовал за ним. Два дракона прошли по длинному коридору и ступили в лифт.

Весь путь до верхнего этажа оба хранили молчание. Когда стеклянная кабина, наконец, остановилась, капитан вышел первым и приблизился к до сих пор распахнутому овальному окну.

– Летать можешь? – спросил, не обернув головы.

Арракс, морщась от боли в груди, развернул крылья и сделал пару взмахов.

– Справлюсь.

– Отлично, – свирепо сказал сине– золотой великан, дергая хвостом от гнева. – Лети к кораблю. Найди Тираксеса и передай лично, не через комм: пусть поднимает звездолет. Цель в квадрате шестьсот пятьдесят три, где стоит замок местного феодала по кличке Уолтер Арди. Там проходил подготовку агент, там Сиракс поймала аборигена.

Медленно обернувшись, Вхагар с таким бешенством посмотрел на вишневого дракона, что тот невольно отступил пару шагов.

– Мне хвостом, сколько тварей придется аннигилировать, – прорычал капитан.

– Хвостом, даже если на месте человеческого гнезда останется пепелище; найдите этот проклятый мнемонт и доставьте в лагерь!

Арракс оскалил клыки в недоброй усмешке:

– Ясно, кэп. Сделаем... – раненный дракон подбежал к окну и выпрыгнул наружу, разворачивая крылья. Вхагар долго провождал его взглядом.

Вдали, над морем, алое зарево нарождающегося Солнца плавило небо огненным выдохом. Пурпурный рассвет отражался в глазах и людей, и зверей, и

драконов, нес радость в каждое сердце. Такими минутами, Лаэллин иногда вспоминала юность, свое беззаботное и чистое детство.

Казалось невозможным, что с той счастливой поры промчались века. Беспощадное время растерзало родной мир серебряной драконессы, обратило уютную долину в облако радиоактивных атомов, но память уничтожить труднее. Память сдаваться не умеет.

Лаэллин мчалась навстречу заре в могучей крылатой машине, но перед глазами, как наяву, парили видения эпох, давно минувших. Праздник цветов... Сотни крохотных существ водят хороводы, многотонные великаны с громоподобным хохотом плещутся в волнах. Смеющиеся лица, трепещущие перья. Танцы у костра.

Драконесса горько улыбнулась. В те далекие годы она еще не была крылатой, бессмертной и почти всемогущей дочерью звездного племени; нет, Лаэллин вылупилась хрупкой маленькой ящеркой, восторженно глазевшей на мир.

Жаркая любовь к всякой жизни проявилась в ней рано. Еще птенцом, Лаэллин заботливо следила за гнездами соседей, сидела с малышами, старательно учила названия лекарственных трав. Потом были долгие, но счастливые годы работы Хранительницей, милые бытовые радости, первое родное гнездо, вылупление птенцов. Знакомство с Тари и Аоки, замечательной юной парой, влюбленной друг в друга так, что чувства выдержали испытание многовековой войной...

Драконесса с болью стиснула зубы. Она не хотела помнить, что было дальше. Не хотела. Должен быть способ удалить такую память из разума, ведь вырезают же воспаленные язвы! Почему лишь телесные раны заживают столь быстро и без следов? Чтобы прогнать жестокие картины, Лаэллин тряхнула гривой и обернулась в кресле к человеческой самочке, сидевшей на месте второго пилота.

– Скоро будем на месте, – сказала Лаэллин мягко. – Вилла де Манзана, верно? Твое родовое гнездо?

Кави вздрогнула.

– Прошу, отвезите меня обратно в замок сира Арди!

– Там опасно, – покачала головой драконесса.

– Тем более! Я должна предупредить!

Лаэллин глубоко вздохнула.

– Кави, тебе кое– что следует понять, – сказала грустно. – Враги, если пожелают, способны обратить в пепел весь этот мир. Люди ничем, никак не могут их остановить. И даже мы, говорящие драконы– волшебники, не сумеем.

Она с болью развела крыльями.

– Единственное спасение –затаиться. Нам точно известно: если их не провоцировать, враги не станут причинять вреда ни людям, ни похищенным крылатым, и через два– три года улетят навсегда. Нужно просто переждать – как грозу. Или извержение вулкана. Ты ведь не стала бы возвращаться в замок, рядом с которым извергается вулкан? Против извержения бороться бессмысленно, понимаешь?

Кави возмущенно вскинула голову:

– Нельзя сдаваться! Надо искать путь... Сир Уоррен выведает слабое место врага! Мы спасем наших драконов!

Лаэллин слабо улыбнулась.

– А ты не думала, что враги могут, как раз, спасти драконов от людей?

Девушка отпрянула:

– Что за глупость?!

– Я драконесса, – напомнила серебряная. – И я долго занималась... Разведкой во вражеском лагере. Уверяю, Кави, похищенным крылатым живется там лучше, чем в человеческих бараках. Их учат разговаривать, читать и писать. Любить друг друга, а не рвать в клочья по приказу, – добавила она с горечью.

Девушка заметно притихла.

– Это правда? – спросила негромко.

– Конечно.

– Враги не заставляют крылатых убивать друг друга?

Лаэллин покачала головой:

– Драконы не убивают драконов, – сказала очень серьезно. – Запомни это, человек, запомни навсегда.

Кави поникла.

– Я и мечтать не смела... – она всхлипнула и, поспешно, утерла глаза большими мозолистыми ладонями. – Когда сир Уоррен нашел магический амулет, мне приказали отобрать в инкубаторе лучшего дракона, только... Не сказали, зачем... – девушка

съежилась в кресле, спрятав лицо за космами светлых волос. Лаэллин на мгновение зажмурилась.

– Как его звали? – спросила тихо.

Кави всхлипнула.

– Малахит. Я его от скорлупы растила, – соломенноволосяя вновь утерла слезы ладонью. – Только он не погиб, не думайте! Сир Уоррен сказал, Малахит жив и здоров, его разум вроде как соединился с человеческим...

– Верно, он жив, – глухо отозвалась Лаэллин. – Паразитная матрица не стирает оригинальную, это невозможно – память хранится химически, в микроколбочках мозговой ткани. Пересадка сознания использует резервные участки коры, обычно не задействованные. Это чудовищное изобретение Аяр, холодных и беспощадных тварей далекого прошлого.

Удивленная девушка робко выглянула из копны светлых волос.

– Паразитная... Матрица? Что это значит?

Лаэллин, встряхнувшись, пришла в себя и бросила на человека сочувственный взгляд.

– Прости, увлеклась. Мы спасем Малахита. Обещаю.

Кави отпрянула:

– А как же сир Уоррен?!

– Ему нечего делать в краденном теле дракона, – жестко сказала крылатая.

– Но его собственное давно мертво!

– Вот как? – серебряная нахмурилась.

– Да, да! – закивала девушка. – Сир Уоррен герой, он пожертвовал всем для страны! Ему некуда возвращаться, благородная Лаэллин!

Драконесса до боли стиснула зубы, ее мощные лапы вцепились в штурвал.

– Некуда возвращаться... – процедила она, задыхаясь. – Благородная... Хочешь знать, как я родилась?

Кави отпрянула, вжалась в кресло.

– Не хочу... – пролепетала.

Лаэллин свирепо хлестнула себя хвостом:

– Это тело мне столь же чуждо, как сиру Уоррену – тело бедного Малахита, –

бросила жестко. – Я овладела им на войне, более шестисот ваших лет назад. В те времена, жуткие чудовища под названием «Аяр» часто пробирались в ряды своих врагов, маскируясь под одного из нас, пользуясь украденными воспоминаниями, неотличимые, невидимые. Распознать их заранее было невозможно. Всякий дракон, да и любое другое существо, мог внезапно оказаться безжалостным чужаком – хотя мигом раньше и сам об этом не ведал!

Серебряная горько покачала головой.

– Бороться в таких условиях было нереально. Драконы старались свести к нулю контакты с Аяр, начали повсеместно использовать киборгов и дистанционно управляемые машины, разработали синхрон – сложный аппарат, способный определить наличие Аяр в разуме. Бесполезно! Мы не знали, кому верить, кто друг – а кто враг. Любой командир мог оказаться агентом и уничтожить целый корабль прежде, чем его успевали хоть заподозрить! Мы теряли себя, Кави. Теряли души. И тогда, доведенные до отчаяния, на грани исчезновения, свободные драконы решили биться до конца.

Лаэллин скрипнула зубами.

– Был создан отряд добровольцев. Каждому дракону в отряде была искусственно пересажена чужая матрица памяти, чужая душа. Химически пересажена, – хрипло добавила крылатая. – Это их убило, но, раз и навсегда, сделало иммунными к Аяр. Одной из пересаженных матриц оказалась я, – серебряная драконесса с болью опустила голову.

– Как так?! – потрясенная Кави смотрела на Лаэллин большими карими глазищами. – Но... Кто же ты?!

Серебряная красавица неопределенно пожала крыльями.

– Просто ящерица с малоизвестной окраиной планетки. Мой мир погиб миллионы ваших лет назад, а я выжила – точнее, выжил мой разум, заключенный в аярском кристалле, именуемом «наарен».

Она тяжело вздохнула.

– Тысячи столетий, целые эпохи камень безмолвно парил в пустоте космоса, пока случайно, несколько веков назад, не столкнулся с обитаемым миром. Там я «переселилась» в тело неразумного зверя... Мне довелось сменить множество

оболочек, но я всегда старалась бороться с несправедливостью. И постепенно, за пару столетий такой жизни, заработала определенную... Репутацию, – горько усмехнулась Лаэллин. – Когда готовились матрицы памяти для отряда добровольцев, меня выбрали за огромный опыт «перерождений» и за то, что я лично знала Аоки – величайшую воительницу Галактики. Вот, как я стала драконом, Кави, – жестко добавила серебряная. – Благородная Лаэллин. Я даже не знаю имени погибшей хозяйки моего тела – все документы, специально, были уничтожены, чтобы мы меньше терзались совестью.

Она закрыла глаза.

– Война длилась долго, а когда завершилась... Я осталась без родины. Моя планета была уничтожена, разбился даже кристалл, что хранил прежде мой разум. Столетиями я пыталась приспособиться. Стать одной из жительниц планеты Тария, обычной драконессой, найти новый дом... Новую родину.

Лаэллин хрипло вздохнула.

– Прости. Мне не следовало всего этого говорить. Ты едва ли поняла хоть одно слово из десяти, просто... Никогда не зови меня благородной. Хорошо, Кави?

– Хорошо... – пискнула девушка. Серебряная дракона ласково ей улыбнулась.

– Вот и умница. А мы уже прилетели, гляди – твой дом! – она указала на главный панорамный экран, что показывал с высоты живописную ферму. В лучах утреннего солнца цвета буквально кричали: изумрудные яблоневые рощи, поля всех оттенков желтого, салатowego, коричневого. В огороженных живыми изгородями загонах резвились пони.

У Кави перехватило дух. Вскочив, она подбежала к экрану:

– Не может быть... – прошептала, дрожа от волнения. – Отец вновь отстроил виллу! Я... Слала письма, но... Увидеть самой, после стольких лет!

Лаэллин кивнула.

– Знаю. Знаю, девочка, – она оглядела пейзаж за бортом. – Я посажу дрон... волшебную пещеру во– он там, на поляне, можно? Не хочу пугать твоих близких.

– Да, да, конечно... – пролепетала Кави. Драконесса просто тронула когтем экран в нужном месте; автопилот принял команду, а Лаэллин, вернувшись в кресло, аккуратно дотронулась крылом до плеча Кави.

– Сейчас слушай очень внимательно, – серьезно сказала серебряная. – О говорящих драконах никому нельзя рассказывать. Это жизненно важно, Кави. Если враг узнает о нашем существовании, пострадают все местные крылатые, понимаешь?

Девушка горячо закивала:

– Я понимаю! Я никому не скажу! Да мне и не поверят... – добавила с робкой улыбкой. – Спасибо вам, благо... Уважаемая Лаэллин, спасибо огромное! Даже не знаю, какое спасибо!

Драконесса улыбнулась с легкой грустью.

– Что ж, беги домой! – повинуюсь жесту лапы, в задней части дрона опустилась аппаратль. Свежий воздух, полный ароматов цветов, ворвался в кабину. Но вместо того, чтобы мчаться наружу, Кави внезапно подбежала к Лаэллин, обняла ее за мощную шею и зарылась лицом в гриву.

– Спасибо! – пролепетала, обливаясь слезами радости. – Я всегда верила в драконов, верила, что вы самые добрые, самые прекрасные в мире! Спасибо за все!

Слегка растерянная, Лаэллин напряженно улыбнулась.

– Ну, ну, все хорошо... Больше тебя никто не обидит. Обещаю, – она склонила к девушке огромную рогатую голову и нежно ткнулась носом ей в щеку. – Беги домой и живи счастливо.

– Мы... Еще увидимся? – задыхаясь от волнения, выдавила Кави, медленно пятясь к выходу. Серебряная вздохнула.

– Надеюсь, девочка, надеюсь. Светлого тебе неба и доброго... – она запнулась.

Проследив взгляд драконессы, Кави обернулась и в полном недоумении открыла рот. Солнечный свет за бортом стремительно усиливался, будто некий великан, бегом, приближался к машине с зажженным факелом.

В кабине завывла сирена. На приборной панели вспыхнули сотни огоньков, по металлическим деталям рванулись синеватые, жуткие молнии. Лаэллин, вскрикнув от страха, прыгнула вперед и успела накрыть Кави жароупорным крылом, прежде чем за бортом полыхнула чудовищная слепящая вспышка.

Не было ни грохота, ни взрывной волны – просто яблонева роща вокруг машины внезапно обратилась пеплом и опала на землю немислимим черным снегом. Жар моментально испарил землю сорокометровой сферической чашей, на

стеклянисто– огненное дно которой начал падение раскаленный дрон. Автоматика в последние микросекунды успела задраить люки, поэтому вспышка не испепелила драконессу и человека.

Стремительно умирающий разум машины анализировал обстановку с недоступной живым существам скоростью. Оценив температуру за бортом и запасы энергии в аварийных охлаждающих установках, компьютер пришел к выводу, что шансы экипажа уцелеть после падения на дно воронки равны абсолютному нулю. Поиск возможных путей к спасению отнял еще целую наносекунду – очень много в подобной ситуации. Отобрав, наконец, единственное решение, где вероятность выжить достигала хотя бы пятидесяти процентов, компьютер отдал актуаторам последний приказ и расплавился.

Кабину падающей машины за долю секунды заполнила аморфная, бесконечно мягкая пена. Серия направленных взрывов разнесла обшивку; последний, гораздо более мощный, отшвырнул цилиндрический зеленоватый ком пены на много сот метров в сторону. Ком еще летел, когда остатки дрона упали на полыхавшее жаром дно воронки и с бульканьем, почти мгновенно, утонули в лаве.

Глава 11

Песок на морском берегу далеко не всегда отдает желтизной. Чаще это серо–коричневая холодная масса, что коварно обволакивает ступни лживою лаской. Но даже если б пляж, куда волны вынесли трепещущее крылатое тело, был покрыт самородным золотом, изможденный дракон этого бы не заметил. Двое суток в ледяной воде, наедине с океаном, выпили даже его немалые силы.

Солнце медленно карабкалось к зениту. Волны с обманчивым миролюбием лизали буро– зеленую чешую Норда Уоррена, громадного крылатого ящера, еще недавно бывшего человеком. Прошли часы, прежде, чем измотанный дракон собрался с силами и отполз от кромки приборя.

Перевернулся на спину, беспомощно распластал крылья. Солнце злобно

вцепилось ему в глаза, вертикальные зрачки инстинктивно сузились до щелочек толщиной с волос. Зажмурившись и глубоко дыша, Норд впитывал тепло всем телом.

Жизнь потихоньку возвращалась к ослабевшему дракону, а вместе с нею и осторожность. Голодный, едва способный пошевелить хвостом, Норд представлял собой легкую добычу, однако даже сильнее его беспокоило, что враги так и не появились за два дня, пока он боролся с океаном. Разведчик хорошо запомнил слова Арракса о паривших в небесах невидимых «спутниках», что непрерывно следили за каждым драконом в мире. По словам вишневого ящера, беглеца изловили бы в течение суток.

Поэтому, когда магический ранец, помогавший Норду летать, внезапно заискрился и перестал действовать, разведчик был убежден: его обнаружили. После двух дней в воде, он решил, что его хладнокровно оставили тонуть. А сейчас, на тихом берегу, греясь в лучах полуденного Солнца, Норд терялся в догадках. Он успел достаточно изучить пришельцев, чтобы не тешить себя надеждами, будто те махнули на шпиона крылом и прекратили поиски. Дагласа беспощадно преследовали более года...

Вспомнив, Норд с большим трудом сел на хвост и снял с шеи тесемку, обмотанную вокруг банки с лазурным кристаллом. Летучий ранец пошел ко дну сразу же, как беглец оказался в воде, но камень Норд сохранил; должок за его обитателем числился не из тех, что возможно простить.

– Скоро поговорим, мерзавец, скоро... – прошептал дракон, с ненавистью глядя на тускло переливавшийся аквамарином кристалл. – Дай лишь понять, что происходит...

Он отдыхал до позднего вечера, массировал занемевшие лапы и крылья. В лагере звездных пришельцев, как и на всем драконьем архипелаге, рассеянная в воздухе магия – «кормилки Аяр» по словам Лаэллин – лишала обитателей потребности в пище; к несчастью, за пределы зачарованных островов это удивительное колдовство не распространялось, и Норд был дико голоден.

Местность, куда его вынесли волны, была знакома разведчику по картам – сам он прежде не бывал в окрестностях форта МакГроувс, единственной военной базы Элинии на юге материка Пта, однако тщательно изучал зарисовки и описания, готовясь

к миссии. Вдобавок, здесь бывал Даглас, чья память до сих пор терзала Норда ночами. По иронии судьбы, прежде именно форт МакГроувс служил основным рынком сбыта драконьих яиц и детенышей, что ценою огромного риска добывали охотники на зачарованных островах.

Южную оконечность материка Пта отделял от драконьего архипелага девяностомильный пролив, метко прозванный именем Храбрых Покойников в честь смельчаков, решавшихся на безумно опасное занятие, охоту за драконами. Едва ли одно плаванье из сотни завершалось успехом, а девять охотничьих шхун из каждого десятка обратно не возвращались. Но жажда мгновенно разбогатеть обеспечивала почти непрерывный приток новых «охотников», хоть большинство из них и море–то видело впервые.

Открытой стычки Норд не боялся; справиться со взрослым, покрытым непробиваемой чешуей драконом, мог только другой взрослый дракон. Гораздо опаснее было не проснуться... Дикая ящера на своих островах ничего не ели, поэтому отравленные приманки были против них бесполезны, как и сети – драконы запросто рвали цепи толщиной в руку. Уязвимы они становились лишь во сне, так как жили одиночками, не выставляя часовых в отличие от стадных животных.

«Скоро все изменится» – подумал Норд, вспомнив прекрасную серебряную Лаэлин. Умные, искренние, добрые, преданные своему роду, бесконечно могущественные и очень злопамятные, но совершенно не злобные, драконы со звезд произвели на разведчика огромное впечатление. Хотя Норд, разумеется, по–прежнему хранил верность Элинии, считать пришельцев врагами он уже затруднялся.

И потому сейчас, голодный и измученный, медленно шагающий по берегу моря в направлении далеких огней форта МакГроувс, Норд Уоррен жалел лишь об одном: что не успел задать мудрой Лаэлин свой самый главный, наиважнейший вопрос. Почему, ну почему столь могущественные гости со звезд даже не попытались вступить в переговоры с людьми? Ведь они бы наверняка сумели предложить королям столько чудес, что те добровольно да с песней отпустили бы всех прирученных драконов!

Разведчик клацнул жуткими зубастыми челюстями. Должна быть причина. Всякий умный командир – а капитана драконьей экспедиции, громадного сине–золотого Вхагара, Норд много раз видел и не имел причин считать глупцом – предпочел

бы стократ более эффективный и быстрый путь к спасению пленников через переговоры. Ненависти к «аборигенам» драконы также не испытывали, они даже ублюдку– Дагласу сохранили жизнь! Так почему же, почему?! Что превратило звездных гостей в смертоносных пришельцев?

Впереди у подножья одинокого дерева зоркие драконьи глаза заметили рыбацкую лачугу, и Норд решил отложить размышления до более удобного случая. Стояла глубокая ночь, свет в окошке не горел; приближающегося гиганта заметил только старый пес.

Не в силах даже лаять от ужаса, собака с тихим поскуливанием забила в кособокую конуру. Голодный Норд ощутил, как пасть заполняется слюной, но гневным усилием воли запретил себе думать о псе. Оглядел хибарку, маленький дворик, где белели развешанные сети. Задумавшись, обратил взор к морю – лодки там не было.

«Ни повозки, ни лошади...» – разведчик прищурил глаза. Странно... Но хибарка не могла быть брошенной, ведь пса кто–то кормил. Решив все же попытаться счастья, Норд осторожно перешагнул хлипкую изгородь и свернулся у задней, глухой стены домика, где его не могли сразу заметить. Что произойдет с хозяевами, если тех внезапно разбудит посреди ночи громадный говорящий дракон, представить было нетрудно.

– Добрые люди! – позвал он, стараясь повысить голос до «человеческого» уровня. Стукнул хвостом об стену. – Помогите, во имя короля!

Ответа не было довольно долго, затем в хибарке чиркнуло огниво и окошко затлело слабеньким желтым светом.

– Кто здесь? – послышался встревоженный женский голос.

– Сир Норд Уоррен, королевский гонец! – отозвался разведчик. – Я нес важные сведения в форт, когда силы оставили моего дракона.

– Д– д– дракон?! – в панике переспросила женщина.

– Он дрессированный! – поспешно отозвался Норд. – Но я не могу его оставить. Прошу, сообщите в форт, что вернулся Норд Уоррен. Вас щедро наградят!

Дверь со скрипом отворилась, пятно дрожащего желтого света перечеркнула человечья тень. Разведчик сглотнул:

– Нет– нет, не приближайтесь к дракону! – воскликнул он с показной тревогой.

– Зверь изможден и голоден, он может наброситься! Скорее отправьте весточку в форт!

– Но... Сыновья рыбачат с отцом... – растерянно отозвалась женщина. – Я дома одна...

Норд мысленно чертыхнулся.

– Тогда отправляйтесь сами, поспешите, форт недалеко! И не найдется ли у вас мяса для моего зверя? – спросил умоляюще. – Или рыбы?

– А... Э... Рыба есть... – выдавила перепуганная женщина.

– Отлично! Подтащите корзину к изгороди, но не ближе, дракон слишком голоден! Не знаю, как долго смогу его сдерживать. Сообщите о нас в форт, скорее!

Долгая тишина.

– М– м... А дракон–то где? – с подозрением спросила рыбачка. – Я покамест только твой голос–то и... Ох, господи! Ох! – Норд выпростал из–за стены одно крыло. – Держите его, сир! Держите!

– Стараюсь, – буркнул Норд.

– Я сейчас! – послышались торопливые шаги. Пыхтя и отдуваясь, женщина вынесла из дома большую корзину с рыбой, оставила ее у изгороди, а сама, накинув платок, поспешила к сиявшей в полумиле огнями крепости. Голодный дракон едва дождался ее ухода.

Рыба оказалась соленой и ужасной на вкус, но Норд жадно опустошил корзину, даже слегка повеселел. Его зоркие глаза позволяли видеть, что происходит у освещенных факелами ворот форта; рыбачка была уже там и объясняла стражникам ситуацию. Прошло около получаса, прежде чем в сторону хибарки двинулся конный отряд.

Норд решил не выходить им навстречу, опасаясь паники у лошадей. Когда солдаты доскакали до хижины, дракон первым подал голос:

– Не пугайтесь, – он высунул из–за стены крыло и приветственно им помахал. – Я Норд Уоррен, королевский разведчик. Вам должны были сообщить о моей миссии.

Командир отряда, пожилой невысокий человек с живыми глазами и изуродованным шрамами лицом, спешил и без страха перелез изгородь. В руке он держал медный корабельный фонарь, мечущийся свет которого, должно быть, делал открытого теньями громадного ящера подлинным чудовищем. Пару секунд рыцарь и

дракон смотрели друг другу в глаза.

– Норд Уоррен, – негромко повторил разведчик.

Человек сильно вздрогнул, услышав слова из зубастой пасти. С явным трудом взяв себя в руки, он опустил фонарь на землю и, чуть помедлив, отдал ящеру честь:

– Капитан Генри Кастл, пограничные войска его величества, – с легким напряжением произнес офицер. – Добро пожаловать, сир. Да, мы получили инструкции, но боялись, вам не удалось спастись. О пробуждении ледяных гигантов нам доложили четыре дня назад.

Норд угрюмо кивнул:

– Я двое суток добирался вплавь и едва уцелел.

– Поздравляю с возвращением, сир. Успешно ли завершилась ваша миссия?

– Более, чем успешно, – Норд встал на ноги, потянулся, царапая когтями землю.

– Завтра начну диктовать отчет, но сейчас я готов сожрать слона и нуждаюсь в отдыхе.

Офицер сглотнул.

– Простите, сир. Конечно. Вам подготовят... – он запнулся, – ...Покои?

– Сарая с чистой соломой будет достаточно, – Норд криво усмехнулся. – А еще жаренного теленка, бочонок кваса, немного хлеба, соли да зелени. И наградите женщину – она помогла.

Нервно кивнув, Генри Кастл отдал приказ солдатам и занял место в седле. Отряд повернул обратно, коней вели спокойным шагом; выждав, пока лошади удалятся футов на сто, Норд покинул укрытие.

– Что происходило в мире, пока меня не было? – позвал он издали. – Рассказывайте обычным голосом, я услышу.

Солдаты чуть не разом обернулись, многие побледнели. Командир отозвался не сразу:

– Новостей мало, сир, – произнес он суховато. – Мы слишком далеки от Элинии, голуби сюда не летают. Письма в форт доставляют лишь прибывающие из метрополии корабли.

Генри Кастл поджал губы.

– Насколько нам известно, новых атак Врага за минувшие месяцы не было. По приказу короля, мы отменили рейсы через Море Огненных Зорь и арестовали каждую

охотничью шхуну в порту, а все имевшиеся на складе драконьи яйца срочно отправили в Элинию фрегатом «Акка Кнебекайсе», самым скоростным кораблем нашего флота. Других заслуживающих упоминания событий не припомню... Разве что странный дневной метеорный поток, позавчера утром.

– Позавчера? – Норд встрепнулся. Рыцарь кивнул:

– Да, через двое суток от пробуждения ледяных гигантов. Я был на стене, когда в небе стали появляться горящие следы – будто там, на огромной высоте, опрокинули телегу с дымящимися огненными ядрами. Следов было много десятков, разбросанных грубо вдоль одной линии с юго–востока на северо–запад, – человек очертил рукой дугу. Напряженный Норд против воли сглотнул.

– Вспышки? Гром?

Кастл пожал плечами:

– Никак нет, сир, лишь огненные прочерки. Дымные хвосты было видно весь день, хотя высотные ветры постепенно их разносили. Многие в форте тревожились, однако комендант отдал приказ сохранять спокойствие, ведь мы готовились к вашему триумфальному прибытию. Только гиганты не вернулись...

– Да, возникли трудности, – дракон скрипнул зубами. – Надеюсь, их собратья не будут мстить.

– Едва ли, сир, – покачал головой капитан Генри. – Мы щедро заплатили ваэгам и не скрывали опасности. Что там произошло?

Разведчик раздраженно передернул крыльями:

– Один чересчур смелый юноша решил поиграть в героя. Едва не загубил всю миссию. Мне чудом удалось избежать плена и улететь с острова.

Рыцарь придержал коня:

– Отличная новость, сир.

– Новость? – не понял Норд.

Генри Кастл оглянулся:

– Нам сообщали, прежде вы не были способны летать.

Норд фыркнул.

– Я и сейчас не умею.

– Но вы же улетели с островов... – офицер нахмурил брови.

– По– вашему, это возможно лишь на крыльях?

Озадаченный Каствл полуобернулся в седле:

– А как еще можно летать? – спросил он с легкой иронией. Разведчик бросил на человека хмурый взгляд:

– Если б вы видели хоть щепотку того, что видел я... – Норд гневно встопорщил гребень шипов: – Полгода назад я был обычным солдатом, офицером в отставке. Драконы занимали меня не более других зверей. С тех пор я превратился в громадного крылатого ящера, наблюдал со стороны свое мертвое тело, успел побывать в темницах летающего города, научился дышать огнем и познакомился с хозяевами Стальных Птиц!

Командир отряда запнулся и отвел взгляд:

– Вы узнали, кто наш враг, сир? – спросил он негромко. Остальные солдаты придержали коней, к разведчику обратилось несколько встревоженных лиц.

Норд помолчал.

– Да, узнал, – произнес он тяжело. – Вам будет трудно поверить, но владыки Стальных Птиц и ужасной летающей цитадели – разумные драконы со звезд. Такие же, как наши, только мыслящие. И бесконечно могущественные.

Повисла тишина.

– Разумные драконы? – медленно повторил рыцарь, пока бледные солдаты переглядывались.

Норд кивнул:

– И это даже не самое удивительное, что мне удалось выведать. Как ни странно, в целом драконы со звезд не желают нам зла. Их цель – освободить сородичей, наших боевых зверей.

Он скрипнул зубами.

– К несчастью, безопасность людей заботит драконов столь же слабо, как нас – судьба чумных крыс, поэтому – то они и используют свой звездный корабль, известный миру как летающая цитадель. Все разрушения и смерти в Долмархолле и Тиммеле – это нечаянно раздавленные пчелы, что придавил неуклюжий медведь в поисках меда, – горько добавил разведчик.

Потрясенные воины остановили коней. Командир, тревожно глядя на Норда,

провел ладонью в латной рукавице по гриве своего скакуна.

– Я бывший драконер, – сказал он негромко. – Летал много лет, сменил двух ящеров, знаю про них все. Если вы не шутите... А я хочу верить, что шутите... – Генри Кастл сглотнул. – Против мыслящего дракона у человека шансов просто нет.

Разведчик отрывисто кивнул:

– Вы даже не представляете, насколько их нет, – ответил он с горечью. – Я видел такие чудеса, такое могущество, что все наши достижения, все, чем столетиями гордились короли и полководцы, полностью утратило смысл. Мы беззащитны и слабы, мы жалкие дикари. «Аборигены», как они нас прозвали.

– Дикари? – глухо повторил рыцарь.

Норд опустил голову.

– Да. Но я слишком измотан и голоден, чтобы объяснять.

Капитан Генри с трудом заставил себя кивнуть и тронул поводья. Отряд продолжил свой путь.

У ворот форта столпилось несколько десятков человек. Было заметно, драконы тут не в новинку – на Норда поглядывали с любопытством, однако без особого интереса. В воздухе носились сотни запахов, разведчик нервничал.

Генри Кастлу хватило сообразительности не предлагать дворянину и старшему офицеру место в конюшне или загоне для скота. По приказу капитана, слуги торопливо натаскали соломы в большой сарай, где располагалась тележная мастерская. Измученный дракон буквально рухнул на подстилку.

Когда подвезли еду, Норд чуть не спятил от запаха жаренного мяса. Утратив на несколько минут все признаки разума, он свирепо вгрызся в телячью тушу.

По телу разлилось блаженное тепло, а следом за сытостью, внезапно, дико навалилась усталость. Перевернувшись на спину и распластав крылья, Норд Уоррен провалился в сон.

Проснулся поздним утром и не сразу разлепил веки. Некоторое время разведчик нежился на соломе, чувствуя, как ноющая боль в лапах и крыльях медленно отпускает. В сарае до сих пор стоял аромат жаркого, солнечный свет струился сквозь длинные щелевидные окна под потолком. Норду не хотелось вставать.

Наконец, глубоко вздохнув, он открыл глаза, приподнялся на крыле и...

оцепенел. Рядом, буквально в десятке футов, сидел другой дракон. Норду не потребовалось много времени, чтобы его узнать:

– Сиракс! – выдохнул он, чувствуя, как гребень шипов встает дыбом.

Алая драконесса отозвалась не сразу. Свет преломлялся в тысячах самоцветов, вживленных в каждую чешуйку на ее груди, лоснящаяся черная грива была заплетена в множество тонких косичек. Узкие плавающие глаза смотрели на разведчика безо всякого выражения, словно на камень.

– Наверное, ты слышал от своей сообщницы, будто я ненавижу людей, – ровным, спокойным голосом произнесла Сиракс, и что–то в ее тоне заставило Норда похолодеть. – Это ложь. Мне совершенно безразлично, как выглядят и называются враги моего народа.

Она отвела взгляд. Подняла когтями хрустальную пробирку, где тускло сверкал кристалл–наарен, покрутила перед лицом. Разведчик отпрянул, рука рванулась к груди – тесемки там больше не было. Красная драконица спрятала наарен в кармашек на поясе, пару секунд молчала.

– Я родилась не на Тарии, – мертвым голосом сказала Сиракс. – Меня спасла первая экспедиция, более пятисот ваших лет назад. За век до их прилета, когда на моей планете пала власть Аяр... – она процарапала когтями пять глубоких борозд в полу, – ...местным жителям, совсем как людям здесь, досталось аярское наследие: сотни беспомощных, лишенных памяти драконов. Вот только использовать нас они решили не для войн, а для игр. Истреблять драконов очень весело.

Алая воительница с хрустом передернула крыльями, взвихрив небольшой смерч из соломы.

– Эти твари устраивали игрища, богато оформленные, с тысячами «актеров». Герой должен был отыскать в лабиринте как можно больше драконьих яиц, разбить каждое и отрубить голову птенцу – кто добывал наибольшее число драконят, тот и побеждал.

Сиракс вновь обратила глаза на оцепеневшего Норда, и тот ясно увидел в них слезы.

– Для игр требовалось множество яиц. А яйца могли производить лишь драконессы. Меня держали в цепях и насиловали почти сто лет. Я не знаю, сколько

моих детей было убито прежде, чем успело сделать первый вдох. Но хорошо знаю, что единственный свет, их коснувшийся, был отблеском факелов на клинках убийц.

Голос алой драконицы не дрогнул даже сейчас.

– Большинство производительниц, таких, как я, быстро сходило с ума и их забивали. Я не сдалась. Я жила, поскольку знала: смерть на стороне мучителей. Смерть охраняла их от нашего гнева, крала у нас мечь, забирала подруг, одну за другой, пока не осталась только я, последняя, самая плодовитая.

Она легонько прыгнула вперед всем телом, и в ее порыве читалась такая ненависть, такая беспощадная обреченность, что Норд инстинктивно отпрынул и судорожно скрутился в клубок, накрывшись дрожащими крыльями.

– Я не могу растерзать тебя в клочья, поскольку это не твое тело, – донесся до него металлический голос Сиракс. – Вот единственная причина, почему ты до сих пор дышишь. Но мне известно о стадном чувстве, присущем вашему грязному виду. Попробуешь улизнуть или напасть, хоть крикнуть – я застрелю каждого человечешку в этом каменном логове. А затем сожгу ваши вонючие притоны на день полета во все стороны. Ответь, человек: ты веришь, что я это сделаю?

Норд был не в силах справиться с инстинктами своего нового облика, поэтому ему пришлось, отбросив гордость, ответить из– под крыла:

– Люди ни в чем не виноваты!

– Это уж мне решать, – глухо сказала красная.

– Чего ты хочешь?! – прорычал Норд, в бешенстве борясь с инстинктами драконьего тела. – Вы напали на мою страну, разрушали наши города, убили сотни невинных жителей! За что? За то, что мы посмели одомашнить опасных зверей, внезапно оказавшихся вашими неразумными родичами?!

– Мы не нападали на людей, – губы алой драконицы чуть приоткрылись в оскале ярости. – Нападают на врагов. Вы не враги. Вы помеха.

Неожиданно прыгнув вперед, она ухватила свернувшегося Норда за крыльевой сустав, рывком повернула ладонь и дернула. Завопив от боли, разведчик покатился по усыпанному соломой полу сарая. Сиракс тяжело дышала.

– Я не сломаю ни единой кости, даже царапины не оставлю, – процедила она сквозь зубы. – Доверься моему опыту. Несчастный дракон, в котором ты

паразитируешь, не пострадает.

Сиракс двинулась вперед, свирепо хлеща себя хвостом:

– Но позабудемся мы славно...

Разъяренный Норд попытался укунить противницу, однако алая дракониха струилась, как ртуть. Она не выпускала когтей, не дышала огнем, даже не пользовалась всей силой, но от каждого ее точно направленного удара у разведчика мутилось в глазах и подкашивались лапы. Не прошло и полуминуты, как Норд с мучительным рыком упал на бок, корчась в судорогах невыносимой боли. Сиракс наступила ему на горло.

– Когда мы вытащим твоё грязное сознание... – она запнулась и повернула голову: в дверях сарая стоял ошарашенный стражник, очевидно услышавший крики и шум борьбы.

– Прочь! – прохрипел Норд. – Беги отсюда! Уводите людей из форта!

– Твой друг? – свирепо осведомила драконица.

– Я не знаю его! Впервые вижу!

– Какая досада... – Сиракс молниеносно перекадилась по полу к самой двери, схватила так и не успевшего ничего понять солдата и бросила на разведчика кровожадный взгляд.

– Драконы не убивают драконов. А люди людей?

– Что ты... – Норд задохнулся, получив жестокий удар под живот. Согнувшись от боли, он внезапно почувствовал толчок в голову и странную тяжесть на рогах. Вплотную раздалось ужасное захлебывающееся бульканье.

Разведчик упал на колени. Кровь солдата заливала ему глаза, тело несчастного билось в агонии – зазубрины в основании драконьих рогов, оказывается, как раз и были предназначены для удержания добычи. Алая драконесса около минуты наблюдала за муками своих жертв.

– Должно быть, обидно, – сказала она с усмешкой. – Чтобы за трое суток не попасться на камеры спутников, тебе пришлось проявить чудеса изобретательности. Бедняжка... – Сиракс оскалилась в недоброй гримасе. – Какое облегчение ты должен был испытать, добравшись, наконец, до безопасного гнезда! Где я все эти дни пряталась, отключив связь с базой и твердо зная, что дождусь встречи...

Она шагнула вперед и схватила Норда за челюсти, безжалостно вздернув ему голову.

– Встать! – свирепо прошипела красная драконесса. – Сейчас мы прогуляемся до небольшой роши вблизи человеческого гнезда, где я спрятала аэрокар. Ты сам, покорно, последуешь за мной и даже не пикнешь. Объяснить, почему?

– Не надо... – глухо прорычал Норд. Его трясло, он все никак не мог содрать с рогов мертвое тело, от горячего запаха лившейся на лицо крови мутилось в рассудке. Сиракс молча схватила убитого солдата за торс и ноги, рявкнула и движением лап порвала труп надвое, вывалив на лицо Норда липкую грудку внутренностей.

– Вперед, да не оглядывайся! – алая дракониха коснулась одного из самоцветов на своей сверкающей груди, и внезапно растворилась в пустоте – не до конца, силуэт все равно угадывался, будто струящийся горячий воздух над костром, однако эффект невидимости поражал воображение. Норду сразу стало ясно, как свирепой воительнице удалось попасть в людный форт.

– Советую придумать убедительную сказочку, откуда на морде кровь, – произнес воздух, и ворота сарая открылись сами собой. Невидимая лапа грубо толкнула разведчика в спину.

Во дворе на шум уже сбежалось несколько человек, в основном слуги. Вид окровавленного дракона заставил людей отпрянуть, одна женщина завизжала. Норд лихорадочно размышлял; он ни секунду не сомневался, что Сиракс исполнит угрозу и вырежет все население форта.

– Слушайте меня! – крикнул разведчик, выпрямившись и приспустив крылья. – Вам грозит опасность! Ночью меня отыскивали посланцы Врага, они пригрозили уничтожить форт, если я добровольно не сдамся. Чтобы спасти город, я принял решение подчиниться.

Он свирепо оглядел испуганных людей, число которых быстро росло – в толпе уже блестели шлемы стражников. Выбрав старшего чином, Норд указал на него когтем:

– Ты! Сообщи коменданту, пусть прикажет открыть ворота. Не пытайтесь за мной следовать, никаких спасательных операций, слышите? Иначе беспощадный Враг сотворит с фортом то же, что уже произошло в Долмархолле и Тиммеле!

Солдат нервно оглянулся на двери сарая, где виднелись окровавленные ошметки тела несчастного стражника.

– Сир, что там произошло?

– Битва, – глухо прорычал Норд, – Битва, которую я проиграл. Враг слишком силен. Исполни приказ, или расплачиваться вновь придется невинным людям.

– Но должен быть другой выход... – солдат выпучил глаза и с хрипом схватился за грудь, пробитую четырьмя невидимыми острями. Странная сила вздернула его в воздух, из раны обильно потекла темная, пузырящаяся кровь. Ее поток обрисовал в струящемся воздухе контуры мощной драконьей лапы.

– Хватит!!! – заорал Норд, бросился вперед, но сильный удар из пустоты швырнул его на землю. Не отключая маскировки, Сиракс стряхнула тело с когтей и включила ультразвуковой очиститель чешуи; кровь, заливавшая ее лапу, мгновенно расплылась в алую дымку, вернув свирепой драконихе невидимость.

– Дисциплина у вас хромает, – в голосе прозвучала жестокая насмешка.

Люди с криками бросились врассыпную, Норд заставил себя встать на ноги. Яркое утреннее солнце заливало лучами двор, несчастный солдат корчился в луже собственной крови, тщетно пытаясь зажать пробитую грудь.

– В этом не было никакой необходимости! – яростно крикнул разведчик. – Я уже исполнял твой приказ!

– Много болтаете, – сухо отозвалась невидимая дракониха. – Теряем время. Спешите к воротам, тварь, или мне обозначить весь путь жирными красными стрелками?

Норд зажмурился, хрипло вздохнул – от удара Сиракс болела грудь – и внезапно, огненной вспышкой явилась спасительная мысль. Он вспомнил, как во время побега с острова, нечаянно, едва не задушил юного Вермитора, вздернув бело– золотого дракона за шею.

Драгоценных секунд на сомнения уже не осталось. Норд рывком встал на задние лапы и схватил себя за горло под самой челюстью.

– Я сверну шею этому ящеру, он сдохнет у твоих ног! – прорычал разведчик. – Рискнешь?

Повисла тишина. Норд в бешенстве высматривал струящийся силуэт противницы, но яркое солнце делало Сиракс совершенно невидимой. Дракон с силой

втянул воздух, готовясь очертить вокруг себя кольцо огненного дыхания, однако алая воительница оказалась быстрее – стальные пальцы обхватили запястье разведчика и, играючи одолев сопротивление, отвели его лапу от горла. Удар хвоста под живот заставил Норда согнуться пополам и выплюнуть огненный сгусток, дракона тут же бросили на землю лицом вниз и заломили передние лапы за спину.

Разведчик отчаянно отбивался, но Сиракс быстро связала ему запястья особым узлом, намертво зафиксировавшим не только лапы, но и крылья. Вся исполинская мощь драконьего тела оказалась бессильна перед неведомым материалом, из которого были сделаны путы.

Так ничего и не сказав, невидимая дракониха схватила свою жертву за рог, вздернула Норду голову и связала челюсти еще одним куском сверхпрочного троса. Разведчик попытался ударить противницу хвостом, но добился лишь того, что хвост ему жестоко оттянули к спине, пропустили между связанными лапами и зафиксировали в том же узле. Практически обездвиженный, Норд лежал на земле и хрипло втягивал воздух сквозь раздувающиеся ноздри.

– Два варианта, – голос Сиракс вновь звучал механически, что говорило о ее предельной ярости. – Либо идешь сам, либо я волочу тебя по камням и сжигаю всех людей на пути.

Страшным усилием воли разведчик подавил эмоции. Крики да проклятия сейчас помочь не могли.

– Я... Пойду... – выдавил он неразборчиво сквозь связанные челюсти.

– Иди.

Невидимая Сиракс схватила буро– зеленого дракона за гребень и, рывком, подняла его на задние лапы. Не в силах балансировать крыльями и хвостом, Норд сделал пару неуверенных шагов, потерял равновесие и грузно упал на живот.

– Так и продолжай, мне нравится, – усмехнулся голос из пустоты.

Хрипло дыша, разведчик уперся концом морды в землю и, пользуясь длиной шеи дракона, сумел встать на колени. Зарычал от напряжения, поднялся на ноги. Вновь чуть не упал, однако сумел отыскать устойчивое положение, неестественно прогнувшись назад. Сиракс молчала.

Раскачиваясь на каждом шагу, будто кукла– неваляшка, Норд зашагал к воротам.

Глава 12

Стройная и хрупкая, ростом с новорожденного олененка, синеглазая ящерица без движения лежала в траве. На ее матовой буро–зеленой чешуе влажно блестели свежие пятна крови, от украшавшего спину перьевого гребня остались только клочья. Изнеможение и раны туманили рассудок, с кончика хвоста напал холод. Ящерица отчетливо понимала, что умирает, но совсем этого не боялась. Боялась она, что умрет напрасно, не сумев предупредить Долину.

Минуты текли за минутами, сердце Лаэллин билось все слабее. Ей было невыносимо горько, что друзьям грозит опасность, но нет сил броситься на выручку. Хранительница не знала, что женщины, подобные ей, будут выносить раненных с поля боя и лечить детей в тифозных гетто даже через семьдесят миллионов лет...

Сбоку раздался шорох. Краем глаза Лаэллин различила костлявый силуэт нхорна и, против воли, легонько вздрогнула. Все правильно, подумала отрешенно. Не на что обижаться.

– Вы ранены? – почему–то дрожащим женским голосом спросил зверь, обнюхивая умирающую Хранительницу. Та мучительно напряглась, приоткрыла пасть:

– Уже скоро, – шепнула Лаэллин, чувствуя, как из глаз текут слезы. – Подожди еще... Немного...

Ее подняли неожиданно сильные лапы и перекинули через пушистую спину. Трава. Жухлая, пустынная. Трава уносится в туман. Боли совсем нет, как странно... Успеет ли она умереть, прежде, чем хищники приступят к трапезе? Сумеет ли ощутить боль?..

Туман, заменивший Лаэллин зрение, внезапно потемнел; нхорн втащил добычу в нору. Хранительница уже не чувствовала тела, не почувствовала и как ее опускают на травяное ложе.

– У вас крыло сломано... – женский голос настолько не вязался с мрачной внешностью зверя, что умирающая даже испытала слабое подобие удивления. – Я пытаюсь вправить кость, потерпите немного...

Вот теперь Лаэллин ощутила боль, да такую, что изогнулась дугой:

– Подожди! – взмолилась она, задыхаясь, – Подожди... Я... Пока не умерла... Сжался!

– Вы не умрете! – всхлипнул голос.

Черный зверь, до сих пор смотревший на Хранительницу безо всяких эмоций, впервые приоткрыл пасть в недоброй улыбке:

«Нам следует прекратить встречаться при таких обстоятельствах» – его жесткая, неуютно– холодная мысль коснулась Лаэллин.

«Кауран?!» – отозвалась та, не в силах поверить. – «Ты жив?! Как это возможно?!»

«Может, и жив... А может, я лишь фантом из твоего подсознания...» – усмехнулся зверь.

Лаэллин содрогнулась:

«Где я? Что произошло? Почему мне так...» – она задохнулась, – Больно!!!

Вскрикнув, серебряная драконесса пришла в себя. Подняла голову, недоверчиво огляделась. Она лежала посреди огромной светло– зеленой «кляксы» из амортизирующей пены, клочья того же вещества обильно покрывали ближайшие кусты и деревья. Дул ветер, в высоте шелестели пышные кроны, солнечный свет пробивался сквозь них десятками вертких лучей. Царила почти полная тишина.

«Где я?» – подумала Лаэллин испуганно, боясь даже случайно поверить. – «Неужели...»

Острая боль в правом крыле заставила ее дернуться и, рывком, оглянуться: совсем рядом суетилась грязная, замызганная ошметками пены человеческая девушка с соломенными волосами. Лаэллин охнула, заметив, как неестественно изогнута вторая опорная кость крыла – несомненно, перелом. Девушка пыталась наложить туда шину.

– Вы очнулись! – воскликнула она, заметив взгляд драконессы.

Лаэллин с огромным трудом привела мысли в порядок. Лес, сломанное крыло... Пена... Да! Они с Кави летели в дроне, верно! Страшная новость о предательстве ее лучшего ученика, доклад капитану... Живописная яблочная ферма в лучах утреннего солнца – вилла де Манзана. Прощание с девушкой... А потом... Потом... Что было потом?

Атака! – вспомнила драконесса. Чудовищный, испепеляющий залп

орбитальной лазерной платформы за пару секунд уничтожил дрон, однако тот, в последние мгновения, успел провести аварийное катапультирование. Вот, почему вокруг пена. Все ясно.

Лаэллин с некоторым облегчением расслабилась и уложила голову на землю. Зажмурилась, с силой втянула воздух.

– Это был сон, – сказала она вслух. Голос предательски дрогнул. – Бессмысленное, жестокое напоминание об утраченном. Ты всего лишь фантом, Кауран. Тебя больше нет.

– Я не Кауран, я Кави, – всхлипнула соломенноволосяя девушка. – Вам плохо?

Лаэллин заставила себя улыбнуться и, осторожно, не желая повредить крыло, приподнялась на локте. Огляделась внимательней.

Ком пены, очевидно, рухнул в лес, оставив среди растительности достаточно заметную просеку. Из-за деревьев не было видно ни фермы, ни места гибели дрона, гарью тоже не пахло. Вообще-то, катапультирование могло их отбросить километра на два...

– Сколько прошло времени? – хрипло спросила драконесса.

– Не знаю, – Кави устало развела руками. – Несколько часов, наверно. А может, и сутки... Я тоже не сразу опомнилась.

Крылатая привычно потянулась к поясу за коммуникатором, однако пояс исчез. Вздрогнув, Лаэллин принялась лихорадочно озираться.

– Кави! – позвала она. – Мой пояс! Найди мой пояс!

Девушка с готовностью закивала:

– Он тут, застрял в кустах! Но вам вставать нельзя, у вас крыло сломано!

– Светлое небо... – драконесса с огромным облегчением выдохнула. – Милая, будь добра, принеси во-о- он тот баллончик, видишь? Он похож на серебристый жезл.

– Сейчас! – Кави не без труда удалось отсоединить зажим. Лаэллин благодарно кивнула:

– Спасибо, – ласково сказала она девушке. – Не бойся, дитя. Теперь все будет хорошо.

Соломенноволосяя с трудом улыбнулась:

– Вы бредили, пока были без сознания, – она смущенно утерла нос грубоватой

мозолистой ладонью. – Звали какого-то Каурана... Молили о пощаде.

Лаэллин помрачнела.

– Мне привиделся жуткий кошмар из моего прошлого, – отозвалась она глухо.
– Прости, если напугала... Стоп! – драконесса принялась, внимательно оглядела человека. – Ты ранена? – спросила с тревогой. – Я чую кровь!

Девушка натянуто рассмеялась.

– Пара синяков да царапин, ничего страшного! – отозвалась с напускной бодростью. – Вам куда сильнее досталось, благо... добрая Лаэллин. Что произошло? Почему магическая пещера вдруг загорелась?

Драконесса стиснула зубы. Она не хотела верить единственному возможному объяснению. Атака на дрон была осуществлена с помощью орбитальной лазерной станции, пять таких висело на геоцентрических орбитах со дня высадки. «На всякий случай», объяснял капитан. Доступ к страшному оружию имел только сам Вхагар; ну, и глава отдела безопасности, разумеется.

Лаэллин вздрогнула. Сиракс, конечно, та еще зверюга, но драконы не убивают драконов! Впрочем, для нее ведь Лаэллин никогда драконом и не была. Чужак, пришелец... Окупант. Неужели Сиракс решилась настолько открыто пойти против капитана и всей команды? Чем она объяснит уничтожение дрона?

– Пока не знаю, – отозвалась Лаэллин хмуро. – Давай сначала приведем нас в порядок. Покажи свои раны.

Кави попятилась:

– Со мной все хорошо, не беспокойтесь!

– В такой антисанитарии, как тут, даже царапина может привести к смерти, – строго возразила драконесса. – Сними свои нелепые покровы и подойди.

Видя, что девушка колеблется, Лаэллин мягко добавила:

– Не бойся, это не больно. Смотри... – она распылила смесь нано-роботов над своим сломанным крылом, и показала Кави густую темно-красную массу, стремительно обволакивающую рану. – Волшебная мазь. Лечит любые повреждения, даже у не-драконов. Через пару дней я вновь смогу летать, от перелома не останется и следа.

Сглотнув, девушка нервно кивнула и приблизилась. Лаэллин вздрогнула, увидев

на ее спине, от плеча до пояса, длинную широкую полосу красной, лоскутьями свисающей кожи.

– Это легкая царापина?! – воскликнула драконесса. – Небо... – Она поспешно распылила наниты. – Обо что ты так ободралась–то?!

Кави смущенно переступила с ноги на ногу.

– Только не обижайтесь... – пискнула едва слышно. – У вас... Столько шипов...

Лаэллин зажмурилась и мысленно выругалась.

– Прости.

– Простить? Да вы мне жизнь спасли, когда закрыли крылом от огня! – Кави рассмеялась. – Я всегда поражалась, почему драконам не страшно пламя. Помню, как–то раз Малахит, он тогда еще совсем птенцом был, мне до колена, улизнул во время купания. Мы нашли его в костре, он скакал по раскаленным углям и орал от восторга! – Кави мечтательно зажмурилась. Лаэллин огромным усилием воли заставила и себя улыбнуться.

– Драконы неотрывно связаны с рассеянной во всем пространстве темной энергией, именно она дает нам возможность летать и дышать огнем, – объяснила крылатая. – Энергия пребывает в термодинамическом равновесии, поэтому тела драконов способны безо всяких последствий выдерживать любое количество внешнего тепла – оно попросту рассеивается в бесконечном энергетическом океане... – Лаэллин запнулась. – Некоторые зовут этот огненный мир «Тамас».

– Как интересно! – Кави восхищенно захлопала в ладоши. – Так вот, в чем секрет!

Серебряная красавица кивнула:

– Да, хоть это никакой и не секрет. Почти вся наша техника, даже звездолет, который ты зовешь «летающей цитаделью», питается темной энергией по тому же принципу, что и... – Лаэллин запнулась. Оцепеневшая Кави смотрела на нее квадратными глазами.

– В– в– ваша техника? – прошептала она. – Ваша?

Драконесса сглотнула.

– Оу... Я хотела сказать... – она поникла. – Да, Кави, наша. Нет никаких «врагов».

Девушка попятилась:

– Ты это вы?! Вы разрушаете наши города и крадете драконов?!

– Мы их спасаем! – резче, чем ей того хотелось, отозвалась Лаэллин. – Ты ведь любишь крылатых – разве тебе не хочется для них лучшей судьбы? Свободы, любви и безопасности?

Кави замотала головой:

– Но не такой же ценой! Зачем губить людей, сжигать наши дома?! Почему бы не попросить его величество?! Уверена, король с радостью отпустил бы драконов!

Лаэллин вздохнула.

– Не все мои сородичи так хорошо относятся к людям, как я, – сказала она тихо. – Помнишь красную самку с косичками, что тебя похитила? Боюсь... Боюсь Кави, именно она взорвала мою... Магическую пещеру.

Серебряная драконесса горько покачала головой.

– Многие крылатые считают вас не разумным свободным народом, а опасными хищниками, по вине которых страдают наши местные родичи. И что гораздо хуже, милая Кави, в далеком прошлом – в той самой войне, о которой я рассказывала – именно люди служили основой военной мощи Аяр. А память драконов с веками не тускнеет.

Она развела крыльями в беспомощном жесте.

– Прости. Я делала все, чтобы эвакуация шла как можно легче и без вреда для аборигенов, но капитан... И Сиракс! – Лаэллин скрипнула зубами. – Им попросту нет до вас дела. Как людям нет дела до птиц, когда валят лес. Поверь, драконы не враги, мы просто... – крылатая опустила голову и умолкла.

Кави стояла поодаль, дрожа, в ее глазах блестели слезы, растрепанные волосы солнечной гривой ниспадали на обнаженные плечи.

– Я люблю драконов за то, что у них чистые души, – тихо сказала девушка. – В драконах нет лжи, лицемерия, грязи. Нет яда.

– Животные могут казаться такими, да, – отозвалась Лаэллин с горечью. – А разум все усложняет. Но умение мыслить, Кави – величайший дар во Вселенной, ты должна это понять!

Драконница в волнении привстала:

– Лишь слабые духом, страшась бороться за будущее, любят скулить о чистоте и невинности животного существования – низводя восприятие до уровня скота, пряча голову в песок и отказываясь видеть мир во всей его бесконечной, неизмеримой, подавляющей сложности! Прости, дитя, если слова мои кажутся жестокими, мне самой больно их говорить. Но ты должна запомнить: не в разуме таится семя зла. Чем глубже мы понимаем Вселенную, тем ближе к природе становимся, зверям подобное недоступно!

Лаэллин зажмурилась, распахнула здоровое крыло на всю длину:

– В будущее ведет лишь один путь, бесконечная дорога к свету, имя которой – Познание. В нем заключен смысл существования мира. Будто сказочное Древо Жизни, познание растет сквозь мириады веков, вздымаясь из бездны невежества, от первых частиц к материи, от всполохов света – к звездам! Мы, разумные, успели взобраться лишь на первую веточку. Что ждет впереди?

– Ненависть, – плача, шепнула Кави.

Открыв от изумления пасть, Лаэллин уронила крылья в грязь и, некоторое время, молча смотрела на человека.

– Почему? – спросила серебряная драконесса со страшной, раздирающей сердце тоской.

– Потому, что иного не дано, – тихо отозвалась Кави. – Простите, Лаэллин. Простите. У вас доброе, светлое сердце, вы чисты. Вам не понять...

Всхлипнув, девушка отвернулась и побрела прочь. Лаэллин молча смотрела, как ее силуэт исчезает среди деревьев.

– Мне не понять, – прошептала серебряная после длительной, мучительной паузы. – Уж сколько разменяла столетий, а так ничему и не научилась.

Поникнув, Лаэллин долго сидела молча, собираясь с мыслями. Слова человека ранили ее гораздо глубже, чем вначале казалось. Потребовалось нешуточное усилие воли, чтобы сдержать порыв догнать девушку, объяснить, урезонить... Драконесса твердо напомнила себе, что Кави фактически дома, не далее, чем в километре от родной фермы, и ее ведь как раз и планировалось тут оставить. Пора бы уже заняться разбором полетов.

Морщась от боли в крыле, Лаэллин поднялась на ноги и подошла к своему

застрявшему в кустах поясу. Хотя наниты стремительно заживляли ткани и подавляли сигналы от нервных центров, полностью избавиться от страданий они не могли.

Серо– стальной диск комма блестел на привычном месте, но включаться прибор отказался. Несколько секунд, не веря газам, Лаэллин щелкала когтем по сенсорным точкам – связи не было. Опешившая драконица, сглотив, даже отступила на шаг назад.

Инструкции предписывали всем космонавтам, оказавшимся в подобной ситуации, не покидать места крушения и терпеливо ждать спасателей. Но с момента взрыва прошло много часов – немыслимо, чтобы капитан до сих пор не отправил на выручку целую флотилию, ведь в лагерь поступил автоматический отчет о катапультировании и координаты, где искать выживший экипаж. А главное, все коммуникаторы экспедиции были спроектированы так, чтобы уцелеть в жерле вулкана и на дне глубочайшей океанской впадины. Лаэллин не требовалось даже брать его в лапы, умный прибор сам определял нештатную ситуацию и принимался слать сигналы бедствия.

Лазерная платформа уничтожила дрон, в этом сомнений не было; однако погубить сверхпрочный аппарат на поясе хрупкой живой драконессы, не повредив при этом ее фактически беззащитное, по сравнению с коммуникатором, тело? Невозможно.

Точнее, погубить – невозможно, а вот отключить... Чтобы Лаэллин, коли выживет, не могла вызвать помощь из лагеря...

Растерянная дракона села на хвост. В разуме с подозрительной четкостью вспыхнуло дежавю: что–то подобное с нею уже приключалось. В другой жизни? Во сне? Смутно помнились лишь обрывки; холодное побережье, ветер, пятна снега... Обугленное забрало скафандра, тревожный писк бортового компьютера – нет энергии. Холод... Разряженный воздух, звон в ушах. Лапы ноют после многих часов невесомости...

Странные существа в одеждах из шкур. Степная гроза, одинокое дерево. Выстрел из лука, она ловит стрелу в полете... Чешуя на лапе почему–то не серебряная, а сверкающе– фиолетовая... Дождь... Одиночество... «Кто–нибудь, заберите меня отсюда...»

Лаэллин встряхнулась и, не без труда, отогнала глупые видения. Посидела в тишине, размышляя, как действовать дальше. Крыло не заживет еще минимум два –

три дня, а без полета ее возможности смехотворно малы. Благоразумнее было бы спокойно ждать спасателей; но, с другой стороны... Если катастрофу и впрямь подстроила Сиракс, здесь оставаться опасно. Красная ведьма не из тех, кто пускает все на самотек. С нее станется лично проверить результат.

«Спутники!» – вспомнила Лаэллин. Достаточно выйти на открытое место и выцарапать когтями крупный знак «Дракон в беде», чтобы в лагере сработала автоматическая сигнализация. Взбодрившись, крылатая защелкнула на себе пояс, осмотрела место аварии в поисках уцелевшего оборудования – безуспешно – и зашагала в сторону лесной опушки.

Идти пришлось недолго, минут десять. Скоро деревья стали редеть, впереди показался живописный луг, где паслись кони. Выбравшись на свет, Лаэллин прищурила глаза от резкого солнца и посмотрела вверх. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать увиденное.

Время близилось к полудню, раскаленное светило неподвижно парило в зените. До самого горизонта не было видно ни облачка, идеально голубой свод украшали только многочисленные дымные росчерки – словно всемогущий ребенок, играясь, разрисовал само небо длинными темными полосами.

Лаэллин оцепенела. Аборигенам зрелище могло показаться странным и даже тревожащим, но они ведь не знали, как выглядят сторающие в атмосфере спутники. Покачнувшись, драконесса впиалась когтями в землю. Разум на какое-то время охватил хаос.

Прийти в себя помог вид конного отряда, галопом несшегося к лесу со стороны едва угадывавшихся вдали очертаний высокого замка. Лаэллин оглянулась – позади, километрах в двух на юго-восток, к небу вздымался толстый столб черного дыма. Очевидно, взрыв дрона заметили в ближайшем человеческом поселении и сразу отправили туда воинов; сказывалась медлительность местных коммуникаций, ограниченных скоростью лошади.

Драконесса заколебалась. Вступать в открытый контакт с аборигенами было строжайше запрещено, по приказу Вхагара пришельцам следовало любой ценой не допустить раскрытия тайны своей видовой принадлежности. Но взрыв дрона, выход из строя коммуникатора и гибель разведывательных спутников свидетельствовали о

масштабной катастрофе. Надо срочно возвращаться в лагерь, но как, со сломанным крылом–то?! Быть может, на борту человеческой лодки?

«Шпион ведь все равно расскажет своим обо всем, что видел» – мрачно подумала Лаэллин. Однако, тут ей пришла в голову новая мысль: это лишь цивилизованные народы, привыкшие к мгновенной коммуникации на любых расстояниях, сразу узнают новости. Здесь же, где нет средств связи быстрее почтового голубя, минуют месяцы, прежде чем в большинстве городов и крепостей услышат о драконах со звезд!

Безусловно, приближающимся всадникам Лаэллин покажется местной драконихой – дикой либо прирученной, но никак не разумной гостьей с неба.

Крылатая моментально оценила преимущества и, пятась, бесшумно отступила под прикрытие деревьев. Люди, конечно, ее давно заметили, но вряд ли могли различить с такого расстояния детали.

Лаэллин быстро сняла пояс, спрятала его в густых кустах, к коммуникатору прицепила тесемку и повесила блестящий прибор на шею, будто декоративный амулет. Она лучше всех в экспедиции знала каждый нюанс, каждую повадку местных сородичей, и на миг даже улыбнулась, оценив иронию: человек Норд Уоррен внедрился в лагерь космонавтов под видом местного дракона, а сейчас она собиралась в точности так же внедриться к людям.

За пару дней, пока заживет крыло, серебряная красавица узнает немало интересного, подслушивая разговоры аборигенов, а быть может, сумеет и пораньше вернуться в лагерь, отыскав местную лодку! Драконша бросила взгляд на пострадавший сустав; наниты покрыли рану темно–красной корочкой, выглядевшей в точности, как запекшаяся кровь. Отлично.

Теперь оставалось только ждать. Когда отряд всадников доскакал до лесной опушки, Лаэллин встретила их настороженным шипением; она лежала под деревом и вылизывала раненное крыло. Люди некоторое время толпились поодаль, не решаясь приблизиться.

– Думаешь, дикий? – вполголоса спросил спутника один из возглавлявших отряд офицеров. Тот покачал головой:

– Седла нет, но погляди, какая она ухоженная, чистая. И спокойная – явно

привыкла к людям.

– Она? Это самка?

– Конечно. Самцы крупнее, у них грива жесткая и не блестит, рога длиннее, гребень тянется лишь до середины хвоста, лапы более мощные... Много отличий.

– А что у нее на груди блестит?

– Не знаю... – человек пригляделся и щелкнул пальцами: – Вроде медали?

– То есть дракониха особо ценная и породистая?

Офицер задумчиво потер подбородок.

– Зверюга расседлана, а пешком сбрую не унести. Скорее всего, тут пролетала королевская эскадрилья и ящерицу были вынуждены бросить из-за раненного крыла. Всадник продолжил путь на спине другого дракона.

– Бросили такого зверя? – недоверчиво переспросил второй человек. – Она ж сто́ит, как корабль!

– Гораздо, гораздо дороже... – офицер нахмурил брови. – Должно было случиться что-то ужасное, раз эскадрилья не могла оставить с нею хоть одного воина. Еще и эти полосы в небе... – он принял решение и оглянулся на отряд: – Алекс, Ронни, останетесь сторожить дракониху, пока мы узнаем источник пожара. Не приближайтесь и не дразните ее, даже раненный дракон вас шутя растерзает. На обратном пути заберем животное в замок.

– Поищите в округе следы, но не упускайте ящерицу из вида, – добавил второй рыцарь. По его знаку, отряд рывком снялся с места и, галопом, помчался к дымящему столбу вдаль. С Лаэллин осталось двое солдат.

Крылатая проводила всадников взглядом. Быстрота анализа и логичность их командира приятно удивляли. Общались люди на языке Элинии, но согласно картам, ближайшей эллинской крепостью в этих местах был городок Оррнир в трехстах километрах на юго-запад. Всадники никак не могли явиться оттуда.

«Как мало, на самом деле, мы знаем о людях...» – с горечью подумала драконесса. Несколько спутниковых снимков, отметка в атласе. А ведь за безликими точками скрывались чьи-то жизни, трагедии и устремления... Вздохнув, крылатая перевела взгляд на «стороживших» ее воинов. Те, в свою очередь, с любопытством глазели на редкого зверя.

– Как Мордвейг собирается тащить ее в замок? – вполголоса спросил один, длиннолицый и тощий, со смешно оттопыренными ушами. Второй – молоденький, кареглазый, веснушчатый, уступал товарищу ростом на целую голову. Оба носили длинные кожаные кафтаны до колен, укрепленные пластинами тусклого металла и подпоясанные широкими черными ремнями. Грубовато вышитый герб на груди у каждого не был знаком Лаэллин; изучать только по снимкам местную геральдику было чрезвычайно трудно. Вышивка изображала некое животное, похожее на помесь единорога с крылатым львом; стоя на задних лапах, это существо держало передними рыцарский щит с шахматной закраской. Девиз, вышитый полукругом над гербом, драконесса прочесть не сумела.

– Большущая какая... – протянул молодой солдат. – Я их раньше только издали видел, в небе пролетали.

– Большая, угу, да безмозглая, – кивнул длиннолицый. – Твой конь ее вдвое умнее.

– Да ладно!

– Верно говорю. Дракона испугаешь – он голову под крыло прячет и замирает, потом хоть оглоблей колоти, не шевельнется. Сам видел.

– Видел, как дракона колотили оглоблей? – молодой прыснул со смеху. – Ну заливаешь!

– Ладно, не оглоблей... А как ногами били – видел, – огрызнулся тощий. – Пару лет назад гонец из форта МакГроувс летел через нашу деревню и приземлился зверя покормить да отдых дать. А тут кузнец ехал на телеге, груженной противнями, лошадь дракона учуяла, на дыбы встала. Грохот был адский, сбежалось полдеревни. А ящер со страху в клубок скрутился да так и застыл. Уж как его гонец крыл, пинал со всей дури, орал, поливал из ведра – ни хрена. Так и пришлось до вечера ждать, пока зверь успокоится...

Оба солдата расхохотались. Лаэллин с большим трудом сохранила невозмутимый вид и продолжила вылизывать рану.

– Ладно, ты стереги, а я поброжу в округе, следы поищу, – решил длиннолицый солдат. – Коли дракониха вдруг подняться удумает, на пути не становись – опасно. Спокойно иди следом. Никуда она с одним крылом не денется.

– Давай.

Юноша отошел к своей нервно фыркавшей лошади, долговязый скрылся в лесу. Потянулись долгие, напряженные минуты.

Хотя внешне драконесса и сохраняла иллюзию спокойствия, сердце ее сжималось от тревоги. Что произошло с дроном и спутниками, каким образом отключился коммуникатор? Единственное объяснение, приходившее в голову – сильнейший всплеск темной энергии. Теоретически, подобное могло бы разом вывести из строя всю технику экспедиции, но еще быстрее погибли бы сами драконы, связанные с огненным океаном Тамас на клеточном уровне. К тому же, инерционность бесконечного энергетического измерения была такой, что для крохотной вспышки пришлось бы взорвать несколько материальных галактик.

Других идей просто не было. Даже если лазерные платформы уничтожили дрон и спутники, это не могло повредить коммуникатор. И каким образом, во имя солнца...

Тяжелый арбалетный болт ударил Лаэллин в надбровную дугу, промахнувшись мимо глаза всего парой сантиметров. Чешуя выдержала, но толчок был такой, что голова драконессы мотнулась в сторону, как надувной шарик. Получив легкое сотрясение мозга, Лаэллин грузно упала на бок, однако инстинкты спасли ей жизнь – драконесса успела накрыться крылом, отразив второй, более точно направленный арбалетный болт.

– Какого хрена?! – ошарашенный молодой солдат в полном недоумении уставился на своего спутника. Длиннолицый стоял на опушке леса и перезаряжал арбалет. – Ронни, ты спятил?! Нам же приказывали не трогать яще...

Долговязый молча, без малейших эмоций, выстрелил в товарища. Болт вонзился несчастному юноше в лицо, голова дернулась назад с такой силой, что был слышен громкий хруст переломанных позвонков. Не успев даже вскрикнуть, солдат мешком упал на землю.

У Лаэллин перед глазами мерцал черный шар. Голова страшно кружилась, драконессу тошнило и в лапах чувствовалась слабость. Однако сознания она не теряла, и сквозь мутную пелену боли сумела заметить судьбу молодого человека.

Предпринять что– либо, впрочем, Лаэллин не успела; длиннолицый солдат, отбросив бесполезное оружие, подбежал к упавшей драконице и захлестнул ей

арбалетную тетиву на самой тонкой части горла, под челюстью. Сунул в петлю кинжал, резко крутанул. Лаэллин с хрипом схватилась за удавку.

Долговязый попытался еще раз прокрутить клинок, однако драконесса нащупала его кисть и так сдавила, что кости жалобно хрустнули. Солдат не издал ни звука. Перехватив оставшейся рукой кинжал, он принялся дико, бешено наносить удары Лаэллин по лицу, пытаясь попасть в глаз.

Это ему не удалось, поскольку драконесса рывком дернула его вниз за покалеченную кисть. Солдат упал на землю, Лаэллин приподнялась на здоровом крыле и наступила ему тяжелой лапой на спину. Даже сейчас он не закричал и продолжил отбиваться, полосуя клинком непробиваемую серебряную чешую. Растерянная и, не на шутку испуганная, Лаэллин с трудом перевела дух.

Голова по-прежнему страшно кружилась, но опасность помогла рассудку проясниться. Человек вел себя не как живое существо. Драконица слишком хорошо знала подобные симптомы, но верить пока не могла – мешала вековая, выжженная в душе убежденность. Шесть столетий мирной жизни не кончаются вот так, за секунду. Не имеют права. Не должны...

Шумно выдохнув сквозь ноздри, Лаэллин перевернула отбивающегося солдата на спину. Кинжал чиркал по ее лапе, выбивая искры, на длинном лице человека не отражалось никаких чувств – он всего лишь хладнокровно, целенаправленно пытался исполнить задачу. Драконица зацепила когтем здорового крыла удавку, все еще болтавшуюся на шее, и в гневе ее сорвала. Выпрямилась, потрясла головой, прогоняя болезненную муть. Огляделась.

Долговязый провел в лесу минут пять, не больше. Это могло значить только одно: враг следовал за Лаэллин вплотную, и не нападал до сих пор лишь потому, что не имел шансов на победу. Появление вооруженных людей дало ему надежду.

Серебряная красавица потянула носом воздух. Закрыла глаза, формируя в разуме карту запахов. Пospеть на место аварии дрона с такой скоростью можно было только с использованием неведомой в этом мире техники, либо... на крыльях? Лаэллин рывком склонила голову к траве и бросилась вперед.

Следы долговязого человека были четкими. Вот он направился прочь от лесной опушки, неторопливо и спокойно. Обошел куст, чуточку постоял. Расстояние между

следами стало шире – солдат что–то заметил и ускорил шаг.

Метрах в ста, у ствола молодого клена, Лаэллин нашла заинтересовавший человека объект. Бездвижное тельце крупной совы валялось в траве, оба крыла были сломаны и почти вырваны из суставов: солдат отчаянно защищался, но шансов у него не было. Драконесса быстро осмотрела мертвую птицу, ощупала ей зоб. Стиснув зубы, вспорола тонкую кожу когтем и вынула окровавленный, совсем небольшой – с ноготь взрослого человека – аквамариновый кристаллик.

На мгновение, у Лаэллин закружилась голова и гулко, безжалостно дернулось сердце. Все правильно; без помощи таких кристаллов, звавшихся «наарен», примитивный головной мозг птиц и других животных не мог поддерживать паразитную матрицу сознания. То ли дело человек или дракон... Но враг явно спешил, иначе не бросил бы наарен, сменив носителя. По какой–то причине ему срочно, немедленно требовалось погубить безобидную и добрую серебряную драконессу.

«Им известно, кто я такая» – отчетливо поняла Лаэллин. Вот почему «сова» даже не пыталась самостоятельно захватить сознание драконицы. Враг, определенно, уже встречал бойцов Легиона Аоки и рисковать не собирался: атака на дрон имела четкую цель. Убить Лаэллин.

Хрипло вздохнув, крылатая подняла лапу к правому рогу и отвинтила его кончик. Она не думала, что еще когда–либо в жизни это потребуется. Внутри мастерски стилизованного под настоящий рог протеза, находился крохотный прибор, видом напоминавший радужную хрустальную ампулу.

Лаэллин молча поднесла аппарат к найденному кристаллу. «Ампула» зажглась красным, перечеркнув последние надежды на ошибку. Больше не оставалось ни сомнений, ни отходных путей. Кошмар возрастом в шестьсот лет вернулся.

Драконесса на миг зажмурилась. Что ж... Теперь все понятно. И гибель дрона, и отключение коммуникатора... Отсюда надо срочно уходить, Аяр едва ли отправили только одного агента убедиться в смерти Лаэллин. Скорее всего, обнаружив, что опасная драконесса жива, один из них помчался назад с сообщением, оставив второго следить за противницей.

Лаэллин быстрым шагом вернулась к человеку, все еще валявшемуся без памяти неподалеку от трупа его юного товарища. Бедняга–солдат, он стал первой за шесть

веков жертвой в кошмарной войне... Сузив зрачки, драконесса перевернула долговязого на спину.

Уложив наарен солдату на лоб, драконесса коснулась кристалла «ампулой». Прибор выпустил сотни тончайших, почти невидимых электродов, и впервые за долгие века драконесса оцепенела, глядя как земля, безоблачное небо и само Солнце внезапно утратили краски. Стих ветер, бабочка застыла в полете. Мир остановился.

Около секунды отвыкший мозг Лаэллин пытался приспособиться, но ему не позволили – включились рефлексы. Века боевого опыта и уникальная подготовка, некогда пройденная драконессой у легендарной воительницы Аоки.

Расслабиться, опустить ментальный блок. Пусть враг решит, что перед ним обычный дракон. Не перестараться: крылатые всегда сопротивлялись Аяр, паразит не должен ничего заподозрить. Вот так... Умница...

Лаэллин ощутила прекрасно знакомое ей чуждое присутствие в разуме. Впервые подобную технику применил к ней еще Кауран, таинственный черный маг из настолько далекого прошлого, что сама память о нем могла бы сейчас послужить оружием. Но серебряная драконесса имела в арсенале куда более действенные приемы.

Почти не напрягаясь, она симитировала ужас и отчаянные попытки простого дракона избавиться от паразита. Аяр, что пытался сейчас перебраться в кристалл из разума солдата, не сразу понял, с кем встретился; наиболее опытные бойцы Легиона Аоки, включая и Лаэллин, умели почти безупречно маскировать от Аяр свою истинную природу, пользуясь этим приемом чтобы «выманивать» паразитов, не причиняя вреда их жертвам.

Едва враг подавил, как он думал, сопротивление добычи и потянулся жадными щупальцами к ее памяти, Лаэллин нанесла первый удар. Ее физиологически измененный мозг был полностью защищен от Аяр, и тот моментально это почувствовал, но слишком поздно – драконесса внедрилась в его только начинавшую отступать структуру и, беспощадно, отсекала от энергетического плана. Побег стал невозможен.

«Сюрприз!» – послала она свирепую мысль.

Аяр излучил сгусток чудовищного, патологического ужаса. Теперь он был в полной власти драконессы, и та не преминула этим воспользоваться. Ее

тренированный разум впился в структуру паразита, беспощадно рассекая мириады тончайших энергетических нитей, волшебную вязь, именуемую жизнью.

Мгновения ментальных конвульсий, жалкие попытки сопротивления, и битва закончилась. Впервые за шесть веков Лаэллин убила живое существо и, хотя Аяр был безжалостным хищником и врагом – его смерть едва не остановила ей сердце.

Чудовищным усилием воли придя в себя, драконесса разорвала Обратную Паутину, как звалось состояние застывшего субъективного времени. Зрение ненадолго помутилось, по лапам прошла легкая дрожь – любой обычный дракон или человек после «Обратной Паутины» впадал в кому. Лаэллин стиснула зубы.

– Не дергайся, – сказала она полумертвому солдату на земле. Тот, разумеется, помнил обо всем, что произошло – это было проклятием каждой жертвы Аяра. В глазах человека отражался такой ужас, что Лаэллин невольно сглотнула.

– Ты невиновен в смерти товарища, – сказала она жестко. – Тебя использовали, как оружие.

Драконесса сняла лапу с груди человека и отступила на шаг. Вернула «ампулу» в полый рог, спрятала туда же наарен. Завинтила кончик.

– У тебя раздроблено запястье и сломаны ребра. Не шевелись. Я окажу медицинскую помощь.

– Больно... – прохрипел долговязый. Лаэллин горько улыбнулась.

– Да, больно. Не будь меня рядом, ты потерял бы руку.

Она отошла к кустам, где спрятала пояс, и вернулась с баллончиком нанитов. Аккуратно распылила их над ранами солдата.

– Ты... Говоришь! – выдохнул тот, с ужасом и благоговением глядя на драконессу. Лаэллин передернула здоровым крылом:

– Не все драконы безмозглы.

– Что... это... было? – солдат в муке зажмурился. – Я все видел... Но не мог... Сопrotивляться... Как будто плохой сон!

Крылатая хмуро кивнула.

– Это и было плохим сном. Более шестисот ваших лет. А теперь... – она содрогнулась. – Вам лучше не знать, что теперь будет.

Лаэллин опустила голову и несколько секунд молчала, собираясь с мыслями.

– Лекарство скоро подействует, рука заживет, – мертвым голосом сказала она после паузы. – Возвращайся к товарищам и начинайте уводить людей в горы, подальше от населенных пунктов. Следите за странно ведущими себя птицами и животными, не оставляйте коней без присмотра ни на миг. Старайтесь держаться крупными группами и будьте готовы, что любой – даже сын или брат – может внезапно превратиться в безжалостную машину смерти, такую же, какой недавно был ты.

Солдат в ужасе смотрел на драконессу.

– Как... Как с ЭТИМ бороться? – выдавил он, наконец.

– Людям – никак, – глухо отозвалась Лаэллин. – Бороться будем мы. А вам остается лишь надеяться, что у нас все получится. Прости. Этого врага мечами да стрелами не одолеть.

Поднявшись, серебряная драконесса с трудом сложила на спине потрепанные крылья и ровным, размеренным шагом направилась к морю.

Человек долго провожал ее взглядом.

Глава 13

Аэрокар был красивой, спортивной машиной, никогда не предназначавшейся для боевого применения и поэтому не имевшей систем активного камуфляжа. Когда Сиракс прятала его в роще, трое суток назад, ей пришлось использовать обычную маскировочную сеть, не претерпевшую изменений с доисторических времен.

Метрах в десяти от машины алая драконница толкнула Норда в плечо, заставив разведчика упасть на бок, а сама подошла к аэрокару, одновременно выключив невидимость. Быстро, умело освободила аппарат от маскировки, смотала сеть в плотный рулон. Не оглядываясь на Норда, тронула сенсорную площадку у люка.

Машина хранила безмолвие. Сиракс на миг оцепенела от неожиданности, но сразу пришла в себя и включила невидимость. Шаги драконессы, и так отличавшиеся подлинно– кошачьей грацией, стали совершенно беззвучными.

Некоторое время Норд беспомощно озирался, пытаясь уловить по слабому колыханию воздуха, где сейчас Сиракс. Тщетно; в лесу ее камуфляж был совершенен. Довольно долго ничего не происходило, лишь тяжело глотал воздух связанный

разведчик.

Прошло несколько минут и свирепая драконесса, наконец, вернулась. Отключив невидимость, она присела рядом с пленником и бросила на него напряженный взгляд. Рывком содрала путы с его пасти.

– Ты украл аппарат для полетов, где он? – спросила ровным голосом.

Норд стиснул зубы.

– Я буду говорить только с капитаном.

– Допросами аборигенов занимается отдел безопасности, не Вхагар, – сухо отозвалась драконица.

– Плевать. Ты дикое животное, я не разговариваю с животными.

– Прааааавда? – глаза Сиракс сузились.

Норд клацнул зубами.

– Можешь и дальше пытаться.

Крылатая помолчала.

– Я спрашиваю не о секретах людей, а о подло украденном тобою аппарате, – сказала Сиракс холодно. – Нашем аппарате. Кажется, понятие воинской чести тебе знакомо?

Норд дернулся:

– Ты! Ты смеешь рассуждать о воинской чести?! Только что растерзавшая двух невинных людей?!

Алая драконесса усмехнулась краями губ.

– На войне все виновны.

– Между людьми и драконами нет войны!

– Это тебе твоя серебряная подстилка сказала? – Сиракс оскалила клыки в недоброй усмешке. – Она хоть предохранялась, когда задирала перед тобой хвост?

Разведчик окинул алую бестию взглядом, полным ненависти и презрения.

– Ты не стоишь одной чешуйки мудрой Лаэллин. Если б все драконы были такими, как она...

– ...нас бы до сих пор разводили на мясо! – рявкнула Сиракс, нависнув над пленником и свирепо разинув пасть, откуда на лицо Норда капала слюна. Драконице потребовалось заметное усилие, чтобы сдержать гнев, из ее ноздрей тянулись тонкие

струйки дыма.

– Ладно, – выдохнула она, опомнившись. – Ладно. Попробуем иначе. Знаешь ее? – Сиракс вытащила из кармашка на поясе фотографию и сунула разведчику под нос.

В разуме Норда взорвался мутный шар. Целую секунду он не мог с собой совладать, но наконец, одолев шок, заставил себя отозваться почти спокойно:

– Никогда не видел, – голос предательски дрогнул. Алая драконица сочувственно покивала:

– Какая досада. А я–то старалась, выслеживала ее у замка Уолтера Арди... – в глазах Сиракс мелькнула злая насмешка. – Сочная была самочка, кстати. Мне на один зуб, но ты, должно быть, проводил с ней немало приятных ночей, пока был обезьяной...

От ярости у Норда помутилось в рассудке и прежде, чем он успел обуздать неконтролируемый гнев дракона, разведчик вскинул голову и выдохнул клуб палящего огня прямо в алую бестию. Сиракс даже не вздрогнула, хотя вокруг нее загорелась трава.

– Так и продолжай, да, – кивнула она спокойно, глядя на пленника с усмешкой. – Привлекай побольше внимания, пусть сюда явится много– много– много людей.

Норд чудовищным усилием воли обуздал слепое бешенство. Фотография сгорела, но лицо Кави он не забыл бы и за сто лет.

– Откуда вам стало про нее известно? – хрипло прорычал разведчик. Сиракс улыбнулась.

– Обижаешь. Мы с капитаном вычислили тебя на вторые же сутки, но отложили арест, чтобы провести совместный допрос с этой желтоволосой зверюшкой. Я доставила ее в лагерь незадолго до твоего побега. Она сейчас там, отдыхает в моем отделе, – Сиракс подмигнула разъяренному Норду. – Пока живая.

– Если с Кави... – разведчик задохнулся и начал снова: – Если с девушкой что–то случится...

– Ее судьба зависит от тебя, – резко оборвала красная драконица. – Будешь послушным, подружку доставят домой, целой и невредимой. Ну, а коли не будешь... – Сиракс легонько развела крыльями и усмехнулась.

Глаза Норда налились кровью, гребень шипов стоял дыбом. Рассудок вновь, как во время огненного танца, начал темнеть, выпуская на волю сознание бедного Малахита, однако разведчик вовремя это почувствовал и сумел побороть отчаянным напряжением воли. Только не сейчас. Только не здесь.

– Я утопил аппарат, когда тот перестал работать, – прорычал Норд. Сиракс встрепенулась:

– Как именно перестал? Опиши точно!

– Он заискрился и... все. Больше не работал.

– Когда это случилось?

– Трое суток назад, ночью. Я думал, драконы меня отыскивали.

Сиракс стиснула зубы, бросила взгляд на мертвый аэрокар.

– Ясно...

Норд проследил за ее глазами и вздрогнул.

– Твоя машина тоже сломалась? – спросил быстро. Сиракс метнула на разведчика настороженный взор:

– Может быть.

– Трое суток назад, примерно в то же время, когда аппарат перестал работать, люди в городе наблюдали огненные следы по всему небу, – напряженно сказал Норд. – Это падали ваши «спутники», верно? Поэтому меня и не нашли?

Он ахнул и подался вперед:

– Что-то сломало разом все ваши колдовские машины?!

Алая драконша сильно вздрогнула, отпрянула на шаг. Молча сорвав с пояса блестящий диск, потыкала в него когтем. Зрачки Сиракс расширились.

Не обращая более внимания на Норда, крылатая выхватила из потайного кармашка на поясе небольшую серебристую штучку и подсоединила ее к диску, что держала в лапе.

– Военная частота. Аварийный вызов. Ответить всем, кто слышит. Повторяю, военная частота. Аварийный вызов. Ответить всем, кто слышит.

Прибор молчал. Пораженная дракониха взглянула на небо, несколько секунд стояла совершенно неподвижно. Затем, опомнившись, встряхнулась и подбежала к аэрокару.

Раздвинув на дверях незаметные прежде заслонки, Сиракс вставила коготь в открывшийся лючок и с лязгом отодвинула какую-то деталь. Входная аппарель машины, шипя сжатым воздухом, плавно опустилась на землю.

Внутри царила полная тьма и пахло гарью. Алая драконица молча вернулась к Норду, схватила его за рог и потащила к аэрокару.

– Что ты делаешь?! – прорычал разведчик.

– Должна отлучиться ненадолго. Посидишь тут. – она зашвырнула пленника в машину, будто тряпичную куклу, рывком подняла тяжелую аппарель одной лапой и, удерживая ее закрытой, вновь сместила когтем защелку в отверстии.

– Лежи смирно! – крикнула Сиракс напоследок и прынула в небо, с места набрав такую скорость, что за секунду превратилась в алую точку на горизонте.

Внутри мертвого аэрокара Норд остался в темноте. Пару минут он хранил молчание, вслушиваясь в звуки снаружи – не верилось, будто свирепая красная зверюга так просто оставила его одного. Но все было тихо, и разведчик понял: вот он, единственный шанс освободиться.

Путы, которыми были связаны лапы, крылья и хвост, не поддавались ни на дюйм. Пару секунд Нордом владело отчаяние, однако он вспомнил, что больше не является человеком и должен мыслить по-новому. Сглотнув, разведчик изогнул свою длинную, гибкую драконью шею, и без особого труда сумел заглянуть за собственную спину. Рассмотрел узел поближе.

Материал, из которого были сделаны путы, цветом напоминал медь – тускло-блестящий, маслянистый. Но это не был металл, Норд ткнул в него носом и не ощутил холода. Попробовал перекусить – чуть не сломал зуб. Оставался последний вариант, и разведчик отчаянно боялся его использовать.

«Выхода нет» – сказал себе Норд и, зажмурившись, дохнул огнем на собственную спину. Сжался, готовясь к боли от ожогов, но ничего не случилось – пламя спокойно лизало чешую. Ощущениями это напоминало теплые серные источники, где Норд много лет назад пытался лечить опухоль на груди.

Опешив от неожиданности и радостно улыбнувшись, дракон вторично дохнул огнем на путы, уже сильнее, но их материал отказывался плавиться, хотя раскалился докрасна и светился во тьме. Норд с досадой перевел дух.

Точнее, попытался перевести дух – огонь сжег в тесном тамбуре весь кислород, и дракону стало нечем дышать.

Неконтролируемая, животная паника захлестнула разум. Норд забился в путах, разевая пасть, как выброшенная на берег акула, но судорожные попытки вдохнуть не помогали – воздуха вокруг просто не было. Сознание стремительно гасло... И вновь, как во время огненного танца, из глубин разума вынырнул настоящий хозяин драконьего тела.

Малахит дернулся, открыл пасть – он ничего не понимал. Темно! Лапы не двигаются! Крылья болят! Нечем дышать?! От страха юный дракон закричал и попытался инстинктивно скрутиться в клубок, но путы мешали. Малахит в бешенстве оглянулся, дернулся изо всех сил. Тьма и удушье внезапно вызвали в нем чудовищный выплеск гнева, глаза ящера загорелись пурпуром и Малахит, совсем как тогда, в небе, выдохнул палящее плазменное облако.

На такое не были рассчитаны ни путы Сиракс, ни обшивка аэрокара. В клубах всепожиряющего пламени Малахит освободился, разорвал лапами плавящийся металл борта и прыгнул в небо, навстречу свежему воздуху, прочь из тьмы и кошмаров!

Он давно не летал, и сейчас мчался ввысь со всей мощи, смеясь и разгоняясь сильнее. Солнце озаряло мир под драконьими крыльями, ветры прогнали запах гари и отвратительную машинную вонь. Малахит заложил вираж, еще один, начал кувыркаться в небе, свободный, полный юного ликования. Он не хотел вспоминать о жуткой темнице, удушье, злом демоне в голове. Дракон был счастлив.

Но одно, особенное воспоминание толкалось в разум, тревожило сердце. Малахит гневно фыркнул, помотал головой. Вот еще! Как можно думать о плохом в такой день! Ну что, что? Он нехотя позволил мысли сформироваться, и ясно ощутил, как дыбом встает гребень и на лапах выдвигаются когти.

Кави!

Любящая, заботливая Кави! Ей грозит опасность?! Нет. Нет, нет, так не может быть, Кави всегда рядом, она угадывает желания, приносит лакомства... С ней весело играть!

Яростно выдохнув клуб пламени, Малахит спикировал обратно к догоравшему аэрокару, шумно захлопал крыльями, приземлился и начал лихорадочно озираться. Где

Кави? Куда лететь?! Запах! Молодой ящер зажмурился и втянул носом воздух. Гарь... Вонь металла... Мерзкий сладковатый аромат крови... Ну же!

АГА! Пахнет незнакомым драконом, самкой. Малахит напряг память. Да... Вот она, красная – ее видел демон. Грива заплетена в косички, смешная! Что она говорит? Про Кави?!

«Я доставила ее в лагерь незадолго до твоего побега. Она сейчас там, отдыхает в моем отделе. Пока живая...»

Малахит в бешенстве издал охотничий вопль и с места рванулся в небо. Запах недавно промчавшейся здесь алой драконицы был прекрасно различим и вел к океану.

– Растерзаю!!! – прорычал молодой дракон, стремительно набирая скорость. Он летал быстрее всех в инкубатории, а по силе ему и вовсе не было равных в королевстве. Тот, кто обидит Кави... ЕСЛИ кто-то настолько глуп, что обидел Кави!!!

Из глубин разума вновь попытался выбраться злой демон, но Малахит был так разъярен, что отшвырнул непрошеного гостя на самое дно подсознания.

– Прочь! – рявкнул он во всю силу легких. Демон не сдавался, однако на сей раз решил изменить тактику и, вместо того, чтобы пытаться захватить контроль, позвал молодого дракона по имени:

«Малахит!»

– Оставь меня! – прорычал ящер, бешено работая крыльями.

«Я знаю, где Кави! Я помогу спасти ее! Но ты должен меня выслушать, иначе мы оба погибнем!»

Кави!

– Где она?!

«Обещай, что будешь слушаться. Нам придется помогать друг другу, иначе Кави не спасти. Понимаешь? Ты сам ее не спасешь, и я сам –тоже. Только вместе. Вместе!»

Юный дракон гневно клацнул зубами:

– Ты злой! – крикнул он демону.

«Я не злой. Я друг Кави. Посмотри мою память» – перед мысленным взором Малахита загорелась картина, как он сам – нет, кто-то в его теле! – весело разговаривал с Кави, а та учила его махать крыльями, двигать хвостом. Это было так странно, что молодой дракон растерялся и даже немного сбавил скорость полета. Но вскоре

лихорадочные поиски ответа привели его к новой, внезапной мысли, и Малахит заревел от ярости:

– Я понял! Ты влез ко мне в голову, и Кави решила, будто это я!!! Ты обманул ее!!!

«Нет! Нет, она все знала, вот, смотри сам...» – новая картина. Кави и демон в теле Малахита отдыхали у костра.

«А я его любила» – Кави закрыла лицо ладонями. – «Малахит был веселый и преданный, совсем не злобный, как другие. И такой понятливый! Мы с ним каждую неделю летали купаться на озеро, он играл в воде, ну чисто котенок! А когда мне приказали отобрать для его светлости лучшего дракона... Я же не знала, с какой целью...» – она расплакалась. У настоящего Малахита, впервые увидевшего эту картину, сердце сжалось от тоски и обиды.

– Она все знала?.. – выдавил он, стараясь обуздать чувства.

«Да, знала, и тосковала о тебе. Но она понимала, что так было нужно. Вот, смотри...» – новое воспоминание вспыхнуло перед мысленным взором дракона:

«Кави», – ласково произнес демон его собственным голосом, – «Не плачь. Твой Малахит не мертв, он до сих пор здесь, во мне...» – демон постучал по груди. – «Я же уцелел, когда мной завладел Даглас? Кроме того, разве мог бы я так быстро освоиться в абсолютно чуждом, бесконечно далеком от человека теле дракона, если б сам дракон меня не впустил?»

Кави подняла покрасневшие глаза:

«Но... Как же...»

«Ты о таком не задумывалась, верно?»

Девушка сглотнула, утерла слезы большой мозолистой ладонью.

«А вы его чувствуете?» – спросила с отчаянной надеждой в голосе. – «Воспоминания, или... Любовь?...»

Демон, нехотя, покачал головой:

«Нет, Кави. Не чувствую. Но это не значит, что его во мне нет – душа многогранна, ее тайны не ведомы никому. Вполне возможно, мы просто мыслим чересчур по-разному, чтобы слышать друг друга»

Соломенноволосяя поникла, но дракон видел: искренний ответ произвел на нее

впечатление.

«Простите, сир» – выдавила девушка после длительной тишины. – «Простите. Малахит был замечательным, добрым и ласковым, но, увы, все же зверем. А вы человек, благородный и бесстрашный, вы отказались от всего ради блага страны, а сейчас готовитесь к самому опасному подвигу, о котором мне доводилось слышать. Думаю...» – она всхлипнула, – «Если б Малахит умел мыслить... Он был бы горд, что его тело досталось такому смельчаку...»

Потрясенный дракон забил крыльями и повис в воздухе на огромной высоте.

– Кави так сказала?! Кави?! – вырвалось у него.

«Она любила тебя, но понимала, что в трудный час надо идти на жертвы» – сурово отозвался демон. – «Я же не просто так решил стать драконом, Малахит. Я воин, человек по имени Норд Уоррен. Пользуясь твоим телом, я хотел проникнуть в лагерь врагов, которые сжигали наши города и похищали из королевства твоих сородичей!»

Юный крылатый был поражен, растерян и подавлен. Однако его природная, почти детская наивность уже испытала такие удары, что слепо всему верить Малахит теперь не спешил. Закрыв глаза, он напряг память, как делал недавно, ища следы Кави. Демон начал сопротивляться, но дракон его больше не боялся и легко превозмог.

К ужасу и боли Малахита, воспоминание оказалось подлинным. Дракон еще раз пережил тяжкий разговор с Кави, на сей раз своими собственными глазами. Моргнул пару раз, утер непрошенные слезы.

– Она думала, я погиб! – прорычал юный ящер, загребая воздух крыльями, тяжело дыша. – И ты тоже так думал. Ты даже не вспомнил про меня, когда решил стать драконом!

Демон долго не отвечал.

«Ты прав», – произнес он наконец совсем тихо. – «Тогда я не вспомнил о тебе, поскольку считал драконов простыми животными, как лошади и собаки. Но раз ты видишь мою память, ты должен понимать, как сильно я с тех пор изменился»

– Я очень многого не понимаю в твоих мыслях, – чуть тише сказал Малахит. – Но я быстро учусь.

«Это заметно» – мрачно буркнул демон.

Дракон помотал головой:

– Прежде я не умел говорить с людьми. Почему мы сейчас понимаем друг друга?

«Прежде и я не ощущал твоего сознания, но враги, в чьем логове я побывал, что-то записали нам в мозг. Они проделывают подобное со всеми украденными драконами, обучая их основам речи. Как только это случилось, я стал чувствовать твое присутствие у себя в голове – будто разум дракона, спавший до этого дня глубоким сном, неожиданно пробудился...»

Малахит вновь перешел в горизонтальный полет, быстро набирая скорость.

– Не в «твоей» голове, а в моей! – прорычал он в гневе.

«Да. Так получилось, что теперь мы вместе живем в твоём теле. Но мы не враги, понимаешь? Мы – одно целое и должны дружить. Если хотим спасти Кави. Ты ведь хочешь ее спасти, да? Кави в опасности! Ей нужна помощь!»

– Как помочь?! – вырвалось у Малахита из самого сердца. Демон отозвался мгновенно:

«Обещай, что будешь слушаться»

– Никогда! – молодой дракон гневно встопорщил гребень. – Где Кави?!

«Мы оба погибнем, если ты продолжишь преследование»

– Вот еще!

Пауза.

«Малахит, нам не одолеть красную самку. Она... злая колдунья. Смотри, я открываю свою память, всю без остатка – убедись сам, я не лгу. Если хочешь спасти Кави, если хочешь сегодня не погибнуть – выслушай!»

– Я выслушаю, но с пути не сверну, – яростно предупредил юный дракон.

«Ох... Тогда запоминай: скоро впереди появится остров, где прячут Кави. Остров, понимаешь? Земля, окруженная водой. Если обитатели острова нас увидят, они растерзают нас в клочья. Поэтому тебя не должны видеть. К счастью, вся северная часть архипелага... берега, к которому мы как раз и приближаемся в этот миг, оставлена в качестве вольера для диких драконов. Ты должен притвориться диким, не умеющим мыслить животным, иначе нас просто убьют – и Кави тоже погибнет!»

– Ладно! – яростно фыркнув, Малахит напряг крылья и начал набор высоты.

Разведчик мысленно «перевел дыхание». Юный дракон мчался со скоростью

двухсот миль в час, он должен был покрыть девяностомильный пролив Храбрых Покойников менее, чем за тридцать минут. Не так уж и много времени, чтобы придумать план.

Норд впервые летел «в собственном теле» и против воли наслаждался тугими потоками ветра, бившими в грудь. Никакого сравнения с похищенным у инопланетян аппаратом! Разведчик чувствовал ткань воздуха перепонками крыльев, скользил по невидимым склонам – это была совершенно новая, недоступная прежде грань жизни, для описания которой в человеческом языке попросту не имелось слов. Пожалуй, впервые со дня преобразования в дракона, Норд искренне и всем сердцем завидовал Малахиту.

Минуты утекали за минутами, дракон стрелой мчался в небе, а плана действий так и не рождалось. Разведчик понимал, что Малахита не переубедить, да и сам разделял его гнев: бросить Кави в лапах у Сиракс было немислимой подлостью, девочка и так натерпелась за свою недолгую жизнь. Но как ее спасти? О прямой схватке с красной драконицей не могло быть и речи. Единственная идея, обещавшая хотя бы призрак надежды – слиться с дикими драконами в «вольерной» части архипелага и затем, ориентируясь по обстановке, выкрасть пленницу. Этот план он и пытался объяснить Малахиту.

Юный дракон полностью захватил контроль над телом, и Норд был не в силах его вытеснить. Прежде, когда это случилось – во время огненного танца – Малахит был растерян, напуган и не имел мощнейшего стимула к борьбе, страха за друга. Но сейчас он, по сути, пробудился от многолетнего сна и стал тем, кем должен был быть с вылупления: гордым и благородным разумным существом. Конечно, молодой дракон до сих пор оставался наивным ребенком, не видевшим за всю жизнь ничего вне стен королевского инкубатория, но его личность прогрессировала с такой скоростью, что в ближайшие месяцы...

Если они, конечно, будут, эти месяцы. Разведчик надеялся, что неведомая катастрофа, погубившая спутники и летучую машину Сиракс, отвлечет на себя достаточно внимания. К тому же, только безумец добровольно вернулся бы в логово врага после чудесного побега, так что Норд вполне обоснованно мог быть уверен, что его не ждут.

Однако, в первую очередь, следовало позаботиться о маскировке. Когда впереди показался крохотный необитаемый островок, один из дальних предвестников архипелага, разведчик позвал Малахита:

«Опустись на берег и дай мне, ненадолго, контроль над телом», – сказал Норд.
– «Тебе придется стать черным драконом, иначе враги нас легко узнают»

Крылатый, послушно, спланировал на пляж, но уступать человеку контроль не спешил:

– Я никогда тебя больше не выпущу, – твердо отозвался Малахит. – Ты снова посадишь меня в темноту.

«Я не хочу сажать тебя в темноту!» – резко возразил Норд. – «Мы должны доверять друг– другу, если желаем спасти Кави. Сейчас ты управляешь телом, я наблюдаю. На короткое время мы должны поменяться»

– Я не вернусь в темноту! – упрямо возразил дракон. Разведчик мысленно вздохнул.

«Больше никакой темноты», – сказал он ободряюще. – «Даю слово. Мы должны стать друзьями, иначе Кави погибнет»

– Как дружить, если ты способен отнять у меня свет? – спросил Малахит.

Норд слегка растерялся.

«Так получилось...»

– Ты уйдешь, когда все закончится? Вернешь мне свободу?

Разведчика буквально передернуло.

«Мне некуда уходить» – отозвался он после долгого молчания. – «Мое настоящее тело мертво»

Малахит опустил голову.

– Значит, я навсегда останусь... рабом? – произнес он едва слышно.

«Ты не раб!»

– А кто? – горько спросил юный дракон.

Норд запнулся, но ответ внезапно пришел сам:

«Мой напарник» – ответил человек, сам пораженный простотой и искренностью этих слов.

Малахит удивленно встопорщил гребень.

– Напарник? – переспросил он в растерянности.

«Конечно. Я офицер на службе короля, разведчик. А ты – мой напарник»

Дракон умолк надолго.

– Я вижу, о чем ты думаешь, – сказал он наконец, с большим сомнением в голосе. – Ты не врешь, но сам плохо понимаешь, что это значит.

Норд мысленно улыбнулся.

«Так ведь подобного и правда никогда не случалось. Все драконы на королевской службе лишены дара речи, воины летают на них, как на крылатых конях. Ты первый, способный стать чем–то большим»

– А если я не хочу?

«А ты не хочешь?»

Малахит запнулся.

– Не знаю, – отозвался он после паузы. – Меня готовили для службы в человеческой армии, но... Я же теперь не зверь.

«Правильно. Теперь ты солдат, такой же, как я. И на нас возложена миссия: освободить Кави»

Юный дракон вздрогнул:

– Солдат...

«Ты вылупился в королевстве Элиния, Малахит. Как и все люди, рожденные в наших землях, ты – подданный Его Величества. Прежде, пока ты был животным, это ничего не значило, но сейчас ты обрел сознание, а вместе с ним – и Родину» – очень серьезно сказал Норд. – «Подумай сам. Ты больше не зверь, способный только жрать да рычать»

– Но я же не человек... – пробормотал растерянный Малахит.

«А в Элинии живут не только люди. На крайнем севере обитают Ледяные Гиганты и их пастухи, снежные кошки– ваэги. На востоке, среди Пернатых Гор, висится город Гриффин– кип, там гнездится гордое племя грифонов, полуптиц– полужверей. Еще восточнее, на полуострове Ториан, живут племена тундровых кротов, странных подземных существ, не имеющих глаз. Они дикари, но обладают разумом и считаются такими же гражданами Элинии, как люди... А теперь и драконы»

Малахит замолчал надолго.

– Мне надо подумать, – сказал он наконец.

«Не сомневаюсь. Но сейчас, вот прямо в эту минуту, мы должны действовать, иначе враги нас обнаружат и убьют», – терпеливо повторил Норд.

Малахит сглотнул.

– Обещай, что не посадишь меня в темноту. Обещай так, чтобы я видел!

«Я открыт. Все мои мысли, как на ладони. Теперь веришь?»

Юный дракон с дрожью, нехотя кивнул:

– Ладно... Но совсем ненадолго!

«Конечно»

Зажмурившись, Малахит ослабил ментальный щит и позволил Норду вернуть контроль над телом. Разведчик встряхнулся, перебрал крыльями.

– Малахит! – позвал он вслух. – Видишь? Никакой темноты.

«Вижу» – испуг все еще чувствовался в мыслях юного дракона, но было и облегчение. – «Как странно!»

– И не говори... – Норд стиснул зубы. – Как только потребуется взлетать, я верну тебе контроль, а пока внимательно следи за всем, что я делаю и учись.

«Хорошо... А вопросы можно задавать?»

– Конечно.

«Здорово!»

Разведчик глубоко вздохнул и покачал головой. Все, чего ему не хватало – драконьего детеныша в мозгах... Стоп, так нельзя думать, того и гляди Малахит обидится. Надо работать, срочно. Норд оглядел крохотный островок, куда его принесли крылья юного дракона.

Деревьев тут не росло, но в море у самого берега колыхались многочисленные ленты водорослей. Разведчик бросился в воду и минут за десять насобирал целую гору мокрых, дурно пахнущих стеблей с длинными жилистыми буро– зелеными отростками. Выкопал задними лапами яму, набросал туда растения идохнул на них огнем.

Жар драконьего пламени моментально высушил стебли и костер занялся дымным, темно– желтым огнем. Стиснув зубы, Норд вошел прямо в горящую кучу и долго крутился там, пока сажа и копоть не покрыли его чешую плотным слоем. Для

пущего эффекта он еще и повалялся на спине среди тлеющих углей.

– Должно сработать... – пробормотал разведчик.

«А если дождь пойдет?» – спросил Малахит. Норд криво усмехнулся.

– Малыш, этот маскарад уже с двадцати ярдов никого не обманет, но мы ведь хотим лишь, чтобы нас не признали издалека. Летит себе черный дракон, мало ли таких живет на островах...

«От нас плохо пахнет»

– Вытерпим как-нибудь, – буркнул Норд.

«Из-за вони я не почую следа красной самки!»

– Мы за ней не гонимся, – жестко сказал разведчик. – Вот тебе первый урок: выполняя задание, думай только о задании. Наша миссия – спасти Кави. Не искать красную самку, а выручить Кави, понимаешь?

«Кажется...»

– Не «кажется», а так точно! Повтори.

«Так точно!»

– Умница, – Норд усмехнулся. – Что ж, настал твой черед; бери контроль и летим строго на юго-юго-восток.

«Куда?!»

Разведчик глубоко вздохнул и указал направление лапой. Нетерпеливый Малахит уже старался отеснить его от контроля над телом.

Норд позволил ему это сделать, и юный дракон ликующе подпрыгнул.

«Не увлекайся» – предупредил разведчик. – «Помни, мы в огромной опасности. Увидишь в небе или на земле дракона – мчись прочь, будто хвост загорелся!»

– Я несгораемый! – гордо отозвался юный крылатый.

Они взмыли в воздух и помчались на юг, где вдали уже виднелись очертания главного острова.

Глава 14

Первую ночь после крушения Лаэллин провела в степи, свернувшись клубком на вершине пологого, усыпанного цветами холма. Ровным, пружинистым шагом

опытной путешественницы она успела одолеть почти двести километров, когда усталость и наступившая ночь заставили сделать привал. До ближайшего человеческого порта, расположенного в городе Оррнир, оставался еще, как минимум, один такой переход.

За день драконесса много раз видела рыбацьи деревеньки и отдельные фермы, большинство по виду – далеко за гранью бедности. Люди, заметив крылатую красавицу, пускались наутек, а Лаэллин слишком спешила, чтобы вступать в бесполезные контакты, так что пока ее путь пролегал в одиночестве.

Имелась, однако, проблема, о которой совершенно забыла даже опытная драконица: голод. За пределами архипелага аярские энергетические кормилки не работали, а убийство животных в целях пожирания настолько противоречило всему, чем была Лаэллин, что ее тошнило от одной этой мысли. Даже в родной Долине, за тысячи лет до превращения в дракона, она вылупилась травоядной.

Под утро резь в животе уже причиняла боль, голова начинала кружиться. Как и все крупные хищники, драконы могли голодать длительное время, но последние двое суток Лаэллин тратила энергию за десятерых, и сейчас остро нуждалась в мясе. Хуже того, недостаток пищи замедлял процессы заживления крыла, а это уже была катастрофа.

Скрепя сердце, дракона приняла решение заглянуть в ближайшую человеческую деревню и поесть рыбы. Ей претило даже это, но пойманная людьми рыба, так или иначе, была уже мертва, и спасти ее было невозможно...

Как назло, Лаэллин бежала рысцой час, другой, но ни одного рыбацкого поселка не попадалось. Местность выглядела пустынной и заброшенной, низкие свинцовые тучи висели над морем. Погода здесь менялась очень быстро.

Мрачная драконесса продолжала свой путь, когда внезапно из-за близкого к побережью холмика вынесся конный отряд. Два десятка аборигенов заметно отличались от привычных для космонавтов жителей Элинии; смуглые и кучерявые, жилистые, они носили цветастые свободные сорочки, яркие штаны, перевязанные веревочками у стоп. На широких черных поясах у каждого висела изогнутая сабля, у двоих– троих – еще и длинные, скрученные кольцами хлысты.

«Цыгане» – поняла Лаэллин, вспомнив название окружающей местности –

«Цыганские равнины». Люди окружили драконессу широким кольцом, смеясь и перекрикиваясь на незнакомом языке. Их лошади – статные и стройные, холеные красавцы – почему-то совершенно не боялись громадного ящера; приглядевшись, Лаэллин заметила на морде у каждого коня небольшие мешки, закрывавшие ноздри.

«Они не в первый раз ловят драконов...» – подумала крылатая с тревогой. Но людям было негде набраться подобного опыта, ведь «дикие» драконы водились только на своих островах. Откуда же такая предусмотрительность?

Пока Лаэллин размышляла, один из цыган за ее спиной швырнул боло, запутав драконице задние лапы. Крылатая легко разорвала веревки, чуть двинув ногами; это вызвало среди нападавших свист и улюлюканье.

Еще один всадник метнул аркан; петля затянулась у драконы на рогах. Лаэллин, начиная сердиться, резко мотнула головой и выдернула человека из седла, будто соломенное чучело. Прежде, чем тот успел встать, драконесса перехватила аркан лапой и подтащила цыгана вплотную. Уложила лапу ему на грудь, грозно оглядела притихший отряд. Люди, почему-то, широко улыбались.

Драконесса в полном недоумении опустила взгляд на пойманного человека и вздрогнула. Это и в самом деле было чучело – наряженное в цыганскую одежду, с разрисованным мешком вместо лица. Лаэллин вскинула голову и заметила в якобы опустевшем седле – горбатого карлика ростом с ребенка. Именно он, прикрываясь чучелом, и бросил аркан.

«Здорово придумано» – невольно отдала дань противнику Лаэллин. Раздраженный первыми неудачными атаками, дикий дракон, естественно, вцепится в приманку всей пастью, даже не обнюхав.

Запах... Крылатая нахмурилась. Приманка издавала сильную, незнакомую вонь. Настолько явную, что ее бы заметил даже взбешенный дикий сородич. И вообще, чучело с каждой секундой пахло сильнее, будто в нем...

Шла химическая реакция?!

Слишком поздно сообразив, что ей подкинули бомбу, Лаэллин задержала дыхание и бросилась прочь, но один из цыган метнул драконице под ноги искрящую, шипящую петарду. Инстинктивно отпрянув, Лаэллин развернулась как раз вовремя, чтобы заметить, как чучело вспучивается жутким пузырем и лопается, брызгая во все

стороны тошнотворной лиловой жижей.

Только боевые рефлексы спасли драконессу; если б она попыталась закрыться крылом, химическое оружие прожгло бы перепонку насквозь. К счастью, вековой опыт сражений так просто не исчезает, и Лаэллин – даже не надеясь увернуться от сотен ядовитых ошметков – выдохнула в сторону взрыва облако жгучего пламени. Импровизированный щит сработал; невредимая драконесса совершила с места огромный прыжок, оставив позади зараженную зону. Там, где уцелевшие капли жижи касалась земли, появлялись бурлящие, дымные пятна.

Опасность была необычайно высока. Против химических гранат, драконья чешуя защищала не лучше бумажных доспехов. Ближайший цыган, тот самый, что бросил петарду, уже замахивался, готовясь метнуть в крылатую увесистый снаряд, напоминавший пивную кружку; не имея выбора, Лаэллин послала мысленную команду одному из многочисленных кибер– имплантов, вживленных в ее тело.

Вдоль позвоночника драконицы промчалась ужасная дробящая боль, мышцы на короткий миг свело судорогой. А затем мир остановился, будто при использовании «Обратной Паутины».

Глаза перешли в черно– белый режим, чтобы успевать слать мозгу изображение. Тело будто погрузили в густой кисель: лапы и крылья двигались замедленно, вяло, с огромным трудом преодолевая инерцию. На самом деле, со стороны сейчас Лаэллин выглядела безумным вихрем шипов и когтей, но для ее собственного, разогнанного в сотни раз восприятия, все казалось застывшим.

Двигаться под ускорителем следовало расчетливо и эффективно. Физические возможности тела, особенно столь массивного, как драконье, не позволяли получить над противником тотального преимущества, но невероятно быстрое мышление превращало битву с «неразогнанными» существами в увлекательную пошаговую стратегию.

Для Лаэллин цыгане обратились в восковые фигуры. Продумывая каждый шаг и выпад с невероятной скоростью, драконесса стаскивала с коней одного всадника за другим, наносила им точно рассчитанный удар когтем в висок – не смертельный, но близкий к этому – и бросалась за следующим. Самые дальние от места сражения цыгане успели что–то понять и начали разворачивать лошадей, но больше их ни что не

хватило; спустя восемь секунд «истинного» времени, отряд перестал существовать. Груда людей без сознания валялась в траве, их коней Лаэллин разогнала громовым рыком.

Убедившись, что враг обезврежен, разгневанная драконица отключила ускоритель и вернулась к пленникам. У нее болела каждая мышца, сломанное крыло ныло и дергало. От голода кружилась голова.

Лаэллин быстро и умело обыскала людей, все найденные подозрительные вещи побросала в кучу вместе с оружием и сожгла огненным выдохом. Из скрученных в жгуты цыганских штанов получились прекрасные веревки. Связав каждого человека по рукам и ногам, Лаэллин, наконец, перевела дух и занялась карликом: начать допрос она решила с него.

В принципе, уровень использованных технологий и так не оставлял сомнений, с кем столкнулась драконица, но все же ее сердце екнуло, когда «ампула» из рога зажглась красным рядом с головой пленника. Ясно; еще одно покушение. Кому-то было чертовски необходимо уничтожить единственного во всей экспедиции дракона, иммунного к Аяр.

– Ненавижу... – прорычала Лаэллин. Капелька раствора нанитов на висок быстро привела карлика в чувство; существо, овладевшее его разумом, смотрело на драконессу безжизненными пустыми глазами голема.

– Так значит, вы все эти годы скрывались здесь, – процедила Лаэллин сквозь зубы.

Карлик, точнее Аяр в его теле, отозвался коротким кивком:

– Агрессия нелогична, – механически, будто робот произнес человек. – Шансов переломить ситуацию у тебя нет. Мы захватили ваш звездолет.

У серебряной драконессы подкосились лапы и она, бессильно, опустилась на землю. Карлик лежал молча, пока Лаэллин собирала остатки воли в кулак.

– Что стало с моими спутниками? – выдавила она, наконец.

– Воссоединение с Аяр не вредит здоровью носителей, – бесстрастно отозвался чужак в теле горбуна. – Вредит бессмысленная агрессия.

Лаэллин зажмурилась и некоторое время глубоко дышала. Карлик ждал.

– Слушайте очень внимательно, – жестко, с расстановкой начала драконесса. –

Ментально, вы все связаны, так что я сейчас одновременно разговариваю с каждым Аяр этого мира. Вам известна судьба первого агента, отправленного убить меня. Известна судьба этого отряда аборигенов. Теперь вы отчетливо сознаете, кто я такая и на что способна.

Она скрипнула зубами.

– Сообщаю, что завладела наарен первого нападавшего. С его помощью я легко отыщу ваш Родник. Переместить его вы не можете. Остановить меня – тем более. Вы обречены. Я уничтожу Родник, и каждый Аяр в этой системе задохнется, отсеченный от океана Тамас.

Недолгая пауза.

– Этим ты уничтожишь и всех носителей.

– Любой, поработенный вами, с радостью предпочел бы смерть подобной судьбе, – жестко ответила Лаэллин. – Не сомневайтесь в моей готовности идти на жертвы.

– Мы считаем твои заявления блефом, – спокойно сказал карлик.

Серебряная дернула хвостом.

– Это не блеф, поскольку я собираюсь предложить компромисс, – она тщательно выбирала слова. – Вы должны сознавать, что носители, испытавшие свободу, будут сопротивляться вам до последнего вздоха. Но и мы понимаем: Аяр неспособны существовать отдельно от носителей. Вместо бессмысленного и неэффективного взаимного истребления, я предлагаю разойтись мирно.

– Как? – коротко спросил горбун.

Лаэллин глубоко вдохнула:

– В распоряжении экспедиции есть крупный и качественный кристалл– наарен. Он способен вместить всех Аяр этой звездной системы. Если вы согласитесь освободить захваченных драконов и людей, я гарантирую вам безопасность.

На сей раз пауза перед ответом длилась заметно дольше.

– Вероятность такого исхода пренебрежительно мала, – отозвался, наконец, карлик размеренным мертвым голосом. – Твои шансы добраться до Родника и уцелеть едва отличны от нуля.

– Вы последние Аяр во Вселенной, – сурово отозвалась драконесса. – Неужели

вы готовы рискнуть выживанием вида? Я предлагаю гарантированную безопасность. Ваше решение несет исчислимые риски. Выбирать из двух вариантов наиболее опасный – нелогично.

– Никакого выбора не требуется, – бесстрастно сообщил горбун. – Его иллюзию создают лишь неверные предпосылки. До текущего мига мы считали целесообразным поддерживать среди молодых рас миф, будто война завершилась нашим уничтожением. В действительности, уничтожить Аяр невозможно. Мы часть Вселенной – такая же, как свет, гравитация, материя. В процессе войны, мы приняли решение изменить стратегию развития молодых рас, поскольку битвы нанесли катастрофический урон всей популяции Галактики.

У драконессы ёкнуло сердце. Аяр, беспощадно логичные, прежде никогда не лгали. Возможно ли, что и сейчас не лгут? Как ТАКОЕ возможно?!

– Теперь ты лучше осознаешь бесполезность сопротивления, – донеслась холодная, жестокая фраза.

Лаэллин сглотнула:

– Если вы хоть капельку, хоть на грамм успели изучить драконов за долгие века нашего рабства, вы должны понимать, что мы не сдаемся!

– Это нелогично.

– Еще как!

– Нет. Отказ смириться, для дракона, вполне логичен. Нелогично твое поведение – ведь ты не дракон.

Лаэллин свирепо дернула хвостом:

– Я больший дракон в душе, чем половина родившихся драконами!

– Не забывай: как раз душу твою мы и видим, – холодно заметил карлик.

– Ничего вы не видите! – в сердцах отозвалась Лаэллин. – Это впервые поняла еще Аоки. Вы слепцы, убежденные, будто свет выдумка. И готовы лишиться зрения весь мир, лишь бы доказать, что вы совершенны!

– Аоки давно стала одной из нас, – спокойно произнес горбун.

Драконесса оцепенела.

– Ч– т– о?

– Ты воспринимаешь Аяр, как некую враждебную расу. Это абсолютно неверно.

Аяр – не вид и даже не самоназвание, Аяр – состояние. Любое достаточно развитое существо способно достичь состояния Аяр и стать одним из нас. Именно так мы и размножаемся. Политика Аяр в отношении молодых рас направлена не на порабощение, а на развитие; мы следим и направляем, учим и помогаем, чтобы юные цивилизации успешно преодолевали трудности на пути к следующему этапу. На пути к нам.

Лаэллин зажмурилась.

– А вам не приходило в головы... Или чем вы там мыслите, что единого для всех пути просто не существует? У каждой расы своя дорога в будущее, своя цель. Как можно быть настолько развитыми и, одновременно, столь ограниченными?! Как можно не понимать такую простую вещь?!

– Ты смотришь на ситуацию с другого конца. Нам, достигшим Аяр, известно несравнимо больше, чем тебе, отказавшейся продолжать путь в самом его начале. Кто лучше способен оценить дорогу – прошедшие ее до конца, или трусы, испугавшиеся совершить даже один шаг?

Драконница горько усмехнулась.

– А вы уверены, что дорога заканчивается вместе с вами? Уверены, что ваш путь не ведет в тупик? Я воевала с Аяр сотни лет, и лично наблюдала вмешательство Древних из центра Галактики. Кто они такие? Как могут существовать расы, более могущественные, чем Аяр?

– Атаковавшие нас враги, именующие себя Диктаторами – вы зовете их «Древними» – не являлись чем-то высшим по сравнению с Аяр, – невозмутимо сообщил карлик. – В их распоряжении было, всего лишь, умение менять вероятность событий в физическом континууме. Ментально и духовно Диктаторы недалеко ушли от драконов. Способность уничтожить нечто большее, чем ты сам, не делает тебя более развитым.

– Кто задает критерии развитости? – жестко оборвала Лаэллин.

– Логический анализ.

– Ваш анализ не учитывает огромное количество факторов. Вы лишены знаний о таком числе духовных, эмоциональных и субъективных явлений, что ваши жалкие попытки анализировать нас больше похожи на злую комедию, безвкусный и грязный

фарс!

– Именно так, обычно, и рассуждают примитивные формы жизни, находящиеся на твоём уровне.

Лаэллин скрипнула зубами.

– Я не верю тебе. Ни единому слову. Ложь вполне допустимый механизм воздействия, и сейчас ты, несомненно, лжешь. Особенно про Аоки.

Драконесса выпрямилась, тяжело дыша от гнева.

– Если б вы действительно захватили наш звездолет, я давно была бы мертва. Напротив, использование местных дикарей и примитивного химического оружия говорит о вашем отчаянном положении. У вас нет ни техники, ни ресурсов. Я отыщу Родник.

Лаэллин склонила голову к карлику:

– Советую крепко обдумать предложение о перемирии. Я повторю его только один раз – стоя у Родника. И лишь в том случае, если прекратятся попытки меня убить. Еще одно покушение, и надежды на мир не останется. Хорошенько это запомните! – рывком отвернувшись, она продолжила путь вдоль берега.

Минут через двадцать впереди, наконец, показалась рыбацкая деревушка. Голодная и до сих пор разгневанная, Лаэллин не стала церемониться с аборигенами и ворвалась в центр поселка, рыча и дыша пламенем. Перепуганные люди с воплями бросились наутек.

– Простите... – мрачно буркнула драконесса. Быстро отыскав по запаху бочки со свежей рыбой в одном из самых крупных парусных баркасов, Лаэллин торопливо наелась. Утолить жажду получилось тут же, из большой деревянной кадки.

Драконесса уже хотела продолжать путь, когда ей в голову пришла новая мысль. Парусник, где нашлась рыба, выглядел достаточно крупным и прочным, чтобы выдержать вес дракона. Лаэллин забралась в лодку, немного попрыгала, пошатала ее вправо– влево. Кораблик держался.

Крылатая глубоко вздохнула и принялась за работу. Гвозди и инструменты отыскиались неподалеку от причала, в брошенной кузне. Тут же имелась и стопка жестяных листов. Прекрасно...

На то, чтобы соорудить примитивную паровую турбину, у Лаэллин ушло

несколько часов. Солнце уже клонилось к закату, когда драконесса, наконец, закончила крепить двигатель на корму рыбацкого баркаса. Чтобы облегчить кораблик, она перекусила ненужную теперь мачту у основания и выбросила за борт весь груз. Жители деревни к этому времени стали, по– одному, возвращаться и со страхом, из укрытий, наблюдали за драконессой.

Закусив остатками рыбы, Лаэллин оттолкнула баркас на глубину и забралась на борт. Зачерпнула морскую воду в жестяной котел, подсоединила воронку из тугоплавкой оружейной стали.

Бросив последний взгляд на толпу аборигенов, сбившихся у причала, драконесса с силой втянула воздух и дохнула в воронку огнем. Котел раскалился докрасна, пар с бешеным свистом рванулся из сопла на лопатки турбины.

Хотя главный маховик был подвешен на тросах и поэтому автоматически компенсировал неточную центровку, лодка все равно дико завибрировала, когда подключился винт. За кормой кораблика вздулся пенный бурун и бывший рыбацкий баркас, набирая скорость, помчался в открытое море.

Запаса воды в котле хватало минут на пять– шесть работы турбины, затем цикл повторялся. Через несколько часов у Лаэллин уже першило в горле и болели зубы от постоянных перепадов температуры, но кораблик покрыл заметную долю пути к драконьему архипелагу. Увы, крылатая отплыла не из самой близкой к островам точки побережья и, хотя горы континента Пта давно скрылись за горизонтом, плыть оставалось еще не менее двухсот – трехсот километров. Стояла глубокая ночь, когда измученная драконесса сдалась и решила отдохнуть.

Лежа на спине в тесном, пропахшем рыбой баркасе, Лаэллин глядела на звезды и машинально – как делала всю жизнь – искала свой дом. Может, вон та крохотная желтая звездочка? Или та? Ей было чертовски одиноко, и гнетущая, ни с чем не сравнимая тишина, висевшая над морем, лишь умножала грусть.

«А вдруг я ошибалась все эти годы»? – угрюмые, недобрые мысли регулярно посещали драконессу в такие часы. – «Вдруг смерть еще не конец? Что, если друзья ожидают меня... По ту сторону... А я слепо, отчаянно цепляюсь за жизнь, вот уже десять веков не несущую мне почти ничего, кроме горя?»

Лаэллин опустила веки. Перед мысленным взором, ярко, как живые,

вспыхивали лица давно ушедших. Мать... Сестры... Веселые школьные подруги, с ними юная Лаэллин дразнила добродушных неповоротливых хатта, а затем, визжа от смеха, улепетывала от возмущенных гигантов, перышком проносясь над лугами, утопая в ароматах цветов. Свою первую наставницу, бесконечно добрую аскену по имени Фьяса, Лаэллин помнила особенно четко: именно Фьяса, даже не уроками – а отношением ко всему живому – привила юной ученице горячую, неистощимую страсть познавать мир.

Сотни и тысячи лиц растворялись в потоке времени. Как вспомнить сегодня всех тех, кому целительница Лаэллин спасала жизнь или избавляла от боли, возвращала здоровье и помогала явиться на свет? Драконесса тихо вздохнула. Нет, не ошибалась она; а коли и ошибалась – добро, что несла она нуждавшимся в помощи, ее оправдывало.

– Если вы и вправду ждете меня там, далеко... – шепнула в пустоту Лаэллин, – Не обижайтесь, ладно?

Она смахнула непрошенную слезу.

– В мире столько несправедливости, столько боли. Я сражалась всю жизнь, но стоит моргнуть – и память обо всем, чем мы дышим, исчезает в бессмысленной вспышке.

Лаэллин зажмурилась.

– Я не раз бывала на грани... Теряла веру, не видела путь. И знаете, кто спасал меня в такие минуты? Вы. Вы, друзья и все те, кому я успела помочь. Я вспоминала древнюю притчу о девочке, что шла по берегу моря после ночного шторма, подбирала задыхающихся рыбешек и бросала их в воду. Кто-то спросил ее, «Зачем ты это делаешь? Ведь ты никогда не сможешь спасти их всех! В этом нет смысла!» – драконесса горько улыбнулась, не раскрывая глаз.

– «Смысл есть для тех, которых я спасу», ответила девочка. И эти слова, уже тысячу лет, не позволяют мне сдаться.

Лаэллин невольно всхлипнула и повернулась на бок, накрывшись крылом.

– Как искорки звездного пламени, мы ежесекундно вспыхиваем и гаснем, успев осветить лишь крохотную частичку Вселенной. Меня часто волнует вопрос – а что, если в этом и заключается смысл? Что, если гнаться за вечным горением не стоит? –

драконесса тихо вздохнула. – Но я поднимаю голову к звездам и вижу, что вопроса, в действительности, нет. Вселенная бесконечна, познание не знает границ. А значит, я буду сражаться и дальше, пока мою искорку не потушит судьба. Простите, друзья. Простите... Я никогда не погасну по доброй воле.

Улыбнувшись сквозь слезы, Лаэллин расслабилась. Волнения и усталость последних дней навалились горой; драконесса почти мгновенно заснула.

Проснулась запоздно, когда Солнце уже довольно высоко вскарабкалось по небу. Баркас почему-то мотало из стороны в сторону, хотя царил полный штиль. Сладко зевнув, Лаэллин открыла глаза.

На корме ее лодки, свирепо помахивая хвостом и выпустив когти, стояла красная драконница с гривой, завитой в сотни тугих косичек.

Глава 15

– Тут никого нет! – растерянный Малахит стоял на покрытой опавшими листьями площади посреди небольшого, аккуратного городка с одинаковыми яйцевидными домиками из белого металла. Еще неделю назад, здесь по усыпанным красноватым песком аллеям прогуливались отдохавшие космонавты, горели красивые резные фонари. Сейчас только ветер свистел над опустевшим лагерем инопланетян.

Напряженный и испуганный Норд лихорадочно размышлял.

«Повернись левее. Видишь, огромное белое здание? Лети туда и верни мне контроль перед входом»

– Ладно... – дракон двумя взмахами покрыл расстояние до Медицинского Центра. Норд облегченно вздохнул, получив управление телом; немедленно подбежал к стеклянным дверям.

Энергию в лагере, очевидно, не отключили – прозрачные створки гостеприимно раздвинулись. Разведчик вошел в знакомый вестибюль, тут ничего не изменилось. Даже запах.

«Ой, воняет!»

– Лекарства... – пробормотал Норд.

«Фу!»

– Согласен... – разведчик подбежал к терминалу, где всего четыре дня назад разговаривал с белым, наивным драконом по имени Вермакс. Экран не светился.

– Что тут случилось? – прошептал Норд, дергая хвостом от волнения. Никаких следов нападения или битвы, лагерь выглядел совершенно так же, как до побега. За исключением полного отсутствия жителей. Утром они с Малахитом долго наблюдали за территорией базы издали, позже прятались среди деревьев на холме, потом летали над лагерем на большой высоте в поисках хоть кого-нибудь – тщетно. Космонавты исчезли.

– Не понимаю... – растеряно пробормотал Норд.

«Я тоже! Но мы должны искать Кави! Давай я полетаю, может с воздуха...»

– У звездных драконов есть лишь одно место, где держат пленников, – оборвал Норд. – Если Сиракс не солгала, Кави должна находиться в этом здании.

«А куда делась красная злюка?» – невинно спросил Малахит. – «Мы могли ее обогнать? Я вообще-то летаю очень быстро...»

Норд вздрогнул:

– Пока не знаю, – процедил он сквозь зубы. – Малыш, будь готов. Если Сиракс где-то здесь, нам придется мчаться прочь с такой скоростью, что в глазах потемнеет.

«Да не боюсь я ее!!!»

– Помнишь, что я говорил о задании? Повтори.

Пауза.

«Помню, помню...» – недовольно пробурчал Малахит.

– Повтори.

«Не гнаться за красной самкой, а спасти Кави»

– Вот именно, – Норд двинулся к лифту. – Ты смелый и сильный, но, если Сиракс повредит нам крыло или ранит, мы не сможем освободить Кави. Я не шучу, Малахит: ты должен понять, раз и навсегда, что задание на первом месте.

Юный дракон мысленно вздохнул.

«Мне не нравится, когда ты командуешь»

– Мною тоже командуют старшие офицеры. И всеми разом командует король. Так устроена армия, так мы живем, – чуть ласковей отозвался разведчик.

«Я не думаю, что мне понравится в вашей армии» – буркнул Малахит.

Норд не ответил – проходя по коридору, он случайно бросил взгляд в одну из боковых дверей и оцепенел. Там, в заполненном жидкостью огромном хрустальном боксе, висело тело юного бело– золотого дракона, слишком хорошо знакомого разведчику. Однако не это зрелище шокировало Норда – у бокса, склонившись над пультом управления, стояла хрупкая изумрудная драконесса. Поглощенная работой, она пока не заметила непрошенных гостей.

«Красивая!» – восхитился Малахит.

Норд сглотнул. Что теперь делать? Вновь угрожать? А если в здании есть и другие драконы?

«Угрожать?!» – возмутился Малахит. – «Только попробуй!»

Не ответив и стараясь не шуметь, Норд попятился. Соседняя палата оказалась пустой; прокравшись в нее, разведчик спрятался за каким–то прибором.

– Ни звука... – шепнул он еле слышно.

«Ты уже видел эту дракону!» – обвинительно заявил Малахит. – «И сделал с ней что–то нехорошее! Покажи память, я хочу знать!»

– Не сейчас! – прошипел Норд.

«Она все равно нас почует скоро. Черная сажа воняет.»

Разведчик содрогнулся. Он регулярно забывал о драконьем чутье, огнедыхании, полете – обо всех чуждых человеку способностях.

– Проклятие... – Норд скрипнул зубами. – Малыш, слушай, мне о таком просить... Как–то... Не с руки, но... Сейчас я верну контроль. Ты должен убедить ее, что ты – это не я.

«Но я же и вправду не ты!»

– Словам она не поверит. Я... Сильно ее напугал в прошлый раз, – Норд стиснул когти. – Тебе придется сделать такое, чего я бы никогда, ни за что не сделал.

Малахит запнулся, и внезапно разум человека заполнил веселый драконий смех.

«Ну у тебя и мысли! Да все не так происходит, сначала самку надо...»

Страшно смущенный Норд дернул хвостом:

– Стоп!

Малахит с трудом успокоился.

«Понял, понял. Я должен ее соблазнить, по всем правилам, только так она поверит, что я настоящий дракон»

– Соображаешь... – пробурчал разведчик. Малахит вновь рассмеялся.

«Я знаю, что делать. В инкубатории мне не раз устраивали спаривания»

Окончательно смутившись, Норд тихо выругался и снял ментальный щит. Получив контроль над телом, Малахит весело передернул крыльями, пригладил лапой гребень.

– Справимся, – заверил он разведчика.

«Этого и боюсь...» – пробормотал Норд. – «Малыш, я буду хранить молчание, но если мне все же потребуется что-то сказать, не отвечай вслух!»

– Понятно.

Между тем, из коридора послышался мелодичный, звонкий голос:

– Кто тут? Почему пахнет гарью? Где вы?

Малахит процарапал в полу пять глубоких борозд когтями. Глубоко вдохнув, он поднялся на ноги и вышел из-за укрытия. Миниатюрная зеленая драконесса широко раскрыла глаза.

– Вы?.. ВЫ! – она попятилась и вжалась спиной в противоположную стену коридора. – Как вы здесь... Откуда... Почему?!

Клацнув пастью, Малахит вежливо поклонился, сложив крылья за спиной треугольником:

– Я Малахит! Не бойся демона, я его больше не выпущу!

Потрясенная Мелеис помотала головой, зажмурилась, открыла глаза.

– Д- д- демона? – она в страхе прижала лапу к груди, накрыв ладонью раскачивавшийся на цепочке, небольшой хрустальный медальон.

– Демоном я зову человека, которого засунули мне в голову, – объяснил юный дракон. Гордо улыбнулся: – Я долго сидел в темноте, а потом ка- а- а- к дохнул огнем – и вырвался! Демон со мной спорил, хотел командовать, но я победил, и теперь в темноте сидит он!

Малахит встопорщил гребень, горделиво изогнул шею, вытянул хвост стрункой:

– Смотри, какие у меня крылья! – заявил он, расправляя оба на всю длину, от стены до стены.

Растерянная Мелеис недоверчиво моргнула. Опустила взгляд на медальон, вновь подняла голову.

– Я... Не понимаю...

Молодой дракон решительно двинулся вперед и замер в метре от испуганной драконессы. Поднявшись на задние лапы, он присел на хвост, вытянул шею и нежно ткнулся носом крылатой в плечо, издавая при этом низкое и тихое, утробное рычание.

– Что вы делаете?! – Мелеис открыла от изумления пасть. Бросив взгляд ниже, сильно вздрогнула: – Но... Это же... – она запнулась, когда шершавый язык лизнул ее в нос.

Не прекращая вылизывать драконице мордочку, Малахит медленно расправил крылья, вытянул их вперед и сомкнул за ее спиной. Ласково провел тыльной стороной когтей Мелеис вдоль шеи, второй лапой скользнул по ее телу вниз. Испуганная и растерянная драконесса отпрянула, попыталась свести бедра:

– Нет... Не делайте этого... Мы не можем...

– Ты восхитительно пахнешь, – шепнул Малахит, подтаскивая самочку ближе. Скоро они уже стояли друг перед другом вплотную, выпрямившись, укутанные широкими буро–зелеными крыльями.

Мелеис легонько дрожала. В полумраке, под сенью собственных крыл, Малахит одной лапой гладил ее тело, а второй начал бережно, не вынуждая, пригибать голову драконицы вниз, пока той не пришлось открыть пасть. Дракон зажмурился от удовольствия, надавил чуть сильнее. Несколько минут оба хранили молчание.

Когда она выпрямилась, судорожно дыша, Малахит начал ласково вылизывать ее влажную мордочку, шагнул вперед и прижал Мелеис к стене коридора. Драконица была заметно ниже его ростом, массивному буро–зеленому пришлось поднять ее лапами за бедра.

Продолжая облизывать лицо Мелеис, Малахит начал медленно опускаться вниз, и драконица застонала, дергая крыльями и хвостом. Когда крылатый, осторожно, убрал лапы, которыми удерживал партнершу, та широко раскрыла глаза и волея–неволей обняла Малахита за шею, чтобы не соскользнуть. Ее ноги сучили в метре от пола.

Молодой дракон жмурился и нежно, но уверенно ласкал тело Мелеис, с каждой

минутой становившееся все более податливым, его хвост ритмично напрягался. Драконесса стонала, цепляясь за мощную шею. Постепенно движения крылатого становились резче, дыхание отрывистей. Внезапно, издав раскатистый рык, он ухватил Мелеис за щеки, крест–накрест накрыл ее пасть своею и выдохнул яркое, искрящее пламя ей в горло, вызвав стон и ответный огненный выдох.

Потом они долго стояли без движения, обнимаясь и тяжело дыша, а вокруг дымились обугленные, оплывшие от их жаркой любви стены. Наконец, Малахит нежно приподнял драконессу и опустил ее на ноги. Мелеис бессильно сползла вниз.

– Зачем? – спросила дрожащим голосом.

Малахит уселся напротив, обернув хвостом лапы. Лицо молодого дракона озаряла улыбка.

– Ты красивая, – сказал он просто.

– Сначала захватили в заложницы... Теперь это...

Дракон замотал головой:

– Раньше был не я! Раньше был демон! Я тебя не обижал, я только... это, – он весело подмигнул.

Мелеис накрыла лицо крылом и так долго молчала, что Малахит, встревожившись, подался вперед:

– Я другой. Совсем–совсем другой, мы даже не встречались прежде. Ты не меня помнишь, а человека в драконьей шкуре. Настоящие драконы самок не обижают...

– Заметно, – мрачно отозвалась Мелеис. Малахит, опешив, недоверчиво приоткрыл пасть:

– Тебе не понравилось?! Я... Сделал больно?

Крылатая судорожно перевела дух и попыталась сесть удобнее.

– Забудь. Лучше скажи, как ты сюда попал? Малахит, да?

– Ага! – юный дракон активно закивал. – Я по следу примчался. Одна злая красная дракониха с косичками похитила мою смотрительницу, добрую Кави! Ты не знаешь, где Кави?! – Малахит с надеждой подался вперед. – Это самка–человек, у нее соломенные волосы и большие глаза!

Изумрудная с трудом кивнула.

– Знаю. Сиракс доставила ее сюда, но другая драконесса, серебряная Лаэллин,

отвезла обратно. Твоя Кави на материке, у себя дома.

– Дома?! – Малахит вздрогнул.

«Я знаю Лаэллин, Кави с ней будет в полной безопасности» – буркнул Норд. Он хоть и старался «отключиться» от Малахита на время интимной встречи, ощущения, испытанные драконом, в полном объеме добрались и до него.

– Кави ничего не грозит, – сказала Мелеис, глядя на Малахита слегка потеплевшим взглядом. – Успокойся.

Дракон с некоторым облегчением выдохнул и встал на ноги. Передернул крыльями, переступил с лапы на лапу.

– Здесь есть бассейн? Эта черная гадость на чешуе отбивает нюх! И ты тоже вся черная... – добавил он смущенно.

Мелеис, вздрогнув, осмотрела себя. Пятна и разводы сажи покрывали ее с головы до кончика хвоста.

– Верно, надо помыться... – она с трудом встала на четыре лапы, попробовала шагнуть, но, охнув, схватилась за низ живота. Малахит поспешно накрыл ее крылом:

– Отнесу!

Зеленая дракона обреченно улыбнулась.

– Лифт в конце коридора...

Пока стеклянная кабина опускалась на минус– второй уровень, все хранили молчание. Мелеис часто и неглубоко дышала, ее крылья подрагивали. Малахит тревожно помахивал хвостом.

– Больно? – спросил он робко.

– Нет, – отрезала драконесса неожиданно грубо. – Поставь меня на ноги.

– Хорошо...

Крылатая охнула, но заставила себя идти. Следом за Мелеис, буро– зеленый прошел вдоль светлого коридора к массивной круглой двери в самом конце.

– Воды сейчас нет, подожди минуту, я включу насосы, – глухо сказала изумрудная. Дверь беззвучно отодвинулась в стену.

Малахит сглотнул:

– Там темно...

– Свет зажигается автоматически, – видя, что дракон медлит, крылатая со

вздохом вошла за дверь первой. Под потолком вспыхнули желтоватые плафоны, высветив довольно большой зал с пустым овальным бассейном в центре.

– Ну? – Мелеис обернулась и нетерпеливо наострила уши.

Решительно мотнув гривой, молодой дракон вошел в зал. Изумрудная уже колдовала над пультом у стены.

– Когда услышишь шум воды, закрой глаза, – бросила она, не поворачивая головы. – У целебного раствора повышенная кислотность.

– Как– как?!

Раздраженная драконесса шумно выдохнула, отвернулась от пульта и подошла к буро–зеленому дракону вплотную.

– Водяная пыль, – она встала на задние лапы, чтобы дотянуться, и покачала массивную голову Малахита за рога: – Глаза будет щипать.

Дракон осторожно лизнул ее в нос. В это время с шумом заработали насосы, из бассейна повалил туман. Мелеис всплеснула крыльями:

– Зажмурься!

Малахит послушался. Пару минут было слышно только гудение моторов да бульканье.

– Все, теперь безопасно.

Молодой дракон выглядел таким растерянным, что изумрудная, вздохнув, лизнула его в морду и жестом пригласила спуститься в бассейн. Там бурлила, шипела и пузырилась горячая серная вода.

Насосы отключились, в зале воцарилась тишина. Мелеис нырнула, проплыла под водой к дальнему краю бассейна и развернулась, выставив на поверхность только голову.

– Можешь купаться...

Малахит поспешно, радостно плюхнулся в бассейн, его массивное тело подняло большую волну. Зеленую драконессу накрыло, она вынырнула, шипя и отфыркиваясь:

– Динозавр! – Мелеис бросила Малахиту бутылку шампуня. – Жмурься, когда ныряешь и лицо моешь.

На какое–то время разговоры прервались, слышен был лишь плеск воды. После купания Мелеис явно стало лучше. Лежа в горячей серной воде, драконы смотрели

друг на друга и отдыхали, распластав крылья по поверхности.

«Узнай у нее, что тут случилось», – напомнил Норд. Малахит встрепенулся:

– А где все? – спросил он наивно.

Мелеис вздохнула.

– Я не знаю.

– Не знаешь?!

– Мне пришлось остаться, чтобы ухаживать за раненым Вермитором. Его нельзя перевозить.

Малахит помрачнел:

– Вермитор дракон? Кто его ранил?

Удивленная Мелеис моргнула. Слабо улыбнулась:

– Да, он дракон. Молодой и бесстрашный. А кто его ранил... Неважно.

Вермитор скоро поправится, только это имеет значение.

Малахит вздрогнул:

– Все улетели, а вас двоих бросили?!

Изумрудная грустно кивнула:

– Нас заберут, когда Вермитор станет транспортабельным. Им пришлось. Три дня назад, с космического корабля поступил тревожный сигнал. Пока звездолет выполнял задание далеко на человеческой территории, его захватили ужасные враги драконов, чудовища под названием Аяр. Мы долгие века были уверены, что во Вселенной их не осталось, и как же мы ошибались... – драконесса опустила голову.

«Скажи, что все понимаешь, пусть рассказывает дальше!» – напряженно приказал Норд. Малахит легонько поморщился.

– Ясно... – протянул он с умным видом. – Звездные Драконы полетели сражаться за звездный корабль!

– Нет, – грустно ответила Мелеис. – Звездные Драконы попрятались. Малахит, наш корабль – это сила, с которой невозможно бороться. Если Аяр удастся поднять его в небо, погибнет не только экспедиция, опасность будет грозить всей планете. Да что планете! – дракона всплеснула крыльями, подняв тучу брызг. – Обладая звездолетом, они способны напасть на любую, ни о чем не подозревающую колонию, даже на Тарию!

Малахит сочувственно покивал:

– Ужас!

Мелеис смерила его внимательным взглядом.

– К счастью, получить доступ к управлению кораблем Аяр пока не могут, мы еще дома предусмотрели защиту. Но, если им удастся захватить живьем Вхагара или Сиракс, они сразу уничтожат наш лагерь, а затем... Тебе лучше не знать, – драконессу передернуло. – Поэтому капитан взорвал в космосе электромагнитную бомбу, которая вывела из строя спутники наблюдения и всю слабозащищенную технику на планете.

«Стоп!» – резко произнес Норд. – «Спроси ее, быстро, зачем уничтожать их собственные спутники!»

Малахит нервно прынул ушами.

– А разве те... спутники... Были не ваши?

Изумрудная прищурила глаза.

– Наши, – ответила спокойно. – Только, с их помощью, враг выследил бы нас за минуту. Видишь ли, Малахит; Вхагар отдал приказ отступить к тайной резервной базе, местонахождение которой известно только ему одному.

– А ты? – опешил Малахит. – Ты тоже не знаешь, куда все улетели?!

– Нет, конечно, – покачала головой Мелеис.

– Как же тебя заберут?!

– Я включу маяк, едва Вермитору станет лучше, и друзья прилетят за нами.

Юный дракон озадаченно почесал за ухом.

– Маяк?

– Штука такая.

– А если нападут эти... Аяр?!

– Я убью себя и Вермитора, – спокойно ответила крылатая.

Малахит отпрянул и разинул пасть. Что-то в глазах хрупкой, миниатюрной драконы не позволяло даже на миг усомниться в ее словах.

Мелеис слабо улыбнулась:

– Расслабься, – она тронула когтем свой хрустальный медальон. – Это камера. Едва увидев тебя, я включила ее и стала транслировать видео в сложный прибор «синхрон», который установлен в главном вычислительном центре базы. Синхрон

анализирует поведение, моторики, время реакции и еще сотни параметров, позволяя совершенно точно определить, настоящий дракон перед тобой, или Аяр в драконьей чешуе.

– Что?! – У Малахита отвисла челюсть. – Ты спутала бы меня... с каким-то Аяр?!

Мелеис развела крыльями.

– Повторяю, не нервничай. Теперь все хорошо, – она помолчала, разглядывая буро-зеленого дракона напротив. – Можешь отдохнуть пару минут? Я хочу поговорить с человеком.

И Норд, и Малахит оцепенели:

– А? – растеряно выдавил крылатый.

– Он сейчас все слышит и подсказывает тебе вопросы, – холодно произнесла изумрудная.

«Прочь из бассейна и к лифту, бегом!!!» – выдохнул Норд. Малахит вздрогнул, попытался сложить крылья, но перепонка будто склеилась с поверхностью воды. Перепуганный дракон забился.

– Успокойся! – громко приказала Мелеис. – Тебе ничего не грозит.

– Я застрял!!! Что со мной?! Не могу двинуться!!!

– С тобой все в порядке, – улыбнулась драконица. Подплыв к Малахиту вплотную, она лизнула его в нос. – Не нервничай. Расслабься. Здесь просто особенная вода.

Огромный дракон лихорадочно вертел головой, напрягал стальные мышцы тросами – тщетно. Мелеис с грустью наблюдала.

– Дай поговорить с человеком, тогда отпущу.

«Верни контроль, скорее!» – Норд мысленно трепетал. Малахит его игнорировал.

– Как ты это делаешь?! – выдавил потрясенный дракон. – Я не могу двинуться, а ты плаваешь!

Изумрудная тяжело вздохнула.

– Сложно объяснить...

– Скажи!!! Скажи!!!

Мелеис подплыла к краю бассейна, уселась на бортик и развела крыльями.

– Ладно, скажу. Понимаешь, нас тут сейчас нет.

– А?!

– Прости, – драконесса печально кивнула. – Пока ты стоял, зажмурившись, я надела тебе на голову кольцо ментального проектора.

Малахит ошалело разинул пасть.

– Куда надела?! Что?!

«Идиот!!! Ящер безмозглый!!! Верни контроль!!! Это приказ!!!»

Мелеис, улыбнувшись, сделала жест лапой, и комната с бассейном распалась мириадами блесток, превратившись в бескрайнее пшеничное поле. Тихо шелестел ветер, солнечные лучи щекотали перепонку. Потрясенный Малахит инстинктивно скрутился в шар и накрыл себя крыльями.

– Я не понимаю! – вырвалось у него. Зеленая драконесса, с явным сочувствием, приблизилась и погладила испуганного сородича.

– Знаю, – сказала она тихо. – Знаю. Но скоро все изменится, и бывшие рабы воспрянут к свету, к знаниям. Дракона в цепях не удержишь.

«Выпусти меня!!! Очнись, ты, страус! Выпусти меня!!!»

Понурившись, Мелеис уселась на хвост, пшеница доставала ей до горла. Свернувшийся клубком Малахит дрожал рядом.

– Ты сейчас слышишь каждое слово, человек, – вполголоса, спокойно произнесла крылатая. – Хочу предупредить: не пытайся. Твоя миссия закончилась здесь и сейчас.

«Малахит!!! Верни контроль, пока мы не погибли!!! Малахит!!! Малыш! Очнись!»

Изумрудная, горько, покачала головой:

– Как вы посмели использовать юного, безвинного дракончика для своих грязных игр? Как у вас поднялись руки?! У меня в голове не укладывается, это... Это словно... Даже сравнить не с чем. Вы хуже, чем Аяр. Те, по крайней мере, не натравляли мой народ друг на друга, не охотились за нашими детьми. Не ломали крылья храбрым и честным.

Мелеис стиснула зубы.

– Станешь сопротивляться или попробуешь причинить Малахиту вред, клянусь: я безжалостно сотру матрицу твоей личности. Но если добровольно и без фокусов освободишь детеныша, я предоставлю тебе наарен. Этот кристалл подобен месту, где мы находимся сейчас – она обвела крылом сказочную равнину. – Ты будешь жить, свободный и даже, наверно, счастливый.

Драконесса стиснула зубы.

– На размышления даю пять минут. За это время я довезу Малахита до отсека нейрохирургии, – она беззвучно растворилась в воздухе.

Норд Уоррен остался один, запертый в разуме перепуганного дракона.

У него не было рта, чтобы кричать.

Глава 16

Серебряная драконесса проснулась запоздно, когда Солнце уже довольно высоко вскарабкалось по небу. Баркас почему-то мотало из стороны в сторону, хотя царил полный штиль. Сладко зевнув, Лаэллин открыла глаза.

На корме ее лодки, свирепо помахивая хвостом и выпустив когти, стояла красная драконица с гривой, завитой в сотни тугих косичек.

Некоторое время крылатые смотрели друг на друга в упор, не говоря ни слова. Молчание нарушила Лаэллин:

– Прости меня, – сказала негромко. – Когда лазерная платформа взорвала дрон, я решила, что атаку устроила ты.

Сиракс прищурила глаза:

– Драконы не убивают драконов, – бросила она сухо.

– Ты никогда не считала меня дра...

– И в будущем не собираюсь! – резко оборвала красная. – Но ты служила в Легионе Аоки. Сейчас нам всем пригодятся твои профессиональные навыки.

Она подалась вперед, едва не опрокинув баркас:

– Экспедиция атакована. Я не могу связаться с базой даже по военной частоте, а капитан применил электромагнитную бомбу, уничтожив спутники. Это значит, мы отступили в резервный лагерь. Он мог пойти на такое лишь в одном случае: Аяр.

Лаэллин уселась на хвост, с трудом сохраняя равновесие в раскачивающейся лодке.

– Я знаю... – она коротко поведала о своих приключениях. Сиракс не перебила ни разу, лишь вздрогнула, услышав о захвате звездолета. Когда серебряная завершила рассказ, алая воительница опустила голову и шумно перевела дух.

– Слушай внимательно, – процедила она сквозь зубы. – Единственные участники экспедиции, имеющие доступ к защите корабля – мы с Вхагаром. Капитан, в подобной ситуации, по инструкциям должен всегда оставаться в резервном лагере под охраной, так что ему опасность не грозит. Надеюсь. Но если Аяр поймают меня, на этом все завершится. Мне известны и координаты лагеря, и коды запуска звездолета.

Лаэллин кивнула:

– Понимаю.

– Ты сказала, что владеешь портативным синхронном?

– Да.

– Проверь меня. Немедленно.

Лаэллин молча отвинтила протез рога и вынула «ампулу». Сиракс вздохнула с большим облегчением, когда прибор засветился зеленым.

– Он может ошибаться?

– Исключено, – Лаэллин покачала головой. Красная драконесса на миг зажмурилась.

– Итак... – она хрипло выдохнула. – Я не могу связаться с резервным лагерем и не имею права рисковать собой. Как это ни мерзко, лететь в разведку должна ты... – Сиракс щелкнула зубами – ...но у тебя сломано крыло.

– Я буду в норме уже к вечеру или завтра.

– У нас нет столько времени. Придется импровизировать, – мрачно отозвалась алая драконесса. – Кости зажили достаточно, чтобы выдержать планирующий полет?

Лаэллин осторожно расправила крылья и поводила ими вверх– вниз:

– Наверняка.

– Тогда хватай зубами канат, я отбуксирую тебя на берег, как планер, – Сиракс кивнула на нос баркаса, где валялась бухта толстого троса. Серебряная с сомнением переступила с лапы на лапу:

– А что потом?

– Ты пешком отправишься к базе, а я буду следить с помощью микробота, – алая воительница повернула на пол– оборота один из драгоценных камней, вживленных в чешуйки на ее груди. Отсоединенный «самоцвет» тут же выпустил тончайшие, похожие на паутину щупальца, бешено завертелся и повис в воздухе. Лаэллин удивленно моргнула:

– Почему твоя техника не сгорела при взрыве электромагнитной бомбы?

– Она военная, – огрызнулась Сиракс.

– Но коли есть микробот, зачем отправлять меня?

– Затем, что до резервного лагеря на крыльях не добраться, – сухо отозвалась черно– красная. – Проведем разведку и, если все чисто, возьмем из ангара большой дрон. Капитан непременно оставит один.

Лаэллин нахмурилась:

– Я единственная, кто гарантированно защищен от Аяр. Пока не поздно, лучше отбить корабль.

Сиракс выругалась сквозь зубы.

– Отбить? Ты хоть сознаешь, что это значит?

– Конечно.

– И ты не поколеблешься стрелять в друзей? – глаза Сиракс превратились в узкие щели. Серебряная выдержала ее взгляд:

– Я не стану губить товарищей, попавших в рабство. Я обезврежу их, не причиняя вреда здоровью.

– Ты?! – черно– алая прыснула со смеху. – Обезвредишь?! Ты?!

Не говоря ни слова, Лаэллин запустила ускоритель. Реакция у Сиракс оказалась воистину фантастической, и она даже попыталась увернуться, но против разогнанного в сотни раз восприятия шансов у нее не было. В реальном времени прошло две секунды, и парализованная красная драконица валялась на спине, беспомощно распластав крылья.

Лаэллин отключила имплантат. Шумно выдохнула, стоя над поверженной противницей. Все произошло столь стремительно, что лодка даже не успела опасно накрениться.

– Проблема освобождения пленников Аяр была первой и главной, вставшей перед Легионом, – спокойно пояснила серебряная. – Но драконы с драконами не воюют. Вам никогда не требовалось целенаправленно причинять вред сородичам, вот Аоки и пришлось... импровизировать. Разработанный ею в секретных лабораториях боевой стиль основан на точечных ударах в нервные окончания, и вызывает у драконов временный паралич. Без вредных последствий, так что не пугайся, – она пожала крыльями. – Эффект длится около минуты, за это время воин Легиона успевает извлечь паразита из разума жертвы.

Сиракс с огромным трудом приоткрыла пасть:

– Могла... просто... сказать...

– Демонстрация нагляднее, – сурово отозвалась Лаэллин. – Ты ненавидела и презирала меня, считала пустым местом, навязанной Космическим Управлением обузой. На самом деле, Сиракс, по уставу, в каждой экспедиции должен участвовать хотя бы один опытный боец Легиона.

Она помогла шатающейся алой драконнице сесть.

– Я знаю, через что ты прошла, – мягко сказала Лаэллин. – Читала досье. Теперь можешь самолично оценить, правда ли, будто ненависть ослепляет.

Они встретились взглядами и какое-то время молчали.

– Никто не кидается так, с нахрапу, отбивать звездолет, – произнесла Сиракс после длительной паузы. – Следует провести совещание в резервном лагере, узнать силы противника, разработать операцию. Мы даже не знаем, где сейчас корабль – вдруг не на базе? Что станешь делать, если какой-нибудь Аяр попросту закроется в рубке? Ждать, пока ему надоест?

Лаэллин усмехнулась.

– Игры разума – опасное развлечение, Сиракс. Можно больно обжечься. У меня есть захваченный в лесу кристалл наарен, с его помощью я найду точку связи всех Аяр этой системы с энергетическим океаном Тамас. Она зовется Родником. Стоит ее перекрыть, как все Аяр в радиусе солнечной системы задохнутся и умрут.

Черно-красная драконесса так отпрянула, что лодка зачерпнула воды:

– Повтори?! – прошептала, широко раскрыв глаза.

Лаэллин кивнула:

– Помнишь историю с украденным мнементам и аборигеном Дагласом, больше года скрывавшимся от нас, прыгая из тела в тело? Никто не ожидал, что обычный мнементам возможно так использовать, но сам принцип давно и успешно применялся бойцами Легиона в войне с Аяр. Видишь ли, память каждого паразита хранит полную цепочку его предыдущих носителей и, если вывернуть наизнанку разум пленного Аяра, можно найти место, где он впервые захватил себе жертву, проникнув в наш континуум из Родника.

Серебряная легонько развела крыльями:

– Это занимает немало времени и очень болезненно, но я справлюсь.

Сиракс зажмурилась и молчала целую вечность.

– Драконы... Настоящие драконы... Тоже занимались подобным? – спросила она наконец мертвым голосом. Лаэллин прищурила глаза:

– Кроме меня и самой Аоки, абсолютно все бойцы Легиона родились драконами. А чего ты ожидала? – сурово спросила серебряная. – На войне как на войне, знаешь ли. Вашу планету обнаружили спустя век после победы, а Легион – и я – бились с проклятыми тварями сотни лет.

Сиракс отвела взгляд. Промокшие меховые муфточки на ее запястьях не мешали видеть, как драконица выпускает и втягивает когти. Так ничего не ответив, она сграбастала висевший в воздухе микробот, вернула его на место и подняла бухту троса.

Лаэллин расправила крылья на всю длину. Сиракс взмыла в небо, разматывая канат, серебряная приготовилась к рывку. За миг до него, драконесса с такой силой прыгнула, что баркас полностью ушел под воду.

Поймать ветер удалось сразу же. Сиракс быстро разогналась до крейсерской скорости, таща на буксире серебряную драконицу с распахнутыми крыльями, Лаэллин держала канат зубами. Не прошло и десяти минут, как на горизонте появились очертания гор.

Сиракс, однако, чуть изменила курс, оставив землю правее. Лаэллин поняла, что они направляются к северной оконечности главного острова драконьего архипелага, откуда до базы можно было дойти пешком.

Над побережьем алая бросила трос, и обе драконессы по спирали спланировали на пляж. Место тут было дикое, вдоль берега тянулась россыпь крупных овальных

булыжников. Сиракс сразу затаилась под одним из самых огромных.

Микробот бесшумно опустился на голову Лаэллин и прицепился щупальцами–паутинками к ее «настоящему» рогу.

– Проверка связи, – голос транслировался через колебания костной ткани и звучал искаженно. Серебряная вздохнула:

– Связь в норме. Первым я проверю поселок для эвакуированных.

– Хорошо, вперед.

Лаэллин недоверчиво прищурила глаза:

– Не будешь спорить?

– Время споров прошло, мы на войне, – огрызнулась Сиракс. Серебряная с грустью кивнула:

– Да... Время споров прошло.

– Если микробот вдруг взлетит, значит, я что–то заметила и хочу рассмотреть.

Стой на месте пока он не вернется.

– Принято.

– Начали!

Лаэллин быстрым шагом двинулась вперед. До поселка спасенных драконов отсюда было километра четыре, и скоро она перешла на рысь, чувствуя при этом, как тело впервые за много дней наполняет приятная сытость. Древние энергетические кормилки Аяр, по–прежнему, накрывали весь драконий архипелаг, и голода здесь не существовало.

Утренний воздух пьянил свежестью. В небе до горизонта не было ни облачка, пахло травой. Казалось невозможным, что в столь уютном и спокойном уголке может таиться опасность. Серебряная драконесса бежала по открытой местности, мимо редких деревьев, отблески солнца в ее зеркальных чешуйках плясали вокруг тысячами призрачных мотыльков.

Первые тревожные признаки она заметила уже издали, стоя на холме метрах в шестистах от поселка. Аккуратные яйцеобразные домики, где жили спасенные драконы, казались нетронутыми, но двери во многих были распахнуты, кое–где живую изгородь примяли тяжелые лапы.

– Не сходи с места, я осмотрю поселок и вернусь, – приказал голос Сиракс.

Микробот отсоединился от рога и беззвучно помчался вдаль, Лаэлин неохотно уселась в траву. По инструкциям, в случае неожиданной атаки космонавтам предписывалось эвакуировать в резервный лагерь как можно больше спасенных драконов, но что решил капитан после нападения Аяр, серебряная боялась и думать. А уж если звездолет и впрямь захвачен...

Тем временем, микробот вернулся:

– Поселок пуст, – сообщил голос Сиракс. – Улетали в панике, бросали все как есть. Эвакуации не было.

– Местных не обучали, как действовать в такой ситуации, – тяжело отозвалась Лаэлин.

– Они могли рассеяться в вольере для диких.

– Или рвануть через море на человеческую территорию... – серебряную передернуло. – Сиракс, они ведь наивные и беспомощные, как дети, а там станут испытывать голод!

– Помочь им мы сумеем, лишь когда избавимся от опасности сами, – жестко оборвала красная драконица.

– Я знаю.

Лаэлин встала на ноги:

– База отсюда в двух километрах, но я хочу проверить корабль.

– Отставить. Если корабль на месте, именно там следует ожидать скопление вражеских сил. Если на базе его нет, это можно узнать из центра управления.

– Как только меня заметят на базе, Аяр запечатает корабль и помешают его захвату, – твердо возразила серебряная. – Наша главная цель – отбить звездолет, все остальное вторично.

– Наша единственная цель – найти дрон и отступить в резервный лагерь!

– И привести за собой врагов? – насмешливо спросила Лаэлин. – Ты гарантируешь, что не упустишь ни одного жучка, которые установили Аяр?

Пауза.

– Мы не сумеем отбить звездолет вдвоем.

– Сиракс, ты так и не поняла... – серебряная тяжело вздохнула. – Я, в одиночку, перебыю всех Аяр этой системы. Они обречены. Против такого врага, как я, у Аяр нет

ни единого шанса. Именно поэтому они с первой же секунды старались меня уничтожить.

– Тебя очень легко уничтожить. Хватит одного выстрела.

– У Аяр нет современного оружия.

– Это тебе видение такое явилось? В лунную ночь, наверно?

– Если б у них имелось хоть что-то, я была бы уже мертва, – терпеливо объяснила Лаэллин. – Меня атаквали местные люди – солдаты и отряд цыган с наскоро подготовленными химическими гранатами.

– Но теперь в их руках база!

Серебряная покачала головой.

– Это ничего не меняет. Из всех участников экспедиции, оружие при себе носила только ты, Сиракс. Корабельные арсеналы заблокированы тем же кодом, что и двигатели, киборгов деактивировали больше года назад, после случая с Дагласом, лазерные платформы на орбите уничтожены вместе со спутниками. А с любым количеством нападающих я справлюсь при помощи ускорителя.

– Ну – ну...

– Другого пути нет, пойми, – твердо сказала Лаэллин. – Или мы отбиваем звездолет, или сопротивление не имеет смысла и можно сдаваться, чтобы не тратить зря время наших будущих повелителей.

Долгая пауза.

– Ладно... Направляйся к кораблю, избегая открытых мест. Я поведу микробота впереди и буду разведывать путь.

– Принято.

– Начали, – крохотный аппарат отсоединился от рога и бесшумно упорхнул. Лаэллин поспешила следом.

Путь до горной долины, где космонавты оборудовали посадочную площадку, был довольно долгим – километров пятнадцать по дикой местности. Летающим пришельцам не требовались дороги, так что никаких троп к космодрому проложено не было. У Лаэллин уже начало побаливать раненное крыло от постоянного напряжения, когда внезапно с высоты к ней спикировал микробот.

– Корабля нет! – в голосе Сиракс угадывалось отчаяние. Лаэллин стиснула зубы.

– Измерила температуру рефлекторов?

– Да... Холодные. С отлета прошло не менее двух суток.

– Значит, его захватили на человеческой территории, – мрачно сказала серебряная. – А узнав об этом, капитан немедленно эвакуировал экспедицию.

Крылатые помолчали.

– Будь проклят твой любимчик– шпион, из–за которого я отключила связь с базой именно в эти дни, – прошипела, наконец, Сиракс. – Я всех подвела!

Лаэллин сильно вздрогнула:

– 96–ГК1? Ты нашла его?!

– Представь себе! – огрызнулась красная на своем конце линии связи.

Серебряная драконесса напряглась:

– Он жив?

– К сожалению, – хмуро отозвалась Сиракс. – Подонок украл тело у местного, не могла же я его так просто застрелить. А как хотелось...

– Где ты его оставила?

– В сгоревшем аэрокаре, связанным. Никуда не денется.

Лаэллин подалась вперед:

– Шпион выкрал большой кристалл– наарен, куда капитан заключил Дагласа!

Ты нашла камень?

– Конечно. Он здесь, у меня в кармане.

Пораженная драконица приоткрыла пасть:

– И ты молчала?!

– А какой с него прок?

– Да это же... – Лаэллин запнулась и прикусила язык. – Неважно. Береги наарен, как зеницу ока! Он может спасти нас всех. Я направляюсь к главной базе.

Пауза.

– Отлично. Я поведу микробота впереди. Начали.

Нервно помахивая хвостом, Лаэллин развернулась. От ее местоположения до главного лагеря было километров шесть– семь, драконесса преодолела их рысцой. Никто на пути не встретился, не возвращался и микробот.

Когда впереди показалась опустевшая овальная танцплощадка, сердце Лаэллин

сжалось. Она вспомнила, как уговаривала испуганного «дракона» ступить в огонь, учила не охотиться на разумных... Горечь сменилась внезапным гневом. «Сир Уоррен», звала шпиона Кави. Он обманул доверие и заботу всех окружающих, подверг опасности экспедицию, даже по словам капитана ранил бедного юношу, Вермитора... А главное, этот человек посмел вторгнуться в душу невинного местного дракончика по имени Малахит. От одной мысли, какие психологические травмы подобное могло нанести наивному, неокрепшему разуму птенца, у Лаэллин сами собой выдвинулись когти. Зарывчав, она ускорила бег.

База была покинула в спешке, и это бросалось в глаза. Легкий ветерок гнал по дорожкам никем не убранные осенние листья, царила жуткая холодная тишина. Пробегая мимо здания центрального управления, серебряная заметила порхающий у окон микробот.

Сиракс, очевидно, также увидела драконессу и направила к ней аппарат:

– В ангаре нет ни одного дрона, – сообщил ее напряженный голос. – Не видать и планшета с зашифрованным посланием для меня.

Лаэллин сглотнула:

– Но не могли же все разом о нас позабыть!

– Вхагар далек от идеала, однако своих он не бросает, – жестко отозвалась Сиракс. – Капитан непременно отправил бы спасательную команду на наши поиски. Ради тебя одной бы отправил, не говоря уж о том, насколько для безопасности экспедиции важна я.

Она помолчала:

– Этому есть лишь одно объяснение: Вхагар был совершенно уверен в нашей смерти.

Лаэллин грустно кивнула.

– Лазерную платформу на мой дрон навели, скорее всего, сразу после захвата корабля, прежде чем о появлении Аяр стало известно и звездолет был блокирован. Капитан, наверняка, принял автоматический доклад об уничтожении цели. Шансы уцелеть при такой атаке – ну, сама прикинь.

– А я, согласно приказу, в этот миг должна была стоять рядом с тобой, – мрачно добавила Сиракс. – И уж точно по доброй воле не отключила бы связь с базой, рискуя

подвергнуть друзей опасности. Конечно, он решил, что мы были вместе в момент атаки и обе погибли.

Лаэллин покачала головой.

– Неужели ненависть так много для тебя значит, что ты рискнула подвергнуть всех опасности и открыто пойти против капитана?

– Я офицер, – холодно произнес голос красной драконы из рации. – Не подчиниться прямому приказу для меня невозможно. Вхагару достаточно было потребовать бросить охоту и возвращаться, и мне пришлось бы немедленно так и поступить, даже если б мерзавца– шпиона я в этот миг держала на мушке.

– И ты решила отключить связь, по принципу «не слыхала – не виновата»?

– Я РЕШИЛА изловить беглеца! – рявкнула Сиракс. – Любой ценой! Мне что, присниться должно было, что именно в этот день, впервые за пять веков нападут Аяр?!

Лаэллин тяжело вздохнула.

– Да. Ожидать подобного не мог никто... Твой аэрокар, там, за морем, сильно пострадал от ЭМИ? Его удастся починить?

– Выгорела вся проводка и схемы, машина теперь лишь кусок металла.

Серебряная задумалась.

– Надо отыскать записи о последнем пункте назначения корабля, – решила она.
– Аяр могли его захватить, но сдвинуть с места без кодов не сумеют.

Сиракс издала странный утробный смешок.

– О, да, милая, где уж мне о таком догадаться.

– И?

– Записей, разумеется, нет. Капитан отдал устный приказ, он делал так, если миссия была... ммм... слегка деликатной.

Лаэллин стиснула зубы:

– Вы снова отправились жечь людские города!

– Вот ДЕЛАТЬ НАМ БОЛЬШЕ НЕЧЕГО, – с таким чувством отозвалась красная дракона, что серебряная запнулась. Сиракс хрипло вздохнула:

– Твой антропоцентризм иногда просто бесит. Милая, мне хвостом на людишек. Понимаешь? Хвостом. Я не питаю к ним ненависть, не стремлюсь уничтожать. Они как птицы. Летают вокруг, щебечут да гадят... – красная повысила голос – ...а мы здесь

ради драконов! Ты способна хоть раз, хоть на миг это ВСПОМНИТЬ? Никто не гоняется за твоими любимыми мартышками, мы выполняем работу! Больше ничего!

– Спасти драконов можно было без кровопролития, – горько возразила Лаэллин.
– Если б вы хоть раз меня выслушали и попытались начать переговоры с человеческими королями!

– О, Когти Солнца и его купированный хвост... – Сиракс выругалась. – И ты еще хвасталась, будто лучше всех изучила аборигенов? Да ты физиологически не способна вообразить, как работает их мозг! Знаешь, что первое подумает человек, когда к нему заявится могущественный звездный пришелец и предложит выкупить боевых зверей из конюшни? «Ага», подумает он, «Им же легче сровнять с землей город и все захватить бесплатно. Чего ж они так не делают? Должно быть, не могут...» – в голосе алой драконицы прорезались нотки горечи.

– Ты когда-нибудь вела дела с дикарями? – спросила она жестко. – Тебе не приходило в полированную серебряную черепушку, что любой местный «король», сообразив, зачем мы хотим выкупить у него драконов, тут же примется вымогать у нас куш пожирнее, грозя расправиться с пленниками? И как ты намерена контролировать, всех ли драконов он нам продал, или припрятал пару сотен яиц в подземельях, до нашего отлета?

– Не суди о всех по себе! – резко отозвалась Лаэллин. Сиракс расхохоталась.

– Ох, милочка, да если б тут жили столь наивные да честные существа, как я, у экспедиции совсем не возникло бы проблем! – сменив тон, она добавила очень серьезно: – Не думай, будто я дикий зверь и не вижу, что ты чувствуешь. Напротив, я – то как раз тебя понимаю. А вот ты меня – нет. Поскольку я настоящий дракон, в отличие от тебя, замаскированной травоядной ящерицы. И поэтому ты не понимаешь ни людей, ни меня – психология хищников тебе попросту чужда. Ты ищешь в каждом свое отражение: искренность, гуманизм, любовь к всякой жизни. А когда не находишь – винишь себя, будто плохо искала... – с горечью сказала Сиракс.

Лаэллин хлестала себя хвостом.

– Да, ты права, – процедила она сквозь зубы. – Если я не вижу свет, это значит лишь, что я слепа. Свет вездесущ. Он есть и в людях, и в драконах, даже в тебе. Я купаюсь в его лучах сотни лет.

– Полечи глаза! – грубо отозвалась алая воительница.

Лаэллин опустила голову:

– У нас нет времени на глупые споры. В медицинском центре хранятся несколько УГС–ПВ для повредивших крылья драконов. Они имеют неограниченную автономность и помогут нам добраться до резервного лагеря, даже если тот на противоположной стороне планеты.

– О! – Сиракс на своем конце линии связи встrepенулась. – Это даже лучше, чем дрон! Отследить труднее.

– Оставайся на месте, я скоро прилечу с устройством... – Лаэллин направила бег к огромному зданию на окраине лагеря. Микробот беззвучно отцепился с ее рога и помчался на разведку.

В фойе медицинского центра сильно пахло лекарствами. Энергию здесь не отключали, под низким потолком мягко пылали огромные плоские диски, пол устилала мягкие белые маты. Повсюду царил полный порядок и висела густая, тяжелая тишина. Серебряной драконе приходилось все время себе напоминать, что в здании никого нет.

Она уже шла по коридору к лифту, когда чуткое обоняние различило знакомый аромат. Застыв на месте, Лаэллин недоверчиво принялась. Секс? Здесь? И совсем недавно... Странная смесь запахов драконьей любви и жженного дерева. Прищурив глаза, крылатая быстро отыскала место, где горячие тела сплелись в страсти.

Запах самки был ей отлично знаком – изумрудная Мелеис, добрая подруга и коллега–ученый. Ароматы же самца приглушала сильная, непонятного происхождения вонь горелых растений. Вглядевшись, Лаэллин обнаружила на полу и стене следы сажи.

«Дышали огнем от наслаждения?» – растеряно подумала драконесса. Тем временем, беззвучное возвращение летающего разведчика дало ответ, по крайней мере, на один вопрос:

– В соседней палате! – жестко произнес голос Сиракс, едва микробот прицепился к серебряному рогу. Лаэллин, чуть не подпрыгнув от неожиданности, рывком повернулась на месте и отпрянула:

– Вермитор! – тело юного бело–золотого дракона парило в прозрачной цистерне регенератора. Лаэллин подбежала к пульту управления.

– Он уже здоров, но команды на пробуждение не поступало...

– Его не могли оставить здесь в одиночестве, это исключено, – отрезала Сиракс.

– Согласна.

– На минус– втором этаже двери операционной №4 заперты. Тепловизор не пробивает изоляцию помещения. Возможно, там кто–то есть.

– Анализатор запахов? – отрывисто спросила Лаэллин.

– В микроботе?

– Ясно... – серебряная помолчала. – Я запускаю пробуждение Вермитора, займет минут сорок. Если придется бежать, его нельзя бросить тут на растерзание Аяр.

– Но...

– Это не обсуждается, – процедила Лаэллин сквозь зубы, работая с сенсорами. Голову она подняла, лишь когда пошел обратный отсчет.

– Иду на минус– второй. Держи аппарат на роге, следи за всем что происходит. Если со мной что–то случится, переключи микробота на Вермитора и помоги ему уцелеть. И не спорь, мы должны...

– Знаю, – неожиданно мягко оборвала Сиракс. – Не бойся. Справимся.

– Бояться? – Лаэллин с кривой усмешкой подошла к лифту. – Тут ты опоздала веков эдак на шесть... – прозрачный кристалл кабины вынырнул из шахты беззвучно.

Едва двери открылись на минус– втором уровне, Лаэллин отпрянула всем телом:

– Это он! – прошептала она, не веря. – Так там был его запах!

– Чей? – не поняла Сиракс.

– Шпиона!

Повисла напряженная тишина.

– Невозможно, – мертвым голосом сказала красная драконесса. – Он остался связанным в полутысяче километров отсюда. Ты перепутала.

– На нюх никогда не жаловалась, – хмуро отозвалась серебряная, приближаясь к запертым дверям операционной. – Он здесь. В приемной и в лифте горелая вонь мешала его распознать, а тут все как на ладони, будто он искупался, – она решительно постучала в дверь: – Мелеис! Открой!

– Что ты делаешь?! – взорвалась Сиракс. – Если он внутри...

– Ему же хуже, – оборвала крылатая сквозь зубы.

Пару секунд царила тишина, затем створки распахнулись и глазам Лаэллин предстала стройная, миниатюрная зеленая дракона. На ее рогах блестел сдвинутый назад виртуальный шлем медконтроля.

– Кэсса?! – Мелеис недоверчиво моргнула. – Ты жива! А Вхагар объявил, что вы с Сиракс погибли в первой же атаке...

– Не шевелись! – холодно приказала серебряная. – Я проведу аяр– тест.

– Какой тест?

– Замри, или я буду вынуждена тебя обездвигнуть! – Лаэллин быстро отвинтила протез рога и поднесла «ампулу» к зеленой драконессе. Приборчик вспыхнул тем же цветом.

– Ох... – серебряная с облегчением выдохнула. – Мелеис, прости, пожалуйста. Я должна была убедиться.

Зеленая с трудом взяла себя в лапы и нерешительно кивнула.

– Понимаю. Теперь все в порядке?

– Да... – Лаэллин вздрогнула. – То есть, нет! Почему здесь пахнет моим бывшим учеником? Разве ты не знаешь, он шпион! Тебе грозит опасность!

Мелеис улыбнулась:

– Едва ли ему удастся причинить мне еще больше боли.

Лаэллин втянула носом воздух и невольно попятилась.

– Погоди, тот запах... Он тебя изнасиловал?! – глаза драконессы вспыхнули мрачным огнем. – Если он посмел... Если эта тварь...

– Нет, нет, все хорошо! – поспешила Мелеис. – Теперь хорошо. Я извлекла паразитную матрицу человека из разума бедного Малахита.

Сиракс на своем конце линии связи не удержалась от победного возгласа. Растерянная Лаэллин приоткрыла пасть.

– Но... Как он вообще здесь оказался? И почему вас с Вермитором не эвакуировали?! Что произошло на базе, расскажи!

– Входи, – Мелеис с улыбкой посторонилась, пропуская серебряную подругу в операционную. Лаэллин судорожно сглотнула при виде распростертого на столе, огромного зелено– бурого дракона. Голову крылатого скрывал массивный шлем с

невероятным количеством проводов, тянувшихся к ярко– оранжевому шкафу у стены.

– Знакомься, юный Малахит, – просто сказала Мелеис. – Теперь он свободен.

Восстановление после операции займет много часов, но все прошло идеально.

Приблизившись к оранжевому шкафу, драконесса вынула моргавшую индикаторами, толстую и тяжелую металлическую кассету.

– Держи, – Мелеис протянула ее шокированной Лаэллин. – Я обещала сохранить человеку жизнь, если он не будет сопротивляться, а обещания надо держать.

– Что это? – нервно спросила серебряная. Мелеис пожала крыльями.

– Твой шпион. Кристалла, что он похитил из лаборатории, при нем не оказалось, а других наарен у нас нет. Пришлось записать матрицу в резервный блок памяти астронавигатора.

Окончательно растерявшись, Лаэллин опустила на кресло и помотала головой.

– Ох... Я ничего не понимаю.

– Могу представить, – фыркнула Мелеис. – Так вот... Когда Сиракс по приказу капитана отправилась на встречу с тобой, я занялась беднягой– Вермитором и почти сутки не покидала операционную. Краем уха слышала, будто Вхагар отправил звездолет на человечесью территорию в поисках проклятого мнемента, что украл абориген Даглас...

– Куда именно отправил? – отрывисто спросил голос Сиракс. – Уточни!

Лаэллин поморщилась.

– Прости, перебью... Я тут не одна, Сиракс на связи, – серебряная тронула когтем микробот на роге. – Она хочет знать, что случилось с кораблем.

– Звездолет захватили Аяр, – тихо сказала Мелеис. – Это был такой шок... Когда завыли сирены, мы все сбежали к командному центру. Капитан был уже в боевом бронескафандре... Он объявил о вашей с Сиракс гибели, и что вместе с кораблем в плен к Аяр попали шестеро наших, включая старшего навигатора, Тираксеса. Помнишь его, такой пухленький весельчак с пурпурной каймой на крыльях?

– Помню, конечно, – Лаэллин горько покачала головой. – Кто еще с ним?

– Вхагар не уточнил. Корабль находился в квадрате шестьсот пятьдесят три, на человеческой территории, когда с него пришел сигнал красной тревоги. К счастью,

капитан успел вовремя задействовать защиту.

– 653– й квадрат... – протянула Лаэллин.

– Замок Уолтера Арди, где готовили агента, – хмуро сказал голос Сиракс. Серебряная драконесса сглотнула.

– Ясно. Что случилось со спасенными, Мелеис?

– Их отправили в вольер к диким, приказав затаиться, – вздохнула зеленая. – Для Аяр они бесполезны, так что может их даже и не тронут... Всем остальным было приказано в течение получаса собрать лишь самое необходимое и прибыть в ангар, экспедиция отступала в резервный лагерь. Я, конечно, вызвалась присмотреть за Вермитором, капитан оставил нам аварийный маяк. Прошло два дня, и вообразите, кого я встретила, – Мелеис грустно кивнула на неподвижное тело зелено– бурого Малахита. – Чуть в обморок не упала...

Лаэллин стиснула зубы:

– Он овладел тобой силой?

– Ну– у– у... В целом, да, – Мелеис смущенно переступила с лапы на лапу. – Только сделал это не человек, к счастью, а сам Малахит. Хоть и наверняка по приказу. Не вини его! – поспешила зеленая, заметив, как потемнел взгляд подруги. – Бедняжка совсем не проходил обучения, он просто дикий самец. И он так старался!

Лаэллин уставилась на улыбающуюся Мелеис и обе драконицы, не выдержав, расхохотались. Сиракс в рации пробормотала что–то неразборчивое.

– Говоришь, капитан оставил маяк? – отсмеявшись, спросила Лаэллин. Зеленая кивнула.

– Я собиралась сегодня будить Вермитора и послать сигнал.

– Вермитор скоро проснется, я запустила процесс... – серебряная в двух словах поведала о своих приключениях. Мелеис слушала, широко раскрыв глаза.

– На базе вообще никто не появлялся эти дни, – сказала она, едва Лаэллин умолкла. – Ни Аяр, ни дикие драконы, ни люди. Я тут совершенно одна.

– Представляю, каково тебе... – Лаэллин содрогнулась. Изумрудная грустно кивнула:

– Не напоминай... Каждый миг ожидать нападения, дрожать от любого звука... Я не спала ни секунды. А потом, из ниоткуда, появляется он! – Мелеис с трепетом

посмотрела на спящего великана. Серебряная драконесса подалась вперед и накрыла подругу крылом:

– Все позади, ты больше не одинока.

– Как же приятно это слышать...

– Вы еще полизитесь! – в дверях появилась мощная, приземистая черно-алая драконесса с гривой, завитой в сотни косичек. Лаэллин и Мелеис одновременно вскрикнули:

– Сиракс!

– Не орите, – повинувшись беззвучной команде, микробот отсоединился от рога серебряной драконицы и вернулся к хозяйке. – Ну? Где маяк?

Мелеис недоверчиво потрясла головой.

– Откуда она взялась?

– Как ты успела примчаться сюда с побережья так быстро? – Лаэллин прищурила глаза. Сиракс криво усмехнулась.

– Какое счастье, что я чемпионка экспедиции по скоростным полетам!

– Не до такой же степени, – возразила серебряная. – Подойди. Наклони голову.

Сиракс, не говоря ни слова, последовала приглашению и стояла молча, пока Лаэллин ее проверяла. «Ампула» загорелась приятным зеленым светом.

– Порядок... – серебряная вздохнула с облегчением. Сиракс выпрямилась:

– Мелеис, займись Вермитором. Когда я шла к лифту, он, кажется, уже просыпался.

– Ох! – всплеснув крыльями, зеленая исчезла за дверью. Лаэллин и Сиракс остались наедине с бессознательным Малахитом.

– Дай сюда кассету, – холодно приказала красная.

Лаэллин отшатнулась:

– Что?.. Никогда!

– Тварь внутри заслуживает смерти в большей степени, чем любой другой человек на этой поганой планете.

– Может быть. Но мы не палачи и не убийцы, – жестко бросила серебряная драконица.

Сиракс смерила ее тяжелым взглядом.

– Ты ведь не отступишься, да?

– Я раздеру тебя в клочья прежде, чем ты сделаешь еще один шаг, – негромко предупредила Лаэллин. Алая воительница напряженно усмехнулась.

– Я бы сказала, что драконы не убивают драконов...

– А я бы ответила, что убийство чудовищно всегда, и неважно, дракона либо кого другого!

Сиракс скрипнула зубами.

– Держи, – она бросила противнице баночку, где тускло сверкал синий кристалл.
– Ты, кажется, умеешь пользоваться этими штуками. Перенеси матрицу своего шпиона– любимчика в наарен, пусть они будут с Дагласом в общей тюрьме... Пока мы не вернемся домой.

Лаэллин перевела дух:

– Это лучшая мысль, что ты когда– либо высказывала! Прямо сейчас займусь.

Сиракс нехорошо улыбнулась и, молча, вышла из операционной.

Глава 17

Тьма отступала рывками, будто неведомый бог– шутник за веревку тянул Солнце к зениту. Норд Уоррен довольно долго лежал неподвижно, чувствуя обнаженной спиной каждую травинку.

«Я вновь человек» – подумал он, подняв перед глазами руку. Да, руку, а не увитую мышцами когтистую лапу размером с конскую голову. Сразу вернулась и память:

«Дракониха сдержала слово!»

Норд рывком сел. Огляделся, недоверчиво протер глаза. Травянистый холм, где он очнулся, был знаком человеку до боли, до зубовного скрежета. Как и темневший неподалеку родовой замок его предков.

«Сон?»

Норд механически потянулся к груди, заранее страшась наткнуться на хлюпающее желе опухоли, однако ощутил лишь здоровую кожу. Осмотрел себя,

недоверчиво хмыкнул. На вид, этому хорошо сложенному, крупному человеку можно было дать лет тридцать – не больше.

– Так вот, о чем говорила драконша... – пробормотал он в растерянности.

«Если добровольно и без фокусов освободишь детеныша, я предоставлю тебе наарен. Этот кристалл подобен месту, где мы находимся сейчас» – Мелеис обвела крылом сказочную равнину. «Ты будешь жить, свободный и даже, наверно, счастливый...»

Норд стиснул зубы. Значит, все вокруг наваждение! Взятые из его собственной памяти картины. Неужели отныне таким станет его мир? Сказкой, рисованным раем, натянутой на глаза узорной повязкой?!

– Нет... пробормотал Уоррен, чувствуя, как фальшивое сердце бешено колотится в фальшивой груди. – Нет, я выберусь, я не сдамся...

– А ты какого хера делаешь в МОЕМ сне? – грубо спросили из-за спины.

Норд рывком оглянулся. Какое-то время молча смотрел на смуглого красивого юношу в роскошном, усыпанном золотом восточном наряде.

– Я тебя не помню, – юноша гневно скрестил на груди руки. – И клоаку эту помойную тоже! – он обвел взглядом степь.

Норд прищурил глаза. Ничто здесь не могло взяться извне его собственного сознания, так что неведомому юноше должно было иметься объяснение. Протянув к нему руку, Уоррен напряг волю.

– Открой свой истинный облик.

– Чего?! – восточный принц попятился, но покровы уже спадали с него, будто наваждение у границы рассвета и тьмы. Золотая одежда превратилась в лохмотья, утонченное смуглое лицо – в неприятную вытянутую рожу, покрытую прыщами и струпьями. Голубые глаза стали водянисто-рыбьими, волосы – редкими пучками грязной соломы. Не прошло и минуты, как от облика юноши ничего не осталось.

– Так я и думал, – мрачно сказал Норд. – Остатки твоей грязной памяти до сих пор отравляют мне сны. А поскольку я теперь сам живу во сне, ты не мог не явиться.

Даглас, в страхе, поднял к глазам руки, осмотрел свои лохмотья. На его уродливом вытянутом лице отразилось невероятное удивление.

– Ты настоящий... – выдохнул он, пятясь. – Я тебя не придумал!!!

Норд, издав кровожадный вопль, прыгнул вперед и мощным ударом свалил проходимца на землю.

– Наконец я очищу разум от твоей грязи! – выдохнул он, хватая врага за горло.
– Сдохни! Сдохни! Мерзавец! Довольно преследовать меня по ночам!

Даглас захрипел, попытался разжать пальцы Уоррена, но быстро сдался и, внезапно, обратился в скользкую водяную змею. Пораженный Норд тщетно пытался ухватить ее за чешую.

– погоди! – прошипел Даглас, когда отполз на безопасное расстояние. – Ты не понимаешь!

– Как раз понимаю! – рявкнул Норд. – Вижу, будет непросто вытравить твою гниль из памяти. Изворотливая... Но я справлюсь. И не с такими змеями справлялся!

Он раскинул руки и вызвал уже успевшие стать привычными ощущения драконьего тела. Засмеялся, чувствуя, как повинуюсь любой прихоти, его иллюзорная оболочка обращается в грозного крылатого ящера.

– Тебе конец, гад... – дракон выдохнул пламя и бросился на Дагласа. Тот, завопив от страха, попытался принять облик тундрового крота и закопаться в землю, но страшный удар бронированной лапы швырнул его на сто ярдов в небо.

Норд бросился следом, даже не замечая, что в этом мире научился летать самостоятельно. За пару взмахов догнав орущего Дагласа, он впился в него клыками и когтями одновременно, бешено рыча и выдыхая огонь меж зубов. Тельце «крота» превратилось в обугленные кровавые кружева.

– Да! – выдохнул Норд. Сложив крылья, он спикировал вниз и впечатал лапой в землю истерзанные останки врага. – Ты наконец мертв!

Тело Дагласа не подавало признаков жизни. Дракон отступил на шаг и, недоверчиво, осмотрел свои окровавленные лапы.

– Я сделал это! – прошептал он, не веря. – Я от него избавился!

– Урод... – простонал булькающий голос.

Подпрыгнув от неожиданности, Уоррен рывком подался вперед, к трупу, и занес над ним когти.

– Стой! – прохрипел Даглас. Его изуродованные останки медленно срастались, вновь принимая человеческий облик.

– Я выжгу тебя из головы!!! – прорычал дракон в дикой ярости.

– Меня... В ней... Нет... – проходимец сжался в комок, защищая ладонями лицо. – Выслушай... Потом жги... Просто выслушай...

– Что ты можешь сказать?! – в бешенстве спросил Норд. – Твоя грязная, склизкая память испачкала мне душу, я знаю всю твою гнилую жизнь, каждое преступление, каждую подлость! Я и представить не мог, что люди способны на... такое! Тварь! – он ударил Дагласа тяжелым драконьим кулаком, раздробив ему все ребра и вызвав вопль боли. – Сдохни!

– В свое время... – выдохнул проходимец, судорожно глотая воздух окровавленным ртом. – Не сомневайся... А сейчас... Надо выбираться из кристалла... Усек, рыцарь ты недо*****, усек? Я настоящий! Не призрак из твоей башки! Меня тоже... Тут... Пленили!

Понимание сверкнуло перед Нордом жгучей шаровой молнией. Отпрыгнув, он даже приоткрыл пасть.

– Наарен! – прошептал дракон. – Ну, конечно! Меня заключили в тот же кристалл, что я похитил!

– Гляньте, какой сообразительный... – простонал Даглас, пытаясь сесть.

Повисла тишина. Норд вновь принял человеческий облик и скрестил на груди руки, лихорадочно размышляя. В пяти шагах от него, Даглас, постанывая, залечивал раны.

– Как ты намерен выбраться из кристалла? – хмуро спросил разведчик, когда проходимец привел себя в порядок. – Да не трать время на пустую болтовню. Мы были в головах друг у друга, нам нечего добавить ко всему, что мы и так знаем.

Даглас, как хорек, бросил на Норда злобный взгляд исподлобья.

– Верно, я тебя знаю... – процедил он сквозь зубы. – Мистер– голубая– кровь, гордость офицерской школы Белварда. Чистенький да благородненький. А я ведь помню, как ваш полк отправили в вольный город Фьёрд... И паренька того с лопатой... Че, удивлен? – Даглас ослабил, глядя, как от лица разведчика отхлынула кровь. – Думал, сам уже позабыл? И не надейся, Норд Уоррен. Нас никто не простит. Нам некуда бежать! – выкрикнул он в ярости.

На скулах разведчика заиграли желваки:

– Не заставляй вспоминать, мерзавец, что видел я в ТВОЕЙ голове.

– А я ангелочков не корчу! – Даглас смачно сплюнул в траву. – Я выживаю! Как умею!

– Любая из твоих жертв имела больше прав на жизнь и свободу, чем ты!

– Господь всемилостивый, да как же ты измельчал, я прям не сразу тебя и узнал–то!

– Лучше заткнись, подонок.

– А то че? – на уродливом лице проходимца заиграла издевательская ухмылка.

– В этой фальшивой стране нам друг дружку не прикончить, мог бы и понять.

Норд стиснул кулаки и шагнул вперед, но Даглас поспешно вскинул руки:

– погоди! Я знаю, как спастись.

Пауза.

– И я должен ТЕБЕ поверить?

– Да я в сто крат больше тебя хочу на свободу!

Норд помедлил.

– Ладно, слушаю.

– Не–е–ет... – рассмеялся Даглас. – Ишь, какой умный. Ты сначала присягнешь именем матушки, что не тронешь бедного пирата и дашь мне уйти восвояси, когда выберемся.

В глазах Уоррена вспыхнул огонь:

– Не смей даже упоминать ее имя, ты...

– Ну, ну, – проходимец хмыкнул. – Я тоже ее помню. Добрая была женщина. И как же ей мало выпало счастья... – он подался вперед. – Норд, знаешь, я людям на слово, э–э–э–э... Не очень верю. Но я видел тебя изнутри, побывал в твоей шкуре. Присягни именем матери. Так я получу гарантии, что клятву ты не нарушишь.

Разведчик хрипло перевел дух.

– Клянусь светлой памятью матушки, что не подниму на тебя руки и не причиню вреда, коли сможешь вернуть свободу.

– И дашь уйти, – с нажимом добавил Даглас.

– Нет. Я передам тебя королевскому правосудию, – прорычал Норд. – И в этом я тоже клянусь именем матери!

Теперь тишина воцарилась надолго. Затем Даглас, почесав в затылке, хрипло рассмеялся.

– Что ни говори, а у переселений душ есть немало плюсов. Сразу знаешь, когда спорить бесполезно.

– Да.

– Думаю, нет смысла убеждать тебя в добрых намерениях...

– Да ты перережешь мне горло в тот же миг, как представится шанс! – с презрением отозвался Норд. Даглас фыркнул.

– Зато и сюрпризом не станет.

– Это уж точно.

Они помолчали, с ненавистью глядя друг на друга. Затем Даглас, крикнув, встал на ноги и пожал плечами.

– Ладно. Отсюда по любому надо рвать когти, а там... видно будет. Иди за мной.

– Куда? – с подозрением спросил Норд. Ответ его поразил:

– В потусторонний мир, – совершенно серьезно сказал Даглас.

Повинуясь жесту его руки, земля расступилась, открыв ниспадающую в пурпурный мрак винтовую лестницу. Пират ступил на нее, не колеблясь, следом – с куда меньшей уверенностью – шагнул и разведчик. Ступеньки тускло загорались густо–красным под каждым шагом.

Довольно долго пленники кристалла шли молча, но наконец Норд обратил внимание, что пурпурный свет вокруг постепенно усиливается, воздух стал ощутимо теплее. Дагласу явно было не по себе, он сутулился и злобно зыркал по сторонам.

– Куда мы идем? – спросил Уоррен, стараясь не нервничать.

Проходимец бросил на него тяжелый взгляд через плечо.

– Впервые обнаружив это место, я думал, так моя душа представляет ад, – ответил он после паузы. – Здесь ведь все... Из наших же голов и вытащено. А видок тут, признай, адский... – процедил Даглас сквозь зубы.

Норд был вынужден согласиться. Спиральная лестница падала все ниже и ниже, в бездну, а там, в клокочущих облаках темно–красной мглы, неторопливо ворочались, перекачивались столь непредставимо–гигантские волны пурпурной магмы, что у Уоррена сами собой зашевелились волосы на затылке. Шестым чувством, из глубины

души родилось слово:

– Тамас... – выдохнул пораженный человек. Уоррен встрепенулся:

– Чего?

– Вечный Огненный Океан, Тамас... – Норд провел рукой по глазам. – О нем говорила драконша, обучавшая меня языку.

– Драконша?! Говорила?!

Уоррен моргнул.

– Погоди, ты что, ни разу не видел пришельцев?

Потрясенный Даглас замотал головой:

– Драконы? – спросил он недоверчиво. – Все это время за мною гонялись... драконы?!

Норд хмыкнул.

– Ну да.

– Из Стальной Птицы спустилось жуткое чудовище!

– Такое же, как ты убил на острове?

– Верно... – Даглас вздрогнул. – Откуда тебе изве... А. Конечно.

Уоррен развел руками:

– Непросто, когда помнишь друг о друге все.

Даглас помолчал.

– Да уж... Драконы... Ну да че теперь делать, драконы так драконы.

Уоррен скрестил на груди руки и огляделся. Алые тучи клубились ярдах в ста ниже места, где стояли люди, спиральная лестница тонула в них без следа.

– Куда мы идем?

Даглас покачал головой:

– Увидишь... – пленники продолжили спуск.

Как всегда бывает с облаками, они поражают издали, и невидимы вблизи. Разведчик так и не уловил миг, когда в них погрузился. Стало еще светлее, воздух теперь казался горячим, но запахов не было вовсе. Чудовищные пурпурные волны внизу будто бы отдалялись с каждым шагом.

– Осторожней, – предупредил Даглас. – Дальше ступени кусаются.

– Что делают?!

– Шагни вперед. Да не свались!

Растерянный Норд последовал совету и вскрикнул, получив ощутимый удар током.

– Электричество!

– Чего?

– Нас «кусает» электричество, – Уоррен задумался, потом взглянул себе на ноги.

Повинуясь его воле, вокруг ступней материализовались резиновые галоши.

– Сотвори себе такие же. Защитят.

– Из чего это? – спросил пораженный Даглас. – Шкура?

– Плоды драконьего образования... – хмуро отозвался Норд. Легким напряжением воли он создал вторую пару защитной обуви для спутника.

После недолгой заминки, люди продолжили спуск. Изрядно повеселевший Даглас шагал быстрее, Норд едва за ним поспевал. В молчании прошло с полчаса, когда пират, наконец, остановился и протянул руку вперед:

– Вот, куда мы идем, – сказал он тихо.

Уоррен почувствовал, как по спине течет холодный пот. Вдали, в облаках тумана, угадывались очертания сверкающего огненного фонтана. Норд не сразу понял, почему потоки горячей магмы кажутся застывшими, и лишь приглядевшись, ощутил, что сейчас утратит самообладание и с воплем бросится вверх по лестнице, прочь от невозможного, в милый и уютный мир собственных грез.

Фонтан не был замерзшим: он просто был слишком далек. И это значило, что размеры даже самой крохотной пламенной капли обращали в песчинки человечьи города и даже драконий звездолет. исполинский, колоссальный, подавляюще огромный факел горел в непредставимой дали, и людям его было попросту не с чем сравнивать – ведь ни Даглас, ни Норд не бывали в космосе. Но подсознательно, в глубинах разума оба понимали, на ЧТО они смотрят, и это заставляло кровь леденеть, а сердца судорожно биться.

– Боже... – прошептал Норд. Даглас криво усмехнулся.

– Точно. Тут всякий уверует.

– Что это?!

– Я не знаю, – пират пожал плечами. – Я видел тени, скользящие к Фонтану и

летающие от него, видел призрачные шхуны, бороздившие огнепад, поднимавшиеся ввысь из бездны. Я тебе вот что скажу, Норд: может, на поверхности, эта тюрьма и впрямь жалкая фальшивка, сотканная из наших же снов. Но там... – Даглас понизил голос. – ТАМ все настоящее.

– Не сомневаюсь, – хрипло прошептал Уоррен.

– Я пытался сделать к нему мост, – глухо сказал пират. – Но здесь очень сложно творить, будто чем глубже, тем... РЕАЛЬНЕЕ все вокруг, а значит, и мы слабее. Стоит отвлечься, творения начинают таять.

Он покачал головой.

– В одиночку не справиться. Непременно уснешь от усталости, а проснешься... там, – Даглас с дрожью кивнул вниз, на тускло алеющие волны океана Тамас. – Но вдвоем, отдыхая по очереди, мы доведем мост до Фонтана.

– А что потом?

– Потом? – переспросил Даглас и ухмыльнулся. – Проберемся на шхуну, или захватим корабль, или отыщем дорогу на поверхность – да какая нахрен разница?! Мы вновь будем живы! Этого мало?!

Норд помолчал, размышляя.

– Нет, не мало... – протянул он после долгой паузы.

– Так ты в деле?

– В деле, – разведчик твердо кивнул. – Сотвори– ка мне площадку покрепче, десять на десять ярдов. Опробую крылья.

Даглас открыл рот.

– Крылья?!

– Не зря ж я столько месяцев провел в драконьей чешуе, – хмуро отозвался разведчик.

Слегка растерянный, пират проглотил вопросы и обернулся лицом к бездне. Напрягся, стиснул кулаки. Повинуясь его воле, из пустоты начал возникать дощатый настил, сходный по конструкции с корабельной палубой.

Норд молча ждал. Когда площадка достигла нужных размеров, он вышел в ее центр и попрыгал, проверяя на прочность.

– Постарайся меня не уронить, дракон весит до хрена, – предупредил он

Дагласа. Тот невольно потер грудь:

– Да уж не напоминай...

Решительно отвернувшись, Норд зажмурился и приказал своему телу измениться. Это получилось на удивление легко – открыв глаза, разведчик с удовольствием осмотрел прекрасно знакомого буро–зеленого могучего ящера.

Только теперь, сотканный его собственным подсознанием, облик дракона не казался чулком, натянутым поперек сапога. Норд, впервые, действительно ощущал себя драконом – полноценным, летающим, необычайно сильным и быстрым. Ударив крыльями, он легко взмыл в пурпурную мглу и описал петлю вокруг лестницы.

Все было в норме и разведчик спланировал к площадке. Даглас смотрел на него очень странно.

– Вернулся? – спросил с легкой дрожью в голосе.

Норд вздрогнул. Он только сейчас внезапно понял, что пират–то ему больше не нужен. И нарушать клятву не придется, если просто оставить его тут...

Разведчик смерил ненавистного ему человека долгим, тяжелым взглядом.

– Забирайся на спину, – сказал глухо.

Даглас сильно вздрогнул.

– Почему...?

– Думаю, ты знаешь, – Норд скрипнул зубами. – Ведь ты был в моей шкуре.

Пират помедлил.

– А ты был в моей... – сказал негромко.

– Верно. И хорошо сознаю, что поменяйся мы местами, ты бы не вернулся. Только душу не изменишь... – дракон хлестнул себя хвостом. – Лезь на спину, пока я не раскаялся!

Даглас молча приблизился. Разведчику пришлось подставить ему лапу, чтобы человек сумел устроиться на спине высокого дракона. К этому времени площадка уже начала скрипеть и раскачиваться.

Расправив многометровые крылья, Норд Уоррен прынул во тьму и помчался к свету.

Глава 18

Наарен сверкал всеми оттенками аквамарина, мерцал тончайшими прожилками синего пламени. Лаэллин жила в таком кристалле много веков, наблюдала за ними сотни лет, и все же не могла наглядеться. Она знала, что каждый наарен представлял собой многомерную структуру, и видимый в нашей Вселенной «кристалл» был всего лишь проекцией настоящего объекта. Наарен можно было как угодно перемещать в трехмерном континууме, возить с планеты на планету, но относительно других своих измерений каждый кристалл оставался в вечном покое.

«Это легко понять, если положить монетку на лист бумаги и таскать ее когтем из стороны в сторону» – вспомнила Лаэллин один из своих самых первых уроков. – «Монетка движется влево и вправо, но высота ее над листом неизменна...»

Драконесса невольно улыбнулась. Аоки... Бесстрашная Аоки. Лаэллин помнила день, когда израненную до полусмерти, утратившую память ящерицу доставили в медицинский сектор Оазиса, и спасти ее доверили лучшему целителю долины – юному мечтателю Тари. Кто бы знал, к чему это приведет...

– Дай осмотреть крыло, – знакомый голос отвлек драконессу от грустных мыслей. Мелеис стояла рядом, держа наготове блестящий прибор с огромным количеством игл, датчиков и полусфер на шарнирных манипуляторах. Серебряную дракону пробрала дрожь от одного взгляда.

– Я в порядке! – поспешно отозвалась Лаэллин. – Как там Вермитор?

– Ест за четверых.

– Ест? – серебряная моргнула. – Не поняла?

Мелеис пожала крыльями.

– Регенератор экранирует аярские кормилки, Вермитор проснулся голодный, как шесть диких драконов. Я отсыпала ему целый ящик биомассы. Покажи крыло, – сурово повторила зеленая.

Лаэллин с досадой прижала гребень:

– С врачом не поспоришь, да?

– Именно.

– Ну, ладно, – она расстегнула пояс, бросила его на стол, где до сих пор лежал без сознания бедный Малахит. В просторной операционной было тихо и пахло медикаментами, мягкий свет струился с потолка. Отойдя в угол помещения, Лаэллин улеглась на белое массажное ложе и распластала оба крыла вдоль специальных подушек. Боль в раненном суставе вновь ненадолго дала о себе знать, но Мелеис уже склонилась над покрытым слоем нанитов переломом.

– Ого, воспаление тканей... – пробормотала она. – Ты плохо питалась эти дни?

– Один раз наелась соленой рыбы.

– И, разумеется, с утра до ночи мучала крылья, хотя должна была лежать неподвижно!

Лаэллин виновато улыбнулась.

– Прости. Меня трижды пытались убить.

– Трижды? – Мелеис вздрогнула.

Серебряная дракона грустно вздохнула:

– Да... Сначала лазерная атака на дрон, потом солдат с арбалетом в лесу, и наконец цыгане с химическими гранатами.

– Надо же! Не любят тебя Аяр.

– Заслуженно, – хмуро отозвалась Лаэллин.

Зеленая драконесса установила жутковатый прибор на серебряную перепонку и начала раздвигать манипуляторы, прикладывая смазанные гелем стальные электроды то тут, то там.

– Будет немного колоть, потерпи.

Лаэллин с сомнением прищурила глаза:

– Что за штука?

– О, редкая вещь! – с гордостью отозвалась Мелеис. – В наше время такие уже не делают... Погоди... Вот и готово.

– Ай! – тело Лаэллин скрутила внезапная судорога, по спине прошла дрожь. – Какого хвоста?!

– Не бойся, все позади, – улыбнулась Мелеис и, не меняя тона, спокойно добавила: – Этот прибор выводит из строя любые имплантаты Легиона.

Потребовалось несколько секунд, чтобы смысл фразы дошел до разума

серебряной драконессы. Дико вскрикнув, Лаэлин попыталась вскочить, но миниатюрная зеленая дракона внезапно с ускользящей от взглядов скоростью нанесла ей серию ударов в нервные окончания, и парализованная Лаэлин с грохотом свалилась на пол.

Голос Мелеис прозвучал ровно, однако нотки торжества в нем все же угадывались:

– Эффект длится около минуты и не оставляет вредных последствий. Кажется, ты тоже владеешь этой техникой?

– За что?! – прохрипела Лаэлин.

Зеленая дракона, хрипло дыша от напряжения, втащила гораздо более крупную серебряную обратно на массажное ложе, заломила ей все четыре лапы за спину и сковала их вместе с крыльями и хвостом. Еще один комплект медно– красных кандалов, точно таких же, как использованные Сиракс против Малахита, приковал шею Лаэлин к массивному стальному основанию ложа.

Обездвижив пленницу полностью, Мелеис нашла время ответить на ее вопрос. Причем сделала это без слов. Молча, улыбаясь краешком пасти, она отвинтила у скованной серебряной протез рога и поднесла ампулу к своей голове. Яркое алое свечение показалось Лаэлин приговором.

– Нет... – прошептала она, не в силах поверить. – Я же тестировала...

– О, твой сверхсекретный мини– синхрон работает исправно, – заверила ее Мелеис. – Только я ведь поднималась на первый этаж проведать Вермитора. Стоило протестировать меня и по возвращению, легионер. Теряешь хватку.

Она сдавила ампулу в кулаке, та жалобно хрустнула. Мелеис заботливо привинтила пустой протез обратно на голову свирепо дергающейся пленницы и отошла к операционному столу. Подняла сверкавший там наарен.

– Сколько ж прошло веков... – прошептала Мелеис, разглядывая осколок древнего кристалла. – А я действительно верила, будто избавилась от этого проклятия раз и навсегда... – она покачала головой и спрятала камень в кармашек на поясе. Обернулась к плененной драконице:

– Скольких Аяр ты убила? – спросила холодно. Лаэлин смерила противницу бешеным взглядом:

– Недостаточно!!!

– Ошибаешься. Ты не убила ни одного. – Мелеис усмехнулась. – Скажи, тебе не кажется странным, что я проявляю эмоции? Мне доставляет явное удовольствие злорадствовать над твоим положением. Это не вяжется с каноническим поведением Аяр. Я должна вести себя, как биоробот. Верно?

Зеленая драконесса умолкла и вопросительно наострила перепончатые ушки. Лаэллин моргнула.

– Чего ты хочешь?!

– Ответь на вопрос.

– Откуда я знаю, с какой целью ты притворяешься живой?!

– А я не притворяюсь, – усмехнулась Мелеис.

Повисла тишина. Лаэллин с шумом дышала ноздрями, зеленая ждала. Наконец, серебряная хрипло прорычала что-то сквозь стиснутые зубы.

– Ладно. Кошка желает поиграть с мышью. Я готова.

Мелеис с явным наслаждением потянулась, играя блестящими крыльями.

– Помнишь, что сказал агент в теле карлика? – спросила она с неожиданной серьезностью. – Что Аяр это состояние, а не раса?

– Помню. Легиону было известно об этом столетиями.

– Это лишь часть правды, – отозвалась Мелеис. – Видишь ли, Хранительница, разумные существа не обязаны следовать привычной вам всем модели «единого организма», где тело является носителем хранящегося в его биологическом мозге сознания. Мы, Аяр, используем разнесенную «облачную» модель. Тела для нас – просто узлы бесконечной сети, мы существуем одновременно в любой точке Вселенной. Я, прямо сейчас, говорю с тобой в этом нелепом космическом лагере, и параллельно участвую в нескольких дискуссиях на планетах, суммарное расстояние между которыми превышает миллион световых лет.

– Мечтай! – огрызнулась Лаэллин. – С тех пор, как великая Аоки уничтожила ваши ульи в межгалактическом пространстве, вы изолированы в пределах каждой звездной системы!

Мелеис медленно улыбнулась.

– А я все жду, когда ж ты меня узнаешь.

Повисла напряженная тишина. Наконец, Лаэллин сузила глаза:

– Потребуется кое– что посерьезнее лживых слов, чтобы я в такое поверила.

– Может, станцевать? – серьезно спросила зеленая дракона. – Помнится, я так и не успела принять участие в том конкурсе. Врум помешал, свалившись в центр Оазиса с телом Ахава в когтях. Кстати, как там Кауран? Помнится, он был весьма перспективным существом. Из него получился бы идеальный Аяр.

Лаэллин задохнулась. Мелеис –то есть, Аоки – медленно кивнула:

– Да, Хранительница, это я. Твоя бесстрашная ящерка. Решила навестить лично, когда мне передали запись разговора с агентом. Прости за покушения – если б местные знали, как я к тебе отношусь, никто не посмел бы и приблизиться.

Она усмехнулась краешком пасти:

– Огорчать МЕНЯ – достаточно плохая идея.

Потрясенная, уничтоженная Лаэллин зажмурилась.

– Но это невозможно! – вырвалось у нее. – Ты же сама создала Легион! Обучила нас бороться с Аяр, первой бросила им вызов! Нас просто не было бы сегодня, если б не ты! – серебряная запнулась. Аоки кивнула.

– Вот именно. Начинаешь понимать?

– Что понимать?! – в панике крикнула Лаэллин.

Аоки вздохнула и развела изумрудными крыльями.

– Хранительница... Я задам один простой вопрос, который, как ни удивительно, почти никто в Легионе не додумался спросить за сотни лет работы вашей... организации. Хорошенько подумай и не спеши с ответом, ибо ответ очень важен.

Она присела на корточки и заглянула серебряной драконессе в глаза.

– Аяр существуют миллиарды лет, – спокойно сказала Аоки. – Мы храним память даже не поколений, даже не планет, мы храним память галактик. Всю науку, бесконечный прогресс, все знания мириадов цивилизаций, большинство из которых на порядок превосходили вашу нынешнюю. Так вот, мой вопрос: скажи честно, как ты думаешь – за все эти миллиарды лет, мы, владеющие знаниями сотен галактик, так и не придумали ничего лучше внедрения паразитных разумов в биологические тела дикарей? – во взгляде Аоки промелькнуло веселье. – Если ответишь «да», это будет, пожалуй, самое страшное оскорбление, которое тебе удавалось.

Лаэллин надолго умолкла, пожирая глазами противницу. Та ждала.

– Хорошо, – выдавила наконец серебряная дракона. – Согласна. У вас, наверняка, есть куда более интересные занятия. Я даже готова допустить, что большинство из них лежат принципиально вне границ нашего восприятия, и понять их мы, смертные, попросту неспособны. Но разве это хоть что-то меняет? Для нас? Да, мы выяснили, что Аяр тратят на смертных миллионные доли процента своих истинных возможностей. Нам-то не легче! Мы боремся за право оставаться личностями, за право жить, как нам нравится, а не как считают правильным высшие существа!

– Ты ведь сознаешь, что просто цепляешься сейчас за стереотипы и пытаешься оправдать застой? – спросила Аоки.

– Застой?

– Конечно. Превозносимые тобою «вечные ценности» не только не вечные, они фальшивые. Взгляни на меня, – зеленая драконесса подмигнула. – Разве я лишилась чего-то? Утратила индивидуальность? Самоопределение? Я по-прежнему Аоки, которую ты знала, отдельная личность, обладающая эмоциями, персональной памятью и, разумеется, характером! – крылатая фыркнула, сморщив на мгновение носик. – Но, в то же время, я нечто настолько неизмеримо БОЛЬШЕЕ, что одно лишь мое описание физически не уместится в твоём мозгу, имеющем суммарную емкость в смехотворные 12 петабайт. Я способна общаться одновременно с десятками тысяч разумных, поддерживая плодотворную беседу с каждым. Я НАХОЖУСЬ параллельно в сотнях звездных систем, мой разум существует вне шор биологических тел, я по-настоящему свободна – в отличие от тебя, скованной таким количеством рефлексов, инстинктов и табу, что мне доставляет вполне реальную БОЛЬ вспоминать о них.

– А про Тари ты вспоминаешь? – тихо спросила Лаэллин. Аоки запнулась.

– Как я могу о нем забыть?

– Мне кажется, ты уже позабыла.

– Что за бессмысленное заявление?

Серебряная горько улыбнулась.

– Ты всемогущая богиня. Тебе ведь не составит труда точно смоделировать одно воспоминание и пережить заново... Ту ночь.

В глазах Аоки веселье пропало начисто.

– Это причинит мне огромную боль.

– Почему?

– Потому, что я не способна изменить прошлое.

– Но ведь ты хотела бы его изменить, – совсем негромко сказала Лаэллин. – Ты отдала бы все свое бесконечное могущество, все неисчислимы умения – за шанс вернуться.

Зеленая дракона долго не отвечала.

– Отдала бы, – отозвалась она наконец. – Не колеблясь.

– Значит, Ахав ошибался! – с волнением прошептала серебряная. – В ту ночь ты не разучилась любить!

Аоки покачала головой:

– Ахав не ошибся. Моя любовь умерла вместе с Тари. Я всего лишь скорблю о крохотном эпизоде одной из своих бесчисленных жизней, – она вздохнула. – Скорбь тоже часть меня, Лаэллин. Еще одно подтверждение полноты моей личности.

– И тебе не страшно?

– Нет.

– Я не верю.

– Напрасно, – холодно ответила Аоки. – Я любила Тари больше жизни. Это бессмысленно отрицать. Когда он... В ту ночь вместе с ним умерла огромная часть меня, это неоспоримо. Сохранилась жалкая тень. Оболочка для примитивных эмоций – ненависти, горечи, жажды мести.

– Ты так и осталась оболочкой, – с болью выдавила серебряная. Аоки медленно покачала головой.

– Нет. Нет, в данном вопросе ты ошибаешься. Травма затянулась со временем, а позже я нашла новую цель в жизни – месть за гибель Тари.

– И бросила вызов его убийцам! – горячо подхватила Лаэллин. – Ты атаковала Аяр, уничтожила их древнейшие базы за границами Галактики! Создала Легион, обучила нас биться за свободу! И ради чего? Когда проклятый карлик сказал, что Аоки теперь одна из Аяр, мне хотелось расхохотаться, столь нелепо прозвучала его ложь!

– Я не «одна из Аяр», – спокойно отозвалась зеленая дракона. – Я и есть Аяр. Помнишь, я говорила про умение одновременно общаться и присутствовать в сотнях

тысяч локаций?

Лаэллин оцепенела.

– То есть.... Погоди... Ч Т О ?!

– Хранительница, ты сейчас разговариваешь с Аяр. Со мной. Других нет и никогда не было. Везде, повсюду, всегда, в каждом уголке Вселенной была только я.

Аоки улыбнулась при виде ошарашенного выражения в глазах серебряной драконы.

– Мы не пленники своих тел, – напомнила она. – Мы сеть. Бесконечная, безграничная, всемогущая. Каждый из нас индивидуален и самобытен, например я сейчас – Аоки, которую ты знала. Но мы едины, если хочешь мы – один гигантский организм. Вообрази лес с общей корневой системой. Или колоссальную межзвездную грибницу. В таком лесу не будет двух одинаковых деревьев, но физически – это одно–единственное дерево. Я, Лаэллин. Аяр.

Пораженная серебряная драконесса, молча, смотрела на свою бывшую ученицу – а, позже, наставницу. Аоки развела крыльями.

– Наверно, легче будет понять, если представишь кристалл с мириадами граней, и на каждой написано имя. Сейчас кристалл повернут к тебе гранью «Аоки».

– Маска! – бросила Лаэллин сквозь зубы.

– Примерно, – улыбнулась драконица.

– А как же Мелеис, в чьем теле ты сейчас находишься? Как же Сиракс, Вермитор, все ваши бесчисленные пленники?

– Пленники? – переспросила зеленая. – Выкопать отдельно растущее, страдающее деревце, и пересадить в здоровый благоухающий лес, означает пленить?

– В лесу это деревце зачахнет без солнца.

– В лесу его не сожгут заживо!!! – внезапно рывкнула Аоки с такой дикой, первобытной свирепостью, что из ноздрей ее драконьего тела прорвались языки пламени. Лаэллин отпрянула, широко раскрыла глаза.

– О, небо... – прошептала серебряная, в ужасе глядя на противницу. – Ты же мстишь... До сих пор мстишь за него?! Кому?!!

– Я опоздала в ту ночь, –задыхаясь от гнева, дрожа всем телом, выдохнула зеленая дракона. – Больше никогда. Я больше никого не потеряю. Хорошенько это

запомни, смертная! – хлестнув Лаэллин хвостом по лицу, Аоки в бешенстве вскочила и вышла из операционной, выбив дверь страшным ударом. Потрясенная драконесса осталась в одиночестве, связанная по лапам и крыльям.

Пара минут прошла в тишине, Лаэллин была слишком шокирована внезапным пониманием происходящего. Она даже не сразу опомнилась, расслышав знакомый низкий голос:

– Злюка ушла?

– Малахит! – вскрикнула серебряная. Ее бывший ученик, до сих пор лежавший на операционном столе без движения, сел и содрал с головы шлем ментосканнера.

– Я все слышал, хоть и не все понял, – негромко произнес огромный бурозеленый дракон. Лаэллин с волнением дернулась в путах:

– Освободи меня!

– Ой, прости... Сейчас! – Малахит спрыгнул на ощутимо вздрогнувший под его тяжестью пол и подбежал к пленнице. Нахмурился: – Грррр, я помню такую веревку. Ее не порвать. Сейчас дохну этим, как его... Палящая туча! Приготовься.

Лаэллин зажмурилась. Ее спину обдало жаром, массажное ложе и все вокруг мгновенно вспыхнуло, но композитные кандалы, не рассчитанные на пирокластику, неохотно расплавились. В тот же миг сломанные кости пронзила острая боль – наниты тоже сгорели. Отряхиваясь от капель жидкого металла и волоча крыло, серебряная вскочила в языках пламени. Обняла Малахита за шею:

– Умница!

– Да я... Так, ничего особенного... – дракон смущенно переступил с лапы на лапу. Пламя вокруг быстро гасло, в лагере все было сделано из негорючих материалов.

Морщась от боли в раненном крыле, Лаэллин выпустила из объятий спасителя и подбежала к операционному столу, где оставила свой пояс. Быстро проверила карманы, не сдержав торжествующий возглас, когда пальцы нащупали крохотный кристаллик– наарен, захваченный в лесу.

– Боюсь, тебя все же придется огорчить, Аоки... – прошипела драконица, надевая пояс. Попыталась запустить имплантаты – тщетно. Лаэллин стиснула зубы:

– Малыш, мы в огромной опасности, – процедила она. – У меня больше нет... волшебной силы, а тебя могут захватить Аяр. Они, как тот человек, понимаешь?

Залезут в голову и станут командовать.

– Понимаю, – хмуро отозвался Малахит. – Давай улетим с острова? Я, вообще–то, летаю очень быстро. Нас не догонят!

Лаэллин с горечью покачала головой.

– Догонят, малыш. Если не дать им бой, скоро во всем мире не останется места, где бы нас не догнали.

– Тогда будем сражаться! Я не боюсь! – Малахит запнулся. – Только... Можно не трогать зеленую самку? Она... Мы с ней... – он смущенно отвел глаза. – Она хорошая! Ну... Была, пока ее злюка не поймала...

– Мы не причиним никому вреда, – ласково отозвалась Лаэллин. – Не бойся. Я умею прогонять злых демонов прочь, мы освободим каждого дракона, каждого человека. Главное, действовать быстро и не ошибаться. Понял, малыш? Делай в точности, как я скажу!

– Ясно, – зелено– бурый несмело улыбнулся. – Ты чуть– чуть похожа на Кави, знаешь? Добрая и заботливая. Я с тобой прежде не говорил, но я помню все, что человек видел моими глазами.

Лаэллин встрепенулась:

– Все помнишь?

– Угу...

– И как выглядит Сиракс, тоже?

– Красная с косичками?

– Да, она... – Лаэллин глубоко вздохнула. – Первой следует освободить ее. Это будет очень непросто, малыш, Сиракс прошла боевую подготовку, которая тебе и не снилась. Даже мне с ней не справиться без... волшебной силы. Но вместе мы победим!

Малахит гневно встопорщил гребень:

– Я не боюсь!

– И правильно, – Лаэллин лизнула его в нос. – Иди за мной, тихо и незаметно, словно... На охоте. Понимаешь?

– Конечно, – зелено– бурый устало вздохнул. – Я не глупый, Лэллина. Я быстро учусь.

Серебряная с болью отвела взгляд. Необходимость подвергать наивного

детеныша такой опасности, выворачивала ее наизнанку. Тряхнув гривой и преодолевая боль, Лаэллин сложила на спине раненное крыло и, крадучись, вышла в коридор. Там, как она и предполагала, никого не было.

Беглецы прокрались к лифту, где серебряная нажала кнопку минус– девятого уровня. Пока хрустальная кабина беззвучно ехала вниз, Лаэллин стояла зажмурившись, медитируя и собирая волю в кулак. Когда двери, наконец, раскрылись, из них вышла не растерянная испуганная драконесса, а опытный воин Легиона Аоки.

Легиона, чей создатель отныне был их злейшим врагом...

Клацнув зубами, Лаэллин помотала головой и, быстрым шагом, двинулась к складу в конце коридора. Малахит не отставал; удивительная для столь крупного дракона способность красться беззвучно, сейчас пришлась как никогда кстати. Выдержка изменила ему лишь на складе – оказавшись в окружении сверкающих машин и непонятных механизмов, крылатый раскрыл от восхищения пасть и высунул язык.

– Не отвлекайся! – Лаэллин подбежала к нему с баллончиком нанитов. – Принеси вон ту штуку и помоги ее надеть.

Пока буро– зеленый тащил новый прибор УГС– ПВ, драконесса вновь напылила целебную мазь на раненный сустав. Хотя боль пока не утихла, Лаэллин, стиснув зубы, заставила себя плотно сложить оба крыла на спине и сунула их в композитные чехлы, предназначенные для защиты перепонки от флаттера на сверхвысоких скоростях.

Малахит, слегка озадаченный, помог серебряной застегнуть ремни. Лаэллин быстро провела калибровку. Едва УГС сообщил о готовности, драконица обернулась:

– Помнишь, как человек в твоём теле пользовался аппаратом?

– Угу! – дракон закивал.

– Тебе придется управлять похожей машиной. Открой во– он тот ящик.

Малахит послушался и, скоро, с недоумением разглядывал массивный шахтерский скафандр. Внезапно, он встрепнулся:

– Это же доспехи! – дракон просиял. – Как у рыцарей! Я буду носить доспехи?!

Лаэллин горько кивнула.

– Дай, помогу надеть...

Несколько минут пыхтения и неловких движений.

– А как я летать буду? Тут крыльями и не шевельнуть!

– Для этого, мы наденем второй УГС поверх скафандра...

– Я и сам умею летать!

– Знаю, малыш, знаю. Но, без доспехов, Сиракс тебя растерзает быстрее, чем успеешь щелкнуть хвостом.

Зелено– бурый устало вздохнул.

– Да не боюсь я ту красную! – недовольно дергая кончиком хвоста, он принес второй аппарат. Лаэллин помогла дракону надеть его и подготовить. Отошла назад, придирчиво осмотрела.

– Ладно. Сойдет. Теперь слушай: чтобы победить Сиракс, мне нужно будет несколько раз ткнуть ее в разные точки на теле. Потом я быстро изгоню из ее разума демона, и Сиракс станет нам помогать. Твоя задача: навалиться на нее всей тушей и держать, как бы ни дергалась!

– Ясно! – Малахит просиял. Лаэллин отвела взгляд:

– Запомни, Сиракс гораздо сильнее тебя и владеет боевыми искусствами. Она может сломать тебе лапу или крыло. Будет очень больно, она знает, куда бить. Прошу, вытерпи все, только держи ее пока я не закончу. Доспехи помогут уцелеть... – серебряная запнулась, когда буро– зеленый внезапно шагнул вперед и, ласково, лизнул ее в щеку.

– Я не птенец, – очень серьезно сказал Малахит. – Меня готовили к битвам. Идем. Я не дам тебя в обиду.

Лаэллин с огромным трудом взяла себя в лапы и, неохотно, кивнула.

– Идем.

– А сама не хочешь надеть доспехи?

– Мне потребуется очень быстро и точно двигаться.

Малахит встрепенулся:

– А давай я ее стукну хвостом по башке!

– Ты не успеешь ее ударить.

– Не успею?! Еще как успею!

– Ох, малыш... – Лаэллин с болью погладила его по спине. – Надеюсь...

Оба дракона покинули склад и направились к лифту. Проходя мимо громадной стальной двери в защищенную секцию, серебряная внезапно остановилась и, с удивлением, потянула носом воздух.

– Что? – Малахит нервно оглянулся.

– погоди... Стой тут! – Лаэллин бросилась в лабораторию и, спустя минуту, вернулась с радостной улыбкой на лице. В лапах она держала небольшой ярко-красный баллон с кучей предостерегающих надписей.

– Ты сильный? – спросила быстро. Дракон, вспыхнув, рывком поднялся на дыбы:

– Я раздавлю всех врагов!!!

– А раздавить этот баллон сможешь?

Фыркнув от возмущения, Малахит протянул лапу, но Лаэллин отпрыгнула:

– Не тут! Наверху. Закрой шлем скафандра, – она помогла юному крылатому опустить забрало. – Меня слышно? Отлично. Малыш, как только увидишь Сиракс, просто раздави баллон. Драться не придется!

– У– у– у... – с некоторым разочарованием протянул Малахит.

– погоди секунду, я надену кислородную маску... – Лаэллин сбегала на склад и вернулась в респираторе. – Идем! – они вошли в лифт.

Пока кабина ехала вверх, драконица старалась успокоить нервы. Малахит стоял рядом, могучий и наивный, совсем как герои из древних человеческих сказок. Он не имел даже малейшего понятия, какой опасности подвергается, но был готов на все ради беспомощной (как он полагал) подруги. Сколько же таких юношей пожрала война, сколько надежд разбилось о реальность... Серебряная до боли стиснула когти.

Двери раскрылись беззвучно, коридор был пуст. Малахит, молча оттеснив спутницу, вышел вперед и двинулся к приемному залу, пригибаясь к полу и держа напряженный хвост неподвижно. Лаэллин шла следом.

В светлом фойе медицинского центра тоже никого не оказалось. Серебряная стиснула зубы; на открытом пространстве газ не подействует так быстро, Сиракс успеет покалечить Малахита. Тронув того за плечо, Лаэллин приказала вполголоса:

– Затаись у главных ворот. Попробуем ее подманить.

– Ясно...

Глубоко вздохнув, Лаэлин вышла на улицу. Здесь ничего не изменилось, слабый ветерок по–прежнему гнал вдоль земли осенние листья. Драконесса сняла респиратор и потянула носом воздух.

Запах Сиракс был слаб, след обрывался у самых дверей – здесь алая воительница взмыла в небо. Лаэлин включила УГС и плавно поднялась до уровня крыши. Медцентр был наиболее высоким зданием базы, отсюда весь лагерь открывался как на ладони. И зрелище заставило драконессу, ахнув, поспешно нырнуть в укрытие за стеной.

Два десятка незнакомых драконов стояли правильным квадратом на бывшей танцплощадке, множество людей стужали с их спин одинаковые серые мешки. Все двигались слаженно и уверенно, крылатые не переговаривались друг с другом и даже не вертели головами. Лаэлин мимоходом подумала, что одна вот эта сценка превращает в пустую болтовню все заверения Аоки.

Сама Аоки, точнее несчастная Мелеис, тоже стояла там, чуть в стороне, очевидно контролируя разгрузку. Главной цели Лаэлин – красной Сиракс – нигде видно не было, зато крылатая с болью заметила юного Вермитора, застывшего статуей поодаль от танцплощадки. Проклятые твари времени не теряли...

«А вот и Сиракс» – Лаэлин вздрогнула. В просвете между соседними постройками мелькнула знакомая алая чешуя. Куда она направляется? Неужели к...

– Тысяча хвостов! – прошипела дракона, стрелой пикируя к дверям медцентра. Черно–красная шла проведать пленницу.

– Готовься! – выдохнула Лаэлин, врываясь в фойе и прячась за мощным телом Малахита. – Едва дверь откроется, раздави баллон!

– Понятно... – пробормотал великан. Драконесса ощутила, как под броней скафандра напряглись его могучие мышцы и сама, поспешно, натянула респиратор.

Еще пару минут ничего не менялось, затем ворота медицинского центра раздвинулись и Сиракс ступила на мягкие маты. В тот же миг раздался громкий хлопок; белое облако стремительно расширявшегося и замерзавшего газа–анестетика заполнило помещение.

– Вперед! – рявкнула Лаэлин.

Малахит бросился в атаку. Сиракс, с ее невероятной реакцией, успела задержать

дыхание и выскочить на улицу, однако частички газа все же осели в ее ноздрях и драконессу шатало. Когда набросился громадный буро–зеленый, Сиракс сумела лишь отпрыгнуть. В следующий миг Малахит навалился на нее всеми своими двумя тоннами.

– Держи ее так! – Лаэллин рухнула на колени рядом с упавшей воительницей и стремительно, за секунду, нанесла ей серию ударов когтями обеих передних лап. У Сиракс приоткрылась пасть, голова беспомощно откинулась. Серебряная драконесса выхватила из секретного кармашка на поясе наарен:

– Охраняй! – рявкнула на Малахита. Тот вскочил, принял боевую стойку. Лаэллин поспешно уложила ладонь с наареном на лоб беспомощной Сиракс.

«Обратная Паутина», как всегда, заморозила время, но на сей раз у серебряной драконицы не имелось ни возможностей, ни желания действовать деликатно. Грубо взломав защиту Аяр, проникшего в разум воительницы, Лаэллин растерзала его прямо в голове Сиракс, не тратя силы на попытки выманить. Во время войны делать подобное, зачастую, приходилось в пылу перестрелок, за секунды.

– Готово! – выдохнула она, отключая сознание от наарен. – Малахит, тащи нас в укрытие...

– Лэллина?! – всполошился буро–зеленый, глядя, как его серебряная подруга, без сил, оседает рядом с черно–красной воительницей.

– Быстрее... – простонала Лаэллин. Дрожа от волнения, молодой дракон подхватил ее передними лапами, будто плюшевую игрушку, и потащил к дверям медцентра.

– Нет! – серебряная слабо замотала головой. – Там газ!

Растерянный Малахит замер.

– Ох...

– Вон туда, видишь, дверь приоткрыта!

Кивнув, зеленый великан подбежал к одному из подсобных строений рядом с медцентром и бережно занес Лаэллин внутрь. Спустя несколько секунд, притащил и Сиракс. Серебряная, с трудом, заставила себя сесть.

– Малыш, – позвала она, стянув респиратор. – Ты умница. У нас все получилось.

Малахит, еще растерянный, пытался открыть забрало скафандра. От слов драконессы, на его лице появилась робкая улыбка.

– Здорово...

– Помоги встать. Ох... – Лаэллин качнулась, но сильные лапы дракона не дали упасть. – Так всегда бывает, не бойся. Через минуту буду в порядке. Она тоже, – серебряная обратила взгляд на Сиракс.

Красная воительница, как раз в этот миг, впервые очнулась. Пару секунд лежала бездвижно, глядя в пустоту, затем рывком села и схватилась за виски. Из пасти Сиракс вырвался мучительный стон.

– Теперь они знают координаты лагеря и коды запуска звездолета, – мрачно сказала Лаэллин. – У нас почти не осталось времени.

Алая драконица подняла на серебряную взгляд, полный ужаса. Та горько улыбнулась.

– В первый раз попалась Аяр? Бедняжка. Я знаю, знаю. Теперь все позади.

Сиракс зажмурилась, ее трясло.

– Я не могла сопротивляться... – выдохнула красная с непередаваемым ужасом.

– Меня будто... Я... словно была...

– В цепях, – тихо сказал Малахит.

Обе драконицы, рывком, к нему обернулись. В глазах Лаэллин вспыхнуло сострадание.

– Прости, малыш, что и тебе пришлось испытать подобное. Прости... – крылатая поникла. Сиракс чудовищным усилием воли взяла себя в лапы и даже сумела встать.

– Они готовят звездолет к старту, – простонала драконица, царапая землю когтями. – Мы ничего не успеем сделать, Лаэллин!

Серебряная покачала головой.

– Успеем. Я надеялась, что до этого не дойдет, но выбора нам не оставили. Сиракс, – она подошла к красной вплотную и взяла ее за крыло. – Есть еще один способ добраться до Родника.

Алая драконица непонимающе нахмурилась, но что-то в глазах Лаэллин подсказало ответ. Сиракс застыла:

– Ты же не собираешься...

– Прости, – серебряная поникла. – Прости. Мне следовало так поступить сразу

же, как здесь появились Аяр, но я... Я... Слишком боялась за свою никчемную жизнь.

– Лэлина? – встревоженный Малахит, будто огромный кот, протиснул голову между драконессами и уставился серебряной в лицо. – О чем ты говоришь?

Крылатая, с большим трудом, заставила себя улыбнуться:

– Малыш, охраняй дверь. Нас не должны застать врасплох.

– Но я...

– Это очень важно, – жестко произнесла Лаэллин. – Я рассчитываю на тебя, Малахит. Не подведи.

Растерянный дракон, помедлив, с огромной неохотой кивнул и отошел к дверям. Его хвост нервно дергался. Сиракс, проводив взглядом буро–зеленого, обернулась к Лаэллин.

– Что ты задумала? – спросила вполголоса.

– Все кристаллы наарен связаны с океаном Тамас, – тихо ответила серебряная. – Если нырнуть в кристалл достаточно... Глубоко... Я окажусь в энергетическом плане, откуда можно всплыть к любому Роднику во Вселенной. Ближайший, разумеется, и будет тем, что мы ищем.

Сиракс помолчала.

– Это опасно?

– Это билет в один конец, – Лаэллин беспомощно улыбнулась.

Красная вздрогнула:

– Исключено. Мы найдем другой путь.

– За жалкие оставшиеся часы? – серебряная вздохнула. – Не спорь. У тебя есть куда более важные дела.

Она вытащила наарен из кармашка на поясе и сунула его в лапу красной воительницы.

– Когда я... Уйду, кристалл нужно охранять. Мне потребуется какое–то время, чтобы добраться до энергетического плана.

Голос Сиракс утратил краски.

– Я могу пойти с тобой?

– Увы... – Лаэллин горько качнула головой. – Здесь нужна совсем другая подготовка. Запомни, если перекрыть Родник, пленники Аяр погибнут вместе с ними.

Я должна заставить их добровольно всех отпустить, – крылатая скрипнула зубами. – К счастью, я знаю, как это сделать, но тебе все равно придется изучить в стационарном синхроне каждого дракона и каждого человека на этом острове. А затем повторить со всеми членами экспедиции, начиная с капитана. Запомнила?

– Запомнила.

– Я рассчитываю на твою подготовку и верность долгу.

Сиракс отвела взгляд.

– Я не подведу. Прости, что считала тебя... – она запнулась, когда серебряная поднесла ей ко рту крыльевой коготь:

– Все хорошо. Это жизнь. Таковы уж мы... Смертные, – Лаэллин на миг зажмурилась. – Прощай.

Сиракс отпрянула.

– Но... Погоди... Прямо сейчас?!

Серебряная драконесса, горько улыбнувшись, уложила ладонь на кристалл, что красная держала в руке. Ее тело жестоко дернулось, глаза закатились, и Лаэллин, не издав ни звука, мертвой упала на пол.

– Лэллина?! – Малахит бросился к подруге, но Сиракс его перехватила и заключила в объятия. – Что с ней?!

– Она отправилась на битву за нашу свободу, – хрипло сказала черно– красная дракона. – Мы теперь можем лишь ждать.

Сиракс стиснула в кулаке сверкающий синий кристалл и добавила бесцветным, ровным голосом:

– Ждать и верить.

Глава 19

Норд Уоррен мчался в бесконечной пустоте, рассекая пурпурную мглу драконьими крыльями. Полет напоминал сон, винтовая лестница давно растворилась вдали и весь горизонт, от края до края, от неба до бездны, занимал непостижимый огненный Фонтан.

Его грандиозность просто не укладывалась в разуме. Подавляющий, пугающий,

колоссальный, исполинский, титанический, циклопический – в языке людей отсутствовали подходящие эпитеты. Чем ближе подлетал дракон, тем страшнее становились истинные масштабы невероятного чуда.

Даже на том расстоянии, где сейчас находился Норд, чувствовался истекавший от Фонтана палящий жар. Помня об устойчивости драконов к огню, Уоррен надеялся уцелеть, что же касается Дагласа...

Бывший пират молча сидел на спине своего крылатого спутника поневоле. Он так и не проронил ни слова за весь полет, слишком шокированный сводящим с ума зрелищем впереди. Когда температура воздуха достигла опасного для человека порога, Норд решил первым нарушить молчание:

– Сможешь принять облик дракона?

– Я не умею обращаться в бездушных тварей, – глухо отозвался Даглас.

– Пора учиться, иначе сгоришь.

– Сие мне не дано. Пробовал уже. Не понимаю, как у тебя получается.

– Опыт... – процедил Уоррен сквозь зубы. Оглядевшись, он заметил медленно кувыркавшуюся в пустоте глыбу размером с его родовой замок и заложил вираж в ее направлении. Захлопал крыльями, приземлился:

– Слазь, – приказал Норд. – Обождешь тут, пока я разведу путь.

Даглас не стал спорить и легко спрыгнул со спины дракона. Уоррен медленно обвел взглядом горизонт.

Глыба, на которой стояли они с человеком – ноздревая, темная, неправильной формы – была лишь одной из бесчисленного множества. Норд ничего не знал о небесной механике, астероидах и орбитах, но здравый смысл ему подсказывал: летающие горы вертятся вокруг Фонтана, и чем к нему ближе, тем быстрее.

– Ты говорил, будто видел мчавшиеся к свету небесные корабли и странные тени? – вполголоса спросил дракон. Даглас кивнул.

– Много раз.

– Они должны быть невероятно огромными, чтобы заметить на таком расстоянии.

Пират пожал плечами:

– Чо видел, то и сказал.

Норд задумался. Поднял голову, обернулся в сторону винтовой лестницы. Некоторое время размышлял, постукивая когтем по скале.

– Мы ведь давно не в кристалле, так?

– Да уж наверное!

– Стало быть, это... – дракон бросил взгляд на Фонтан, – ...существует само по себе. Мы использовали кристалл, как врата.

Даглас кивнул.

– Говорю же, потусторонний мир.

– Да– а... – протянул Норд. – Только есть загвоздка. Мы ведь лишились своих тел. Сейчас, в этот миг, и я, и ты... – он запнулся, но все же выдавил – ...ну– у, привидения, наверно? Иначе не скажешь.

– Мы души, избавленные от брэнной оболочки, – очень серьезно отозвался бывший пират.

Уоррен стиснул зубы:

– Тогда каким, черт возьми, образом, я сейчас стучу когтем по этой скале? – он процарапал в камне бородзку. – Новых тел мы никак не могли получить, облик дракона я сам сотворил лишь несколько часов назад.

– И че это значит?

– А то, что все вокруг – такое же наваждение, как сотканная из наших снов мнимая реальность в кристалле! – жестко ответил Норд.

Даглас задумался. Почесал в затылке.

– Коли этот мир – сон, кому же он снится?

Норд сглотнул.

– Хороший вопрос... – он бросил взгляд на Фонтан. – Дракониша, учившая меня языку, лишь пару раз упоминала океан Тамас. По ее словам, это... Ну... – он неопределенно покрутил крылом. – Энергия. Я не очень хорошо понял, что значит «энергия», но в целом, она вроде как море, созданное из огня.

Даглас хмыкнул.

– А че горит–то?

– Ничего не горит. Огонь тут, как у нас воздух. Просто есть, и все, – Норд перебрал крыльями. – Куда важнее другое. В этом океане водятся энергетические

рыбы. Стустки живого пламени. Они, как бы, есть, но в то же время – сотканы из одного огня с морем. Лаэллин говорила, что сама жила в...

– Лаэллин? – перебил Даглас. Разведчик запнулся.

– Так ее звали.

– Сюрприз... – пират хмуро покачал головой. – Я тоже с нею знаком, хоть и не подозревал, что она дракониха. Подумать только, ящерица! В общем... Если помнишь, стержень и скалы...

Крылатый невольно дернул лапой к груди:

– Это твоя память, не моя!

– Теперь общая, – Даглас криво усмехнулся. – Короче, там была Лаэллин. Типа, спасала мне жизнь, бла– бла– бла. Небось, из кристалла выпустить отказалась!

Норд с трудом улыбнулся.

– Да, узнаю свою учительницу. Спасать жизни она любила. Так вот... – дракон вздохнул. – Думаю, мы сейчас – энергетические. Как рыбы, что водятся в огненном море.

– Бульк– бульк, – издевательски отозвался Даглас. Уоррен почесал крыльевым когтем за рогом:

– Сам понимаю. Но других идей нет.

– И каким боком это поможет нам выбраться на свет божий?

Дракон неопределенно повертел крылом.

– Ну– у... Тени и корабли, что ты видел, должно быть путешествуют из кристалла в кристалл. Сам посуди: коли сюда можно попасть, отсюда можно и вырваться.

Даглас прищурил глаза:

– Типа камни, это острова, а мы сейчас в открытом море?

– Именно! – обрадовался Норд. – Каждый кристалл – остров, или, точнее, порт.

– Хе... Мне море дом родной, – бывший пират почесал в затылке.

Дракон раздраженно дернул хвостом:

– Тогда хватит отсиживать зад и поделись опытом!

Даглас помолчал. Встал на ноги, оглядел горизонт.

– Все тени, что я видел, мчались на большой высоте, – буркнул человек. Норд

энергично кивнул:

– Отлично! Лезь на спину, попробую взлететь выше.

– Не торопись... – Даглас прищурил глаза. – Посмотри– ка лучше во– он туда.

Дракон быстро обернулся и вздрогнул. На огромном расстоянии, заметно ниже их глыбы и дальше от Фонтана, медленно двигался мерцающий огонек.

Норд молча присел и протянул Дагласу лапу. Тот, крикнув, взобрался дракону на спину. Сильно оттолкнувшись от скалы, Уоррен взмыл в темно– красную мглу и помчался навстречу огоньку.

Тот был гораздо дальше, чем казалось на взгляд, и с каждой минутой становилось яснее, что «крохотный» светлячок в действительности не уступает размерами королевскому замку. Прошло около часа, прежде чем Норд долетел до цели.

«Огонек» вблизи напоминал летающую цитадель звездных драконов, но был еще более громадным и внушающим трепет. Колоссальная, несколько тысяч футов вдоль каждого из ребер, четырехгранная металлическая пирамида парила во мраке вершиной «вниз» – если считать Фонтан тянувшимся снизу– вверх. Грани были усыпаны яркими огнями, непонятными выступами и впадинами, сложными бороздами со светящимся узором на дне. Верхняя плоскость, живо напомнившая Норду базу звездных драконов, выглядела как миниатюрный город с башнями, куполами, освещением вдоль улиц и даже небольшой стартовой площадкой, где виднелась парочка крылатых машин. Даглас, который ничего подобного раньше не видел, глазел на пирамиду, открыв рот.

Норд испытывал неуверенность и тревогу. После знакомства с драконьей экспедицией, он уже знал, что жизнь существует повсюду среди звезд. Но встретить космический корабль ТУТ, в призрачной пурпурной бездне, казалось почти таким же чудом, как пламенеющий на горизонте Фонтан. В его желто– оранжевом свете, постройки на палубе пирамидального звездолета отбрасывали длинные, зловещие тени.

Между тем, обитатели корабля, похоже, заметили парящего дракона, поскольку целая толпа необыкновенных существ высыпала на крупную площадь в центре верхней грани пирамиды. Норд еще пару минут колебался, опасаясь увидеть выстрел или другое проявление враждебности, однако жители корабля не казались

агрессивными, поэтому дракон, решившись, захлопал крыльями и приземлился в центре площади. Даглас на его спине ошалело почесал в затылке:

– Ни хрена себе... – выдавил бывший пират.

Норд был с ним согласен. Обитатели пирамидального звездолета оказались ростом человеку по пояс; покрытые мехом светлых кремовых тонов, они свободно левитировали невысоко над палубой, а формой тела напоминали морских коньков. Коротенькие нижние лапки, практически теряющиеся в меху, намекали, что существа когда-то могли и ходить, но теперь они явно предпочитали левитацию. Верхние лапки, совмещенные с крыльями, были покрыты длинным мехом и щеголяли блестящими маховыми перьями, на концах каждого из трех пальцев имелись цепкие коготки. Голова, вытянутая как у драконов и лошадей, но скорее яйцевидная, без четкой переносицы, и небольшая пасть с короткими плоскими зубами, не оставляли сомнений в травоядном рационе удивительных инопланетян. Об этом же говорил и единственный витой изогнутый рог, что рос у каждого из центра лба.

Милый и безобидный облик дополняли длинные, висящие как у испуганного кролика пушистые уши, раздвоенный хвост с перьями и огромные миндалевидные глаза того же цвета, что и перья. Крохотные носики с точечками ноздрей чуть-чуть пульсировали, как у принимающих грызунов. Существа, вероятно, были двуполыми, поскольку у некоторых вдоль шеи тянулись своеобразные «гребни» из перьев, а коготки на пальцах отличались большей длиной. Одежды они не носили.

Какое-то время человек и дракон, с изумлением, разглядывали инопланетян. Те отвечали им тем же. Наконец, решившись прервать молчание, Норд осторожно улегся на палубу, чтобы не пугать пришельцев своими размерами.

– Вы понимаете слова? – спросил он медленно и отчетливо.

Среди «морских коньков» возникло оживление, но звуков никто не издал. Вместо этого, один из них отделился от толпы и подлетел к дракону на расстояние десятка ярдов. Даглас, стоявший рядом, напрягся.

«Мы общаемся из разума в разум» – тоненький голосок прозвучал в головах одновременно и у человека, и у дракона, заставив обоих вздрогнуть. Норд изумленно приоткрыл пасть.

– Каким образом вы понимаете наш язык?

«Слова – только оболочки для мысленных образов, которые вы вкладываете в них, когда говорите. Мы общаемся на более глубоком уровне, для нас не существует языкового барьера».

– Охренеть... – прошептал Даглас. В сиреневых глазах «морского конька» мелькнуло нечто, напоминающее веселье.

«Вижу, вы лишь недавно покинули материальный мир»

– Так и есть, – настороженно отозвался Норд.

Инопланетянин встопорщил хохолок перьев и распахнул крылья в совершенно понятном жесте приветствия:

«Добро пожаловать!»

Дракон глубоко вздохнул.

– Кто вы? Как называется ваш... народ?

«У нас нет звуковых имен» – ответил пришелец. – «Сами себя мы зовем «паломниками», но это не имя, а описание нашего текущего занятия. Когда паломничество завершится, мы станем «возвращающимися», потом – кем-то еще...»

– Паломничество? – удивленно спросил Даглас. Инопланетянин кивнул, очевидно прочитав информацию о жестах из памяти собеседников.

«Вы измеряете время «годами» ... В таком случае, мы летим уже много тысяч лет» – отозвался он.

– Летите к Фонтану? – Норд наострил уши.

«Нет» – мысленно рассмеялся «морской конек». – «Мы летим на встречу с самым удивительным и редким существом Обитаемого Мира», – в его призрачном голосе появились явные нотки уважения. – «Тысячи лет назад мы провели расчеты и узнали, что именно в этой точке и в этот миг пролетит одно из Ее воплощений».

Даглас, необычайно взволнованный, шагнул вперед:

– Вы говорите о... Творце?

«Да» – пришелец кивнул. – «Миллионы лет назад Она сотворила Обитаемый Мир, ибо не смогла мириться со смертью и жестокостью, царившими там...» – инопланетянин указал крылом куда-то вверх, явно намекая на родной дом дракона и человека. – «С тех пор Она посвятила себя спасению нуждающихся и страдающих, но Она была одинока, а Вселенная слишком велика даже для Богини. И тогда Она

сотворила множество своих воплощений, рассеяв их по бесчисленным мирам, чтобы везде, где еще царит несправедливость, бороться с нею и нести живым существам добро».

В толпе слушавших беседу инопланетян многие, в знак согласия, восторженно затрясли крыльями и принялись качать головами, будто настоящие лошадки. Растерянный и довольно сильно разочарованный Норд перевел дыхание.

– Ясно... – протянул он. – Не подскажите, как вернуться... Наверх? В настоящий мир?

«Настоящий?» – удивился пришелец. – «Обитаемый Мир вовсе не иллюзия, мы куда реальнее жестокого и косного материального плана. Вы действительно хотите вернуться... ТУДА? Где есть смерть, боль, страдания и жестокость, где жизнь дается лишь раз, а ошибки уже не исправить?»

Дракон с трудом усмехнулся.

– Да, пожалуй, туда нам и нужно...

– Говори за себя! – резко бросил Даглас. Глубоко дыша, он обернулся к «морским конькам»: – Вы позволите остаться с вами и взглянуть... на Творца?

«Конечно!» – обрадовался инопланетянин. – «Мы рады любому! За годы странствий, на ковчеге поселились десятки миллионов разумных, мечтающих познакомиться с аватаром Богини и ощутить ее доброту, неописуемое тепло, что излучает ее душа, подобная ярчайшей звезде. Вам везет: до встречи осталось лишь несколько часов!»

Потрясенный Даглас отпрянул, даже Норд с легким удивлением наострил уши. «Морской конек» обернулся к толпе и что-то им сообщил, поскольку его сородичи, радостно помахивая хвостиками, окружили дракона и человека танцующим хороводом.

– Да уж, нам везет: космические монахи, – пробормотал Уоррен, живо вспомнив сестру Алейну, жрицу монастыря Серафимовых Крыл. Даглас взглянул на спутника с презрением, но не стал ничего говорить и отвернулся к танцующим инопланетянам. Тех становилось все больше – в бортах пирамиды начали раскрываться гигантские люки, превращавшиеся в палубы для не умевших летать обитателей.

Сотни и тысячи всевозможных существ спешили на волю, в оранжевое сияние

пылающего Фонтана. Описать их бесчисленное разнообразие было невозможно; сверкающие чешуйчатые киты, прозрачные шары, сотканые из мерцающих нитей русалки... Фантазия «творца», кем бы он или она ни были, воистину не знала границ. Большинство, как и «морские коньки», владели левитацией, и сейчас они роились вокруг пирамиды, будто многотысячные стаи разумных бабочек. Менее удачливые существа, лишенные дара полета, толпились на палубах; звездолет теперь напоминал распустившийся цветок розы с десятками и сотнями лепестков. Грандиозность зрелища произвела впечатление даже на скептически настроенного дракона.

Даглас, задыхаясь от волнения, озирался и что-то бормотал под нос. Догадавшись, что толку от него сейчас не будет, Норд поднялся на ноги и осторожно, боясь раздавить снующих повсюду пришельцев, подошел к перилам на краю палубы.

– Что ж, – пробормотал он, стараясь сохранять трезвое критическое мышление и не поддаваться общему настрою. – Посмотрим...

Какое-то время пурпурная мгла вокруг пирамиды не менялась. Некоторые из парящих инопланетян обладали флуоресцентными органами, их светящиеся следы мешали наблюдать за небом. Однако вскоре дракон заметил в высоте, почти точно над звездолетом, странное явление: так выглядит молния сквозь тучи, но молния сияет лишь краткий миг.

Свет приближался, становясь ярче и... чище. Взволнованный Норд неожиданно ощутил внутри себя какое-то успокаивающее, приятное тепло. Жемчужные лучи озарили палубу, инопланетяне восторженно трясли крыльями, многие из летающих как бы застыли, впитывая живительный свет. Дракон невольно встопорчил гребень шипов.

Сияние продолжало усиливаться, и внезапно, из клубившихся в высоте пурпурных туч появился его источник. Сверкающе-яркий силуэт крылатого существа на мгновение показался Норду жар-птицей из легенд, но свет, хоть и был ослепительно ярким, не причинял глазам боли. Пораженный до глубины души, дракон смотрел на мчавшуюся в высоте драконессу.

Пылающая жемчужным огнем, она заметила звездолет и захлопала крыльями, вероятно удивленная столь теплой встречей. Норд хотел взлететь к ней поближе, но не сумел – предательская слабость подкосила ему лапы, и потрясенный дракон был

вынужден опуститься на палубу. Инопланетяне вокруг притихли, восторженно глядя на Богиню.

А та, по спирали, спланировала к пирамиде и грациозно, будто сотканная из сияния пушинка, ступила на палубу. Облик ее был настолько прекрасен, что у Норда перехватило дыхание, а Даглас вдали молча рухнул на колени.

– Не может быть, – растеряно прошептала Богиня, глядя на буро– зеленого дракона. – Малахит? Как ты здесь оказался?

В голове у Норда взорвался черный шар. Только сейчас, услышав голос, он внезапно прозрел и, мгновенно, узнал невероятную жемчужную драконессу.

– Лаэллин?!

– Каким образом ты последовал за мной? – крылатая подбежала к Норду. – Глупыш, отсюда же нет выхода! Как ты мог, мы же... – она застыла. – Минутку?

Дракон, огромным усилием воли одолев трепет, заставил себя опустить голову.

– Я не Малахит. Я... тот, кого ты обучала не охотиться на разумных.

Лаэллин отпрянула, у нее невольно встопорщился гребень шипов.

– Норд Уоррен!

– Да...

– Ты? – она недоверчиво огляделась. – Здесь?! Как?!

Дракон беспомощно развел крыльями.

– Старый пират отыскал путь из кристалла в этот мир.

– Даглас? – Лаэллин оглянулась, заметила дрожащего на коленях человека и сильно вздрогнула. – Вы сами прошли сквозь контур забвения?! Невероятно! – она попятилась и села на хвост, растерянно моргая. К ней тут же слетелись восторженные инопланетяне, они кружились и жмурились в лучах жемчужного света, будто котята у камина.

– Что тут происходит? – слегка опомнившись и повысив голос, строго спросила Лаэллин.

Один из пришельцев – возможно, тот самый, с кем беседовал Норд – что-то ответил, вызвал на лице драконессы изумление.

– Богиня? – переспросила она. – Я?

Инопланетянин вновь что-то сказал. Лаэллин приоткрыла пасть и, внезапно,

рассмеялась добрым, звонким смехом.

– Одно из воплощений Тайги? О, небо... Это ж надо придумать... – она смеялась, не в силах остановиться. – Ох... Вот чего угодно ждала, но такого... Я! Воплощение! Ой, не могу... – облизнув выступившие на глазах слезы, Лаэллин заставила себя успокоиться и, ласково, провела пальцами по загривку пернатого пришельца. Тот аж затрепетал от наслаждения.

– Я не богиня, я простая целительница, – объяснила жемчужная дракона. – Это свечение присуще моему облику лишь в энергетическом плане, я не знаю, почему. У каждого здесь по-разному проявляются грани личности, мое – как видите – выразилось в целебном сиянии. Оно вовсе не значит, что я какое-то там воплощение какой-то там богини. Не сходите с ума.

Она встала на ноги, грациозно и легко, будто снежинка в струе ветра.

– Простите, должна лететь. Мои друзья в беде.

Инопланетяне разом всполошились, затрясли крылышками. Лаэллин с благодарностью поклонилась и тронула лапой грудь:

– Спасибо за предложение, но вы не можете помочь. Мои друзья остались в материальном плане.

Лидер пришельцев что-то затараторил, драконесса вздохнула.

– Я понимаю. Но ваш корабль испарится даже на подступах к контуру забвения. Простите, – она развела крыльями. – И не спорьте.

Норд, вздрогнув, шагнул вперед:

– Ты возвращаешься в реальный мир? Возьми меня с собой!

– Туда нет возврата, – глухо отозвалась Лаэллин.

– Но ведь ты здесь!

– И останусь здесь, – драконесса гневно оглянулась. – Я умерла, чтобы сюда добраться.

Уоррен чуть не потерял равновесие и отпрянул, приоткрыв пасть.

– Зачем?!

– Не было выбора, – Лаэллин стиснула зубы. – Аяр захватили базу и звездолет. Если не помешать им прямо сейчас, начнется новая многовековая война. Которая затронет не только драконов! – она смерила буро-зеленого суровым взглядом.

– Мне рассказывали, ты тоже пожертвовал жизнью ради шпионской миссии и сжег все мосты, – хмуро сказала драконица. – Возможно, именно ты сумеешь меня понять.

Пораженный Норд медленно кивнул.

– Я понимаю, – он запнулся. – Лаэллин... Прошу, не считай меня врагом. Я был врагом, прежде чем узнал вас, прежде чем... узнал тебя, – он развел крыльями. – Теперь я даже не уверен, человек ли я по–прежнему.

Жемчужная красавица невесело улыбнулась.

– Здесь, – она обвела крылом небо, – Мы больше не пленники своих тел. Здесь каждая душа обретает свободу, и если ты чувствуешь себя драконом – будь им.

Норд в волнении сжал когти:

– Я хочу вернуться!

– Пути назад нет, – жестко отрезала Лаэллин. – Контуры забвения надежно хранят материальный мир. Знаешь ли ты, на что смотришь? – она кивнула в сторону Фонтана. – Четырнадцать миллиардов лет назад, колоссальное извержение в недрах океана Тамас взметнуло этот протуберанец, и одна крохотная его капля, пробив контур забвения, вызвала Большой Взрыв, породивший нашу Вселенную.

Уоррен поник.

– Но как ты намерена помешать Аяр, коли вернуться невозможно? – спросил он с натугой. Лаэллин вздохнула.

– Я напугаю их. Пригрожу вызвать на помощь существ, чья неизмеримая мощь уничтожила Аяр пятьсот лет назад. Они знают, это в моих силах: взвесив последствия, Аяр должны отступить. Они ведь подчиняются строгой логике... – добавила драконесса, скривив губы.

Счастливые инопланетяне водили хоровод в лучах жемчужного сияния, летающие порхали вокруг. Обстановка всеобщего ликования настолько разнилась со словами, что Лаэллин содрогнулась и прижала лапу к виску, пытаясь справиться с эмоциями.

– Я будто вновь дома, на Празднике Цветов... – прошептала она, не в силах удержать слезы. Норд, повинуясь внезапному порыву, шагнул вперед и ласково накрыл драконессу крылом.

– Не плачь, не плачь... Мы справимся.

Лаэллин с благодарностью ткнула носом в плечо могучего дракона.

Помолчав, высвободилась из объятий и отступила на шаг.

– Должна лететь. Прощайте.

– Я с тобой! – вскинулся Норд. Драконица вздохнула.

– Это бессмысленно.

– Люблю тратить время на бессмысленные полеты, – твердо заявил Уоррен. –

Даглас, ты с нами?

Бывший пират, так и не проронивший ни слова, дернулся, приходя в себя.

– Чего?

– Мы летим на битву с Аяр, – терпеливо повторил Норд.

Даглас, помотав головой, провел ладонью по глазам.

– Без меня.

Дракон помедлил:

– Уверен?

– Угу, – он оглядел танцующих пришельцев и развел руками. – Никогда не мог сидеть на месте подолгу. Море звало в плаванье. Этот народец по мне... – усмехнулся пират. – Вечные скитальцы.

«Мы позаботимся о вашем спутнике» – сообщил ближайший «морской конек».

Норд Уоррен, тяжело вздохнув, развел крыльями.

– Пусть будет так. Но я еще вернусь поквитаться с тобой, проходимец!

Даглас махнул рукой.

– Да валите уже...

Драконы переглянулись и, не сговариваясь, ударили крыльями. Тысячи всевозможных летающих существ долго их провожали, но постепенно отстали даже самые упорные, и гостеприимный звездолет– пирамида исчез вдали.

Норд Уоррен мчался во мгле, крылом к крылу со сверкающей жемчужной богиней.

Лаэллин мчалась в пурпурной мгле, крылом к крылу с человеком, ставшим драконом. Еще недавно она участвовала в охоте на вражеского агента, который захватил разум невинного Малахита, подверг опасности беспомощную Мелеис и тяжело ранил юного бесстрашного Вермитора. Судьба, порой, выдавала такие коленца, что впору было прописать ей принудительное лечение...

Драконий облик Норда Уоррена практически не отличался от внешности бедного Малахита, разве только глаза – зеркало души, с усмешкой вспомнила целительница – стали карими, как некогда у их подлинного хозяина. Подобный цвет у настоящих драконов не встречался.

Хотя в реальном мире Норд так и не успел освоить полет, здесь он летал столь же легко и свободно, как сама Лаэллин. Крылатые мчались во тьме, удаляясь по касательной от грандиозного протуберанца, что человек метко прозвал «фонтаном».

– Нам предстоит еще долгий путь, – заметила Лаэллин, бросив взгляд на парившего рядом спутника. – Поведай свою историю. Подлинную, – добавила она с нажимом.

Норд отозвался не сразу.

– Хорошо, – сказал он наконец без особой радости в голосе. – Теперь–то какая разница... Я был офицером в небольшой крепости Данжн Рич, вел спокойную и мирную жизнь, драконами никогда не интересовался. Затем опухоль в груди вынудила уйти в отставку. Жить оставалось недолго, все лекари королевства были бессильны меня спасти. Как водится в таких случаях, я решил навести порядок в делах и посетить родственников, попрощаться. Только в крепости Долмархолл, едва я приехал, мой разум захватил знакомый тебе Даглас. И не видать Норду Уоррену более света, кабы в тот же час самого Дагласа не похитили могучие пришельцы со звезд... – разведчик поведал обо всем, что случилось, ничего не скрывая и не пытаясь обелить свои поступки. Лаэллин слушала молча, очень внимательно.

– ...так и окончилась моя миссия, – грустно завершил рассказ Норд. – Последнее, что помню – жуткий, выворачивающий наизнанку страх, когда Мелеис подключила тело Малахита к своей машине и меня засосало в бездонную черную воронку. Не думал, что доведется еще пожить, однако драконы куда честнее людей, и слово держат.

Лаэллин криво усмехнулась.

– Я чуть не подралась с Сиракс, когда та хотела уничтожить кассету с матрицей твоей личности.

Норд скрипнул зубами.

– Эта красная тварь не больший дракон, чем я! Ты – подлинная, Лаэллин. Такие, как ты, дают крылатым право гордиться своим народом.

Жемчужная рассмеялась, хоть и без особого веселья.

– Ирония. Вот мы вдвоем летим на битву ради драконов, при этом мы оба не имеем отношения к драконьему племени. Я родилась, точнее вылупилась, скромной травоядной ящеркой в заповеднике на планете, которая была уничтожена миллионы лет назад.

– Что?! – Норд пораженно моргнул. – Ты не дракон?!

– Теперь и вовсе ни одним боком, – мрачно кивнула Лаэллин. – Прежде, у меня хоть тело было драконье, но оно мертво, и теперь я – призрачная богиня для кучки нелепых пернатых существ... – она стиснула зубы. – А впереди ждет бой с моей лучшей ученицей, которая, спустя века, стала моей же наставницей и примером для подражания.

Уоррен прищурил глаза:

– Уж не та ли самая Аоки, чей день ваша экспедиция столь бурно праздновала?

– Она, да, – глухо сказала драконица.

– Ты описывала ее, как величайшую воительницу в Галактике...

– Верно.

– Что же случилось?

Лаэллин отвела взгляд.

– Я не знаю ответа. И не хочу его искать. Аоки предала все, за что мы веками сражались с ней во главе. Она предала память своего первого и единственного возлюбленного, несчастного Тари, который погиб, спасая из горящего ангара... – драконесса запнулась, но все же докончила: – ...меня.

Норд присвистнул.

– Ого. А это не могло повлиять... на ваши отношения?

– Вряд ли, – сухо бросила Лаэллин. – В ту ночь Тари меня спасти не сумел.

– А– а– а?!

– Я сгорала заживо, но в последний миг успела дотянуться до осколка наарен и нырнуть в него целиком, так же, как сделала сегодня. Члены экспедиции, которую возглавляли Тари и свирепая Валерия, не нашли камень в золе. Позже мне рассказали, что в ту ночь Аоки, чуть не утратившая рассудок после гибели возлюбленного, бросила остальных и ушла в снежную пустыню, а Валерия заставила уцелевших продолжить путь, и все они сгинули без следа... – Лаэллин помолчала. – Несколько месяцев кристалл с моим разумом валялся в снегу, затем планета взорвалась, и камень швырнуло в космос. Миллионы лет он парил в пустоте, пока однажды не рухнул в обитаемый мир. Там я переселилась в тело неразумного зверя, и много позже, когда началась война с Аяр, стала драконессой. Бойцом Легиона Аоки.

Она скрипнула зубами.

– Пернатые бедняги, с пирамиды, возомнили меня аватаром мифической богини жизни. Меня! Большой насмешки... Ррррау! – Лаэллин издала громовой рык идохнула пламенем. – Да из меня такая же богиня, как...

– Тссс! – прервал встревоженный Норд. – Слышишь?

Жемчужная драконица наострила уши.

– Да, – согласилась она. – Мы приближаемся.

– К чему? Что это за звук?

Лаэллин улыбнулась.

– Мы зовем такие места «Родник», это естественные каналы между энергетическим и материальным мирами. Грохот, что ты слышишь, производит падающая в Родник энергия. Там... – она посмотрела вверх – ...дома, Родники обычно выглядят как вулканы, но с нашей стороны мы увидим воронку.

Норд вздрогнул.

– Сквозь них можно вернуться?!

– Нет.

– Но если это путь...

– Обратной дороги нет! – резко оборвала Лаэллин.

Уоррен помолчал, бросил на спутницу странный взгляд.

– Можно вопрос? Дороги нет СОВСЕМ, или...

– Совсем.

– Точно?

Рассерженная драконесса обернула голову:

– Я, кажется, предельно ясно выразилась!

Зеленый дракон прищурил глаза:

– Аяр ведь жители этого мира, правда?

– Допустим, – ледяным тоном отозвалась Лаэллин.

– И они способны проникать в наш, захватывая разум?

– ДОПУСТИМ.

– А мы сейчас подлетаем к месту, откуда Аяр попадают из энергетического плана в материальный?

Жемчужная издала утробный рык:

– Не стоило брать тебя с собой!

Норд щелкнул зубами:

– Успокойся, пожалуйста. Я ведь не предлагаю самим заделаться Аяр и отнимать у кого–то тела.

– Правда? – Лаэллин хрипло дышала. – По– моему, ты как раз это и предлагаешь!

Уоррен помолчал.

– Нет, – сказал он очень серьезно. – Уже нет. После знакомства с Малахитом. Когда я... Придумал план с переселением в драконье тело, я даже не вспомнил, что «драконье тело» было живым драконом. Впервые мне открыла глаза девушка Кави, любившая Малахита еще до того, как я... – Норд стиснул зубы – ...его поработил.

– Она рассказывала, да, – процедила Лаэллин сквозь зубы. Разведчик отвел глаза.

– Позже, на острове... Малахит, наивный драконий детеныш, спросил, вечно ли ему оставаться рабом. И в этот миг я ощутил, что из воина превратился в...

– Чудовище, – закончила мысль жемчужная. Буро– зеленый натужно кивнул.

– Так что, я хорошо тебя понимаю, Лаэллин. Не злись.

Она долго молчала, работая крыльями как отлично смазанный механизм.

– Прости, – буркнула, наконец драконесса. – Это очень болезненная для меня тема.

– Догадываюсь...

– Едва ли, – она свирепо мотнула головой. – Довольно болтовни. Мы прилетели.

Норд вздрогнул. Впереди, среди клубящихся облаков темно– красной мглы, виднелось еще более темное отверстие. Пространство заполнял низкий, на грани инфразвука гул, ощущавшийся всем телом, вокруг провала мерцали странные огоньки. Лаэллин забила крыльями, сбрасывая скорость.

– Ближе ни взмаха, – предупредила очень серьезно. – Дальше неподготовленному бойцу делать нечего. Твой прошлый опыт здесь бесполезен, даже от Сиракс тут толку бы не было. Еще раз повторяю: помочь мне ты НЕ СМОЖЕШЬ, зато погубить сумеешь в секунду, коли заставишь отвлечься на твое спасение. Понимаешь? Хочешь ПОМОЧЬ – жди ЗДЕСЬ, не подводи меня, человек.

Норд помедлил с ответом.

– Позволь хоть сопровождать. Я не стану вмешиваться, но вдруг потребуется срочная помощь?

– И как ты намерен помогать? – устало спросила крылатая. Зелено– бурый встопорщил гребень шипов:

– Да хоть как–нибудь! Два дракона всегда лучше одного.

– Особенно, когда оба лишь притворяются, – хмуро уточнила Лаэллин. – Что ж... Летим, но имей в виду: возникнет дилемма – я буду вынуждена спасти экспедицию, а не тебя.

– Принято, – Норд кивнул. – Вперед! – они ударили крыльями и помчались к воронке.

Вблизи, Родник производил куда большее впечатление. Он хоть и не мог похвастаться грандиозными размерами, наподобие Фонтана или пирамидального звездолета, но был достаточно велик, чтобы драконы на его фоне казались мошками. Низкий гул давил на разум, провал выглядел как искривление самого пространства – Родник можно было видеть лишь благодаря искажениям, что привносил он в темно– красные мглистые тучи, заполнявшие в этом мире все.

Лаэллин, впрочем, мчалась не прямо к воронке. Ее целью была россыпь огоньков, роившихся неподалеку от «раструба». Чем ближе драконы к ним подлетали, тем яснее становилось, что это живые существа – нечто среднее между птицами,

медузами и китами. От первых, у них имелись светящиеся симметричные перья двумя полосками от глаз до хвоста и огромные, очень похожие на крылья передние плавники, медуз напоминала обширная бахрома флуоресцирующих щупалец вокруг всего тела, да и само тело было полупрозрачным, с лоснящейся кожей, вдоль которой пробегали волны света. Общая же форма туловища и размеры странных существ вызывали в памяти горбатых китов с их широченными плавниками.

– Аяр? – тихо спросил Норд. Лаэллин хмыкнула.

– Смеешься? Это местные рыбы. Они всегда кормятся у Родников.

– Кормятся? – нервно переспросил Уоррен. Драконесса бросила на него насмешливый взгляд.

– Едят только красных, не бойся. Зеленым ничего не грозит.

– Я серьезно.

Лаэллин фыркнула.

– Я тоже. Они питаются светом, но усваивают лишь длинные волны, от инфракрасных до оранжевых. Вокруг Родников излучение концентрируется и привлекает рыбу.

– А твое жемчужное сияние их не рассердит?

Драконесса вздохнула:

– Скорее, распугает...

Так и случилось; едва крылатые долетели до «косяка», массивные существа начали в панике бить плавниками и разлетаться в стороны, стремясь избежать лучей света. Лаэллин помрачнела.

– Видишь, как все относительно? – спросила глухо. – Мое «целебное сияние» теперь причиняет боль.

Норд не ответил. Драконы промчались сквозь стаю и зависли на месте, ритмично ударяя крыльями. Здесь, впервые, стало заметно, что от воронки тянет жаром.

– Будь предельно внимателен, – жестко сказала Лаэллин. – Рыба всегда собирается к точке наиболее интенсивного излучения, где-то здесь должен скрываться аярский портал.

– Как он выглядит?

– Он невидим в обычном свете, только в поляризованном. К сожалению, у нас нет призм для глаз, но, если прищурить веки до тоненькой полоски, иногда можно разглядеть мерцающее пятнышко. Бери сектор по правое крыло, затем поменяемся.

Кивнув, разведчик прикрыл веки, оставив крохотную щелочку. Некоторое время они с Лаэллин изучали пустое пространство.

– Я что–то нашел, – сообщил Норд вполголоса.

– Где? Укажи!

– Во– он там, будто соринка в глаз попала, видишь?

Обрадованная драконесса издала торжествующий возглас:

– Умница! Летим!

Они с места набрали большую скорость и, спустя минуту, приземлились на тусклый черно–серый диск диаметром в сотню метров. Даже стоя на его поверхности, различать текстуру было непросто – глаза сразу начинали болеть. Желто–оранжевое сияние далекого Фонтана в диске совершенно не отражалось, гасли и жемчужные лучи Лаэллин.

– Вот он, главный секрет Аяр, позволивший им поработить всю Галактику, – мрачно сказала драконесса. Норд вздрогнул:

– Что это за материал?

– Никто не знает, – грустно отозвалась Лаэллин. – Есть теория, что Аяр отыскали уцелевший сегмент предыдущей Вселенной, той, что существовала до Большого Взрыва, и где могли иметься совершенно другие физические законы. Кристаллы наарен, скорее всего, тоже оттуда.

Присев на хвост, она постучала когтем по тусклой поверхности диска.

– Их удивительный материал существует одновременно и в энергетическом, и в материальном плане. Там, у вас дома, где–то спрятан этот самый диск, на котором мы сейчас стоим.

Лаэллин обернулась к темной воронке, заслонявшей полнеба.

– Родник позволяет проникать между мирами, не тратя колоссальную энергию на взлом контуров забвения. Но только лишь потому, что подлинного «проникновения» нет; образно выражаясь, это изгиб метрики. Вообрази мембрану, закрывающую туннель. Порвать ее невозможно, но, если найти **ОЧЕНЬ** тонкое место, удастся как бы

растянуть ее в бесконечно длинные «пузыри» и спокойно действовать в материальном мире, хотя технически ты никогда не покидал своего.

– Так вот почему Аяр гибнут, если перекрыть Родник!

– Именно, – жестко отозвалась Лаэллин. – Они, как бы, в водолазных колоколах, связанных с поверхностью длинными тонкими шлангами. Сквозь эти шланги Аяр дышат. А мы сейчас стоим у истока, и можем перетянуть каждый шланг, хе– хе, веревочкой.

Драконесса помрачнела и опустила голову.

– Только это убьет и всех поработанных носителей.

Норд сглотнул.

– А их много?

– Даже если всего один, мы не пойдем на хладнокровное убийство невинного пойманного в ловушку существа.

– Но ведь на кону судьба целого мира, разве можно...

– Норд! – рявкнула Лаэллин. – Если мы это сделаем, мы сами превратимся в Аяр. А значит, нас не стоило и спасать. Понимаешь?

Дракон покачал головой.

– Я понимаю ТЕБЯ, Лаэллин. Ты не права, но я тебя понимаю. Запускай свой план. Попытаемся все решить без крови.

Жемчужная молча отвернулась и встала на ноги. Повинуясь жесту ее лапы, по диску пробежала волна огня, затем еще одна, и вскоре тусклая черная поверхность стала ритмично пульсировать.

«Обращение офицера Легиона, Лаэллины Ауры, к каждому прошедшему портал Аяр» – низкий, громоподобный голос прозвучал у Норда в разуме и дракон даже подпрыгнул. В тот миг, пока всего его лапы не касались диска, голос утих. Нервно дергая хвостом, Уоррен отошел от Лаэллин на пару шагов и уселся по– собачьи, готовый рвануться на помощь.

«Обращение офицера Легиона...» – повторила жемчужная драконесса. Напротив нее, из диска призрачными фигурами поднялись десятки существ – изумленный Норд узнал Мелеис, Вермитора, но были и другие драконы, множество людей. Судя по всему, проекция Аяр в энергетическом мире повторяла внешний вид

их текущих носителей.

– Многие тут меня знают, – жестко произнесла Лаэллин. – Как видите, я отыскала Родник и могу уничтожить вас всех за секунду. Однако я хочу избежать гибели носителей. Поэтому мною разработан безупречный план, апеллирующий к вашей логике.

Аяр молчали и сидели неподвижно – все, кроме Мелеис. Призрачная зеленая драконесса свирепо хлестала себя хвостом.

Лаэллин глубоко вдохнула:

– Мне известны координаты ближайшего аванпоста Диктаторов. Проверьте: 27771, 90, 61010161, 43. Достичь этой точки вдоль нормали к нашей полусфере океана Тамас удастся менее, чем за четырнадцать стандартных единиц. Помешать мне вы не сумеете, ибо я не проходила ваш портал. Улететь с планеты на захваченном звездолете не хватит времени; моя экспедиция не успела пополнить запасы топлива корабля достаточно для межзвездного полета. Добыча в шахте №7 на юге архипелага, должна была продолжаться еще три местных года.

Лаэллин оглядела молча слушавших Аяр.

– Диктаторы умеют использовать складки К– пространства, эффективно реализуя сверхсветовое перемещение в метрике материального мира. На такое не способна более ни одна известная галактическая раса. По истечению, максимум, пятнадцати стандартных единиц, я вернусь в эту систему вместе с вашими наиболее опасными и беспощадными врагами. Вы должны сознавать, что Диктаторы уничтожат не только конкретную группу Аяр, прошедших портал и атаковавших экспедицию, но и последуют по вашим следам в энергетический план, отыскав и разрушив любые сохранившиеся колонии. В отношении своих врагов они столь же логичны и последовательны, как Аяр.

Одна из призрачных фигур легонько шевельнулась.

– Чего ты хочешь?

– Немедленно отпустите всех захваченных носителей. И драконов, и людей, и других существ, если таковые имеются. Я уже озвучила свое предложение одному из ваших агентов, и сказала, что повторю его только один раз, стоя у Родника. Это – ваш последний шанс избежать неминуемой гибели.

Аяр некоторое время молчали, вероятно совещаясь между собой. Затем, ответила же фигура:

– Твой план достаточно опасен и имеет высокие шансы на успех. Для нас это неприемлемо. Позволь задать несколько уточняющих вопросов.

– Задавайте.

– Как ты оцениваешь свои шансы уцелеть в энергетическом плане на протяжении четырнадцати стандартных единиц?

Лаэллин усмехнулась.

– Я жила в этом плане шестьдесят девять миллионов стандартных единиц.

Аяр вновь ненадолго умолкли.

– Как ты оцениваешь шансы, что Диктаторы согласятся оказать вам военную поддержку?

– Сто процентов, – жестко ответила драконесса.

– Обоснуй.

– В прошлый раз, мы не обращались к ним за помощью. Они пришли сами, оценив опасность Аяр для галактического сообщества. В этой оценке ничего не изменилось.

– Мы согласны с твоим анализом, – помолчав, отозвался Аяр. Лаэллин подалась вперед всем телом:

– Никакие преимущества от продолжения вашей текущей операции не могут перевесить риск, что я приведу Диктаторов.

– Нет никаких гарантий, что ты все равно их не приведешь, даже если мы выполним требования.

Лаэллин покачала головой.

– Я могу дать слово, но это не гарантия. Поэтому я предлагаю вам наарен. В распоряжении экспедиции имеется крупный кристалл, способный вместить всех Аяр этой системы. Пусть один из вас пожертвует собой, оставшись в теле носителя, и лично запустит наарен к звездам. Не имея информации о траектории камня, ни я, ни Диктаторы, никогда не смогут вас отыскать. У вас же, напротив, сохранится шанс начать все сначала, когда наарен достигнет обитаемой планеты.

– Есть и другие колонии, подвергать которые опасности мы не можем.

– Поэтому в ваших интересах уничтожить любые следы, ведущие к ним. Поскольку вы сами этим займетесь, вы получите гарантии, что даже Диктаторам не удастся их отследить.

Лаэллин подалась вперед:

– Единственными существами, кто знает путь к колониям, будете вы сами. А вы окажетесь в наарен, вне досягаемости как Диктаторов, так и любых других обитателей этой планеты.

Долгое молчание.

– Последний вопрос. Что мешает нам сделать все это, предварительно уничтожив носителей?

Лаэллин холодно улыбнулась.

– Я.

– Поясни.

– Я не перекрываю Родник только потому, что желаю спасти друзей. Если с ними что-то случится, я не стану звать Диктаторов, – спокойно сказала Лаэллин. – Я просто порву вам плотки и буду смеяться, глядя, как вы задыхаетесь.

Норд Уоррен восхищенно приоткрыл пасть, но Аяр молчали. На сей раз совещались они очень долго. Затем Мелеис, впервые подав голос, шагнула вперед:

– Мы принимаем твои условия с одной поправкой.

– Слушаю, – отозвалась Лаэллин.

– В теле носителя останусь я. Как только наарен будет запущен, я вызову тебя на битву и уничтожу.

Норд вскочил на ноги, но Лаэллин сделала ему резкий жест крылом не вмешиваться.

– Зачем тебе это, Аоки?

– Я сохранила эмоции, став Аяр, – призрачная дракона в бешенстве хлестнула себя хвостом. – Твоя смерть доставит мне радость.

Лаэллин смерила бывшую ученицу долгим взглядом.

– А что будет, когда я погибну?

– Я вернусь в Тамас и продолжу свой поиск.

– Поиск чего?! Смерть Тари была несчастным случаем!

– Есть и другие Тари, они погибают ежесекундно, миллионами, вырывая кровавые куски из сердец тех, кто их любит, – глухо ответила Аоки. – Я слишком могущественна, чтобы с этим мириться. Тебе, и другим жалким червям, пресмыкающимся на крохотных планетках, никогда не понять. Бессмысленность и жестокость смерти не умещаются даже в моем разуме.

Она мотнула головой на своих молчаливых спутников.

– Ты ведь наверняка гадаешь, как я могла предать все, за что мы вместе сражались столетиями. А я однажды ночью смотрела на звезды – и осознала, внезапно, вспышкой, что в моей жизни просто нет смысла. Никакого. Я поняла, что умерла в ту ночь, вместе с Тари, а сохранилась даже не тень, сохранилась кукла. Я дрыгалась на ниточках памяти, механически, внутри я была пуста. Вот, что сотворила со мной любовь! – рявкнула Аоки, плача и не замечая слез. – Тогда я сказала себе: есть лишь один способ вернуть жизни смысл. Не месть, Лаэллин. Разве месть его оживит? Нет, я сказала себе: хватит. Больше никогда. Я больше никого не потеряю. А для этого, требовалось изменить сам мир – его механику, фундаментальные законы, по которым вертится эта проклятая Вселенная.

Аоки зло рассмеялась.

– Да, я стала Аяр, ибо в тот миг я не знала никого могущественней. А мне требуется могущество и сила, вся, что есть в мире. Теперь за мной память и знания тысяч цивилизаций, я повелеваю энергиями, способными за мгновение выпить досуха целую звезду! И все же, я только начинаю свой поиск.

Потрясенная Лаэллин молчала, но тут, внезапно, вперед шагнул Норд.

– А знаешь, – сказал он негромко. – Мы тут недавно встретили народец смешных и добрых существ, что тысячи лет мчались в неведомые им дали, мечтая взглянуть на богиню. Богиню, создавшую все вокруг, – он обвел крылом пурпурную мглу, жгучий Фонтан вдали, темно– красные волны океана Тамас. – По словам тех существ, богиня сотворила Обитаемый Мир, мучаясь теми же мыслями, что сжигают сейчас тебя...

Аоки рассмеялась, зло, безжалостно.

– Тайга тоже не была первой. Кого ты хотел удивить! Миллионы, миллиарды разумных ощущают подобное на определенном этапе жизни, кто–то сдается, кто–то

начинает бороться. Но я, в отличие от них, намерена победить. Я не умею сдаваться.

Спроси травоядную подружку, подтвердит!

Удивленная Лаэллин покачала головой.

– Ты совершенно не изменилась...

– А должна? – жестко спросила Аоки.

– Мне кажется, иногда легче измениться самой, чем пытаться изменить мир.

– Вот поэтому ты и ходишь по берегу, бросая в воду задыхающихся рыбешек и успокаивая себя верой, будто для тех, кого ты спасаешь, в этом есть смысл! – в бешенстве рявкнула Аоки.

Лаэллин горько улыбнулась.

– Но ведь если, как ты, тысячелетиями пытаться осушить сам Океан, то погибнут даже те немногие, спасти которых ты могла бы успеть...

– Кого они волнуют! – презрительно отозвалась Аоки.

Лаэллин беспомощно развела крыльями.

– Меня.

– Вот и продолжай бродить по отмели, пока я сражаюсь за всех! – взбешенная Аоки рывком отвернулась и погрузилась обратно в диск. Лаэллин долго молчала.

– Я принимаю вашу поправку, – сказала она наконец, обратив взгляд на оставшихся Аяр. – Позаботьтесь, чтобы текущий носитель Аоки, моя подруга Мелеис, не пострадала.

– Твои шансы уцелеть в бою против Аоки равны абсолютному нулю, – заметил один из призраков. Норд вышел вперед и накрыл жемчужную дракону крылом.

– Она не будет сражаться одна.

– В таком случае, переговоры можно считать законченными, – произнес Аяр бесцветным голосом. – Мы ценим достойных противников и отдаем должное твоей решимости, Лаэллин. Процесс освобождения носителей уже начат. Наарен сейчас находится в распоряжении Аоки, она сама проведет пересадку матриц. Твое вмешательство не потребуется.

Лаэллин с трудом улыбнулась.

– Я буду ждать здесь. И все проверю лично.

– Ожидать иного от такого врага, как ты, было бы нелогично и оскорбительно.

Прощай. – Аяр, один за другим, стали погружаться в диск. Когда исчез последний, Лаэллин, потеряв силы стоять, рухнула на матовую черную плоскость.

– Вот и все... – прошептала она, дрожа как лист на ветру. – Мы победили.

Норд присел рядом с подругой и заботливо, с несвойственной ему прежде нежностью, обнял ее за плечи.

– Аоки... Она в самом деле так сильна?

Лаэллин с трудом кивнула:

– Улетай прямо сейчас, если попросить убежища на корабле– пирамиде, есть шанс, что Аоки не... – крылатая запнулась, встретив теплый взгляд карих человеческих глаз.

Ничего не сказав, дракон по имени Норд Уоррен улегся рядом с жемчужной драконицей и притянул ее крылом. Вдали, в полыхающем вечным пламенем небе, клубились тучи пурпурной мглы.

Конец

Эпилог

Конец осени – урожайная пора, и работы на ферме было невпроворот. С тех пор, как таинственный пожар уничтожил две плодородные рощи, дела у семейства Манзана шли туго. Хорошо, хоть внезапно из–за моря вернулась младшая дочь дона Винченцо, сильная и трудолюбивая Кавалла Агуардъенте по прозвищу Кави.

Она несказанно изменилась за годы на чужбине. Стала молчаливой и нелюдимой, обрела привычку прятать лицо за прядями нечесанных соломенных волос. Полюбила животных, и проводила на конюшне да в птичнике больше времени, чем с семьей...

На ферме знали, последнее время Кави работала в королевском замке Уайтрок на далекой Сантерре, девушка время от времени слала родне письма. Каким образом она вдруг вернулась, и что заставило бросить почетную должность, Кави не рассказывала.

Утро последнего дня ноября выдалось солнечным и на удивление теплым. Урожай был давно собран, теперь работники готовили рощи к зиме. Кави собиралась устроить объезд всей фермы по периметру и уже вывела из конюшни свою любимую кобылку, когда примчавшийся бледный мальчишка– слуга заставил ее передумать.

– Там... Там... ТАМ! – испуганный мальчик глотал воздух, будто выброшенная на берег рыбка.

– Что случилось? – с тревогой спросила Кави.

– Драконы! – выдохнул слуга. – Они... Они... Говорящие!

Побледнев, Кави бросила мальчишке поводья и побежала к главному двору. Там уже собралась целая толпа перепуганных людей, окружившая троицу огромных крылатых ящеров. На зверях отсутствовали сбруя или седло, да и сопровождавших воинов короля нигде не было видно.

– Пропустите, пропустите! – Кави растолкала народ. Ахнула: – Сир Уоррен! Вы живы?!

Могучий буро–зеленый дракон, на целую голову превосходивший ростом своих спутниц – алую и изумрудную драконессу – при виде девушки радостно встопорчил гребень и приспустил крылья:

– Нет, Кави, это я, – сказал он тихо.

У соломенноволосой екнуло сердце.

– Малахит? – спросила она, боясь поверить. Дракон молча кивнул. Дрожа от волнения, Кави медленно приблизилась и уложила руку на мощную бронированную грудь.

– Как это возможно? – прошептала она, чувствуя, что глаза наполняются слезами. – Ты же не умел говорить...

Дракон тепло улыбнулся:

– Я всегда умел любить.

– Малахит! – вскрикнув, Кави обняла могучего ящера за шею. Тот накрыл

девушку крылом, ласково облизнул ей слезы.

– Ну, ну... Теперь все хорошо. Не плачь.

Кави, всхлипывая, подняла взгляд

– Я думала, что потеряла тебя...

– Так не только ты думала, – отозвалась красивая изумрудная дракона совсем небольшого роста, сидевшая рядом с огромным буро– зеленым.

Кави, сглотнув, обратила к ней взгляд, но прежде, чем успела что–то сказать, заметила третьего крылатого гостя. Вид мощной, приземистой алой драконицы с гривой, заплетенной во множество косичек, заставил ее сжаться:

– Не бойся! – быстро сказал Малахит. – Сиракс тебя больше не обидит. Она... изменилась.

– Мы все изменились, – буркнула алая воительница.

Кави, сглотнув, перевела взгляд на своего бывшего питомца:

– Зачем вы здесь, Малахит? Что произошло?

Дракон смущенно почесал крыльвым когтем за рогом.

– Ну... Мы за тобой прилетели, если честно. Я сказал капитану – коли нужен человек для переговоров, лучше моей Кави не сыскать!

– Переговоров? – растерянная девушка моргнула.

– Да, тут... Такие дела... – Малахит бросил на зеленую драконицу затравленный взгляд. – Можно, она расскажет?

Изумрудная шагнула вперед:

– Кави, после всего, что случилось... Я новый капитан экспедиции, Вхагар подал в отставку. Мое имя Мелеис. Отныне мы более не будем враждовать с людьми и силой освобождать драконов; мы станем вести переговоры. Твой юный друг, Малахит, убедил всех, что ты – лучшая кандидатура на должность официального посла Крылатого Народа.

Соломенноволосяя девушка, широко раскрыв глаза, попятилась и чуть не упала, споткнувшись о хвост Малахита. Буро– зеленый поспешно ее поддержал.

– Я?.. Посол? – совершенно растерянная, Кави зажмурилась и с полминуты стояла бездвижно, часто и глубоко дыша. Малахит, видя, в каком она шоке, попытался слегка неуклюже помочь – обернув девушку крылом, подтащил к себе и облизал все

лицо. Кави невольно рассмеялась.

– Ох... – протирая глаза, она высвободилась из драконьих объятий и подошла к Мелеис.

– Разве не лучше бы справилась добрая Лаэллин? – тихо спросила девушка. Мелеис опустила голову.

– Она погибла, Кави.

– Нет!

– Мне очень жаль. Лаэллин и знакомый тебе человек по имени Норд Уоррен приняли геройскую смерть, спасая нашу экспедицию – и всю вашу планету – от беспощадного врага. Мы в бесконечном долгу перед ними.

Кави закусила губу.

– Сир Уоррен тоже...?

– Прости, – Мелеис развела крыльями. – Все мы, и я особенно, живы только благодаря им.

Девушка обернулась к Малахиту, тот грустно кивнул:

– На севере, где у побережья Янтарного моря высится отвесный утес, сейчас возводят памятник. Большущий... Знаешь, какой красивый! – дракон беспомощно улыбнулся. – Их не забудут, Кави.

Соломенноволосяя зажмурилась. Помолчала.

– Что должен делать посол? – спросила она после длительной паузы, уже другим тоном.

Краткий справочник

ТРООДОН \ СТЕНОНИХОЗАВР (Тари и Аоки)

Название переводится как «ранящий зуб». Зубы этого хищника похожи на маленькие обоюдоострые кинжалы, длинные острые когти трехпалых конечностей

были грозным оружием – ими рептилия наносила жертве страшные раны. Имеются подтвержденные палеонтологическими исследованиями сведения о том, что троодоны вели стайный образ жизни и обладали, пожалуй, наивысшим интеллектом среди всех динозавров. Прекрасное зрение, скорость и ловкость делали их весьма успешными охотниками: сообщая, они могли одержать верх даже над крупным травоядным животным.

Меловой период – 74– 70 млн. лет назад – США

Плотноядный – длина: 2 метра – высота: 1 метр – вес: 60 килограмм

Динозавр имел одно из наибольших соотношений размера головного мозга к размеру тела (как у шимпанзе), поэтому недаром считается одним из самых «умных» динозавров. Как и у людей, у них были ненормально развиты мозжечок и продолговатый мозг. Они могли понимать, размышлять, вырабатывать стратегию групповой охоты. Троодон был нелетающим хищным динозавром, относится к тероподам. Рептилия была не более 2 метров длиной, а вес его не превышал 60 килограммов, обладал маленькими острыми зубами. И передние, и задние ноги у него были трехпалые, причем передние намного короче. Передвигался троодон на задних ногах. Шея была короткой, но зато хвост — длинным и был равен длине всего тела. По мнению ученых, феноменальное развитие этих существ не случайно – их отменные физические данные явно превосходят способности человека.

Стереоскопические большие, слегка смещенные вперед глаза свидетельствуют, что это было ночное существо с превосходным восприятием глубины пространства, причем своевременно замечал то, что твориться спереди, по сторонам и даже сзади. У рептилии были длинные руки, которые он мог закладывать назад подобно крыльям птицы. Удивительно и строение когтей троодона: загнутые, подобно серпам, они могли втягиваться, двигаться вверх и вниз. Они могли, например, взять камешек и кинуть его. Ученые считают, что они использовали тактику групповой охоты, когда каждый участник действует четко и слаженно со всеми остальными. Спал троодон подобно птице – голова пряталась между предплечьем и корпусом. Во время сна хвост обворачивался вокруг всего тела, возможно, помогал «дракону» сохранить высокую температуру. Канадские профессора Д. Рассел и Р. Сеген (Оттава), тщательно изучавшие стенонихозавров, считают, что последние обладали потрясающими

способностями анализа окружающего мира, превосходящими возможности всех современных им видов животных и позволяющими им, несмотря на небольшой рост, стать доминантным видом мезозоя.

ДРАКОРЕКС (Мирри)

В начале XXI в. американские палеонтологи– любители обнаружили в штате Южная Дакота разрозненные останки динозавра (череп и несколько позвонков), которого назвали в честь школы чародейства и волшебства Хогвартса из романов о Гарри Потере. Останки *Dracorex hogwartsia* («дракон– король» Хогвартса) . Относится к пахицефалавринам.

Меловой период – 66– 60 млн. лет назад – США

Травоядный – длина: 4 метра – высота: 2,6 метра вес: 300 килограмм.

В романе описан гипотетический подвид «*Dracorex Maximus*», отличающийся гораздо большими размерами.

РАХОНАВИС (Врум)

Рахонавис очень близок к птицам. Название переводится как «угроза птице от облаков». Многие палеонтологи полагают, что эти животные могли не просто планировать с ветки на ветку, как это делали и делают некоторые рептилии и млекопитающие, но и по– настоящему летать, правда, неуклюже. Известен по единственному экземпляру скелета, обнаруженному около местечка Беривотра на Мадагаскаре. Первоначально эта то ли рептилия, то ли птица была названа *Rahona*, но вскоре выяснилось, что такое название уже носит одна из бабочек, и род был переименован.

Меловой период – 70– 83 млн. лет назад – Мадагаскар

Плотоядный – длина: 60 см – высота: 45 см – вес: 800 грамм

ЗАЙХАНИЯ (Хранитель Зайхан)

Название переводится с монгольского языка как «красивая». Тереза Марьянска описала род, исследовав череп (длина его 45 см) и разрозненные части скелета, обнаруженные в пустыне Гоби. Уникальная особенность этого анкилозавра заключается в том, что броня из костных пластин защищает не только спину и бока животного, но и его брюхо. В голове рептилии находилась сложная система воздухоносных путей, которая служила для охлаждения вдыхаемого воздуха. Это означает, что ящер жил в засушливых местностях, на краю пустынь, в полупустынях.

Меловой период – 80– 75 млн. лет назад – Монголия

Травоядный – длина: 7 метров – высота: 2,5 метра – вес: 2,5 тонны. В романе описан гипотетический подвид, отличающийся гораздо большими размерами.

ЛЕАЕЛЛИНАЗАУРА (Хранительница Лаэллин)

Леаеллиназаура – «ящерица Леаеллин» – названа супругами Рич, обнаружившими останки животного на юге Австралии, в честь их дочери. Исследовав череп, ученые выяснили, что доли мозга рептилии, отвечающие за зрение, были очень большими, также как и глазницы. Это говорит об остроте зрения животного, обитавшего вблизи Южного полюса и вынужденного приспособливаться к долгой полярной ночи. Исходя из места обитания, палеонтологи сделали вывод о том, что ящер, скорее всего, был теплокровным – иначе он бы не смог переносить нулевые температуры.

Меловой период – 120– 110 млн. лет назад – Австралия

Травоядный – длина: 2 метра – высота: 1,3 метра – вес: 12 килограмм

КРУСАФОНТИЯ (Ная)

Доисторическая белка

АРГЕНТАВИС (Ахав)

Аргентавис — самая большая известная науке летающая птица за всю историю Земли. Она жила 5—8 млн лет назад в Аргентине. Аргентавис весил около 60—80 кг, а размах его крыльев достигал 8 м. (Для сравнения, самым большим размахом крыльев среди существующих птиц обладает странствующий альбатрос — 3,25 м.) Череп аргентависа был длиной 45 см, а плечевая кость имела в длину более полуметра. Аргентавис был анатомически близок к древним аистам. По строению черепа тераторнитид делается вывод, что они не были падальщиками, а питались живой добычей, хотя и не очень крупной, которую проглатывали целиком. До аргентависа крупнейшими летающими птицами считались морские ложнозубые птицы *Pelagornithidae*, достигавшие в размахе крыльев 6 м.

В романе описан гипотетический подвид, живший в конце мелового периода и отличавшийся гораздо меньшими размерами.

ЮТАРАПТОР (Валерия, прочие юты)

Ютараптор (лат. *Utahraptor*; букв. «похититель из Юты») — род плотоядных ящеротазовых динозавров средних размеров (до 7 м в длину) из семейства

дромеозаврид, живших в раннем меловом периоде (около 130,0 — 125,0 миллионов лет назад) на территории нынешней Северной Америки. Останки обнаружены в штате Юта, (США), откуда и название. Ютарапторы охотились стаями по 5–8 особей и были хорошими стратегами и тактиками и имели развитый интеллект, что позволяло им охотиться на любых других динозавров. До открытия ютараптора считалось, что дромеозавриды были мелкими животными, достигавшими не более двух метров в длину. Однако ютараптор достигал целых 7 метров в длину.

Как и все дромеозавриды, ютараптор имел на втором пальце каждой из задних лап огромный серповидный коготь, который служил ему основным оружием.